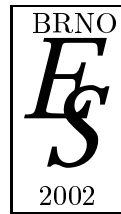




Sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference  
Etymologické symposion Brno 2002,  
pořádané etymologickým oddělením Ústavu pro jazyk český AV ČR  
v Brně ve dnech 10. - 12. září 2002



# STUDIA ETYMOLOGICA BRUNENSIA 2

Editorky:

Ilona JANYŠKOVÁ  
Helena KARLÍKOVÁ

Nakladatelství Lidové noviny  
Praha 2003

Sborník vznikl a byl vydán díky finanční podpoře Grantové agentury České republiky (grant č. 405/01/0109), společnosti Unistav Brno, a.s., a šlechtitelské stanice vinařské Vinselekt Ing. Miloše Michlovského, CSc.



© Ilona Janyšková, Helena Karlíková

ISBN 80-7106-654-0

# Obsah

Úvod .....	9
Eva Havlová .....	11
K publikovaným i nepublikovaným pracím Ant. Matzenauera	
Ant. Matzenauer .....	31
Beiträge zur Kunde der altpreußischen Sprache	
Pavla Valčáková .....	53
Matzenauerovy etymologie v Etymologickém slovníku jazyka staroslověnského	
Жанна Ж. Варбот .....	57
K типологии взаимодействия этимологических гнезд	
Ivan Duridanov .....	63
Ergebnisse und Perspektiven der bulgarischen Etymologie	
Виктор В. Мартынов .....	81
Этимология и скрытая двухкомпонентность слова	
Šimon Ondruš .....	93
Indoeurópsky Schwebeablaut a slovanská etymológia	
Александр Е. Аникин .....	101
Из работы над <i>Этимологическим словарем русских заимствований в языках Сибири</i>	
Heinz Schuster-Šewc .....	109
Zur Etymologie und Bezeichnungsgeschichte der slawischen Namen des Halses * <i>šiiā</i> , * <i>vǎrtǝ</i> , * <i>vȳiā</i>	
Любовь В. Куркина .....	115
К реконструкции этимологических связей слав. * <i>myliti</i> ( <i>se</i> ) ‘обманывать, вводить в заблуждение’	

Тодор Ат. Тодоров .....	127
Относно произхода на българските глаголи <i>отмалявам</i> (в св. в. <i>отмалѣя</i> ), <i>премалявам</i> (в св. в. <i>премалѣя</i> ) и на други форми	
Анатолий Ф. Журавлев .....	137
Востоочнославянские этимологии (1. Рус. <i>парень</i> . 2. Укр. <i>гарний</i> , белорус. <i>гарны</i> )	
Bogumił Ostrowski .....	153
Ze skarbca leksyki gwarowej O pochodzeniu i semantyce dwu osobliwych wyrazów	
Мария Рачева .....	163
Към проблематиката на семантичната имплицитност	
Ilona Janušková .....	179
K úloze tabu v etymologii	
Milada Homolková .....	191
O staročeském slovese <i>přemoci</i> (K integraci kalkových významů do lexikálně sémantických struktur)	
Helena Karlíková .....	201
Reflexe církevních slavismů charvátské redakce ve staré češtině	
Žofie Šarapatková .....	209
Poznámky k sémantice několika staroslověnských slov	
Georg Holzer .....	215
Zum Wortschatz des slavischen Substrats in Österreich I. Schichten und Areale	
Ralf-Peter Ritter .....	229
Zu einem vermeintlichen Lautwandel *o > á in einigen slavischen Lehnwörtern des Ungarischen	
Mihai Mitu .....	233
Wyrazy pochodzenia słowiańskiego w języku rumuńskim zawierające [r̥] i [l̥] w części rdzennej	
Václav Blažek .....	243
Slavic *ezero vs. *ozero	

Jiří Rejzek .....	259
Čtyři česko-slovenské lexikální izoglosy	
Aleksandar Loma .....	267
Zur frühslavischen Nominalkomposition und ihren indogermanischen Grundlagen	
Wojciech Sowa .....	279
Uwagi o słowiańskim prezens prymarnym	
Иван I. Лучыц-Федарэц .....	293
Да праблемы чэшскіх балтызмаў	
Eubor Králík .....	301
Zo slovenskej mytologickej lexiky: <i>Hariani</i>	
Елена Л. Березович .....	307
К специфике «культурной этимологии» (на материале русской лексики, означающей отказ при сватовстве)	
Галина Миронова .....	323
К вопросу о номинации головных уборов восточных славян	
Corinna Leschber .....	335
Ungeklärte Etymologien im Slavischen und ihre Zuordnung zu Bedeutungsfeldern	
Лиляна Димитрова-Тодорова .....	351
Названията на растението <i>Helianthus annuus</i> в българския език	
Stanislava Kloferová .....	365
Areálová lingvistika a sémantické tvoření slov	
Марта Бјелетић .....	377
Прилог проучавању с.-х. <i>којасити се</i>	
Христина Дейкова .....	391
Семантична мотивация и средства за номинация при славянските названия на птиците	
Mariola Jakubowicz .....	403
Motywacja semantyczna przymiotników określających kondycję fizyczną (silny : słaby; gruby : chudy) w językach słowiańskich	

Bohumil V y k y p ě l .....	417
Wo jednym delnjoserbskim słowotwornym archaizmje	
Małgorzata B r z o z o w s k a .....	423
Etymologia a konotacja semantyczna słowa w polszczyźnie literackiej (na wybranych przykładach)	
Sorin P a l i g a .....	433
Some Archaic Place-Names in Czech and Slovak	
Wojciech S m o c z y ń s k i .....	449
Hängen altpreußisch <i>singslo</i> und litauisch <i>dýžin</i> mit lat. <i>fingō</i> zusammen?	



## Úvod

Sborník obsahuje příspěvky přijaté pro mezinárodní vědeckou konferenci *Etymologické symposion Brno 2002*, která se konala ve dnech 10. – 12. září 2002 v Brně. Toto v pořadí již druhé setkání slavistů a indoeuropeistů z řady evropských zemí uspořádalo pod záštitou předsedkyně Akademie věd České republiky Heleny Illnerové a primátora města Brna Petra Duchoně brněnské etymologické oddělení Ústavu pro jazyk český AV ČR. Svou osobní účastí zdůraznili význam konference místopředsedkyně AV ČR Lydia Petráňová, dále Světlá Čmejková, pověřená vedením ÚJČ AV ČR, děkan Filozofické fakulty Masarykovy univerzity Jan Pavlík a předseda Českého komitétu slavistů a vedoucí Ústavu slavistiky FF MU Ivo Pospíšil. Na financování symposia se prostřednictvím grantového projektu *Vývoj praslovanské slovní zásoby od pozdněindoevropské fáze až po začátky formování jednotlivých slovanských jazyků*, jehož odpovědným řešitelem je Adolf Erhart, výrazně podílela Grantová agentura České republiky.

Konference byla uspořádána při příležitosti dvojího jubilea brněnského jazykovědce Ant. Matzenauera, který se narodil 11. září 1823 a zemřel 4. prosince 1893. Záměrem organizátorů symposia bylo oživit dílo tohoto etymologa, jenž je sice citován i v nejnovější etymologické literatuře, ale v širším kulturním povědomí je jeho jméno už téměř neznámé.

*Ilona Janyšková  
Helena Karlíková*



# K publikovaným i nepublikovaným pracím Ant. Matzenauera

*Eva Havlová*

Protože se blíží dvojí jubileum Ant. Matzenauera (brzy uplyne 180 let od jeho narození a 110 let od jeho smrti), rozhodli jsme se upozornit na našem sympoziu na práci tohoto neprávem už téměř zapomenutého jazykovědce.<sup>1</sup> Částečně si za to mohl sám: byl to typ kabinetního vědce, povahou byl velmi plachý a uzavřený, svou vědu pěstoval jen pro vlastní potěšení a přímo nenáviděl jakoukoliv publicitu.

Narodil se 11. září 1823 na Hané v Horní Moštěnici u Přerova. Po gymnaziálních studiích v Kroměříži a Olomouci vystudoval v letech 1842 až 1846 práva v Olomouci, Vídni a Lvovu, a po několika letech úřednické praxe složil v r. 1849 zkoušku soudcovskou. Ale tento rok byl pro něj zároveň rokem přelomovým. Rozhodl se tehdy opustit právnickou kariéru a plně se věnovat slovanské a baltské jazykovědě, což byl obor, k němuž se připravoval už během svých právnických studií. Už od r. 1849 vyučoval na Moravské akademii jako profesor české řeči a literatury, ale především jej živilo vyučování na německé vyšší reálce v Brně, kde byl několik let jeho kolegou i známý zakladatel genetiky Gregor J. Mendel. Ze zdravotních důvodů se Matzenauer po r. 1886 vzdal všeho vyučování a plně se věnoval své práci badatelské. Po vzniku České akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění v r. 1890 byl Matzenauer jmenován jejím mimořádným členem.<sup>2</sup>

I když vyučoval českou literaturu na Moravské akademii a vkládal do svých přednášek hodně jazykovědných pasáží slavistických, nezanechal žádné své pokračovatele či žáky. Nejbližším známým mu byl Frant. Vymazal (1841-1917), který u něj absolvoval čtyři léta studií v Moravské akademii a také kurs polštiny, na níž se Matzenauer projevil jako perfektní znalec tohoto jazyka i jeho literatury. Česká veřejnost si Vymazala možná vybaví jako autora řady jazykových učebnic „Snadno a rychle“, které zpracoval pro 28 jazyků, mezi nimi – a to asi pod vlivem studií u Matzenauera – též

---

<sup>1</sup> Etymologické slovníky české i zahraniční jeho výklady citují, ale současné české encyklopedické slovníky, např. *Malá československá encyklopedie* I-VI, Praha, Academia 1984-1987, nebo *Příruční slovník naučný* I-IV, Praha, Academia 1962-1967, jej už vůbec neuvádějí.

<sup>2</sup> O jeho životě a práci v. nekrolog J. Zubatého, *Almanach České akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění* 5 (1895), s. 112-117, převzatý v mírně zkrácené verzi F. Pastrnkem, *Ottův Slovník naučný* 16 (1900), s. 1002-1003.

*Staroslověnsky snadno a rychle* a *Litevsky snadno a rychle*. Byl též autorem řady gramatik slovanských jazyků (ruštiny, polštiny, srbštiny, bulharštiny) a překládal poezii slovanských národů. Zmiňují se o něm v souvislosti s Matzenauerem ze dvou důvodů.

Jednak proto, že jeho vzpomínky<sup>3</sup> nám ukazují, jaký byl Matzenauer jako člověk: byl velice hodný, ale uzavřený, a, jak už bylo řečeno, vyhýbal se jakékoliv publicitě. Na Vymazala se jednou rozhněval proto, že ten upozornil v Moravské orlici na Matzenauerovy přednášky a oznámil, kdy budou zahájeny. Rovněž ke konci svého života s Vymazalem nemluvil, protože vyšla kniha *Männer Mährens der Gegenwart*, kde byla zmínka i o něm, a on mylně podezříval Vymazala, že to byla jeho práce. Jinak vedl Matzenauer typický život starého mládence, který měl své stálé místo v kavárnách či restauracích. Vymazal se s ním naposledy viděl při snídani v kavárně Bellevue v neděli 3. prosince 1893 a od vrchního této kavárny se dověděl, že tam byl Matzenauer i odpoledne a že mu řekl: „Der Tod hat mich ereilt“. Druhého dne byl Matzenauer nalezen ve svém bytě mrtev.

Závažnější důvod, proč Vymazala uvádím, je ten, že díky jemu se dochovala Matzenauerova pozůstalost. Vzal ji po Matzenauerově smrti k sobě, a po Vymazalově smrti se dostalo sedm velkých krabic s Matzenauerovou celoživotní prací do Zemské a univerzitní knihovny, kde byly poprvé otevřeny až letos v létě. O této pozůstalosti bych chtěla – samozřejmě v návaznosti na jeho práce publikované – pojednat v tomto příspěvku.

Bylo už řečeno, že Matzenauer pracoval pro svou vnitřní potřebu bádát a nic ho nepohánělo k publikaci jeho prací. Takový impuls musel přijít vždy zvenku, především tím, že vyšla kniha, která ho přiměla k napsání kritiky, oprav či dodatků. Prvním takovým impulsem byla Miklošičova kniha o přejatých slovech ve slovanských jazycích z r. 1867.<sup>4</sup> Matzenauer hodlal zprvu napsat jen recenzi, ale ta byla tak obsáhlá, že k první části o 93 stranách, reagující na hesla Miklošičova, připojil druhou část svých vlastních dodatků, takže místo recenze vyšla kniha o 422 stranách.<sup>5</sup>

Miklošič tak byl upozorněn na Matzenauera, což se projevilo nejen tím, že později ve svých pracích<sup>6</sup> často přijal Matzenauerův výklad (což, mimochodem, mělo za následek, že se v některých pozdějších etymologických

---

<sup>3</sup> Mám na mysli jeho fejeton *Upomínky na prof. A. Matzenaura*, Moravská orlice 10. 12. 1893.

<sup>4</sup> F. Miklosich: *Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen*. Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Philos.-histor. Klasse 15, Wien 1867.

<sup>5</sup> Ant. Matzenauer: *Cizí slova ve slovanských řečech*. Brno 1870.

<sup>6</sup> F. Miklosich: *Die türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen*. 1.-2. Wien 1884. – F. Miklosich: *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*. Wien 1886.

slovnících Matzenauerův výklad cituje omylem jako Miklošičův<sup>7</sup>), ale také tím, že když byl vyzván ruským princem Petrem Georgijevičem k sestavení slovníku šesti slovanských jazyků, přizval si pro vypracování české části Matzenauera.<sup>8</sup> Dlužno říci, že jde o dílo ve své době už poněkud zastaralé. Jednak jde o slovník adelungovského typu, který měl ostatně v Rusku svou tradici, neboť první takový slovník – samozřejmě pro daleko větší počet jazyků – vznikl rovněž na carskou zakázku za Kateřiny Veliké<sup>9</sup>. Abecedně jsou slova řazena podle ruštiny, která, spolu s církevní slovanštinou, tvoří první sloupec každé levé strany, po němž následují v dalších sloupcích téže strany překlady v bulharštině, srbštině a češtině, a na pravé straně překlady v polštině, francouzštině a němčině. Vše bez sémantického rozlišení, bez příkladů i bez výkladů. Kromě typu slovníku je zastaralá i jeho slovní zásoba, což ovšem mohu z jiných slovanských jazyků posoudit jen pro ruštinu, bohužel ani Matzenauerova čeština v tom nezůstává pozadu.

Ale nechme posuzování díla, které nevzniklo z pracovních cílů ani Miklošičových ani Matzenauerových, ale k níž byli donuceni zakázkou, a vraťme se k Matzenauerovým *Cizím slovům ve slovanských řečech*. Tam v úvodu na s. 13 čteme: „Maje sebraný materiál ke porovnávacímu slovníku řečí slovanských, podám pak ve II. oddělení tohoto spisu ze zásoby své slova důležitější, o kterých soudím, že jsou původu cizího.“ Zde se Matzenauer poprvé zmiňuje o svém celoživotním díle *Lexicon comparativum linguarum slavicarum*, a z této zmínky můžeme usoudit, že k tomuto etymologickému slovníku slovanských jazyků měl v r. 1870 přinejmenším už sebraný materiál. Doplnil jej až do své smrti, nikdy jej v původní podobě nepublikoval, takže jej poznáváme vlastně až nyní z jeho pozůstalosti. Je psán latinsky. Materiál je alespoň stejně bohatý jako v Miklošičově etymologickém slovníku z r. 1886, spíše ještě bohatší, protože obsahuje i slovní spojení, kompozita, věcné výklady (např. u hesla *vlkσ* má velmi podrobný etnografický výklad k vlkodlakovi), někdy i sémantické paralely (např. u hesla *тѣсть* ‘prázdný’ upozorňuje u sln. *teštine*, charv. *taštine*, *taščine* ‘hypochondrie’ na lit. *tuštimai* tv.), případně upozornění na kalk (u sln. *volčaj* ‘střeň

---

<sup>7</sup> Např. r. *барс* ‘pardál’ vyložil z turkotat. jazyků už Matzenauer v *Listech filologických* 7 (1880) s. 6, ale M. Vasmer: *Russisches etymologisches Wörterbuch* I-III, Heidelberg 1953-1958, I 57 cituje tento výklad až z Miklošičových *Die türkischen Elemente* 2, 140.

<sup>8</sup> *Краткий словарь шести славянских языков (русского с церковнославянским, болгарского, сербского, чешского и польского) а также французский и немецкий по поручению его Императорского Высочества принца Петра Георгиевича Ольденбургского составленный под редакцією профессора Ф. Миклошича*. С.-Петербург – Москва, Вена 1885.

<sup>9</sup> *Linguarum totius orbis vocabularia comparativa Augustissima cura collecta*, hl. red. P. S. Pallas, S.-Peterburg 1786-1787.

vředu' a č. *vlk* 'vřed' odkazuje na lat. *lupa*, fr. *loupe* 'vřed pod kůží' a něm. *Wolfsgeschwulst*).

Od Miklošičova etymologického slovníku z r. 1886 se Matzenauerova hesla sympaticky liší i způsobem uspořádání slov v jednotlivých slovních rodinách. Zatímco Miklošič uvádí i velmi různě tvořená slova jednoho kořene shrnuta u každého slovanského jazyka zvláště (např. s.v. *slŭ-* jsou slova *sluti*, *slovo*, *slava* apod. uvedena pohromadě u každého jazyka), Matzenauer dělí heslo podle slovotvorných hledisek: nejprve výčet základního slova v jednotlivých slovanských jazycích (je pro něj charakteristické, že vždy uvádí samostatně charvátštinu a srbštinu, samozřejmě je samostatně uvádění slov českých a slovenských), potom jeho etymologický výklad, a potom jednotlivé typy derivátů, nakonec složeniny. U derivátů, doložených ve více jazycích, se někdy uvádí jejich společná praslovanská podoba. Ovšem je třeba upozornit, že pro Matzenauera to byla jen předpokládaná předhistorická podoba, nikde u něj nenajdeme slovo „praslovanský“ či „indoevropský“. Matzenauer se totiž striktně držel jen doložených jazyků. Proto je záhlaví u větších slovních rodin v podobě staroslověnské, u slov doložených jen v jednotlivých jazycích v podobě toho určitého jazyka.

Až v r. 1880 se Matzenauer rozhodl vybraná hesla tohoto slovníku přeložit do češtiny a po částech je publikovat v časopise *Listy filologické* pod názvem *Příspěvky ke slovanskému jazykozpytu*. Název *Příspěvky* vystihuje ten fakt, že si tu Matzenauer neklade za cíl podat úplný slovník, ale jen ta hesla, ke kterým měl co nového říci. Kromě slov domácího původu uvádí hojně i cizí slova, nepublikuje tu však to, co už bylo obsaženo v jeho *Cizích slovech*, a pokud ano, jen tehdy, změnil-li svůj výklad či chtěl-li dodat nějaké důležitější doplňky.

Ve 22 částech tak publikoval materiál z hesel od písmene *A* až po začátek *S*, celkem v rozsahu 714 stran: LF VII (1880) s. 1-48 (*abronka* – *dřeh*), s. 161-224 (*dristati* – *chramσ*), LF VIII (1881) s. 1-48 (*chrana* – *katarma*), s. 161-208 (*katař* – *kotoma*), LF IX (1882) s. 1-48 (*kotromanac* – *kyka*), s. 177-224 (*kynσ* – *lysσ*) (tyto části A-L vyšly i knižně pod stejným názvem v r. 1882), LF X (1883) s. 50-69 (*lytař* – *merěta*), s. 321-353 (*merlon* – *mσchσ*), LF XI (1884) s. 161-194 (*mσk-* – *noga*), s. 321-352 (*nok* – *opaklija*), LF XII (1885) s. 161-193 (*opálati* – 1. *pas-*), s. 321-354 (*pas-* – *platσ*), LF XIII (1886) s. 161-193 (*platσno* – \**prazdσ*), LF XIV (1887) s. 81-98 (*prazemσ* – *prach-*), s. 161-193 (2. *prσch-* – *prežati*), s. 401-417 (*preslo* – *pychati*), LF XV (1888) s. 161-180 (*pyj* – *popσ*), LF XVI (1889) s. 161-188 (*raba* – *riskσ*), LF XVII (1890) s. 161-200 (*ristati* – *rσtσ*), LF XVIII (1891) s. 241-270 (*rσzati* – *rožije*), LF XIX (1892) s. 241-256 (*sablja* – *siliti*), LF XX (1893) s. 1-24 (*silje* – *skrodlic*). U tohoto posledního příspěvku je v

obsahu ročníku redakční poznámka: „Pro úmrtí p. spisovatele nebude se již v těchto člancích pokračovati.“

Zmínila jsem se už, že neměl žáky, kteří by v jeho díle mohli pokračovat, a také z probírky rukopisného materiálu je jasné, že další souvislé části *Příspěvků* připraveny neměl. Měl jen, v. z přílohy např. heslo **vytš**, jednotlivá hesla z konce abecedy přeložená z latiny do češtiny, některá, např. z písmene *T*, ale i z jiných písmen konce abecedy, se zachovala jen v české podobě, takže snad můžeme vyslovit domněnku, že ta hesla, která jsou v pozůstalosti zachována jen česky, byly nové dodatky k původnímu latinsky psanému slovníku, vzniklé až v době, kdy už psal *Příspěvky*. Tedy to, co je v pozůstalosti latinsky, pochází snad z doby před rokem 1880.

Je známý Meilletův výrok, že etymologický slovník je hřbitovem mrtvě narozených dětí. Musíme uznat, že i v Matzenauerově slovníku je takových mrtvě narozených dětí dost. Hlavním důvodem je zřejmě to, že Matzenauer vyrostl na zásadách starogramatických<sup>10</sup>, a i když se v jeho starším věku už začala plně rozvíjet mladogramatická škola, pracoval dál ve svých vyježděných kolejích a tento nový jazykovědný směr šel už mimo něj. Na některých jeho heslech proto vidíme, že spojení dvou slov, i když výborně vyhovuje sémanticky, neobstojí, neopírá-li se o spolehlivé zpracování jeho hláskoslovného vývoje. To ale nemění nic na faktu, že v mnoha případech vyvodil (chceme-li k němu být z výše dalšího více než stoletého vývoje etymologie hodně kritičtí, řekněme „uhodl“) srovnáním zejména slovanských a baltských slov výklad, který je uznáván dodnes.

Ještě několik slov o nalezené pozůstalosti. Bohužel v ní není žádná korespondence, i když např. korespondence Matzenauerova s Miklošičem by pro nás byla jistě zajímavá. Obsahuje jen etymologické výklady a ty jsou v dosti bédném stavu. Naprosto přeházená nejsou jen jednotlivá písmena, ale i větší hesla, takže není výjimkou, že různé listy téhož hesla se nalézají v různých krabicích. I když to je asi zaviněno tím, co se s pozůstalostí dělo po jeho smrti, ukazují i sama hesla, že šlo o materiál, s nímž Matzenauer pracoval a ještě jej nepokládal za definitivní. To dokazují četné škrty, vpisky, místa vynechaná např. na doplnění významu slova aj.

Ale aspoň zčásti je definitivně přepsáno k tisku další Matzenauerovo dílo, jediné, které napsal německy, *Beiträge zur Kunde der altpreußischen Sprache*. I zde Matzenauer potřeboval vnější impuls k jeho vytvoření. Tím byla Nesselmannova kniha *Thesaurus linguae prussicae*<sup>11</sup>. Žádné Matzenauerovy rukopisy nejsou datovány, ale zde máme aspoň terminus a quo

---

<sup>10</sup> Sr. stejné hodnocení u Zubatého ve výše citovaném nekrologu a u Večerky (A. Erhart – R. Večerka: *Úvod do etymologie*, Praha 1981, s. 26).

<sup>11</sup> G. H. F. Nesselmann: *Thesaurus linguae prussicae. Der preußische Vocabellvorrath*. Berlin 1873.

– tím je rok 1873. Zatímco slovanský etymologický slovník tvoří jednotlivá hesla, zde nalézáme souvislý slovníkový text, z toho prvních sedmdesát archů (A-K) je očíslovaných, zbytek už ne, i když i tam je text psán souvisle a zřejmě dosáhl konce abecedy, jenže byl tak proházen a poztrácen do různých krabic pozůstalosti, že dá velikou práci jej uspořádat. Mám sice jeho xerokopii, nemohu ale zatím zaručit, že je text úplný. Srovnáme-li Matzenauerova hesla se současnými staropruskými etymologickými slovníky<sup>12</sup>, vidíme, že jeho objasnění velice často odpovídá výsledkům dnes uznávaným nebo aspoň v nedávné době uvedeným. Tak např. etymologie uvedená v jeho hesle **aboros** se shoduje s výkladem Endzelinovým z r. 1943<sup>13</sup>. Snad by si tedy z bohatého rukopisného odkazu Matzenauerova aspoň tato práce zasloužila publikování. V tomto sborníku uvádím v samostatném článku prvních dvacet rukopisných archů tohoto díla.

#### UKÁZKY Z NEVYDANÝCH HESEL SLOVANSKÉHO ETYMOLOGICKÉHO SLOVNÍKU

Materiály Matzenauerovy pozůstalosti, obsahující listy připravovaného slovníku *Lexicon comparativum linguarum slavicarum*, obsahují většinou hesla psaná v latině, některá v češtině, případně se někdy najde i latinsky psané heslo, zcela přesně přeložené do češtiny. Záhloví domácích slov má většinou staroslověnskou podobu, pokud slovo není v staroslověnině doloženo, podobu jiného, většinou nejstaršího jazyka, kde je doloženo. U hodně rozšířených slov se někdy jako záhlaví uvádí kořen v cyrilici i latince. Podobně jako v *Listech filologických*, nepoužívá kurzivy pro doklady (v LF ovšem citaci dokladů prokládá, což v psaném textu nejde), ani nijak neoznačuje významy slov (jen při přesných citacích ze slovníků, které většinou neuvádí, používá uvozovky).

Můj přepis zachovává přesně text<sup>14</sup>, ale nikoliv jeho označování: pro větší přehlednost textu dodávám psaní dokladů v kurzivě, význam slov dávám do ‘...’, uvozovky „...“ nechávám ve shodě s Matzenauerem jen pro citaci dokladů z pramenů. Zkratky jazyků nechávám tak, jak je má autor. Citaci pramenů, pokud je autor uvádí, dávám do petitu. Doklady psané cyrilicí přepisují do latinky.

---

<sup>12</sup> V. Mažiulis: *Prūsų kalbos etimologijos žodynas* I-IV, Vilnius 1988-1997. B.H. Топоров: *Прусский язык. Словарь*. Москва 1975-.

<sup>13</sup> J. Endzelīns: *Senprūšu valoda*. Rīga 1943, s. 135.

<sup>14</sup> Opravuji jen zjevná opomenutí, např. vynechání zkratky jazyka, sjednocuji zkratky a jen nepatrně sjednocuji i interpunkci při stavbě hesla. Vlastní upozornění k jeho textu dávám do šikmých závorek.



**skutъ** m. psl. 1) 'extrema vestis', – *rizy* Pent.-Mih., *prostъrъ* – *manъdi-ję* Men.-Mih., 2) 'fimbria', 3) 'amictus, ἀναβολή', bulg. *ckym* 'lacinia, sinus vestimenti', croat. *skut*, serb. *ckym* 'ora, limbus', *skuti* pl., slov. *skut* 'limbus, sinus vestis, syrma'; – rum. *ckymek* 'fascia, linum, panni'.

Radix vocum slav. videtur esse *skyt* – v. *skytati* – simili modo cohaerent psl. *studъ* 'pudor' cum *stydęti se* 'erubescere', *gubiti* 'perdere', *paguba* 'perniciēs, corruptio', boh. *zá-huba* id. cum *gyb-nęti* 'perire'.

Cognata sunt, ut videtur: got. *skaut-s* 'sinus, limbus', ags. *sceát* n. 'sinus vestis, gremium', *sceát* m. 1) 'pars, portio, angulus', *sæs sceát* 'sinus maris', 2) 'vestis, pallium, pellis', *scęte* (*scęte*) 'portio, angulus, vestis'; scand. *skúti* 'margo, limbus, ora prominens', *skaut* 'lacinia, sinus', suec. *sköte* 'sinus, gremium', batav. med. *scôt* 'gremium'; theod. *scôzo* m. 'lacinia, sinus', *scôza* 'gremium, plagula, genus vestis', mtheod. *schôz* n., *schôze* m. et f. 'angulus, lacinia, sinus, fimbria'; lit. *skutinos* pl. i.q. *rumbai* (Geitler 109) 'limbus (panni, vestimenti)'.

**tag**, radix: *tažiti*, *tažim* vb. dur. slov. 'consolari, placare', *tažiti*, *tažim* croat. 'mitigare, placare', *taženje* n. slov. 'consolatio, placatio', *taženje* croat. 'mitigatio, placatio'; *tažitelj*, *tažnik* (\**tažnikъ*) m. slov. 'consolator'; *tažiteljica*, *tažnica* f. slov. 'quae consolatur';

*po-tažiti*, *-žim* vb. pf. slov. 'consolari, mitigare, placare';

*u-tažiti*, *-žim* vb. pf. slov. 'consolari, placare', *u-tažiti*, *-žim* vb. pf. croat. 'placare', *u-tažitelj* m. 'qui placat', *u-tažtvo* (\**u-tažstvo*) n. croat. 'placatio'.

A cognatis radicibus descendunt, ut videtur:

lit. *pa-togùs* adj. 'comis, officiosus, honestus, bene moratus, idoneus, opportunus', *pa-toginti*, *-inu* vb. 'adparare, accomodare aliquid ad rem', rad. *tog*; lett. *pa-tāgs* adj. 'commodus'; sax. vet. *thag-ian*, scand. *theg-ja* 'tacere', suec. *tig-a*; theod. *dag-ēn*, mtheod. *dag-en*; got. *thahan*.

**trěmъ** psl. 'turris', *trěmъcъ* dem. 'turris, domus', *teremъci* (forma russ.) Per. 63.16, *trěmъcъ* m. dem. 'turris', *teremъcъ* Sof. 24.; bulg. *трѣм* Milad. 453.; slov. *trem* 'porticus', *trem odkriven* 'subdiale', *strem* 'protectum, Vordach'; serb. *mpujem* 'porticus', etiam *трѣм*, *mpum*; croat. *trěm* /sic/ id.; russ. *тѣремъ*, dem. *теремъокъ* 'moenianum, Erkerzimmer, Dachkammer, Belvedere', russ. vet. *теремъ* Per. 94.34. Chron. I 166.3. Bus. 381, mruss. *теремъ*; pol. *trzem* 'atrium' Psalt.-Małg., *strzem* semel ib. – serb. *подmpujемак* 'porticus', „*прпмвор олпту подmpujемак*“ Živ. 52. Magy. *terem* 'oecus, atrium' e slav.

Gr. τέρεμνον 'domus, cubiculum', eigentlich 'das Festbedeckte' (Rost), τέρεμνος 'firmus, densus'.

**тѣштѣ** adj. psl. ‘vacuus, inanis, vanus’ *ne javi se předs gospodьmъ tѣštъ* Sborn., *tѣštami nadeždami přelištaje se* Greg.-Naz., *moštъ ichъ tošta* (forma russica) *jestъ* Izv. 649., ‘nudus’, *vъ tѣšte* (pro *tѣšte*) διὰ κενῆς ‘in cassum’; *tѣštъ* pro *tѣskjѣ* e *tuskja*; slov. *tešč* et *teš* – č finali abjecto –, *tašč* Spang. ‘vacuus, jejunus’, *na tešče* ‘jejune’; croat. *tašč*, -a, -e et *tašt*, -a, -o adj. ‘vacuus, jejunus, vanus’, *na tašće: ja sam jošte na tašće* ‘jejunus sum’; serb. *maum*, -a, -o ‘vacuus, jejunus, inanis, vanus’; russ. *моуцѣиѹ* adj. ‘jejunus, macer, inanis, vanus’, – *желыдок* ‘jejunitas’, *муце* pro *моуце*, *во-муце* adv. ‘frustra’ pro *во-моуце*; mru. *моуцѣиѹ* ‘vacuus, jejunus’, *на муце* pro *на моуце*; pol. *tszczy*, *czczy* pro *tešcy* ‘vacuus, cavus, jejunus, inanis, vanus’, *na czczo* ‘jejune’; boh. *tešl* adj. formae indef., *tští*, *ští* pro *tešt-í*, forma defin. ‘vacuus, inanis’, *štie srdce* Boč. exc.

Cognatae sunt voces:

lit. *tùsztas* m. -szta f. adj. ‘vacuus, inanis’, saepius *tùszczas* e -sztyas id., *tùsztinti*, -inu vb. ‘vacuefacere’, *tuszt* pro *tuszk?* – lett. *tukš-s* m., -a f. ‘vacuus, inanis, jejunus’, ut videtur, transpositis literis pro *tusk-s*, -a; *tukša rōka* ‘paupertas’, proprie ‘vacua manus’; *tukša* f. ‘vacuum’, usitat. nonnisi loc. *tukšā*; *tukšīt*, -iju et *tukšōt*, -oju ‘vacuefacere’; scr. *tučcha-* (them.) adj. ‘inanis, vacuus’ pro *tuska-*; fortasse etiam lat. *tesqua*, n.pl. ‘loca deserta et difficilia’; zend. *tuš*: *taošajēiti* 3. sg. praes. act. ‘damnum adferre’.

Derivata:

*taščad*, *taštad* f. croat. ‘vanitas’;

*моуцѣакъ* russ. ‘jejunitas’, ut videtur, usitat. nonnisi *на-моуцѣакъ* ‘jejune (jejunus)’;

*tѣštati*: *моуцѣамъ* vb. dur. russ. ‘infirmum, invalidum fieri; macrescere’;

*tѣšteta* f. psl. ‘vanitas, damnum’, *za tѣštety* διὰ κενῆς ‘in vanum’ Vost. I. 273., bulg. *umema* ‘damnum, detrimentum’, pro *muemema*, slov. croat. *šteta*, serb. *umema* et *uħema* id., *муемѣ* russ. ‘vanitas’;

*tѣštetiti*, -štъ vb. dur. psl. ‘damno adficere’, *štetiti*, -tim slov. ‘nocere’, *štetiti*, -tim croat. 1) id. – *komu*, 2) ‘perdere, corrumpere’, *umemumu*, -mu. vb. dur. serb. ‘corrumpere’, – *ce* ‘corrumpi’;

*tѣštetije* n. psl. ‘damnum’;

*štetovati*, -tujem vb. dur. croat. ‘damnum facere, detrimentum capere’, *штетовати*, -тујем vb. dur. serb. 1) id. ‘штетовао сам на том (у трговина)’, 2) ‘damnum inferre’ ‘штетовали за Турци 100 гроша’;

*tѣštetъnъ* adj. psl. ‘vanus’; *šteten*, -tn-a, -o adj. slov., *štetan*, -tn-a, -o croat. ‘noxius, damnosus’; *штетан*, -тн-а, -о serb. 1) ‘damnum faciens’, 2) i.q. *килав* ‘herniosus’;

*муѣтныѹ* russ. ‘vanus, inanis, inutilis’; *штетник* m. serb. (*tѣštetъnikъ*) ‘damnificus’;

*təštetnovati*, -*nujə* vb. dur. slov. /sic; omyl místo psl./ ‘damno affici’, ut videtur;

\**təštetnostь*, f.: *ми́ѣтность* russ. ‘vanitas, inanitas’;

*təštetstvo* n. psl. ‘damnum’;

\**təština* f.: *taština*, *taščina* croat. 1) ‘vacuitas, inanitas, jejunitas, vanitas’, 2) *taštine*, *taščine* pl. ‘hypochondria’; *teštine* f. pl. slov. i.q. croat. 2); cf. lit. *tusztimas*, plerumque in pl. -*imai* ‘hypochondria’; *таштина* serb. 1) ‘vacuitas, inanitas’, 2) ‘jejunitas’, *на таштину* ‘jejune, jejunos’, etiam *на штину* id. primā syllabā abjectā;

*təštiti*, *təštə* vb. dur. psl. ‘evacuare’, *təštimo bogatstvo* Hom.-Mih.

*czczość* f. pol. ‘vacuum, vacuitas; inanitas, vanitas’ – pro \**teszczość*;

*tešnost* f. slov. ‘jejunitas’ – pro *teščnost* (\**təštnostь*).

#### Composita:

*təšte-glasije* n. psl. ‘sermo vanus’; *təšte-glašeniye* n. id.

*миѣ-дѣуиѣ* n. russ. et *миѣ-дѣуиѣ* ‘infirmitas, valetudo tenuis’; *миѣ-дѣуиѣнѣй* adj. ‘infirmus, tenui valetudine utens’;

*təšte-slaviye* n. psl. ‘vana gloria’; *миѣ-славіѣ* n. russ. 1) id., 2) ‘vanitas’;

*миѣ-славити-ся* (*чѣмѣ*) vb. dur. russ. ‘gloriari, jactare se’; *миѣ-славленіѣ* n. russ. ‘gloriatio, jactantia’;

*təšte-slavovati*, -*ujə* vb. dur. psl. ‘vanam gloriam appetere’;

*təšte-slavъnə* adj. psl. ‘vanae gloriae cupidus’; *миѣ-славѣнѣй* russ. ‘vanus, gloriosus’;

*миѣ-славіѣ* n. russ. ‘inania verba, garritus’;

*təšte-slovə* adj. psl. ‘vanae gloriae cupidus’;

*təšte-chvaljenije* n. psl. ‘vana gloria’;

*шмето-чинѣц*, gen. sg. -*чинѣц* m. (\**təšteto-čimьcь*) et -*чинѣ* m. serb. ‘damnum adferens, damnificus’; *шмето-чинѣц*, -*a*, -*o* adj. id.

*təštetъno-umъnə* adj. psl. ‘demens’;

*tšti-troba*, *čti-* et *šti-troba* f. boh. ‘inanis venter, jejunitas’ pro *tšti*, *tešti útroba* (\**tšta ōtroba* id.), *na tšti-*, *čti-* vel *šti-trobu* ‘jejune, jejunos’; *tšti-*, *čti-* vel *šti-trobný* adj. ‘jejunos’;

*is-təštiti*, -*štə* vb. pf. psl. ‘evacuare, consumere’, – *iměniye*, – *bogatstvo* Men.-Vuk. ‘exprimere, tabefacere, extenuare’; – *se* ‘evacuari, consumi, extenuari, tabescere’, *is-təštenije* n. ‘damnum’, proprie ‘evacuatio’; *is-təštati*, -*ajə* vb. dur. ‘evacuare’, *istəštajemə* part. praes. pass. *grobišta* (sepulcra) -*štajema* Hom.-Mih., *is-təštaniye* n. ‘evacuatio’, *is-təštavati*, -*vajə* vb. frequ. ‘evacuare’, *is-təštevatı*, -*štujə* vb. dur. id.; *iz-təštiti*, -*štım* vb. pf. croat. ‘extenuari, macrescere, evanescere’, pro *iz-təštěti*, *uc-таштими*, -*штим* vb. pf. serb. ‘famem concipere’, pro -*штјему*, -*шмету*; *uc-моуѣтъ* vb. pf. russ. ‘macrescere (prae fame)’, *uc-моуѣлъѣй* adj. ‘parvo victu, tenuatus’; *uc-моуѣтъ*, -*уѣ* vb. pf., *uc-моуѣтъ*, -*ѣю* vb. iter., *uc-моуѣватъ*, -*ѣю*

vb. dur. 'infirmare, debilitare, exinanire; prodigere', -*ся* 'infirmari, exinaniri, prodigi'; *uc-μουένυε* n. 'infirmatio, exinanitio';  
*uc-μουύμελνύύ* adj. russ. 'infirmans, debilitans, exinaniens';  
*na-tešč*, *na-teš* slov. 'jejune, jejunus';  
*na-šte-srdce* et *našte-srdca* croat. 'jejune, jejunus', pro *na tašto srdce*; serb. *наште срца* id.  
*na-штина* f. serb. 'jejunitas', pro *na-taština*;  
*ne-tašte-slavije* n. psl. 'vanae gloriae non esse cupidum'; *ne-tašte-slavinσ* 'vanae gloriae non cupidus';  
*ne-taštъ* adj. psl. 'non vacuus', *odrvъ – rizъ* Hom.-Mih.;  
*obσ-taštetiti*, -*štъ* vb. pf. psl. 'detrimento afficere';  
*o-teščati se*, *o-teščiti se* vb. pf. slov. 'jejunium solvere', ut videtur, pro *od-teščati se*, quod etiam invenitur; *o-μουάμъ*, vb. pf., *o-μουεεάμъ*, -*εάю* vb. dur. russ. 'infirmari, macrescere prae fame', *o-μουάлыű* adj. 'fame extenuatus, debilitatus', *o-μουάлость* f. 'macies, debilitatio per famem';  
*o-taštetiti*, -*štъ* vb. pf. psl. 'detrimento afficere', – *se* 'detrimentum capere';  
*o-taštetovati*, -*ujъ* vb. dur. psl. 'damno afficere';  
*o-taštetěti*, -*ějъ* vb. pf. psl. 'laedere'; expectares 'laedi', – *se* 'in damnum incidere';  
*o-taštetěvati*, -*vajъ* vb. dur. psl. 'perdere' (Lex. II.);  
*no-штетуму*, -*мум* vb. pf. serb. (\**po-taštetiti*) 'corrumpere, depravare', – *ce* 'corrumpi';  
*pre-teščati se* vb. pf. slov. 'jejunium solvere, jentare';  
*u-taštetije* n. psl. 'damnum, laesio', ut videtur, *poběždenije i vъtaštetije i skrъbъ* Belg. – cf. *taštetije* 'damnum'.

**večerъ** psl. 'vespera', *vσ* – 'sero'; bulg. *вечер* m.f., slov. *večer*, croat. *večer* m.f. id., *večera-s* 'hac vesperā', serb. *вече* gen. *вечера* n. et m. *Добар вече!* et *вечер* gen. -*пу* f. 'vespera', russ. *вечерσ*, dem. *вечерόκσ*, *вечерόчекσ* 'vespera', *вечеромσ*, *вечеркомσ* 'vesperā', mru. *вечір*, pol. *wieczor* i.q. psl., *wieczorem*, boh. *večer* (*večir*), lus. sup. *wječor*, lus. inf. *wjacor* 'vespera', drev. *vicor* Šaf.-Nár., *vicér* Schl.

Lit. *wákaras*; lett. *wakars* 'vespera'; cf. etiam lat. *vespera* id., *vesper*, gen. -*eris* et -*eri*; *vesperus* 1) id., 2) 'hesperus'; gr. *ἑσπέρα* 'vespera', gr. *ἑσπερος* 1) id., 2) 'hesperus, Abendstern'; hibern. vet. *fescor*, *fescar*, hodiern. *feascor*; gal. *feasgar*; corn. *gwesper*; armor. *gousper*; cambr. *ucher*.

Etymon incertum. Curtius I 566 putat, primariam formam esse *vaskaras*, scr. *vasatis* 'nox' et radicem *vas* 'tegere' comparans.

Psl. *včera* 'heri', bulg. *вчера*, slov. *včera*, *včeraј*, *včereј* et *jučer*, croat. serb. *juče*, *jučer*, *jučera* – *včera* in *učera* mutato et *j* praefixo –, russ. *вчера*, *вчерась* 'heri', mru. *учора*, pol. *wczoraј*, boh. *včera*, lus. sup. *wčera*, *wčora*, lus. inf. *cora*. Lit. *wákar*, lett. *wakar* id.

**ВЛЪКЪ** m. psl. 'lupus', *srubiny vlky jesti* Misc. – *vlkovomy* pl. dat. Chrys.-Lab., *vlk* Ostrom., bulg. *вълк*, slov. *volk* id., croat. *vuk* 1) id., 2) 'orudje bačvarsko, instrumentum viotorum, der Spanner der Faßbinder', 3) *vuk od puške* 'retinaculum pyritae, der Hahn am Gewehr', serb. *вук* 1) 'lupus', 2) i.q. croat. 3); mru. *волк* /vynchané místo pro význam/; russ. *волк* 'lupus', *волк морской* 'squalus carcharias', v. *canis marinus*, *Hundshai*; pol. *wilk* 1) 'lupus', 2) 'stolo, fungus, der Räuber am Lichte'; *wilk morski* i.q. russ.; *vlk* boh. 1) 'lupus', 2) 'stolo', 3) *vlk u svíce* 'fungus', 4) 'trochus, turbo', 5) 'intertrigo', 6) 'lappa', 7) „sideratio, vitium a calore nimio in plantis erumpens“, 8) 'herpes, ulcus exedens' Wn. 173., 'fistula'; *vlk, vlko-jed* 'cancer apertus, carcinoma'; 9) *vlk* symbolum aviditatis, crudelitatis; 10) techn. nomen instrumentorum; *vlk morský* 'squalus carcharias, canis marinus'; lus. sup. *wjelk* 'lupus; stolo; uredo, robigo; intertrigo'; *wjelka za uši dzeržec* 'in periculo versari'; lus. inf. *wélk* /vynchané místo pro význam/; drev. *vauk, vúk* (*wauck* M., *wuhk* S.), Schl. *vâuk, vuk*, dem. *vaucka, vúcka*, Schl. *vâucka, vúcka* (*wauzka* E.J.P., *wûtzka* P., *wutzka* Pf.D.) gen. sing. esse videtur.

Cognatae sunt voces:

lit. *vilkas*, boruss. *wilkis*, lett. *wilks* et *ulks* m. 'lupus'; scr. *vrkas* e *varkas* 'lupus', in dial. vêd. etiam 'aratrum, ut instrumentum terram proscindens, „dilacerans“; radix est *vark, vrk* (1. âtm.) 'sumere, persequi', fortasse etiam 'dilacerare', vêd. *vrkâtât* 'persecutio'; zend. *vehrka* m. et *vahrka* 'lupus' (them.), nom. *vehrkô, vehrkaš-ka*; pers. *gurk* pro \**wurk* id.; gr. *λύχο-ς* id. – ut videtur – e \**Fλύχο-ς*, quod per metathesin e \**Fύλοχο-ς* pro \**valko-s* ortum esse posset; alban. *ul'k* 'lupus'; got. *vulf-s* e *wulfas* 'lupus', mutatâ gutturali in labialem, ags. *vulf* 'lupus', *vylf*, -e f. et *vylpen*, -e 'lupa', *vylfen* adj. 'lupinus, lupi instar', theod. *wolf* et *wulf* alt. Bl. 1. 257., *wulpa* 'lupa', mtheod. *wolf* 'lupus', *wülpe, wulfinne, wülvinne, wülpinne* 'lupa'; scand. *ûlf-r, ûlf-s* 'lupus', suec. *ulf*, dan. *ulv* id. – *v* initiali objecto; respicias etiam scand. *ylgja* 'lupa', quod fortasse e \**wylkja* ortum est. Huc trahitur etiam lat. *lupu-s*, quod e \**vluco-s* ortum esse censetur (\**p* pro *k* sicut in *vesper, vesperus* m., *vespera* f., quibus cognata sunt: hibern. vet. *fescor, fescar* 'vespera', lit. *wákara-s* id. etc.).

#### Derivata

*vlakan* m. psl. nom. propr. viri;

*wjelkaty* adj. lus. sup.;

*wilkowaty* adj. pol. 'lupi instar', boh. *vlkovitý*, lus. sup. *wjelkowaty, wjelkojty* id.;

*vlkovati, vlkuji* boh., lus. sup. *wjelkować, wjelkuju* 'mit dem Wolfe (Maschine) die Wolle lockern';

*vlkovina* boh. (rec.) 'fovea quā lupos venantur', usit. *vlková*, *vlčí jáma*, *vlčí důl*, lus. sup. *wjelkowina*, *wjelkojna* id.; *волковья* f. russ. id.;  
*vlkový* adj. boh. 'lupi' *na tej jistej vlkovej kose* St.sk. 4. 257; *wjelkowy* lus. sup. 'lupinus';  
*вуковац*, *vukovac*, gen. -*vca* m. serb. croat. 'gladii genus optimum' (e \**vlškovьсь*);  
*vlkulja* slov. 'lupa';  
*вуцад*, *vučad* f. coll. serb. croat. (\**vlščadъ*) 'catuli lupini';  
*volčaj* m. slov. 'matrix puris', cf. boh. *vlk* 'herpes' et fr. *loupe* 'tumor (scirrhus) sub cute' e lat. *lupa* et ntheod. *Wolfseschwulst*;  
*волчанъ* russ. '(planta) lupinus';  
*wilczaty* adj. pol. 'lupo similis, colore lupino, rarus', *vlčatý* boh. 'lupo similis', *vlčatá barva* 'color lupinus', *sukno vlčaté* 'pannus colore lupino';  
*wilczaszek*, gen. -*szka* dem. pol. 'lupus parvulus';  
*волченокъ* m. russ. 'catulus lupinus';  
*вучетина*, *vučetina* serb. croat. 1) 'pellis lupina', 2) 'galerus e pelle lupinā';  
*vlčij* adj. psl. 'lupi', bulg. *вълчиѝ*, slov. *volčji* 'lupi, lupinus', serb. croat. *вуџи*, *vučji* id., *vučja koža* 'pellis lupina', russ. *вóлчій*, *вóлчеѝ* i.q. slov., *вóлчїя шуба* 'pellis lupina, vestis pellicea lupina', *вóлчїй корень* 'Aconitum lycocotnum', *вóлчыє лыко* 'Daphne mezereum', *вóлчыя ягоды* 'Atropa belladonna'; pol. *wilczy* adj. i.q. slov., - *bob* 'sparganium', - *glod* 'fames lupina', - *groch* 'medicago', *wilcze tyko* 'Daphne mezereum', *wilczy ogon* 'Salicaria', - *pieprz* 'paris', *wilcze prawo* 'jus, quod in viribus v. quod in armis est'; *vlčí* adj. boh. i.q. slov., - *hlad* i.q. pol., *vlčí měsíc* v. *vlčenec* 'mensis December' Wq. II 33., *vlčí mha* 'oculorum infirmitas', - *hrách* 'ervum' Com. jan., 'ervum tetraspermum', - *lýko* i.q. russ. et pol., - *mak* 'papaver rhoeas', - *mléko* 'tithymalus, euphorbia', - *mor* 'aconitum lycocotnum', - *noha* 'lycopus', - *oko* 'paris quadrifolia'; *vlčí právo* i.q. pol.; lus. sup. *wjelči* i.q. slov., *wjelče drjewo* i.q. *tyknovc* 'Daphne mezereum', *wjelče mloko* v. *mlóčeń* 'tithymalus, euphorbia', *wjelče woko* 'atropa belladonna', *wjelči mjesac* 'mensis December', *wjelči pazor* 'ungula lupi', *wjelče sylzy* 'lacrimae simulatae', *wjelča jama* 'fovea, quā lupos venantur';  
*vlčina* f. psl. 'caro vel pellis lupina', slov. *volčina* 'pellis lupina', croat. serb. *vučina*, *вучина* 1) 'id.', 2) augm. vocis *vuk*; pol. *wilczyzna*, boh. *vlčina* 'pellis lupina; odor lupi; mos lupinus', lus. sup. *wjelčina* 'pellis lupina, odor lupi'; *wielczyniec*, gen. -*ńca* pol., *vlčinec* boh. 'limpinus?' Ms. kn. lék., recte, ut videtur, lupinus;  
*волчйтъся* vb. dur. russ. 'parere, de lupā';  
*vučica* *вуџица* f. croat. serb. 'lupa' (\**vlšćica*), russ. *волчица*, pol. *wilczyca*, boh. *vlčice* id., lus. sup. *wjelčica* 1) id., 2) 'atropa belladonna';  
*volčič* m. slov., *vučič*, *вуџић* croat. serb. 'catulus lupinus';

*βολυύιυε* augm. russ. 'lupus immanis', pol. *wilczyisko*, boh. *vlčisko*, lus. sup. *wjelčisko* augm. 'lupus immanis';  
*βολυύρα* f. russ., *βολυύρα*, *βόλυρα* m. russ., *wilczura* pol., *vlčura* boh. 'pellis lupina, vestis pellicea lupina', suff. *-ura*, cf. boh. *měch-ura* 'placentae genus', slc. *měch-ura* 1) 'vesica', 2) 'panis similagineus'; ntheod. *Wildschur* e pol.; *vlšč* f. psl. 'τριβόλος, tribulus';  
*\*vlščyk*: *volček* m. slov. dem. 'lupus parvulus, catulus lupinus'; russ. *βολυέκτ* 1) dem., 2) 'trochus, turbo', 3) 'le hydromètre', 4) 'dessus de traîneau ou de charrette, der Kasten eines Schlittens oder Wagens (Karrens)', *βολυένοκτ* 'pullus lupi'; pol. *wilczek* dem., boh. *vlček* 1) dem., 2) 'lycisca (canis)', 3) 'stolo', 4) 'dens primus, dens lactarius', 5) 'tumor cysticus, tunicatus, capsulatus', 6) 'machinae genus, der Wolf in der Schneidebank der Wagner' /tento odstavec je doplněn z jiné verze hesla/;  
*βολυυήκτ* m. russ. (e *\*vlščynikτ*) 'Daphne mezereum';  
*vlščy* adv. psl. 'lupi more', *vlščy* *vyjušte* Op. 2.2.153., croat. serb. *vučke*, *vučky*, *вучке*, *вучку* id., boh. *vlcky* adv. id. – adj. *vlcký* 'lupi, lupinus';  
*vlščy* m. psl. 'tribulus', v. *vlšč*; bulg. *влшчеу* m. i.q. russ. *волшчеш* 1); croat. *vučac*, gen. *-čca* (Gund.) 'ensis'; serb. *вучиу* 'gangrena', russ. *волшеуш*, gen. *-шца* 1) m. 'cardui species', 2) 'miner. Wolfram', 3) 'stolo', 4) 'tumor cysticus', 5) 'machinae genus', boh. *vlčec*: „aby žádný vlčcem zajíců nepřivlačoval“ Zimmerm. Max. 341. – significatio dubia, fortasse: 'tribulus (instrumentum)';  
*\*vlščē*, gen. *-ēte*, n. psl. 'catulus lupinus', bulg. *влшче*, *влшченуе*, n. id., pol. *wilczę*, gen. *-ęcia*, n., dem. *wilczętko* id., boh. *vlče*, gen. *-ete*, dem. *vlčátko* 1) id., 2) 'stolo', lus. sup. *wjelčo*, gen. *-čeća* 'catulus lupinus'.

#### Composita

*vlško-vidně* adv. psl. 'lupi more';  
*βολυκο-δαστ* russ. 'canis molossus', boh. *vlkodav* id.;  
*vlško-dlakτ* psl. βουλυκόλακα, proprie 'homo lupi speciem habens' „*oblaky goneštej ot seljanь vlškodlaci naricajutъ se, (da) jegda ubo pogybnetъ luna ili slъnyce glagoljuty, vlškodlaci lunu izědoše ili slъnyce, si že vsa basni i lъža sutъ*“ Krmč. Mih. 159. – bulg. *влшко-лак*, *вршколак* 'vampyrus', hoc e ngr. βρουυολάκας, slov. *volko-dlak* Rib, *vuko-dlak* 'lurco' Meg., croat. *vuko-dlak* 'vampyrus', apud Verant. 'gigas', serb. *вυκο-δлак* 'vampyrus' i.q. *upirina*, v. Vucii lex., russ. dial. *волкы-лакτ* 'incantator, qui in lupum vel ursum se mutare potest'; pol. *wilko-lak* et *wilko-tek* (Mrong.) 'versipellis, homo in lupum versus', boh. *vlko-dlak* id. – M.V. *vilcodlac* i.e. *vlkodlak* 'faunus, pici filius, Saturni nepos', *vilkodlaci*, *vlcodlaci* i.e. *vlkodlaci* 'incubi'; *vlkodlak* 'ursus, gulo, hyaena' (Kollár et Rybay), slc. *vlkolak* 1) 'versipellis', 2) 'homo vorax', 3) 'homo avaritiā ardens', rum. *вршколак*, *вршколачү* 'lunae defectio'; mgr.

βουλόλαα Graeculis dicitur spectrum ex corpore defuncti et daemone compositum: praesertim vero pessimi hominis et facinorosi ... cadaver, quod defossum non dissolvitur atque in pulverem abit, sed – quasi ex firmissima pelle constaret – per omnes sui partes intumescit atque distenditur, ut vix flecti aliquā sui parte possit, sed cutis tanquam tympanum extensa, eundem ac tympanum, si pulsatur, sonum edit: quare etiam dicitur Corpus sit deformatum daemon ingreditur et miseris mortalibus infortunium parit. Saepe enim sub eo cadavere e sepulchro egressus, per urbem et per alia loca habitata circumiens, et noctu potissimum, ad quam sibi libuerit aedem, confertur, pulsatisque foribus, aliquem ex accolis voce sonora compellat. Si responderit, actum jam est de eo: altero enim die mortem obit. Si non responderit, salvus est. – βροχολάαα id. Fr. Richardus in Relat. de insula S. Irenes pag. 282. et 398.; lit. *wilk-akis* ‘homo lupi speciem habens, versipellis’ (*wilkas* ‘lupus’, *akis* ‘oculus’), lett. *wilk-acs* ‘versipellis’; *εγκο-δρῆααα*, *vuko-držica* f. serb. croat. ‘sentis genus’; *vlako-nravije* n. psl. ‘lupi mores’, *εοαα*- Alex., *vlako-nravon* adj. ‘lupi mores habens’; *vlako-samyslon* adj. psl. ‘lupi animum habens’; *vlako-chyštyn* adj. psl. ‘a lupo raptus’; *vlako-jadina* f. psl. ‘fera a lupo lacerata’; croat. *vuko-jedina* ‘morsus lupi’, serb. *εγκο-jedina* id.; boh. *vlko-jed* m. ‘ulcus phagadaenicum, depascens lupus, phagadaena’ IA. *mast’ na vlkojedy* Ms. bib. 239. C.v.b. *vlako-jadyn* adj. psl. ‘a lupo laceratus’; *vlko-jedý* adj. boh. ‘carcinomati similis’, – *vřed* ‘carcinodes’, *bolesti vlkojedé* Ms. bib. 239; *wilczo-mlekwiec*, *wilczo-mlecze* pol. ‘sphinx euphorbiae’.

**župa** f. pol. 1) ‘fodina, metallum, praesertim salis fodina, salinae’, 2) ‘horreum salis’, 3) ‘mercatura salaria’, 4) ‘taberna portorii’; *жyна* rus. obs. (Lex. II.) ‘salis fodina’?

*župarz* m. pol. obs. ‘zupparius praefectus salis fodinarum’;

*župny* adj. pol. ‘salinarum’;

*župnik* m. pol. 1) ‘praefectus salinarum’, 2) ‘gerens curam vendendi salis, salinator’.

Voces allatae cohaerent fortasse radice *žup* cum psl. *župište* n. ‘cumulus, sepulcrum’, *groba že i* – Op. 2. 2. 25., *mnogomužno* – Men.-Mih., *žjupište* Io.-Clim., etiam *župilište* n. ‘sepulcrum’, *žjup*- Io.-Dam. – Radix *žup*, *žjup* e \**gjup*; cf. gr. γύπη i.q. τρώγη (Hesych.) ‘caverna, specus’; compara etiam scand. *gup-n* ‘sinus, vola’, *gaup-n* f. ‘cava manus’, *gop-i* ‘cavitas’, *gýpa* ‘vorago’, radix *gup*; suec. *göp-en* ‘cava manus’; ags. *geáp-ung*, *-e* f. ‘cumulus’. /Viz dále i českou, úplnější verzi hesla **župište**./



**župa** f. psl. ‘χώρα, regio’ *poslíte někije vь župu ispitati o semь ἀποστείλατε τινας εἰς τήν χώραν* Greg.-thaumat. in Psalt.-Vuk. 74. – *žopa* pro *župa* Mon.-serb.; slov. *župa* ‘regio, pagus; paroecia’; „Gemeindecongress“ Lex. II.; croat. *župa* ‘paroecia, domestici, familia Luč., terra aprica’; olim ‘regio’; serb. *жупа* ‘terra aprica’ (Vuk), ‘paroecia’ ibid., ‘populus’ Aul., olim 1) ‘pagus, regio’; inveniuntur etiam nomina propria regionum, e.gr. *жупа Никшичка*; nota: „*Аште оубие властелинь себра оу градоу или оу жупн или оу κατοу-ноу, да плати тысоуштоу перьпер*“ Zakon. cara Stef. Dušan., edit. Šaf., p. 37, §81., 2) ‘incolae regionis quae župa dicitur’: „*Цара вьсакы да прати, коуде камо поуде, град вьсакы до жоупе, и жоупа до жоупе, и пакы жоупа до града*“ ibid. p. 45. §150. „*I gde se gradь oboritь ili kula, da ga naprave graždane togo grada, i župa, što jestь nředělь togo grada*“ ibid. p. 40. §109. – v. etiam §150. p. 45. – §185. p. 49. – §186. p. 49. – §64. p. 35. ibid.; pol. *żupa* ‘pagus, regio’ (obs.), boh. obs. *župa* ‘pagus, regio’ „*Celá země česká od nejstarších časův rozdělena byla na kraje, kteréž v politickém ohledu jmenováno župy, v ohledu pak soudním popravу*“ Pal.Děj.; lus. sup. *župa* obs. ‘pagus, regio’; mlat. „*zupa, zuppa, jupa, juppa* (i.e. *župa*) 1) dicitur apud Croatos et Dalmatas Regio aliqua habitata, vel eiusdem regionis homines congregati“ DC, 2) paroecia in Charta Cresimiri, regis Croatiae ann. 1071. apud Ioann. Lucium lib. 3. cap. 12. „*Volumus, . . . ut dicta Ecclesia habeat suas parochias, scilicet Iuppam, quae fuit sub Alpibus*“, 3) *centena* in Charta Suinimiri (recte Zvonimiri) regis ann. 1078. apud Lucium cap. 15. „*Iuppam eam, quam Centenam aiunt*“ – mlat. *centena*, pars Comitatus aut regionis: nam singuli Comitatus, pagi seu territoria et regiones dividebantur in Centenas, quibus praeerant minores iudices, sub Comitatus dispositione, qui a Centenā Centenarii appellabantur.“

#### Derivata

*županъ* psl. 1) ‘regionis praefectus’, *žjupanъ* Krmč.-saec. XIII., 2) ‘antistes’ *županъ купьцьскъ* ‘qui super forum est constitutus’ Leont. Men.-Mih. 195. – *velikъ Sabb. 3. 38. 142.*, – *malъ Sabb. 142.*; slov. *župan* ‘praefectus regionis, magister pagi’, – *občinski* ‘magister vici’, croat. *župan* ‘praefectus regionis’, – *župan vrhovni ili veliki* ‘praefectus provinciae’, ital. *conte supremo*, mlat. *magnus Iupanus*, mgr. μέγας ζουπάνος, ἀρχιζουπάνος; serb. obs. *жупан* ‘praefectus regionis vel provinciae’; pol. obs. *żupan* ‘princeps pagi, princeps, qui iura per pagos reddit’, boh. obs. *župan* ‘princeps pagi, regionis praepositus’; ‘vir nobilis’ „*Sopanus quidam nobilis et potens Bohemus*“ Gloss.jur.Hank. 334. „*Praesentibus Supanis et pluribus nobilibus terrae*“; lus. sup. \**župan* ‘regionis praefectus’. – rum. *жупан* = *župîn*, mgr. ζουπάνος „*Iupanus, praefectus provinciae vel civitatis*“ DC., mlat. *iupanus, zupanus* ‘regionis praepositus’ DC., mtheod. *sûpân, sôpân* ‘vir nobilis, princeps’ Ben., ‘adelicher Herr, Fürst’ „*manegen stolzen sûpân brengen sie ze strîte*“

Heinz. 520. „mit grâven di *sôpâne*, dînsherren unde frîen“ Elisabeth. 348. *sûpanie* ‘praefectura’ – e slav., unde etiam magy. *ispan*.

*županovъ* adj. poss. psl. ‘župani’, boh. *županův* id.

*županica* f. ‘župani uxor’ Lex. II; slov. *županja* id. Lex. II; rum. *жупаньса* ‘uxor oppidani, opificis; generosa ac nobilis’; e slav. lit. *župóné* ‘mulier’, boruss. *supûni* ‘mater familias’, *supana* ‘sponsa, uxor destinata’ Grun., s pro ž aut z;

*županija* slov. ‘commune, pagus, civitas’, croat. *županija* ‘regio, provincia’, ital. ‘comitato’, serb. *жупанија* (Slavon.) ‘paroecia’, mgr. *ζουπανία* ‘districtus zupani’ DC., mlat. *Zupania*: „Croatia et aliae Slavorum provinciae in Zupanis distinguntur“ DC.

*županijski* slov. ‘pagi, pagorum, civitatis’; *županski* slov. ‘praefecti regionis, praepositi civitatis’, croat. *županski* ‘praefecti regionis’, boh. *županský* id.

*županstvo* slov. croat. boh. ‘dignitas župani’;

\**župarz* pol. ‘praefectus juri dicundo’, mlat. *zuparius*, „nullo iudice nulloque officiali sive Zupario exigente“ Lit.Wlad.D.Opol. 1258.

*župljaninъ* m. psl. ‘župae incola’, serb. croat. *жупљанин*, *župljanin* id., ‘čovjek iz župe’ Vuk. *жупан*, *-пн-а*, *-о* adj. serb. ‘apricus’ (e \**žurъnъ*), croat. *župan*, *-пн-а*, *-о* id., *župna zemlja*;

*župnik* m. slov. croat. (e \**žurъnikъ*) ‘parochus’, *жупник* serb. id.

*župnica* f. slov. ‘pratium silvae adjacens’ (e \**žurъnica*);

*župnički* adj. croat. ‘parochi, paroeciae’, serb. *жупнички* id.

*župъskъ* adj. psl. ‘regionis’, *-skъj kefalija* Zak.<sup>15</sup>.

**ВЫТЬ** f. strus. ‘podíl, rata, pars, zvlášť podíl pozemnosti, určitý výměr pozemkův’, „участок земли“; *въйтчик* ‘majetník takového podílu’; *по-въитокъ*, g. sg. *-тка* m. ‘věc nebo část nějaké věci, která se někomu losem dostane, res vel pars rei, quae alicui sorte evenit’, *по-въитный* adj. ‘na části rozdělený, divisus’; *по-въитно* ‘po částech’; *по-въитие*, *-тъе* n. ‘pisárna, kancelář’, „le bureau d’ une chancellerie“, *по-въитчик* ‘písař, kancelářský, který, jak se podobá, řečený podíl dostával’; kořen *vyt-* z *ut-*.

<sup>15</sup> Seznam latinských zkratk jazyků: *ags.* – anglosaský, *armor.* – bretoňský, *bataw.* – středonizozemský, *boh.* – český, *boruss.* – staropruský, *bulg.* – bulharský, *cambr.* – kymerský, velšský, *corn.* – kornský, kornwallský, *croat.* – chorvatský, *dan.* – dánský, *drev.* – polabský, *fr.* – francouzský, *gal.* – gaelský, *got.* – gótský, *gr.* – řecký, *hibern. vet.* – staroirský, *hibern. hodiern.* – novoírský, *lat.* – latinský, *lett.* – lotyšský, *lit.* – litevský, *lus. inf.* – dolnolužický, *lus. sup.* – hornolužický, *mgr.* – středověký, *mruss.* – ukrajinský, *mtheod.* – středohornoněmecký, *ngr.* – novořecký, *ntheod.* – (novo)německý, *pers.* – perský, *pol.* – polský, *psl.* – staroslověnský, *rum.* – rumunský, *russ.* – ruský, *russ. vet.* – staroruský, *sax. vet.* – starosaský, *scand.* – severský, nordický, *scr.* – sanskrtský, staroindický, *serb.* – srbský, *slav.* – slovanský, *slc.* – slovenský, *slov.* – slovinský, *suec.* – švédský, *theod.* – starohornoněmecký, *vêd.* – védský, *zend.* – avestský.

Ode srodných kořenův pocházejí, jak se domnívati lze, skand. *audh-r*, *audh-s* m. ‘majetek, bohatství, possessio, divitiae’, *audh-igr* adj. ‘majetný, bohatý, opulentus, dives’, *audh-na* f. ‘los, štěstí, výhoda, užitek, sors, fortuna, emolumentum’, stsas. *ôd*, ags. *eád* n. ‘majetek, statek, bohatství, possessio, bona, divitiae’, stněm. *ôt* ve složen. *ôt-mahali* n. ‘poklad, bohatství’; got. by bylo *\*aud-s* m. nebo *aud* n. ‘majetek, statek’, odtud *auda-hafts* adj. ‘fortunatus, felix’, *aud-ags* ‘blažený, beatus’. Srodným zdá se také býti: skr. *ūti-s* ‘pomoc, podpora, potrava, auxilium, subsidium, alimentum’, z *av-a-ti-s* od kořene *av* (*avati* 3. sg. praes. act.) ‘chovati, zachovati, potravu poskytnouti, nasytiti, pomáhati’; sem patří také lat. *utor*, *ūtī* vb. prvotně asi ‘opatřiti sobě pomoc’, pak ‘užívatí, užítí, upotřebiti’. /Je to přesný překlad lat. verze hesla, rovněž doložené./

**žeremię** n. pol. „miejsce, w którym bobry jedno i oddzielne mają towarzystwo“ ‘stanoviště bobrův (ve vodě)’; to slovo pochází z rus. dial. *\*жеремя* n., tvar stsl. byl by *\*žrēmę* ze *\*žer-men-*, *\*ger-men-* i jest, jak se zdá, ve spojitosti s rus. *журби* ‘zaplavené břehy řeky’, „les rivages inondés (d’une rivière)“, *журоватъ* ‘plovati z řeky do takových míst zaplavených (o rybách)’, „nager dans les endroits inondés (du poisson)“, *журовая рыба* ‘ryba chycená v takových zaplavených místech’. Srov. stněm. *gêvo*, *kêvo*, stněm. *gêve* ‘lingua maris’.

**župište** n. stsl. ‘sepulcrum, cumulus’, *grobs že i* – Op. 2.2.25, *mnogomužbno* – Men.-Mih., *župište* Is.-Clim., také *župilište* ‘sepulcrum’, *žjup-* Is.-Dam.;

slabika kořená *žup*, *žjup* z *gjup*; stejno kořenými mohou býti rus. *жупа* (obs.), pol. *żupa* ‘salis fodina’, pol. také ‘báně, hornický závod, rudník, sklad soli (kamenné), sklad rud’; slova uvedená mohla by kořenem býti ve spojitosti se skr. *gup* (1. par. âtm. et 10. par.) ‘custodire, tueri, servare, abscondere’, *gup-ti* f. 1. ‘occultatio, actio celandi’, 2. ‘carcer’; dle toho by tedy *župište* etymologicky značilo místo ke pochování mrtvých těl určené. Srov. také řec. γύπη = τράγλη (Hes.) ‘jeskyně’, pak skand. *gup-n* ‘sinus, vola’, *gaup-n* f. ‘cava manus’, *gop-i* ‘cavitas’, *gýpa* ‘vorago, prohlubeň, propast’ – všechna tato slova skand. značí něco vyhloubeného, suec. *göp-en* ‘cava manus’, ags. *geáp-ung*, *-e* f. ‘cumulus’.

## Über die veröffentlichten und unveröffentlichten Arbeiten von A. Matzenauer

Der Brünner Etymologe Anton Matzenauer (1823-1893) ist, wie jetzt aus seinem Nachlass zu ersehen ist, eigentlich Autor des ersten ausführlichen

slavischen etymologischen Wörterbuches vor Miklosich, der sein Wörterbuch erst im Jahre 1886 herausgegeben hat. Matzenauer erwähnt im Jahre 1870 in der Einleitung zu seinem Buch *Cizí slova ve slovanských řečech*, dass er Miklosich's Material (aus dessen Buch *Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen*, Wien 1867) mit dem Material aus seinem eigenen vergleichenden Wörterbuch der slavischen Sprachen, zu dem er das Material bereits gesammelt hatte, ergänzt hat. Dieses Wörterbuch hat er in seiner ursprünglichen lateinischen Version *Lexicon comparativum linguarum slavicarum* nie publiziert, sodass wir es erst jetzt aus seinem Nachlass erkennen können. Aber seit dem Jahre 1880 publizierte er ausgewählte Artikel davon, in die tschechische Sprache übersetzt, in der Zeitschrift *Listy filologické (Příspěvky ke slovanskému jazykozpytu)*, *Listy filologické* 7 (1880) – 20 (1893), insgesamt 714 Seiten).

Mein Beitrag enthält auch einige bisher unveröffentlichten Artikel aus diesem Werke, sowohl in der lateinischen, als auch in der tschechischen Version.

Matzenauer befasste sich nicht nur mit der Slavistik, er war auch ein guter Kenner des Baltischen. In seinem (auch unveröffentlichten) Werke *Beiträge zur Kunde der altpreussischen Sprache* hat er einen Versuch des wohl ersten etymologischen Wörterbuches des Altpreussischen hinterlassen. Das Vorwort und die ersten Buchstaben (A-B) seines Wörterbuches sind in diesem Band als ein selbständiger Artikel veröffentlicht.

*Etymologické oddělení, Ústav pro jazyk český AV ČR*  
*Veveří 97, 602 00 Brno, Česká republika*  
havlova@iach.cz





# Beiträge zur Kunde der altpreußischen Sprache

*Ant. Matzenauer*<sup>1</sup>

Durch die verdienstvolle der Förderung der Sprachwissenschaft gewidmete Thätigkeit gelehrter Männer, unter welchen sich Sprachforscher ersten Ranges befinden, sind auf dem Gebiete der altpreußischen Sprachforschung sehr erfreuliche Resultate erzielt worden, so dass derjenige, der es unternimmt, auf diesem Felde – nachdem Andere auf demselben eine so reichliche Ernte gehalten – nochmalige Untersuchungen anzustellen, sich mit dem kargen Ertrage einer verspäteten Nachlese begnügen muss.

Die vorhandenen altpreuss. Sprachreste sind, mit Erklärungen versehen, in Nesselmann's „Thesaurus linguae prussicae“ abgedruckt. Durch die Veröffentlichung dieses Werkes hat der Herr Herausgeber seinen großen Verdiensten um die litauisch-preußische Sprachkunde ein neues, bleibendes hinzugefügt, nur wäre es hinsichtlich der Anordnung des Stoffes vielleicht zweckmäßiger gewesen, wenn er das in den preuß. Katechismen, in Grunau's Wörterverzeichnis und im Vocabular enthaltene Material, von den Provincialismen, aus welchen er altpreuß. Wörter erschließen zu können glaubt, wie auch von den Personen- und Localnamen, die er für preußisch hält, getrennt und die letztern in einer eigenen Abtheilung behandelt hätte; dadurch wäre die Vermischung des eigentlichen preuß. Wortvorrates mit fremdem vermieden worden, auch hätte dadurch die Übersichtlichkeit in wünschenswerter Weise gewonnen. Hinsichtlich des Materials, welches das preuß. Vocabular liefert, ist in Bezug auf die Richtigstellung zweifelhafter oder entschieden unrichtiger Wortformen und die Aufhellung etymologisch dunkler Partien – im Thesaurus – gegen die I. Ausgabe des „Vocabulars“ – ein erfreulicher Fortschritt wahrzunehmen. Da sich aber auch jetzt noch einzelne Artikel des Vocabulars bei genauer Untersuchung als zweifelhaft oder entschieden unrichtig herausstellen und da auch hinsichtlich des gesammten altpreuß. Wortvorrates noch Manches etymologisch dunkel ist; so habe ich

---

<sup>1</sup>**Ediční poznámka:** K tomuto etymologickému slovníku staré pruštiny, jehož zpracování můžeme klást do doby po r. 1873, viz též v tomto sborníku článek *K publikovaným a nepublikovaným pracím Ant. Matzenauera*. Pokud jde o zásahy do Matzenauerova textu, netýkají se obsahu hesel, slouží jen k jeho větší přehlednosti: citované tvary se uvádějí v kurzivě, citované prameny většinou v petitu. Významy slov se uvádějí v ' ... ', kromě záhlaví hesel, kde jsou významy staropruských slov z Elbingského vokabuláře či jiných památek uváděny ve staré německé podobě pramene. Pravopis německých, litevských a jiných slov ponechávám v tehdejší podobě. Vlastní (jen nejnútnejší) doplňky či poznámky uvádím v šikmých závorkách. Cyrilici, v které Matzenauer psal nejen staroslověnská, ale někdy i praslovanská slova, nahrazuji latinkou. *E. Havlová*

es mir zur Aufgabe gemacht, in dieser Abhandlung zur Richtigstellung des Zweifelhafte oder entschieden Unrichtigen und zur Aufklärung des etymologisch Dunklen, wo möglich, beizutragen. Zu diesem Behufe sei es mir gestattet, in Bezug auf einige mir verdächtig scheinende Wörter des „Vocabulars“ – auf Grund der durch die Vergleichung mit dem Lit.-Slaw. oder mit andern verwandten Sprachen gewonnenen Resultate – eine von der im „Thesaurus“ vorkommenden abweichende Lesart vorzuschlagen. – Wo sich Anknüpfungspunkte zu Vergleichungen des Preuß. mit dem Lit.-Slaw. oder mit andern verwandten Sprachen darbieten, wurden solche Vergleichungen nicht unterlassen, insofern sie nicht schon im Thesaurus zu finden sind, und insofern nicht wesentliche Zusätze zu den darin enthaltenen Anführungen notwendig erschienen.

Es wird vielleicht auffallen, dass sich auch jetzt noch – ungeachtet der sorgfältigen Untersuchungen und scharfsinnigen Combinationen gelehrter Forscher – in dem Material, welches das altpreuß. Vocabular oder der sogenannte „Elbinger Codex“ liefert, manches Zweifelhafte oder entschieden Unrichtige vorfindet; man wird es aber erklärlich finden, wenn man den Umstand in Betracht zieht, dass die von Holtzwäscher herrührende Handschrift, die zur Veröffentlichung des „Vocabulars“ benützt wurde, nach Nesselmann's sehr wahrscheinlicher Behauptung (Forsch. I. 320. – Beitr. VII. S. 176) Copie eines ältern Vocabulars ist, und dass Holtzwäscher – wie man auf Grund sonst unbegreiflicher Fehler, denen man in seiner Handschrift begegnet, mit Recht annehmen kann – des Altpreußischen unkundig war; wenn man ferner erwägt, dass, nach Pauli's Ansicht (Beitr. VI. S. 411. und Beitr. VII. S. 176), die bei genauer Untersuchung und sachgemäßer Beurteilung der Eigenthümlichkeiten des Elbinger Codex sich als richtig herausstellt, der Schreiber des ältern Vocabulars die preuß. Wörter nach Dictat schrieb und – da seine Kenntniss des Altpreußischen ebenfalls nicht sehr groß war – manches von dem Dictierten unrichtig hörte und in Folge dessen schlecht niederschrieb. – Diese Umstände sind bei Beurteilung der Beschaffenheit und des Wertes der Holtzwäscher'schen Abschrift und des ihr zu Grunde liegenden Originals von großer Wichtigkeit. – Die zahlreichen Fehler, welche in der dem gedruckten Vocabular zu Grunde gelegten Handschrift zu finden sind, beruhen daher theils auf unrichtiger Auffassung und Niederschreibung des Dictierten von Seite des I. Schreibers (derartige Fehler sind: die Verwechslung des *e* und *i*, des *o* und *u*, des *g* und *k*, des *d* und *t*, das Fehlen des anlautenden Consonanten bei einigen Wörtern, die häufig vorkommende Verstümmelung der Endung u.a.), theils darauf, dass Holtzw. gar Manches, das im Original zwar richtig, aber undeutlich, geschrieben war, in Folge seiner Unkenntniss des Altpreußischen falsch las und fehlerhaft abschrieb. Nur durch die Berücksichtigung dieses Umstandes wird es



erklärlich, wie es kam, dass – um nur einen einzigen Fall hervorzuheben – für die ‘süße Milch’ sich im Vocabular die Benennung *Poadamynan* vorfindet, während der Name, wie sich das aus der Vergleichung mit dem Lit. herausstellt, *Saudumynan* st. *saldumynan* lauten soll.

Der Behauptung Nesselmann’s (Forsch. I. 390. – Beitr. VII. 156), dass das ältere Vocabular, das Holtzw. zu seiner Copie benützt hat, nicht, wie diese Copie, mit großen, sondern mit kleinen Anfangsbuchstaben geschrieben war, kann ich jedoch nicht beipflichten; ich bin vielmehr überzeugt, dass auch in der älteren Handschrift die preuß. Wörter mit großen Anfangsbuchstaben geschrieben waren; denn nur aus diesem Umstande lässt sich die Verwechslung von *B* und *K*, *B* und *R*, *G* und *S*, *K* und *R*, *P* und *S* im Anlaute erklären; bei kleinen Anfangsbuchstaben hätte sich selbst ein der Sprache unkundiger Abschreiber derartige Verwechslungen nicht zu Schulden kommen lassen.

Wenn in der dem gedruckten Vocabular zu Grunde liegenden Handschrift öfters im Anlaute (manchmal auch im Inlaute) *T* statt des erwarteten *K* steht, so kann das auch eine Eigenthümlichkeit des pomesanischen Dialekts sein; liefert ja selbst das Lit. Beweise für das Vorkommen von anlautendem *T* statt *K*, was nach den vorhandenen Sprachquellen freilich nur eine ziemlich seltene Erscheinung und dialektische Eigenheit ist; so z.B. *trusza* ‘Hagel’ Bezz. statt *krusza*, *trauszis* ‘Birne’ (um Memel) Ness.-Wb. statt *krauszis*, nach Kurschat *kriauszis*. Auch das Vorkommen von *L* statt *J* im Anlaute einiger Wörter des Voc. – wie *Lagno* ‘Leber’ st. *jakna* f., lit. *jeknos* pl. f. (bei Bezz. *jekanas*), *Lonix* ‘Stier’ st. *joniks* od. richtiger *juniks*; *Luriay* ‘Meer’ st. *Juriai*, im Kat. *jūrin* acc. sg., lit. *jūrės* pl. f., lett. *jūra* dass. – kann als dialektische Eigenheit angesehen werden; ich erlaube mir in dieser Hinsicht nur an das lit. *lupélé* (bei Szyrw. sukienka) ‘ein Kleidchen, Röckchen’, das ein Dem. von \**lupa* statt *jupa* ‘Frauenkleid mit Ärmeln, Talar der Geistlichen’ (Ness. Wb.) ist, folglich statt *jupélé* steht, oder an das serb. *ljeljen* statt *jelen* ‘Hirsch’ zu erinnern.

### Bemerkungen zu den einzelnen Artikeln

**Ab-** Vorsetzpartikel, s. **Eb**.

**Aboros** pl. f. rofe Voc. – d.i. ‘Raufe im Viehstall’, richtiger, wie es scheint, *abaros* st. *ab-waros*. Das Wort ist zusammengesetzt aus der Praep. *ab* und *waros*, das anlautende *w* des 2. Theils fiel wegen des vorangehenden *b* aus; *ab*, auch *eb* im Kat., z.B. *ab-sergîsnan* acc. sg. ‘Schutz’, *eb-immaj* ‘er begreift’ ist verwandt mit der lit. Praep. *api*, *ap*: *api-bégiti* ‘umlaufen’, *ap-mainyti* ‘vertauschen’; *waros* ist eine Ableitung von der mit dem lit. *weriù*, praet. *wér-iau*, *wérti* (Wurz. *wér* aus *war*) ‘schließen, verschließen, absperrn’ verwandten und gleichbedeutenden Wurzel *wer*, welche im Preuß.

in der Zusammensetzung mit der Praep. *et st. at* die Bedeutung ‘aufschließen, öffnen’ angenommen hat: *et-wêre* ‘du öffnest’; auch lit. *ât-weriu*, *at-wérti* ‘öffnen’; *waros*, der Sing. wäre *wara*, ist verwandt mit *vora* im pol. *prze-wora* ‘Stallbaum, Scheidewand’, böhm. *pří-vora*, älter *prie-vora* ‘Stallbaum, Raufe’. Wurzelhaft verwandt sind auch: altsl. *obora* ‘restis’, prov. russ. *oċopa* ‘funiculus’, st. *ob-vora*, zusammengesetzt aus der Praep. *ob* und *vora*; *vora* ist eine Ableitung von der Wurzel *ver* (aus *var*) des altsl. Vb. *vrěti* ‘claudere, concludere, circumdare’, das durch Lautumstellung aus *ver-ti* entstanden und mit lit. *wér-ti* verwandt ist; im Altsl. kommt *vora* auch als Simplex in der Bedeutung ‘sepimentum, claustrum’ vor; skr. Wz. *var* ‘circumdare, arcere, impedire’.

**Addle** f. Tanne Voc. Die entsprechenden lit. und slaw. Benennungen sind schon im Thes. enthalten; dazu nd.-lit. *agle* ‘Tanne’ und hlit. *ėglius* ‘*taxus baccata*’, bei Ness. auch *oglus* st. *oglius* dass. – vielleicht ist hier das *g* ursprünglicher, als das *d*.

**Aglo** reyn Voc. ‘Regen?’ dürfte st. *maglo*, *-gla* stehen; das Fehlen des anlautenden Consonanten ist entweder als dialektische Eigenthümlichkeit aufzufassen, so steht z. B. lit. *agūnà* ‘Mohn’ statt *magūna*, wie aus den verwandten Namen: lett. *magons*, preuß. *moke*, altsl. *makъ*, gr.  $\mu\eta\chi\omega\nu$  /sic statt  $\eta$ /, dor.  $\mu\acute{\alpha}\chi\omega\nu$ , ahd. *māgo* zu ersehen ist; oder es lässt sich dadurch erklären, dass der erste Schreiber das Dictat schlecht gehört und *aglo* statt *maglo* geschrieben hat (vgl. **Aytegenis**). Wenn, wie es wahrscheinlich ist, *aglo* statt *magla* steht, so gehört es zu lit. *miglà*, *myglė* ‘Nebel’, Wurz. *mig*, altsl. *mьgla*, Wurz. *mĭg*, bulg. *мъгла*, croat. serb. *magla*, slov. *megla*, polab. *māgla* Schl. (*meāgla* J., *miōgla* I. P. ‘Nebel’), ob.-serb. *mihel* m. ‘feiner Regen, Nebel’, *miholić* ‘fein regnen, nieseln’; gr.  $\delta\text{-}\mu\iota\chi\text{-}\lambda\eta$  (ion.) ‘Nebel, Nebelgewölk, Dunst’,  $\delta\text{-}\mu\iota\chi\text{-}\mu\alpha$  ‘Harn’; goth. *mīlh-ma* ‘Wolke’, worin *l* eingeschoben zu sein scheint; skr. *mēgha* m. ‘nubes’, armen. *meg* ‘nubes’; ags. *mīcge*, nd. *mīge*, altn. *mīg* ‘urina’; die skr. Wurz. ist *mih* aus *migh* ‘effundere, mingere’, 3. sg. praes. *mēhati*; zend. *miz* Wurz. ‘mingere’, lit. *mēžū* /sic/ *mýžti* id., auch *minžū* 1. sg. praes. Bezz., lat. *mingo*, croat. serb. *mižati*, ags. *mīgan*, *mīhan* ‘mingere’, nd. *mīgen* id., altn. *mīga* 1) id., 2) ‘scaturire’, gr.  $\delta\text{-}\mu\iota\chi\text{-}\acute{\epsilon}\omega$  ‘mingo’. – Pauli Beitr. VII. 158. vergleicht *aglo* mit gr.  $\acute{\alpha}\chi\lambda\acute{\upsilon}\varsigma$  ‘Dunkel, Finsterniss, Nebel’. Damit dürfte aber lit. *áklas* zusammenhängen.

**Ayculo** Nadel Voc. stellt Nesselmann im Thes. mit slaw. *igla* zusammen; da im Dialekt des Voc. manchmal *ai* st. *a* steht (vgl. *laipto* ‘Pflugsterze’, von der Wurzel *lap* ‘fassen’), so könnte *ayculo* sich aus \**akula* entwickelt haben und mit lat. *acus* ‘Nadel’, Dem. *acula* und gr.  $\acute{\alpha}\chi\text{-}\acute{\eta}$ ,  $\acute{\alpha}\chi\text{-}\mu\acute{\eta}$  ‘Spitze, Schneide, Schärfe’ wurzelhaft verwandt sein.

**Ain-s** m. st. *ainas*, *ain-â* f., *ainan* acc. sg. (auch *einan*) 1) 'unus', 2) 'einzig, allein', 3) 'jemand', 4) als unbestimmter Artikel – nach deutscher Weise – gebraucht; lit. *wėnas* m., *wėnà* f. 'einer; allein'; pl. 'lauter'; lett. *wēn-s* – mit Vorschlag von *w*; goth. *ain-s*, ahd. *ein*; altir. *óin*, lat. *únus*, altlat. *oinos*; gr. *οἷνη* f. 'das Ass, die Zahl Eins auf dem Würfel'; altsl. *inσ* 1) 'unus', *vσ inσ* 'semper', eigentlich 'in einem fort', vgl. lit. *isz vėn* st. – *vėno* dass.; 2) 'quidam' *unoši inomu* Vost. – *ino-roγσ* 'einhörnig', *ino-čędσ*, *-čędσnσ* 'unigenitus'; skr. *ēna* th. pron. 'is, hic, iste, ille'.

**Aysmis** Spieß Voc. – vgl. gr. *αἰχμή* 'Lanzenspitze', überhaupt 'scharfe Spitze, Waffe, Lanze'.

**Ayte-genis** der kleine Specht Voc. (*genix*, verschrieben st. *genis* Voc. 'Specht', lit. *genýs*, lett. *dzenis* dass.). – Mit lett. *aita* 'Schaf', auf das Pauli (Beitr. VII. S. 213) hinweist, steht der erste Theil dieses zusammengesetzten Wortes kaum in Verbindung. Nach der deutschen Erklärung des preuß. Wortes soll der erste Theil desselben die Bedeutung „klein“ haben; nun kommt im Kat. *massais* in der Bedeutung 'weniger' vor, das zu lit. *mážas* 'klein' gehört; es ist daher mit Grund anzunehmen, es solle *mayse-genis* statt *ayte-genis* heißen. Der Fehler ist dadurch zu erklären, dass der erste Schreiber das Dictat *maise-genis* unrichtig gehört und *ayfe-genis* geschrieben und Holtzw. das *f* für ein *t* gehalten hat.

**Accodis** Rauchloch Voc. – „Vielleicht die preuß. Praep. *au* mit der slaw. Wurzel *chod* 'gehen', also etwa 'Ausgang'“. Ness. Thes. – Es dürfte vielleicht mit altsl. russ. *чадσ* 'Ofendunst', böhm. *čad* 1) dass., 2) 'Qualm', croat. serb. *čadja* f., serb. auch *čadj* f. 'Russ', *čaditi* 'russig werden', wohl st. *čaděti*, russ. *чадúть*, *на-чадúть* 'Dunst machen, dampfen', böhm. *čaditi* 'fumum emittere', *o-čaditi*, *za-čaditi* 'mit Rauch schwarz machen, berussen' – welche als neuere Nebenformen von *kaditi* 'suffire', serb. *kad* 'suffitus', ob.-serb. *kad* 'fumus' anzusehen sind – im Zusammenhange stehen und *at-kodis* zu lesen sein; die lit. Praep. *at* bedeutet 'herbei, zurück, wider, weg, aus', z.B. *at-įmti* 'wegnehmen', *at-motas* 'Auswurf', womit altsl. *otσ-metσ* 'abjectio' zu vergleichen ist. Das erschlossene \**at-kodis* wäre dann auf ähnliche Weise zusammengesetzt, wie lit. *at-kwapas* 'Luftloch'.

**Ackons** Granne Voc. – lit. *akūtas* (*akótas*) id., lett. *akots* 'arista hordei' (bereits im Thes. angeführt), Wurz. *ak* – sind der Wurzel nach verwandt: 1) mit goth. *ah-ana* 'Spren', *ah-s* 'Ähre', ahd. *ah-ar* 'spica, arista' und *agana* 'festuca', wohl statt *ahana*, mhd. *agene*, *agele* 'Granne, Spren', ags. *äh-er* 'spica', altn. *ax* id. – Wurz. *ah*; 2) mit altsl. *osσ* 'arista', *osije* n. coll. wahrscheinlich 'Hülsen' *sama ta zrσna i osija θήχαι τοῦ σίτου* Ex.-Op. 2.15., *os-ilije* n. 'arista', slov. *os* f. id., slov. croat. böhm. *os-ina*; slov. *osat* adj. 'acer': *osat pogled* 'scharfer Blick'; altsl. *ostσ* m. 'genus spinae, carduus', böhm. pol. *oset*, gen. *ostu*, slov. *oset* und *osat*, croat. serb. *osat*, gen. *osta*,

russ. *ocómσ* und *ocēmσ* 'Distel' – Wurzel *os* aus *ok*, ursprünglich *ak*; 3) mit gr. *ἀκμή* 'Spitze, Schneide, Schärfe', *ἄκανος* 'eine Distelart, der dornige Fruchtknopf an gewissen Gewächsen'; Wurz. *ák*; lat. *acus*, gen. *aceris* n. 'die Hülse vom Getreide, Spreu', auch lat. *acus* f. 'Nadel, Spitze', Wurz. *ac*; korn. *usion* 'palea', kymr. *us*, pl. *usion*, id. Wurz. *us* aus *as*, mit *s* st. *k*, wie im Slaw. – Vgl. auch zend. *aku* m. 'Spitze'.

**Aclocordo** Leitseil (funis versorius) Voc. – Das Wort ist jedenfalls zusammengesetzt; der 2<sup>te</sup> Theil *cordo* st. *-da* hat die Bedeutung des Strickes und hängt mit fr. *corde* 'Strick, Seil', it. *corda* 'Strick, Saite', holl. *koord* f. 'Schnur, Strang, Draht', pol. *korda* 'ein Gürtel aus Stricken' (holl. und pol. wohl aus dem Franz.) zusammen und ist aus einer dieser Sprachen entlehnt; zu Grunde liegt das lat. *chorda*; der erste Teil ist noch immer nicht klar gestellt. Es könnte sein, dass *acto* st. *aclo* zu lesen ist und dass dieses in Folge einer ungenauen Aussprache des Dictierenden oder einer unrichtigen Auffassung des Schreibers st. *aucto* (hoch) steht, so dass \**aucto-cordo* den „in der Höhe befindlichen Strick“ bedeuten würde.

**Algas** gen. sg. Kat. – setzt einen Nom. \**alga* 'Lohn' voraus; lit. *algà*, lett. *alga* dass. – Als verwandt sind zu betrachten: ahd. *alcha* 'penarium, stips'; skr. *árgha* m. 1) 'pretium', 2) 'donum honorificum, quod diis eximiisque hospitibus offertur' B.-gl. – das ursprüngliche *r* ist im Preuß. Lit. Lett. und Ahd. in *l* übergegangen.

**Alkins** adj. nom. sg. 'nüchtern', eigentl. 'hungrig'; die dazu gehörigen lit. lett. und slaw. Wörter sind bereits im Thesaurus angeführt; vgl. auch ahd. *ilki*, *ilgi* 'fames; stridor dentium', dessen anlautendes *i* aus *a* geschwächt sein kann.

**Alne** Thier Voc. – wahrscheinlich in der Jägersprache statt 'Hirschkuh', nd.-lit. *alne* = hlit. *élné* 'cerva'; *alnis* m. = hlit. *élnis* 'Hirsch'; für das Thier im allgemeinen gibt es im Kat. einen andern Namen: *swîrins* d.i. *zwîrins* acc. pl. 'Thiere', verwandt mit lit. *zwèris* /sic/ 'wildes Thier, Raubthier', lett. *zwèrs* 'fera', altsl. *zvěrb* id.

**Alode** Haspe Voc. – die richtige Form dürfte *Abade* sein und das Wort mit altsl. *oboda* f., *obodσ* m. 'annulus', russ. *óбодσ* 'Reif, Ring, Band', pol. *obod* 'Radfelge' zusammenhängen; in *oboda* und *obod*, altsl. *obodσ* ist nach dem *b* der Praep. *ob* ein *v* ausgefallen; die Wurz. ist *ved* 'führen, leiten'.

**Alu** Meth Voc. – st. *alus*? – die Form ist zweifelhaft; lit. *alùs* 'Hausbier', lett. *alus* dass. (Thes.) – auch altsl. *olσ*, *olovina* 'sicera, zythus', slov. *ol*, *vol* 'Bier'; rum. *оловинσ* 'Bier', zign. *lovina* 'Bier', aus dem Altsl. – ags. *ealu* (*ealo*), g. *ealeves*, alts. *alo* 'cerevisia'; altn. *ol* (*ol*), schwed. *öl* id., engl. *ale* 'ungehopftes Bier'.

**Amsis** gen. sg., *amsin* acc. sg. Volk Kat. – lit. *amžis*, *ámžias* und *ámžies* 'Lebenszeit, lange Zeit', im Pl. 'Ewigkeit', *amžinuoti* 'ewig wahren' Bezz.;

skr. *amá-sa* m., auch *am-atís* mit anderem Suffix, 'tempus', von Bopp im skr. Glossar von der Wurzel *am* 'ire' hergeleitet; auch welsch *amser*, basbretton. *amzer*, ir. *aimser* 'Zeit'. – Mit altsl. *mǫžb*, pol. *mąż* 'vir', mit denen es Ness. im Thes. zusammenstellt, hat aber das preuß. Wort nichts gemein.

**An** Praep. 'in, an' Kat. ist die ältere Form von *en*; s.d.

**Andeiânsts** s. **Deiânsts**.

**Anga** Kat. conj. 'ob', zusammengesetzt aus *an*, das an lat. *an*, goth. *an* (Fragepartikel) 'denn' erinnert, und der enklit. Partikel *ga* = lit. *ga* in *jo-ga* 'dass., auf dass, damit' Bezz.; in lit. *an-gu* 'oder' Bezz. ist das auslautende *u* durch Schwächung aus *a* entstanden; s. **Ga**, **Gi**.

**Angis** Schlange Voc. – die entsprechende altsl. Form wäre *ǫžb*; auch in den germ. Sprachen vertreten: ags. *ang* 'anguis', fries. *ong*, ahd. mhd. *unc* dass.

**Angle** Nadel Grun. – vgl. ahd. *ango* 'aculeus', mhd. *ange* id.

**Angurgis** Aal Voc. – d.i. *angurjis* aus \**angurjas* – hat vor dem lit. *ungurýs* den Vorzug, dass es den ursprünglichen Vocal *a* der Wurzelsilbe bewahrt hat; die Wurz. ist *ang*; wie aus dem preuß. Flußnamen *wangr-apia*, *wangr-appa* und *wengr-apia* d.h. 'Aalfluß' hervorgeht, waren einmal auch die Formen \**wangris*, \**wengris* im Gebrauche, mit Vorschlag von *w*, wie im pol. *węgorz*, slov. *vugor* Habd. neben *ogor*, *ugor*, ob.-serb. *wuhor'*, gen. *-rja*, polab. *wundjör*, *wungirr* I.P.; die altsl. Form ist unbekannt, entweder \**ogorb* oder \**ogrb*; serb. croat. *ugor*, russ. *ýzopb*, *ýzpb*, böhm. *úhoř*; urverwandt sind: lat. *anguilla*, gr. ἔγγελος und altn. *úngr* in *maur-úngr* 'gadus, asellus lacustris' (*maur* 'lacus, palus'); esth. *angrias* ist wohl entlehnt. *Angurjis* hängt mit *angis* 'Schlange' Voc. zusammen.

**Ansalgis** querder Voc. – mhd. *querder* nach Ziem.-Wb. 'das harte Leder in den Schuhen'; Ness. stellt im Thes. für das preuß. Wort die Form *au-salgis* und die Bedeutung 'das steife Hackleder am Schuhe' auf, das angebliche \**salgis* vergleicht er mit lit. *žalga* 'Stange', welches damit schwerlich etwas gemein hat. Ich halte das Wort aus *ant-walkis* oder *uns-walkis*, wo /von Matz. *wenn* gestrichen und durch *wo* ersetzt/ nicht *ans-walkis*, entstellt; *walkis* statt *algis* setze ich an mit Rücksicht auf das lit. *ap-walkas* 'Oberleder der Stiefeln', *už-walkas* 'Überzug', von *welk-ù*, *wilk-ti* 'ziehen', *už-wilkti* 'überziehen'. Der 1<sup>te</sup> Theil des zusammengesetzten Wortes ist entweder das Praefix *ant* oder *uns*, vielleicht auch *ans*; *ant*, auch *anta* (Bezz.), kommt im Lit. auch als selbständige Praepos. vor, mit der Bedeutung 'auf, an', in gewissen Verbindungen auch 'gegen'; in Zusammensetzungen bezeichnet es auch 'das Sein auf etwas', z.B. *ant-kelis* 'Beinschiene' (Bezz. – *kélis* 'Knie'). Da aber im Kat. auch die Partikel *unsai*, *unsei* und *ensai* in der Bedeutung 'nach oben hin, hinauf' vorkommt, so kann der 1<sup>te</sup> Theil des in Rede stehenden Wortes auch *uns* gelautet haben; sollte sich jedoch bei genauer Prüfung der Handschrift die Lesart *ans* als die richtige herausstellen, so

wäre *ans-walkis* für die richtige Form des Wortes zu halten; *ans-* wäre dann als der ältere Laut von *uns-* und *ens-* zu betrachten.

**Ansis** Haken Voc. – lit. *wanszas* dass. Bezz. – bei Ness. (Wb. 55.) *waszas* – mit vorgeschobenem *w*; vgl. gr. ὄγκος m. ‘Bug, Winkel, Haken, Widerhaken’, lat. *uncus*, skr. *aniká* m. ‘Haken’.

**Antars** m. der andere, der zweite Kat. – aus *antaras* (*anters* Kat. I. und II.), *antrâ* f. – der acc. sg. *antran* setzt einen Nom. sg. m. *antras* = lit. *àntras* /sic/ voraus; lett. *ôtrs* /sic/; goth. *anthar* ‘der andere, der zweite’, ahd. *antar* ‘alius, alter’, alts. *ôthar* und *âthar* aus *anthar*, ags. *ôdher* ‘alius’, engl. *other* ‘der andere’; scr. *ántara* them. ‘alius’, lat. *alter* aus *anter*; auch altsl. \**vstorσ* ‘secundus’ (kommt in der bestimmten Form *-ryj* vor), *σ* aus *ρ* mit Vorschlag von *v* (vgl. *vσ* praep. ‘in’, s. **En**), russ. *вторыѣ*, *-оѣ*, pol. *wtóry* ‘der zweite’ mit Schwund des Wurzelvocals; hieher gehört lit. *at-antrinti* ‘wiederholen’, das man, was die Bedeutung betrifft, mit altsl. *po-vstoriti* vb. pf., *po-vstarjati* vb. dur. ‘repetere’, russ. *no-вторѣть*, *-вторѣть*, pol. *po-wtorzyć*, *-wtarzać* vergleichen möge; man berücksichtige auch ahd. *antarôn* ‘imitari’.

**Anxdris** Natter Voc. – (d.i. *ang-zdriis*) hängt wurzelhaft mit *angis* ‘Schlange’ zusammen; *ang* ist die Wurz., *-zdriis* das Suffix; ein ähnliches Suffix ist *zdre* in *sixdre* ‘Goldammer’ – s.d.

**Ape-witwo** statt *-twa* f. struchwyde Voc. d.i. ‘Strauchweide’ – ist zusammengesetzt aus *ape* ‘Fluß’, das im Voc. auch als Simplex vorkommt und mit *apus* ‘Quelle, Brunnen’ (im Voc. ‘borne’) desselben Ursprungs ist; damit verwandt sind: 1) lit. *ūpė*, auch *upis*, lett. *upe* f. ‘Fluß’, deren anlautendes *u* aus *a* geschwächt ist; 2) skr. *ap* f. ‘aqua’, nom. pl. *âpas*, zend. *ap* th., nom. sg. *âf-s*, acc. sg. *âp-em*, apers. *api* ‘aqua’; 3) altsl. *vapa* 1) ‘stagnum, lacus’, 2) ‘humor’, serb. *Vapa* Flußname – vgl. auch skr. *vâpî* f. ‘lacus’; 4) ahd. *afa*, *affa*, *apta* als letzter Bestandtheil von zusammengesetzten Flußnamen (Grimm, Gesch. I. 162.); 5) ir. *abh* ‘flumen’ B.-gl., welsch *af-ôn* id. – Der zweite Bestandtheil *witwo* st. *-twa* kommt auch selbständig als Acc. sg. *witwan* ‘Weidenbaum’ im Voc. vor und steht in Verbindung mit lit. *witis* in *žil-witis* f. ‘salix viminalis’ (*žilas* adj. ‘grau’) – als Simplex kommt *witis* im Lit. nur in der Bedeutung ‘Rute’ vor – , ferner mit pol. *wiś* f., dem. *witka* 1) ‘eine schlanke Weide’, 2) ‘Gerte’; pol. *witwa* ‘salix viminalis, Korbweide, Uferweide, Wasserweide’ stimmt auch der Form nach mit dem preuß. *witwa* überein; eine erweiterte Form ist *witwina* mit ders. Bedeutung; russ. *вѣтвина*, *вѣвина* ‘Rute’. Man vgl. auch lett. *witols* ‘Weide’, russ. *ветлá* ‘salix pentandra’, vielleicht st. *вѣтлá*, und gr. ἰτέα ‘salix alba’.

**Api-sorx** ysinbart Voc. d.i. ‘Eisbart, Eisvogel, Alcedo hispida’; das Wort ist zusammengesetzt aus *api* und *sorx* = *sork-s*, vielleicht statt \**sorxt-s*, \**sork-stas*; vgl. *kanxt-s*; der erste Theil hängt wohl, wie auch Nesselmann

voraussetzt, mit *ape* 'Wasser, Fluß' zusammen; der zweite dürfte mit lit. *sziurksztùs* 'rauh anzufühlen', pol. *szorstki* st. *siorstki* adj. 'rauh' – die altsl. Wurz. ist *sr̥sch*, von der auch altsl. *v̥s-sr̥sch-l̥s* 'asperior', pr.-pol. *sierch-l* subst. i.q. *siersć*; altsl. *v̥s-sr̥š̥bn̥s* 'horrendus', *v̥s-sr̥š̥bn̥s* 'asper', *v̥s-sr̥š̥iti* 'erigere', slov. *sr̥š̥iti se* 'erigi', slov. croat. *srh* 1) 'Schauder', 2) 'scharfe Seite einer Sache, Ecke, Kante', russ. *шершавый* 'rauh', *шёрш* 'rauhe Oberfläche' abstammen. Man vergleiche auch altn. *hr̥iosa* (*hriôsa*), 1. sg. praes. *hr̥ys* 'horridum esse'.

**Ar-** Praef. s. **Ar-warbs** u. **Er-**.

**Arglobis** Scheitel Voc. – Die Vermutung, dass das Wort in *arg-lobis* abzutheilen sei und dass *lobis* mit altsl. *l̥b̥s* 'χαλῖον calvaria', pol. *leb*, böhm. *leb*, *lebka* id., russ. *лоб̥s* 'Stirn' in Verbindung stehe, hat zuerst Burda (Beitr. VI 394) ausgesprochen; auch Ness. schließt sich in seinem Thesaurus ling. pruss. dieser Meinung an und stellt *arg* zu altsl. *vr̥sch̥s*, auch *vr̥ch̥s* 'cucumen, loca altiora, vertex, tectum etc.', russ. *верх̥s* 'Gipfel, Spitze (eines Berges, Turmes), Dach, Wirbel des Kopfes', pol. *wierzch*, böhm. *vrch* 'Gipfel, Obertheil', polab. *v̥arch* Schl. 'Haufen, Gipfel' (*w̥arch* I.P.), dem. *v̥arsák* 'Gipfel', lit. *wirszùs*, lett. *wirsus* 'Gipfel, Spitze, Obertheil'. – Zur Unterstützung dieser Ansicht lässt sich das lit. *wirszu-galwis* 'der Scheitel des Kopfes' und altsl. *vr̥sch̥s glavy* Proph. dass. anführen. Hängt *arg* mit den angeführten lit.-lett. und slaw. Wörtern wirklich zusammen, so fehlt im Anlaute *w*; dieser Mangel des anlautenden Consonanten ließe sich auf die bei **Ayte-genis** angegebene Weise erklären. Bedenken erregt aber das *g* gegenüber lit. *sz*, lett. *s* und slaw. *x* aus *š*; man müsste, um dessen ungeachtet den Zusammenhang von \**warg* mit den angeführten lit.-lett. und slaw. Wörtern für wahrscheinlich zu halten, annehmen, dass in der ersten Handschrift, nach der Holtzw. seine Copie angefertigt hat, nach dem *r* doppeltes *s* in einer solchen Weise (etwa wie *sf*) geschrieben war, dass Holtzw. es für *g* hielt, oder dass hier *g* statt *k* stehe und dass im Altpreuss. zu der Zeit, als das Voc. zu Stande kam, in gewissen Fällen das *k* (an *ch* ist wohl nicht zu denken, ungeachtet des im Voc. vorkommenden „Kimchel“) in ähnlicher Weise, wie slaw. *x ch* (*h*) aus *š* oder *s* entstanden sei. Vgl. in dieser Hinsicht die Artikel **Drogis** und **Karige**. – *Vr̥sch̥s* und die damit verwandten lit.-lett. Wörter werden wohl gewöhnlich zur skr. Wurzel *varh*, *vrh* 'crescere', mit *ut-* 'extollere' gezogen, so auch von Ness. im Thes. – Ich möchte dieselben lieber zu der in B.-Gl. nach K. und V. aufgestellten Wurz. *varkš*, *vrkš* (1. âtm.) 'tegere' stellen, die mir lautlich besser zu passen scheint und für die auch die Bedeutung 'tectum' im altsl. *vr̥sch̥s* und russ. *верх̥s* spricht, wenn die Wurz. vollkommen sichergestellt wäre; man müsste dann annehmen, dass in den genannten lit.-lett. und slaw. Wörtern das in der skr. Wurz. zwischen *r* und *š* befindliche *k* ausgefallen und in den slaw. Wörtern das *š* in *ch* (*h*)

übergegangen sei. Zum Schluß sehe ich mich noch zu der Bemerkung veranlasst, dass das lit. *lūbas* 'Borke' mit altsl. *lōbъ*, womit es Ness. im Thes. in Verbindung setzt, nichts gemein hat.

**Arrientalāku** Kat. 52. soll nach dem deutschen Texte die Bedeutung „er drischt“ haben; es ist jedenfalls ein Compositum und dürfte in *arri-en-tlāku* abzutheilen sein. Der erste Theil *arri* klingt an *ar* in *ar-waykis* 'Füllen' Voc. an, dem man in dieser Zusammensetzung die Bedeutung 'Pferd' beilegen kann, *waykis* hat hier die Bedeutung 'Junges' (lit. *vaikas* /sic/ 'Kind', auch 'Junges von Thieren'); auch in dem Compos. *arri-en-tlāku* dürfte *arri* die Bedeutung 'Pferd' haben; der Nom. sg. wäre *\*aris*; das preuß. Wort wäre verwandt mit dem böhm. *oř* 'Pferd, Ross' und dem altsl. *orъ*, das dieselbe Bedeutung zu haben scheint; *en* kommt im Preuß. als Praep. vor; *tlāku* hängt wohl mit altsl. *tlakъ* 'pulso, tundo', pol. *tlukę*, böhm. *tluku*, russ. *толкы́* 'ich schlage, stoße, zerstoße, stampfe' zusammen. – Die ursprüngliche Bedeutung von *ari-en-tlak-* wäre: „von Pferden austreten lassen“.

**Artoys** m. Ackersmann Voc. 236. – genauer *artojis*, lit. *artójis* 'Pflüger', Wurz. *ar*: *ar-iù*, *árti* vb. 'pflügen', Suffix *-tojis* aus *-tojas*, das in russ. Lit. dialektisch vorkommt, z.B. *skaiti-tojas* 'Rechnungsführer', *tekin-tojas* 'Drechsler', *-tojas* aber steht statt *-tâjas*, vgl. *teplo-tajas* 'Maler' (statt *-tâjas*) in demselben Dialekte (Beitr. VI. 123); im Slaw. lautet dieses Suffix *-taj*, z.B. altsl. *ora-taj* und mit Abwerfung des Anlautes *rataj*, russ. *opa-maŭ* 'agricola', zu *ora-ti*, *orjъ* altsl. vb. 'ackern, pflügen'; Wurz. *or*, ursprünglich *ar*, in den meisten indo-europ. Sprachen vorkommend. Zu der Wurz. *ar* gehört auch *pre-artue* 'Pflugreute', genauer *\*prei-artwe* od. *\*prei-artuwe*, als das zum Pfluge oder Pflügen gehörige Werkzeug; *prei* preuß. Praep. 'zu, bei, an' etc.

**Artwes** Schifffahrt Voc. – nach Ness. 'Kriegsfahrt zu Wasser', ist, wenn es nicht fehlerhaft statt *artwis* steht, als Pl. anzusehen; Wurz. *ar* 'rudern', die auch im lit. *ar-ta* 'Segelstange' in der ursprünglichen Form erhalten ist, während in dem lit. Verb. *ir-iù ir-ti* 'rudern', *irti-s* 'auf einem Ruderschiffe fahren', lett. *ir-ju*, *ir-t* 'rudern', das *a* der Wurz. zu *i* geschwächt ist; im lett. *airēt* 'rudern', *airis* 'Ruder' ist eine Lautsteigerung eingetreten, eben so im lit. *wairas* m. und *waira* f. 'ein (langes und schmales) Ruder', *wair-yti* und *wair-oti* vb. denom. 'rudern'; das anlautende *w* ist als Vorschlag anzusehen; wurzelhaft verwandt sind: altn. *âr* 'Ruder', ags. *âr*, schwed. *åra* f. dass., engl. *oar* 1) vb. 'rudern', 2) subst. 'Ruder'; skr. *ar* 'gehen, sich bewegen'; die lit. lett. und germ. Verba mit der Bedeutung 'rudern' sind als Causativa des skr. Vb. *arâmi*, auch *iyarmi* 'eo' aufzufassen.

**Ar-waykis** Füllen, junges Pferd Voc. – s. **Arrientalāku**.

**Arwarbs** langwyt Voc. – d.i. 'Langwiede, Langbaum (am Leiterwagen)'; die richtige Form ist *ar-wars*, das *b* zwischen *r* und *s* ist ein unorganischer



Zusatz; lit. *àl-waras*, aus *\*ar-waras*, und *pèr-waras* dass. – *ar* ist eine Vorsetzpartikel, die im Kat. in der abgeschwächten Form *er* vorkommt: *er-gi* ‘usque’, *er-ains* ‘quisque’ (*ains* ‘unus’), *er-mîrit* ‘erdichten’; im Lit. lautet diese Vorsetzpart. *ar* und *al*: *ar-gi* und *ar-gu* ‘ob denn’ (bei Bd. und Szyrw. *er*, *er-gu*), *ar-ba* und *al-ba* ‘oder’ (vgl. pol. *albo* ‘oder’), *al-wěns* ‘ein jeder’ = preuß. *er-ains*; es ist demnach auch in *àlwaras* das *l* als eine Erweichung des ältern *r* der genannten Vorsetzpartikel anzusehen. Der zweite Bestandtheil des Compos. ist eine Ableitung von der Wurzel *wer* ‘zumachen, verschließen, sperren’, lit. *wer-iù*, *wér-iau* (1. sg. praet.), *wér-ti* dass., insbesondere mit den Praep. *pri-* und *su-*; im Preuß. kommt die Wurz. nur in Verbindung mit der Praep. *et* (aus *at*) in der Bedeutung ‘aufthun, aufschließen, öffnen’ vor: *et-wêre* ‘du öffnest’, lit. *at-wérti* ‘öffnen’. Preuß. *-wars* und lit. *-waras* sind verwandt mit dem zweiten Theil von pol. *roz-wor* m. und *roz-wora* f. ‘der Sperrbaum am Leiterwagen’, böhm. *roz-vora* ‘Langwiede’, altsl. *raz-vorǫ* m. ‘vectis’; *roz-*, altsl. *razǫ* ist eine Vorsetzpartikel; der zweite Theil des slaw. Compositums ist eine Ableitung von *vrěti* ‘claudere, concludere, circumdare’, durch Metathesis aus *verti* entstanden. Sowohl die slaw. als die pr.-lit. Wurzel ist auf die skr. Wurzel *var-* ‘tegere, circumdare, arcere’ zurückzuführen.

**Asmai** vb. sum Kat. statt *asmi* – der Endlaut ist durch Einschlebung eines *a* verstärkt; auch *asmu* und *asmau*, Wurz. *as*; lit. *esmì* obs., jetzt *esù*, žem. hie und da *asmi* und *asmu* mit Bewahrung des ursprünglichen *a* der Wurzel, lett. *esmu* ‘sum’; altsl. *jesmь* id. mit Vorschlag von *j*, goth. *im* statt *\*ism*, *\*ismi*, lat. *sum* mit Verlust von *e* im Anlaute und *i* im Auslaute und mit Einschaltung euphonistischen *u* zwischen *s* und *m*, gr. εἶμι, ion. ἔμι statt *\*ἔσμι*, altir. *am* ‘sum’ statt *\*asm*, *\*asmi* (1. pl. *ammi*), scr. *ásmi*, zend. *ahmi* ‘sum’ – mit *h* aus *s*; preuß. 2. sg. *assai*, *assei* und *essei*, lit. *esi* st. *es-si*; altsl. *jesi* st. *jes-si*; goth. *is*, lat. *es* st. *es-si*, gr. εἶς, dor. ἔσσι; armen. *es*; skr. *ási* aus *ás-si*, zend. *ahi* st. *as-si*; 3. sg. praes. preuß. *ast* st. *asti*, auch *est*, lit. *esti*, *est*; altsl. *jestь*, goth. ahd. nhd. *ist*; lat. *est*; gr. ἔσσι; altir. *as*, *is* statt *asti*; skr. *ásti*; zend. *asti*. Wurz. ursprüngl. *as*.

**Assa** praep. ‘von (a, de), von etwas her’, auch *assae*, *oesse*, *esse* (s.d.); vgl. lit. *aža*, *až* ‘bis, bis dass’.

**Aswinan** Pferdemilch Voc. ist wahrscheinlich ein Adject. und nach Nesselmanns richtiger Vermutung /ist/ das Subst. *dadan* ‘Milch’ hinzuzudenken; *-an* könnte neutrale Endung sein. Das Wort ist abgeleitet von einem im Preuß. nicht nachgewiesenen Subst. *\*aswa* ‘Stute’, lit. *aszwa* ‘Zuchtstute’. Die pr.-lit. Wörter stehen in Verbindung mit skr. *áswâ* f. ‘equa’, *ásva-s* m. ‘equus’, *ś* aus *k*, zend. *áspa* m. id. mit *p* statt *v* nach *ś*, so wie in *špeñta* ‘heilig’, gegenüber lit. *szwëntas*, altpr. *swints*, altsl. *světo* dass. – die Grundform ist *\*akvâ* f., *\*akva-s* m., die Wurz. ist *ás* aus *ak*, von der aus skr. *âśu* adj.

im Vêda-Dialekt ‘celer’ abstammt; dazu lat. *equus, equa* mit Schwächung des anlautenden *a* in *e*, wie in alts. *ehu* ‘Pferd’ – in der Zusammensetzung *ehu-scalc* ‘servus equarius’; ags. *eah*, altir. *ech*, n.-ir. *each* ‘Pferd’, welsch *asw* ‘Stute’ (B.-Gl.); auch gr. ἵππος statt ἵκχος, durch Assimilation aus ἵκφος gehört hierher.

**Asy** reem Voc. d.i. ‘Rain zwischen 2 Feldern’, lit. *ežė*, lett. *eža* dass. – die Endung des preuß. Wortes ist entstellt, die richtige Form dürfte \**aze* sein. In den pr. lit. lett. Wörtern ist im Anlaute ein *m* abgefallen, dies ergibt sich aus der Vergleichung mit gleichbedeutenden slaw. Benennungen: russ. *межа* ‘Grenze, Rain’, pol. *miedza*, böhm. *meze*, altb. *meža*, ob.-serb. *mjeza* dass., slo. *meja*, in einigen Gegenden auch *medja*, croat. serb. *medja* ‘die Grenze’, altsl. *mežda* aus *medja* ‘medium, terminus, intervallum’; die Wurz. ist *med*: slo. serb. *med*, croat. *med, meda* ‘zwischen, unter’. Die pr. lit. lett. Wörter sind aus dem Slaw. aufgenommen, denn die entsprechende Wurz. *med* fehlt dem Preuß. Lit. Lett.

**At-** Vorsetzpartikel, häufiger *et*: *att-skiwuns* neben *et-skyuns* part. act. ‘auferstanden’; *at-skî-senna* Kat. I ‘Auferstehung’ neben *et-skî-snan* acc. sg. dass., s. **Skî**; *at-trâtwei* inf. ‘antworten’; s. **Et-**.

**At-ski-senna** Auferstehung Kat. s. **Skî**.

**Attolis** Grummet Voc. – lit. *atólis*, richtiger ist die Schreibung *attólis*, in Ness.-W. *attólas*, lett. *atals* st. *attals* dass. – Kaum durch Assimilation aus lett. *at-zals* dass. (*zals* ‘herba’, pr. *sâlin* acc. ‘Kraut’) entstanden; auch mit slaw. *otava* dass., /das./ wie es scheint, st. *ot-tava* (\**otā-tava*) steht, hat es schwerlich etwas gemein; man müsste denn annehmen, die angeführten pr. lit. lett. Wörter seien aus dem Slaw. entlehnt und in denselben das *v* des slaw. Namens in *l* übergegangen. Der slaw. Name stammt von der Wurz. *tu* ‘wachsen, sich erholen, stark werden’, skr. *tu*, 1. sg. praes. *tâumi* und *tâvîmi* ‘cresco’ ab; es bedeutet also ‘das nach der ersten Heumahd wieder wachsende Gras’; dieselbe Bedeutung dürfte auch den pr. lit. lett. Wörtern beizulegen sein, als Wurz. derselben wäre aber *tol* aus *tal*, gleichfalls in der Bedeutung ‘wachsen’, anzusetzen, zu der auch lit. *tal-okas, tal-ekas* und *tel-okas* ‘erwachsen, mannbar’ gehört, *at* in *at-tolis, at-tólas* ist die Praep. *at*. Das *l* dieser Wurz. ist vielleicht aus *r* erweicht, vgl. die Wurz. *tar* im skr. Adj. *târ-una* ‘adolescens, juvenis’, der hier wahrscheinlich auch die Bedeutung ‘wachsen’ zukommt.

**Au** Vorsetzpartikel, slaw. *u*, altsl. *u*: z.B. pr. *au-dât sien* ‘sich begeben, geschehen’, böhm. *u-dáti se* dass., altsl. *u-dati* ‘dare, tradere, rependere’; *au-mū-snan* ‘Abwaschung’, altsl. *u-myti, u-myjō* ‘abwaschen’; gleichlautend mit dem preuß. *au* ist die lat. Vorsetzpartikel *au* in *au-fero, au-fugio*; skr. *áva* praep. praef. ‘de, ab’: *ava-kartana* n. ‘abscissio’, *ava-gâha* m. ‘actio

submergendi, lavatio', *ava-târá* m. 'descensus'. Nach Abstoßung des auslautenden *a* wurde *av* im Preuß. und Lat. zu *au*.

**Aubirgo** garbret Voc. statt *garbraete* d.i. 'Garküche oder Bäckerei' – hat mit ahd. *hari-birga* und fr. *auberge* (Ness. Thes. S. 10) nichts zu schaffen, sondern es steht st. \**au-pirka* und ist zusammengesetzt aus der Vorsetzpart. *au* und \**pirka*, das zu lit. *pirké* 'Bäckerei, Backhaus' Ness.-Wb. Bezz. gehört.

**Aug** Stamm 'wachsen, gedeihen': lit. *áug-u*, *áug-ti*, lett. *aug-u*, *aug-t* dass.; davon pr. *augis* 'Schößling' in der Zusammensetzung *dago-augis* sommerlatte Voc. d.i. 'einjähriger Schößling', lit. *auglai* pl., lett. *augļi* pl. 'fruges, herbarum genera varia'; lit. *auga* f. 'Wachstum'; das Verb. caus. lautet im Lit. *auginti*, *-nù* und bedeutet 'machen, dass etwas wachse, gedeihe', daher 'hegen, pflegen, aufziehen, erziehen, vermehren', auch 'erzeugen, gebären', preuß. th. inf. *ugin-*: *po-uginneiti* 2. pl. imper. 'erziehet', *po-uginnts* part. pass. 'auferzogen', *uginnons* part. act. 'erzogen', – *asmai* 'ich habe erzogen'; lett. *audzēt* 'machen, dass etwas wachse, gedeihe'; auch preuß. *áugus* 'geizig' gehört wohl hierher, eigentl. 'derjenige, welcher zu vermehren sucht'. Die eigentliche Form der Wurz. ist *ug*: lit. *úgis* 'Wachstum, Schößling'. – Im Lit. gibt es viele Derivata und Composita von dieser Wurzel. – Zunächst verwandt ist das lat. *augeo*, W. *aug*; dann sind als hierher gehörig zu betrachten: goth. *auk-an* intrans. 'sich mehren'; trans. 'mehren', *auk-nan* 'sich mehren', alts. *ókian*, altn. *auka* 'augere', *auki* m. 'cumulatio', ags. *ýcan* 'augere', *eaca* 'incrementum', *eacen* part. pass. 1) 'auctus', 2) 'magnus, amplius', ahd. *auhhôn*, *ouchôn* 'augere'. Wahrscheinlich ist auch der Zusammenhang mit scr. *ûh* aus *ûgh* (3. sg. praes. *ûhati*) 1) 'colligere', 2) 'concludere, intelligere', ursprünglich wohl 'häufen, aufhäufen', daher *sam-ûha* 'multitudo', ir. *ug-tar* 'Vermehrung'. Ob auch lit. *áuksztas* 'hoch', welches Schleicher zu *áug-ti* zieht, daher *áuksztas* für die richtige Schreibung hält, hierher gehöre, bleibt zweifelhaft; es könnte auch mit der preuß. Partikel *ucka*, die, Adjectiven vorgesetzt, denselben Superlativ-Bedeutung verleiht, zusammenhängen.

**Aukis** grif Voc. 'der Vogel Greif'; im Thes. stellt Ness. die Lesart *ankiš* auf, nimmt „Greif“ in der Bedeutung 'vultur perenopterus' od. 'vultur aquilinus' und stellt das pr. Wort zum altsl. *inogσ* 'gryps; solivagus', auch *nogσ* 'gryps'; damit hängt es schwerlich zusammen, denn die altsl. Wörter sind Ableitungen von *inσ* 'unus', in *nogσ* ist das anlautende *i* abgefallen; im Preuß. würde dem altsl. *inogσ* etwa \**ainags* entsprechen. Die Lesart *aukis* dürfte die richtigere sein; vgl. mlat. *auca* (nach Diez I. 293 aus *avica*) 1) 'Gans', 2) 'Vogel überhaupt' – „ein lat.-gr. Glossar übersetzt *auca* mit πτηνον (πτηνόν) 'Vogel'“ ib., span. *auca* und *oca*, it. port. *oca* 'Gans'.

**Auctan** Voc. 'Butter', bei Grun. *aucte* dass.; mit *táukas* 'Fett' (Ness. Thes. p. 11.) hat es nichts gemein; es dürfte aber mit ahd. *anco*, mhd. *anke* 'Butter'

zusammenhängen; es wäre die Handschrift nochmals zu prüfen, ob es nicht *anccan* od. *auccan* (wohl acc. sg. f.) zu lesen ist; selbst dann, wenn sich nach nochmaliger genauer Prüfung der Handschrift der Anlaut *au* als richtig herausstellen sollte, wäre der Zusammenhang der preuß. Wörter mit den angeführten deutschen nicht unmöglich, es würde sich dann *au*, als aus *an* entstanden, zu dem anlautenden *an* der deutsch. Wörter eben so verhalten, wie im pr. *ausonis* Eiche Voc. gegenüber dem lit. *anžolis* dass. (obs.) Bezz., jetzt gewöhnlich *áužúlas*, oder wie im lett. *baudīt* gegenüber dem lit. *bandýti* ‘versuchen’, pr. *per-banda* ‘er versucht’.

**Auctas** ‘hoch’ in Ableitungen und Compos. s. **Ucka**.

**Ausis** nom. sg. ‘Gold’, im Kat. *ausin* acc. sg., im lit. *auksas* dass. ist das *k* vor das *s* eingeschoben, bei Bezz. liest man auch *ausas* ‘Gold’, *ausinas* adj. ‘golden’; sehr nahe steht das mit dem lat. *aurum*, worin *r* aus *s* entstanden ist, stammverwandte und gleichbedeutende sabin. *ausum*; zu Grunde liegt die skr. Wurz. *uś* (1. par.) ‘urere, lucere’, zu der auch lat. *uro* gehört.

**Au-schautins** acc. pl. Schulden Kat. 24. *Bhe etwerpeis noûmas nousons âuschautins* ‘und vergib uns unsere Schulden’; das Wort ist zusammengesetzt aus dem Praefix *au* und *schautins* aus *škaltins* st. *skalt-*, der Nom. sg. wäre *šautis* aus *skaltis* – mit Übergang des *t* in *u*, wie *Saudumynan* ‘süße Milch’ (s. **Poadamynan**); verwandt ist das lit. *kaltė* ‘culpa’, nie ‘die Geldschuld’, *kaltinti* ‘beschuldigen’.

**Ausomis** Eiche Voc. – lit. *áužúlas*, auch *užúlas*, nd.-lit. *aužolas*; Bezz. führt auch *anžolas*, *amžolas* an; der Anlaut *an* scheint älter zu sein, als *au*, das als eine Entartung desselben anzusehen ist; auch lett. *ôzols* ‘Eiche’ ist auf *anzols* zurückzuführen; *au* aus *an* findet sich auch im lett. *baudīt* ‘versuchen’, das mit lit. *bandýti* dass., preuß. *per-banda* ‘er versucht’ zusammenhängt; eben so im lett. *mauka* ‘Hure’ gegenüber von pr. *manga*, lit. *manka* nach Praetorius dass. – Der Stamm *anž* des lit. *anž-olas* klingt an gr.  $\acute{\omicron}\gamma\chi$  in  $\acute{\omicron}\gamma\chi\text{-}\nu\eta$  (auch  $\acute{\omicron}\chi\nu\eta$ ) ‘Birnbaum, Birne’ an, aber wegen der Verschiedenheit der Bedeutung bleibt es zweifelhaft, ob ein Verwandtschaftsverhältniss zwischen diesem gr. Worte und den pr. lit. lett. Wörtern bestehe.

**Au-werus** Metallschlacke Voc. – ist zu lit. *wéru*, *wirti* ‘kochen, sieden’, das mit altsl. *vrěti* aus *verti* urverwandt ist, zu stellen, worauf bereits Pott (Beitr. VI. 125) aufmerksam gemacht hat; ein Analogon findet sich im croat.-serb. *iz-varak*, gen. *-rka* ‘Metallschlacke’, das von *iz-variti* ‘auskochen’ abgeleitet ist.

**Awis** Oheim Voc. – lit. *awýnas* dass. ist eine Weiterbildung davon. Dazu altsl. *uj* ‘avunculus’, pol. ob.-serb. *wuj* mit Vorschlag von *w*, nd.-serb. *hujko*, polab. *vauja* (*wauga* I.; *g = j*) id., altsl. *uicъ* ‘avunculus’ und *ujecъ*, g. sg. *ujca* Misc.-Šaf., slov. *ujec* und *vujec*, g. *-jca*, croat. serb. *ujac*, g. *-jca*, böhm. *ujec*, g. *-jce*, croat. serb. auch *ujak*, g. *ujka* id., altsl. *ujka* f. ‘amita’, m. ‘avunculus’,

bulg. *yǔka* m. id., slov. *ujna* ‘amita’, croat. serb. *ujna* ‘uxor avunculi’. Auf pol. *wuj* hat bereits Ness. im Thes. hingewiesen, jedoch ohne weitere Erklärung. Das preuß. *awis* ist für die slaw. Sprachforschung von großer Wichtigkeit, es lässt sich aus demselben auf die Entwicklung des altsl. *uj* schließen. Die Grundform von *uj*, so wie vom pr. *awis*, als einem *ia*-Stamme, ist *\*awjas*; daraus wurde im Slaw. nach Abwerfung des auslautenden *s* durch successive Metamorphose *\*auja*, dann *ujσ*, und endlich durch Abfall des *σ* *uj*. Ein Analogon findet man im altsl. *šuj* ‘sinister’ gegenüber dem skr. *savyá* th. – nom. sg. m. *savyá-s*, zend. *havya* id. Die Wurzel von *awis* und *uj* ist *av* in der Bedeutung ‘schützen, bewahren, unterstützen’, vielleicht auch ‘nähren’: skr. *av* (1. par.) ‘servare, tueri’, zend. *av* ‘protéger’; zu derselben Wurzel. gehören auch lat. *avus*, *avia*, *avunculus* (eine Deminutivform) und goth. *avo* f. ‘Großmutter’.

**Babo** Bohne Voc., wohl fem. st. *baba*; altsl. *bobσ*, in den neuern slaw. Sprachen *bob*, kluss. *bib*, polab. *büb*; lat. *faba* – lit. *pupà*, lett. *pupa* id. wahrscheinlich aus dem finn. *papu* entlehnt, das wieder aus dem Slaw. aufgenommen zu sein scheint.

**Bad** Wurzel. ‘stechen’: *em-baddusi-si* Kat. ‘er steckt’; ist zusammengesetzt aus der Praep. *en* ‘in, an’, deren *n* in Composs. vor Labialen zu *m* wird und die, insbesondere in ihrer älteren Form *an*, der altsl. Praep. *vσ* aus *vσ* entspricht; *baddusi* ist eigentlich ein Part. perf. act., entsprechend dem altsl. *bodσši* sg. f. des Part. perf. act. I. von *bodσ*, in Verbindung mit dem reflexiven *si*, die eigentliche Bedeutung wäre also: ‘sich eingefügt od. eingesteckt habend’; zu derselben Wurzel. gehören pr. *boadis* statt *badis* ‘Stich, Stichwunde’, lit. *badýti*, *badau* ‘stechen’, lett. *badīt* ‘pungere, cornu petere’; lit. *bed-u* ‘ich grabe’, inf. *bedėti* (?) Szyrw., *bedėjas* ‘Graeber’, *mol-bedis* m. Br. ‘Lehmgrube’; altsl. *bodσ*, inf. *bos-ti* statt *bod-ti* ‘pungere, calcitrare’, Wurzel. *bod*, iter. *badati*, *badajσ* ‘pungere’ u.s.w. – auch lat. *fodio*, Wurzel. *fod*, ist als verwandt zu betrachten.

**Baiint** – mit der Praep. *po* ‘strafen’ Kat. ist Causat. von *biātwei* ‘fürchten’, lit. *bijóti* ‘fürchten’, meist reflex. *bijóti-s*, lett. *bī-t*, reflex. *bijatē-s*; Wurzel. *bī*, skr. *bhī* ‘timere’; die eigentliche Bedeutung von *bajint* ist also: ‘Furcht einflößen’; zu derselben Wurzel. gehören auch pr. *biâsnan* acc. sg. f. ‘Furcht’, skr. *bháya* n. dass., altsl. *bojati sę*, *bojσ sę* ‘timere’ etc.

**Baytan** zeeb Voc. – Ness. bringt das zur Erklärung beigefügte deutsche *zeeb* mit russ. *унонь* ‘Kette’ in Verbindung, womit es kaum etwas zu schaffen hat, und hält das pr. Wort für den Namen eines Gebäcks. Das Wort folgt im Voc. zwar auf *Kalso* ‘Fladen’, steht aber vor *aubirgo*, richtig *au-pirka* ‘Bäckerei’, worauf *kukore* ‘Küche’ folgt; es muss also nicht gerade der Name eines Gebäcks, es könnte wohl auch die Benennung eines Küchengeräts sein. Da holl. *zeef* = nhd. *Sieb* ist, so lässt sich ein nd. prov. *zeeb* in derselben

Bedeutung denken; berücksichtigt man nun das lit. *rētas*, nach Schleicher's Schreibung *rētas* 'Bastsieb, ein Netzbeutel, ein siebartig geflochtener Bastkorb', so dürfte die Vermutung gerechtfertigt erscheinen, dass es *Raytan* heißen soll und dass Holtzw. das anlautende *R* für ein *B* hielt; der Nom. sg. wäre *\*raytas* 'Sieb'. Es kommt zwar im Voc. auch „*Siduko* sybetop“ d.i. 'Siebtopf' (richtig wohl *situko*) vor, dadurch wird aber die obige Vermutung nicht entkräftet, denn – wenn auch dieser Voraussetzung zufolge im Voc. zwei wurzelhaft verschiedene Benennungen des Siebes vorkämen, so würden sie sich auf verschiedene Arten von Sieben beziehen.

**Balgnan** Sattel Voc. acc. sg., der Nom. wäre *balgnas*; lit. *bālnas* dass., aber bei Bezz. liest man auch *balgnas* 'Sattel', *balgnoti* 'satteln'; ist *balgnas* die ältere Form, so ließe sich damit pol. kaschub. *blozno* 'Schlittenpolster' vergleichen, wenn man dieses nicht lieber mit ahd. *balcho* 'trabs' zusammenstellen will.

**Balsinis** Kissen, *po-balso* Pfühl, Unterkissen Voc. – verwandt ist slov. croat. serb. *blazina* 'Federbett', durch Metathesis aus *balzina* entstanden, prov. serb. auch *blazinja* 'Kopfkissen'. Die preuß. und slaw. Wörter hängen wurzelhaft, wie es scheint, mit goth. *balgs* 'Schlauch', *mati-balgs* 'Speise-tasche', ahd. *palc* 'follis, uter', mhd. *balc*, nhd. *Balg*, ags. *bālg*, erklärt durch *bulga*, altn. *belgr* 'Balg', schwed. daen. *bālg* 'follis', überhaupt 'etwas Aufgeblähtes', altn. *belgja* 'aufblähen', ahd. *pelgan*, mhd. *belgen*, ags. *bēlgan* 'intumescere, tumere'; altir. *bolc*, neutr. *bolg* 'follis, uter', gall. *bulga*: „*bulgas* Galli sacculos scorteos appellat“ Festus; ir. *bolgaim* 'tumere'.

**band** Wurz. 'versuchen, prüfen'; davon im Kat. *per-bānda* 'er versucht', *per-bandan* acc. sg. 'Versuchung', *per-bandāsnan* acc. sg. id. – lit. *bandýti*, lett. *bandīt* 'versuchen, prüfen'; vgl. pol. *badać*, *-dam* 'forschen, nachforschen'.

**Bandadis** – Name eines Kirchdorfs in einer Urkunde v. J. 1249 – ist wahrscheinlich eine Ableitung von *\*band-ada* 'Viehhaut': lit. *banda* 'das Rindvieh, die Herde, insbesondere die Rinderherde' und altlit. *ada* 'Haut, Fell' Bezz., nd.-lit. *óda*, hlit. *úda* dass.

**Batto** Stirn Voc. – im Lit. heißt die Stirn *kaktà*; man wird daher kaum fehl gehen, wenn man auch für das Preuß. *kakto* statt *\*kakta* als die richtige Wortform annimmt.

**Baude** Scharwerk DC. – lit. *baudžawa* 'Frohdienst', *baudžù* aus *-dju*, inf. *baús-ti* aus *baud-ti* 'züchtigen, strafen', auch 'antreiben, zum Fleiße anhalten', *baudà* 'Strafe, Züchtigung' (Thes. p. 16.); vgl. altn. *bauta* 'schlagen'.

**Bebbint** inf. vb. spotten, *bebinnimai* 1. pl. praes. wir spotten Kat. – Wurz. *beb*; vgl. lit. *weblù*, *-blėti* 1) 'blaterare, schwatzen', 2) 'nachspotten, nachäffen'; schwed. *bjebba* 'belfern, blaffen'; holld. *babbelen* 'schwatzen, klatschen'.

**Bebrus** Biber, castor Voc. – im Lit. kommt neben *bébrus* (Ness. im Thes. schreibt *bébrus*, *bébrùs*) auch *wébrus* und mit anlautendem *d* statt *b*, wie im Sd.-slaw., *débrus* (am Haff 1) dass., 2) auch ‘Dachs’) vor; lett. *bebris*. Im Slaw. erscheint das Wort in zwei alten Hauptformen, welche den in den neuern slaw. Sprachen vorkommenden Wortformen zu Grunde liegen, nämlich: 1) \**bǫbr̥s*, erschlossen aus *bǫbrovina* ‘caro castoris’ Nom.-bulg. – *bebǫrb* Misc. 84. ist eine spätere Form statt *bǫbr̥s* – 2) *bobr̥s* Azb., beide sind auf die Grundform *babr̥s* zurückzuführen. Auf \**bǫbr̥s* stützen sich slov. *breber*, *brebor* mit eingeschobenem *r* nach dem *b* des Anlautes; ferner slov. *daber*, croat. serb. *dabar*, gen. -*bra*, deren anlautendes *d*, wie es scheint, der Dissimilation wegen die Stelle des ursprünglichen *b* einnimmt; die zweite Hauptform *bobr̥s* liegt dem slov. *bobr* (Janež.-Wb.), serb. *bobar*, gen. -*bra*, russ. *бобр̥с*, pol. böhm. ob- und nd.-serb. *bobr* zu Grunde. Auch in den german. Sprachen gibt es Verwandte: ahd. *pipur*, *pipir*, *pipar*, auch *bibar*, mhd. *biber*, nhd. *Biber*, ags. *beofor*, engl. *beaver*, holld. *bever*, altn. *bifr* und mit Ausstoßung des *f* *bior*, *biur*, schwed. *bäfver*, dän. *bäver*; man beachte ferner lat. *fiber* – durch Umstellung der Aspiration statt *bifer*; – it. *bivaro*, span. *bibaro*, *bevaro*, *befre*, fr. *bièvre*; auch in den celtischen Sprachen kommt der Name vor: welsch, korn. *befer*, gael. *beabhar*. Alle diese Wörter gehen, wie es scheint, auf das skr. *babhrú* them. adj. ‘flavus, rutilus’ (als subst. ‘ichneumon’) zurück.

**Beggi** denn Kat. – in *be-gi* zu theilen; lit. *be-gù*, *be-g’* ‘ob denn?’ in zweifelhaften Fragen; -*gi*, -*gu* sind enklitische Partikeln, s. **Gi**.

**Bêi**, *be* aor. ‘er war’ – zur Wurz. *bû* (*bouû*) ‘sein’ (s. **Bûton**); vgl. altsl. *bě* thema imperf. II. des Verb. *by-ti* – aus *bvě* statt *byě*: 1. sg. *bě-chs*, 2. 0, 3. *bě*.

**Billît**, *bilîtwei* vb. inf. Kat. ‘sprechen, nennen’, Wurz. *bil*; *billi* 1. sg. praes. aus *bilîu?* *billêmai* ‘wir sprechen’; *billîton* ‘Gesagtes’ n. sg. part. pass. – *billîsna* nom. sg. f. ‘der Spruch’, als nom. pl. gebraucht, *prei-billîsnâ* nom. sg. f. ‘die Verheißung’; lit. *bylà* f. ‘Rede, Erzählung’, auch ‘gerichtliche Verhandlung, Process’; *bylôti*, -*ôju* (obs.) ‘sagen, reden’; vgl. goth. *spillon* ‘erzählen, verkündigen’, *spill* n. ‘Sage, Fabel’, altn. *spialla* ‘sich unterreden’, *spiall* ‘dictum’, ags. *spell* ‘historia’, mhd. *spëllen* ‘erzählen, auseinandersetzen’, *spël* n. ‘Rede, Erzählung, Sage, Fabel, Märchen’, ahd. *got-spël* ‘verbum dei, euangelium’, *got-spëllôn* ‘euangelizare’.

**Birga-karkis** Kelle Voc. „großer tiefbauchiger Löffel“ Ness. – steht im Voc. vor *Leffel* unter den Küchengeräten; – der erste Theil soll wahrscheinlich *pirka* ‘die Bäckerei’ lauten (s. die Erklärung von **Au-birgo**); *karkis* als ein ‘tiefbauchiges Gefäß’ könnte mit altsl. *kr̥čag̥s* ‘vas fictile, urna’, russ. *коруазъ* ‘Schale, Becher’, *коруаза* ‘Asch, Gefäß zum Kwassteig’ (die

Wurz. ist altsl. *krak*, russ. *кopak*, die Suffixe sind: *jagσ* und *jaga*) wurzelhaft verwandt sein.

**Birge**, *birgo*, wahrscheinlich 'Viehlagel, Versteck' – erscheint in den Ortsnamen *wose-birge*, *wosi-birgo*, deren Bedeutung wahrscheinlich 'Ziegenlager' ist (Ness. Thes. p. 19). Ist diese Deutung richtig, so würden die preuß. Wörter mit – altsl. *bręgq*, *bręšti*, aus *bręg-ti* 'curare', – *sę* 'cavere', Wurz. *bręg*, durch Lautumstellung aus *berg*, russ. *беpeзы́*, *бepéчb* 'hüten, bewahren, sparen', *бepéчb-ся* 'sich hüten'; got. *baorgan* 'bergen, bewahren', ahd. *pęrgan* 'abscondere, servare', mhd. *bęrgen*, nhd. *bergen*, *ver-bergen*; ags. *beorgan* 'protectere, defendere', altn. *biarga* 'opem ferre, sustentare' – zusammenhängen. Miklosich führt im Lex. II. unter *bręgq* auch ein lit. *birginti* an, das ich jedoch nirgends finden konnte.

**Biskops** 'kat. Bischof' – aus dem German.: alts. ags. *biscop*, ahd. *piscof* – die german. Wörter stammen aus dem gr. lat. *ἐπί-σκοπος*, *episcopus*, eigentl. 'Aufseher'.

**Bitai** adv. abends Kat. – Ness. hält es für einen Dat. sg. zu einem Nom. \**bitas*; *bítas-îdin* acc. sg. 'das Abendessen' ib. – vgl. mhd. *bîten* (praet. 1. sg. *beit*, pl. *biten*) 'verweilen, warten, einem Frist zu etwas geben', *bît* n., *bîte* f. 'das Säumen, Warten, der Aufschub, Verzug'; ahd. *bîta* 'das Warten'.

**Blensky** Schilf Voc. – ein seltsames Wort; der Schilf heißt im Lit. *néndrė* und *léndrė*, pl. *-drės*.

**Blingis** Blei Voc. 'ein Fisch, cyprinus latus' – vgl. lit. *blejas* m., *blejė* f., pol. ob.-serb. *bleja* dass. (wohl aus dem Deutschen), nhd. *Bleie*, *Bleihe*, holld. *blei* f., ags. *blaeg* 'gobio', engl. *blay* 'Weißfisch'; lit. auch *blakis* 'Bleie'.

**Boadis** Stich Voc. v. **Bad**.

**Braydis** elint Voc. 'Elenthier, cervus alces'; lit. *brėdis*, lett. *brėdis* id. (Ness.). Man beachte mgr. *βpėđov* 'cervus vel cervi caput' DC.

**Brend** preuß. Wurz. 'schwer werden od. sein, schwellen', davon im Kat. *po-brendints* part. pass. 'beschwert', *po-brand-i-snan* acc. sg. 'Beschwerung', *brende-kermnen* 'schwanger' – es ist ein zusammengesetztes Wort aus *brende-* 'schwer' und *kermnen* statt *kermenen*, *-an* acc. sg. 'Leib, Körper' (nom. sg. *kermen-s*); im Kat. steht vor diesem Worte die Praep. *sen* 'mit', die den Dat. und Acc. regiert; die eigentliche Bedeutung von *sen brendekermenen* ist also 'mit schwerem Leibe'. Verwandt sind: lit. *brėndu*, gewöhnlich *bręstu*, praet. *brėndau*, inf. *bręsti* aus *brend-ti* 'Kerne, Körne ansetzen, sich füllen', *brindu*, *brísti* 'aufquellen durch Feuchtigkeit', *brandùs* 'körnig, körnig, gefüllt', *branda* 'Kern- od. Kornansatz' etc.; lett. *brėstu*, praet. *brėdu*, inf. *brėst* aus *brėd-t* 'quellen, an Dicke zunehmen', *brėd-ums* 'Zunahme in der Dicke'. Bemerkenswert ist das Vorkommen eines – dem Klange



und der Bedeutung nach – den pr. lit. lett. Wörtern sehr nahe stehenden Wortes im Serb. (in Syrmien), nämlich *na-brenditi*, *-dim* vb. pf. ‘intumescere’ „*usne* (labia) *mu nabrendile* (intumuerunt)“. Verwandt könnten gr. βρένθος ‘Stolz, Großthuerer’, βρενθόομαι ‘sich stolz gebärden, sich brüsten, großthun’ sein; dann wäre ‘Aufgeblasenheit (tumor)’ die ursprüngliche Bedeutung des Subst., ‘sich aufblähen’ die des Verbums; keineswegs kann aber altsl. *brěždъ* ‘praegnans’, fem. *brěžda* für \**brěd-ja*, th. *brěd*, mit *brend* zusammengestellt werden, denn der Stamm *brěd* hat sich, wie aus der russ. Form *берѣжая* zu ersehen ist, durch Metathesis etwa aus *berd* entwickelt, er gehört zur skr. Wurz. *bhar* ‘tragen’, slaw. *ber*: altsl. *brati*, *berq* ‘capere, colligere’, ursprünglich ‘tragen’, und könnte mit dem lat. Stamme *ford* in *ford-a* ‘trächtig’ – von der Wurz. *fer* ‘tragen’ – verglichen werden.

**Brewinnimai** vb. wir fördern Kat. – scheint german. Ursprungs zu sein: mhd. *vremen* ‘vorwärts bringen, ausüben’, altn. *fremja* ‘fördern’, so dass es statt *brem-inimai* stünde.

**Brisgellan** acc. sg. Zaum Voc. – lit. *brizgelas*; lautlich näher, als diese beiden Wörter, steht dem altsl. *brōzda* ‘frenum, habena, camus, capistrum’, russ. *бродá* ‘Zaum, Zügel’, das lit. *bruzduklas* ‘Zaum’ Bezz.

**Bruzgis** Geißel Voc. – ursprünglich vielleicht ‘Rutenbündel’; Ness. vergleicht es richtigerweise mit lit. *brūzgas*, auch *bruzginas* ‘Stumpf von abgehauenen Gesträuch’. Zu beachten ist gr. φρύγανον ‘Reis, Rute, Strauch, Reisisg’, Wurz. φρυγ, das verwandt sein dürfte; das *z* (*s*) vor *g* der preuß.-lit. Wörter wäre dann als eingeschoben zu betrachten.

**Bûrai** nom. pl. adj. Kat. ‘schüchtern, scheu’, genauer *biûrai*, hängt wohl mit lit. *biaurūs* adj. 1) ‘garstig, hässlich, abscheulich’, 2) ‘schlecht, unsittlich’, *pa-biuru*, *-biur-ti* ‘hässlich, schlecht werden’ zusammen.

**Burwalkan** acc. sg. Hof Kat. – lit. *burwalkas* – nach Bezz. ‘Vorstadt’ – eigentlich wohl ‘Hof, praedium’, aus dem deutsch. *Vorwerk*, mhd. *vor-wērc* ‘Landgut’; daraus stammen auch pol. *folwark* ‘praedium, villa’ und ob-serb. *fórwork* her.

**Bûton**, *bou-ton*, *boû-t*, *bau-ton* inf. vb. sein Kat. – Wurz. *bû* (*bou*, *bau*); verwandt sind: I. lit. *bû-ti* ‘sein’, praet. *buw-aú*, fut. *bû-siu* (skr. *bhavišyâmi*); lett. *bû-t*, praet. *biju*, fut. *bû-šu*, ‘sein’; II. altsl. *by-ti* ‘esse, existere, fieri’, ursprünglich auch ‘wachsen’, daher *by-lъ* f. ‘herba’, *by-lije* n. ‘planta, gramen, fructus arboreus’; inf. auch *by-tu* Greg.-Naz., part. fut. *byšę* ‘futurus’, *byšqštago* Greg.-Naz. – *by-ję* part. praes. ‘qui est’; Wurz. *by*; klruss. *бу-му* ‘esse, fieri’, russ. *бу-мъ* ‘sein, werden, geschehen’, pol. ob-serb. *być*, nd-serb. *by-s*, böhm. *býtí*, polab. *bâit* Schl. (*bayt* I.P., *beyt* E., *böit* I.P., *boit* I., *bäut* S.), slov. croat. serb. *bi-ti*, bulg. *бу* th. inf. – altsl. *byvati*, *-vaję* ‘esse, fieri’, eig. frequ., bulg. *бувам* ‘ich bin’, russ. *бувамъ*, *-ваю* frequ. ‘zu sein pflegen, geschehen’, pol. *bywać*, *-am* frequ. dass., böhm. *bývati*, *-vám*

‘zu sein pflegen, wohnen’, slov. croat. serb. *bivati*, *-vam* ‘sein, zu sein pflegen, geschehen etc.’ – žem. *buw-oti*, *-oju* ‘oft sein, zu sein pflegen’, preuß. *buwin-* th. inf. ‘wohnen’, *buwinaiti* imper. pl. ‘wohnet’ (im Kat. fehlerhaft *buwinanti*); /slaw./ *baviti* caus. ‘machen, dass jemand od. etwas irgendwo sei od. bleibe’, böhm. *baviti* ‘aufhalten, beschäftigen, unterhalten’, – *se* ‘sich beschäftigen, sich unterhalten, verweilen’, croat. *baviti se* ‘weilen, verweilen’, russ. *бáеумь-ся* ‘sich mit etwas beschäftigen, verweilen’; altsl. *baviti*, *-vlję* nur mit Vorsetzpartikeln: *do-baviti* ‘perducere’, *za-baviti* ‘impedire, offendere’, *pri-baviti* ‘addere, acquirere’, slov. croat. serb. *pri-baviti* vb. pf., *-bavljati* vb. dur. 1) ‘hinzuthun, zugeben’, 2) ‘beischaffen’, russ. *нпу-бáеумь* vb. pf., *нпу-бáеумь* vb. dur. ‘hinzufügen, zugeben’ etc. etc. – skr. caus. *bhāváyâmi* ‘facio, ut sit’. – III. skr. *bhû* Wurz. ‘esse, existere, fieri’, 1. sg. praes. act. *bhāvâmi*, 3. sg. praes. *bhāvati*; *bhāvant-* part. praes. ‘qui est’; aor. *á-bhûvam*, perf. *ba-bhûva*; *bhûtá* (thema) part. perf. pass. 1) ‘factus’, 2) ‘qui est, existit’; zend. *bû* Wurz. ‘fieri, esse’, 1. sg. praes. *bavâmi*, 3. sg. *bavaiti* st. *-ati*; altpers. *bu* ‘esse’; IV. auch in den celt. Sprachen: ir., altbrit. *buith*, *but* ‘esse’ Z. I.44., armor. *bout*, kymr. *bot* id., kymr. *byd* ‘esto’, korn. *beth* id. – V. in den germ. Sprachen: altn. *bû-a* ‘habitare, rusticari’, *bÿ* ‘habito’, *bû* (dat. pl. *bû-um* und *bû-m*) 1) ‘Wohnung’, 2) ‘agricultura, rus’; *bû-andi* ‘agricola’, eigentl. part. praes. act. v. verb. *bû-a*; goth. *bau-an* ‘wohnen, bewohnen’, *bau-ains* ‘Wohnung’; alts. *biūm* ‘sum’; ags. *bû-an* ‘wohnen, bauen’; ahd. *pûw-an*, *bûw-an*, mhd. *bûw-en*, *bouw-en*, *biuw-en* 1) ‘wohnen, besuchen, sein’ (*das siechûs b.* ‘im Krankenhause sein’), 2) ‘bauen, das Feld bebauen’, ahd. *bû-unga* ‘habitatio’, holld. *bouw-en* ‘bauen’ – vgl. lit. *buw-is* m. ‘Wohnsitz’, slaw. *byv-ati*, pr. *buw-in* th. inf. ‘wohnen’; VI. gr.  $\varphi\upsilon-\omega$ , fut.  $\varphi\upsilon-\sigma\omega$  intrans. ‘entstehen, wachsen, sein’, trans. ‘erzeugen, schaffen, entstehen od. wachsen lassen’,  $\varphi\upsilon-\tau\acute{o}\varsigma$  adj. ‘erzeugend, fruchtbar’,  $\varphi\upsilon-\tau\acute{o}\nu$  n. 1) ‘Gewächs, Pflanze’, 2) überhaupt ‘Geschöpf’; lat. *fu* in *fu-i*, *fu-turus* etc. etc.

**Bu-sennis**, *bou-sennis* nom. sg., *bu-sennien* acc. sg. ‘das Wesen, der Stand’, Wurz. *bu* ‘sein’, Suffix *-sennis*, das auch in *gul-sennin* acc. sg. ‘Schmerz’, *gim-sennin* acc. sg. ‘Vergebung’ u.a. vorkommt.

galtet aus der Prop. OEB und Boppe  
 = pora; pora ist eine (Kleinigkeit  
 im Buch Arce (L. 1000) wo steht:  
 Hb. Arce porum porum porum porum  
 und por si entstehen porum  
 mit lit. por lit. im albt. kommt  
Boppe auch als Simplex in der Beu-  
lung Clavatum vor; shi; was  
erwarten, arce, impedire.  
Arce f. Jame Por. vi entpre-  
chen lit. und glau Benennung  
und por in Theo. enthalten; da  
zu nd. ist aple Tanne und lit.  
eghus taxus laccata; bei Nor.  
auch eghus ist oglus Quas. -  
vielleicht ist das g hier ursprung  
licher, als ras o.

schließen, verschließen, abperren-  
 verwunden und gleichbedeutend die  
 Wurzel wer, welche im Haupt in  
 der Zusammensetzung mit der Prop.  
et st. et die Wurde angefallen  
zu öffnen, angenommen habe; et are  
ad meri öffnen; auch lit. et meri;  
ling. wäre öffnen; was, der  
mit wäre wäre, ist verwand  
Stellbaum, Abheben, im pot. pre por  
pora, oder pre pora; Stallbaum  
(Länge zu öffnen, was ist im and  
den por habe habe stet  
opora restis, pro por opora por  
Cubus, st. ob pora, zusammen

Rukopis práce Ant. Matzenauera Beiträge zur Kunde der altpreußischen Sprache (s. 2, 3)



# Matzenauerovy etymologie v Etymologickém slovníku jazyka staroslověnského<sup>1</sup>

Pavla Valčáková

Jazykovědec Antonín Matzenauer (1823-1893) zanechal po sobě publikaci *Cizí slova ve slovanských řečech* (dále jen Matzenauer 1870), kterou v r. 1870 vydala Matice Moravská v Brně, a etymologické výklady slovanských slov, které uveřejňoval pod názvem *Příspěvky ke slovanskému jazykozpytu* v Listech filologických (dále LF) v letech 1880-1893 a které jsou v podstatě srovnávacím slovníkem slovanských jazyků. Hesla obsahují slovní spojení, kompozita, sémantické paralely a vedle etymologických i věcné výklady a jsou rozdělena do 22 statí. Sám autor Příspěvků o své práci říká: „... dovoluji si umístiti v těchto listech ze své hojné zásoby slov etymologicky skoumaných následující rozbor slov důležitějších, buďto etymologicky temných nebo ne dosti jasně vysvětlených aneb četným příbuzenstvím, přesmyknutím hlásek, rhinesmem, nebo z jakýchkoli jiných příčin zajímavých“ (LF 7, 1880, s. 1). Jeho práce bohužel zůstala torzem – poslední stať skončil heslem **skrodlić** ‘obdělávat pole branami’ (LF 20, 1893, s. 24).

Jak uvádí Pastrnek ve své stati o Matzenauerovi v Ottově naučném slovníku, „oba spisy Matzenauerovy mají povahu etymologickou a podávají mnoho cenného materiálu, který ovšem podle nynějších pokroků vědy jazykozpytné třeba značně doplniti a opravit“ (OtSN XVI, 1900, s. 1002n). Pro svou cennost a originalitu jsou Matzenauerovy práce citovány (a doplňovány i opravovány) v dnešních etymologických slovnících slovanských jazyků, především v *Etymologickém slovníku jazyka staroslověnského* (dále ESJS), který vydává od r. 1989 kolektiv autorů z etymologického oddělení Ústavu pro jazyk český AV ČR. Slovník vychází z materiálu *Slovníku jazyka staroslověnského*<sup>2</sup>. Zatím vyšlo 11 sešitů (A – počína).

Doposud vydané sešity obsahují celkem 1495 hesel. Matzenauerovy výklady se vyskytují v 136 heslech, což je téměř 10% z celkového počtu. To je poměrně vysoké číslo vzhledem k tomu, že jde o etymologie staré více

---

<sup>1</sup> Příspěvek vznikl za podpory grantu GA ČR č. 405/01/0109. V příspěvku je použito zkratk totožných se zkratkami v *Etymologickém slovníku jazyka staroslověnského*, Praha 1989n.

<sup>2</sup> *Slovník jazyka staroslověnského* I-IV. Hlavní redaktoři Josef Kurz a Zoe Hauptová. Praha 1958–1997.

než sto let. Poměrně často jde o prvovýklady slov. Vyskytují se ve slovech všeslovanských (např. *bystrъ, drugъ, dъždь, chladъ, igra, měchъ, město, pěšъ, plavъ, plěva*), v těch, která se vyskytují jen v některých slovanských jazycích (čreňnovitъ, *glumъ, klepъcb, klъbъkъ, klъcati, krabiъ, ladъno, latiti, liceměrъ, matorъstvo, obilъ, oriti, otlъ, pitati, poganstvije, posagъ* aj.), i v termínech dochovaných jen v stsl. a csl. (např. *brъselije*).

Protože Matzenauer byl zastáncem starogramatických zásad, omezují se jeho výklady na srovnávání slovanských slov s termíny neslovanskými, především baltskými a germánskými; neobsahují rekonstrukce praslovanských ani indoevropských kořenů. Např. resl. adv. *golěmo* ‘mnoho’ spojuje (LF 7, 186; sr. i ESJS 3, 186) s rodinou lit. *galėti* ‘být s to’ a s kymer. *gallu* ‘moci, být schopen’ (< ie. *\*g(h)al-* ‘moci, být schopen’), stsl. *chladъ* ‘chlad, chladný vánek’ s lit. *šáltas* ‘chladný, mrazivý’ (< ie. *\*gel-/\*kél-* ‘studený, mrznout’), *brъsnъti* ‘odírat’, příbuzné s ojedinělým stsl. *brъselije* ‘střepiny’, spojuje s lit. *braũkti* ‘čistit, škrábat’ (< ie. koř. *\*bhreu-k̃*; LF 11, s. 325; ESJS 2, 82n), stsl. *kotora* ‘svár, spor’ s něm. *Hader* ‘hádká, svár’, gal. *catu-*, ir. *cath* (< ie. *\*kát-(e)ro* ‘boj’, *\*kát-* ‘bojovat’)<sup>3</sup>. Podobně u csl. *lomiti* uvádí Matzenauer příbuzná balt. a germ. slova a tak nepřímou určuje společný ie. koř. *\*lem-* ‘lámat (se)’ (LF 9, 214n; ESJS 7, 435n). Tyto i následující výklady jsou dodnes (a patrně zůstanou i v budoucnu) platné. Některé z nich se netýkají přímo slova uvedeného v záhlaví hesla, např. u csl. *latiti* ‘vyčíhat, lapit’, které se uchovalo v tomto významu jen v sch. a sln., se Matzenauer zabývá příbuzným *latъnъ* ‘snadný, laciný’ (č. slk. stp.), které spojuje s lot. *lěts* ‘lehkomyšlný, levný apod.’ (LF 9, 185; ESJS 7, 404n).

Značné množství Matzenauerových prvovýkladů nacházíme u přejatých slov: stsl. *lavra* ‘lávra, klášter anachoretů’ ze stř. *λάβρα, λούρα* ‘klášter, se-skupení cel’, pův. ‘ulička, úvoz’ (Matzenauer 1870, 238; ESJS 7, 405n), csl. *litonъ* ‘sakrační textilie na oltáři ve vých. liturgii (v záp. liturgii korporál)’ ze stř. liturg. *εὐλητόν* tv. (Matzenauer 1870, 395; ESJS 7, 428), csl. biblis-mus *mamona* m. i f. ‘mamon, majetek’ z ř. *μαμ(μ)ωνᾶς* ‘peníze, bohatství, zříštnost’ (LF 10, 60; ESJS 8, 453n) aj.

Názory na původ některých slov, považovaných dříve za přejetí, se někdy mění, např. csl. *matorъstvo* ‘(pokročilé) stáří’ je v současnosti nejčastěji pokládáno za už předsl. derivát ie. *\*māter-* ‘matka’, přesto nelze vyloučit ani Matzenauerovo staré spojení s lat. *mātūrus* ‘zralý, dospělý’ (LF 10, 64; ESJS 8, 458n). U putovního kulturního slova *mečъ* zastává Matzenauer názor, že jde o slovo domácí (Matzenauer 1870, 62; ESJS 8, 460). Za domácí,

---

<sup>3</sup> Etimologičeskij slovar’ slavjanskich jazykov. Praslavjanskij leksičeskij fond. Red. O. N. Trubačev. Moskva 1974n. Seš. 11, 200.

tentokrát patrně právem, pokládá i sl. *lichva* ‘úrok, nespravedlivý zisk, lichva’; často je sice spojováno s gót. *\*leihwa* ‘půjčka’, ale protože je to jen rekonstrukce a doložena jsou pouze slovesa (gót. *leihwan* apod.), je pravděpodobnější Matzenauerův výklad slova jako derivátu od adj. *lich𐌸* ‘přílišný, nadbytečný’ (Matzenauer 1870, 56; ESJS 7, 422). Jindy Matzenauer naznačuje dnes uznávaný výklad, sám však je zastáncem starší etymologie; např. v souvislosti se stsl. *kr̥sma*<sub>1</sub> ‘zád lodi’ uvádí i ř. *χορμός* ‘kmen zbavený větví, kláda, tyč’ (< ie. *\*(s)ker-* ‘řezat’), dává však přednost dříve běžně uznávanému spojení s ř. *πρόμνα* ‘zád lodi’ (LF 9, 20; ESJS 6, 375).

Jeho výklady jsou přesvědčivé zejména ze sémantického hlediska, např. psl. *\*korva* ‘kráva’ vysvětluje jako ‘rohaté zvíře’ a spojuje s jinými názvy rohatých zvířat ve sl. i jiných ie. jazycích (LF 9, 6n; ESJS 6, 362); motivace pojmenování výraznou vzhledovou odlišností je velmi pravděpodobná. – Také u všsl. *lopata* ‘lopata, vějačka’ uvádí Matzenauer (LF 9, 215n; ESJS 7, 437) vedle příbuzných balt. slov podobného významu i germ. a balt. slova s významem ‘tlapa, dlaň’; slova spojuje nejen vzhled, ale také funkce (lopata přebírá částečně funkci dlaně, tlapy). Řadu sém. blízkých dokladů uvádí Matzenauer u slov onomatopoického původu, např. u stsl. *klepъць* ‘sklopec, past na ptáky’, denominativa od onom. *klepati*, uvádí vedle známého něm. *zuklappen* ‘uzavřít’ a dalších příbuzných germ. slov i sém. paralelu střlat. *clappa* ‘past’ (LF 8, 171; ESJS 5, 313), podobně u *kl̥cati* ‘hloubat, klepat, tlouci apod.’, kde uvažuje ještě o dalším příbuzenství s dán. *hulke* ‘vzlykat, štkát’ a s lot. *klukucēt* tv. (LF 8, 176; ESJS 6, 324), u onom. *klokotati* ‘prudce vařit’ uvádí Matzenauer isl. *hlakka* ‘křičet, výskat’, *hlökkta* ‘znít, zvonit’ (LF 8, 174; ESJS 6, 321), doklady balt. onom. slov uvádí u onom. názvů ptáků – stsl. *kragui* ‘krahujec’ (Matzenauer 1870, 49n; ESJS 6, 355) a *krastělv* ‘chřástal’, ‘křepelka’ (LF 9, 5n; ESJS 6, 362) ap.

Jako všichni etymologové, má i Matzenauer výklady málo pravděpodobné: např. stsl. *krotъkъ* ‘krotký, mírný’ bývá běžně spojováno s výrazy pro kastraci, Matzenauer však spojuje s ř. *κράτος* ‘síla, moc’ (LF 9, 14; ESJS 6, 369n); csl. *k̥metъ* ‘vesnický předák’, v současných sl. jazycích ‘vážený muž, stařešina, šlechtic, světský n. církevní hodnostář apod.’ je nejčastěji vykládáno jako přejetí z lat. *comes* ‘průvodce, člen družiny’, Matzenauer je však má za přejetí z ř. *χωμητήης* ‘obyvatel vesnice’ (Matzenauer 1870, 43; ESJS 7, 392); pouze stsl. *oimi* pl. ‘vojáci’, patrně přejetí z protobulharského kmenového jména, Matzenauer spojuje s nejasným lit. *áimė* ‘množství’ (LF 11, 348; ESJS 10, 578; Fraenkel s. 2, 3); stsl. *ovošte* ‘ovoce’, stejně jako balt. a toch. slova s tímto význ. z ie. koř. *\*H<sub>2</sub>eug-* ‘sílit, růst’, Matzenauer málo pravděpodobně spojuje se stind. *vata-* ‘*Ficus indica*’ (LF 12, 180; ESJS 10, 612) apod.

Při hodnocení Matzenauerových etymologických výkladů je třeba mít na paměti, za jakých podmínek vznikaly jeho vědecké práce. Kromě minimální možnosti srovnání s jinými etymologickými pracemi chyběly i slovníky jednotlivých slovanských jazyků a také odborné práce o předmětech, jejichž názvy se zabýval. Např. starý kulturní stěhovavý termín *črěšbnja* byl přejat prostřednictvím lat. *cerasus* ‘třešeň (strom)’ z ř. *κερασος*; o románském prostřednictví se zmiňuje jako první Matzenauer (Matzenauer 1870, s. 25; ESJS 2, 113). S literaturou týkající se historie výsadby ovocných stromů, uvedenou v hesle ESJS, se jeho zmínka jeví jako samozřejmost, je třeba si však uvědomit, že tato literatura vyšla většinou po jeho smrti.

Všem Matzenauerovým etymologiím, těm přesvědčivým i těm málo pravděpodobným, právem náleží místo v moderních etymologických slovnících, kde jsou dokladem vývoje etymologie. Vybrat nejzajímavější z Matzenauerových výkladů, uvedených v ESJS, je velmi obtížné; zde uvedené příklady jsou jen připomenutím Matzenauerovy vědecké erudice, péle a jeho přínosu budoucím generacím etymologů.

### Matzenauer’s etymologies in the Etymological Dictionary of Old Church Slavonic

Matzenauer’s etymological interpretations existing for more than a hundred years have its place in modern etymological dictionaries as it is evidenced with the given documents in the volumes of Etymological Dictionary of Old Church Slavonic that have been published so far.

*Etymologické oddělení, Ústav pro jazyk český AV ČR  
Veveří 97, 602 00 Brno, Česká republika  
pavla.valcakova@iach.cz*



# К типологии взаимодействия этимологических гнезд

*Жанна Ж. Варбот*

Основу генетической организации лексического фонда языка составляют этимологические гнезда, определение состава которых и соответственно дифференциация которых является одной из фундаментальных задач этимологии. Но, как заметил Я. Малкиел, «определенная степень контаминации между гнездами, сходными по форме и значению, является скорее правилом, чем исключением» (Malkiel 1954, 274). В качестве графического образа этимологического гнезда Малкиел предлагал круг, при этом «область, общая для двух перекрывающих друг друга кругов, может быть как большой, так и малой, а в исключительных случаях круги почти полностью совпадают» (Там же). Малкиел призывал к осторожности в использовании терминов «гибрид», «слияние», «контаминация» (Там же). Однако, очевидно, что и методика, и теория этимологии требуют анализа как условий взаимодействия этимологических гнезд, так и форм, этапов, стадий, то есть типологии этого взаимодействия, которая не может исчерпываться количественными (= пространственными в модели кругов) характеристиками.

Условия взаимодействия гнезд в сущности известны – это формальное и семантическое сближение (паронимия, омонимия, синонимия) лексем, принадлежащих к различным этимологическим гнездам. Существенно, однако, уточнение степени сближения (хотя бы формального), достаточной для взаимодействия гнезд. Сближение лексем происходит вследствие фонетических, морфонологических, морфологических, семантических изменений в различные периоды истории языка. Соответственно на разных хронологических уровнях складываются условия для сближения лексем лишь определенной структуры, так что процесс взаимодействия может затрагивать в разные периоды различные этимологические гнезда. Поэтому наиболее надежным представляется изучение типологии этих процессов на материале, наиболее приближенном к современному состоянию и особенно на диалектном.

Ниже предлагается опыт выделения нескольких типов (= этапов?) развития взаимодействия этимологических гнезд.

I. Начальным этапом взаимодействия этимологических гнезд можно считать формальное и семантическое сближение отдельных лексем, которое, как уже было сказано, является условием этого взаимодействия. Например, в результате упрощения группы согласных *pn* в основе глагола на *no*- гнезда \**supti*, \**sɔpɔ* ‘сыпать’ эта основа еще в праславянский период совпала по форме с *no*-основой гнезда \**sovati*, \**sujo*: ср. с.-хорв. *сýнути* ‘немного налить, насыпать’ (при *на̀сүти*, *на̀спѣм* ‘налить, насыпать’), польск. *osypać* ‘осыпать, покрыть’ и русск. диал. *осýнуться* ‘обвалиться, обрушиться; осесть, спрессоваться’ (СРНГ 24, 41, при диал. *осовáться* ‘обваливаться, обрушиваться’ – Там же, 40). Значения рефлексов основы \**obsunoti* почти равно возводимы к обоим гнездам, поэтому в этом случае можно говорить о наложении, совмещении двух гнезд в одной лексеме.

II. Отражением следующего этапа представляются случаи усвоения одной из сблизившихся формально лексем семантики другой. Например, русск. диал. том., сиб. *натыкáть* ‘учить, подсказывать, направлять’ (СРНГ 20, 240; Сл. Сиб. 2, 363; Сл. перм. 1, 576), будучи производным гнезда \**tskati* ‘совать’, усвоило семантику паронима сиб. *натокáть* ‘посоветовать, указать’ (Сл. Сиб. 2, 361), перм. *натакáть* то же (Сл. перм. 1, 573), восходящего, вероятно, к гнезду \**tekti* / \**točiti*. В подобных случаях можно уже видеть взаимодействие гнезд.

III. Формальное сближение лексем, основ или корней разных гнезд иногда обуславливает этимологическую переориентацию производного одной из этих лексем, что проявляется в изменении его значения в сторону сближения с семантикой другого гнезда. Например, две праславянские глагольные основы – \**orati* ‘пахать’ и \**orati* ‘кричать’ дали в русском языке омонимы, существенно различающиеся по степени и сферам употребительности: *орать* ‘пахать’ известно в основных диалектах. Русск. *орава* вместе с кашуб. *orava* ‘соседская взаимопомощь при пахоте’ восходит к производному от праслав. \**orati* ‘пахать’ (Варбот 1974, 100-103), но современное значение русского слова ‘беспорядочное и шумное скопление людей’ (Ожегов-Шведова 470) указывает на перетягивание его в гнездо *орать* ‘кричать’.

Другой пример того же типа: омонимия корней *копать* и русск. диал. сиб. *кóпа* ‘копна сена, охалка сена’ (Сл. Сиб. 2, 107) обусловила появление у глагола *копóть*, наряду с этимологическим

значением ‘поднимать пыль’, также значения ‘перевертывать, разбивать валы скошенной травы’ (Сл. Сиб. 2, 111), то есть произошла семантическая контаминация двух гнезд в пределах производного одного из этих гнезд.

Особенно ярким случаем этого рода являются лексические последствия омонимии продолжений праславянских глаголов *\*vezti* и *\*vezti* в русских говорах. Уже в праславянском языке эти глаголы были сближены, помимо консонантного состава корней, также и одной акцентной парадигмой *s* (Дыбо 1990, 78; Дыбо 2000, 546, 553). В истории русского языка, особенно в акающих говорах, произошло отождествление гласных корневых слогов в тех формах обоих глаголов, где эти слоги были безударными, произошло также обобщение безударного вокализма для подударного положения. В результате в орловских говорах зафиксированы глаголы *развезти́* ‘распустить петли вязаного изделия’ и *развезть* со значениями ‘везя, доставить в разные места, развезти’ (то есть продолжение др.-русск. *везти* < праслав. *\*vezti*) и ‘распустить петли вязаного изделия, превратив его в нити’ (Надь *развесть* насок ды нъдвзять, а то мал – Сл. орл. 12, 20; это рефлекс др.-русск. *везти*, *везу*, *везеть* ‘вить’, ст.-русск. *вязти*, *вязут* ‘вязать’). Таким образом, здесь представлен I этап – наложение образований двух гнезд. Но оно получило в орловских говорах продолжение – в переосмыслении глагола *возить*: при генетической принадлежности к гнезду *везти*, он приобрел функцию формы несовершенного вида к *развезти* ‘распустить петли вязаного изделия’: *Развозит* сваю кофту, а нитки внуку нъ свитерок. *Ръзвазитъ* нада – ръзвизу визёнку. *Ръзвазилъ* старые вещи и наски вязла (Сл. орл. 12, 26).

Эта индукция семантики гнезда *\*vezti* в производное гнезда *\*vezti* позволяет предполагать ту же природу для двух значений глаголов *развезти*, *развозить* в русском литературном языке (и некоторых говорах). Во-первых, это значение ‘делать труднопроходимым, труднопроходимым во время дождей, таяния снега и под. (о дороге)’: *дорогу* совсем *развезло*. Семантика затруднения, неудобства для движения вследствие размокания, грязи с древности представлена в гнезде *\*vezti*: см. др.-русск. *везити* ‘погрязнуть’ (СДР II, 312), совр. *вязнуть*, *увязать*, *вязкий*, диал. новг. *вязель* ‘топкое, болотистое место, пучина; жидкая, вязкая грязь; размякшая от воды почва’ (Новг. сл. 1, 156) и т.п. Поэтому представляется вероятным, что глагол *развезти* (а отсюда и *развозить*) усвоил это значение только вследствие омонимизации некоторых форм с формами утраченного литературным языком глагола *вязти*.

Второе «подозрительное» (неорганичное) значение *развезти*, *развозить* – ‘приводить в состояние полной расслабленности, изнеможения (о действии вина, жары, болезни)’. Приведенный Далем текст *его всего развязало* ‘ослаб, нет силы встать, работать’ (Даль IV, 21), диал. сиб. *наразвязят* ‘в состоянии сильного опьянения’ (Сл. Сиб. 2, 351) и литер. *развязный* ‘излишне свободный в обращении с людьми, наглый’ свидетельствуют в пользу индукции значения в глаголе *развезти* под влиянием того же *вязти*. Первичность \**vezti* в этом употреблении подтверждают также русск. диал. иркут. *связа́ть* ‘одолеть, скрутить (о болезни)’ (СРНГ 36, 338) и чеш. диал. *vázlý* (о болезни) ‘затяжной’ (Kubín 1913, 244).

IV. Еще более ярким проявлением взаимодействия этимологических гнезд является образование от формально «общей» для двух гнезд лексемы или основы нового производного слова, совмещающего структурную модель одного гнезда с семантикой другого. Например, на основе формального тождества корней слов *огромный* и *гром*, *громить* от *огромный* образовано русск. диал. перм. *огромучий* ‘огромный’ (СРНГ 22, 356), суффикс которого предполагает отглагольное происхождение.

V. Наконец, структурным оформлением взаимодействия гнезд может быть преобразование формы одной из паронимичных основ в направлении отождествления с основой другого гнезда. Подобное ложное восстановление корня обнаруживается и при сопоставлении *огромучий* (см. выше IV) и русск. алт. *огремучий* ‘обильный, крупный (о ягоде)’ (Сл. Алт. 3, 90). Таким образом прилагательное оказалось окончательно включенным в гнездо *гремять*.

Обратное ложное восстановление корня нередко происходит в глагольных *-nd-* основах. Таким процессом можно объяснить отрыв русск. *(за/в)стря́ть* от бесспорно родственного польск. *zastrzac*, *ustrzał*, *ustrzał* < \**-stregti* (ср. лит. *strigti*, *stringu* – Brückner 522). Древнерусские формы *постряпуче* (1341 г., к *постряти* – СлРЯ XI–XVII вв. 17, 262), *устряпу* (XV в., к *устряти* – Срезневский III, 1290), *устряпати* (Ип. лет. 6662 г. – Срезневский, там же) с общей семантикой ‘замедлить, замешкаться, задержаться’ и *стряпати* ‘медлить’ (Ип. лет. 6654 г. – Срезневский III, 574) послужили основанием для генетического отождествления русск. *-стря́ть* с глаголом *стряпать* ‘работать, готовить (особенно пищу)’ (Фасмер II, 82; Черных I, 318), несмотря на семантические расхождения. По диалектам отмечены, однако, формы со структурой корня, идентичной польской: южн., твер., симб. *застряга́ть*, *застря́гнуть* (СРНГ

11, 70). С другой стороны, примечательны диалектные варианты волог. *втрѣпаться* ‘неожиданно попасть в грязь; попасть в неловкое положение’, *втрѣпаться* то же (СРНГ 5, 233, 234), *втрѣпаться* новг., пск., волог., арханг. ‘упасть куда-либо, завязнуть в чем-либо’, олон., амур. ‘попасть в тяжелое положение’ (СРНГ 5, 233) и тул. *затрѣснуть* ‘задержаться, застрять где-либо’ (СРНГ 11, 109), которые обнаруживают разнонаправленные попытки включения основы глагола *-стрять* путем обратного восстановления согласного корня в различные этимологические гнезда. Поэтому представляется, что прав был Брюкнер, объяснивший форму инфинитива *-стрять* (вместо этимологического \**стрячь* < \**stregti*) влиянием *-стрянуть* (Brückner 522). Появление же *-стряту*, *-стряпати* – это лишь один из многих (см. выше), но утвердившийся в древнерусском языке вариант обратного восстановления корня на базе *пг*-основы *-стрянути* – вариант, введший глагол *-стрять* в родство со *стряпать* ‘работать, готовить (пищу)’.

Предложенный выше опыт анализа взаимодействия этимологических гнезд позволяет, кажется, сделать некоторые обобщения: наиболее существенным условием для взаимодействия гнезд является формальное (а не семантическое) подобие (см. особенно случаи *огромный* – *огромучий* – *огремучий*, *вязать* – *возить*); взаимодействие имеет различные формы проявления, которые в значительной мере отражают различные этапы этого процесса (см. I как общее условие для II, III, IV и V; последовательность IV и V в случае *огромучий* – *огремучий*); взаимодействию способствует архаизация или распадение одного из гнезд (см. случаи *орава*, *-стрять*) и тогда взаимодействие может превращаться в поглощение одного гнезда другим.

## ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Варбот 1974 Варбот Ж.Ж.: Какого происхождения слово *орава*? // *Русская речь*, 1974, № 3.
- Даль Даль В.И.: *Толковый словарь живого великорусского языка*. Изд. 2-ое. М., 1955 (= СПб, 1880-1882). Т. I–IV.
- Дыбо 1990 Дыбо В.А., Замятина Г.И., Николаев С.Л.: *Основы славянской акцентологии*. М., 1990.
- Дыбо 2000 Дыбо В.А.: *Морфонологизированные парадигматические акцентные системы*. Типология и генезис. Т. I. М., 2000.

- Новг. сл. *Новгородский областной словарь*. / Отв. ред. В.П. Строгова. Новгород, 1992-2000. Вып. 1-13.
- Ожегов–Шведова Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.: *Толковый словарь русского языка*. М., 1992.
- СДРЯ *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)* / Гл. ред. Р. И. Аванесов. М., 1998–, Т. I–.
- Сл. Алт. *Словарь русских говоров Алтая*. / Под ред. И. А. Воробьевой. Барнаул, 1991-1998. Т. 1-4.
- Сл. орл. *Словарь орловских говоров*. / Научн. ред. Т. В. Бахвалова. Ярославль – Орел, 1989–. Вып. 1–.
- Сл. перм. *Словарь пермских говоров*. / Сост. Г. В. Бажутина, А. Н. Борисова и др. Пермь, 2000–2002. Вып. 1–2.
- СлРЯ XI–XVII *Словарь русского языка XI–XVII вв.* / Гл. ред. С. Г. Бархударов (вып. 1-6), Ф. П. Филин (вып. 7-10), Д. Н. Шмелев (вып. 11-14), Г. А. Богатова (вып. 15–). М., 1975–. Вып. 1–.
- Сл. Сиб. *Словарь русских говоров Сибири*. / Под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1999–. Т. 1–.
- Срезневский Срезневский И. И.: *Материалы для словаря древнерусского языка*. М., 1958 (= СПб, 1893-1903). Т. I–III.
- СРНГ *Словарь русских народных говоров*. / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1-23), Ф. П. Сороколетов (вып. 24–). Л. (= СПб), 1966–. Вып. 1–.
- Фасмер Фасмер М.: *Этимологический словарь русского языка*. / Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. М., 1964-1973. Т. I–IV.
- Черных Черных П. Я.: *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. М., 1993. Т. I–II.
- Brückner Brückner A.: *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków, 1927.
- Kubín Kubín J.: *Lidomluva Čechů kladských*. Praha, 1913
- Malkiel 1954 Malkiel J.: *Etymology and the Structure of Word Families* / Word, v. 10, № 2-3, 1954.

# Ergebnisse und Perspektiven der bulgarischen Etymologie

*Ivan Duridanov*

Der Anfang der bulgarischen Etymologie ist eng verbunden mit der Wiedergeburt des bulgarischen Volkes. Seit der Mitte des 19. Jhs. kämpften die Bulgaren unaufhörlich gegen das griechische Patriarchat für geistliche und kirchliche Unabhängigkeit und gegen die osmanisch-türkische Herrschaft. Bei diesen Bedingungen gab es für die bulgarische Intelligenz keine günstigen Verhältnisse, sich mit den verschiedenen Zweigen der Wissenschaft zu befassen. Es gab im gewissen Masse ein Interesse für die Etymologie, doch basierte sie nicht auf wissenschaftlichen Prinzipien, sondern oft von den patriotisch-romantischen Ideen der Autoren bedingt.

Die ersten etymologischen Versuche verdanken wir dem bekannten bulgarischen Schriftsteller und Revolutionär Georgi Stojkov Rakovski (1821-1867). Die klassischen Sprachen (Griechisch und Latein), die offizielle osmanisch-türkische Sprache sowie das Arabische und das Persische hat er in der griechischen Schule „Kuru-Češme“ in Konstantinopel kennengelernt. Später, als er sich in Marseille zwei Jahre (1842-1843) zwangsläufig aufhalten musste, hatte er die Möglichkeit sich mit Sanskrit und Zend (Awestisch) bekannt zu machen (dort fand er in den Bibliotheken Literatur in diesen Sprachen). Seine Sprachkenntnisse erweiterte Rakovski während seines Aufenthaltes in Novi Sad, Braila, Athen und Odessa, so dass er Serbisch, Rumänisch, Neugriechisch und Russisch beherrschte. Unter dem Einfluss von M. Müller (*La science du langage*) gelangte er zum Gedanken wie eine Sprache wissenschaftlich zu erforschen ist: „Die primitive Sprache jedes Volkes muss in der ursprünglichen Erscheinung des Menschen aufgesucht werden . . . Die Sprache jedes Volkes soll zu einem solchen Punkt oder einer Grenze zugeführt werden, von der weiter nicht zu kommen ist“ (Vorwort zu *Ključ bolgarskago jazyka*, 1858, hrsg. 1880). Bei der Analyse der Wörter macht jedoch Rakovski grobe Fehler. In den meisten Fällen vergleicht er die von ihm angenommenen Wörter oder Wortteilen aus dem Sanskrit und Zend mit bulgarischen Wurzeln ganz willkürlich. Z. B. erklärt er den altindischen GN *Višnu* in Verbindung mit bulg. *visok* „hoch“. Ebenso sind willkürlich die Vergleiche mit Wörtern aus anderen Sprachen, wie z. B.: ON *Bagdat* = slaw. *Bogo-dat* „vom Gott gegeben“, *Babilon* = slaw. *Babalono* „Grossmuttergeschoss“ (?), *Olymp* – bulg. *ela, elha* „Tanne“; gr. *glosse*,

verwandt mit bulg. *glas* „Stimme“ (?), *grǎk* „Grieche“ = slaw. *gorak* „Waldbewohner“. Den Namen der Franken führt Rakovski auf *Frang*, abulg. *frǫg* und weiter auf bulg. *frǫgam* „werfen“ zurück, was sinnlos ist; *blǫgarin* „Bulgare“ stellt er zum Adj. *blǫg* „sanft, mild“ + Suffix *-ar* + *-in* wie im Wort *ovčarin* „Schäfer“. Wir finden bei Rakovski in seltenen Fällen richtige Deutungen, z. B. gr. *Foida* – bulg. *veda*, *vedja* „ich weiss“, gr. *hydōr* – slaw. *voda*, gr. *didōmi* – bulg. *davam*, gr. *histami* – bulg. *stoja* „stehen“ u. a. Rakovski erforschte sorgfältig die bulgarische Mythologie. Er deutet richtig das bulg. Wort *samodiva* „Waldfee, Nymphe“ als Kompositum – von *sama* – (in *Sama-veda*) und *diva* „Göttin“. Er kennt auch die arische Mythologie und deutet einige altindische und awestische Namen in Verbindung mit slawischen Namen, aber nicht überzeugend. Im grossen und ganzen widerspiegeln seine Deutungen patriotisch-romantische Ansichten der damaligen bulgarischen Intelligenz.

Der Nachfolger von Rakovski war Cani Ginčev (1831-1894), Lehrer und Schriftsteller. Offenbar unter seinem Einfluss bemühte sich Ginčev ein System der Wurzeln der bulgarischen Sprache zu konstruieren. Seine Auffassungen legte er in der Form von Briefen vor, die er in seiner Zeitschrift *Trud* publizierte und an seine Leser richtete. Er stellte sich zum Zweck, den ältesten Stand der Sprache, vor der indoeuropäischen Gemeinschaft zu ermitteln. Dazu versuchte er die bereits festgestellten Wurzeln noch weiter zu trennen — bis zur äussersten Möglichkeit, um zu zeigen, aus welchen Elementen sie zusammengesetzt sind. So z. B. zerlegte er das bulg. Personalpronomen *azъ* in zwei Elemente: *a-* und *zъ* aus *-sъ* (abulg.), das in Wörtern wie *dnes* „heute“, *ljatos* „im Sommer“, *zimъs* „im Winter“ steckt. Die Erklärung ist nicht stichhaltig. Willkürlich ist die von Ginčev gebotene Verbindung des Wortes *pъlzi* „kriecht“ mit *p-* (Präposition?) und *lzi*, identisch mit *lazi* (?) „kriecht“ usw. Das Wort *pepel* führt Ginčev auf älteres *popel* zurück, mit Bedeutung: „das nach dem Brennen Gebliebene“. In manchen Fällen benützt Ginčev die zu seiner Zeit in der Westliteratur bekannten Übereinstimmungen, z. B. bulg. *nebe* „Himmel“ – lit. *debesis*, ahd. *nebal*, skt. *nabhas-*, gr. *nepfos*, lat. *nebula*; bulg. *vъstre* „drinnen“, abulg. *qtrъ*, skt. *antar* usw.; bulg. *zemja* „Erde“, lit. *žémė*, gr. *chamai*, lat. *humus* usw. Im allgemeinen sind die Deutungsversuche Ginčevs unbefriedigend. Von Lautgesetzen hatten keinen Begriff sowohl Rakovski, als auch Ginčev. Bei ihnen jeder stimmhafter Konsonant konnte in eine stimmlosen übergehen, z. B. *ž* - *š* - *č*. Man hat auch die semantischen Unterschiede zwischen den verglichenen Wörtern nicht berücksichtigt.

Ein weiterer Vertreter der bulgarischen Wiedergeburt, der zur Etymologie einiges beigetragen hat, ist Ivan Andreev Bogorov (1818-1892). In seinem Bestreben, die bulgarische Sprache von den unnötigen Fremdwörtern



zu säubern, musste Bogorov ihre Herkunft (vor allem aus dem Türkischen und Griechischen) richtig erkennen und dann entsprechende Wörter aus der bulgarischen Volkssprache vorschlagen. Z. B. als osmanisch-türkisch werden bestimmt: *zarar* – bulg. *zaguba*; *kabahat* – bulg. *krivda*, *greška*; *kasapnica* „Fleischerei“ (slawisiert mit *-nica* von türk. *kasap*) – bulg. *mesarnica*; *kjar* – bulg. *pečalba*; *kjoše* – bulg. *kət*; *ikram* – bulg. *počit*; *harman* – bulg. *gumno*; *harč* – bulg. *raznoski* u.a. Manchmal verbindet Bogorov irrtümlicherweise fremde Wörter mit bulgarischen: *zanajat* „Beruf“ (arab. *zanaat*) – von bulg. *znaja* „ich weiss“; *ištah* (arab.) „Wunsch“ – von bulg. *ištə* „ich will“; *maraz* (arab.) „Krankheit“ – bulg. *mraz* „Frost“.

Ein grosses Verdienst um die Entwicklung der Etymologie gebührt dem namhaften Vertreter der bulgarischen Wiedergeburt Najden Gerov (1823-1900), der das erste grosse fünfbändige Wörterbuch des Bulgarischen – *Rečnik na blǎgarkij jazik* (Plovdiv, 1895-1904) abgefasst hat. Der Autor hat kompetent die Herkunft der zahlreichen osmanisch-türkischen und griechischen Fremdwörter gekennzeichnet. Für die Etymologen sind besonders wertvoll die, die in grosser Fülle zusammengebrachten alten und Dialektwörter.

Ende des 19. Jahrhunderts erschien das erste unvollendete (nur in zwei Lieferungen) etymologische Wörterbuch in Kazanlāk 1895 vom Gymnasiallehrer G. V. Popov. In der Einleitung erläutert der Autor die Grundlage der Etymologie als sprachwissenschaftliche Teildisziplin. Als ihren Hauptzweck bestimmt er: „das Auffinden der Ähnlichkeit und des Unterschiedes der Wörter“, und zwar „nicht jenes Gleichklanges, der manchmal zufällig ist, wie z. B. des Wortes *nos* „Nase“ und lat. *nos* „wir“. Weiterhin hebt er hervor, um die Herkunft des Wortes festzustellen, sei es nötig zu erklären wie das ursprünglich gelautet habe (gemeint ist offenbar seine Urform); wie es von einem Volk in ein anderes übergegangen und bis in unsere Zeit gekommen sei, nach Vorgehen bestimmter Veränderungen. Charakteristisch für die Methode von Popov ist die Beachtung des Prinzips des Historismus. In seiner Arbeit stellt er sich als Aufgabe nicht nur alle bulgarisch-slawischen Wurzeln samt ihren Ableitungen zu sammeln, sondern auch sie nach Möglichkeit mit Entsprechungen aus den anderen ide. Sprachen zu vergleichen, natürlich auch aus den übrigen slawischen Sprachen. Im Vorwort gibt der Autor Vergleichsbeispiele, die ganz richtig sind: skt. *vācas* „Wort, Rede“, lat. *vōx*; gr. *opa* „Stimme“, abulg. *v splv*; apers. *izava*, lat. *lingua*, zend. *hizva*, got. *tuggo*, dt. *Zunge*. Popov verweist oft auf das etymologische Wörterbuch von A. Fick und auf Arbeiten von Schleicher. Er nimmt Stellung zur Frage der Schichtung der Lexik, wobei er zwei Gruppen von Wörtern unterscheidet: 1. Sehr alte Wörter, die gemeinsam allen Leuten sind wie *voda* „Wasser“, *zemja* „Erde“, *gora* „Wald“

usw. und **2.** neue Wörter, die allmählich entstanden sind je nach dem Erscheinen neuer Dinge, neuer Entdeckungen gemäss den Veränderungen im geistigen Leben des Menschen. In seinem Vorwort spricht Popov mehrmals von den Veränderungen der Wörter, die Tausende von Jahren verbracht haben und von Tausenden Generationen gesprochen wurden. Daraus macht er den Schluss von der Entwicklung der lautlichen und semantischen Seite der Wörter. Zur Bestimmung der Ähnlichkeit der Lexeme hebt Popov folgende Grundsätze hervor, die man bei den etymologischen Forschungen berücksichtigen muss. Es kann sein **1.** völlige Ähnlichkeit zwischen den Wörtern, z. B. abulg. *choditi* – poln. *chodzić*; *nenavist* – poln. *nienawiść*. **2.** Ähnlichkeit in der Form, aber Unterschied im Inhalt: *pózor* im Polnischen und Serbischen gegenüber *pozór* im Bulgarischen. **3.** Gleichheit in der Wurzel und unterschiedliche Affixen: bulg. *nakovalnja* „Amboss“ – poln. *kow-ad-ło*. **4.** Unterschiedliche Laute in der Wurzel bei gleicher Bedeutung: bulg. *gørlo* „Rachen, Kehle“ – *žerlo*; bulg. *slava* „Ruhm“ – aind. *śravas-*. Beachtung verdient der Versuch des Autors das phonetische Prinzip bei dem Etymologisieren zu begründen, die Notwendigkeit von Lautübergängen (d.h. von Lautgesetzen) zu berücksichtigen. Z. B. er vergleicht verwandte Wörter aus dem Lateinischen, Griechischen und Sanskrit und stellt fest, dass dem skt. *a* ebenfalls *a* im Griechischen und Lateinischen entspricht, aber dem skt. *bh-* im Griechischen  $\varphi$  und im Lateinischen *f*. Obwohl nicht abgeschlossen, stellt das etymologische Wörterbuch von Popov die erste wissenschaftliche Arbeit in der bulgarischen Etymologie dar.

Die wissenschaftlichen Grundlagen der bulgarischen Etymologie wurden nach der Befreiung Bulgariens von den Türken von zwei Universitätslehrern geschaffen: Dimităr Matov (1864-1896) und Prof. Stefan Mladenov (1880-1963). D. Matov spezialisierte sich bei V. Jagić in Wien und bei A. Leskien in Leipzig. Seine Beiträge auf dem Gebiete der bulgarischen Etymologie sind zwei Studien: *Kǎm bǎlgarskija rečnik* (bulg. 1892) und *Grǎcko-bǎlgarski Studii* (bulg. 1893). In der zweiten Arbeit behandelt er eine Reihe von Fragen wie: der Wegfall des unbetonten Anlautsvokal im Bulgarischen und Griechischen, der Schwund von Konsonanten in der Mitte des Wortes in diesen Sprachen, die Bildung der Verba auf *-swam* griechischen Ursprungs und deutet einzelne griechische Lehnwörter im Bulgarischen. Ausserdem erforscht er die bulgarischen Elemente im Griechischen.

Der wirkliche Begründer der bulgarischen Etymologie ist Prof. Stefan Mladenov. Er studierte slawische Philologie in Sofia, war nach dem Abschluss des Studiums einige Jahre Lehrer und nachher wurde geschickt zur Spezialisierung nach Wien (bei Jagić, K. Jireček, Kretschmer), nach S. Peterburg (bei J. B. de Courtenay, A. Sobolevski) und schliesslich nach Prag (bei L. Niederle, Polívka, Zubatý). Seine erste etymologische Schrift

ist: *Starite germanski elementi v slavjanskite ezici* (erschien als Sonderausgabe 1908 und im nächsten Jahr wesentlich erweitert in *Sbornik za narodni umotvorenija* (1909)). In dieser Arbeit werden systematisch und kritisch alle Wörter betrachtet, die bis zu jener Zeit von einigen Linguisten (Hirt, Uhlenbeck u.a.) für germanische Entlehnungen in den slawischen Sprachen gehalten wurden. Als solche nimmt Mladenov an: *bljudo* „Schüssel“, *buky* „Buchstabe“, *velvbdσ* „Kamel“, *vitęzъ* „Held“, *vlachσ* „Wlache“, *gobvno* „fruges“, *gorazdσ* „peritus“, *kladezъ* „Brunnen“, *kσneęzъ* „princeps“, *pęneęzъ* „denarius“ u.a. Die übrigen über 200 Wörter erklärt Mladenov entweder als slawisch, oder als romanisch, griechisch oder als späte Entlehnungen aus dem Germanischen. In einem Nachtrag wird am Ende die Bedeutung der Fremdwörter behandelt, auf deren Grund bis damals zu fehlerhaften Schlüssen hinsichtlich der alten slawischen Kultur gekommen war. In einer Reihe von Besprechungen wurde die Studie von Mladenov hoch geschätzt (von Sobolevski, Bulachovski, Meillet, Iljinski, Brückner).

In der Zeit bis zum Jahre 1920 veröffentlichte Mladenov ebenfalls mehrere kleinere Beiträge zur Etymologie bulgarischer und slawischer Wörter in den Zeitschriften: *Rus. Filol. Vestnik* (5 Artikel), *Izvestija ORJS*, *Archiv für Slav. Philologie* (3 Artikel), *Indogerm. Forschungen*, *Spisanie BAN* u.a. Alle diese Beiträge hat er zusammengebracht und mit neuen Etymologien ergänzt in seinem Buch *Studii po slavjnasko i sravnitelno ezikoznanie* (168 Seiten, in: *Annuaire de l'Université de Sofia*). Hier findet man viele originelle Deutungen von Mladenov, darunter über folgende Wörter: *bagrσ* „Farbe“, *bagriti* „malen“, *bara* „Sumpf“, *bσrna* „Lippe“ (lit. *burnà*), *glum* „Scherz“, *glumiti se* „scherzen“, *grezdej* „Ast, Knorren“, srkr. *gurati* „stossen“, *gušter* „Eidechse“, *drevvσ* „alt“, abulg. *župa* „Land“, srkr. *žuriti se* „beeilen“, *žuliti* „reiben“, abulg. *krupa* „Krume“, *kσrkam* „essen und trinken geräuschvoll“, *rana* „Wunde“, *ručai* „Bach“, *skorupa* „Schale“, *sluga* „Diener“ u.a.m.

In den folgenden Jahren (nach 1920) sind mehrere Artikel von Mladenov erschienen, in denen viele bis dahin unklare Wörter etymologisch erklärt sind:

1921. *Iz istorijata na njakoi po-malko izvestni bālgarski dumi* (mit baltischen Parallelen zu vier bulg. Wörtern).

1923. *Slav. pril. sverępσ* (*wütend, grausam*).

1924. *Les prétendus emprunts iraniens et turcs en slave commun*. Nach Mladenov sind vermeintliche iranische Wörter slaw. *bog* „Gott“, *vatra* „Feuer“, *kur* „Hahn“, *sekira* „Axt“, *topor* „Beil“, *bik* „Bulle“, *koza* „Ziege“, *vol* „Ochse“ u.a.

1926. *Bälg. kulturni dumi ot starinen idg. proizvod: agne* „Lamm“, *brada* „Bart“, *brazda* „Furche“, *brašno* „Mehl“, *vlak* „Zug“, *vleka* „ziehen“, *vozja* „fahren“, *grad, gradina, gradja* „bauen“, *dever* „Schwager“ u.a.m.

1928. *Palešnik, ralnik ili lemež* (Teile des Pfluges).

1929. *Njakolko slav. usporedici kām indo-iranskite i irano-keltskite leksikalni sāotvetstvija*. Hier werden die Etymologien einiger ide. Wörter ergänzt.

1932. *Zur slawischen Wortforschung* (der bulg. und der russ. Name des Spelzes): bulg. *lemec*, russ. *poluba* (ide. Herkunft).

1934. *Dialektnite dumi obreš, ulovina, ostrugi: tri starinni bālgarski dumi* (Etymologie und semantische Untersuchung).

Im Jahre 1930 erschien eine sehr wertvolle Studie von St. Mladenov: *Etymologisches aus einer kurzgefassten Geschichte der bulgarischen Sprache*. Das ist eine systematische Darstellung der bulgarischen historischen Lexik, der Ortsnamen- und Personennamenkunde.

Mladenov hat Aufmerksamkeit auch den protobulgarischen und den anderen alttürkischen Lehnwörtern und Namen geschenkt. Vor ihm haben sich mit dieser Frage der deutsche Linguist Robert Rösler und der Bulgare Ivan Šišmanov befasst. In seinen *Romänische Studien* (Leipzig 1871) legte Rösler eine Hypothese vor, nach der die Protobulgaren verwandt mit den ugrofinnischen und samojedischen Stämmen wären und demzufolge Wörter wie bulg. *bara* „Sumpf“, *sirak* „Waise“, *lopata* „Schaufel“, *djal* „Anhöhe“ u.a. aus dem Ugro-Finnischen in die Sprache der Protobulgaren eingedrungen seien. Šišmanov veröffentlichte eine umfangreiche Studie unter dem Titel: *Kritičen pregled na vāprosā za prabālgarite ot ezikovo gledište i etimologiite na imeto bālgarin* (Sbornik za nar. umotvorenija, XVI-XVII, 1900, 505-753). Als Reste aus dem protobulgarischen hat der Autor folgende Wörter bestimmt: *bajati*, *biser* ⚭, *boljarin* ⚭, *bubrēg* ⚭, *bělčug* ⚭, *bělēg* ⚭, *pašenog* ⚭, *san* ⚭, *sonog* ⚭, *chagan* ⚭, *čṛotog* ⚭ (s. die Bedeutung dieser Wörter weiter unten bei Mladenov 1921). Zwanzig Jahre später hat St. Mladenov derselben Frage eine Studie gewidmet: *Verojatni i mnimi ostatāci ot ezika na Asparuhovite bālgarn v novobālgarskata reč* (God. Sof. Univ. I, Istor.-filol. fak., Bd. XVII, 1920-1921, Sofia, 1921, Sonderdruck). Nach einer kritischen Analyse des Materials im II. Teil (7-43) stellt Mladenov als protobulgarisch folgende 12 Wörter, ausser dem Namen der Bulgaren, fest: *biser* ⚭ „Perle“, *boljarin* ⚭ „Adlige“, *bělēg* ⚭ „Merkmal“, *belčug* ⚭ „Ring“, *bōbrēg* ⚭ „Niere“, *kap* ⚭ – *kapište* „Heidetempel“, *kumir* ⚭ „Götze, Idol“, *pašenog* ⚭ „Schwager“, *san* ⚭ „Würde“ – *sanovnik* „Würdenträger“, *tojaga* „Stock“, *čṛotog* ⚭ „Vorhalle“, *čīrag* ⚭, *čvrag* ⚭ „kurzer Damenrock ohne Ärmel“. Das bei Šišmanov als protobulgarisch erklärte Wort *bajati* „Zaubersprüche sagen“ ist von Mladenov als indoeuropäisch – zur Wz. \*bhā- in gr. *phēmi*, *phāmi* „sagen, sprechen“,

lat. *fāri* „sprechen“ nachgewiesen. Im 3. Teil der Studie betrachtet Mladenov kritisch eine ganze Reihe vermeintlicher Reste aus der Sprache der Protobulgaren, die erstens aus dem Finnisch-Samojedischen nach Rösler (s. oben) anscheinend stammen, und zweitens die aus uralo-altaischer Herkunft sind: zwei Wörter nach Fr. Miklosich und Ivan Šišmanov sowie 34, dargestellt in einem Artikel von Ivan Manolov: *Uralo-Altajskijat proizhod na starite bālgari* (in: *Obšt podem I*, XVIII, S. 834-882). Die kritischen Bemerkungen von Mladenov sind in den meisten Fällen berechtigt. Über dasselbe Thema hat er einen Artikel im selben Jahr publiziert: *Vestiges de la langue ses Protobulgares touraniens d'Asparouch en bulgare moderne*, *Revue des études slaves*, t. I, 1921, p. 38-53. Hier betrachtet Mladenov dieselben protobulgarischen Wörter mit Ausnahme von zwei: *tojaga* und *čipagə*, was verwunderlich ist. Gegen die Annahme finnischer Lehnwörter im Bulgarischen nimmt er Stellung bereits im Artikel *Mnimite finski dumi v bālgarskija ezik* (in: *Festschrift für Iv. D. Šišmanov*, Sofija, 1920, S. 74-95). In einzelnen Artikeln deutet Mladenov auch Wörter aus den anderen ide. Sprachen:

1911 Aind. *ambhrnás*.

1920 Alb. *bute* und arm. *but*.

1922 Lit. *anyta* und arm. *aner*.

1924 Neupers. *lang* „lahm“.

1920 Ein persisches Lehnwort durch türkische Vermittlung im Slavischen.

1937 Zur armenischen und slavischen Etymologie (Arm. *drnčim* – bulg. *drnčkam*; arm. *erek*, *gišer* – stslav. *večeren*; arm. *satak*, lat. *cadaver*; arm. *tat*, gr. *tatós*, lat. *tentus*).

Beachtung verdient der Artikel *Prinos kām izučvane na bālgarsko-albanskite ezikovi otnošeniija* (1927), in dem bulgarische Elemente im Albanischen angeführt werden.

Die grösste Errungenschaft auf dem Gebiete der Etymologie von St. Mladenov stellt sein etymologisches Wörterbuch des Bulgarischen dar, herausgegeben unter dem Titel: *Etimologičeski i pravopisem rečnik na bālgarskija knižoven ezik* (Sofija, 1941). Es ist das Ergebnis einer langjährigen angespannten Arbeit. In diesem Werk wurde zum ersten Mal der Wortschatz der bulgarischen Literatursprache im Allgemeinen gesammelt und nach Herkunft und Verwandtschaft mit anderen Sprachen gedeutet. Die Etymologien darin basieren in der Regel auf Entsprechungen und Übereinstimmungen aus den anderen indoeuropäischen Sprachen. Da aber Mladenov Anhänger der Theorie von der indoeuropäisch-uraloaltaischen Verwandtschaft war, zieht er in gewissen Fällen „Entsprechungen“ aus den altaischen

(vor allem türkischen) Sprachen heran und rekonstruiert entsprechenderweise „ario-altaische Wurzeln“, die jeweils von den Etymologen abgelehnt werden.

Wenn wir von der ersten Etappe der bulgarischen Etymologie sprechen, dürfen wir eine Studie von dem bulgarischen Slawisten Stojan Romanski nicht vergessen, nämlich: *Lehnwörter lateinischen Ursprungs im Bulgarischen*, erschienen im 15. Band des Jahresberichtes des Instituts für rumänische Sprache zu Leipzig, 1909, S. 89-134. Hier ist eine reichliche Anzahl von balkanlateinischen oder richtiger balkanromanischen Lehnwörtern gesammelt und nach Gestalt und Bedeutung erklärt. Dadurch ist ein bedeutender Teil des bulgarischen etymologischen Wörterbuchs ausgefüllt. Trotz der strengen Kritik (von D. Scheludko *Balkan-Archiv* 1927, 252-289) bleibt bis heute diese Abhandlung unentbehrlich für die Erforscher der bulgarischen Etymologie und Wortgeschichte.

Bis zu den 50-er Jahren des 20. Jhs. leisteten kleine Beiträge zu diesen Sprachgebieten L. Miletič, B. Conev, Al. T. Balan, St. Romanski, P. D. Skorčev (mehrere Artikel), K. Mirčev, Vl. Georgiev, Hr. Kodov u.a. Beachtung verdient allerdings ein wissenschaftlich-populäres Buch von St. Ilčev: *Vremena i dumi. Ezikovi vāprosi* (Zeiten und Wörter. Sprachfragen), Sofija, 1942. Darin werden mehr als hundert Kulturwörter und Wortverbindungen etymologisch oder historisch-semantic erklärt, gewöhnlich mit Wiedergabe des Kontextes, in dem das Wort verwendet wird, oder der Umstände, bei denen es geprägt ist. So z. B. bei Wörtern wie *hajdutin* „Freiheitskämpfer“, *hāš* „bulg. Revolutionär-Emigrant“, *meč* „Schwert“, *sabja* „Säbel“, *pištov* „Pistole“, *puška* „Gewehr“, *tjutjun* „Tabak“, *cigara* „Zigarette“, *domati* „Tomaten“, *kartofi* „Kartoffeln“, *žito - pšenica* „Weizen“, *kozunak* „Osternkuchen“, *mečka* „Bär“, *magare* „Esel“, *kokiče* „Shneeglöckchen“, *hora* und *ljude* „Leute“ u.a.

Die Erforschung der bulgarischen Volksetymologie fand in dieser ersten Etappe ebenfalls ihren Vertreter, allerdings mit einem Werk. Im Jahre 1893 veröffentlichte der Literaturwissenschaftler Ivan Šišmanov eine umfangreiche Abhandlung über dieses Thema unter dem Titel: *Prinos kām bālgarskata narodna etimologija* (Beitrag zur bulgarischen Volksetymologie) in: *Sbornik za nar. umotvorenija*, IX, Naučen otdel, S. 443-646. Das darin gesammelte und interpretierte Material ist eindrucksvoll, so dass die Arbeit einmalig bis heute in der slawischen Sprachwissenschaft geblieben ist.

Eine neue Etappe der bulgarischen Etymologie ist nach den 60-er Jahren eingetreten. Die Leistungen auf diesem Gebiet wurden von Prof. Vladimir Georgiev ergriffen. Bei dem neugegründeten Institut für bulgarische

Sprache an der Bulgarischen Akademie der Wissenschaften wurde unter der Leitung von Vl. Georgiev eine Sektion aufgestellt, deren Aufgabe war, ein neues etymologisches Wörterbuch des Bulgarischen zu verfassen. Bisher sind 6 Bände (bis zum Wort *slovar* 2) erschienen. In Vorbereitung ist der siebente Band.

Inzwischen hat Georgiev zwei wertvolle Abhandlungen publiziert:

1. *Văprosi na bălgarskata etimologija* (1958);
2. *Bălgarska etimologija i onomastika* (1960).

Hier werde ich kurz den Inhalt dieser Bücher wiedergeben. Zu unserem Thema gehört der erste Teil des ersten Buches, der aus drei Abschnitten besteht: 1. Die slawische Lexik, 2. Das Balkansubstrat, und 3. Spätere Entlehnungen. In der Einleitung des ersten Buches konstatiert der Autor, was bisher auf dem Gebiete der bulgarischen Etymologie getan ist:

1. Festgestellt ist die Verwandtschaft fast aller Wörter, die phonetisch oder semantisch entsprechenden Wörtern der anderen slawischen Sprachen nahestehen.

2. Festgestellt ist die Herkunft fast aller Lehnwörter aus Sprachen, mit denen das Bulgarische in Berührung war (Russisch, Griechisch, Türkisch, Rumänisch u.a.), und zwar jener Wörter, deren phonetische und semantische Annäherung offensichtlich ist. Es stehe nach Georgiev bevor, Herkunft und Verwandtschaft solcher Wörter der bulgarischen Lexik festzustellen, die irgendwelche Besonderheiten in der Phonetik, Wortbildung und Semantik aufweisen, so dass ihre Verwandtschaft mit Wörtern aus anderen Sprachen nicht so deutlich ist.

In den oben genannten drei Abschnitten (S. 7-55 von *Văprosi ...*) befasst sich Georgiev mit der Etymologie ausgewählter Wörter, die den verschiedenen Gruppen der Lexik entsprechen. Im ersten Abschnitt sind solche Wörter erklärt, die genaue Entsprechungen in den anderen slawischen Sprachen haben: ungefähr 46 Wörter, darunter 36 mit ganz neuen Etymologien. Auffalend ist die Deutung der Wörter: *koza* „Ziege“ (nicht mit Präfix *k-*, sondern aus Kontamination von *\*(s)kogo-s* „Ziegenbock“ und *aigs* entstanden); *striko* „Onkel“ aus *\*pətrūjo-s* „Vater-“; *čereša* „Kirche“ aus urslaw. *\*čeršja* „die Schwarze“ < ide. *\*k<sup>(w)</sup>erəsjə-*, bulg. *čer* „Schwarz“; bulg. *mur-gav* „dunkel“, *gazja* „waten“, aserb. *gazv* „Furt“ < ide. *\*g<sup>w</sup>ad<sup>h</sup>jo-s*; *gōna*, *gudja* „stellen“ (aind. *guhati* „versteckt“); *katerja se* „klettern“, *katerica* „Eichhörnchen“ – ide. *\*(s)kok-ter* oder *\*(s)kot-(t)er*, thrak. *\*kater-*; *kacna* „sich niederlassen“ (rumän. *a cațea* u.a.). An zweiter Stelle erklärt Georgiev balkanlateinische Lehnwörter: *kratúna* „Flaschenkürbis“ (aus spätlat. dial. *\*cortuna*, vgl. aber rumän. *cătrună* „Kürbis“); *musja se* „zornig das Gesicht verziehen“ (lat. *musso* „murmeln“); *cibăr* (dial.) „klar, hell“, *cibree*

se „es wird hell“ (aus \**kēbro-*, vulg. lat. *cibrum* „Sieb“). Auf das Protobulgarische führt Georgiev wenige Lehnwörter im Bulgarischen zurück: *vaja* „meisseln“, *baj* „Herr“, *karam* „treiben“, *sur* „grau“ und wahrscheinlich auch *sablъ* „Hahn“, *sablica* „Henne“ (vgl. türk. *saban* „wilder Hahn“).

Im dritten Abschnitt beschäftigt sich der bulgarische Linguist mit einer Reihe späterer Entlehnungen im Bulgarischen, die aus den Nachbarsprachen übernommen sind: dial. *bar(d)z* „aschgrau“ (aus alb. *bardhë* „weiss“, vgl. auch rumän. *barză* „Storch“), *paún* „Pfau“ (rumän. *păun*), *sapún* „Seife“ (rumän. *săpun*), *kékav* „schwächlich“ (alb. *keq* „schlecht“), *palavra* „Klatsch“ (rumän. *palavră* „Schwatz“, alb. *pallavra*), *čutura* „Holzmörser“ (aus rumän. *ciotură*, *ciotură*) u.a.

In der Schlussfolgerung des ersten Teiles des Buches erläutert Georgiev die Prinzipien, auf den die Verfassung des etymologischen Wörterbuches beruhen muss. Für das bulgarische etymologische Wörterbuch gelte als Grundprinzip die Erforschung der Geschichte des Wortes vor allem im Rahmen der bulgarischen Sprache; danach müsste man weitreichende Parallelen vor allem in den slawischen Sprachen sowie in den Balkansprachen aufsuchen. Weiterhin betont Georgiev, dass bei spärlichem Material, wenn die Geschichte der Sprache oder der Wörter noch immer ungenügend untersucht ist, könnte es sein, dass ein Deutungsversuch eines etymologisch unklaren Wortes einem Wissenschaftler wahrscheinlicher, einem anderen wenig überzeugend erscheint. Weiterhin führt Georgiev Beispiele für zutreffende Etymologien schwieriger Wörter aus dem Bulgarischen an.

In Zusammenhang mit der Etymologie steht der dritte Abschnitt des zweiten Teils des Buches: *Koncepcijata za indoevropskite guturali i nejnoto otraženie vărhu etimologijata na slavjanskite dumi* (S. 121-129). Auf Grund zahlreicher Beispiele zeigt Georgiev hier, wie die Theorie der Tripartition der indoeuropäischen Gutturale zu fehlerhaften Deutungen und Schwierigkeiten führt, gegenüber der Theorie der Bipartition, die mit Erfolg angewendet wird.

Im zweiten Buch *Bălgarska etimologija i onomastika* sind ein paar Seiten der Etymologie gewidmet (s. den ersten Abschnitt, S. 5-16). Zunächst stellt Georgiev kurz den Stand und die Aufgaben der Etymologie dar. Um die Methode der Ausarbeitung des Bulgarischen etymologischen Wörterbuches zu veranschaulichen, legt er Deutungen von 20 Wörtern aus dem Bulgarischen vor.

In der neuen Etappe der bulgarischen Etymologie (bis 2000) ist eine reichliche Reihe von Beiträgen erschienen, in denen einzelne Wörter oder Gruppen von Wörtern gedeutet werden. Es ist hier nicht möglich alle diese Beiträge darzustellen, daher empfiehlt es sich, zunächst die Autoren zu



erwähnen, die sich durch ihre Leistungen auf diesem Gebiet ausgezeichnet haben, und dann in Auswahl die anderen Forscher, die wertvolle Beiträge vollgebracht haben. Beachtung verdienen an ersten Stelle: Vl. G e o r g i e v: Etimologičeski beležki: 1. Bulg. *kjopav, kljopav*, 2. Bālg. *kljusa, kljupsa, klusa* (1979)<sup>1</sup>; Etimologija na glagola *katurja(m)* (1973); Indoeuropejskij termin *\*deyvos* v slavjanskich jazykach (1977); Ostatači ot starobālg. minimalo dejatelno pričastie I (*mšša, kapšška, kapuš*); Proizhodāt na stb. *qže, qzškš, (v)qza, qzlš, vezati* i tehnite slavjanski sāotvetstvija (1984). Iv. D u r i d a n o v: Bālgarski etimologii (*obeca, obica, otočki, priparvam*) (1978); Bālg. *gorocvet*, srhr. *gorocvijet* (1973); Etimologični beležki vārhu njakoi redki bālgarski dumi (bālg. *sugna se, sagna se*, bālg. *sumuja* – srhr. *sūmati* u.a., bālg. *štim* – srhr. *štim*) (1974); Kām etimologijata na bālg. *tljapa, tlapam*, srhr. *tlapiti* i pod. (1982); Kām etimologijata na bālg. *otmaleja, pre-maleja* i pod.; Južnoslavjanski etimologii (*bšča, bščka, dzuka, mešin, mešina, mlamol, sugare*) (1970); Bulg. *odeve, odave* und Verwandtes (1981); Südslaw. *\*brškati, \*bršknōti* und seine baltischen Entsprechungen u.a. M. M l a d e n o v: Edna starinna izoglosa v bālgarskija ezik: *brazda/brazna* (1971); Za njakoi rodopski etimologii (*počilen, dejam, vože, houpka*) (1984); Nazvanija čerepachi v bolgarskom jazyke (1968); Ob odnoj drevnej leksičeskoj izoglosse v bolgarskom jazyke (nazvanija *jarma* v bolgarskich govorach) (1971); Za edna ungarska дума v bālgarskija ezik: *k'ande* „zabradka“ (1984) u.a. M. R a č e v a: Bālg. *izvechvam/izvjachvam* i *izvichvam, navechvam/navjachvam* i *navichvam* „izmestvam (stava)“ (1984); Zastāpnici na praslavjanskite zvukopodražatelni glagolni osnovi *\*krt-, \*grt-, \*grd-* „izdavam gārlen zvuk“ v bālgarskija ezik (1983); Kām rannite zaemki ot arabski proizvod v slavjanskite ezici: Njakolko redki astronomičeski nazvanija – zaemki v starobālgarski ili staroruski ezik? (1981); Kām rannite zaemki ot arabski proizvod v slav. ezici: stb. *dvly* „πίδος, dolium, cadus“, bālg. *delva* „dālbok glinen sād“ (1982); Orientaliski zaemki v bālgarskija ezik (1971, 1972, 1974, 1975, 1976); K etimologičeskoj problematike rannich tjurkizmov v slavjanskich jazykach (1979). R. B e r n a r d: Étude étymologique de quatre mots bulgares (*pisija, kres, sur, gunište*) (1974); Bulgare *Koleda*, provençal *calendo* „Noël“ (1980); Études de quelques mots du dialect de Razlog d'après le tome XLVIII de SbNU (1960); Quelques mots et emprunts dans le dialecte de Razlog d'après le tome XLV du SbNU (1959). T. T o d o r o v: Beležki za proizhoda na njakolko dialektni dumi (*kubé, kuké, kukalja* u.a.) (1981); Bālgarskite dialektni dumi *izlačudim, jórja, jotuljke* (1973); Etimologični beležki (*deles, idija, izkerda, ilá, iliči* u.a.) (1975); Kosturski etimologii. Proizhod na dumite *manda, nadruf, nadur* (1981);

---

<sup>1</sup>Siehe die bibliographischen Angaben in *Bālgarski etimologičen rečnik*, Bd. IV, 1995, S. 5 ff.

Kratki etimologični beležki (*zšrun, bob, krabar* u.a.) (1979); Proizhod na bälgarskrite dumi *lindze, linze, toski, tocki* (1979) u.a.m. M. Väglenov: Etimologija na njakolko dumi ot svezka IX-X na Bälg. etim. rečnik (*ibrišovka, idikju, izpatrakosi, izkimasuvam, jonda* u.a.) (1977); Imeto za raste-nieto *pukal* (1979); Proizhod i značenije na imeto *svila* (1974); Imeto *kokiče* (1981) u.a. Al. Ničev: Dvajset etimologii (1981); Dvajset i edna etimologi-gii (1980); Deset etimologii (1987); Etimologičeski prinosi I, II (1979) u.a. Beiträge zur Deutung einzelner Wörter veröffentlichten: T. Balkanski: Etimologijata na rodopskrite dumi *karde, kardié, kardjó, Karadelnik, Kardel-nik* (1976); *Stebal* – drevno i sävremenno nazvanie na divata kotka (1977). Bl. Blažev: Za njakolko dialektni dumi s nejasen proizvod v bälgarskija ezik (1976). E. A. Grigorjan: Za proizhoda na dumite *džugla/džugel* (1973). Hr. Dzidzilis: Za proizhoda na dialektnata дума *veggjalce (ve-dalce)* (1984). L. Dimitrova-Todorova: Proizhod na dialektnite dumi *bršci, bršci, bršzi i kršvna se* (1980); Proizhod na njakolko dialektni dumi (*lšpsššam, lššcer, leššcer, lššitarka, lššnik*) (1983) u.a. Iv. Dobrev: Za eti-mologijata na starobälgarskrite dumi *smrødš, smrødčti, smradš, prosmraž-dati* (1972). U. Dukova: Nazvanija na demonični säštestva ot obštoslav. *mor-* v bälgarskija ezik (1980). J. Elenski: Za praslavjanskija karakter na bälgarskrite formi ot tipa *všzelen* (1980). St. Ilčev: *Ljubenica i dinja* (1973). A. S. L'vov: K etimologii stslav. *kumirь, -rš eždωλον* (1965). Al. Milev: *Sinaksar, prolog, lavsaik, paterik* (1979). D. Al. Mihajlova: Bälg. dial. *kšrkuška, kšrtuška, krotuška*; bälg. dial. *kšrč (kršč)* (1981); Na-rodni nazvanija na bolesti (1986); Slavjanski etimologii (*obga, olba, obod, ovod, olaec, olevički* u.a.) (1987). O. Mladenova: Proizhod na bälgarskrite dumi *malee mi, mšždš, mšždi* (1984); Slavjanski etimologii (*bršnka, naštrek, hšlbok*) (1987). M. Moskov: Novi starobälgarski etimologii (*kopele, kobila*) (1985). V. Radeva: Dumi s koren *-jar-* v slavjanskite ezici (1979). G. Rikov: Bälg. dial. *mr'ega; mrenka; straka; kunka, motaja* (1981-1988). L. Selimski: Bälg. *juzdečka* i säotvetstvijata mu v slavjanskite ezici (1980). St. Stojanov: Za proizhoda na dumata *dreha* (1979). Hr. Holiolčev: Bälg. *gšlšbi*, rum. *porumb* „Zea Mays, carevica“ (1971). V. Šaur: Bälgarski etimologii (*nestinar, obaždam(se), obida*) „oskärblenie, odeve“ (1977); *dre-ha* (1984); *mratá* „kokoša bolest“, *mratínjak* „zäl duh“. T. Szymański: Za etimologijata na bälg. dial. *duda* (1981); Käm etimologijata na bälg. dial. *otava* (1983) u.a.

Die Lehnwörter im Bulgarischen haben auch das Interesse bulgarischer und nichtbulgarischer Wissenschaftler auf sich gezogen. Oben wurde eine Arbeit über die lateinischen Lehnwörter im Bulgarischen erwähnt. Über die griechischen Lehnwörter haben wir in neuerer Zeit eine ausgezeichnete Monographie von Marija Filipova-Bajrova: *Griechische Lehnwörter in der*

*modernen bulgarischen Sprache* (bulg., Sofija 1969). Darin finden wir eine Untersuchung der Semantik, der Phonetik und der Morphologie der Lehnwörter, danach kommt das Wörterbuch. Die phonetischen Besonderheiten der Wörter sind kompetent von Hr. Tzitzilis (Dzidzilis) in seiner Doktor-dissertation *Fonetični problemi pri etimologizuvane na grăckite zaemki v bālgarski* (Sofia 1990) erläutert. Mit griechischen Lehnwörtern im Bulgarischen befassten sich ebenfalls K. Mirčev (1952), Al. Ničev (1962), Al. Milev (1957), N. Kočev (1981), Iv. Dobrev (1978); vgl. noch eine frühere Arbeit von V. Beševliev: *Bālgari i gārci v tehните vlijanija prez vekovete*, Sammelband *Prez vekovete*, I, Sofija 1936, 181-189; über die romanischen (frazösischen und italienischen) Lehnwörter im Bulgarischen hat der Romanist L. Vankov fünf Studien veröffentlicht (siehe die Bibliographie am Ende). Sie stellen einen wesentlichen Beitrag zur bulgarischen Etymologie dar. Kurze Beiträge zur Deutung italienischer Lehnwörter im Bulgarischen publizierten A. Spasova (Izvestija IBE, II, 1952) und K. Kostov (Bālg. ezik, III, 1953, 256-258). Die englischen Lehnwörter im Bulgarischen wurden von L. Vankov (God. Sof. Univ. Fak. Zap. fil. Bd. 65/1, 1971, 295-324) betrachtet. Die slawischen Einflüsse in den romanischen Sprachen und Dialekten wurden ausführlich in einer Monographie von Iv. Petkanov behandelt: *Slavjanski vlijanija v romanskite ezici i dialekti* (Sofia 1988). Darin hat der Autor mehrere früher publizierte Arbeiten zusammengestellt.

Über die rumänischen Lehnwörter im Bulgarischen legen V. Aleksova und O. Mladenova einen sehr wertvollen Überblick in ihrem Artikel *Bālgarorumānski ezikovi otnošenija* (Sāpost. ezikoznanie, VI, 1981, 161-170) vor. Beiträge zu dieser Frage beisteuerten M. Mladenov (1970, 1972), B. Simeonov (1958), Iv. Petkanov (1974), R. Bernard (1963), St. Stojkov (1958).

Die deutschen, niederländischen und skandinavischen Lehnwörter im Bulgarischen sind zusammenfassend von B. Paraškevov (Sāpost. ezikoznanie, VI, 1981, 181-189) betrachtet.

Besondere Bedeutung in der bulgarischen Etymologie der zweiten Etappe wird dem Superstrat im Bulgarischen (Protobulgarisch, Pečenegisch, Kumanisch) beigemessen. Wertvolle Beiträge auf diesem Gebiet leisteten Emil Boev, Boris Simeonov, M. Moskov, Iv. Venedikov, Ivan K. Dobrev, R. Bernard, I. Duridanov, Vl. Šaur. Dank ihrer Leistungen ist die Anzahl der Protobulgarismen erheblich angewachsen. Im folgenden werden sie angeführt: *sablъ* „Hahn“, *sablica* „Henne“, *vaja* „meisseln“, *sur* „grau“, *baj* „Herr“, *karam* „treiben“, *kraguj* „Sperber“, *sokaj* „Kopfreif (als Schmuck)“, *tlъpygъ* „Schlauch aus Tierfell“, *šubrak* „Gebüsch“, *šarān* „Karpfen“, *šavār* „Schilf“, *haranija* „grosser Kessel“, *kovrъch* „Scabiosa L. (Pflanze)“, *delva* „irdener Topf“, *šile* (srkr. *šiljeg*) „Lamm von 6 Monaten“, *sukman* „Trägerrock“,

*vatach* „Werkführer bei Schmelzhütte“, *tumak* „Unterhose“, *tunje* „umsonst, grundlos“, *deliboran* „nicht ganz gegärter Wein“ u.a.m. Die frühere Etymologie des Volksnamens *blɔgar(in)/bulgar*, erklärt als „Mischling, Aufmischer“, „rebellisch, wühlerisch“ zu *bulgamak* „mischen“ wurde jetzt durch eine neue von B. Simeonov (Vekove, V, Nr. 5, 1976) ersetzt: *bulgar* sei eine Totembezeichnung, identisch mit dem Namen eines Waldtieres aus Mittelasien. Wahrscheinliche Lehnwörter im Bulgarischen aus den anderen Türksprachen (Petschenegischen) werden in meinem Artikel *De certains emprunts bulgares du vieux turc* (bulg., 1960) betrachtet.

Das Osmanisch-Türkische ist am weitesten im Bulgarischen etymologischen Wörterbuch vertreten, da darin ausnahmslos alle Lehnwörter aus den bulgarischen Dialekten aufgenommen werden. Mit den osmanisch-türkischen Entlehnungen im Bulgarischen befassen sich vor allem ausländische Linguisten: Alf Grannes, St. Stachowski und M. Mollova. Für die bulgarische Etymologie sind von Belang zwei Arbeiten:

1. *Études sur les turcismes en bulgare* (Oslo, 1970) von Alf Grannes.
2. *Studia nad chronologią turcyzmów w języku bułgarskim* (Kraków, 1971) von St. Stachowski.

Ein Wörterbuch der Turzismen im Bulgarischen, das von grossem Nutzen für die Etymologen ist, ist neulich erschienen: *A Dictionary of Turcisms in Bulgarian* (Novus forlag – Oslo, 2002) von Alf Grannes, Kjetil Rå Hauge und Hayriye Süleymanoğlu. Die bulgarischen bzw. die slawischen Entlehnungen im Osmanisch-Türkischen haben – nach Fr. Miklosich, A. Tietze und H. Eren – das Interesse der Wissenschaftler auch in Bulgarien erweckt. Als erster hat sich P. Mijatev mit dieser Frage befasst (in zwei Artikeln – 1968, 1969). Eine wertvolle Studie darüber hat Hayriye Memova-Süleymanova im Jahre 1981 veröffentlicht: *Leksikalni zaemki v turskija ezik ot bălgarskija i ot drugite slavjanski ezici*. Ihr Material schöpfte sie aus den osmanisch-türkischen Dialektwörterbüchern.

Die Zigeunerelemente in den bulgarischen Geheimdialekten werden von K. Kostov in seinem Artikel *Ciganski dumi v bălgarskite tajni govori* (Izvestija IBE, IV, 1956, 411-425) betrachtet.

Bescheiden sind auch die Beiträge zur Etymologie albanischer Lehnwörter im Bulgarischen. Festgestellt ist die albanische Herkunft der Wörter: *karpa* „Fels“, *rufeja*, *rufe* „Blitz“, *kekav* „schwächlich“ (V. Georgiev, s. oben); *kova* (dial.) „Zeit“ (Mirčev 1953); *caka* „Art und Weise“, *cakam* (kart.) „stechen“, *cuca/coca* „Mädchen“ (P. Asenova-U. Dukova-T. Kacori 1979); *giza* „Käse“ (im Geheimdialekt der Schneider aus Debăr) (Todorov 1986).

Eine Reihe ungedeuteter Wörter im *Bälgarski etimologičen rečnik* (I. Band) ist Gegenstand eines Artikels von L. Selimski (Säpost. ezikoznanie, XXIX, 1978, 47-54). Mir der Deutung einer Anzahl von Wörtern aus den Balkansprachen hat sich T. Todorov in mehreren Artikeln beschäftigt (s. die Angaben in *Bibliografija II* von *Bälg. etimologičen rečnik*, Bd. IV, 1995, S. 51-52, 89-90). Die entsprechenden Artikel mit Ergänzung neuer Etymologien hat der Autor später in seinem Buch *Etimologični etjudi* (Sofija, 1994) zusammengestellt. Es empfiehlt sich dieses Buch mit Vorsicht zu benutzen, da nicht alle vorgebrachten Etymologien einwandfrei sind.

### Perspektiven

Als nächste Aufgabe scheint mir das Abschliessen des *Bälgarski etimologičen rečnik*, erfüllbar natürlich, wenn das Autorenkollektiv das Abfassungstempo beschleunigt. Parallel wäre empfehlenswert die Vorbereitung einer neuen verarbeiteten und ergänzten Ausgabe der ersten zwei Bände. Das ist notwendig, denn im Laufe der letzten 30 Jahre zahlreiche neue Etymologien erschienen sind, so dass die erste Ausgabe dieser Bände schon veraltet ist.

Weiterhin: ich empfehle den Autoren, sich mit Vorbereitung von Monographien zu befassen, wobei zweckmässig wäre, die Themen nach Wortfeldern zu wählen. Als Beispiele nenne ich die Monographien: V. Koseska *Bulgarskie słownictwo meteorologiczne na tle ogólnosłowiańskim* (Wrocław, 1972) und I. S. Vachros *Naimenovanija obuvi v ruskom jazyke I* (Helsinki, 1959).

Hier möchte ich noch auf eine Frage aufmerksam machen. In der Vergangenheit wurden die Lehnwörter gewöhnlich ohne Rücksicht auf ihre Verbreitung, d.h. auf ihre Areale untersucht. Oft wurden sie ohne Ortsangaben angegeben, z. B. „osmanisch-türkisch“ oder „griechisch“. Als Ausnahme verweise ich auf zwei Beiträge von M. Mladenov, in denen die geographische Verteilung a) der Protobulgarismen (Säpost. ez., VI, 3-5, 1981) und b) der Romanismen im Bulgarischen (Die Slaw. Sprachen, XIII, 1987) dargestellt wird. Künftig muss man also mehr Aufmerksamkeit auf die Areale der Lehnwörter im bulgarischen Sprachterritorium schenken. Denn vom ethnolinguistischen und kulturhistorischem Standpunkt ist es überaus wichtig diese Areale auszuwerten.

BIBLIOGRAPHIE  
(IN AUSWAHL)

- Aleksova, V., Mladenova, O. 1981: *Bälgaro-rumänski ezikovi otnošeniya*. Säpost. ezikoznanie, VI, 3-5, 161-180.
- Bešvliev, V. 1936: *Bälgari i gärci v tehните vlijaniya prez vekovete*. In: Sb. Prez vekovete, I, Sofija, 181-189.
- Boev, E. 1965: *Za predturskoto tjurksko vlijanije v bälgarskija ezik*. Bälg. ezik, XV, 3-17.
- Duridanov, Iv. 1960: *Stari tjurkski zaemki v bälgarskija ezik*. In: Studia in honorem M.S. Drinov, Sofija, 431-446.
- Duridanov, Iv. 1987: *Die Romanismen im Wortschatz des Bulgarischen*. Die Slawischen Sprachen, 13. Band, 5-14.
- Filipova-Bajrova, M. 1969: *Gräcki zaemki v sävremennija bälgarski ezik*. BAN, Sofija.
- Georgiev, Vl. 1958: *Väprosi na bälgarskata etimologija*. BAN, Sofija.
- Georgiev, Vl. 1960: *Bälgarska etimologija i onomastika*. BAN, Sofija.
- Grannes, A. 1970: *Études sur les turcismes en bulgare*. Oslo.
- Grannes, A., Hauge, K. Rå., Süleymanoğlu, H. 2002: *A Dictionary of Turkisms in Bulgarian*. Novus vorlag, Oslo.
- Ilčev, St. 1942: *Vremena i dumj*. Ezikovi väprosi. Sofija.
- Mirčev, K. 1952: *Beležki värhu gräckite zaemki v ezika na sedmogradskite bälgari*. In: Izvestija IBE, kn. 1, 231-238.
- Mladenov, St. 1909: *Starite germanski elementi v slavjanskite ezici*. In: Sbornik za nar. umotvorenija, XXV, kn. 2, 1-155.
- Mladenov, St. 1920: *Studii po slavjansko i sravnitelno ezikoznanie*. God. Sof. univ. I. Istor.-filol. fak., XIII-XIV, 168 S.
- Mladenov, St. 1921: *Verojatni i mnimi ostatäci ot ezika na Asparuhovite bälgari v novobälgarskata reč*. God. Sof. univ. I. Istor.-filolog. fak. XVII, 201-287.
- Mladenov, St. 1921: *Vestiges de la langue des protobulgares touraniens d'Asparouch en bulgare*. Revue des études slaves I, 38-53.
- Mladenov, St. 1927: *Prinos käm izučvane na bälgarsko-albanskite ezikovi otnošeniya*. God. Sof. univ. Istor.-filol. fak. XXIII, 8, 32 S.
- Mladenov, St. 1930: *Etymologisches aus einer kurzgefassten Geschichte der bulgarischen Sprache*. Spis. BAN, XLIII, kn. 21, 93-122.
- Mladenov, St. 1941: *Etimologičeski i pravopisen rečnik na bälgarskija ezik*. Sofija.
- Moskov, M. 1981: *Bälgaro-tjurkski ezikovi kontakti (ezikovi ostatäci, sästojanie, problemi)*. Säpost. ezikoznanie VI, 3-5. 80-104.
- Petkanov, Iv. 1988: *Slavnjanski vlijaniya v romanskite ezici i dialekti*. Sofija.
- Popov, G. V. 1896: *Etimologičeski rečnik na bälgarskija ezik s drugite indoeuropejski ezici*. Kazanläk.

- Račeva, M. D. 1979: *Za zaemkite ot arabski proizhod v bälgarski ezik*. In: Pomagalo po bälgarski leksikologija. Sofija, 161–167.
- Rakovski, G. S. 1988: *Säčinenija*. IV. Bd. Ezikoznanie, etnografija, folklor. Sofija.
- Romanski, St. 1909: *Lehnwörter lateinischen Ursprungs im Bulgarischen*. 15. Jahresber. des Instituts f. rumän. Sprache zu Leipzig, 89–134.
- Simeonov, B. 1979: *Prabälgarskata sästavka na bälgarskija ezik*. Bälğ. ezik, XXIX, 411–417.
- Simeonov, B. 1976: *Proizhod i značenie na nazvaniето bälgarin*. Vekove, V, Nr. 5.
- Süleymanova, Hayriye M. 1981: *Leksikalni zaemki v turskija ezik ot bälgarskija i ot drugite slavjanski ezici*. Säpost. ezikoznanie, VI, 3-5, 105–135.
- Šišmanov, Iv. 1893: *Prinos käm bälgarskata narodna etimologija*. In: Sbornik za nar. umotvorenija, IX, 443–646.
- Šišmanov, Iv. 1900: *Kritičen pregled na väprosa za prabälgarite ot ezikovo gledište i etimologijite na imeto bälgarin*. In: Sbornik za nar. umotvorenija, XVI-XVII, 505–753.
- Todorov, T. At. 1994: *Etimologični etjudi. Proizhod na bälgarski dumi*. Sofija.
- Tzitzilis (Dzidzilis), Hr. 1990: *Fonetični problemi pri etimologizuvane na gräckite zaemki v bälgarskija ezik*. BAN, Sofija.
- Vankov, L. 1965: *Rannite zaemki ot frenskija ezik v bälgarski*. Istoričeski uvod. 1800-1870. God. Sof. univ. Filol. fak., t. LIX, 167–202.
- Vankov, L. 1966: *Rannite zaemki ot frenskija ezik v bälgarski*. Analiz na lexikata. 1800-1856. God. Sof. univ. Filol. fak., t. LX, 135–193.
- Vankov, L. 1967: *Rannite zaemki ot frenskija ezik v bälgarski 1857-1870*. God. Sof. univ. Fak. zap. filol., t. LXI, kn. 1, 279–347.
- Vankov, L. 1959: *Käm istorijata na italianskite zaemki v bälgarski*. God. Sof. univ. Fak. zap. filol., t. LII, 2, 201–312.
- Vankov, L. 1958: *Käm istorijata na njakoi zaemki ot zapadnite romanski ezici v bälgarski i drugite balkanski ezici*. God. Sof. univ. Fak. zap. filol., t. LIV, 2, 169–280.
- Vankov, L. 1971: *Rannite zaemki ot anglijskija ezik v bälgarski*. God. Sof. univ. Fak. zap. filol., t. LXV, Nr. 1, 295–324.





# Этимология и скрытая двухкомпонентность слова

Виктор В. Мартынов

Говоря о порождении новых знаков (слов), мы указывали в свое время на то, что они порождаются присоединением к старому знаку некоторого модификатора (5). Отмечался также тот факт, что такой взгляд на порождение знаков восходит к выдающемуся польскому лингвисту Яну Розвадовскому, который определял двухкомпонентный характер каждой языковой единицы.

Схематически это может быть представлено следующим образом:

Двухкомпонентность в явном виде		Двухкомпонентность в свернутом виде		Двухкомпонентность в скрытом виде
<u>хвойный лес</u>	→	<u>хвойник</u>	→	<u>бор</u>
	←		←	
Синтаксис словосочетания		Словообразование		Этимология

Таким образом, этимология занимает определенное место в лингвистике, сходное с тем, что было показано в математике группой французских ученых, известных под псевдонимом Николя Бурбаки. Их определение звучит парадоксально: «Открытие в математике заключается в превращении скрытой тавтологии в явную».

Каждое новое поколение носителей языка стремится усвоить тавтологические новообразования, что, естественно, ведет к бурному увеличению лексического состава языка со всеми вытекающими отсюда последствиями. При этом этимолог пытается определить происхождение каждой новации путем установления пути ее развития. Этот процесс может быть реализован перспективно или ретроспективно. В первом случае исследователь выбирает из лексических запасов некоторое слово, которое ему кажется предшественником данного, и пытается заполнить промежуток между ними. Во втором, достаточно редком случае, предшественника реконструируют, т.е. восстанавливают ретроспективно, что сужает и ретроспективно упрощает поиск. Причины этого различия состоят в том, что в первом случае анализ фактически осуществляется от неизвестного, которому сразу же приходится приписать некоторые

характеристики, а во втором анализ ведется от известного с пошаговым переходом к неизвестному. Это тонкое различие часто остается незамеченным, ибо автор этимологии предлагает решение ad hoc в завуалированной форме. В прошлом всегда существует несколько кандидатов на решение. В настоящем кандидат только один.

Эту достаточно простую мысль развивал Ян Бодуэн де Куртене. Развивал с характерной для него страстью и настойчивостью, предъявляя к себе и своим оппонентам строгие требования. Вот одно из его высказываний: «О недоступном для наблюдения мы не должны утверждать ничего такого, что не опиралось бы на изучение доступного наблюдению. Мы обязаны всегда придерживаться ретроспекции (подчеркнуто нами – В.М.) с переходом от известного к неизвестному, но никоим образом наоборот».(1)

В своих работах мы предложили верификацию одной лингвистической теории в соответствии с типологическим принципом Бодуэна (14). Параллельно проводился аналогичный поиск со стороны математиков, но в силу взаимной несогласованности он осуществлялся с использованием иной терминологии, что, естественно, мешало получению нужных результатов.

То, что предлагается вниманию читателя, призвано, хоть в некоторой мере, оправдать необходимость совместных исследований в этимологии с полным сознанием трудности решения этой задачи.

Трудность заключается в том, что мы еще далеки от фундаментальной постановки и решения задач в обозначенной области, хотя развитие математики может этому помочь. Думается, что и математика взаимно получила бы в этом случае полезный опыт.

Напоминаем, что Бодуэн еще в конце XIX века «придерживался ретроспекции с переходом от известного к неизвестному». Этот переход должен быть пошаговым. В математике, в конечном счете, появилось свое «ретро», которое получило название рекурсии. При этом рекурсивная функция определилась как точное описание совокупности числовых функций, значение которых можно вычислять посредством некоторого алгоритма. Лингвистическое исследование подчиняется той же формулировке. Числовая функция заменяется семантической, не составляя тем самым каких-то особых трудностей у исследователя.

Для абсолютной ясности приведем в качестве примера известную детскую игру, построенную на преобразовании осмысленных

слов с сохранением их одинаковой длины и запретом некоторых перестановок. В этом случае задача может быть оформлена в виде примера «как переделать волка в козу с ответом: волк > полк > полá > поза > коза» (15, 18). Теоретически с учетом некоторых последовательных формальных изменений ее решение может быть достигнуто с использованием компьютерной техники.

Такого рода средство для решения самых разнообразных задач было предложено одновременно (в 1936 г.) и независимо друг от друга Э. Постом и А. М. Тьюрингом (там же). Дж. Шенфилд в книге «Степени неразрешимости» написал на титульной странице: «Посвящается С. Н. Клини, который сделал теорию рекурсивных функций теорией» (подчеркнуто нами – В.М.) (19). На этом наши ссылки на математику заканчиваются и все дальнейшее будет опираться на решение семантических задач с помощью лингвистики. Покажем сначала эту методику на достаточно известном примере дискуссии вокруг слова «невеста».

Обычный обзор точек зрения О. Н. Трубачев завершает следующим выводом: «Обобщая наблюдение над перечисленными этимологиями, мы настаиваем на одной из них: *\*ne-věsta* = ‘неизвестная’. Старая этимология *nevěsta* настолько очевидна, что поиски каких-то новых объяснений не представляются целесообразными. Можно заранее сказать, что они не смогут противопоставить ничего равноценного по ясности старому объяснению»(2).

Далее мы цитируем нашу рецензию на работу Трубачева: «Этот вывод вызывает удивление главным образом потому, что он противоречит выводам из одного весьма интересного наблюдения самого автора. Мы имеем в виду раздел «К развитию значения «рождаться» > «знать». В этой части работы автор в частности приходит к выводу: «История наиболее важных терминов «знать» сводится к следующей схеме: *\*g'en* I ‘рождаться, быть в родстве’ → *\*g'en* II ‘знать человека’; *\*ueid-* ‘видеть’ → *\*uoid-* ‘знать вещь’. Мы целиком разделяем это положение Трубачева и считаем одним из важных достижений автора. Но оно ведь несовместимо с возвратом к старой этимологии *\*nevěsta* < *nevěsta* ‘неизвестная’. Как убедительно показал сам автор, слав. *\*věděti* должно было относиться только к вещам. Наблюдалось вытеснение глагола *\*věděti* глаголом *\*znati*, но обратный процесс не зафиксирован. Следовательно понятие „не знать“ должно было выражаться словом *\*neznata*, но не *\*nevěsta*. Поэтому мы думаем, что следующее объяснение является наиболее близким к истине. Слав. *\*nevěsta*, с нашей точки зрения восходит

к \**ne-věs-ta*, где *-věs-* из и.-е. *uēikʹ-/uōikʹ-/uikʹ-*. Сюда относятся др.-греч. (F)οἶχος ‘дом, семья, род’, др.-инд. *visʹ* ‘дом, община, племя’, лат. *vīcus* ‘деревня’, ст.-слав. *вьсь* ‘деревня’ итд. Как видно из этого сравнения, первичным было значение ‘род’. Слав. \**věs* (ступень *oi* по сравнению со ступенью *i* в зафиксированном славянском *вьсь*) должно было служить древнейшим термином для понятия ‘род’, что точно соответствует др.-греч. (F)οἶχος ‘дом, семья, род’. Таким образом, слав. \**ne-věs-ta* можно было бы перевести как ‘не-род-н-ая’, что отвечает фактическому положению невесты» (2).

Наша дискуссия получила развитие благодаря вступлению в нее Ю. В. Откупщикова, который достаточно подробно рассмотрел проблему ‘невесты’ (16). Он принял наше замечание о том, что согласно выводу, полученного самим Трубачевым, толкование ‘неизвестная’ не могло быть отнесено к образованию с глаголом *uoid-*, поскольку оно относилось к предметам, а не к человеку, поэтому из двух возможностей остается *uōikʹ-*. И тем не менее Откупщиков считает оба варианта уязвимыми. Он пишет: „... против упомянутых двух этимологий говорит и тот факт, что ни один из двух корней (\**uoid-*, \**uōikʹ-*) не употребляется ни в славянской, ни в индоевропейской терминологии, относящейся к семье и браку“ (16). Последнее утверждение оказалось неверным. Против него свидетельствует др.-инд. *niveśayati* ‘женит’, *niveś-* ‘внутри дома, внутри рода (вводит)’. Ср. *ne-věs-ta* ‘вне дома, вне рода (находящаяся)’. В заключение Откупщиков пишет: „Итак, для объяснения фонетических изменений, произошедших со словом невеста, мы предлагаем следующую реконструкцию: \**neuo-ued-ta* > \**neuo-uesta* > \**neuo-vesta* > *neuoesta* > *nevěsta* (или *neua-uedta* > *neua-vesta* > *neuaesta* > *nevěsta*“. Сказанное подкрепляется следующей ссылкой: «Мы не касаемся здесь вопроса о хронологической последовательности различных фонетических изменений. Поэтому большая древность изменения – *dt* > *tt* > *st* (сравнительно с выпадением *u* и другими изменениями, в приведенной схеме носит условный характер» (подчеркнуто нами – В.М.).

Наконец мы пришли к тому, к чему должны были придти. Исходная форма не просто условна. Она представляет собой свободное творение, поскольку не подчиняется закономерностям рекурсивной семантики, о чем мы уже писали, ссылаясь на Бодуэна: „О недоступном для наблюдения мы не должны утверждать ничего такого, что не опиралось бы на изучение доступного наблюдениям. Мы обязаны всегда придерживаться ретроспекции с переходом от

известного к неизвестному и никоим образом наоборот“ (подчеркнуто нами – В.М.).

Представленная последовательность форм в противоположность требованию Бодуэна является переходом от неизвестного к известному и поэтому произвольна. Неизбежная сложность операции к тому же это подчеркивает. Что касается варианта *-věš*, то помимо рекурсивной семантики форма определена реально. Мы фиксируем в данном случае неизменность ее составляющих, включая суффикс *-ta*.

Попробуем на конкретном материале показать работающую систему рекурсивной семантики.

1. *čelo-věkš* ‘человек’ (4).

Толкование праслав. *čelověkš* как формы неопределенно-личного местоимения дает возможность произвести неожиданное сопоставление с региональным славянским *\*koli-věkš* (польск. *-kolwiek*, чеш. *-kolivěk*, словацк. *kol'vek* ‘кто-нибудь’). В силу того, что еще в праславянском на основе местоименной формы возникло основосложение, это последнее должно было, вероятнее всего, реализоваться по наиболее продуктивной модели. Такая модель для сложения имя + имя предусматривала в качестве конечного гласного первого члена *-o-*, которое распространилось и на другие основы. Ср. *valko-dlakš* и *neto-perь* (< *\*nekto-perь*). В этот словообразовательный ряд вошло и *čelo-věkš*.

В связи с гипотезой о генетической соотнесенности прасл. *čelo-věkš* и регионального *\*koli-věkš* встает вопрос о происхождении компонента *-věkš*. В пользу идентификации с *věkš* ‘возраст’ можно привести следующие типологические параллели: *jemand* ‘некто, кто-нибудь’ < *eo* ‘вечно, всегда’ + *man* (неопределенно-личное местоимение, неадекватное германскому названию человека). В результате *\*kolě-*, *věkš* дало в праславянском *čelo-věkš* (прасл. *\*čele-věkš* > *čelo-věkš*, как в др.-греч. *ὄλητόμος* > *ὄλο-τόμος*).

В итоге:

<i>kolv-věkš</i>	>	<i>čele-věkš</i>	>	<i>čelo-věkš</i>
кто-нибудь		имеющий возраст		человек

2. *děsna* ‘десна’ (14). Ближайшей параллелью является др.-прус. *danti-max* (сложное слово, в котором первая основа точно соответствует прасл. *\*dět-*). Вторая имеет надежную параллель в виде лит.

*makšnà* ‘мешочек’. Тогда ‘вместилище (мешочек) для зубов’. Ре dukция \**moksna* > *-sna* указывает на время, когда она произошла, в результате чего *moksna* > *tox(ь)na* > *tošna*. Вставное *ь*, возникшее по аналогии с продуктивной суффиксацией прилагательных на *-ьн*, привело к переходу *x* > *š*. Подкреплением этимологии, согласно которой *dęsna* < *dęt-moks-na* является лат. \**denti-maksa* = лат. *dentorum maxilla*, тождественное др.-прус. *dantimax*. В итоге:

<i>denti-moksna</i>	>	<i>dęti-sna</i>	>	<i>dęsna</i>
мешочек для зубов				десна

3. *krapiva* (*kapriva*) ‘крапива’ (8). В качестве примера конвергенции в результате лексической инфильтрации можно привести славянское название крапивы на основании южнославянских параллелей (болг. *коприва*, серб.-хорв. *kòpriva*, словен. *korřiva*, чеш. *korřiva*, в.-луж. *korřiva*, н.-луж. *koršiva*) реконструируется праслав. \**korřiva*. Мы предлагаем гипотезу об италийском источнике \**kapr-iva*. Корневая часть совпадает с италийским названием козы (лат. *capra* ‘коза’). Образование на *-iva* представляет собой непродуктивное в славянских словах образование с преимущественным значением результата действия. В данном случае *kapriva* ‘козья трава (= дикая трава, бурьян)’.

В итоге:

<i>kropiti</i>	>	<i>kropiva</i>	>	<i>kapriva</i>
Ср. бел. <i>кoнь</i>	>	<i>канюшына</i>		

4. *zъdъ* ‘глина’ *zидъ* ‘глиняная стена’ (6). Реконструкция полностью подтверждается балтийскими соответствиями: лит. *žĩesti* ‘лепить из глины’, латыш. *ziest* ‘мазать’, лит. *židinỹs* ‘очаг’, *žaidas* ‘печь’. Ближайшим славянским соответствием является ст.-слав. *zъdъ* ‘жилище, домашний кров’ (ср. нем. *Heim* ‘домашний очаг’ и ‘жилище’). Ст.-слав. *съде*, словен. *zde*, др.-прус. *zъdъ* ‘здесь’ возводятся к \**съ дѣ* или \**съ-дѣ*, которое соответствует форме локатива от *zъdъ* ‘жилище, домашний очаг’. Ср. др.-в.-нем. *Heim* (н.-в.-нем. *Heim*) ‘жилище, домашний очаг’, *heimi* (локатив) ‘дома’ (н.-в.-нем. *daheim*), н.-в.-нем. *heimisch* ‘здешний’.

В итоге: *zъdъ* ‘глина, глиняная стена’ > *zъdъ* ‘жилище, домашний очаг’ > *zъdъ* ‘здесь’.

Особый интерес представляют с этой точки зрения мифологические названия и собственные имена.

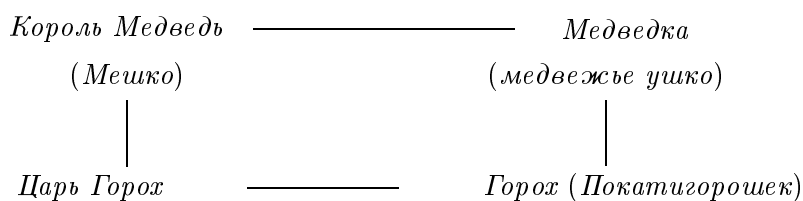
5. *Дажьбогъ – Стрибог* (7). Значение этих имен зафиксировано в „Слове о полку Игореве“. Их противопоставление ясно. Его легко обнаружить в сербской народной легенде, начало которой звучит следующим образом: „Дабог был царем на земле, Господь Бог – на небесах“. Здесь отражено вероучение богомилов. *Дабы* (= Дайбог, Дажьбог) символизировал ‘злое начало’. Если это так, то семантика должна была соответствовать этому значению. Поскольку славянская теонимия, кроме основных божеств (Перуна и Велеса) обнаруживает иранскую ориентацию, возникала необходимость реконструировать иранское название ‘злого бога’. Понятие ‘злой, плохой’ в сакральном смысле передается через др.-иран. *duš-* (или *duž-* перед последующим звонким согласным) и следовательно имя бога, представляющего ‘злое начало’ восстанавливается как др.-иран. \**duž-baγa*. То, что в скифском еще сохранялись формы *duš-*, *duž-* свидетельствует прасл. *dъždь* ‘дождь, непогода’ < иран. *duždū* ‘плохое небо’.

Иран. \**duž-baγa*, проникнув на славянскую языковую почву, должен был дать прасл. \**dъž-bogъ*, которое точно соответствует серб.-хорв. *Дажьбог*. Все остальные варианты являются результатом народно-этимологических процессов.

Легко понять, что противопоставление *Дажьбог* (< *dъž-bogъ*) предполагает наличие его антонима в лице *Стрибога*, вторая часть которого повторяется (-бог), а первая должна иметь противоположное значение. В результате мы обнаруживаем реконструкцию иранского \**srī-baγa* ‘доброе божество’. Итак, \**duž-baγa* и \**srī-baγa* противопоставлены друг другу как *Дажьбог* и *Стрибог*.

В итоге: *duž-baγa* > *Дажьбог* > *Дай-бог*  
*srī-baγa* > *Стрибог* > *Сри(б)-бог*

6. *Горох* (10), используемое для обозначения имени Покатигорошка, должно иметь отличное значение. Для выяснения этого вопроса необходимо построить микросистему имен, включающих данное. Она может быть представлена следующим образом:



Польское выражение \**za króla Mieszka* со значением ‘в давние времена’ соответствует русскому *за царя Гороха*. Следовательно имя *Горох*<sub>2</sub> должно иметь то же значение, что и *Медведь*. Для доказательства обращаемся к иранскому представлению. Скифское название медведя передавалось как *ars* (иран. *arša*). На славянской почве оно должно было получить следующую рефлексацию *ars > orxъ > (h)orxъ* (вост.-слав. *Горох*) в соответствии с *s > x* после *r* и протетического *h*. Учитывая табуистический характер имени медведя прасл. \**gorxъ* было заменено описательным \**medvĕďь*, др.-инд. *madhvad* ‘тот, кто лакомится медом’. Можно предположить, что промежуточным названием медведя было \**medvĕďь gorxъ* ‘лакомка медведь’. Становится понятным и имя *Покатигорошек*, которое следует интерпретировать как *Покати-медвежонок*.

В итоге верхняя и нижняя часть схемы синонимичны:

*medvedь gorxъ* ‘лакомка медведь’ > *medvĕďь* ‘едящий мед’ > *медведь*.

7. *Мокошь* (9) единственная богиня, попавшая в киевский пантеон естественно в первую очередь связана с женским трудом. Ее деятельность продолжает в эпоху двоеверия Параскева Пятница. В основе культа Мокоши (соответственно Параскевы Пятницы) тканье и прядение и их запрет во время праздников. Поскольку, как уже говорилось, лишь Перун и Велес продолжают традицию славянских божеств. В отношении Мокоши следует искать ее истоки в иранской традиции. Об этом в Авесте *Aradvī Sūrâ Anahita*, соотносимых с Мать Сыра Земля. Однако до сих пор не было обращено внимание на возможность разделения имени Мокоши на осет. *ta-* (отрицание в иранских языках) и *kūsyn* ‘работать’, т.е. *ta-kos* ‘запрет на работу’, осет. *tagūsa, tagosa* < из др.-иран. *takusa* ‘бездельник’, что ближе всего соотносит имя Мокоши непосредственно с ее деятельностью.

В итоге: *ta-kus* > *Мокошь* > *мокрось*  
запрет женского труда > Имя богини  
в определенных условиях

8. *Сварог* (9, 12) западнославянское божество, обнаруженное в скрытом виде в одном из самых загадочных фрагментов „Слова о полку Игореве“

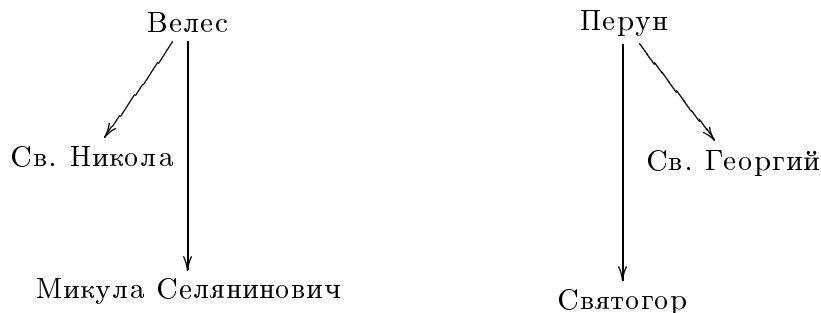
... кликну Карна, и Жля  
поскоче по Русской земли,  
смагу людям мычючи в пламянѣ розе



Имена *Карна* и *Жля* имеют на первый взгляд прозрачную этимологию. *Жля* рассматривается как олицетворение скорби, печали и сравнимо с др.-рус. *жаль* ‘могила’ ст.-слав. *жаль* ‘гробница’. *Карна* может предположительно возводиться к др.-рус. *карити* ‘оплакивать’. Прямых параллелей за пределами „Слова“ мы не находим. *Смага* – общеславянская и праславянская лексема с широким кругом значений ‘огонь, жар, скорбь, горе, смола’ (ср. *горе* < *гореть*). Интересно сопоставить выражение *смагу мыкати* с распространенным синонимичным *горе мыкати*. Возникает стойкое впечатление, что то и другое выражение имели первичное значение ‘разгребать горящие уголья погребального костра’ и вторичное – ‘совершать погребальный обряд’, ‘скорбеть’. Абсолютно неясным до сих пор остается выражение *в пламянь розе*. Наша гипотеза заключается в следующем: *пламенный рог* – ложная декомпозиция или полукалька имени славянского божества *Сварог* ‘бог огня, огонь’. Поскольку имена божеств кроме двух главных (*Перуна* и *Велеса-Волоса*), иранского происхождения, предлагается иранская этимология: *Svarogš* < *suar-ag-os*. При этом учитывается продуктивность суффиксации *-ag*, *-ak* в иранских языках. Ср.  $\Sigma\omicron\rho\chi\omicron\varsigma$  (греческая запись скифского имени), осет. *surx*, *surxad* ‘пламенный, красный’. Таким образом, полукалька могла заключаться в том, что *suar-ag-os* было воспринято как *suar-ragos*, причем второй компонент отождествлялся со славянским названием рога, а первый был истолкован как ‘пламенный’. Аргументом в пользу такого выражения является перевод всей фразы как ‘разгребая угли в огне погребального костра’. Поскольку *Сварог* могло означать ‘огонь, костер’, наше толкование представляется вполне вероятным.

В итоге: *Сварог* > *Свар-рог* > *пламенный рог*  
‘божество’

9. Святогор (11) и Микула Селянинович являются богатырями старшего поколения, противопоставленными друг другу по ряду признаков в трех ипостасях: мифологической, былинной (сказочной) и сакральной (с принятием христианства) схематически это можно представить следующим образом:



Свойства Святогора, роднящие его с Перуном, можно свести к трем основным:

1. Как и Перун, он представляет военную элиту и противопоставлен воплощению крестьянского люда (Микула – Велес).
2. Он имеет общую атрибутику с Перуном:
  - а) его местопребывание – горы;
  - б) для него характерна связь с дубом;
3. Его имя одного происхождения со св. Георгием.

Последнее доказывается одноходовым преобразованием: *Святогор* < *Свят Егор*, что подтверждается вариантами его имени в ряде былинных версий.

В итоге: *Святогор* < *Свято гор* < *Свят Егор*

Приведенные нами примеры взяты исключительно из наших исследований, в которых так или иначе просматривается семантическая ретроспекция. Методы испытания надежности в области этимологии были приведены в предварительном порядке в работе 3.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Baudoin de Courtenay J.: *Einiges über Palatalisierung (Palatalisation) und Entpalatalisierung (Dispalatalisation)*. // Indogermanische Forschungen IV, 1894, 45–57.
2. Мартынов В. В.: Рец. на книгу О. Н.Трубачева: История славянских терминов родства, М., 1959. // ВЯ №5, 1960, 143.
3. Мартынов В. В.: *О надежности примеров славяно-германского лексического взаимопроникновения*. // Типология и взаимодействие славянских и германских языков. Мн., 1969.

4. Мартынов В. В.: *Славянские этимологические версии*. // Русское и славянское языкознание. М., 1972, 185–188.
5. Мартынов В. В.: *Категории языка. Семиологический аспект*. М., 1982, 38–43.
6. Мартынов В. В.: *Язык в пространстве и времени. К проблеме глоттогенеза славян*. М., 1983, 88–89.
7. Мартынов В. В.: *Сакральный мир «Слова о полку Игореве»*. // Славянский и балканский фольклор. М., 1989, 69–73.
8. Мартынов В. В.: *Презумпция генетической соотнесенности и верификации в компаративистике*. // Сравнительно-историческое языкознание на современном этапе. Память В. М. Иллича-Свитыча. М., 1990.
9. Martynov, Viktor Vladimirovič: *Słowiańsko-niesłowiańskie kontakty językowe w okresie Prastłowiańszczyzny*. // Polono-Slavica. Warszawa, 1992, 94–97.
10. Мартынаў Віктар: *Этнагенез славян*. Мова і міф. Мн., 1993, 17–18.
11. Мартынов В. В.: *Святогор – былинная ипостась Перуна*. // Philologia Slavica. К 70-летию академика Н. И. Толстого. М., 1993, 94, 97–98.
12. Мартынов В. В.: *Хронотоп «Слова»*. // Диалог. Карнавал. Хронотоп. №2 (7), 1994, 18–19.
13. Мартынов В. В.: *Типологический принцип Бодуэна и верификация одной лингвистической теории*. // Kalbotyra 46 (2), Slavistika Vilnensis, 1997, 19–26.
14. Мартынов В. В.: *Праславянский язык и его место в западнобалтийском диалектном континууме*. // Acta Baltico Slavica 25. Warszawa, 2000, 192–193.
15. Машина Тьюринга и рекурсивные функции. М., 1972.
16. Откупщиков Ю. В.: *Очерки по этимологии*. СПб., 2001, 133–139.
17. Rozwadowski J.: *Słowotwórstwo i znaczenie wyrazów*. // Wybór pism. Т. 3. Warszawa, 1960.
18. Успенский Б. А.: *Машина Поста*. М., 1988.
19. Шенфилд Дж.: *Степени неразрешимости*. М., 1977.



# Indoeurópsky Schwebeablaut a slovanská etymológia

Šimon Ondruš

Osnovateľmi teórie Schwebeablautu v jednote s laryngálnou teóriou boli dve veľké osobnosti indoeurópskej jazykovedy 20. storočia Jerzy Kuryłowicz (1895-1978) a Emile Benveniste (1902-1976). Roku 1935 vyšla Kuryłowiczova publikácia *Études indoeuropéennes* so štúdiou *Classification des racines indoeuropéennes* a Benvenistova monografia *Origines de la formation des noms en indoeuropéen* so štúdiou o teórii indoeurópskeho koreňa. Obidvaja nadviazali na prelomové dielo F. de Saussurea (1857-1913) *Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indoeuropéennes* (1878).

Benvenistova a Kuryłowiczova teória sa dlho neaplikovala v slovanskej etymológii. Slovanské etymologické slovníky po druhej svetovej vojne (Vasmer, Kopečný, Machek, Ślawski, Bezlaj, Skok, Martynaŭ, Meľničuk, Georgiev) etymologizovali slovanské slová na zásadách mladogramatickej indoeuropeistiky z konca 19. a začiatku 20. storočia. Po smrti F. Bezlaja aplikujú v slovinskom etymologickom slovníku laryngálnu teóriu Marko Snoj a Metka Furlan, čo sa prejavilo už v treťom zväzku P-S od r. 1995. M. Snoj ju aplikuje aj v individuálnom etymologickom slovníku. Podobne sa v posledných rokoch aplikuje laryngálna teória aj v etymologickom centre Brna (Havlová et al.). Poľský individuálny et. slovník ani chorvátsky slovník Gluchaka neberiem do úvahy, lebo autormi nie sú profesionálni slavisti. *Český etymologický slovník* J. Rejzka nie je založený na výskume, ale na unáhlenej kompilácii.

Po 34 rokoch od vyjdenia štúdií Benveniste a Kuryłowicza vydal Raimo Antilla monografiu *Proto-Indoeuropean Schwebeablaut* (1969). Z pôsobenia Schwebeablautu vylúčil onomatopoje, deskriptívne slová a tabuové slová (s. 13-19).

V plnom rozsahu uplatnili laryngálnu teóriu a Schwebeablaut T. V. Gamkrelidze a V. V. Ivanov v syntéze *Indoeuropejskij jazyk i indoeuropejcy* (1984).

Pri doterajšom výskume slovenskej a slovanskej lexiky z hľadiska genézy som zistil, že Schwebeablaut a laryngálna teória pomáhajú adekvátnejšie etymologicky vykladať najmä tie prípady, v ktorých mladogramatická koncepcia zlyhávala. Na 6. medzinárodnom kongrese slavistov v Prahe r. 1968 som prednášal na tému *Etymologická segmentácia slov z hľadiska štruktúry*

*indoeurópskeho koreňa a laryngálnej teórie*. Zborník Československé přednášky pro 6. mezinárodní sjezd slavistů v Praze. Praha, Academia 1968, s. 107-118. Na tieto výklady nadväzujem v štúdiu *Delabializácia spoluhláskových skupín Kw- > K- v praslovánčine (indoeurópcine) a jej význam pre etymológiu*. Zborník Slawische Wortstudien. Bautzen, Domowina Verlag 1975, s. 116-132.

Na úvod chcem konštatovať, že medzi virtuálnymi variantmi švebeablautových foriem a reálnymi variantmi je podobný vzťah ako medzi jazykovým systémom a jazykovou normou. Norma (úzus) obyčajne nevyčerpáva všetky možnosti, ktoré poskytuje systém. Niektoré švebeablautové varianty môžu byť doložené iba v propriách, obyčajne v zemepisných názvoch. Ale tie majú apelatívne východisko.

Popri dvoch základných štruktúrach CVCC a CCVC sa môžu vyskytnúť aj štruktúry CVCVC. Tie možno interpretovať dvojako:

1. Ako relikť protoindoeurópskeho stavu so štruktúrou CVCVC, z ktorej vznikli štruktúry CVCC a CCVC.
2. Plná štruktúra CVCVC vznikla sekundárne druhotnou kontamináciou prvej a druhej štruktúry. Interpretácia závisí od povahy denotátu (referentu). Čím je denotát starší, tým je pravdepodobnejšia interpretácia prvá.

Výberovo uvádzam slovanské a indoeurópske etymológie založené na laryngálnej teórii a Schvebeablaut. V ľavom stĺpci prvá forma CVCC-, v pravom stĺpci druhá forma CCVC-.

### Slnko

sewH-l-	:	sweH-l-
sowH-l-	:	swoH-l-
		suH-l-
		sHl-

Prvá forma sewH-l- : sowH-l- reálne doložená baltským (litovským, lotyšským, staropruským) *saule*. Pravdepodobne aj gótske *sauil*. Druhá forma je v gréckom sweH-l-, po delabializácii *séhl-* : *hélios*. Ablaut swoHl- v latinskom *sól*, *sólis*. Forma suHl- v staroindickom *súrah*, *súrya*. Forma sHl- je v praslovanskom *sl-nb-ko*. V nemeckom *Sonne*, anglickom *sun* nemusí ísť o druhotný sufix *-en*, ako sa traduje, ale o alternáciu *l/n*, ktorá je v indoeurópeistike známa. Poukazuje na to staroindické *sól*, dánske, švédske *sol*, gótske *sauil*-. Alternácia *l/n* bola aj v avestskom *xveng* z ide. formy sveH-n-.

## Mesiac

Gamkrelidze-Ivanov pokladajú meH-s- a meH-n- za dva osobité deriváty koreňa *meH-* „merať“ bez interpretácie druhej časti lexémy. Ja predpokladám v druhej časti relikť indoeurópskeho pomenovania noci *nek-t* : *nokt-t-*. *Nek-* : *nok-* sú druhou formou prvej formy *Hen-k-*.

MeH-Hen-k. V sekvencii *Hen-k-* substitúcia *H/K'* podobná substitúcii *H/K* v slovách *kost* a *koza* (je jich aj viacej).

MeH-Ķenk- po satemizácii v praslovančine *mé-seNc-*, *mäseNc-*. Kým v praslovančine sa zachovala plná druhá časť kompozita, v staroindickom *másas* a v staroperskom *máhyá* sa druhá časť kompozita redukovala takmer úplne, čo sa pri starých kompozitách stávalo. MeH-Hnek-t- kontuuje v staronemeckom *mánód*, litovskom nárečovom *menung*, spisovnom *ménuo* zo staršieho *ménót* (Fraenkel 438); grécke *mén* - *ménós*, lat. *ménsis*. Prvotný význam „merač noci“.

## Telo

Ide. koreň *teuH-* : *tuH-*, prasl. *tyti* „tučniet“

*teuH-l-* : *tweH-l-*  
*touH-l-* : *twoH-l-*  
    *tuH-l-*  
    *tH-l-*

Prvá forma *teuHl-* : *touHl-* v praslovanskom *tul-*: ruské *tul-ovišče* „telo bez hlavy a údov“, poľské *tul-ów* „stredná časť tela“. Druhá forma *tweHl-*, po delabializácii *teHl-* v prasl *tälo*. *TwoHl-*, po delabializácii *toHl-* *tal* : slovenské *tálit sa* „tučniet“, poľské *tałowity* „tučný“, slovinské *taliti* „roztápať tuk“. *TuHl-* *túl-* v prasl. *tylā*, grécke *tylos*, albánske *tuľ* „mäso“. *THl-* v prasl. *tl-stā* „tučný“.

## Temeno

Prvý variant *teuHm-* : *touHm-* v latinskom *tumere*, *tumor*. Druhý variant *twoHm-* v gréckom *sóma* „telo“. *TweHm-*, po delabializácii *teHm-* v prasl. *täm-en-* „vrchná časť tela, hlavy, temeno“.

## Svetlo : vesna

*Heus-* : *Hwes-*

*Heus-* aus-: stind. *usas-am*, *usra* „zornička“, lat. *aurora*, litov. *aušra*, lot. *aust* atď. *Hwes-* ves-n : ves-r- praslav. *vesna*, stind. *vasar-*, lit. lot. *vasara*, grécke *ear* atď. Pravdepodobne došlo ku kontaminácii druhej formy *Hwes-* a prvej formy *Heus-*. Z druhej formy *Hwes-r-* alternáciou *r/l* vzniklo prasl. *vesel-*. Veselá myseľ je jasná myseľ, veselé farby sú svetlé farby.

## Svetlo : juh

Heu-g- : Hweg-  
Hug-

Prvý variant v gréckom *augé* „jas, žiara, svetlo“. Praslovanské *j-ug-* „svetlá strana“. *J-ug-in-* > užina, južina v prvotnom význame poludňajšie jedlo, neskôr olovrant aj večera. Druhý variant *Hweg- wäg-* v praslovanskom *wäg-ja* > *wáža* „svetlá vrchná jizba“ (v ruštine). České *wäg-in-* > věžník „světýlko lesní“ (Machek). Nulový stupeň *Ug-nja* > *vygňa, výhňa, výheň*. *Ug-il-* > *vyž-yla* „pes svetlej farby“.

Nederivovaný základ *Hew-* v praslovanskom *j-av-*; staroslovienske *j-avě* „jasne, zreteľne“, staroind. *avih* „zjavne“.

## Svadba – sýty – svačina

Základ *sewH-* : *sweH-* odvodený dentálou *d/t*. *SweHd-* v gréckom *hadén* „sýto, dosť“, *hadinos, hadros* „plný, hustý, sýty“. Nulový stupeň *suHt-* v praslovanskom *syt-*; *sHt-* v latinskom *satis, satio* „sýtit“, nemeč. *satt, sättigen* „sýty, sýtiť“. V praslovančine nenastala delabializácia, preto *svat-* v slove *svat-ьba* v pôvodnom význame sýtenie, hostina pri sobáši. Derivát *svat-ina* sporadickou substitúciou *ř - č* (*život-ich* na *živočich, kořka* na *kočka* atď.) zmenený na svačina „hostina pri vstupe tovariša do cechu majstrov“. Derivačné varianty *svat-ina* : *svat-ьba* podobné ako *gost-ina* : *gost-ьba* v chorvátskom *gozba*.

## Luznúť – lazeň

*Luznúť* (v slovenčine) z ablautu *louz-*. *Lyznúť* z ablautu *lúz-*. *Louz-* je prvá forma, druhá forma *lwóz-* po delabializácii *laz-*. *Laz-nь* „kúpeľ“ (v starých láznach sa bilo, šľahalo prútim v pare). Podobnú motiváciu má praslovanské *banь* zo staršieho *bat-nь*. Lázeň nie je od slovesa leziem (Trubačev), *banь* nie je z grécko-latinského *balaneion, balneum* (tradičný výklad).

## Jazyk – nôž

Hen-gh- : Hnegh

Prvý variant v gréckom *egchos* „Speer, Lanze, Schwert“. V praslovanskom *enz-yk-* „jazyk“. Druhý variant v praslovanskom *nez-* : *noz-*. Staroslovienske *pro-noz-iti* „vbodnúť, vpichnúť“. Derivát *noz-jь* > *nožь*. Vzťah medzi gréckym *enchos* a slovanským *-enz-yk-* podobný ako medzi gréckym *glochis, glochin* „šíp, špic, ostrie“ a gréckym *glóssa* „jazyk“. Tradičné spájanie jazyka s nem. *Zunge* a lat. *lingua* nevyhovuje hláskovými diferenciami *d* (nem. *Zunge*): *l* (lat. *lingua*) : *j* (slov. *jeNzykσ*).



## Jeseň

Hesn- : Hsen-

Variant *Hsen-*, *sen-* „starý“ neznámy v praslovančine, starej pruštine a v časti germánčiny. Kontamináciou *Hsen-* a *Hesn-* vznikla plná forma *Hesen-*. Málo pravdepodobné, aby plná forma *Hesen-* bola reliktom z protoindoeurópciny, lebo pomenovania ročných období okrem zimy sú mladšie. Vzťah medzi *sen-* „starý“ a *esen-* (podzim) podobný ako medzi lat. *vet-* < *Hvet-* „starý“ a *autumnus* zo základu *Hewt-*.

## Núpta – nevästa

Newbh- : Nwebh-

Newbh- : Nowbh- v latinskom *nubere* s derivátom *núpta*, gréc. *nymfé*. Kontamináciou *newbh-* : *nwebh-* vznikla forma *newebh-* v praslovanskom *nevěbta*, *nevästa*. Plná forma *neveb-* nemôže siahať do protoindoeurópciny z povahy denotátu. Praslovanské pohyblivé *s-* *s-nubiti* je sekundárne. Podobná kontaminácia prvej a druhej formy ako v slove *jeseň*.

## Guditi : gydъ : gadъ : gavěďь

Praslovanské, staroslovienske *guditi* „oškliviť, špiniť“ z diftongového *goud-*. Nulový stupeň *gúd-* v slove *gydъ*. Druhá forma *god-*, po delabializácii *gód*, prasl. *gadъ*. Kontamináciou prvej a druhej formy v ablaute *gwéd-géd-* (v poľskom *žadać sieN* „oškliviť sa“) vznikla forma *gawěďь*. Machek bol na dobrej stope.

## Rosa

Wers- : wres-

*Wers-* v staroind. *warša* „dážď“, grécke —*ersé* „rosa“. *Wres-* v ablaute *wros-* v slovanskom *rosa*, balt. *rasa*, lat. *rós* – *róris*. Zánik iniciálového *w-* podobne ako v slove *rana* oproti stind. *vranas*.

## Rást' – rodiť

Herd- : Hred-

Praslovanské *ord-ti* > *orsti* „rásť“ z prvého variantu *Herd-*, *ord-*. Druhý variant *Hred-* v ablaute *rod-* v slovese *rodití*. O responzibilnosti významov svedčí grécke *fyó* - *fyomai*. Prijal Machek 1968. Koreň *Her-* *or-* v latinskom *orior*.

## Lat. ordó – prasl. reNd-

*Herd-* v ablaute *ord-* v latinskom *ordó*. *Hred-* s nazálnym infixom *-n-* *rend-*. V praslovančine aj v historickom vývine slovanských jazykov nazálny infix známy. Litovské *gedu* – *gedeti*, slovanské *gendati* > *žendati*. Praslovanské *med-* na území Slovenska nazalizované na *mend-*, preto historický reflex *mäd*, *mad*, *miad*.

## Čupa – čuba, čepiec, čepica, čapica, čapka

Keup- : Kwep-

Praslovanské *čupa*, v zvučnej podobe *čuba*, *čubrina*, *čuprina* v slovenčine označuje vrch, kopec, chochol, vrchný snop na kope snopov. Oronym *Čupec*, *Čubra*, *Čubrina*. Ablautové *koup-* > *kupa*, *kwop-* > *kopa*, *kopec*. *Kwep-*, *kep-*, *čep-* v slovách *čepiec*, *čapec*, *čepica*, *čapka* označuje pokrývku vrchu hlavy ženy, dieťaťa, vrchný štít strechy. Litovská responzia *kepure* označuje čiapku, klobúk, čepiec. U východných Slovanov a južných Slovanov *čapka* zmenené na *šapka* vplyvom významove blízkeho prasl. *šelm-*, z čoho ruské *šelom*, *šalom*, *šolom* „štít, ochranná strecha, ochrana hlavy, prilba“. Ukrajinské *šolom* „druh klobúka“, cirkevnoslovanské *šlāmσ* „prilba“. Tradičné spájanie s lat. *cappa*, resp. jeho románskymi kontinuantmi *chape*, *chapelle* „kapucňa“ nevyhovuje významom ani históriou. Ide o náhodnú podobnosť.

## Ňuchať : nos

NewHs- : NweHs- : NHs-

Anglosaské *neosian*, *nisan*, starosaské *niusan*, dolnonemecké *nüschen*, prasl. *ňuchati*. *NweHs-* po delabializácii *nas*, *nos*. Aj prvý variant *neus-* označuje nos v holandčine. Pokorný 768.

## Úř – Vel- : Vol- „dolina“

Heul- : Hwel-

Grécke *aulón* je nížina, jama, dolina, hrob. V miestnych názvoch *Aulétérión*, *Aulétéria* – *aulón déké*. Litovské *aulýs*, praslovanské *ulvъ* s pôvodným významom jama v strome, bútlavý strom ako „bydlisko“ včiel. Druhá forma *Hwel-* v zemepisných názvoch u Slovanov: u východných Slovanov *Velyнь* : *Volynь*, v Poľsku *Volyní*, v Čechách *Volyně*. Na Volyni bol staroruský kmeň Dulěbi, v Čechách Dudlebi, na dolnom toku Vltavy, historické Doudleby. Dulebi v Korutánsku a v Panónii. Kmene a osady v dolinách, nížinách. V chorvátčine *duliba* je dolina. Odvodené od *dudla* vo význame jama v strome. Odvodenie Dudläb- podobne ako v Čechách *Krchleby*. Nejde o názov germánskeho pôvodu, ako sa tradične hlása. Nie je náhoda, že východoslovanskí Dulebi žili na doline Volyň. Od základu *Vel-* odvodená asi aj poľská *Wieliczka*, a to v pôvodnom význame jama. Praslovanský základ *vel-* bol homonymný. Treba brať do úvahy geomorfologický status. Doteraz *Velyň* : *Volyně* etymologický výklad nemal. Vasmer neprijíma ani jeden pokus.

## Říp : Urpín

Reup- : roup- : rwop-  
*rup-*

Prvý variant *reup-* je v českém oronymu *Říp* so zmenou *reup-* *rjup-* *říp* podobne ako *říjen* z *reuj-* *rjuj-* *říj*. Nulový stupeň *rup-* v predhistorickom *on-rup-in*, v desiatom storočí *u-rōp-in*, *Urpín*. Nulový zdĺžený stupeň v latinskom *rúpés* „útes, strmá skalná stena“. Deriváty od *urp-* v miestnych názvoch *Urp-m* : *Urmince*. *Rúpina* v lat. je skalná priepasť. Tomu zodpovedá slovanské *rupa* „jama, diera“. O responzibilnosti významov „vysoký“ a „nízky, dolný“ svedčí latinské *altus* s oboma významami. Historický *Říp* nemá germánsky pôvod, ako sa mylne traduje.

### by-ti, by-chъ : bĕchъ, bĕachъ

B<sup>h</sup>ewH B<sup>h</sup>uH- > by- : B<sup>h</sup>weH-, po delabializácii B<sup>h</sup>eH > bĕ-

Sú prípady, ktoré zodpovedajú Schewebeablautu, známe už v mladogramatickej jazykovede. Pokladali sa však za sporadickú metatézu. Napr. grécke *brefos* : slovanské *žerb-eN*, slovanské *zima* : latinské *hiems*, slovanské *dervo* : grécke *drus*, slovanské *voda* : staroind. *ódman* a i. Prvý variant je aj v slovanských hydronymách *Uda*, *Udava*.

### Protoindoeuropäischer Schewebeablaut und slawische Etymologie

Kurze Geschichte der Laryngal- und Schewebeablauttheorie: 1878 Saussure, 1935 Benveniste, Kuryłowicz, 1969 Antilla, 1984 Gamkrelidze-Ivanov.

Die Beziehung zwischen den virtuellen Schewebeablautvarianten (im Prinzip 5-6) und den realen Formen entspricht der Beziehung zwischen Sprachsystem und Sprachnorm, bzw. Sprachusus. Die Sprachnorm, Sprachusus realisiert nicht alle Möglichkeiten des Sprachsystems.

Der Autor verbreitet und vertieft seine frühere Studien: 1968 *Struktur der ide. Wurzel und Laryngaltheorie*, 1975 *Delabialisation der Lautgruppen CW- : C-*.

Ausgewählte Schewebeablautetymologien:

1. *sHl-* : *suHl-* : *sweHl-* : *swoHl-* : *sewHl-* / *sowHl-*. Ide. Urformen von Sonne.
2. *meH-Henk-* : *meH-kenk-* (ursl. *mĕsenc-*), *meH-Hnek-t-* : *meH-Hnok-t-* (lit. *menot-*, d. *Monat*, *Mond*). Kompositum von *meH-* „messen“ und *Henk-t-* : *Hnek-t-* „Nacht“. Sehr hypotetisch.
3. *tweHl-* (*tĕlo*), *tewHl-* / *towHl-* (*tulo-ov-*), *tuHl-* (*tylō*), *tHl-* (*tl-st*).
4. *tweHm-* (*tĕmen-*), *twoHm-* (gr. *sóma*).
5. *sweHt-* : *swoHt-* (*svat-ŭba*, *svat-ina* : *svačina*), *suHt-* (*sytō*), *sHt-* (l. *satis*, gr. *hat-* : *had-/hadinos*, *hadros*), *sHt-* (sl. *do-sti*, *do-sta*).
6. *wers-* (gr. *ersé*, altind. *warša*) : *wros-* (sl. *rosa*, lit. *rasa*).

7. *enǵh-* (gr. *enchos*, sl. *j-enz-yk-*) : *Hneǵh-* (sl. *nez-* : *noz-*, *nozjv* > *nožv*).  
Ähnliche Motivation gr. *glóttá* / *glóssa* : *glóchis*, *glóchin* „Spitze“.
8. *luz-* (*lyz-nonti* „schlagen“): *lazv* „Gereut, Waldwiese“ : *laz-nv* „Bad“.  
Ähnliche Motivation *batati* „schlagen“ : *bat-nv*, *banv* „Bad“.
9. *Hesn-* : *Hsen-* : sl. *j-esenb* „Herbst“ : *sen-* „alt“. Ähnliche Motivation  
lat. *autumnus* < *Hewt- Howt-* : *Hwet-* *vetus*.
10. *newbh* : *nowbh-* lat. *núbta*, *núpta* : slav. *newebta*, *newěsta* < *newebh-t-*.

**Из работы над  
Этимологическим словарем  
русских заимствований в языках Сибири**

Александр Е. Аникин

I. Предлагаемые ниже наблюдения автора по славянской (преимущественно русской) лексике почерпнуты в завершаемом им *Этимологическом словаре русских заимствований в языках Сибири* (ЭСРЗ<sup>1</sup>), который во многом является продолжением ранее изданного *Этимологического словаря русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков* (Новосибирск, 1997; 2-е изд.: Новосибирск, Москва, 2000; далее ЭС). Часть рассматриваемых далее фактов затрагивалась и в ЭС.

Практически законченный к настоящему времени ЭСРЗ представляет собой описание корпуса старых русизмов в мансийском, селькупском, долганском, якутском, эвенкийском, юкагирском<sup>2</sup> и т.п. языках аборигенов Сибири. Цитируемые факты этих языков сопровождаются указанием их географии и описанием процессов фонетической адаптации. Для русских слов, послуживших источниками заимствования, даются краткие сведения по этимологии. В целом, рассматриваемый в ЭСРЗ материал относится по преимуществу к компетенции уралоистики, алтаистики и палеоазиатоведения, а для славистики и тем более индоевропеистики является периферийным. Тем не менее, некоторая часть этого материала может быть интересна не только для изучения начавшейся в XVI-XVII вв. лексической интерференции русского и аборигенных языков Сибири.

В ряде статей ЭСРЗ затрагивается проблематика древних индоевропейско-уральских и/или индоевропейско-алтайских контактов. Не вдаваясь здесь в эту тему, уместно ограничиться примером с манс. *Mir-susnə-χum* (= 'смотрящий за миром человек'), именем

---

<sup>1</sup> Начальная стадия работы над ЭСРЗ отражена в Аникин 1998.

<sup>2</sup> Далее соответственно: манс., сельк., долг., эвенк., якут., юкаг. В статье используются также сокращения: алт. – алтайский; бур. – бурятский; венг. – венгерский; кач. – качинский; койб. – койбальский; литер. – литературный; мар. – марийский; монг. – монгольский; морд. – мордовский; п.-монг. – письменный монгольский; тат. – татарский; тув. – тувинский; тюрк. – тюркский; хак. – хакасский. Сокращения индоевропейских языков и диалектов те же, что в ежегоднике *Этимология*.

одного из главных персонажей мансийского пантеона. Согласно весьма правдоподобной гипотезе (Топоров 1981: 146-149), это имя является калькой с самого характерного определения древнеиранского Митры, который, как сказано в Авесте, “озирает всю землю” (“Яшт” X, 4, 13). Частью данной гипотезы является предположение о заимствованном (восточноиранском) происхождении начального компонента имени *Mir-susnə-χum*, ср. др.-иран. *Miθra*. Отнюдь не исключая возможности иранского происхождения мифологического образа Мир-суснэ-хума и калькирования этого имени с иранского образца, следует констатировать, что трактовка манс. *Mir*- как заимствования (иранизма) практически не доказуема из-за большой вероятности позднего усвоения этого компонента из рус. *мир* < праслав. \**mirъ* (не говоря о фонетических трудностях выведения манс. *Mir*- из иранского). Последнее, как известно, само испытало иранское влияние (но гипотеза об иранском происхождении \**mirъ* сталкивается с фонетическими трудностями, см. ЭССЯ 19, 57), что особенно хорошо видно по фразеологизмам со словом *мир* (Топоров 1993: 19 и др.).

Для манс. *Mir*- в имени *Mir-susnə-χum* осторожнее принимать заимствование из рус. *мир*, что вполне очевидно для манс. *mir* и коми *mir* ‘народ, люди’, ‘мир, покой’ (Kálmán 1961: 192-193)<sup>3</sup>.

II. Настоящая статья иллюстрирует данные ЭСРЗ, касающиеся анализа сибирских диалектизмов исконнорусского происхождения на фоне других русских и славянских диалектов. Речь идет прежде всего о случаях, когда слова, полностью или частично утраченные (и/или не засвидетельствованные) в русском языке (в его диалектах), сохраняются в виде заимствований, позволяющих уточнить зону распространения их источника или иные данные о нем. Так, якут. *sakāt* ‘выемка на краях досок (плотницкий термин)’ (СЯЯ 2034) указывает на существование в Восточной Сибири рус. *zakát* id, известного автору данной статьи только из словаря-дневника Р. Джемса начала XVII в. (Холмогоры): *zacad* = *закад* (*закат*) ‘шпунт, фальц в столярных работах’ (Ларин 1959: 170). Подобные случаи демонстрируются ниже в № 1. Следует заметить, что при подаче русских (не говоря о других) диалектизмов в этимологической литературе нередко ограничиваются пометой “рус. диал.”, которая страдает информационной неполноценностью, обесценивающей цитируемый материал и чреватой этимологическими

<sup>3</sup> В семантическом отношении ср. тюрк. *ül, el* ‘мир, согласие’, ‘народ’ (см. подробнее: Doerfer G., *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen*. Bd. II. *Türkische Elemente im Neupersischen. alif bis tā*. Wiesbaden, 1965, S. 194-195).

просчетами. Не всегда учитываются пути диффузии лексики, обусловленные историческими процессами русской экспансии на восток. Данные о географии русских слов оказываются в центре внимания и в № 2-4, но в № 3-4 на первый план выходит уже собственно этимологическая проблематика. Содержание № 5, связанного с ЭСРЗ и ЭС лишь косвенно, составляют дополнительные данные к одной из ранее установленных семантических закономерностей.

1. Рус. *па́мять* 'грудная кость курицы, петуха' известно как вятское (СРНГ 25, 191), но есть факты, указывающие на более широкий ареал этого слова. Сельк. (Кеть) *пāмет* 'ключица' (Алатало 47), явно происходящее из указанного русского слова (точнее, из рус. *па́меть* с  $T'aT' > T'eT'$ ), бесспорно указывает на его наличие в языке русских первопроходцев или старожилов Западной Сибири, от которых и было усвоено сельк. *пāмет*.

А. В. Дыбо (см. ниже) ранее уже указала на то, что из обсуждаемого русского источника происходят долг. (Таймыр) *паамитт*, *паамит*, якут. (Оленек) *маамыит* 'ключица (птицы)' (ДСЯЯ 196; ДСЯС 118), а также на то, что речь в данном случае идет о первоначальном игровом термине. Его смысл раскрывается при обращении к рус. (Сибирь, Вятка) *па́мятоваться* 'держать пари, закрепляя договор разламыванием куриной грудной косточки или съедая пополам орех', 'ломать дужку птицы, вдвоем, или съесть пополам двойчатку ореха, в роде заклада, кто в другой день первый об этом вспомнит, или кому достанется счастливая (большая) половина' (СРНГ 25, 188; Даль III, 15). Как можно видеть, ареал данного глагола согласуется с предполагаемым сибирским ареалом существительного *па́мять* в значении ключицы. Существенно наличие якут. (юго-запад Якутии) *маамыит* 'игра на память' (ДСЯС 118) < \**pāmit* < рус. (Сибирь) *па́мять* id = литер. *па́мять* (Фасмер III, 195). Слово *па́мять* 'игра в разламывание птичьей дужки («на память»)' в известных автору источниках по русской лексике не представлено.

Судя по описанию (XVII в.) блюд из птицы, подававшихся к царскому столу (*стабы да дужка* – блюдо, *памяти* – блюдо, см. СлРЯ XI-XVII вв. 14, 142), слово *память* в значении 'грудная кость птицы (курицы, петуха и др.)' или сходном некогда было известно и в Москве. Его значение (связанное с 'игра, состоящая в ломании птичьей ключицы/дужки') могло возникнуть под иноязычным влиянием, ср. тат. *ядәш сәяге* 'дужка, ключица' (*сәяк* 'кость') <

перс. *yâdâst* ‘я вспомнил’, ‘игра в ломание дужки’ (Дыбо 1996: 142-143).

2. Рус. *чáча*, *чáчка* ‘отец’ определяется как камчатское (Даль IV, 585), но юкаг. *чача* ‘старший брат’, происходящее, скорее всего (вопреки Крейнович 1958: 237), именно из рус. *чача*, позволяет думать, что последнее было известно также в бассейне Колымы, откуда и попало на Камчатку. Рус. *чáча* обнаруживает встречающуюся в говорах Сибири аффрикатизацию  $t' > c'$  (Селищев 1968: 240, 346) и является, по всей вероятности, не более чем местным вариантом известного *тятя*. Из рус. *чáча* выводимо и якут. (Колыма, Яна) *чээчэ* ‘отец’ (ДСЯС 201). Источником последнего вполне могло быть, однако, и рус. *тятя*, с проведением аффрикатизации уже в якутском. Трактовка рус. *чáч(к)а* ‘отец’ как продолжения праслав. *\*čaća* (SP II, 103-104) ‘неправомерна (И. Г. Добродомов, письменное сообщение).

3. В говорах Сибири и Дальнего Востока, а также в русском литературном языке есть слово *марь* ‘болотистое место в тайге, поросшее кустарником или отдельными деревьями (такое место бывает и на склонах гор)’ (ЭС 378-379). География этого слова подтолкнула к выводу о его происхождении из якут. *маар* ‘моховое болото, поросшее кустарником, лесная болотистая тундра’ и/или из эвенк. *мар* ‘поросль низкорослой березы; торфяное болото’ (ЭС 379). Этот вывод, однако, не может быть принят в виду рус. новгор. *марь* ‘болотистое место’, ‘насыпь или бугор’ (Новгор. сл. 5, 72), арханг., волог. *марь* ‘болотистое место’ (КСГРС), Кириши (неподалеку от Санкт-Петербурга) *марь* ‘завал в лесу, бурелом’ (Карел. сл. 3, 200). Якутское и эвенкийское слова, вероятно, происходят из русского. Независимо от правильности последнего тезиса, русское слово несомненно занесено в Сибирь с территорией новгородской колонизации в европейской части России.

Рассмотренное рус. *марь* едва ли идентично сев.-рус. *марь* ‘туман, сырой воздух’, праслав. *\*marь* ‘жара, туман’ (о последнем см. ЭССЯ 17, 218). Сомнительна (по крайней мере для значения ‘болотистое место’) и связь с южн.-рус., вост.-рус. и др. *тар* ‘холм’, волжско-финского происхождения (Фасмер II: 571). Можно предположить, что рус. *марь* ‘болотистое место’ является реликтом праслав. *\*mar-* id (*\*marь*; не исключено и первоначальное *\*marъ*, и последующая контаминация с *марь* ‘туман и др.’) с долгим корневым вокализмом, ср. др.-в.-нем. *tuor* ‘болото’ < герм. *\*mōra-*



при краткой корневой гласной в рус. *мóре* (ср. *морцó* ‘вид озера’) и др. (Фасмер II, 654; ЭССЯ 19, 228).

4. Помета “сиб[ирское]”, сопровождающая рус. *мендёр* ‘налим’ (СРНГ 18, 107) может быть уточнена благодаря хак. *миндёр* *id*, русская этимология которого безусловно предпочтительнее, нежели сравнения с тув. *тезил* *id* (VEWT 339) или с якут. *буьют* ‘ленок’ (СГТЯ 177). Хак. *миндёр* более определенно указывает на место распространения рус. *мендёр* – юг Красноярского края. Это слово находится в одном ряду с такими названиями налима, как рус. (Урал) *мэндан*, (Поволжье, Дон, Сибирь и др.) *мэнтюг*, *ментюг*, *ментюк* *id* (СРНГ 18, 110), напоминаящими польск. *miętus* и сходные факты. Не касаясь здесь исхода этих слов (-*дур*, -*тюг*, -*тус* и др.), следует подчеркнуть их бесспорную связь с рус. диал. (повсеместно) *мень* *id* (СРНГ 18, 110-111, 170). Это слово и его многочисленные славянские соответствия восходят к праслав. \**тъп’ь* (менее точно \**тъпъ* в ЭССЯ 21, 117-118 и \**теп’ь* в Machek 370).

Высказанная В. Махеком и поддержанная В. Т. Коломиец гипотеза о финно-угорском происхождении праслав. \**тъп’ь* излагается в ЭССЯ (21, 118), где анализируются, правда, и другие возможности этимологизации. Следует подчеркнуть, что упомянутая гипотеза должна быть отвергнута. Финно-угорские факты, сопоставлявшиеся с \**тъп’ь*, не могут претендовать на роль источника славянских. Венг. *menyhal* (*hal* ‘рыба’) ‘налим’ < слав. Существенно наличие венг. *mënyhal* (MNTESZ II, 894), которое подтверждает корневое -*ь*- в \**тъп’ь*. Морд. мокша *mäntuk*, эрзя *mentuk*, мар. *men* *id* имеют русское происхождение, что, правда, не исключает обратных заимствований в русские говоры (ср. Попов 1966: 11). Фин. *toppi* ‘сом’ может быть германизмом (SKES II, 347) и едва ли как-то связано с указанными фактами.

Цитируемые в литературе индоевропейские параллели праслав. \**тъп’ь* страдают явной приблизительностью. Правдоподобно выглядит лишь сравнение с лит. *mėnkė*, лтш. (куронизм) *teĩsa* ‘треска’<sup>4</sup>, но и эти слова могут быть связаны с \**тъп’ь* лишь на корневом уровне. Не отвергая в принципе возможностей внеславянского сопоставления, представляется уместным вернуться к вопросу о внутриславянских ресурсах.

---

<sup>4</sup> Ср. блр. (Гродненщина) *мяк* ‘налим’ < ? балт. (Аникин А. Е. Славянская лексика на неславянском фоне. Этимологические заметки (1-7). – *Этимология* 1997-1999. Москва, 2000. С. 7-8).

Сравнение с компаративом *\*тъп'ъѣ* (см. о нем ЭССЯ 21: 118-119) непонятно семантически. Целесообразнее видеть в *\*тъп'ъ* дериват от *\*тѣти \*тъпѣ* 'мять, тискать'<sup>5</sup>, подобный *\*рълзь* 'улитка' от *\*рълзти \*рълзѣ* 'ползти'. Основная мотивировка в том, что налим является очень прожорливой рыбой, а глагол *\*тѣти* имеет значение 'жадно и много есть'. В поведении налима можно найти и другие особенности, соответствующие возможности его обозначения дериватом от глагола в значении 'мять, тискать': мягкотелость, отсутствие чешуи, тяготение к мягкому, илистому дну или к некоторым "стесненным" местам – под корягами, камнями (см. подробнее: Аникин 1992: 72–73).

5. В балто-славянском и прибалтийско-финском ареалах известно параллельное семантическое развитие 'деревня' > 'пребывание в гостях; гость'. Его эпицентр находится в прибалтийско-финских языках (ср. фин. *kylä* 'деревня' и *kyläilijä* 'гость'), под влиянием которых это явление широко распространилось в латышском (*ciems* 'деревня' и *ciemiņš* 'гость'), в меньшей степени – в литовском (*kiemas* 'село; пребывание в гостях' и *kieminykas, -ninkas* 'любитель гостить') и частично – под балтийским влиянием – в белорусском (Витебщина, Гродненщина: *на сяло* 'в гости'). Указанный параллелизм был определен А. П. Непокупным как «разнолексемное» лексическое соответствие между балтийским и славянским, а вместе с тем – как семантическая универсалия, известная также в словенском и французском (Непокупный 1976: 82-84). Ее отражение было бы уместно в семасиологическом словаре (словаре параллельных семантических переходов), вопрос о создании которого ставился многократно (последний из известных автору случаев его обсуждения см.: Jakubowicz 2000: 209-217).

Правомерность определения рассматриваемого семантического перехода как универсалии подтверждают возникшие независимо от перечисленных факты языков Центральной Азии. Речь идет о п.-монг. *ajil* 'селение; юрта', 'сосед' и *ajilčila-* 'гостить', аналогично монг. *айл* и *айлчла-*, бур. *айл* и *айлшал-*, а также (вероятно, под монгольским влиянием) кач., койб. *āl* и *ālda-*, алт. и др. *ail* и *ailda-* (ТМС I, 21; Радлов I, 33, 42, 350, 413).

---

<sup>5</sup> См.: Коломиец В. Т. *Происхождение общеславянских названий рыб*. Киев, 1983. С. 85 (со ссылкой на П. Перссона [?]).

- Алатало *Сўссыгўй эъжипсан: Қўткый кўланни*, нэгырбат Ярмо Алатало. Максимкин Яр – Хельсинки, 1998.
- Аникин 1992 Аникин А. Е.: *Из восточнославянско-восточнобалтийских параллелей*. Славяноведение. № 6. Москва.
- Аникин 1998 Аникин А. Е.: *Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири: Пробные статьи*. Ч. 1. Новосибирск.
- Даль Даль В. И.: *Толковый словарь живого великорусского языка*. 2-е изд. Т. I-IV. Санкт-Петербург, Москва, 1880-1882 (Москва, 1955).
- ДСЯС *Диалектологический словарь языка саха*. Дополнительный том. Составители: Воронкин М. С., Алексеев М. П., Васильев Ю. И. Новосибирск, 1995.
- ДСЯЯ *Диалектологический словарь якутского языка*. Составители: Афанасьев П. С., Воронкин М. С., Алексеев М. П., Москва, 1968.
- Дыбо 1996 Дыбо А. В.: *Семантическая реконструкция в алтайской этимологии: Соматические термины*. (Плечевой пояс). Москва.
- Карел. сл. *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*. Вып. 1-4. Санкт-Петербург, 1994-1999.
- Крейнович 1958 Крейнович Е. А.: *Юкагирский язык*. Москва – Ленинград.
- КСГРС *Картотека Словаря говоров Русского Севера* (Уральский государственный университет, г. Екатеринбург).
- Ларин 1959 Ларин Б. А.: *Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618-1619 гг.)*. Ленинград.
- Непокупный 1976 Непокупный А. П.: *Балто-севернославянские языковые связи*. Киев.
- Новгор. сл. *Новгородский областной словарь*. Вып. 1-12. Новгород, 1992-1995.
- Попов 1966 Попов А. И.: *Некоторые вопросы и задачи исследования лексики русских народных говоров*. Лексика русских народных говоров. Ленинград.
- Радлов Радлов В.: *Опыт словаря тюркских наречий*. Т. 1-4. Санкт-Петербург, 1888-1911. (2-е изд., фототипическое. Москва, 1961-1962).
- СГТЯ *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика*. Москва, 1997.
- Селищев 1968 Селищев А. М.: *Избранные труды*. Москва.

- СлРЯ XI-XVII вв. *Словарь русского языка XI-XVII веков*. Т. 1-25. Москва, 1974-2000.
- СРНГ *Словарь русских народных говоров*. Вып. 1-36. Москва; Ленинград, 1966-2002.
- ТМС *Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков*. Т. I-II. Ленинград, 1975-1977.
- Топоров 1981 Топоров В. Н.: Об иранском влиянии в мифологии народов Сибири и Центральной Азии. *Кавказ и Средняя Азия в древности и Средневековье*. Москва, 1981.
- Топоров 1993 Топоров В. Н.: Праславянская культура в зеркале собственных имен (элемент \**tiŕ-*). *История, культура, этнография и фольклор славянских народов*. XI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. Москва, 1993.
- Фасмер Фасмер М.: *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1-4. Москва, 1964-1973. (2-е изд. Москва, 1986-1987).
- ЭССЯ *Этимологический словарь славянских языков* (под ред. О. Н. Трубачева). Вып. 1-28. М., 1974-2001.
- Jakubowicz 2000 Jakubowicz M.: Indogermanische Etymologien in einem Wörterbuch der semantischen Parallelen. *Studia etymologica Brunensia* 1. Praha, 2000.
- Kálmán 1961 Kálmán B.: *Die russischen Lehnwörter im Wogulischen*. Budapest.
- Machek Machek V.: *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha, 1968, 1971.
- MNTESZ *A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára*. Köt. I-III. Budapest, 1967-1976.
- SKES *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. O. I-VII. Helsinki, 1958-1981.
- SP *Słownik prasłowiański*. Т. 1-8. Wrocław etc., 1974-2002.
- VEWT Räsänen M.: *Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk-sprachen*. Helsinki, 1969.

# Zur Etymologie und Bezeichnungsgeschichte der slawischen Namen des Halses *\*šiiā, \*vǎrtь, \*vyiā*

Heinz Schuster-Šewc

Die dominierende Bezeichnung für den länglichen Körperteil, der den Kopf mit dem Rumpf verbindet, lautet in den slawischen Sprachen, wie bekannt, *šija* (vgl. aksl. *šija*, russ. *шея*, aruss. *шья, шья*, ukr. *шья*, bruss. *шыя*; poln. *szyja*, kasch. *šēja*, č. *šije* „Nacken“, slowak. *šija*, os. *šija*, ns. *šyja*, sbkr. *šija*, slowen. *šija*, bulg. liter. *шья*, mak. dial. *шья*). Neben der Grundbedeutung: „Hals als Körperteil“ sind oft auch Nebenbedeutungen belegt, die dann gewöhnlich etwas „Längliches“ oder „Röhrenförmiges“ bezeichnen, z. B. 1. „Geigenhals“ (polab.),<sup>1</sup> 2. „länglicher Teil eines Gefäßes, Flaschenhals“ (poln., kasch., sorb.), 3. „länglicher, gangartiger Zugang zum Keller, Kellerhals“ (č.), „Landzunge“ (č.), 4. „ins Meer ragender Landstreifen; enger Wiesenstreifen zwischen den Feldern“ (kasch.), 5. „Bergrücken“ (č. *šije hory*), 6. „Krebsschwanz, Krebshals“ (os. *rača šijka*, ns. *rakowa šyjka* „Kräbshals“) usw.

Dieses gemeinslawische und mit seinem Ursprung sicher noch in das Urslawische zurückreichende Wort verfügt bisher noch über keine allgemein anerkannte Etymologie. Das Fehlen direkter Parallelen in den anderen indoeuropäischen Sprachen, vor allem aber im Baltischen, weist eindeutig auf eine lexikalische Neuerung des Slawischen hin. Die bisherigen Deutungsversuche sind jedoch alle wenig überzeugend. Der Grund hierfür liegt u. E. in der noch weitgehend ungeklärten Genese des auf den stimmlosen Spirant *\*ch* zurückgehenden anlautenden Zischlautes *š*. So vermutet M. Vasmer in seinem REW (Bd. 3, S. 396) in Anlehnung an Gorjajev (EW, 422) einen möglichen Zusammenhang mit urslaw. *\*šiti, \*šijo* „nähen“ und verweist auf die Bezeichnungsparallele č. *vaz* „Nacken, Genick“ neben *vázati* „binden“, vgl. dazu auch ukr. *в'язу* Nom. Plur., *в'язати* dass. Der Hals wäre dann der den Kopf mit dem Rumpf „verbindende“ Körperteil. Dieser Vergleich ist aber schon deshalb wenig wahrscheinlich, weil ja *šija* vor allem das „längliche Verbindungsstück“ zwischen dem Kopf und dem Oberkörper bezeichnet, *vaz* aber den breiteren, gedrungenen Nackenbereich mit den Halswirbeln. Außerdem wäre, entsprechend dem indoeuropäischen Ablautverhältnis, im nominalen Derivat nicht *-i-*, sondern *-ǎi-* (vgl. *\*biti* : *\*bǎjb*) zu

---

<sup>1</sup> Vgl. Reinhold Olesch, *Thesaurus Linguae Dravaenopolabicae* III (T-Z), Köln, Wien 1984: Wayó „Hals. Also auch der Haß an einer Geigen, Lauten u. d.“

erwarten. Ebenso unsicher ist Miklosich's Verweis (SEW, S. 261) auf sbkr. *šijo* „Schräge, *našijo* „schräg, schief“ und *ošijati* „umschwenken“, bei angeblich weiterer Verwandtschaft mit lat. *sinus*, *-ūs* „Krümmung, Einwölbung, Bucht Schlucht“ und lat. *sinus*, *sinum* „weitbauchiges, tönernes Gefäß“. Ausgehend von dieser Sachlage vermerkt deshalb V. Machek in seinem etymologischen Wörterbuch (ESJČ) mit Recht: „Původ slova je nejasný“. Eine reine Vermutung ist aber auch sein Hinweis auf ein mögliches Substratwort, worauf er immer dann zurückgreift, wenn sich keine glaubhafte bodenständige Erklärung für ein slawisches Wort finden lässt („Zdá se tedy, že to vše jsou slova ze substrátu“).

Der eigentliche Grund für die im Zusammenhang mit der Deutung von *\*šija* auftretende Unsicherheit und die sich daraus ergebenden Fehldeutungen dieses slawischen Wortes liegt u. E. aber darin, dass der indoeuropäische Ursprung des anlautenden *š-*, das ja auf urspr. *\*ch* beruht, bisher nicht eindeutig geklärt werden konnte und dadurch auch die eigentlichen verwandtschaftlichen Zusammenhänge im Rahmen der indoeuropäischen Lexik unerkannt geblieben sind. Geht man jedoch davon aus, so wie wir das in unserem Beitrag auf der letzten Konferenz in Šlapanice<sup>2</sup> darzustellen versucht haben, dass die urslaw. Spirans *\*ch* in einer Reihe von Fällen auf ie. Satem-*(s)k* zurückgeht, so ist es möglich, urslaw. *\*šijā* < *\*chijā* auch mit lit. *šivà* „Rohrspule (am Weberschiff)“ und lett. *šaiivā* „Weberspule; Stricknadel“ < *\*keiūā* zu vergleichen und der ie. Wurzel (Basis) *\*skei-* „schneiden, scharfe Einschnitte machen“ zuzuordnen, vgl. auch griech. *σχαζω* „ritze, schlitze auf“.<sup>3</sup> Der Hals wäre dann „die enge längliche Röhre, durch die der Mensch die Nahrung in den Magen leitet“ („scharfer Einschnitt“ > „dünnere, länglicher Gegenstand“). Es besteht dann auch eine direkte Verwandtschaft mit urslaw. *\*cěva* „dünne Röhre“ (< *\*koiūā*), hier aber mit anlautendem Centum-*k* gegenüber *(s)k* in *\*šija*<sup>4</sup> und mit Ablaut *oi* : *ī*, vgl. akslaw. *cěvnica* „Flöte“, russ. *чешка* „Spule, Röhre, Schienbein des Pferdes“, ukr. *чуса* „Walze, Spindel“, poln. *cewa* „Röhre“, č. *céva* „Ader“, slowak. *cieva* dass., sbkr. *cijev* f. „Spule, Schienbein“, slowen. *cěv* f. „Röhre, Weberspule“ usw. Bildungsmäßig ist *\*šija* ein altes unmotiviertes Wort mit dem Suffix *-ija* wie in *\*bruja*, gebildet von der ie. Basis *\*bhreu-* „brausen, wallen, sausen“, bzw. *\*struja* von *\*streu-* „fließen, strömen“.<sup>5</sup>

<sup>2</sup> Vgl. Heinz Schuster-Šewc, *Überlegungen zur Genese des urslawischen \*ch*. – In: *Studia etymologica Brunensia* 1, 23–35.

<sup>3</sup> Vgl. Julius Pokorny, *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*, II. Bd., 923., München 1959.

<sup>4</sup> Vgl. H. Schuster-Šewc, op. cit., S. 25.

<sup>5</sup> Vgl. *Słownik prasłowiański*, Kraków 1961 ff., S. 81–83.

Dieselbe Bezeichnungsmotivation mit der Bedeutungsverschiebung: „schneiden, scharfer Einschnitt“ > „Röhrenartiges“ > „Hals“ läßt sich übrigens auch bei anderen indoeuropäischen Halsbezeichnungen nachweisen. Zu verweisen ist auf griech. φάρυξ, -υγος, später unter Einfluss von λάρυγξ zur heutigen Form φάρυγξ „Luftröhre, Schlund“ umgebildet, und aisl. *barki* „Hals“, die wie lit. *burnà* „Mund“ (d. i. Öffnung zur Nahrungseinnahme) zu ie. \**bher-* „schneiden“ gestellt werden (Pokorny IEW, S. 145).

In einer Reihe slawischer Sprachen ist die ursprüngliche Bezeichnung *šija* später auch durch jüngere Konkurrenzformen ersetzt worden, vgl. 1. sbkr. *vrât*, slowen. *vrat*, bulg., mak. *epam*, abulg. *epamσ* und auch russ. *бóпом* 1. „Hals“ (14. Jh.), 2. „Kragen“ (16. Jh.) < \**värtσ*, das eine alte Ablautform zu urslaw. \**vrtěti* „drehen“ darstellt (der Hals als Dreher). Vgl. dazu auch dt. *Hals* (germ. *halos*), für den, ebenso wie für lat. *collus, collum* dass., von der Motivation „drehen, Dreher“ ausgegangen wird, vgl. ie. \**k<sup>h</sup>el(ə)-* „(sich) drehen“. <sup>6</sup> Ein ähnliches Ersatzwort ist das der lautnachahmenden Sphäre zuzuordnende \**k<sup>h</sup>rkσ* (*krkσ*), vgl. č., slowak. *krk* „Hals“ (bereits ač., Vietor 1513: *krk* „collum“) und sbkr.-kslaw. *κρικσ*, das aber urspr. vor allem den knorpeligen Halsteil (die Gurgel) bezeichnete, vgl. dazu os. *kyrk* „Gurgel, Kehle“ und poln. *kark* „Nacken“. <sup>7</sup> Dieselbe semantische Entwicklung (Bedeutungserweiterung) beobachten wir im Zusammenhang mit dem ebenfalls auf onomatopoetischen Ursprung zurückgehenden urslaw. \**g<sup>h</sup>rdlo*, vgl. bulg. dial. *зрло* „Hals“, č. *hrdlo* „Hals, Schlund“ neben russ. *зорло* „Kehle, Gurgel, Rachen“, poln. *gardło* auch „Hals“, os. *horto*, ns. *gjadto* „Kropf (der Vögel)“, sbkr. *grlo*, „Gurgel, Kehle“, slowen. *grlo* dass., mit dem Suff. *-elb* auch poln. *gardziel* neben älterem *garciel* dass. und ns. älter *gjarś, gjarśej(a)* dass. < \**g<sup>h</sup>rt-*.

Außer \**šija* und \**värtσ* kannte das Slawische noch eine weitere Halsbezeichnung, die aber nur aus der frühen Periode der slawischen Einzelsprachen überliefert ist und wahrscheinlich im Urslawischen als eine Dialektform neben *šija* existierte hat. Vgl. akslaw. *vyja* „τράχηλος, αὐχὴν“, aruss. *воя* (nach Sreznevskij I, 459 wahrscheinlich aus dem Akslaw.), neben *воя* (Sreznevskij, Materialy: «Воя – вм. выя– Мечъ пресѣче вою»), dazu auch russ. dial. (Jenis.) *завоек, -оўка* „Genick“ (Vasmer, op. cit., Bd. 1., S. 243), ač. *vyja*, polab. *vojo/vojə*. Auch das Altpolnische kannte wahrscheinlich eine entsprechende Form. In der Kartothek des Altpolnischen Wörterbuches wird nämlich die entsprechende Form (*wyja*) mit Verweis

<sup>6</sup> Vgl. J. Pokorny, op. cit., S. 639, und *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen*. Erarbeitet im Zentralinstitut für Sprachwissenschaft, Berlin 1989, unter Leitung von Wolfgang Fischer, S. 500–501.

<sup>7</sup> Vgl. Heinz Schuster-Šewc, *Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache*, Bautzen 1978–1996, S. 756–757.

auf Parkoszewicz, *Orthographia polonica* 1448 erwähnt. Dazu findet sich der handschriftliche Zusatz von Jan Łoś: „Wyraz wyja w języku polskim nieznanym, mógł istnieć jednak w staropolszczyźnie, por. czeskie vyja, ros. vyja ‘szyja.’“

Auch diese slawische Halsbezeichnung gilt bislang noch als weitgehend unklar und wird in den einschlägigen etymologischen Wörterbüchern als „dunkel“ bezeichnet<sup>8</sup>. Als „willkürlich“ betrachtet Vasmer die von N. Gorjajev, EW, S. 60, in diesem Zusammenhang vorgeschlagene Zusammenstellung des Wortes mit der in urslaw. \**vitb* „winden, flechten“ enthaltenen Wurzel \**uei-*. Aus lautlichen und semantischen Gründen ausscheiden muss auch die von N. M. Šanskij (ESRJ I., S. 239) vorgeschlagene Verknüpfung von *vyja* mit dem Verb *vytʹb* „heulen“ und seine Deutung als das „womit man heult“ („Образовано в общеславянском яз. с помощью суф. -j- от глагола *vytʹb*. Семантически это оправдывается тем, что горло, т. е. то, чем воют, представляет собой переднюю часть шеи“).

Geht man jedoch bei der Erklärung dieses bisher als „dunklen“ bezeichneten Lexems ebenfalls von der in Zusammenhang mit \**šija* ermittelten Bezeichnungsmotivation „röhrenartiger Gegenstand“ aus und betrachtet den Hals als „den länglichen, röhrenartige Körperteil, der den Kopf mit dem Rumpf verbindet“, so bietet sich auch für \**vyja* eine ähnlich motivierte Etymologie an, zu verweisen ist auf urslaw. \**uljb*, \**ulʹjb* „hohler Baumstamm und daraus gefertigte Bienenbeute“, vgl. bes. bulg. *ylеѣ* „hohler Baumstamm, der als Wasserrinne in der Mühle oder als Bienenkorb dient“. Zwischen der Basis-*u-* (\**u-l-jb* < ie. \**au-l-ijos*)<sup>9</sup> und urslaw. \**vy-ja* (< \**ū-iā*) besteht dann ein normales Ablautverhältnis (*au* : *ū*). Außerhalb des Slawischen vgl. auch apreuß. *aulinis* „Stiefelschaft“, lit. *aūlas* dass., *aulys* „Bienenkorb“, griech. αὐλὼν m. f. „Bergtal, Schlucht, Graben, Kanal, Meerenge“, dazu im Slawischen selbst \**ulica* „Gasse, Straße (in geschlossenen Orten)“.

Anmerkung: Der von Löwenthal (ZfslPh 8, S. 129) im obigen Zusammenhang vorgenommene Vergleich von urslaw. \**vyja* mit awest. *uyamna-s* „deficens“, das er „als Halsöffnung am Kleide“ deutet, ist nach Vasmer, op. cit. nicht überzeugend und kann hier deshalb unberücksichtigt bleiben.

---

<sup>8</sup> Vgl. M. Vasmer, REW I, S. 243; und *Этимологический словарь славянских языков*. Под редакцией академика О. Н. Трубачева, I, S. 373; K. Polański, *Słownik etymologiczny języka Drzewian Połabskich*, zeszyt 6, str. 1034.

<sup>9</sup> Vgl. J. Pokorny, op. cit., Bd. 1, S. 88–89.



## ABKÜRZUNGEN

ESJČ	Machek V.: <i>Etymologický slovník jazyka českého</i> , Praha 1957, opravené a doplněné vydání 1968.
ESRJ	Šanskij M.: <i>Этимологический словарь русского языка I-III</i> , Москва 1963 ff.
ESSJ	<i>Этимологический словарь славянских языков – праславянский лексический фонд</i> . Под редакцией академика О. Н. Трубачева, Москва 1974 ff.
EW	Gorjajev N.: <i>Этимологический словарь русского языка</i> , Тбилиси 1896.
IEW	Pokorny J.: <i>Indogermanisches etymologisches Wörterbuch</i> , Francke Verlag Bern und München, Bd. 1 (1959), 2. Bd.(1969).
REW	Vasmer M.: <i>Russisches etymologisches Wörterbuch</i> , Bd. 1-3, Heidelberg 1953–1958.

*OT Purschwitz / Poršicy Nr. 33*  
*D-02627 Kubschütz / Kubšicy, Deutschland*



# К реконструкции этимологических связей

слав. \**myliti* (*se*)

‘обманывать, вводить в заблуждение’

Любовь В. Куркина

Праслав. \**myliti* (*se*) с основным значением ‘обманывать, вводить в заблуждение’ обнаруживает продолжения на территории западных и восточных славян: ср. ст.-чеш. *mýliti* ‘делать недостоверным, сомнительным’, *m. sě* ‘ошибаться’, чеш. *mýliti* ‘вводить в заблуждение’, *m. si koho s kým* ‘путать кого-л. с кем-то другим’, *m. koho v čem* ‘беспокоить, мешать, отрывать от чего-н.’, в.-луж. *mylić* ‘вводить в заблуждение, сбивать с толку’, польск. *mylić* ‘вводить в заблуждение; обманывать, не оправдывать надежд, ожиданий; не попадать; (охотн.) убегать, петляя, скрывая, путая следы’, *m. się* ‘ошибаться’, словин. *méléc* ‘вводить в заблуждение’, укр. *милітисся* ‘ошибаться’, блр. *мыліцца* ‘ошибаться’, диал. *мыліцца* ‘блуждать, плутать’, *мбіліць* ‘плохо делать что-л.’, *мбіліцца* ‘колебаться, быть в нерешительности’, русск. диал. *мылтосить* ‘обманывать’ (подробнее см. ЭССЯ 21: 39; СРНГ 19: 55). В это же гнездо с отличиями в корневом вокализме включают н.-луж. *molis* ‘обманывать’, а также предположительно польск. *omelśniony* ‘обманутый’ (Brückner 350). При реконструкции исходной формы на индоевропейском уровне первостепенное значение придается н.-луж. *molis* ‘обманывать’. Лужицкая лексема, занимающая обособленное положение в ряду славянских соответствий, определяется как фактитив по отношению к \**mel-* ‘обманывать, лгать’ (Machek 385) с отражением в корне первоначального вокализма *-o-* (Schuster-Šewc 13: 974–975). Для украинских и белорусских лексем не исключается возможность заимствования из зап.-слав. языков (Brückner 350; ЭСБМ 7: 114–115), хотя в ЕСУМ (3: 460) эта версия не получает поддержки. Слово не имеет сколько-нибудь убедительного этимологического объяснения. Семантика служит основой традиционного сближения слав. \**myliti* (*se*) с лит. *melúoti* ‘лгать’, *mėlas* ‘ложь’, лтш. *maldīt* ‘ошибаться’, *mūldēt* ‘болтать, нести чепуху’, *mēlst* ‘болтать, пустословить’, вся группа слов возводится к и.-е. \**mel-* ‘обманывать, лгать’ (Jagić 1877: 397; Miklosich 207; Фасмер III: 23; Schuster-Šewc 13: 974–975; ЭССЯ 21: 40). В словаре Покорного в это же гнездо включаются греч. μέλεος ‘пустой, тщетный, напрасный’,

авест. *mairya-* ‘обманчивый, лживый’, арм. *met* ‘грех’, ср.-ирл. *mell* (< \**mel-s-os*) ‘ошибка, заблуждение’, *mellaim* ‘обманываю’ (Pokorny I: 719–720; также Boisacq<sup>4</sup> 623).

При реконструкции исходного и.-е. корня \**mel-* с большими трудностями сопряжено объяснение вокализма славянского глагола. Чтобы преодолеть различия в вокализме славянских и балтийских лексем, была выдвинута гипотеза о контаминации на славянской почве исходного глагола с продолжениями \**xybiti* ‘ошибиться, промахнуться’, \**xyliti* ‘гнуть, сгибать’ (Fraenkel 1955: 18; Machek 385). Предположение о контаминации основывается на совмещении некоторых элементов семантики, на присутствии в семантике гл. \**myliti*, \**xyliti*, \**xybiti* признака отклонения, отступления от чего-л.

Были попытки расширить состав гнезда слав. \**myliti*. По мысли Ф. Безлая, в славянских языках, в отличие от балтийских, сохранились лишь разрозненные фрагменты древних форм, продолжающих и.-е. \**mel-* ‘обманывать, лгать’ (Bezlej 1967: 125–126). Весьма широко трактуя состав этого гнезда, Ф. Безлай включает в число продолжений и.-е. \**mel-* ряд словенских образований, никак не связанных с этим гнездом и по всем признакам, несомненно, производным от другого и.-е. \**mel-* со значением ‘молоть’. Таковы словен. *mlámol* ‘хаос’ (< \**mol-mol-*), *mléviti* ‘качать тело взад-вперед’, производное от \**melvo*, которое, в свою очередь, непосредственно связано с гл. \**melti* ‘молоть’ (ЭССЯ 18: 92). Ф. Безлай полагает, что ступени редукции в корне, нашедшей отражение в лтш. *mùlsa* ‘замешательство, путаница’, *mùldēt* ‘болтать, нести чепуху’, соответствует вокализм словен. *mólnjen* ‘помешанный’, также *múnjen* ‘помешанный’ (ср. *mólnjena goba* ‘Amanita muscaria’), *mólnjav* ‘придурковатый, помешанный’. Однако последние, а также с.-хорв. диал. *mùnitva* ‘обман’ (Босния и Герцеговина) имеют иные истоки: они связаны отношением производности со слав. \**maldni* ‘молния’ (ЭССЯ 20: 222–223). В это же гнездо Ф. Безлай включает и словен. *mêvža* ‘нерешительность, медлительность, трусливость’, *v melce iti* ‘прийти в смущение, замешательство’ с восстанавливаемым для них корнем \**mēl-* (< и.-е. \**mel-* ‘мешкать, медлить’) (Bezlej II: 181), однако, велика вероятность того, что и эти словенские слова сложились на базе и.-е. \**mel-* ‘молоть’. Как видим, поиски внутриславянских родственных образований для \**myliti* оказались безуспешными.

Большие сомнения вызывает принятая в литературе интерпретация балтийского материала. Для балтийских образований наиболее вероятной признается реконструкция исходной формы с корневым вокализмом *e* (ЭССЯ 18: 92). О. Н. Трубачев ставит под сомнение возможность реконструкции для балтийских образований исходного и.-е. корня *\*mel-* 'вводить в заблуждение, обманывать' (Рокорну I: 719). Лит. формы *mālas*, *mēlas* 'ложь', отражающие первоначальный вокализм, «восходят к лит. *malti* 'молоть', и.-е. *\*mel-* 'размельчать, молоть' (ср. русск. *молоть* 'врать' ← *молоть* 'размельчать, перемалывать')» (ЭССЯ 18: 92). Таким образом, балтийские образования не могут быть включены в круг соответствий слав. *\*myliti*.

Что касается развития слав. *\*myliti* из *\*mel-* с последующим сближением с гл. *\*xyliti*, *\*xybiti*, то эта гипотеза носит несколько умозрительный характер. Открытым остается вопрос, является ли н.-луж. *moliś* единственным закономерным отражением на славянской почве и.-е. *\*mel-* 'обманывать', или *moliś* вместе с балтийскими образованиями принадлежит к гнезду и.-е. *\*mel-* 'размельчать, молоть'. Для польск. *omelśniony* 'обманутый' (XVI в.), также изолированного в словаре, предполагается корень со слоговым *l*: *\*el-* < *\*ol-* < *\*l-*, при этом в качестве параллели привлекаются входящие в это же гнездо индоевропейские слова, содержащие в своей структуре элемент *-s-*: ср. лтш. *mūlsināt* 'ввести в заблуждение, обманывать', *mūlss* 'путаница, замешательство; фантазия', др.-ирл. *mellaim* < *\*mels-* 'обманываю' (Fraenkel 1955: 18). Не исключено, что слав. *\*myliti* и н.-луж. *moliś*, польск. *omelśniony* имеют разные исходные основы и соответственно принадлежат разным этимологическим гнездам. С распадом мотивированных связей произошло сближение слов на основе внешнего сходства и близкой семантики.

Все эти обстоятельства побуждают усомниться в правильности традиционной этимологической интерпретации слав. *\*myliti*. Более того в свете приведенных данных нуждается в пересмотре материалы в словаре Покорного на и.-е. корень *\*mel-* 'вводить в заблуждение, обманывать'.

В дальнейших этимологических поисках важная роль принадлежит семантике. Исследователи, как правило, молчаливо исходят из презумпции изначальности значения 'обманывать, вводить в заблуждение'. Это значение является активным, основным, но не единственным. Обойдены вниманием периферийные значения. Анализ именно этих значений и подводит к пониманию внутренней

формы, установлению первоначального значения слова. Прояснить картину помогают представленные на славянской территории некоторые специфические значения у продолжений *\*myliti*/*\*myl'ati* : ср. польск. *tylać* 'двигаться, шевелиться', русск. диал. *мылять* 'юркать, нырять', *мылить* 'бить, колотить', блр. диал. *мыляць* '(губами) шевелить, двигать'. Едва ли можно говорить о производности этого ряда значений от основного значения 'обманывать, вводить в заблуждение'. В связи с этим встает вопрос: «являются ли эти значения следствием вторичных контаминаций (ср. русск. диал. *молóть* 'есть; вертеть, махать', *молóться* 'возиться; ворочаться, вертеться на одном месте; увлекаться враньем, завираться', см. Филин 18, 242) или отражают не сохранившиеся в *\*myliti* (*se*) элементы семантики исходного корня, отличного, возможно, от и.-е. *\*mel-* 'лгать', а именно *\*mel-* 'молот' ?» (ЭССЯ 21: 40). Уже из того, как сформулирован вопрос, следует, что автор не исключает возможности объединения продолжений слав. *\*myliti* (*se*) с гнездом и.-е. *\*mel-* 'молот' и объяснением вокализма на основе контаминации с *\*xyliti*, *\*xybiti* еще в праславянскую эпоху. Приведенные выше специфические значения не исчерпывают всей семантики глагола. В дополнение к уже приведенному материалу отметим еще укр. *милáти* 'мотать, крутить' (ЕСУМ 3: 460), блр. диал. *мыліцца* 'блуждать, плутать', *мыліць* 'плохо делать что-л.', *мыліцца* 'колебаться, быть в нерешительности, тянуть с решением вопроса'. Возможно, что какая-то часть латентных значений обязана влиянию со стороны гл. *\*mydliti* 'мылить'. Именно периферийные значения дают ключ к восстановлению звеньев семантической эволюции слова. Между основным значением 'обманывать' и свойственными диалектам значениями 'двигаться, шевелиться', 'юркать, нырять', '(губами) шевелить, двигать', 'мотать, крутить' и т.д. вытягивается цепочка семантических преобразований, основу которых составляет неопределенное движение, движение, не имеющее четкой направленности, движение из стороны в сторону.

В процессе развития под влиянием разных факторов претерпевает изменения фонемный состав, переосмысляются семантические связи слов. К истолкованию этимологически трудных слов на основе нерегулярных преобразований прибегают в тех случаях, когда ограничены разрешающие возможности материала. Гипотеза о перестройке структуры слав. *\*myliti* трудно доказуема, поскольку мы не располагаем необходимыми данными о лексико-семантических связях слов в системе праславянского языка. Доказательную

силу имеют лишь объяснения, базирующиеся на регулярных отношениях.

Слав. *\*myliti* (*se*) с устойчивым вокализмом *y* не укладывается в ряд морфонологических отношений, определяемых и.-е. корнем *\*mel-* с корневым *e*. Как будто бы ничто не мешает признать, что слав. *\*myliti* (*se*) отражает исходный корневой вокализм, а это открывает возможность поисков регулярных морфонологических вариантов, продвижения вглубь за счет внутренних резервов. Отправным моментом в восстановлении генетических связей на глубинном уровне может стать действующая в славянских языках модель отношений глагольных основ с чередованием в корне *-ou-*: *-ū-*: ср. слав. *\*smukati* : *\*smykati*, *\*mukati* : *\*mykati*, *\*sukati* : *\*sykati* и т. п. Отсутствуют формальные препятствия для включения слав. *\*myliti* в тот же тип морфонологических отношений. Общие структурно-семантические особенности подводят нас к рассмотрению возможной связи на основе морфонологических отношений гл. *\*myliti* со слав. *\*muliti* (*se*). Продолжения этого глагола прослеживаются почти на всей славянской территории: ср. с.-хорв. *múlitī* ‘крошить, дробить; лущить, шелушить; обрывать листья с веток’, *omúlitī se* ‘отвязаться’, болг. диал. *мúл’ам* ‘быстро срывать плоды с дерева’, *шмúля* ‘рвать фрукты с дерева вместе с листвой’, чеш. *moulitī* ‘медленно, с трудом жевать’, русск. диал. *мúлитъ* ‘тереть, жать’, ‘вяло жевать’, ‘докучать, надоедать’, ‘выпрашивать, выманивать; попросить’, *мулѣть* ‘обманывать; обманывать обещаниями, не выполнять обещанного’, ‘бездельничать; маяться от безделья?’, ‘изводить, не делая дела’, ‘баловаться, играть чем-л., каким-л. опасным предметом’, ‘склонять, располагать, манить’, *мúлитъся* ‘мучиться, биться над чем-л.’, ‘сомневаться, колебаться, проявлять нерешительность’, ‘биться, маяться’, *мульжить* ‘намеренно держать, задерживать кого-л.; намеренно тянуть с чем-л.; муржить’, *мульндать* ‘есть медленно, не торопясь’, ‘делать что-л. кое-как, небрежно’, ‘возиться, копаться с чем-л.’, ‘жить не спеша, размеренно (?)’ (СРНГ 18: 342–343), укр. *мúлитися* ‘проявлять нерешительность, колебаться’, ‘маяться, переминаясь’, блр. диал. *мúліць*, *мúляць* ‘надоедать, докучать’, ‘настойчиво просить’, *мúліцца* ‘не хотеть, не отважиться’, *мúляцца* ‘маяться, проявлять нерешительность’ (ЭСБМ 7: 89) и т. д. (подробнее см.: ЭССЯ 20: 181–183). В круг продолжений слав. *\*myliti* (*se*) можно отнести с.-хорв. *omúlitī se* ‘оторваться, отвязаться’ (Стон), *òmuliti* ‘niedergeschlagen werden’ (Skok II: 480), а также словен. *smuliti* ‘взять’, ‘снять, отделиться’ (ср. *sekira se je smulila s toporišča*), *pomuliti* ‘притаиться’ (Kenda),

русск. диал. *отму́лить* ‘оторвать что-л. у кого-л.’ (Новг. сл. 7: 51). Этот глагол, занимающий изолированное положение в словаре, также относится к числу этимологически трудных слов. В словаре Фасмера признаются неубедительными все существующие этимологические версии. Одним из первых обратился к изучению слав. \**muliti* Мацэнауэр (Matzenauer 1870: 258), однако предлагаемое им сближение с др.-в.-нем. *muljan (mullen)* ‘растирать, дробить’, ср.-в.-нем. *müllen* то же, нем. *Müll* ‘сухие хозяйственные отбросы’ не может быть принято, поскольку немецкие образования имеют другие истоки: они входят в одно гнездо с нем. *Mehl* ‘мука’, слав. \**melti* ‘молотъ’. Не может быть принято соотношение слав. \**muliti* с лит. *mulvyti* ‘мучить, беспокоить’ (Miklosich 204), далее с лтш. *maulēt* ‘проторить, выбить колею’, *maules* ‘глубокая колея’, с другой ступенью чередования лтш. *mulīt* ‘вырывать, раскачивая’, *mulis* ‘землеройка’ (Фасмер III: 8), поскольку в словаре Френкеля лит. *mulvyti* = *mulvinti* включается в гнездо лит. *mel̃sti* ‘просить’, истоки которого остаются не вполне ясными, но по одной из версий для него допускается родство со слав. \**modliti* (Fraenkel 471, 431). С большими трудностями сопряжено восходящее к Петерссону (Petersson 1916: 58) объяснение глагола как производного от слав. \**mulъ*, ср. с.-хорв. *mûl, mûla* ‘вол; козел’ (Skok II: 480), словен. *mûl(ast)* ‘безрогий, безбородый’, *mulec* ‘mutilus (вол, козел)’ (Miklosich 204), сближаемых с лит. *šmûlas*, лтш. *šmauls* ‘безрогий, лысый’ (ЕСУМ 3: 533; ЭСБМ 7: 89). Трудно согласиться с гипотезой М. Сноя об образовании праслав. \**muliti* от неподтвержденного \**mulъ*, которое соотносится с греч.  $\mu\acute{\omega}\lambda\upsilon$ ,  $\mu\acute{\omega}\lambda\upsilon\zeta\alpha$  ‘вид чеснока’, др.-инд. *mûla-* ‘корень’ и возводится к и.-е. \**mouHlo-* с предполагаемым для него значением ‘растение, корень’ (Snoj 363). Обращаясь к поискам славяно-балтийских соответствий, Ю.В. Откупщиков выделяет из всего славянского материала некоторые русские диалектизмы и приводит для них точные лексико-семантические соответствия в литовском языке: русск. диал. *му́лить* в значении ‘выпрашивать, попрошайничать’ ~ лит. *maũlyti* ‘докучливо просить, кланяться’, русск. диал. *му́лить* ‘обманывать’ ~ лит. *maũlinti* ‘обманывать’ (Откупщиков 1984: 193)<sup>1</sup>. Сам факт сближения представляет несомненный интерес, но при этом остается невыясненной древняя

<sup>1</sup> К сожалению, приведенные в статье Ю. В. Откупщикова балтийские примеры не документированы. По нашим наблюдениям, лит. *maũlinti* ‘обманывать’ отсутствует в словаре Френкеля и в самом полном литовском словаре: M. Niedermann, A. Senn, A. Salys. Wörterbuch der litauischen Schriftsprache. Bd. II. Heidelberg, 1951. Соответствующие глаголы находим в словаре латышского языка: *mulināt* ‘обманывать’, *mulīt* ‘двигая из стороны в сторону, раскачивая, вырывать, выдергивать



предыстория, семантические отношения, истоки соотносимых слов на индоевропейском уровне.

Ориентиром в поисках родственных образований в славянских и индоевропейских языках стало одно из значений – ‘мять, жевать’ ~ ‘крошить, дробить’, оно принимается за основное и единственное. Однако следует заметить, что это значение составляет лишь небольшую часть семантического спектра гл. *\*muliti* (se). Не исключено, что это значение, составляющее устойчивую характеристику глагола, является одним из звеньев в семантической эволюции слова. Семантическая характеристика глагола будет неполной, если не учитывать другие значения: ‘мучить, быть в тягость’, ‘колебаться, проявлять нерешительность’, ‘возиться, копаться с чем-л.’, ‘жить не спеша, размеренно (?)’ и особенно ‘выпрашивать, выманивать; попрошайничать’, ‘обманывать; обманывать обещаниями, не выполнять обещанного’. При всей внешней расплывчатости семантика гл. *\*muliti*, как и *\*myliti*, базируется на значении ‘двигать(ся) из стороны в сторону, скользить туда-сюда’. Именно короткое скользящее движение из стороны в сторону определяет природу действий, обозначаемых этим глаголом в славянских языках. Образ этого движения получает разное конкретное воплощение в зависимости от ситуации, от конкретных особенностей действия: ‘делать движения из стороны в сторону’ > ‘мять; жевать’, ‘делать неопределенные движения’ > ‘возиться, копаться’, ‘делать что-л. небрежно’, ‘медлить, маяться от безделья’. В конечном итоге трансформацией действия из стороны в сторону в движение незаметное, скрытое мотивирована семантика словен. диал. *potuliti se* ‘притаиться’ (Kenda), народ. ‘удалиться тихо, незаметно’, *potuljen človek* ‘притворный, коварный, лукавый’ (SSKJ III: 808) и русск. диал. *мулить* ‘тянуть с обещаниями, обманывать’.

Заслуживает внимания тот факт, что однотипно построенные производные от гл. *\*myliti* и *\*muliti* служат обозначением движущейся части орудия: ср. польск. *mulica* ‘деревянный штырь в рукоятке для удобства управления сохой’, русск. диал. *мулиця* ‘рукоятка весла’ (ЭССЯ 20: 180) и русск. диал. *мылиця* ‘рукоятка весла, шеста’ (СРНГ 19: 54).

---

(напр. палку)’, *mūlsināt* ‘вводить в заблуждение, обманывать’, см. Mühlenbacha. *Latviešu valodas vārdnīca XVIII*. Rīga, 1926, 664, 665.

Как следует из анализа материала, гл. *\*myliti* и *\*muliti* имеют общую исходную семантическую базу. Образ неустойчивого движения, движения, не имеющего определенной направленности лежит в основе всей семантики глаголов. Фиксируемые лексикографическими источниками так называемые специфические значения отражают разные ступени в семантической эволюции глаголов. Значение ‘обманывать, вводить в заблуждение’, ставшее основным для гл. *\*myliti*, мотивировано промежуточной ступенью ‘незаметно двигаться, скользить’. В качестве семантической параллели можно привести слав. *\*ta(ja)ti* и производные от него, в частности слав. *\*maniti* (ср. польск. *manić* ‘обманывать’, др.-русс. *манити* ‘тянуть время, обманывая обещаниями; обманывать’, русск. диал. *манить* ‘обманывать’), с исходным для них значением ‘двигаться туда-сюда’. В этом гнезде исходным значением мотивированы преобразования семантики в сходных направлениях: ‘делать обманные движения’ > ‘обманывать’, ‘двигаться из стороны в сторону, колебаться’ > ‘медлить, терять время’ (ср. болг. *мáя* ‘медлить, мешкать, задерживаться’) > ‘мучиться’ (ср. русск. диал. *мáять* ‘мучить, изнурять, утомлять’) (ЭССЯ 17: 132–134, 197–198).

Поиски внутриславянских связей для гл. *\*muliti*/*\*myliti* приводят к группе лексем, объединяемых основами *\*xmul-*/*\*xmyl-* с начальным *x*-экспрессивного происхождения. Гл. *\*xmuliti* с основным значением ‘хмурить’ (ср. чеш. диал. *chmouliti*, польск. *chmulić się* ‘хмурить(ся)’ и т. д. – ЭССЯ 8: 43) и связанный с ним гл. *\*xmyliti* с вторичным значением ‘улыбаться’ < ‘делать гримасы, хмуриться’ (русс. диал. *хмылѝть* ‘улыбаться’, *хмылѝться* ‘хмуриться’ и т. п. – ЭССЯ 8: 45) обнаруживают еще ряд значений, сближающих эти глаголы с *\*muliti*/*\*myliti*. Наиболее определенно элементы старой семантики прослеживаются в образованиях, представленных на восточнославянской территории. В работе В.А. Меркуловой, посвященной русск. диал. *хмылѝть*, приводится следующий материал: русск. (пск.) *хмылѝть* ‘хромать, ковылять’, *захмылѝваться*, *захмылѝться* ‘загибаться, прогибаться, провисать, опускаться, образуя впадину’, параллельная форма без начального *x*- *омылѝться* ‘(о лошади) приложив уши, оскаливая зубы, делать угрожающие движения головой’, *обмылѝться* ‘сердась, прижимать уши (о лошади)’, ‘смеяться, ухмыляться’, далее блр. диал. *хамылѝць* ‘идти качаясь, приседая то на одну, то на другую сторону’, *хмылѝцца* ‘злиться, прикладывать уши к голове (о лошади)’ (Меркулова 1982: 40–41). Этот материал может быть дополнен русск. диал. *нахмыливать* ‘низко опустить крышу на сруб, надвинуть крышу’ (СРНГ

20: 266), *похмылять* ‘побежать, убежать (о звере)’ (СРНГ 30: 353), *охмыляться* = *охмуляться* ‘усмехаться, ухмыляться’, *охмыляться* ‘отлынивать’ (СРНГ 25: 40–41) и т. п. Во всех случаях имеет место переосмысление в разных направлениях одной из ступеней в эволюции исходного значения, которое характеризует слав. *\*muliti*. Разные виды неустойчивого движения, нашедшего отражение в значениях ‘качаться’, ‘делать наклонные движения’, ‘прижимать уши в состоянии злости’ и т. п., несводимы, как предполагает В. А. Меркулова, к движению, передаваемому гл. *косить*, *кривить*. Более вероятно предположение, что в группе слов с начальным *x*-актуализация промежуточного значения ‘кривить, косить’ привела к развитию значения ‘ухмыляться’ и ‘хмуриться’. На глубинном уровне действия, обозначаемые гл. *\*xmuliti*/*\*xmyliti* и *\*muliti*/*\*myliti*, имеют сходную природу, основная их характеристика – неустойчивое, неопределенное движение, движение, не имеющее определенной направленности.

На индоевропейском уровне легкое, скользящее, неустойчивое движение передается основой *\*(s)meu-* в сочетании с разными расширителями. И.-е. основу *\*(s)meu-* с расширителем *-k-/-g-* продолжают образования, в семантике которых доминирует элемент, подчеркивающий скользящий, незаметный характер движения (‘скользить, утаивать, подстергать’): ср. др.-в.-нем. *muhhôn* ‘подстергать’, словен. *smúkati* ‘шмыгать, шнырять’, *smúkati okrog koga* ‘улавливаться около кого’, русск. диал. *смыкаться из угла в угол* ‘разгуливать, шляться, шататься’ (Даль<sup>2</sup> IV: 240), ст.-чеш. *myčeti se* ‘бродить, шататься’ и т. п. (ЭССЯ 21: 35–37). Примечательно развитие в этом гнезде значения ‘обманывать’, ср. нем. *togeln* ‘надувать, мошенничать’ при *schmuggeln* ‘провозить контрабандой’ (Макаев 1979: 98, 233). Если проанализировать гл. *\*muliti*/*\*myliti* и *\*mykati*, *\*smukati*/*\*smykati* с точки зрения передаваемых ими значений, то нетрудно заметить, что при всем своеобразии, обусловленном расхождениями в структуре основ, продолжения этих глаголов имеют общую исходную семантическую базу. Параллелизм в структуре и семантике позволяет поставить вопрос об общих индоевропейских истоках слав. *\*muliti* и *\*smukati*/*\*smykati*. В рамках этого гнезда слав. *\*muliti*/*\*myliti* предстает как продолжение и.-е. *\*(s)meu-* + *-l*. При таком понимании истоков слав. *\*muliti*/*\*myliti* возникает необходимость в пересмотре и несколько иной интерпретации состава и.-е. гнезда с корнем *\*(s)meu-* в словаре Покорного.

- Bezljaj 1967 Bezljaj F.: *Eseji o slovenskem jeziku*. Ljubljana.
- Bezljaj Bezljaj F.: *Etimološki slovar slovenskega jezika*. Knj. I–III. Ljubljana, 1976–1995–.
- Boisacq<sup>4</sup> Boisacq É.: *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. 4-e ed. Heidelberg, 1950.
- Brückner Brückner A.: *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa, 1957.
- Fraenkel Fraenkel E.: *Litauisches etymologisches Wörterbuch*. T. I–II. Heidelberg, 1955–1965.
- Fraenkel 1955 Fraenkel E.: *Zur slawischen Wortforschung im Anschluss an Otrębskis Buch „Życie wyrazów w języku polskim“* // LP V.
- Jagić 1877 Jagić V.: *Zum litoslavischen Sprachschatz* // AfslPh II.
- Kenda *Slovarsko gradivo s Tolminskega*. Zbral J. Kenda. Rokopis. Inštitut za slovenski jezik Fr. Ramovša ZRC SAZU. Ljubljana.
- Machek Machek V.: *Etymologický slovník jazyka českého*. Fotoreprint podle 3. vydání z roku 1971. Nakladatelství Lidové noviny, 1997.
- Matzenauer 1870 Matzenauer A.: *Cizí slova ve slovanských řečech*. Brno.
- Miklosich Miklosich F.: *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*. Wien, 1886.
- Petersson 1916 Petersson H.: *Baltisches und Slavisches*. Lund.
- Pokorny Pokorny J.: *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I–II. Bern, 1949–1959.
- Skok Skok P.: *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Knj. I–IV. Zagreb, 1971–1974.
- Schuster-Šewc Schuster-Šewc H.: *Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache*. H. 1–24. Bautzen, 1978–1989.
- Snoj Snój M.: *Slovenski etimološki slovar*. Ljubljana 1997.
- SSKJ *Slovar slovenskega knjižnega jezika*. T. I–V. Ljubljana, 1970–1991.
- БЕР *Български етимологичен речник*. Съст. В. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев и др. Т. I–VI–. София, 1962–2002–.
- ЕСУМ *Етимологичний словник української мови*. Т. 1–4–. Київ, 1989–2003–.
- Макаев Макаев Э. А.: *Структура слова в индоевропейских и германских языках*. Москва, 1970.

- Меркулова 1982 Меркулова В. А.: *Восточнославянские этимологии. II (желуница, тмылить, хаут, шквора, скрень)* // Этимология 1982. Москва, 1985.
- Новг. сл. *Новгородский областной словарь*. Вып. 1-13. Новгород, 1992–2000.
- Откупщиков 1984 Откупщиков Ю. В.: *Диалектный материал и этимология* // Этимология 1984. Москва, 1986.
- СРНГ *Словарь русских народных говоров*. Вып. 1–36–. Л., Санкт-Петербург, 1965–2002–.
- ЭСБМ *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*. Т. 1–8–. Мінск, 1978–1993–.
- ЭССЯ *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Под ред. акад. О. Н. Трубачева. Вып. 1–29–. Москва, 1974–2002–.

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН*  
*ул. Волхонка 18/2, 121019 Москва, Россия*  
ljukurkina@mtu-net.ru



# Относно произхода на българските глаголи *отмалявам* (в св. в. *отмалѣя*), *премалявам* (в св. в. *премалѣя*) и на други форми

Тодор Ат. Тодоров

Важно място в етимологичните изследвания заема разглеждането на семантиката на обясняваните думи. В много случаи семантичният анализ предопределя намирането на вярно или правдоподобно етимологично решение. Точно такъв случай предлагам сега.

Българските глаголи *отмалявам* (в св. в. *отмалѣя*), *премалявам* (в св. в. *премалѣя*) се радват на немалък лексикографски интерес. Доста пълен преглед на лексикографското им представяне е направен в статията на Ив. Дуриданов „Към етимологията на бълг. *от-малѣя*, *пре-малѣя* и подобни“ (SlSt: 95–100). Въпреки това кратък преглед няма да бъде излишен и в настоящото изложение, особено с оглед на значенията.

У Дювернуа (1543, 1863) *отмалѣя*, *отмалявам* са тълкувани (на руски) така: ‘ослабею, ослабеваю’, *премалѣя*, *премалявам* така: ‘ослабею, -ваю (обыкновенно с голода)’, а безличната форма *премалява ми* пък така: ‘мне дурно’. У Дювернуа (1543, под *отмалѣя*, 829, 1484) се откриват и форми *отмалнял* (причастие от *отмалнѣя* ‘отмалѣя’, невключено у Дювернуа), *измалѣя*, *измаля*, *измалявам* ‘оскудею, оскудеваю; умалюсь, умаляюсь’ и ‘ослабею, ослабеваю, таю’ и *омалѣя*, *омалявам* ‘убавлюсь, убавляюсь; уменьшусь, уменьшаюсь’ и ‘ослабну, ослабеваю (от голода, от непомерной работы)’. У Геров (III: 415, IV: 361) *отмалявам* е с тълкуване ‘премалявам, омалявам, отпадам, изгубвам силата си, омаласвам, отмлѣнявам’, *премалявам* — с тълкуване ‘дохожда ми байгънлък, пада ми навес, укроп; припада ми, премлѣнявам, отпадам, ослабвам’, а безличната форма *премалява ми* — с тълкуване ‘става ми зле, дохожда ми залис, дохожда ми навес; припада ми, премирам, примирам, баялдисвам, навясвам, малаксвам’. У Геров (III: 47, 360, 415, IV: 361, 363) са включени и непрефигирана форма *малѣе ми* ‘става ми зле, премалява ми на корема, омалява ми’ и форми *омалявам* ‘ставам малък, по-малък; намалявам, спадам, смалявам се’ и ‘слабея, ослабвам, отпадам, запирам, немощея, изнемощявам, изнемогвам, малаксвам’ (в св. в. *омалѣя*), *омалява ми* ‘става ми зле, премалява ми, прималява ми, иде ми да падна в несвят’ (в

св. в. *омалее ми*), *отмалнявам* ‘отмалявам’ (в св. в. *отмалня*), *премалнявам* ‘премалявам’ (в св. в. *премалня*), *премалнявам* ‘премалявам, отпадам, премирам, малаксам’ (в св. в. *премалня*). В РСБКЕ (II: 423, 783, 833, 355) са дадени *отмалявам* и *отмалнявам* ‘изгубвам сили, отпадам – от болест, умора, силно изживяване и пр.’ (в св. в. *отмаля*, *отмалня*), *премалявам* и *премалнявам* ‘силно отпадам, загубвам сили, прилошава ми, отмалявам’ (в св. в. *премаля*, *премалня*), *прималявам* и *прималнявам* ‘чувствам се много отпаднал, губя сили’ (в св. в. *прималя*, *прималня*), *прималява ми* ‘става ми лошо, прилошава ми’ (в св. в. *прималее ми*), *омалявам* ‘(за дреха, обувка) ставам по-малък’, а в БТР (1976: 611, 582, 768, 789, 437) — *отмалявам* и *отмалнявам* ‘изгубвам силите си, усещам се слаб’ (в св. в. *отмаля*, *отмалня*), *премалявам* ‘изгубвам сили и съзнание; премирам, премалнявам’ (в св. в. *премаля*), *премалнявам* ‘силно отпадам, задъхвам се; премалявам’ (в св. в. *премалня*) и *омалява* ‘(за облекло и под.) става малък за човека’ (в св. в. *омалее*), *прималявам* и *прималнявам* ‘отпадам силно, прилошава ми или губя съзнание; примирам’ (в св. в. *прималя*, *прималня*), както и непрефигирана безлична форма *малее ми* ‘премалявам’ и ‘малко ми се вижда, не съм доволен от количеството’.

Ст. Младенов в своя „Етимологически и правописен речник на българския книжовен език“ (София, 1941), с. 380, 397, 510, включва *омалявам* и *омаля*, *отмалявам* и *отмаля*, *премалня* и *премаля* без значения и етимология, а в „Български тълковен речник с оглед към народните говори“ (София, 1951), с. 887, дава глаголните форми *измаля*, *измалявам*, западнобълг. *измалевам* със значения ‘отмалее, премалея’ и ‘отслабвам’.

Младенова (1984: 347–348) разглежда *малее ми* ‘става ми зле’, *отмалявам* ‘изгубвам силите си, усещам се съвсем слаб’ (в св. в. *отмаля*), *омалеем* ‘изнемощявам, отпадам от умора’ (от Ново село, Видинско), *премалявам* ‘силно отпадам, задъхвам се, примирам’ (в св. в. *премаля*), както и *отмалнявам* ‘отмалявам’ (в св. в. *отмалня*) и *премалнявам* ‘премалявам’ (в св. в. *премалня*) като „наследници“ на старобългарския деноминативен глагол \**тъдълѣти*, \**тъдълѣжъ* (sic!), възникнал от старобългарското прилагателно *тъдълъ* ‘отпуснат, ленив, бавен’ (sic!) и със съответствия в другите славянски езици: срхр. *мадлѣти* ‘побледнявам’, *замадлѣти* ‘припадам’, словен. *medléti* ‘боледувам; отслабвам, мъжда’, *medli mi* ‘лошо ми е’, рус. *млетъ* ‘замирам, примирам (от възторг, от щастие)’, рус. диал. *модѣтъ* ‘развалям се, прокисвам; правя нещо бавно;



слабо горя, тлея', укр. *млїти* 'изпадам в умиление, размеквам се; мъча се; губя съзнание', белорус. *млець* 'замирам, изтръпвам, вцепнявам се; губя съзнание, припадам', чеш. *omdlíti, omdleti* 'губя съзнание', стчеш. *mdléti* 'отпадам, ставам слаб', *mdliti* 'отслабвам, правя слаб', словаш. *mdliet* 'слабея, отслабвам, отпадам, изнемоощявам', пол. *mdlec* 'слабея, припадам', *omdleć* 'отслабвам', *mdli mig* 'лошо ми е'. Според авторката съвременният облик на българските форми се дължи на „редовното и закономерно опростяване на съчетание -dl-“ в -l-, както в *г̀рло* от праслав. \**gьrdla*, и на „диалектно изясняване на силния ер в а, което впрочем е може би само правописно явление, възможно поради сближаване по народна етимология с *мал* 'малък', производно от което е *мал̀е ми* 'малко ми се вижда, не съм доволен от количеството' (омонимично според нея на *мал̀е ми* 'става ми зле'). Формите *отмал̀нявам* (в св. в. *отмал̀нѣя*), *премал̀нявам* (в св. в. *премал̀нѣя*) според нея са „образувани с друг суфикс“. Критика на обясненията на Младенова прави Дуриданов (SlSt: 97–98): праславянските звукосъчетания *dl, tl* в южнославянските езици се опростяват в *l*, но праславянските звукосъчетания *dьl* и *dьl, tьl* и *tl* в южнославянските езици просъществуват като *dl* (както напр. в словен. *medléti*), *tl*; а в *мал̀е ми* „не може да се обясни с диалектно изясняване на силния ер“, тъй като думите *мал̀е* (в съчет. *мал̀е ми* 'става ми зле'), *премал̀ея* и т. н. „не са ограничени в рамките на а-говори“, а и поради наличието на поствербали, като *прем̀ала, отм̀ала* („с ударение върху коренното -а-“).

В БЕР (III: 627, под *мал̀ея*<sup>2</sup>) е включено диал. *мал̀е ми* 'става ми зле, прилошава ми' [с производни *отмал̀ея* 'прилошее ми, отпадна', *омал̀еem* 'изнемоощявам, отпадам от умора' (от Ново село, Видинско), *премал̀ея* (със същото значение)] с етимологично обяснение: „Може би произв. от *мал*<sup>1</sup> (вж.)“ (*мал*<sup>1</sup> в БЕР III: 622 – със значение 'малък').

Дуриданов (SlSt: 98–99) смята *мал̀е ми, отмал̀ея, премал̀ея* за сродни с рус. *малѣть* 'млетъ (= тръпна, изтръпвам, примирам от възторг или друго чувство); претъ, потетъ' и със словен. *taléti, talít* в изрази *mali mi pred očmi* 'притъмнява ми пред очите', *malelo mi je, pođe me niso več togle nositi* 'прималня ми, нозете вече не можеха да ме носят', като приема за всички тях обяснението, което Bezlaј (1982: 163) дава на словенската дума като сродна с рус. *смáлить* 'пърля, опърлям, обгарям', пол., горлуж. *stalić* със същото значение (у Дуриданов погрешно отбелязано като длуж.), рус. *смалина* 'мирис на опърлено, на обгорено', укр. *при-смалити*

‘пърля, обгарям’, доллуж. *smališ* със същото значение, както и с общослав. *\*stola* и с лит. *pa-smelimas* ‘мътен, тъмен’. Дуриданов изрично изтъква: „Етимологията на Безлай е убедителна“. Ще вметна, че това обяснение на Дуриданов лежи в основата на етимологичното обяснение, което се дава в БЕР (IV: 869) на *омалявам*<sup>2</sup> ‘отпадам, отслабвам, загубвам сили’ (в св. в. *омалѣя*) и на други глаголни форми с представка *о-*. Вероятно Дуриданов не е забелязал обяснението на *малѣе ми* ‘става ми зле, прилошава ми’, *отмалѣя*, *омалѣем*, *премалѣя* като производни от *мал* ‘малък’ в БЕР (III: 627). Занимава се и с българските диалектни форми *омлея* ‘отмалея’, *премлея* ‘премра’, сродни с рус. *млетъ*, *млѣю*, укр. *млїти* и белорус. *млець* (от праслав. *\*mlěti*, от ие. корен *\*mlē-*) (SlSt: 95, 96, 98, 99), като отхвърля допуснатата отначало от него (SlSt: 98) „генетична връзка с *малее ми*, *премалея*, *от-малея*, които биха могли да бъдат вторични, късни, получени чрез вмъкване на *-а-* под влияние на глагола *малея*, *-ееш* ‘ставям по-малък, намалявам’“. Основателно отхвърля връзката на рус. *млетъ*, укр. *млїти* и белорус. *млець* със словен. *medlěti*, чеш. *omdletì*, пол. *mdlec* у Vasmer (II: 141): „еровата гласна в корена на глагола праслав. *\*mьdylěti*, респ. *\*mьdylěti* не е изчезнала, а се запазила в руски и южнославянски, срв. срхърв. диал. *мадлїти* ‘побледнявам’, словен. *medlěti* ‘боледувам, отслабвам’, рус. *медлїть* ‘бавя се’, *медленный* ‘бавен’“. Според Дуриданов (SlSt: 99) разширението със суфикс *-н-* в *премалнѣя*, *отмалнѣя* „може да се обясни с влияние от страна на синонимични глаголи като *причернее* (*причернява*) *ми* ‘става ми черно, тъмно пред очите; изгубвам самообладание’, *притъмнѣе* (*притъмнява*) *ми* ‘става ми тъмно пред очите, изгубвам самообладание от физическа или душевна болка’“. Той обаче додава (SlSt: 99–100), че *отмлѣнея* (*отмлѣнявам*) и *премлѣнея* (*премлѣнявам*) „насочват към праслав. *\*-mьlněti*, от редуцирана степен на корена *\*mlě-* в *\*mlěti*, от ие. *\*ml̥-* (към *\*mlē-*)“ и прави извода: „В такъв случай приетите днес в книжовния език *отмалнея*, *премалнея* са преобразени под влияние на *отмалея*, *премалея*.“ Трябва да се отбележи това, че при Дуридановото обяснение на *малѣе ми*, *отмалѣя*, *премалѣя* и пр., при което се предпоставя в крайна сметка първично значение ‘тъмнее (ми), притъмнява (ми)’, изглеждат семантично твърде необичайни, ако не абсурдни представъчни форми, като *измалявам* ‘отслабвам’, *омалявам* ‘слабей, отслабвам’, *отмалявам* ‘отпадам, изгубвам сили’.

И Дуриданов, и Младенова търсят произхода на *малѐе ми* ‘става ми зле, прилошава ми’, *отмалѐя*, *премалѐя* и на други форми далеч от възможна връзка с *мал* ‘малък’. И двамата автори не са потърсили възможности за обяснение на семантиката на *малѐе ми* ‘става ми зле, прилошава ми’, *отмалѐя* и *отмалѐвам*, *премалѐя* и *премалѐвам* и на сродни с тях думи като производни от *мал* ‘малък’. А съществуват всички основания да се приеме, че *малѐе ми* ‘става ми зле, прилошава ми’ е етимологично еднакво с *малѐе ми* ‘малко ми се вижда, не съм доволен от количеството’, форма за 3 л. ед. ч. от *малѐя* със засвидетелствувано значение ‘ставам по-малък, намалявам, спадам’ (производно от *мал* ‘малък’). Производни от *малѐя* (и *малѐе ми*) са *омалѐя* (в несв. в. *омалѐвам* със значение ‘ставам по-малък’ и с посочените по-горе значения), *отмалѐя*, *премалѐя*, *прималѐя* (в несв. в. *отмалѐвам*, *премалѐвам*, *прималѐвам* с посочените по-горе значения). Съответствия в другите славянски езици на *малѐя* (и *малѐе ми*) са словен. *maléti* ‘ставам по-малък’, рус. диал. *maléť*, *maléju* ‘смалявам се, ставам по-малък; отслабвам’ и ‘тръпна, изтръпвам, примирам от възторг или друго чувство’, струс. *maléti* ‘намалявам (се) в брой’, укр. *malítu*, *malíju* ‘смалявам се, ставам по-малък’, чеш. *maleti* ‘смалявам се, ставам по-малък’ и ‘гина, чезна, линея’, пол. *maleć*, *maleje* ‘ставам по-малък’, стпол. *maleć* със същото значение, а и словен. *malí* в израз *malí mi pred očmi* ‘притъмнява ми пред очите’, *malelo* в израз *malelo mi je* ‘прималя ми’ в съчетанието *malelo mi je, noge te niso več mogle nositi* ‘прималя ми, нозете вече не можеха да ме носят’ (всички те заедно с бълг. *малѐе ми* — от праслав. \**mālěti*, \**mālěja*, производно от \**mālъ* ‘малък’). Ще вметна, че е напълно възможно словен. *maléti* в израз *malí mi pred očmi* ‘притъмнява ми пред очите’ да е етимологично еднакво със словен. *maléti* ‘ставам по-малък’ (вж. по-горе), и изразът *malí mi pred očmi* да е възникнал от израз *malí mi* със значение ‘става ми лошо, прилошава ми’ (синонимно на значение ‘притъмнява ми’, срв. в РСБКЕ II: 850: *притъмнява ми* ‘става ми лошо’), срв. словенския израз (без *pred očmi*) *malelo mi je* ‘прималя ми’ (т. е. ‘стана ми лошо, прилоша ми’) в съчетанието *malelo mi je, noge te niso več mogle nositi* ‘прималя ми, нозете вече не можеха да ме носят’. В такъв случай трябва да се смята, че значението ‘притъмнява ми’ е вторично възникнало. Словен. *maléti* в израз *malí mi pred očmi* обаче би могло да има и произход, какъвто приемат Bezlaј (вж. по-горе) и Дуриданов (вж. по-горе). В този случай значението ‘притъмнява ми’ трябва да се смята за първично. Аз съм склонен да приема първата от

тези възможности. Семантично до бълг. *малѐе ми* ‘става ми зле, прилошава ми’, *отмалѐя, премалѐя* и други форми (с посочените горе значения) стоят особено близко словен. *maléti* в изрази *malí mi pred očmi* ‘притъмнява ми пред очите’, *malelo mi je* ‘прималя ми’, рус. диал. *малѐть* ‘отслабвам’ и ‘тръпна, изтръпвам, примирам от възторг или друго чувство’, чеш. *maleti* ‘гина, чезна, линея’. Ще вметна, че в ЭССЯ (17: 154–155, в речникова статия за праслав. \**malěti*, произв. от \**малъ* ‘малък’) липсват бълг. *малѐе ми* (и с двете значения), рус. диал. *малѐть* със значение ‘тръпна, изтръпвам, примирам от възторг или друго чувство’, но са дадени словен. *malí mi pred očmi* ‘притъмнява ми пред очите’, чеш. *maleti* ‘гина, чезна, линея’ и рус. *малѐть* ‘отслабвам’. Значенията ‘изгубвам сили, отпадам — от болест, умора, силно изживяване и пр.’, ‘изгубвам силите си, усещам се съвсем слаб’ и под. може да са се развили в резултат на следния семантичен развой: ‘ставам малък, ставам по-малък’ > ‘ставам слаб, отслабвам’ > ‘изгубвам сили, отпадам’ и под. Основната си семантична характеристика глаголите *измалѐвам, отмалѐвам, омалѐвам, премалѐвам, прималѐвам* (в св. в. *измалѐя, отмалѐя, омалѐя, премалѐя, прималѐя*) със значенията си ‘отслабвам’, ‘изгубвам сили, отпадам’, ‘изгубвам силите си, усещам се съвсем слаб’ и под. може да са получили от прилагателното *мал* ‘малък’, което може да развие и значение ‘слаб’, срв. съответствия на *мал* ‘малък’ със значение ‘слаб’ в други славянски езици: срхр. *mâlŭ* (РСХКНЈ XII: 24), укр. *малій* (УРС II: 477), белорус. *малы́* (ЭСБМ VI: 202), чеш. *malý* (SlSp III: 19), словаш. *malý* (ЭССЯ 17: 174). Значение ‘слаб’ могат да имат думи с основно значение ‘малък’ и под. и в други езици, срв. сръвиснем. *klein* ‘малък’ и ‘слаб’, лат. *parvus* ‘малък’ и ‘слаб’, *pusulus* ‘дребен’ и ‘слаб’. От значение ‘слаб’ може да са се развили и значенията ‘става ми зле, прилошава ми’ (на *малѐе ми*), ‘става ми зле, премалява ми, прималява ми’ (на *омалѐва ми*), ‘силно отпадам, загубвам сили, прилошава ми, отмалявам’ (на *премалѐвам*) и подобни значения, срв. фр. *faiblesse* ‘слабост’ в израз *tomber en faiblesse* ‘прилошава ми’, букв. ‘(из)падам в слабост’, нем. *schwach* ‘слаб’ в израз *mir wurde schwach* ‘прилоша ми’, букв. ‘стана ми слабо’. Като семантични паралели на *отмалѐвам, премалѐвам* и други форми със значения ‘изгубвам сили, отпадам’, ‘изгубвам силите си, усещам се слаб’ и под., разглеждани като производни от *мал* ‘малък’, могат да се посочат бълг. диал. *оманькювам* ‘изнемощявам; охлабвам усилията си’ (регистрирано в Самоков, от по-ранно \**оманенкювам* или под., произв. от диал. *маненкий*

‘мъничък’ или от негов вариант, срв. засвидетелствуваното в самоковския говор *манѐнко* ‘малко’; срв. БЕР IV: 871), нем. *schmachten* ‘чезна, линей (в затвор, от любовна мъка, от глад, жажда и т. н.)’ (като изходна за която се сочи ствиснем. *stāhi* ‘малък, дребен’, вж. Pfeifer II: 1542), лат. *minuo* ‘раздробявам на малки части; намалявам’ (основно значение) и ‘отслабвам, изнуриявам, лишавам от сили’, перс. *kāst gereftān* ‘смалявам се’ (основно значение) и ‘слабея, отслабвам’. Трябва да се отбележи това, че при такава етимологично обяснение представъчните форми *измалѐя, омалѐя, отмалѐя, премалѐя, прималѐя* и др. изглеждат семантично напълно нормални и че семантичните отношения между всички разглеждани думи (с цялата богата гама от значения от ‘малък, незначителен’ до ‘силно отпадам, загубвам сила’ и ‘прилошава ми’) са напълно ясни.

Според мене формите *отмалнявам* (в св. в. *отмалнѐя*), *премалнявам* (в св. в. *премалнѐя*), *прималнявам* (в св. в. *прималнѐя*) може да са възникнали като производни от незасвидетелствувано прилагателно \**мален* ‘малък’ или от негов вариант [от праслав. \**tālpъ-(jъ)*, продължено според ЭССЯ (17: 183) например от рус. диал. *мáльный* ‘неважен, незначителен’, белорус. *мáльны* ‘малък’] и по образуване да са като глаголите *огладнявам* (в св. в. *огладнѐя*), *пребледнявам* (в св. в. *пребледнѐя*), възникнали от прилагателните *гладен, бледен*. С метатеза -*мъл*- > -*млѐ*- от диал. *отмълнявам* (в св. в. *отмълнѐя*) и *премълнявам* (в св. в. *премълнѐя*), фонетични варианти на *отмалнявам* (в св. в. *отмалнѐя*) и *премалнявам* (в св. в. *премалнѐя*), са възникнали диалектните (Геровски) форми *отмлнѐявам* (в св. в. *отмлнѐя*) и *премлнѐявам* (в св. в. *премлнѐя*).

Бих искал да съобщя нещо и за безличните глаголни форми *малѐе ми* ‘става ми зле’, *омалѐва ми, премалѐва ми* със същото значение: като корелат на безличната глаголна форма *малѐе ми* ‘премалява ми, става ми зле’ не е засвидетелствувана лична *малѐя* със същото значение; безличните глаголни форми *омалѐва ми* ‘става ми зле’ (в св. в. *омалѐе ми*), *премалѐва ми* ‘става ми зле, примирам’ (в св. в. *премалѐе ми*) се отнасят към съответните лични глаголни форми *омалѐвам* ‘отслабвам, отпадам’ (в св. в. *омалѐя*), *премалѐвам* ‘силно отпадам, загубвам сили, прилошава ми’ (в св. в. *премалѐя*), както например безличната глаголна форма *припада ми* ‘става ми зле, премалявам, примирам’ към личната *припадам* със същото значение (у Геров IV: 281).

Няколко думи и за поствербални формации от *омалѐя, отмалѐя, премалѐя*. Такива са *омала* със значения ‘отпадналост, слабост’,

‘задуха, притеснение; любовна тъга, копнеж по желан човек; грижа, трудност’, ‘тежко, задушно време’, ‘любовна мъка’, ‘омара, задуха’ и др., *омàла* ‘прилошаване от умора’ (вж. БЕР IV: 868, където са посочени и говорите, в които се срещат), *отмàла* ‘отмаляване, отпадналост’, *премàла* ‘премаляване, отпадналост’. Основното значение на *òмала* е ‘отпадналост, слабост’. Другите значения може да са се развили от него в резултат на следния семантичен развой: ‘отпадналост, слабост’ > ‘задуха, притеснение, любовна тъга, копнеж по желан човек, грижа, трудност, тежко (задушно) време и т.н., които причиняват отпадналост, слабост’ > ‘задуха’, ‘притеснение’, ‘любовна мъка’, ‘копнеж по желан човек’ и т.н. Значенията ‘мъж, който досажда, пречи’, ‘жена, която досажда, пречи’ на варианта *òмьлѣ* и прозвището *òмьлѣ* за човек, който дотяга и е неприятен (в БЕР IV: 868), може да са възникнали по значение ‘досада’ (каквото би могло да развие *òмьлѣ*, срв. в БЕР IV: 868, под *òмала*<sup>2</sup>, израз *òмала ми пàдна* и обяснението, че така „се казва, когато нещо е омръзнало на човека, отегчило го е“, т.е. станало му е досадно), срв. разговорния израз *той е голѣма досàда* ‘той е много досаден’. Куркина (1981: 21) смята *òмала* (с тълкуване на руски ‘зной, жара’) за вероятно сродно с праслав. \**smalā* (у нея: \**smola*), \**smālitī* (у нея: \**smaliti*; например в горлуж. *smalić* ‘пърля, обгарям и т.н.’) и свързва с ие. \**smel-* ‘горя бавно, тлея’. Свързва и със словен. *maléti* (със значение ‘пылать, гореть?’). Интересно е да се отбележи това, че авторката сочи такива етимологични връзки на *òмала*, каквито две години по-късно Vežlaj (1982: 163) сочи за словен. *maléti* в израз *malī mi pred očī*. Филипова-Байрова (1969: 131) извежда бълг. диал. *òмала* ‘отпадналост, слабост’ (от Родопите) от нгр. *òмалòс* ‘мек, нежен, слаб’. И Куркина, и Филипова-Байрова посочват само по едно значение на *òмала* и не разглеждат произхода на тази дума в контекста на редица безпредставъчни и представъчни форми в българския език и в другите славянски езици, като бълг. диал. *малèе ми* ‘става ми зле, прилошава ми’, словен. *malī mi pred očī* ‘притъмнява ми пред очите’, рус. *малéть*, бълг. *омалèя*, *отмалèя* (и поствербал *отмàла*), *премалèя* (и поствербал *премàла*) и т.н.

В заключение ще изтъкна това, че даденото в БЕР (III: 627, под *малèя*<sup>2</sup>) етимологично обяснение на бълг. диал. *малèе ми* ‘става ми зле, прилошава ми’ (с производни *отмалèя* ‘прилошее ми, отпадна’, *омалèем* ‘изнемощявам, отпадам от умора’ и *премалèя* със

същото значение) [„Може би произв. от *мал*<sup>1</sup> (вж.).“ (*мал*<sup>1</sup>, към което се отпраща, в БЕР III: 622 – със значение ‘малък’)] е малко неточно. Съществуват всички основания да се приеме като напълно сигурно, че *малѐе ми* е производно от бълг. диал. *мал* ‘малък’.

Без съмнение, аз ви представих семантично решение на един етимологичен проблем на основата на вече изказано, но неподкрепено със семантична аргументация научно становище. Задачата ми бе да приведа достатъчно аргументи.

## СЪКРАЩЕНИЯ

БЕз	<i>Български език</i> . София, 1951–.
БЕР	<i>Български етимологичен речник</i> . Т. I (1971), т. II (1979), т. III (1986), т. IV (1995). София.
БТР 1976	<i>Български тълковен речник</i> . Трето издание. София, 1976.
РСБКЕ	<i>Речник на съвременния български книжовен език</i> . I – III. София, 1955-1959.
РСХКНЈ XII	<i>Речник српскохрватског књижевног и народног језика</i> . Књ. XII. Београд, 1964.
УРС II	<i>Українсько-російський словник</i> . Т. II. Київ, 1958.
ЭСБМ VI	<i>Этымалагічны слоўнік беларускай мовы</i> . Т. VI. Мінск, 1990.
ЭССЯ	<i>Этимологический словарь славянских языков</i> . Праславянский лексический фонд. Москва, 1974–.
SlSp	<i>Slovník spisovného jazyka českého</i> . D. III. Praha, 1989.
SlSt	<i>Slawistyczne studia językoznawcze</i> . Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk – Łódź, 1987.

## БИБЛИОГРАФИЯ

- Геров, Н. 1895 – 1904. *Рѣчникъ на българскій языкъ*. I – V. Пловдив.
- Дуриданов, Ив. 1987. Към етимологията на бълг. *от-малея*, *пре-малея* и подобни. — В: SlSt (95–100).
- Дювернуа, А. 1885 – 1889. *Словарь болгарскаго языка по памятникамъ народной словесности и произведеніямъ новейшей печати*. I – II. Москва.

- Куркина, Л. В. 1981. Праславянские лексические диалектизмы южнославянских языков. — В: *Этимология 1979*, Москва, с. 15–28.
- Младенова, О. 1984. Произход на българските думи *малѐ ми*, *мѣждѣ*, *мѣждѣ*. — БЕЗ, XXXIV, кн. 4, 347–349.
- Филипова-Байрова, М. 1969. *Гръцки заемки в съвременния български език*. София.
- Bezljaj, Fr. 1982. *Etimologijski slovar slovenskega jezika*. Knj. II. Ljubljana.
- Pfeifer, W., et al. 1989. *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen*. II. Band. Berlin.

Sur l'origine des verbes bulgares *отмалѣвам* (perf. *отмалѣя*),  
*премалѣвам* (perf. *премалѣя*) et d'autres formes

Dans la présente communication, on explique l'origine des verbes bulgares *отмалѣвам* 'faillir, perdre ses forces, se sentir épuisé, défaillir' (perf. *отмалѣя*), *премалѣвам* 'se trouver mal, défaillir, tomber en défaillance' (perf. *премалѣя*) et d'autres formes. On les considère comme dérivés du mot bulgare *мал* 'petit' conservé dans plusieurs dialectes bulgares. On soumet à un examen critique les explications étymologiques précédentes. Une large place est attribuée à l'analyse sémantique des mots. On avance des parallèles sémantiques de beaucoup de langues, slaves et non-slaves.

*Институт за български език – БАН*  
*ул. Шипченски проход 52, бл. 17, 1113 София, България*  
etym@ibl.bas.bg



# Восточнославянские этимологии (1. Рус. *парень*. 2. Укр. *гарний*, белорус. *гарны*)

Анатолий Ф. Журавлев

## 1. Рус. *парень*

Этимология русского существительного *па́рень* до сих пор не установлена, хотя попыток выяснить его происхождение было немало.

По П. Я. Черныху и В. Н. Топорову (ниже), первая словарная его фиксация относится к 1731 году (Вейсманнов лексикон); «исторический» словарь датирует его появление в исследованных памятниках письменности 1559 годом (русский Север: расходная книга Николаевского Корельского монастыря; СлРЯ XI–XVII вв., 14: 153) – на сто с лишним лет ранее, чем у Топорова, этими сведениями еще не располагавшего.

Поздняя регистрация слова, столь высокоупотребительного в нынешнем русском речевом обиходе<sup>1</sup>, может объясняться тем, что оно проникло в общее употребление из низовых форм речи – диалектов, просторечия. Подтверждением может служить отношение к слову *парень* у писателей начала XIX века. В глазах сентименталиста Карамзина оно, в отличие от слова *ничужка*, было отмечено низкопробностью и неприменимостью в изящной словесности (мужик пятерней вытирает усы и крикает: «Ай да парень, что за квас!»). У Пушкина существительное *парень* встречается 5 раз (Словарь языка Пушкина, III: 276); все приводимые в пушкинском словаре его контексты наделены признаками стилизации фольклорной речи: «Коли парень ты румяный, Братец будешь нам

---

<sup>1</sup> По данным одного количественного лексикона, оно входит в первую тысячу наиболее частотных слов современного русского языка (Частотный словарь 1977: 815: делит с равноупотребительными словами позиции 941–956 ранжированного списка), по сведениям другого – даже в первую полутысячу (Штейнфельдт 1963: 101: позиции 433–439). По Частотному словарю 1977 мы подсчитали, что слово *парень* занимает 55-е место в списке самых частотных существительных – наименований человека, превосходя по встречаемости в письменных текстах такие слова, как *баба*, *девочка*, *дедушка*, *дочь*, *мальчишка*, *мужчина*, *сестра* ... (но уступая таким замечательным словам, как *директор*, *коммунист*, *начальник*, *председатель*, *секретарь*, *товарищ*, *трудящийся* ...).

названный», «Полюбил красну деву младой конюх, Младой конюх», разгульный парень» ... География диалектных производных от *парень* и построенной на нем фразеологии толкает к мысли о его северновеликорусских истоках. В дальнейшем это наблюдение нам понадобится.

Первая известная нам этимологизация этого слова предложена С. П. Микуцким, который включал его в гнездо с доминантой *пар* 'испарение'. Исходя из понимания теплоты как символа жизни и опираясь на литов. *perėti* 'высидивать, выводить (цыплят)' и рус. диал. *парить яйца* 'высидивать птенцов' (ср.: СРНГ, 25: 225–226), сопоставленные с лат. *pario, -ere* 'рожать; производить', первоначальной в слове *парень* он усматривал семантику 'рожденный, потомок, сын'. В его концепции *парень* выступал как «страдательная» форма, а в качестве коррелята – «действительной» формы с непосредственным значением 'производитель, творец' – трактовался теоним *Перун*, литов. *Perkūnas* (Микуцкий 1852: 114). О сходных этимологиях – ниже.

Многokrатно выдвигалось мнение об этимологической выводимости *парень* из др.-русск. *паробокъ*, укр. *парубок* 'парень, отрок, юноша', польск. *parobek* 'батрак', чешск. *parobek* 'невольник, раб', обл. 'парень' (Даль<sub>2</sub>, III: 18; Miklosich EW: 225; Соболевский 1911: 335; Преображенский, II: 18; Фасмер, III: 206), однако <sup>+</sup>*паробъкъ* (праслав. *\*pa-orbъkъ*) очевидно сопряжено с праслав. *\*orbę*, рус. *робя, ребенок*, для констатации связи с которыми у слова *парень* следует допускать громоздкие и трудномотивированные преобразования, отчего изложенная этимология современными историками славянских языков рассматривается как не имеющая вероятия.

Отвергнув «очевидно неправдоподобные» объяснения Миклошича и Соболевского, П. Я. Черных предложил, пожалуй, не более правдоподобное, по крайней мере в семантическом плане: «... естественно было бы связывать это слово с глаг. *парить* и его произв. *пареный, парной* и др. Ср. *парить лошадей* – 'вгонять их в пот' ... Слово, м. б., возникло в условиях экспрессивной речи и сначала имело знач. 'запарившийся молодой человек, ухагор', т. е. употреблялось в ироническом смысле» (Черных, II: 6). Так сказать, «аж вспотемши от любви» ... Если *парень* – слово изначально ироническое, то почему эта ирония не ощутима в первых (правда, довольно поздних) его регистрациях? Почему язык так легко отказался сохранить эту ироничность?: право же, столь замечательное качество слова редко растворяется без остатка.

Семантические натяжки видны и в версии В. Терраса – о связи слова *парень* с глаголом \**orati* ‘пахать’: \**pa-or-enъ* ‘не умеющий пахать правильно’ (Terras 1962: 71–74).

Не могут не привлечь внимание соображения, бегло высказанные К. В. Тревер (Тревер 1947: 73–84) и подробнейшим образом развитые В. Н. Топоровым (Топоров 1972: 23–37), о заимствовании слова *парни* (/парень) из иранских языков, где внутрииранские соответствия несут сложный комплекс значений ‘благодать’, ‘счастье’, ‘сила’, ‘положение, достоинство’ и мн. др. (как предельно отвлеченных, так и вполне конкретных), объединяемых исконной идеей ‘возрастания’: др.-перс. *parna*, авест. *x<sup>3</sup>arənah*, осет. *farn* и др. (к индоевроп. \**suet(ə)nes-*, \**suēl(ə)nes-* ‘возрастать’, по Х. У. Бэйли). *Парень* при этом трактуется как социальновозрастная ступень, характеризующаяся достижением силы, обладанием «благодати» и права, – промежуточная между рангами «ребенка» и «мужика». В самих построениях Топорова заметны некоторые существенные погрешности. Например, он не вполне точен, пытаясь увидеть воплощение характерного для осетинской культуры понятия *фарн* (‘небесная благодать’, ‘благополучие, преуспевание’, ‘благопристойность’, ‘мир, тишина’ и под.) в фигуре жениха (= парня!). В осетинском свадебном обряде возглас шаферов *farn fæswu!* ‘фарн шествует!’ звучит не при появлении жениха или невесты, как то представлено у Топорова, а при введении невесты в дом жениха (см.: Абаев ИЭСОЯ, I: 421), что, на наш взгляд, сильно ослабляет семантическую аргументацию в пользу иранской этимологии слова *парень*. Не «работает» на нее и география русского слова (см. выше). Но дело даже не в этом. Критик излагаемой этимологической версии Х.-Д. Поль отмечает, что др.-перс. *parna-(m)*, понимаемое Ф. В. Кёнигом, на которого ссылается Топоров, как ‘мужская возрастная группа от 17 до 26 лет’, представляет собою гапакс, что делает предложенную семантическую идентификацию труднодоказуемой. Кроме того, персидская клинописная графика допускает также чтение *ragapat* ‘раньше, прежде’, вероятность которого оценивается, вопреки Топорову, выше. «Таким образом, заимствование из иранского является более чем спорным» (Pohl 1975: 87). Скептический взгляд на версию Топорова был поддержан другими исследователями, причем один из них заявил,

что она «настолько преувеличивает место соответствующих значений в семантической иерархии иранского слова, что, в конечном счете, только отдаляет нас от этимологической интерпретации данного позднего славянского локализма» (Орел 1997: 67; см. также: Аникин 1993: 130).

Тему «пара», начатую Микуцким и Черныхом, продолжил В. Э. Орел. Без ссылки на их идею он высказался о связи слова *парень* с *пар*, видя в нем производное с суффиксом *-e/-et-* (*пáря*) (Орел 1997: 67–68). Этимология Орла не выглядит убедительной ни в формальном, ни в смысловом отношении. Во-первых, «варианты слова *парень*, как оно фиксируется в словарях ... , особенно же *паря*», не приводят к «однозначно корректной», как ее оценивает сам автор, реконструкции праформы *\*pare*, род. пад. *\*parete* (такая же формальная реконструкция, но, конечно, без связывания с *\*parъ*, дана у Фасмера, см. выше, и повторена в: Бернштейн 1974: 199). Для ее оправдания не хватает sequer «мелочи» – формы множественного числа *\*паря́та*, несвидетельствование которой диалектными словарями, если допустить реальность версии Орла, означает труднообъяснимую утрату обычно очень прочного элемента парадигмы (для подобных имен – особенно; ср. *ребята* и проч.). Само же *пáря*, которое вообще не заслуживает приписываемой ему важности, упорно сопротивляется введению его в морфолого-парадигматические последовательности, оставаясь в сущности только внерядным вокативом. Звательный характер формы *пáря* подчеркивается ее обычно игнорируемым вариантом с элиминацией флексии сев.-рус., сибир. *парь!* (СРНГ, 25: 250), как *Вань!* от *Ваня*. Неблагополучно в этимологии Орла и с ударением: *пáря* характеризуется накорневым ударением, в то время как в восточнославянских языках в словах на *\*-e/\*-et-* (*теля́, порося́, ягня́, щеня́, жеребя́, куря́, вороня́, котеня́, дитя́* ... , укр. *вовченя́, осля́, голуб'я́, каченя́, курча́* ... ) ударение устойчиво привязано к аффиксу<sup>2</sup>. Из сказанного о формальных признаках слова может вытекать только то, что *пáря* – дериват от *парень* (*\*parъnь*, см.

<sup>2</sup> Конечно, эта закономерность не носит абсолютного характера, ср. украинские и белорусские фамилии типа *Кривчэня*, от *Кривець* или *Кривко*, *Зазарчэня*, *Левашэня* (см.: Трубачев 1959: 191; Унбегаун 1995: 233). Из нее как будто выпадают и русские формы *кутя́* и *рбья́*, сосуществующие с *кутá* и *рбьá* (СРНГ, 16: 179; 35: 110), но эти формы с накорневым ударением функционируют преимущественно в качестве подзывного слова и обращения, притом *рбья́* – с множественным адресатом, и по меньшей мере это последнее предпочтительнее рассматривать как результат экспрессивного усечения аффикса в *рбья́та*, *рбья́ты*, ср. *ребя́!* – явно из *ребя́та!* и независимо от существования формы *ребя́* ‘ребенок, дитя’.

ниже), полученный экспрессивным усечением основы и ее переформлированием по мягкостному варианту II склонения. Во-вторых, в отличие от *душа, жизнь* (ср. *душка, душенька, жизнёнок* ‘милый, любезный, желанный’), чтобы без труда перетечь в «интимный термин добрачного деревенского флирта, входящий в синонимический ряд *миленок, дроля*» (Орел 1997: 67) слово *пар* в значении ‘дыхание, жизненное начало’, ‘животная теплота’ (по точной квалификации В. И. Даля) слишком уж «физиологично», «телесно», ср. показательное противопоставление-констатацию едва ли не пословичного характера: *В скоте да в собаке души нет, один только пар* (Даль<sub>2</sub>, III: 20), из современных белорусско-полесских записей: «З худобы выходиць пáра, а з людыны токо душá выходиць» (Плотникова 2001: 330). А кроме того *паря*, как и базовое для него *парень*, вовсе не принадлежит к «терминам добрачного флирта» (не говоря уже о том, что вообще указанный ряд – *милёнок, дроля, зазноба, залётка* и проч. – не терминология!): *пáря* – это доброжелательное обращение в обычае к знакомому лицу мужского пола, ровеснику или младшему по возрасту, реже к пожилому человеку; неоднократно зарегистрированное севернорусское *пáря* как обращение к женщине, девушке (СРНГ, 25: 251) очевидно вторично и представляет собою следствие функционального дрейфа.

Цель настоящего очерка – обратить внимание на возможность иной этимологической интерпретации слова *парень*. Нужно отдать себе отчет в некоторых трудностях, с которыми связано это возможное новое решение. Они имеют отношение к формальной (в первую очередь морфонологической) стороне, однако кажется, что (прочитируем слова Топорова, сказанные им по поводу своей этимологии, но подходящие и к нашему случаю) «эти сложности скорее технического характера и едва ли сколько-нибудь равноценны ... семантическим и культурно-историческим аргументам» (Топоров 1972: 37).

Прежде всего должно признать правоту В. Н. Топорова, когда, подступая к выяснению происхождения слова, он обращается к его семантическому анализу и подчеркивает, что *парень* – первоначально молодой неженатый человек, а «парни» – социально-возрастная категория юношей, которым предстояло жениться (следующая после «детей»<sup>3</sup> и предшествующая «мужикам»).

---

<sup>3</sup> По В. И. Далю, период отрочества завершается около 15 лет, возраст юношества – примерно между 15 и 20 годами.

Понятие «парни» корреспондирует с понятием «девки»; первые противопоставлены вторым по полу, но объединены с ними в один класс по возрастному и социальному статусу: и те и другие совершеннолетни и стоят накануне образования собственной семьи как важнейшей биосоциальной единицы, будучи уже подготовлены к этому природой. Можно думать, что коррелируемость понятий должна быть отражена и определенным сходством в семантической мотивировке терминов, их выражающих.

Лучшее, на наш взгляд, объяснение давно выявленной формальной мотивированности праслав. \**děva* глаголом \**dojiti* (индоевроп. \**dhēi-*) – ‘молодая женщина, которая уже способна кормить (грудью)’ (Трубачев 1959: 117). Не следует ли в мотивировочном значении слова *парень* искать соприкосновения с семантическим устройством слова \**děva* (*девка*, *девушка*)? Если в наименовании *девка* констатируется достижение существом женского пола некоего природного состояния, имеющего принципиальную для социума значимость (готовность стать матерью и исполнять функции хозяйки), то и термин *парень* должен обозначать достижение существом мужского пола соответствующего биологического и вытекающего из него социального состояния, вхождение его в известный общественно значимый, рубежный возрастной стратум (ср. юрьев.-польск. владим. *выйти в парни* ‘повзрослеть (о юноше)’, СРНГ, 25: 233, ср. полесск. *ўже ўходіт ў дўжку* ‘переступает порог половой зрелости (о девочке)’, Кабакова 2001: 143).

Впрочем, довольно тонкий нюанс состоит в том, что для определения возрастного периода, обозначаемого терминами *девка* и *парень*, нижняя его граница менее существенна (она размыта, что отражается и в лексических фактах, ср. *девочка*, производное от *дев(к)а*, но в современном «делении» возрастов относящееся к предшествующему периоду), чем верхняя (она выражена четче): важен не столько момент вхождения в эту категорию, сколько момент выхода из нее – женитьба/замужество, после чего *парень* и *девка* прекращают быть таковыми и становятся *мужиком* и *бабой*. С фигурами ‘девки’ и ‘парня’ связаны, таким образом, известные достаточно напряженные социальные ожидания: в течение некоторого времени они должны преодолеть этот свой общественный статус. Неоправдание ими ожиданий социального окружения отражается в специальных терминах *старая дева/девка* (многочисленные прочие см. в: Славянские древности, 2: 37; Бернштам 1988: 39) и менее известном новг. *старый парень* ‘вечный холостяк’ (Новгородский словарь, 7: 99).

Поскольку термин для ‘совершеннолетней – девушки, девки’ отталкивается от представления о приобретенной ею, но пока еще не реализовавшейся способности (зачать, родить, кормить: \**do-jiti*), постольку и в термине для ‘совершеннолетнего – парня’ нужно искать представление о новом для молодого человека природном качестве, которое позволит ему впоследствии стать истинным мужчиной, мужем.

Этот поиск с настоятельностью подводит нас к слову *пора*, обладающему двумя семантическими узлами – ‘время, период; срок’ и ‘(физическая) сила, мочь’, ср. их совмещение во фразеологии, включающей рассматриваемую лексему: *в пору* ‘будучи сильным, здоровым, в силах’, ‘достигнув совершеннолетия’, ‘в расцвете физических сил, в самом соку’, *на пору* ‘в расцвете сил, здоровья’, *на (самой) пору* ‘в расцвете физических сил, в зрелом возрасте’, *из поры-мочи* ‘в самом соку, в расцвете физических сил’, *войти в пору* ‘достигнуть совершеннолетия’, *прийти в пору* то же, *в пору подняться* ‘достигнуть зрелости’ (СРНГ, 30: 33; Новгородский словарь, 8: 124; Иркутский словарь, 2: 169; Фразеологический словарь Сибири: 146; Лютикова: 23) и проч. (Попутно стоит вспомнить о синонимичных фразеологизмах *в годах* ‘совершеннолетний’, *в самых годах* ‘в расцвете сил, в работоспособном возрасте’, *войти в года*, *в годы идти* ‘достичь/достигать зрелого возраста’ и мн. др., а также *выйти из годов*, *выйти с год* ‘переступить возраст, когда женятся или выходят замуж’ и под., опорное слово которых, *год*, служит словообразовательной базой для выражения понятий ‘«п о д х о д я щ е с т и», соответствия требованиям, п р и г о д н о с т и», столь важных в характеристике социально-возрастных категорий ‘парень’ и ‘девка’).

В других терминах: не следует ли в слове *парень* видеть долготный вокализм корня (\**pōr-*), в противоположность краткостному вокализму (\**pōr-*), который обнаруживают *пора* (\**pōra*) и другие одногнездовые с ним лексемы? К ним относятся глаголы *порéть* ‘мужать, набираться сил, входить в силу’ (Даль иллюстрирует слово выразительной пословицей: *Старики хилеют, молодые пореют*), холмогор. арханг. ‘зреть, наливаться соками, созревать’, новг., арханг., волог. ‘полнеть, тучнеть, жиреть’ (\**porěti*), верховаж. волог. *porítъ* ‘толстеть, полнеть’ (\**poriti*), прилагательные *pórный*, *порнóй* сев.-рус. ‘возмужалый, в расцвете сил, в самой пору’, ‘сильный, крепкий, могучий’, ‘выносливый, сильный, надежный (о коне, олене)’, ‘упитанный (о домашних животных)’, тверск. ‘т р у д о с п о с о б н ы й’, екатеринб. ‘бойкий, ловкий’ и др.,

арханг. *порнящий* ‘возмужалый, в самой поре; в з р о с л ы й’, олон., арханг. ‘очень сильный, очень крепкий’, ‘о скоте: матерый; жирный’, капшин. ленингр. *порнянский* ‘очень сильный, крепкий’, ср.-урал. *порельй* ‘здоровый, в расцвете сил’, существительные псков., тверск., смолен. *порина* ‘пора, время, срок’, волог. *поренье* ‘крепкое здоровье; полнота тела’, *порность* ‘дородность, упитанность’, яросл. *порник* ‘лошадь, жеребенок в лучшую пору – по третьему-четвертому году, когда годится на всякую работу’ (СРНГ, 30: 56–63) ... Заметим, что за редкими исключениями вся эта лексика также является северновеликорусской.

Существительное *парень* может представлять собою производное с суффиксом *-нь* от глагола *пореть* (\**porēti*) ‘входить в силу, в «пору», становиться взрослым’, как *сидень* ‘домосед’ – от *сидеть*, *лежень* ‘лежебока’ – от *лежать*, \**бреж(ж)ень* (→ фамилия *Брежнев*) от диал. *брежжать/брежжать* ‘врать; брюзжать, ворчать; капризничать’, *неработень* – от *не работать* и под. (ср.: Wojtyła-Świerzowska 1974: 127–129), но с вокалическим отличием в корне, характерным для бессуффиксных отглагольных имен (см.: Варбот 1984).

Неясность случая состоит в том, как именно нужно интерпретировать «\**ō*-вокализм» в корне слова *парень* – как отражение (через деривационную ступень *пореть*) глагольной природы исходного для него *пора*, к \**perǝ*, \**prǝǝ*, \**perti*, ср. еще *парить*, \**pariti* ‘лететь’ в том же гнезде (Фасмер, III: 207, 240, 328), или же как следствие каких-то вторичных, аналогических процессов (например, под влиянием соотношений типа *гореть* : *гарь*). В Шадринском районе Курганской области зарегистрировано редкое соответствие слову *парень* с «краткостным» вокализмом – *пóрень* ‘здоровяк, крепыш’ (СРНГ, 30: 57), ‘крепкий, дюжий человек’ (Среднеуральский словарь, IV: 98). Оно может подтвердить правомерность предлагаемой этимологии, напоминая соотношения вроде *куросáдня* (смолен., брян. *крусáдня*) : смолен. *куросóдня* ‘куричий насест’ или *квашня* : псков. *квóшня*, но вряд ли проливает свет на источник долготы корня в общераспространенном варианте нашего слова. Однако нужно отметить, что «долготные» колебания в этом корне представлены не единичным рассмотренным примером. Ср. еще прилагательные, записанные в окающих говорах, – тавдин. (Урал), соликам. перм., олонец. *парнóй*, *пáрный* ‘сильный, могучий’, русск. на территории Карелии *парнístый* ‘крепкого сложения, сильный, могучий (о человеке)’ (СРНГ, 25: 232, 233), которые явно связаны с сев.-рус. *пóрный*, *порнóй* (см. выше), но нет ли в них следов



воздействия самого слова *парень*, ср. тавтологическое по форме и плеонастическое по смыслу сочетание-иллюстрацию *парнистый парень* (фольклорным плеоназмом, собственно, нужно счесть и высокоупотребительное нетавтологическое сочетание *пригожий парень*, см. выше о «пригодности»).

В качестве продолжения темы мы предлагаем подумать над тем, не прав ли все же И. Ю. Миккола, относя к этому же гнезду слово *пар* ‘перелог, залежь, поле, оставленное на одно лето незасеянным (для очищения от сорняков и удобрения почвы)’, которое обычно считается семантическим производным от *пар* ‘испарение’, к *\*pъrěti*, *\*pъrějō*. В свете сказанного о ‘парне’ (и ‘девке’) это слово может быть понимаемо как ‘земля, входящая «в пору», набирающаяся сил, готовящаяся к зачатию и плодоношению’ ... В конце концов, ‘человек’ и ‘земля’ как рож(д)ающие субстанции – в славянской картине мира категории очень близкие (см.: Журавлев 1996: 121; ср. еще, в частности: Николова 2000), ср. образ *земли-матери*, а также единство лексических обозначений рождения (*\*rod-*) и угасания жизненной силы (*\*mor-*, *\*mьr-*) у человека и земли и отличие от них лексики, обозначающей подобные же явления в животном мире.

## 2. Укр. *гарний*, белорус. *гарны*

Кроме украинского языка, где прилагательное *гáрний* ‘хороший, красивый, изящный; милый, славный’ и производное от него наречие принадлежат общеязыковому лексическому фонду, слово существует, на правах историзма и элемента диалектной лексики, в белорусском: *гарне* ‘прыгожа’ (Гістарычны слоўнік, 6: 254), *гáрний* ‘ласковый, хороший, милый’ (Носович: 110), *гáрны* ‘добры, прыемны, прыгожы’, *гáрна* ‘добра, хораша, прыгожа’ (Тураўскі слоўнік, 1: 196; 3 народнага слоўніка: 261; Народная словатворчасць: 56, 92; прочие источники см. в: ЭСБМ, 3: 64), а также в русских говорах, пограничных с украинским и белорусским – смолен., брянск., орл., курск. *гáрний* ‘хороший, красивый’, ‘имеющий привлекательные черты лица’, ‘приятный на вкус’, брянск., калуж. *гáрно* ‘хорошо’ (СРНГ, 6: 146; Добровольский: 123; Брянский словарь, 4: 8). Далее на восток, в пензенские, саратовские, самарские, казанские, пермские русские говоры, это слово проникло с переселенцами. По всей видимости, олонец. *гáрний* ‘жаркий’ (Словарь русских говоров Карелии, 1: *гарно солнышко*), новг. *гáрний* ‘горелый’ (Новгородский словарь 2: 8) и, может быть, яросл. *гáрний* ‘очень бойкий, задорный’ (Мельниченко: 50; Ярославский словарь,

[3]: 70), отношения сюда не имеют, если, конечно, в иллюстрации к карельской фиксации не заподозрить аналог выражению *красно(е) солнышко*.

Кажется, первое этимологическое толкование украинскому слову дал А. А. Потебня. Говоря в своей магистерской диссертации «О некоторых символах в славянской народной поэзии» (1858 г., опубликована в 1860 г.) о связях в языке и фольклоре представлений света и огня с «красотой, любовью, весельем» (и иллюстрируя эти связи не всегда удачно), укр. *гáрний* ‘хороший, красивый’ («*гáрний як искра*») он выводит из понятий ‘греть’ – ‘гореть’ (Потебня 2000: 25), то есть считает производным от *\*gorěti* (впрочем, мнение это высказано не очень внятно, что потом дало автору возможность отказаться от него). В качестве семантико-типологического обоснования такой версии ср. этимологическую сопряженность слов *\*krasa/\*krasivŭjъ – \*krasŭnŭjъ – \*kresati (\*ognь)*. Мнение молодого Потебни было популяризовано А. Н. Афанасьевым: «Малорос. гарный – славный, хороший родственно с словами греть = гореть ...» (Афанасьев 1865–1869, I: 98).

Позже Потебня дезавуировал эту интерпретацию в пользу признания укр. *гáрний* заимствованием из греческого языка (Потебня 1881: 14). По фонетическим причинам (наличие *g* [h]) выведение укр. *гáрний*, также южнорусск. *гáрний* ‘хороший, красивый’, белорус. *гáрны* ‘приветливый’, в конечном счете из греч. *χάρις* ‘красота, прелесть’, откуда болг. *хáрен* ‘красивый’ (ср.: Фасмер, I: 394; ЭССЯ, 6: 103), серб.-хорв. *хáран, haren* ‘благодарный, признательный, gratus’ (ср.: Skok, I: 655), неудовлетворительно: гипотетическое озвончение *x* → *h* объяснения не получило.

Ввиду значения (2) ‘имеющий отношение к свадебному пиршеству’ у поволжского *гáрний* (*гáрний стол, гáрные гости, гáрные сватья*) слово у Даля и в «Словаре русских народных говоров» (СРНГ, 6: 147) сравнивается с *горный* (*горний*) и *гордый*, употребляющимися в тех же ближайших контекстах (ср. *гóрные гости, горно́й стол, гордые гости, гордо́й стол* ... – СРНГ, 7: 29, 49–50), ср. еще *горний* ‘вышний, высший, верхний, возвышенный (в прямом и переносном значении)’ (Даль<sub>2</sub>, I: 376). Если признавать укр. *гáрний* исконным, к чему, кажется, склонялись Потебня в своей первой версии и ее пересказыватели, то такое сравнение нельзя считать надежным. Смысл прилагательных *гáрний/гáрно́й, гóрний/горно́й,*

*гóрдый/гордóй* как компонентов составных брачно-ритуальных терминов пока остается непрозрачным, в связи с чем их этимологизация может быть только гадательной (к *\*gora?*, *\*gorěti?*, *\*gord(ьn)ъ(jь)?*).

А. С. Мельничук этимологизирует укр. *гарний* ‘красивый и проч.’ как производное от «южнодревнерусского» *\*garъ* (или *\*гарь*) ‘дань князю’, заимствованного из древнеисл. (варяжского) *harr* (*haerr*, *harrī*) ‘князь’ (буквально ‘седой’ → ‘старый’, ср. родственное русск. *серый*), при этом предполагается развитие значений ‘княжеский’ → ‘пригодный в дань князю’ → ‘хороший, добротный’ (Мельничук 1969: 29–36; ЕСУМ, 1: 476). Не исключено, что на идею увидеть в *гарний* какую-то связь с ‘князем’ Мельничука подтолкнул лексический материал, затронутый в предыдущем абзаце. Дело в том, что в русских диалектах ‘праздничный обед на второй день свадьбы в доме родителей жениха’, кроме названия *гарний стол* и под., носит синонимичные наименования *князев*, *княжеский*, *княжой*, *княжной*, *княжев(ый, -ой) стол*, *княж-обед* и под. (СРНГ, 13: 347–351) – от *князь* ‘жених’ (там же: 353), ср. еще соединение корней *горд-* и *княж-* в шенкурском архангельском ритуальном обращении к сватье *гордокняжся* (СРНГ, 7: 29; 1900 г.).

Этимология Мельничука, между тем, выглядит чрезвычайно натянутой и скорее всего несостоятельна. Во-первых, «южнодревнерусское» *\*garъ* ‘дань князю’ не свидетельствуется, и уже этого было бы достаточно, чтобы ее отклонить. Но даже допуская ее, следовало, во-вторых, показать, что относительные прилагательные на *-ьn-* (как и на *-ьsk-*) могут приобретать семантику ‘предназначенный для владения лицом, достойный лица (которое названо мотивирующим существительным)’. Похоже, что это не так. В-третьих, выражения вроде *царский* (*королевский*) *подарок* (со словообразовательной семантикой атрибутива, зеркальной по отношению к усмотренной Мельничуком у *гарний* – «от кого», а не «кому», – но принципиально близкой) не привели к выработке у этих прилагательных языковых значений ‘хороший, красивый, превосходный по качеству’, что сказывалось бы в их свободной сочетаемости. Хотя, будь смысловая «модель», о которой говорит Мельничук, действительной, мы вправе были бы ожидать от них подобных семантических эволюций: в области оценочных прилагательных семантическая зараза носит едва ли не эпидемический характер.

Таким образом, нельзя сказать, что в сложных «варяжских» конструкциях Мельничука присутствует серьезная положительная идея, с помощью которой опровергаются прежние этимологические версии (впрочем, действительно необедительные).

Решение, однако, может оказаться весьма простым: украинское прилагательное (как и белорусское, вопреки ЭСРЯ, 4: 33, в котором оно сочтено украинизмом), вероятно, нужно рассматривать как заимствование из польского языка, где диал. *garńny* 'привередливый', 'гордый' (Warszawski słownik, I: 807) – из праслав. \**gъrdь-nъ(jь)*, суффиксального производного от \**gъrdъ* 'гордый'.

Связь далеких на первый взгляд значений 'хороший' и 'привередливый' не должна смущать. Привлечение родственных слов вполне убеждает в ее позволительности: польск. диал. *hardy*, ст.-польск. (до XVI века) *gardy* 'привередливый, переборчивый (в еде, обычно о скотине)', чешск. *hrdý* 'высокомерный, гордый', 'величественный', диал. 'великолепный, прекрасный, хороший', нижнелуж. *gjarady* 'гордый', 'роскошный', 'благородный', русск. диал. *горднѳй*, *гѳрднѳй* 'гордый, вспыльчивый' и др., белорус. диал. *гѳрнѳ* 'заносчивый, хвастливый', 'хорошенький, красивый' и т. д. (свод межславянских корреспонденций см. в: ЭССЯ, 7: 206–207 – \**gъrdъ-jъ*, 208 – \**gъrdь-nъ(jь)*).

Наряду с *гарний*, из польского заимствовано и укр. диал. *гардѳий* 'хороший', 'красивый' (с переакцентовкой), *гардѳі*, *гардо* 'красиво, хорошо' (Дзензелѳвський 1969: 36).

## ЛИТЕРАТУРА

- Абаев ИЭСОЯ В. И. Абаев: *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. I–IV. Л. (т. I – М.; Л.), 1958–1989.
- Аникин 1993 А. Е. Аникин: *Парень // Из истории слов*. М., 1993.
- Афанасьев 1865–1869 А. Н. Афанасьев: *Поэтические воззрения славян на природу*. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. Т. I–III. М., 1865–1869. [Репринт: М., 1994].
- Бернштам 1988 Т. А. Бернштам: *Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.* Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988.

- Бернштейн 1974 С. Б. Бернштейн: *Очерк сравнительной грамматики славянских языков*. Чередования. Именные основы. М., 1974.
- Брянский словарь *Словарь брянских говоров*. Вып. 1–. Ленинград, 1976–.
- Варбот 1984 Ж. Ж. Варбот: *Праславянская морфонология, словообразование и этимология*. М., 1984.
- Гістарычны слоўнік *Гістарычны слоўнік беларускай мовы*. Вып. 1–. Мінск, 1982–.
- Даль<sub>2</sub> В. И. Даль: *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. I–IV. М., 1955 (перепечатка 2-го изд. СПб.; М., 1880–1882).
- Дзендзелівський 1969 Й. О. Дзендзелівський: *Українсько-західнослов'янські лексичні паралелі*. Київ, 1969.
- Добровольский В. Н. Добровольский: *Смоленский областной словарь*. Смоленск, 1914.
- ЕСУМ *Етимологічний словник української мови*. Т. 1–. Київ, 1982–.
- Журавлев 1996 А. Ф. Журавлев: *Материальная культура древних славян по данным праславянской лексики // Очерки истории культуры славян*. М., 1996.
- З народнага слоўніка *З народнага слоўніка*. Мінск, 1975.
- Иркутский словарь *Иркутский областной словарь*. Вып. 1–. Иркутск, 1973–.
- Кабакова 2001 Г. И. Кабакова: *Антропология женского тела в славянской традиции*. М., 2001.
- Лютикова В. Д. Лютикова: *Словарь диалектной личности*. Тюмень, 2000.
- Мельниченко Г. Г. Мельниченко: *Краткий ярославский областной словарь, объединяющий материалы ранее составленных словарей (1820–1956 гг.)*. Т. I. Ярославль, 1961.
- Мельничук 1969 А. С. Мельничук: *Звідки походить слово гарний? // Мовознавство, 1969, № 1*.
- Микуцкий 1852 *Библиографические записки*. VII. Словарь литовского языка г. Нессельмана. 2. Записка С. П. Микуцкого // *Известия Имп. Академии наук по отделению русского языка и словесности*. Т. I. Спб., 1852.
- Народная словатворчасць *Народная словатворчасць*. Мінск, 1979.
- Николова 2000 В. Николова: *Земљораднички код у свадби као мит (по грађи традиционалне бугарске свадбе) // Кодови словенских култура*. Бр. 5. Земљорадња. Београд, 2000.

- Новгородский словарь *Новгородский областной словарь*. Вып. 1–13. Новгород, 1992–2000.
- Носович И. И. Носович: *Словарь белорусского наречия*. СПб., 1870.
- Орел 1997 В. Э. Орел: *Праславянские и восточнославянские этимологии* // *Этимология* 1994–1996. М., 1997.
- Плотникова 2001 А. А. Плотникова: *Похороны* / Материалы к словарю полесской этнокультурной лексики (Опыт компьютерной обработки восточнославянской диалектной лексики) // *Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы*. М., 2001.
- Потебня 1881 А. А. Потебня: *К истории звуков русского языка*. III. Этимологические и другие заметки. Варшава, 1881.
- Потебня 2000 А. А. Потебня: *О некоторых символах в славянской народной поэзии* // А. А. Потебня: *Символ и миф в народной культуре*. М., 2000.
- Преображенский А. <Г.> Преображенский: *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1–2. М., 1910–1914. Вып. последний // *Труды Института русского языка*, т. I. М.; Л., 1949.
- Славянские древности *Славянские древности*. Этнолингвистический словарь. Т. 1–. М., 1999–.
- Словарь русских говоров Карелии *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*. Вып. 1–. СПб, 1994–.
- Словарь языка Пушкина *Словарь языка Пушкина*. Тт. I–IV. М., 1956–1961.
- СлРЯ XI–XVII вв. *Словарь русского языка XI–XVII вв*. Вып. 1–. М., 1975–.
- Соболевский 1911 А. <Н.> Соболевский *Из области словообразования* // *Русский филологический вестник*. Т. LXVI, № 3–4. Варшава, 1911.
- Среднеуральский словарь *Словарь русских говоров Среднего Урала*. Т. I–VII. Свердловск, 1964–1988.
- СРНГ *Словарь русских народных говоров*. Вып. 1, 2. М.; Л., 1965–1966; вып. 3–. Л. (СПб.), 1968–.
- Топоров 1972 В. Н. Топоров: *О происхождении нескольких русских слов (К связям с индо-иранскими источниками)* // *Этимология* 1970. М., 1972.
- Тревер 1947 К. В. Тревер: *Древнеиранский термин «рагна» (К вопросу о социально-возрастных группах)* // *Известия АН. Серия истории и философии*, 1947, № 1.

- Трубачев 1959 О. Н. Трубачев: *История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя*. М., 1959.
- Тураўскі слоўнік *Тураўскі слоўнік*. Т. 1–5. Мінск, 1982–1987.
- Унбегаун 1995 Б. О. Унбегаун: *Русские фамилии*. М., 1995.
- Фасмер М. Фасмер: *Этимологический словарь русского языка*. Т. I–IV. М., 1964–1973.
- Фразеологический словарь Сибири *Фразеологический словарь русских говоров Сибири*. Новосибирск, 1983.
- Частотный словарь 1977 *Частотный словарь русского языка*. М., 1977.
- Черных П. Я. Черных: *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. Т. I, II. М., 1993.
- Штейнфельдт 1963 Э. А. Штейнфельдт: *Частотный словарь современного русского литературного языка*. Таллин, 1963.
- ЭСБМ *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*. Т. 1–. Мінск, 1978–.
- ЭСРЯ *Этимологический словарь русского языка*. Вып. 1–. Изд-во Московского университета, 1963–.
- ЭССЯ *Этимологический словарь славянских языков*. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–. М., 1974–.
- Ярославский словарь *Ярославский областной словарь*. Вып. 1–. Ярославль, 1981–.
- Miklosich EW F. Miklosich: *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*. Wien, 1886.
- Pohl 1975 H.-D. Pohl: *Слова иранского происхождения в русском языке* // Russian Linguistics. Vol. 2. Nos. 1/2. March/June 1975.
- Skok P. Skok: *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Knj. I–III. Zagreb, 1971–1973.
- Terras 1962 V. Terras // ZfSlPh, XXX, 1962.
- Warszawski słownik J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiecki: *Słownik języka polskiego*. Т. I–VIII. Warszawa, 1952.
- Wojtyła-Świerzowska 1974 M. Wojtyła-Świerzowska: *Prastowiańskie nomen agentis*. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk, 1974.





# Ze skarbcza leksyki gwarowej

## O pochodzeniu i semantyce dwu osobliwych wyrazów

*Bogumił Ostrowski*

W zasobie leksykalnym każdej chyba gwary istnieje pewna ilość osobliwych wyrazów, nie notowanych w innych narzeczach, bądź też charakteryzujących się różnym w stosunku do tych ostatnich zakresem semantycznym. Sytuacja ta dotyczy niechybnie białoruskich gwar grodzieńskich, które ostatnio są przedmiotem moich badań. W wydanych dotąd ośmiu tomach<sup>1</sup> Etymologicznego słownika języka białoruskiego<sup>2</sup> pewna część grodzieńskiej leksyki została pominięta, albo też potraktowana marginalnie, nazbyt ogólnikowo. Warto przypomnieć, iż poszczególne jednostki hasłowe w danym słowniku często egzemplifikowane są faktami gwarowymi, nierzadko też analizie, czy komentarzowi etymologicznemu poddawane są wyrazy ograniczone zasięgiem użycia wyłącznie do jednej gwary, bądź dialektu.

W niniejszym referacie chciałbym zaprezentować własne przemyślenia dotyczące pochodzenia i semantyki dwu osobliwych „grodzienizmów“ *алўха* i *кадóхас*, związanych z polem semantycznym ‘śmierć’ : ‘umieranie’. Gwarom grodzieńskim znane są liczne leksemy tego kręgu tematycznego, zarówno przejrzyste etymologicznie (por. np.: *безгалóўе* ‘пагібель, няшчасце, бяда’ – Cych<sup>3</sup> 19, *зглібель* : *згінота* ‘пагібель, смерць’ - Cych 59), jak i wyrazy o niejasnym pochodzeniu, takie jak *крэнк*, *алўха* i *кадóхас*<sup>4</sup>. Kontekst użycia tych ostatnich ukazuje ‘śmierć, zgon’ w szerszym - można by rzec – apokaliptycznym wymiarze. W przedstawionych poniżej wypowiedziach informatorów: „Каб ні асвабадзілі нашы, та ўсім тут алўха была“ (Cych 12: s.v. *алўха* ‘канец, пагібель’), „Кадóхас, мусі, пачулі панэ,

<sup>1</sup> Taką liczbą tomów dysponuje w chwili obecnej piszący te słowa (materiał leksykalny zawierający hasła od litery *A* do *П*). Najprawdopodobniej do rąk czytelników mógł trafić kolejny tom (może nawet kolejne tomy), z którym – jak dotąd – autorowi nie dane było się zapoznać.

<sup>2</sup> *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*, Рэдактар: В. У. Мартынаў, Мінск 1978- (dalej: ESBM).

<sup>3</sup> А. П. Пыхун, *Скарбы народнай мовы*, Гродна 1993 (dalej: Cych).

<sup>4</sup> Tematycznie z tą grupą wyrazów związane są czasowniki oznaczające z jednej strony ‘umieranie’, np.: *спрындзіцца* grubiańskie ‘памерці, акалець’ (Cych 135), *згэйліцца* ekspresywne ‘здохнуць, акалець’ (ib. 59), *кэпнуць* ekspresywne ‘памерці’ (ib. 69), z drugiej ‘zabijanie, zadawanie śmiertelnego ciosu’: *уканталéжыць* żartobliwe ‘забіць, умярціць’ (ib., 149), *заканталéжыць* dok., ekspr. ‘забіць, зарэзаць’ (ib., 54), *ухайдóкаваць* ‘забіць напавал, зарэзаць’ (ib., 152), *ухóдаваць* ‘ts.’ (ib., 152). Wymagają one jednak osobnej analizy.

калі пачалі ўцякаць“ (Суч 64: s.v. *кадóхас* ‘смерць, пагібель’), „*Крэнк* на іх прышоў, адгулялі панэ свае“ (Суч 74: s.v. *крэнк* ‘канец, смерць’) ów ко́нцовы момент жы́ця jawi сiя́ bowiem jako ‘(zbiorowa) zagłada (людzkości), zguba, nieszczęśliwy koniec istnienia’.

Przejdźmy teraz do analizy szczegółowej dwu zaанonsowanych we wstępie wyrazów.

### 1. алу́ха

Ów, wyjątkowo poświęcony w gwarach grodzieńskich leksem nie tylko pod względem semantycznym, ale także formalnym (co spróbuję wykazać poniżej) daje się zestawić z pie. pierwiastkiem *\*uel-/uol-* odnoszącym się pod względem semantycznym do śmierci, zabijania (walki przynoszącej śmierć), mocy nieczystych, zarazy<sup>5</sup>. Nie poświęcona na danym obszarze językowym, ani też na terenie bezpośrednio z nim graniczącym, wcześniejsza etymologicznie postać wyrazu *\*\*вол-уха* (z sufiksem *-ucha*, niezwykle produktywnym w całej wschodniej Słowiańszczyźnie, także w gwarach grodzieńskich) posiada swe odpowiedniki wschodniosłowiańskie. Do pie. pierwiastka *\*uel-/uol-* ‘śmierć’ : ‘umierać’ (rozszerzonego o *-s-*) nawiązują nazwy jednego ze pogańskich bóstw, czczonego w szczególny sposób na terenie dawnej Rusi, *Волос* : *Велес* (< *\*vol-s-* : *\*vel-s-*)<sup>6</sup>. Dla naszych rozważań znamienny jest fakt istnienia żeńskich odpowiedników powyższych wyrazów, takich chociażby jak, *Волосыни*, ... , *Вела*, *Ёлѣсиха* – при *Ёлс*<sup>7</sup>. Moim zdaniem, do tejeż właśnie grupy zaliczyć trzeba również i grodz. *алу́ха*.

Spośród przedstawionych tu żeńskich nazw najstarszą (bezsufiksálną, nawiązującą bezpośrednio do pierwiastka) jest *Вела*, pozostałe utworzone są za pomocą produktywnych sufiksów *-yni*, *-icha* oraz *-ucha*. Zanik nagłosowego [ø] w formach *Ёлѣсиха* : *Ёлс* N.V. Toporov uzasadnia wpływem tabu („табуированное обозначение Велеса“)<sup>8</sup>. Owo pozajęzykowe kryterium można by odnieść i do grodz. *алу́ха*, jednakże taka ostateczna forma wyrazu znajduje swoją argumentację również na płaszczyźnie językowej, a mówiąc ściślej fonetycznej, gdyż „( ... ) у гаворках заходняй часткі Гродзенскай, ушодняй часткі Брэсцкай ( ... ) і паўднёва-заходняй

<sup>5</sup> Por.: J. Pokorny, *Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch*, Bern 1949, T. I, s. 1144 (s.v. 8 *\*uel-*).

<sup>6</sup> М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева, Москва 1964, Т. I, s. 343 (s.v. Волос).

<sup>7</sup> *Очерки истории культуры славян*, Москва 1966, редакционная коллегия: Б. К. Волков, В. Я. Петрухин, А. И. Рогов, С. М. Толстая, Б. Н. Флоря, I/3: Религиозные верования древних славян, (s. 145-195); szczególnie podrozdział: Боги древних славян – В. Н. Топоров, ss. 168-9 oraz 173-4.

<sup>8</sup> Loc. cit.

часткі Гомельскай абласцей прыстаўны [в] перад [о], [у] звычайна адсутнічае або ўжываецца толькі спарадычна. Напрыклад, у гаворках Гродзенскай вобласці: *ós'en'*, *óz'era* (...), *ós'an'*, *óz'aro*, *óstry* (...)<sup>9</sup>. Та tendencja do unikania protetycznego 'в' і 'γ' w nagłosie wyrazów stała się zapewne podstawą zaniku owych spółgłosek w niektórych wyrazach z etymologicznym [в]: „У некоторых гаворках у паасобных словах назіраецца адпадзенне пачатковага [в]: *азмў*, *арабей*, *аршайўка* (гатунак бульбы ў розных гаворках)<sup>10</sup> zamiast (tak jak w języku literackim) *вазмў*, *варабей*, *варшайўка*.

Przedstawione właśnie argumenty, zwłaszcza te lingwistyczne, pozwalają w brus. gwarowym *алуха* dopatrzeć się archaizmu leksykalnego, nawiązującego do pie. pierwiastka *\*uol-* 'śmierć, umieranie'. Po dołączeniu doń produktywnego morfemu sufiksalnego *-ucha*<sup>11</sup> powstała nie poświadczona forma *\*\*вол-ўха*, by w trakcie kolejnych, właściwych gwarom grodzieńskim ewolucji fonetycznych przekształcić się w *\*валўха* (w rezultacie akania), a następnie – po zaniku nagłosowego [в] – dać ostatecznie notowaną w okolicach Grodna postać *алўха*.

## 2. кадо́хас

Na podstawie ekscerpcji licznych białoruskich słowników gwarowych i dialektalnych udało mi się ustalić, że również ten wyraz zasięgiem użycia

<sup>9</sup> *Нарысы па беларускай дыялекталогіі*. Пад рэдакцыяй Р. І. Аванесавы, Мінск 1964, s. 139.

<sup>10</sup> Op. cit., s. 142. Por. także gwarowy (z okolic Nowogródka) wyraz *ашчына* 'woskowina': На тых рамках, дзе *ашчына* пачарнела, трэба замяніць новаю, пчолы ахватней тагды робяць (І. І. Крамко, *Мясцовыя словы адной прынёманскай гаворкі* (*Структурныя рэгіяналізмы*) [w:] „Народная лексіка“ Мінск 1977, s. 157) wobec formy literackiej (bez uproszczenia w nagłosie) *вашчына*.

<sup>11</sup> Na myśl przychodzi paralela strukturalno- sematyczna śmierci: *алуха* na wzór rzeczownika *кастуха* (pol. *kostucha*). O funkcjach suf. *-уха* w białoruskim języku literackim zob.: *Граматыка беларускай мовы, Т. I: Марфалогія*. Рэдактары: К. К. Атраховіч (Крапіва), М. Г. Булахаў, Мінск 1962, ss. 124, У. Ц. Пісцун, *Пра словаўтваральны тып і словаўтваральную мадэль* [w:] „Беларуская мова і мавазнаўства“ III: 118–120, Мінск 1975, С. Шадыка (Варшава), *Прадуктыўныя і непрадуктыўныя тыпы складаных назоўнікаў сучаснай беларускай мовы* [w:] „Беларуская мова“ VI: 84–95, Мінск 1978. Szczególnie wart polecenia jest artykuł Ściacki (П. У. Спяцко, *Утварэнне назоўнікаў пры дапамозе суфіксаў з элементам -х- у беларускай народнай мове* [w:] „Беларуская лінгвістыка“ VIII: 23–30. Мінск 1975), w którym dokonano klasyfikacji występujących w języku ludu białoruskiego rzeczowników z elementem *-ch-*: 1. nomen agentis (motywowane czasownikiem): *ткаха*, *цяртуха*, *скакуха*. 2. nomen attributivum: a) motywowane czasownikiem: *заліваха*, *растацьха*, *льсцёха*, *гаваруха*, b) motywowane przymiotnikiem jakościowym: ба) wskazującym na charakterystyczną cechę wewnętrzną (intelekt): *хітруха*, *дрэннуха*, *разведзёха*, *лянёха*; 3. nomen proprium: *Малаха*, *Яроха*, *Кіруха*.

ograniczony jest wyłącznie do gwar grodzieńskich. Nie poświęca mu osobnej uwagi wspomniany białoruski słownik etymologiczny. Jego istnienia (bądź też wyrazów mogących wskazywać na etymologiczny związek z nim) nie potwierdzają także dostępne mi źródła historyczne<sup>12</sup>. W materiale językowym sąsiadujących z Grodzieńszczyzną terenów polskich i litewskich (a także w słownikach gwar rosyjskich i ukraińskich) również nie znalazłem bodaj najdrobniejszych śladów, mogących chociażby pośrednio świadczyć o wpływie konkretnej formacji na grodz. *кадохас*. W tej sytuacji uznałem za stosowne podjąć próbę objaśnienia wyrazu na rodzimym białoruskim (albo precyzyjniej: grodzieńskim) gruncie.

W każdym języku (a szczególnie w dialektach i gwarach) znaleźć można przykłady zarówno regularnego, jak i wychodzącego poza oczekiwane normy rozwoju pewnych wyrazów lub ich form. Ostateczna postać leksemu warunkowana jest (lub była) zaistniałymi i obowiązującymi w danym momencie historycznym i na konkretnym obszarze językowym prawami głosowymi (uproszczenie grup spółgłoskowych, różnego rodzaju zabiegi asymilacyjne, bądź też dysymilacyjne), por. pol. *ojciec* (wobec stpol. *ocięc* < psł. *\*otьcь*), *winowajca* (< *\*wino-wadz-ca*<sup>13</sup>). Nierzadko też – jak pokazują źródła – owa ostateczna postać to wynik tzw. wyrównania analogicznego. W slawistyce klasycznym przykładem tego zjawiska są ostatecznie utrwalone formy podstawowe kontynuantów psł. nomen agentis *\*šьvьcь*. We współczesnej polszczyźnie forma podstawowa *szewc* (por. regularną postać staropolską *szwiec*) jest wtórna (rezultat wyrównania analogicznego do regularnych form przypadków zależnych, por. *szewca*, *szewcem* itd.). Odwrotną sytuację obserwujemy w rosyjskim, gdzie regularny temat N.sg. *швец* stał się obligatoryjny także w przypadkach zależnych. Normatywne dziś formy *швеца*, *швецом* zastąpiły wcześniejsze, powstałe w wyniku naturalnego rozwoju *шевца*, *шевром*.

Znane są również przykłady wyrazów, których ostateczna postać nie daje się tłumaczyć żadnymi logicznymi (z punktu widzenia lingwistyki) prawami głosowymi. Pojawienie się owych „skażonych“, czy „wynaturzonych“ form może mieć różne podłoże. W językoznawstwie najczęściej mówi się tutaj o wpływie tzw. tabu, czyli nie wymawianiu poprawnej postaci jakiegoś wyrazu w obawie przed ściągnięciem na siebie złych mocy, demonów, czy też chorób. Wpływem tabu tłumaczy się pojawienie na gruncie słowiańskim

---

<sup>12</sup> Mam tu na myśli: *Гістарычны слоўнік беларускай мовы*, гл. рэд. А. І. Жураўскі, Мінск 1982- oraz *Слоўнік мовы Скарыны*, У. В. Анічэнка, Мінск 1977.

<sup>13</sup> Podobny przykład dysymilacji nieobcy jest opisywanym gwarom grodzieńskim, jednakże tylko w formach zależnych, np. Instr.sg. *малайцом* (< *маладз'цом*) wobec podstawowego rzeczownika *маладзец*.

niektórych innowacji w dziedzinie terminologii zoonimicznej, takich chociażby, jak psł. \**medvěďь*, czy \**rysь*<sup>14</sup>.

Pewnym osiągnięciem ewolucji myślenia jest zdolność człowieka (często nieświadoma) do czynienia pewnych porównań, odniesień do istniejących już w jego realnym świecie rzeczy, zjawisk, czy faktów. Owe skojarzenia (najczęściej sensoryczne, słuchowe bądź wzrokowe), pozostające niejednokrotnie w opozycji do przyswajanej formy lub treści stały się podstawą różnego rodzaju zniekształceń, bądź przeobrażeń pierwotnych form leksykalnych. Tutaj pole do popisu stwarzają przykłady tzw. etymologii ludowej.

Na sporą ilość tego typu przykładów natrafić można, wertując kartki słowników białoruskich. Słowa takie znane są językowi literackiemu, na ich istnienie wskazują też źródła historyczne, ale szczególną ich obfitością poszczycić się mogą gwary. Istotnym dla naszych rozważań momentem winno być uświadomienie sobie ilości takich właśnie „zniekształconych“ form z Grodzieńszczyzny. W części pochodzących z tego obszaru językowego przykładów przestawieniu uległy całe sylaby (lub zlepki dźwięków): grodz. *ак/ом/ан* (Cych 12) wobec liter. *ак/ан/ом* (zamiana miejscami 2. i 3. elementu wyrazu), *га/на/віцы* (czasem też *анавіцы*) : *на/га/віцы* < pol. *podawice* (Mat<sup>15</sup> 399, s.v.: *прыранак*), *з/р/аф/іроўка* : liter. *з/аф/р/ываваная* (спадніца) (zamiana elementu 2. z 3.), *ка/лў/на/шак* (Cych 65) : liter. *па/лу/ка/шак* (zamiana sylaby 1. na 3., sylaba 2. pozostaje na swoim miejscu), w innych zamienione zostały tylko poszczególne dźwięki: *грамзольцы* : pol. *gryzmolić* (Cych 41; zamiana dźwięków *-мз-* w wyrazie grodz. wobec *-zm-* w polskim), wołkowyskie *кана/н/о/ў/цы* ‘слабы’ (SIHr<sup>16</sup>) : pol. *kopajęcy*<sup>17</sup>, *кантэ/т/н/ы* : pol. *konte/n/t/(y)* < franc. *content(e)* itp. Szczególnym przypadkiem opisywanego zjawiska jest tzw. rotacyzm, czyli zamiana miejscami spółgłosek płynnych ‘r’ i ‘l’. Przykładami tego zjawiska w gwarach grodzieńskich<sup>18</sup> są następujące wyrazy: *пу~~л~~вz|а* ‘zawierucha, zamieć’ (SIHr 389) : *пу~~р~~вz|а* : *фурз|а* (LABNH2<sup>19</sup>: мапа 46.: *мяцеліца*),

<sup>14</sup> Por. B. Ostrowski, *Prasłowiańska deklinacja -\*ŷ-tematowa w świetle danych innych języków indoeuropejskich*, *Studia etymologica Brunensia* 1, Brno 2000, s. 100.

<sup>15</sup> Т. Ф. Сцяшквіч, *Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці*, Мінск 1972 (dalej: Mat).

<sup>16</sup> Т. Ф. Сцяшквіч, *Слоўнік Гродзенскай вобласці*, Мінск 1983 (dalej: SIHr).

<sup>17</sup> Tego samego zdania jest ESBM IV 233, por. cytat: „сапсаванне у выніку перастапоўкі н ↔ й з канаёнцы < пол. *kopajęcy*“. Warto dodać, że brus. zapis odzwierciedla asynchroniczną wymowę polskiej nosówki ‘q’ („*kopajęcy*“).

<sup>18</sup> Należy zaznaczyć, że niektóre z nich mają szerszy zakres występowania.

<sup>19</sup> *Лексічны атлас беларускіх народных гаворак у пяці тамах*, том 2.: *Сельская гаспадарка*, Мінск 1994 (dalej: LABNH2).

выкаркулёваць ‘разлічваць, размяркоўваць’ : pol. *wy-kalkulować*, *лян-дэрак*<sup>20</sup> ‘rondel, garnek’ (Cych 83, Mat 273) : pol. *rondel(-ek)*, *кράмля* ‘спражка’ (SiHr 216) : *кля́мра* < pol. *klamra* < niem. *Klammer* f., *забры́таны, забры́таць* (Cych 51) : liter. *заблытаны, заблытаць, кольба* ‘ручка ў студні, корба’ (Cych 72) : liter. *корба* (72), *наляруш*<sup>21</sup> (Mat 345) : liter. *паралюш, тарэл-ка*<sup>22</sup> ‘ts.’ (Mat 495) : *талер-ка* ‘talerz’ (Mat 494) < pol. *talerz* < niem. *Taller* i inne.

Dobrym słowiańskim przykładem zniekształcenia formy pierwotnej wyrazu są niektóre kontynuanty psł. leksemu *\*kopriva*. W większości języków słowiańskich zachowały się postaci regularne (por. czes. *korřiva*, głuź. *korřiva*, dłuż. *kopsíva*, s.-ch. *kòpriva*, śle. *kopríva*, bułg. *копрува*). W języku polskim (liter.) utrwaliła się postać nieregularna, „wynaturzona“ *pokrzywa* (wobec gwarowego *koprzywa*), podobnie zresztą jak w ruskiej grupie językowej, gdzie funkcjonują: ros. *крупіва*, ukr. *крупіва*, brus. *краніва*. Takim „zniekształconym“ wyrazem jest kaszubski przymiotnik *mězni* w znaczeniu ‘zimny, chłodny’, „powstały zapewne w rezultacie przestawki z *zěmni* ‘ts.’“ (SEK<sup>23</sup> III 248).

Nie bez kozery przytoczone zostały tak liczne przykłady. Miały one na celu uzmysłowić rangę i skalę opisywanego zjawiska w gwarach grodzieńskich i wskazać na inne tego typu słowiańskie paralele leksykalno-słotwórcze.

Dopiero w oparciu o te przykłady możliwe i dopuszczalne staje się wysunięcie pewnej hipotezy, która dotyczy etymologii zapowiedzianego we wstępie do niniejszego podrozdziału wyrazu *кадóхас*. Moim zdaniem, niniejsza jego postać – podobnie jak przytoczone powyżej wyrazy – jest również swego rodzaju zniekształceniem wcześniejszej formy, w której dają się wydzielić dwa regularne białoruskie tematy *\*кас* oraz *\*хад*<sup>24</sup>, nawiązujące z jednej strony do psł. nomen instrumenti *\*kosa* oraz verbum *\*kositi*, z drugiej do psł. *\*chod-iti*. W obu tych tematach nastąpiła zamiana

<sup>20</sup> Wcześniejsze *pa/ндэ/ля/к* po zamianie sylaby 3. z 1 dało ostatecznie *ля-ндэ-ра-к*.

<sup>21</sup> Por. komentarz ESBM VIII 139 „З *паралюш*, у выніку перастапоўкі зычных -р- і -л-“. Tutaj też zwraca się uwagę na możliwość bezpośredniej pożyczki z polszczyzny ludowej *paralusz*.

<sup>22</sup> Por. też ros. *тарелка*. Uwagę zwraca także stbrus. ТАРЕЛЪ: ТРИ ТАРЕЛИ СЕРЕБРЕННЫХЪ (1506 r.) oraz ТАЛЕРЪ: ... МИСЪ, ТАЛЕРЕЙ, ЛИХТАРОВЪ (1516 r.) – А.М. Булыка, *Даўнія запазычанні беларускай мовы*, Мінск 1972, s. 316. Inne przykłady tego zjawiska w zabytkach XVI-wiecznego piśmiennictwa starobiałoruskiego to: МУРАЛЪ (МУРАЛЬСКИЙ, МУРАЛЬСТВО) : МУРАРЪ : МУЛЯРЪ ‘murarz’ (op. cit., s. 209).

<sup>23</sup> W. Boryś, H. Popowska-Taborska, *Słownik etymologiczny kaszubszczyzny*, Warszawa 1999, T. III, s. 248 (dalej: SEK).

<sup>24</sup> Oba te tematy zawierają samogłoskę ‘a’ (rezultat akania), gdyż akcent pada na morfem łączący (zwany też łącznikowym lub spójką) -ó-.

miejscami spółgłosek wygłosowych, w związku z powyższym wcześniejsza postać wyrazu \**касoхад* dała poświadczoną współcześnie *кадохаc*. Teoretycznie możliwe byłoby także inne compositum \**хад-о-кас* (odzwierciedlające zamianę miejscami inicjalnych spółgłosek obu tematów). Jednakże przeciwko tej hipotezie przemawiają ogólne zasady tworzenia wyrazów złożonych w języku białoruskim. W obszernej dwutomowej akademickiej *Gramatyce języka białoruskiego* czytamy: „Асаблівасцю складаных назоўнікаў з асновай назоўніка і дзеяслова з’яўляецца тое, што першая аснова далучаецца да другой пры дапамозе злучальнага галоснага **а** (**я**). (... ) Першая частка ў тым словазлучэнні заўсёды падпарадкоўваецца другой: *каменяцёс* (камень цясаць), *палководзец* (палкі вадзіць), *ваўначоска* (воўну часаць) ... , *мухамор* (мух марыць), *зубаскал* (зубы скаліць). Паміж часткамі словазлучэнняў, з якімі адносяцца складаны назоўнікі гэтага тыпа, могуць быць розныя сінтаксічныя адносіны. Першая частка абазначае: а) аб’ект дзеяння: *рыбалоў* (лавіць рыбу), *мылавар* (варыць мыла), *хлебапёк*, *свінапас*, ... *светарэз*; б) суб’ект дзейства: *лістапад* (падае лісця), *санцапёк* (сонца пяча), *крыгаход*, *рыбаход*, *снегапад*, *водаварот*, *небасхіў* ... , *пльтастіл* ... , *градабой*“<sup>25</sup>.

Za wcześniejszą postacią wyrazu *касoхад* przemawia także całe mnóstwo innych wyrazów złożonych z tematem *-ход* w drugiej części. Wspomniana *Gramatyka języka białoruskiego* przytacza następujące przykłady: *атамаход*, *веснаход*, *дымаход*, *ледаход*, *мараход*, *параход*, *пльтаход*, *пяткаход*, *рыбаход*, *снегаход*, *цеплаход*<sup>26</sup>.

Przekształcenie wcześniejszej postaci omawianego dialektyzmu grodzieńskiego \**касoхад* (może też \**касaхoд*) w funkcjonującą do dzisiaj w gwarach *кадохаc* miało najprawdopodobniej podłoże pozajęzykowe. \**Касoхад* znać dosłownie ‘(przy)chodząca/y z kosa’, sama zaś kosa w pojęciu wielu społeczności ludzkich jawiła się jako atrybut i symbol śmierci, której się obawiano, a jej imienia lepiej było nie wypowiadać. Stąd też, moim zdaniem, prosta przestawka dźwięków, będąca swego rodzaju zabiegiem magicznym, uczyniła z przejrzystego początkowo wyrazu formę w pewien sposób zakamuflowaną, ale za to bezpieczniejszą w codziennym użyciu. Wracając do kosi – warto podkreślić, że pierwotnie jej znaczenie w życiu ludu było niezwykle ważne. Z jednej strony była ona (obok innych metalowych przedmiotów kłujących lub tnących, tj. sierp, topór, nóż, czy igła) narzędziem ochrony przed duchami i złymi mocami, z drugiej – „характерное для

<sup>25</sup> *Граматыка беларускай мовы...*, s. 141.

<sup>26</sup> Op. cit., s. 142.

косы действие метафорически приписывается Смерти, которая *косит людей*<sup>27</sup>. „Как атрибут персонифицированной СМЕРТИ и болезней **КОСА** упоминается в фольклоре многих европейских народов. По верованиям Белорусов (Пинск), смерть приходит обыкновенно с **косой**, на конце которой висит капля Смерти. Встав в голову кровати, Смерть ждет, и как только больной откроет рот, капля с **косы** падает, и человек умирает. Болгары представляют себе Чуму с косой, которой она отрезает голову людям. По русским поверьям, старейшая и злейшая из сестёр-лихорадок держит в правой руке **косу**, как и сама Смерть.

Подобное представление о Смерти отражено в ряжении: **изображающий Смерть персонаж ходит с косой**, реже с серпом или длинным ножом. В Закарпатье в играх при покойнике парень, исполняющий роль Смерти, делает вид, что он точит косу. Затем он гоняется за парнями и девушками, пока кто-нибудь не упадет. Тогда ряженный **косит** его **косой**, как траву”<sup>28</sup>.

W nakreślonym powyżej tle kuturowo-etnograficznym dotyczącym śmierci znaleźć można pewne istotne dla analizy semantycznej aspekty. Naszą uwagę zwraca nagromadzenie w opisie czasowników oznaczających z jednej strony ‘koszenie, ścinanie’, z drugiej zaś ‘przychodzenie, chodzenie’ (z kosą).

W związku z powyższym poczynione w niniejszym artykule próby objaśnienia grodzieńskiego *кадохас* jako zniekształconego compositum \**касохад* wydają się być uzasadnione nie tylko w planie semantyczno-formalnym, znajdują również swoje potwierdzenie w sferze duchowo-kulturowej ludu.

Nie wykluczone, że do utrwalenia się takiej właśnie ostatecznie formy opisywanego wyrazu mógł przyczynić się jeszcze jeden fakt. Mam tu na myśli oddziaływanie „głosowe“ cząstki *кад* – szeroko poświadczonego w wielu gwarach białoruskich (nie tylko grodzieńskich) wyrazu *кадук*, oznaczającego przede wszystkim ‘diabła, czorta’ (istotę mającą kontakt ze światem zjaw,

---

<sup>27</sup> Пор.: *Славянские древности*. Энциклопедический словарь под общей редакцией Н. И. Толстого, Т. 2. (Д-Крошки), Москва 1999, s. 618. Skoro mowa o połączeniu wyrazowym „śmierć kosi“ (< instrumentem sprawczym jest więc *kosa*), to wszystko wskazuje na to, że zdomowione jest ono w kulturze licznych narodów, także słowiańskich. Por. z jednej strony fragment polskiej pieśni wojennej: „... **Śmierć kosi** niby łan, lecz my nie wiemy, co to lęk“, z drugiej – ze współczesnej rosyjskiej poezji ironicznej: „Увы, не та во мне уж сила, которая девиц, как **смерть косила**“ (cytat za: А. Ф. Журавлёв, *Древнеславянская фундаментальная аксиология в зеркале праславянской лексики*. Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры, (ред. выпуска: Г. К. Венедиктов), Москва 1999, s. 16.

<sup>28</sup> *Славянские древности*. Энциклопедический словарь под общей редакцией Н. И. Толстого, Т. 2. (Д-Крошки), Москва 1999, s. 619.



duchów i chorób, a więc również ze śmiercią), ale także ‘nieszczęśliwy wypadek’ (ten sam krąg tematyczno-znaczeniowy). Owo – zapożyczone z języka polskiego (również do ukraińskiego i rosyjskiego, gdzie znane jest ponadto w znaczeniu ‘choroba’, czy ‘padaczka’ – na Smoleńszczyźnie) – słowo weszło na trwałe do leksykalnego i idiomatycznego zasobu języka białoruskiego (o czym świadczą takie stałe połączenia wyrazowe, jak *кадук яго ведае* ‘diabli (go) wiedzą’, *кадук яго вазьмі* ‘a niech go czort/licho (weźmie)’ i inne)<sup>29</sup>, w przeciwieństwie do ograniczonego pod względem użycia wyłącznie do gwar grodzieńskich rzeczownika *кадохас*.

W niniejszym referacie poczyniono próby interpretacji formalno-semantycznej (w oparciu o tło kulturowo-duchowe i społeczne ludu słowiańskiego) dwóch grodzieńskich leksemów *алуха* i *кадохас*. Inne przytoczone przy sposobności wyrazy związane z tym polem semantycznym, takie jak *кранк*, *спрындзіўца*, *-канталежыць*, *хайдакаваць* czekają nadal na swoje objaśnienie.

## Из сокровищницы народной лексики

### О происхождении и семантике двух странных белорусских диалектизмов

В настоящей статье делается попытка объяснить этимологию двух гродненских диалектизмов *алуха* и *кадохас*, обозначающих ‘смерть, гибель, несчастный конец’. Первую лексему *алуха* можно связывать с ие. *\*uel-/\*uol-* ‘смерть, зараза, болезнь, дьявол; борьба’. По всей вероятности, эта форма представляет собой результат различных фонетических преобразований: *\*вол-уха* → *\*валуха* → *алуха*. Второе слово *кадохас* – это, вероятнее всего, итог табуированного, внутрдиалектного изменения первоначального композитума *\*кас-ó-had* (или *\*кас-а-хó-ð*) ‘(при)ходящий/-ая с косой’, который является метафорическим названием смерти, приходящей, по народным поверьям, как правило с косой – своим атрибутом и неотлучным спутником действий.

*Pracownia Języka Prasłowiańskiego, Instytut Slawistyki PAN*  
*Al. Mickiewicza 31, 31-120 Kraków, Polska*  
bostr@wp.pl  
bostr@interia.pl

---

<sup>29</sup> ESBM IV 32.



# Към проблематиката на семантичната имплицитност

*Мария Рачева*

Позовавайки се на блестящо представени конкретни анализи в областта на реконструкцията на праславянската и на древната индоевропейска лексика, в статията си „Реконструкция слов и их значений“, която публикува преди повече от двадесет години в списание „Вопросы языкознания“, О. Н. Трубаčov (Трубачев 1980) апелира за изостряне на изследователското внимание към един особено важен фактор в семантичната еволюция на думите. Това са промените, или по-скоро подмените на по-ранни доминиращи представи и асоциации в езиковото съзнание с нови доминиращи представи и асоциации, които при съвременните носители на който и да е език естествено съответствуват на съвременната действителност и на съвременния колективен и индивидуален опит.

Пренебрегването на този важен фактор, което се проявява най-често чрез привнасяне на доминиращи представи и асоциации от съвременното езиково съзнание в анализа на думи, възникнали в много по-ранни периоди от развитието на конкретния език и на обществото, стои в основата на множество несполучливи опити за етимологично тълкуване. Захранвана от исторически обусловената изменчивост на представите и асоциациите в езиковото съзнание, така възникващата семантична имплицитност на думите всъщност е комплексно явление, което съчетава проблеми от разнообразен езиков и извънезиков характер. Преодоляването на негативното въздействие на това явление върху етимологичното и лексикологичното проучване на думите е постоянна и труднопостижима цел, свързана както с равнищата на проучване в специалните области, през които преминава етимологичният и лексикологичният анализ, така и със субективно обусловената готовност за интензификация на изследователския подход.

Анализите, включени в настоящото кратко изложение в обсега на темата, ревизират предходни равнища на етимологичното или лексикологичното проучване на български думи, чиято незадоволителност е свързана с проблемите на семантичната имплицитност. Предмет на внимание в тях е проявяващото се и на равнището на специалното проучване взаимодействие между протичащата във времето неизбежна подмяна на доминиращи представи и

асоциации в езиковото съзнание и конкретни езикови и извънезикови факти.

*За семантичната имплицитност при проучването на редки думи*

Докъде може да доведе избледняването на значението при една рядка дума? Понякога – до появата на две нови думи. Такъв пример представи предприетата от М. Младенов (Младенов 1986: 75-77) ревизия на включената в БЕР и определена като неясна дума *личей*, възникнала в резултат на некоректно представяне като съчетание от две думи на българската диалектна дума *дивличей* ‘раст. *Cucurbita melo*pero’ – турцизъм, проникнал в някои северозападни български говори чрез румънско посредничество. Недоразумението се основава на преноса на част от думата, именно *личей*, на следващ ред в известния ботаничен речник, редактиран от Б. Ахтаров (БотР:143).

*\*Тескоба* ‘теснота’ ~ *тежко бойче*, *тежкобайче* ‘кратуна’.

Може би графична по своя първоначален характер (пренос на част от думата на следващ ред?), но усложнена и от някои звукови промени от т.н. нерегулярен тип е деформацията, претърпяна от едно рядко българско диалектно название на растението *Lagenaria vulgaris*, наричано обикновено *кратуна*, рус. ‘бутылочная тыква’, представено, отново в Ахтаровия ботаничен речник, като съчетание от две думи: *тежко бойче* (БотР:192 и 523). По-близо до автентичната форма на това рядко название е обликът *тежкобайче*, засвидетелствуван със същото значение у Геров. Установяването на тази автентична форма е свързано с разкриването на изходната семантика на думата, а то намира опора едва на сравнителна славянска основа в значението на диалектното сърбохърватско съществително *тјескоба* ‘теснота, теснина’. Несъмнено съответствие на тази сърбохърватска дума е засвидетелствуваното в българския ихтимански говор съществително *тезгобия* ‘тежка работа’, експресивно образуване с наст. *-ия*, в което е била осъществена асимилация по звучност и чието вероятно първоначално значение ‘затруднение, притеснение’ е пряко свързано с изчезналото българско съответствие *\*тескоба*. Тъкмо тази изчезнала българска дума стои в основата на рядкото българско диалектно название на кратуната *тежкобайче*, чиято автентична форма очевидно е *\*тежкобайче* – плодовете на кратуната, широко използвани в

традицията на много народи като домашни съдове, имат характерна куха и широка от единия край, а в другия силно, понякога дори нееднократно стеснена форма. Деформиращата замяна *c > ж* в основата на *тежкобайче* вместо *\*тескобайче*, поради народноетимологична връзка с прилагателното *тежък*, е ярък белег на възникналата семантична имплицитност.

*Ретя се* ‘буйствувам’, *ретя* ‘възбуждам, дразня’ ~ *ритам*  
‘удрям с крак’

Не се наблюдават белези на подобна тежка деформация при глаголните форми за 3 л. ед.ч., *рети си* и *рети*, известни понастоящем само от употребата им в една публикувана в СБНУ 44:101 българска народна песен от Доброславци, Софийско, в чийто баладичен сюжет е намерила отзвук трагичната за южнославянските народи битка на Косово поле в 1389 г. В сравнително кратката история на проучването на тези глаголни форми, всяка от които е засвидетелствувана само в един текстов фрагмент, съществуват при все това два неубедителни опита за тълкуване на значението. Според записвача на песента Г. Попиванов, глаголът *рети*, *рети си* в текстовете *Па си рети Дамянов Зеленко* и *Това рети Дамянов Зеленко* означава ‘цвили’, рус. ‘ржет’. Това тълкуване очевидно е съобразено с обстоятелството, че съчетанието *Дамянов Зеленко*, което в първия фрагмент е субект, а във втория – обект на глаголното действие, е прозвище на коня на загинал в битката воин. Макар и не съвсем произволен, този пръв опит за тълкуване на лексикалното значение на глагола не е достоверна основа за етимологичното му проучване. Насочен по същите съображения в същия „конски“ семантичен кръг и също така неубедителен е и представеният в БЕР 6:234 втори опит за тълкуване чрез отъждествяване на *рети* и *рети си* с общобългарския глагол *ритам* ‘удрям с крак’, рус. ‘пинать, лягать, брыкать’, пред който съществуват непреодолими звукови и други формални трудности.

В действителност редките глаголни форми *рети* и *рети си* в посочения текст са тъждествени с редкия старобългарски глагол *retiti*, който е засвидетелствуван само в Супрасълския сборник (11 в.) като преводно съответствие на гр. ἀμιλλάομαι и лат. *certo* ‘боря се, съревновавам се’ и чието праславянско равнище се потвърждава от добре известни съответствия в източнославянските езици при

привидна липса на данни от съвременните южнославянски езици<sup>1</sup>. Тук следва да бъде припомнен един важен, но изоставен в по-късните проучвания факт – това е българската третолична форма за мн.ч. *се ретили*, представена в етимологичния речник на Миклошич (Miklosich 1886:271) с неясно за автора значение („dunkel“), но с конкретно посочен местоговор: Винга в Банат. Независимо от неясното си значение, тази форма е включена от Миклошич в етимологичния блок на стб. *retь* ‘усърдие’ покрай църковнославянските *retьnikъ*, *retьstvo*, *srьretьstviје*, рус. *ретоватсья* ‘сърдя се’ и *ретивый* ‘буен (за кон)’. Нейният най-вероятен източник е фолклорът на банатските българи, които, както е известно, са преселници предимно от западнобългарската диалектна област (Чипровци). За отбелязване е също, че покрай глагола *retiti* и по-широко представеното съществително *retь* ‘усърдие’, само в Суграсълския сборник е засвидетелствувано и личното име *Retьko* (Супр. 207 in margine). Един от издателите на този паметник, Й. Заимов (срв. Заимов – Капалдо 1982-1983), тълкува това изключително рядко лично име като резултат от модификацията на незасвидетелствувано *Рато*<sup>2</sup>. По-вероятно изглежда обаче личното име *Ретъко* от старобългарския 11 в. да е производно от основата на стб. *retiti* ‘бора се’ и *retь* ‘усърдие’.

Съпоставката с българската банатска форма *се ретили* и със съвременните застъпници на праславянския възвратно-среден глагол *\*retiti se* в руски и украински език позволява да се предполага, че третоличната форма *рети си* в текста на песента от Доброславци, която съвпада формално с т.н. емфатични глаголи от типа *вървя си*, *лежа си* и под., всъщност е късно изменение на изначално *рети се*. Значението на изначалната възвратно-средна форма *рети се* в реконструирания фрагмент *Па се рети Дамянов Зеленко* съответствува на значението ‘разигравам се, буйствувам (за кон)’ на руския глагол *ретиться*, а значението на формата *рети* във фрагмента *Това рети Дамянов Зеленко* – на значението на староруския глагол *retiti* ‘подбуждам’, тук ‘възбуждам, дразня’. Това са праславянски значения на глагола.

<sup>1</sup> Струс. *retiti* ‘подбуждам’, съвр. рус. *ретиться* ‘гореща се, възбуждам се; разигравам се (за кон)’, укр. *ретитися* ‘бора се’. По-нататъшните етимологични връзки са посочени у Фасмер 1971:478 с по-ранната литература.

<sup>2</sup> Според автора, *Ретко* е от незасвидетелствувано *Рето*, а то от незасвидетелствувано *Рато* с непотвърден от други реализации преглас *pa > pe* (?), което, от своя страна, е изтълкувано като „скъсено“ от незасвидетелствувано *Рато-мир* или от *Ративой* (17 в.), или от незасвидетелствувано *Рато-бор*, последното, според автора, изчезнало, вж. Заимов 1988:191 с препратки.

Тъй наречената историческа (или етимологична) омонимия е силен катализатор на семантичната имплицитност. За разнообразието на възникващите затруднения пред лексикологичното и етимологичното проучване на думи при подобни обстоятелства свидетелствуват многобройни примери от изследователската практика. Между вече апробираните примери са българските диалектни глаголи с метафоричен развой на изходното значение **коткам** 'предразполагам, забавлявам, залисвам', **котарим** 'примамвам', **которя**, **которкам** (се) 'залисвам (се), бавя (се)', **каторкам** 'крепя положение; отглеждам грижливо някакво животно', **каторкам се** 'крепя се' и **коча**, **кочим** 'галя, глезя' като продължения на праславянския глагол **\*kotati** 'въртя, търкалям' и българските диалектни нарицателни **котка** 'току-що вързал царевичен плод' и **котенца** 'сарми' заедно със заемките от български език в съседни балкански езици: алб. **kotkë** 'бучка, грудка, топка', арум. **cotcǎ** 'макара', тур. **kotor** 'царевичен кочан', всичките с българско словообразуване, които продължават праславянския девербатив **\*kotъ** 'предмет с кръгла форма' (вж. Рачева 1980:257-261, БЕР 2 s.v.). Никоя от тези български диалектни глаголни и именни форми не е намерила място сред продълженията на праславянския глагол **\*kotati** (se) в ЭССЯ 11:199 и на праславянския девербатив **\*kotъ** IV пак там, 212, където липсата им създава неточно впечатление за реалното застъпване на посочените праславянски лексеми в българския език. Избледняването на по-ранни доминиращи представи и асоциации в езиковото съзнание и подмяната им с псевдосемантични съображения, свързани с натрапчивия образ на домашната котка в условията на омонимия, са в основата на неубедителното етимологично тълкуване на част от тях: **коткам** 'предразполагам' и **котенца** 'сарми', като производни от **кот** м. и **котка** ж. 'Felis domestica' в етимологичния речник на Ст. Младенов (1941:253) и в една по-късна публикация на М. Вългенов (1970:368) върху метафори от названия на животни.

*Ежа се* 'гневя се' ~ *ежа се* 'настръхвам'

Псевдосемантични съображения, свързани с характерното поведение на животинчето **еж** 'Echinaceus eurgaeus', чиито бодли настръхват при опасност, са основа за неубедителното етимологично тълкуване на глагола **разежвам се** 'разбеснявам се, разпасвам се, разгонвам се (за животно)', който е засвидетелствуван у Геров в употребата **Вълците се разежват**. В БЕР 1:481 глаголът е

определен като префигирана форма на *ежа се* с общобългарско значение ‘настръхвам’, произведен от *еж* ‘Erinaceus europaeus’. Засвидетелствувани са и значения ‘начумервам се’ за *ежа се* в говора на Банско, ‘мръщя се, въся се, чумеря се’ за *ежа съ* в говора на Якоруда, Разложко, ‘гневя се, сърдя се силно’ за същия глагол в говора на Казанлък. Със значението си ‘настръхвам, сърдя се’ глаголът *ежа съ* от говора на Тръстеник, Плевенско е определен в ЭССЯ 6:36-37 като продължение на праславянски глагол *\*ežiti (se)* ‘настръхвам (като еж)’, произведен от праслав. *\*ežь* ‘Erinaceus europaeus’. В SP 6:80 тези значения са определени като преносни в продълженията на праслав. *\*ežiti (se)* ‘настръхвам’. Всъщност българският глагол *ежа се, ежа съ* ‘гневя се’, заедно със сръхр. *јѣжити се*, словен. *ježiti se*, чеш. диал. *ježit se* в значенията им ‘сърдя се, гневя се’, е съответствие на руския диалектен глагол *яжить, яжжить* ‘карам се, крещя, вдигам шум’ и следва да бъдат определени като продължение на праславянския глагол *\*ežiti (se)* ‘бивам зъл, бесувам, яря се’, произведен от праслав. *\*eža, \*eža* ‘персонифицирано зло, предизвикващо болест – демон’. Този праславянски глагол е реконструиран въз основа на засвидетелствуваното в сърбохърватски, словенски, чешки и словашки език праславянско съществително *\*ežibaba* ‘персонифицирано зло, демон’ (вж. SP 6:115). Омонимията с продължения на праславянския глагол *\*ežiti (se)*, произведен от праслав. *\*ežь* ‘Erinaceus europaeus’, е възникнала при тези от продълженията на праслав. *\*ežiti (se)* ‘бивам зъл, бесувам, яря се’, които имат съвпадащи отражения на праслав. *\*e* и *\*e*.

*Заезявам* ‘изпълвам с прах и дим’ ~ *яз* ‘бент’;  
*ѝезаро* ‘езеро’ ~ *ѝезаро* ‘гъст дим’

В границите на българския език са се проявили затрудненията, предизвикани от подмяната на по-ранни доминиращи представи и асоциации в езиковото съзнание в условията на омонимия при проучването на група продължения в българските народни говори на праславянския глагол *\*ežiti (se)*, вариант на посочения по-горе *\*ežiti (se)*. Изчезналото българско продължение *\*езя (се)* без съмнение е споделяло кръга от значения ‘дразня (се), терзая



(се), лютя (се)’, засвидетелствувани за съответствията в други славянски езици <sup>3</sup>.

Безспорно производно от *\*езя* ‘дразня, терзая’ < *\*eziti* е странжанският глагол *яскам* ‘причинявам остри болки (за зъб)’, отразяващ смесване в говора на застъпниците на старите предна носова и ятова гласна.

Безспорно производно от същия изчезнал български глагол е и префигираната форма *заезявам* ‘изпълвам с прах и дим, задимявам’ с изходно значение ‘правя въздуха дразнеш, лют’, засвидетелствувана за говорите на Котел и Велико Търново и получила в БЕР 1:587 неубедително тълкуване като производно от общобълг. *яз* ‘вир, бент’. Вследствие на обичайната за част от българските народни говори редукция на неударената гласна *е* към ‘ъ’ е била достигната критична степен на формално сближаване между глаголи с различен произход, каквито са засвидетелствуваните за говора на Габрово *заязявам* (се) ‘запушвам (се), задимявам (се)’, префигирана форма на *\*езя* ‘дразня, лютя’, и *заязвам* (се) ‘запушвам (се), заприщвам (се)’, производно от *яз* ‘бент’. Само така може да бъде обяснена появата в академичния РБЕ 5:832 на една омонимна двойка глаголи: *заязвам*<sup>1</sup> ‘правя яз срещу прииждаща вода’ и *заязвам*<sup>2</sup> ‘изпълвам нещо с гъсти облаци дим’. Вторият глагол е фантомен – от представените текстови употреби личи, че в действителност става въпрос за диалектния глагол *заезявам* със същото значение, произведен от *\*езя*.

Още по-висока степен на формално и семантично преплитане, основано на подмяната на по-ранни представи и асоциации в езиковото съзнание в условията на омонимия, представя засвидетелствуваната за говора на Тетевен диалектна форма *йезаро* ‘езеро’, чието второ, вече диалектно значение е ‘извор с ниска вода, която се гребе’, но има и едно трето, съвсем необичайно значение ‘гъст дим, който пълни стаята’: *Од дим кѐщата са е обърнала на йезаро. Какво е това йезаро?* (СбНУ 31:262). Очевидно в този случай е налице едно ново съществително *йезаро*, възникнало чрез обратна деривация от засвидетелствувания в същия говор глагол *зайезара са* ‘напълвам се с прах и дим’, който е префигирана

---

<sup>3</sup> Срхр. *језити* ‘гневя, сърдя’, *језити се* ‘крещя на някого, сърдя се’, *разјезити се* ‘разлютявам се’, *језан* ‘сърдит, лют’, словен. *jeziti (se)* ‘гневя (се), сърдя (се)’, словаш. диал. *jeziť* ‘сърдя, дразня’, пол. диал. (кашуб.) *jazęc sa* и *jizęc sa* ‘сърдя се’.

форма на незасвидетелствуван глагол *\*ѷезара са* със същото значение, експресивно образуване с наст. *-аря* от изчезналия основен глагол *\*езя* ‘лютя’.

Интересен семантичен развой разкрива префигираната форма *сѷеза са*, засвидетелствувана отново за говора на Тетевен с три съществено обособени значения: ‘за дим в стая – кога започне да се сгъстява’, ‘за мляко, което е подсирено или подквасено – почва да се сгъстява, съсирва’, ‘за вода – кога започне да замръзнува и захванат да се явяват на повърхността ѝ ледени жилки’. Запазвайки връзката си с изходното значение ‘дразня, лютя (за дим)’, още първото значение съдържа и представата за промяна в степента на плътност, която е отразена и в останалите значения на глагола. Но тази характерна за млечната коагулация нова плътност е резултат от процесите на ферментация, т.е. киселяване, „влютяване“ на млякото. По-голяма плътност – този път заледяване, е и представата, на която се основава привидно отдалеченото значение ‘започва да замръзва (за вода)’. Това значение на тетевенския глагол *сѷеза са* намира забележително съответствие в семантичния спектър на прилагателното *лют* в български език, който, покрай общобългарското значение ‘парлив’, включва и диалектните значения ‘кисел’, ‘зъл, гневлив’ и ‘твърд’.

Трудноразпознаваеми в своята динамична семантична и формална еволюция, продълженията на праславянския глагол *\*eziti* (*se*) в български език са останали извън вниманието на авторите и на двата праславянски етимологични речника.

### *Къртя* ‘спя’ ~ *къртя* ‘чупя, ломя’

Подмяна на по-ранни доминиращи представи и асоциации в езиковото съзнание в условията на омонимия отразява и етимологичното тълкуване на жаргонния глагол *къртя* ‘спя’, определен в БЕР 3:221 като еднакъв по произход с *къртя* ‘чупя, ломя’, застъпник на праславянския глагол *\*kr̥titi*, продължаващ ие. *\*(s)ker-/\*(s)kr̥-* ‘режа’, при което е отбелязан характерният звук, издаван от човек, който хърка в съня си.

Изходното за значението ‘спя’ на глагола *къртя* без съмнение е ‘хъркам’, рус. ‘храпеть’, но не във връзка с *къртя* ‘чупя, ломя’ < ‘режа’, а като отражение на семантиката на омонимен праславянски глагол *\*kr̥titi* ‘издавам специфичен звук’, чиито отдавна посочени продължения са старобългарското отглаголно съществително *кръ-тѣније* ‘грухтене’, засвидетелствувано в късен препис от 16 в. (вж. Miklosich 1862-1866:314), руското прилагателно *картавый* ‘който

изговаря неправилно *р* и *л* (< \**кортавий*), словенският глагол *zakrtiti* ‘заповядам строго’, полският глагол *kartać* ‘мъмря, по-рицавам’. В по-нататъшното тълкуване на този праславянски глагол няма единство. Бернекер (Berneker 1908-1913: 670) не намира сигурни връзки извън славянските езици. Повечето от останалите автори (Miklosich 1886:157, Krček 1907:120, Sławski 1958-1965:72) идентифицират основата му с ие. \*(*s*)*krt-* ‘режа’. Такова тълкуване имат и реконструирани в ЭССЯ (13:241-242) праславянски глаголи \**kъrtati* / \**kъrtěti* / \**kъrtiti*, а приведените като техни продължения глаголи в отделните славянски езици впечатляват с разнопосочната си семантика – от ‘лома’ до ‘силно желая’, от ‘измъчвам, повреждам, погубвам’ до ‘скърпам’. Фасмер (1967:203) поддържа връзката със стинд. *kirtayati* ‘говоря’, предложена по-рано от Матценауер (Matzenauer 1882 in: LF 9:23). Този староиндийски глагол възлиза към ие. \**kar-* с реконструирано значение ‘високо прославям’ и е от звукоподражателен произход, но формалната му съотносимост с приведените у Фасмер славянски глаголи не е достатъчно точна. Точна е връзката с индоевропейската звукоподражателна основа \**kr-*, засвидетелствувана с разширение *-k-* в славянски, балтийски и староиндийски<sup>4</sup>.

По всичко личи обаче, че освен с гутурално разширение, застъпено в праславянския глагол \**krъkati* с варианти \**grъkati*, \**grъčati*<sup>5</sup> и \**grъgati*, съществува и праславянска разновидност на същата индоевропейска звукоподражателна основа с дентално разширение. Тя е застъпена от праславянски глагол \**krъtiti* ‘издавам гърлен звук’, продължен от българския глагол *къртя* ‘спя’ от изходно ‘хъркам’ < ‘издавам специфичен гърлен звук’, чието основно значение е отразено не само в старобългарското отглаголно съществително *крътѣније* ‘грухтене’, но и в засвидетелствуванията на диалектно равнище производни *къртамле* ‘прасе’ (дюлгерски таен език), *къртуле* също (Велес, Струга), *къртамч* също, *къртамчка* също (дюлгерски таен език – Дебърско; Янче, Тетовско), както и в диалектната форма на основния глагол *кортит* ‘грухти’ с производно *корталенче* ‘прасе’ (Реканско). Производно от *къртя*

<sup>4</sup> Вж. подробно Роконгу 1959:568, за славянския звукоподражателен глагол \**krъkati* / \**krъčati* с продължения вж. ЭССЯ 13:216.

<sup>5</sup> Към представените в ЭССЯ 7:201 продължения на този вариант (вж. \**grъčati*) следва да се добавят бълг. диал. *гърча* ‘хъркам’ (Черешница, Костурско), *гарча* също (Желегоже, Костурско), *гърча* ‘грухтя; ръмжа’ (Прилеп), ‘пея равен исонов тон, обикновено на е, в тригласна народна песен’ (Костурско), срв. *пея гърчено* ‘пея бавно с участие на гърлото’ (Костурско).

‘издавам специфичен гърлен звук’ е и названието **къртушка**, **крътушка** на рибата *Gobio falvialis*, наречена още **пискал**, която е известна с това, че издава специфичен звук при хващане. Основано на изходното значение ‘издавам специфичен гърлен звук’ е и значението ‘карам се; викам; плача’, засвидетелствувано за глагола **къртя** в говора на Лясково, Девинско, както и значението ‘искам настойчиво до дотягане’, засвидетелствувано за същия глагол в Силистренско и сравнимо със семантичния развой на българския звукоподражателен глагол **врънкам** ‘издавам еднообразен шум при предене с вретено’ и ‘дотегливо искам нещо от някого’. Засвидетелствувани са и продължения на праславянски варианти **\*grt** / **\*grd**.<sup>6</sup>

**Пон** ‘подпорка, подложка’ ~ **пон** ‘свещеник’

Още един интересен случай, свързан с подмяната на по-ранни доминиращи представи и асоциации в езиковото съзнание в условията на ономимия, представя историята на етимологичното проучването на нарицателното **пон** като широко разпространено българско диалектно название на различни видове подложки, подпори

---

<sup>6</sup> За праславянски вариант с дентално разширение **\*grtiti**/**\*grtati** свидетелствуват продълженията в българските народни говори **гъртя** ‘скимтя’ (Костурско), **гърткам** ‘грухтя’ (Пирот), **гартя** 3 л. мн. ч. ‘пеят равен исонов тон – трети глас в тригласните народни песни’ (Желегоже, Костурско). Тяхно съответствие е северноруският диалектен глагол **гортать** ‘тряскам, гърмя’ (Вологодска област). За праславянски вариант с дентално разширение **\*grditi**/**\*grdēti** свидетелствуват продълженията в българските народни говори **гърди** ‘грухти’ (Софийско, Царибродско), **грди** също (Доброславци, Софийско; Врачанско - Панчев; Тръстеник, Плевенско), **гърди** ‘ръмжи (за куче)’ (Банско; Странджанско; Бръщен, Гоцеделчевско; Славейно, Виево, Кутела, Смолянско), **гърдя** ‘хъркам (за човек)’ (Касака, Лясково, Смолянско), **гърдим** също (Чавдарица, Девинско), **гърдѐт** ‘къркорят (за черва)’ (Селча, Смолянско), производният глагол **гърдикам** ‘ръмжа (за куче)’ (Хвойна, Павелско, Асеновградско), отглаголните съществителни **гърдело** ‘пучило за гайда’ (Плевня, Драмско – Панчев) и **гърдало** също (Лещен, Гоцеделчевско). Тяхно съответствие е сърбохърватският глагол **грђети** ‘грухтя’.

и други конструктивни елементи в строителството и бита<sup>7</sup>. При-  
веждайки някои такива названия, за пряката им връзка с общобълг.  
*non* ‘свещеник’ се застъпва В. Буджишевска (Budziszewska 1990 in:  
SFPS 26:119-120), която при това смята, че възникването им бе-  
лежи влиянието на християнизацията върху езическия култ към  
предците в названия, продължаващи праслав. \**dědъ*. Влияние на  
*non* ‘свещеник’ се предполага и в тълкуването на *non* с посоче-  
ните значения в БЕР 5:522, определено като „вероятно съкратено“  
от диалектната дума *nonnik* с подобни значения<sup>8</sup>, която, от своя  
страна, е изтълкувана от Ст. Младенов (1941:483) като префиги-  
рано производно от глагола *пъна*, стб. *peti*, *ръно* ‘обтягам’.

Съмнителната теза за възникването на *non* като название на  
разни видове конструктивни елементи в резултат на влиянието на  
християнизацията върху култа към предците и предположеното  
в БЕР влияние на *non* ‘свещеник’ при възникване на *non* със  
споменатите специални значения чрез декомпозиция от *nonnik* с  
подобни значения бяха напомнени неотдавна от Ж. Шарапаткова  
(Šarapatková 2000:121-122) във връзка с названията за ‘монах’ в сло-  
венски, чешки и полски, с които се назовават и различни конструк-  
тивни елементи, възникнали като калки на съответни названия в  
немски и италиански език<sup>9</sup>.

<sup>7</sup> Срв. *non* ‘глинена подложка под подница на огнището’ (Ломско), ‘набит кол  
за укрепване греда в покривна конструкция на сграда’ (Драмско, Валовишко),  
‘подпора на таванска главна греда’ (Енина, Казанлъшко), ‘подпираща греда на  
покривна конструкция’ (Тръстеник, Плевенско), ‘малък дървен стълб, който под-  
пира воището на рало’ (Стойките, Девинско), ‘част от рало, която крепи дебелина  
част на воището; главно дърво, на което са заковани другите дървета на по-  
крива’ (Лилково, Пловдивско; Настан, Девинско; Бабяк, Разложко; Велинград-  
ско), ‘дървена подпорка на покрива на плевня или къща’ (Войнягово, Карловско),  
‘подпорка, която се поставя под остта, когато се изважда колело за мазане или  
поправка’ (Смолско, Пирдопско), ‘голям камък, който се слага най-отгоре на  
варница’ (Аспарухово, Провадийско) и др., вж. БЕР 5:522.

<sup>8</sup> Срв. *nonnik* ‘специална конусовидна опора от изпечена глина, която подпира  
подницата в огнището при нейното нагряване за печене на хляб’ (Войнягово,  
Карловско), ‘глинена поставка за печене на пита’ (Нова Надежда, Хасковско;  
Ракиново, Пазарджишко), ‘греди, които образуват буквата „п“ и върху които  
лежи покривът на сградата’ (Гълъбово, Пловдивско; Козаново, Асеновградско),  
*nonnica* ‘отвесна дървена греда на покрив’ (Кръвеник, Севлиево), вж. БЕР  
5:525.

<sup>9</sup> Словен. *menih* ‘монах’ и ‘стожер в купа сено’, чеш. *mnich* ‘монах’ и ‘от-  
весна греда, подпираща свод по време на издигането му’, пол. *mnich* ‘монах’  
и ‘керемиди с форма на коритце; издълбана греда или дървена тръба със за-  
твори за регулиране на водата в рибарник; изпускател на рибарник’, срв. нем.  
*Mönch* ‘монах’ и ‘стълб в средата на вита стълба; носеща греда във фронтон на

Бълг. *поп* като диалектно название на подложки, подпори и други конструктивни елементи със сигурност не е семантична успоредица на споменатите словенски, чешки и полски названия, нито е вторично възникнало като „съкратено“ от диал. *попник* със съответните значения, а тъкмо обратното – диал. *попник* и *попница* са производни от *поп*, което, от своя страна, е родопски диалектен вариант на общобългарската дума от праславянски произход *пъп* с основно значение ‘umbilicus’. Доказателство за това твърдение са редицата диалектни значения на *пъп*: ‘основната греда, на която са заковани останалите греди на покрива’ в говора на Мулдава и Червен, Асеновградско, ‘греда за поддържане на къщата’ в говора на Ерменкьой, Узункюпрійско, ‘клин, който скачва опашката на колата със задната ѝ част’ в говора на Ятрос, Визенско, ‘част от ковашкия йорс’ в говора на Беброво, Еленско, ‘Membrum virile’ в говора на Трънчовица, Никополско, и Копривец Беленско, ‘връх на къделята’ в говора на Тотлебен, Плевенско, и др., и особено значението ‘по-старо название на попа (главната греда) на покрива’, засвидетелствувано за *пъп* в говора на Бабово, Русенско, както и двете значения, засвидетелствувани за родопския диалектен вариант *пѠп*: ‘umbiculus’ и ‘трупче на въртенката, на което е закрепена остта’ във Велинградско, Смолянско, Асеновградско, Ардинско, Девинско и Маданско. Основно за всички тези значения, както и за значенията, засвидетелствувани за варианта *поп*, е значението ‘нещо изпъкнало, израстък’, което, както е известно, е най-старото значение на думата в праславянски, засвидетелствувано и в балтийските езици, и от което непосредно са възникнали значенията ‘подложка’, ‘подпора’ и всички други специализирани значения, засвидетелствувани в български език. Широкото разпространение на закономерния родопски диалектен вариант *поп* вместо *пъп* намира обяснението си най-вече в традиционните скитания на майсторите строители от родопските краища, изкарващи поминъка си далеч извън пределите на родопските говори. Допълнително са въздействували и създадените от омонимията предпоставки за възникване на народноетимологична връзка с *поп* ‘свещеник’, подобно на нем. *Mönch* ‘монах’ и ‘носеца греда’ и итал. *topaso* със същите значения, в основата на които стои гръцката дума *μόναχος* ‘единак’.

---

сграда; изпускател на рибарник; вид сводеста керемида’, итал. *topaso* ‘монах’ и ‘носеца греда’.

Освен типично родопския диалектен вариант *попник* с посочените значения, засвидетелствуван е и вариант *пъпник* с анатомично значение ‘Funiculus umbilicalis’, но също и ‘основна греда на покрива’ в говора на Долнослав, Асеновградско, ‘отвесна подпора на покрива на къщата’ в говора на Грудово, Старозагорско, ‘част от хромела – желязо, което минава през средата на долния камък и на което се слага вретеното’ в говорите на Беброво, Еленско, и Кюлевча, Шуменско, *пъпник* ‘основната греда, на която са заковани останалите греди на покрива’ в говора на Боянци, Асеновградско. Това обстоятелство води до преразглеждане и на определението на бълг. диал. *попник* ‘вид поставка; вид подпорна греда’ като предполагаема семантична успоредица на полския диалектен строителен термин *podciąg* ‘дълга греда, която подпира гредите на таван’ (Šarapatková 2000:122 по Siatkowski 1958:29).

*Тегар, тегарчук* ‘кожена торба’ ~ *тега* ‘тояга’ ~ *тегара* ‘бия’

Пример, почерпен от един класически труд в областта на българската лексикография, представя подмяната на по-ранни доминиращи представи и асоциации в езиковото съзнание, довела до неубедителното лексикографско тълкуване в речника на Найден Геров на българските диалектни думи *тегар* и *тегарчук*. Въз основа на две аналогични по смисъл поговорки: *Мечка с тегар не може се бори* и *Мечката се бои от тегарчужо*, Геров (или по-точно съставителят на тома Панчев) определя за тях едно и също значение ‘тоягата, с която мечкар разиграва мечката’. Това значение не е достоверна основа за етимологичното определение на двете думи.

В действителност *тегар* и *тегарчук* следва да означават ‘кожена торба за провизии’ и представят старинни и по форма, и по значение варианти на една широко разпространена (в ред тюркски езици, в персийски, арабски, монголски, арменски, средновековнолатински, руски и в балканските езици) странствуваща заемка от източноирански произход, заета в българските диалекти както в основната си, така и в производната тюркска умалителна форма на

-*cik* и варианти най-вероятно чрез турско посредничество<sup>10</sup>. Ци-тираните в Геровия речник поговорки отразяват очевидно ролята, която играе за подчиняването на животното носената в *тегар* или *тегарчук* храна, за което свидетелствува и друга много известна поговорка: *Гладна мечка хоро не играе*.

Възникването на фантомното значение на заемките *тегар* и *тегарчук* 'тоягата, с която мечкар разиграва мечката', което е подменило автентичното значение 'кожена торба за провизии' с участието на такива вещи познавачи на българския народен език, каквито са създателите на „Речник на българския език“ Геров и Панчев, е било подкрепено вероятно от известната поговорка за кучето, което „скача според тоягата“, както и от традицията на физическите наказания, използвани някога не само за подчиняване и обучаване на животни, но и за възпитание и обучение на деца. Оказала е влияние вероятно и народноетимологичната връзка с представената в Геровия речник диалектна дума *тега*, която е разпространен в западните български говори звуков вариант на общобългарската заемка от предосмански тюркски произход *тояга* 'дебела и здрава пръчка за подпиране, самозащита и др.', и особено засвидетелствуваният също в западнобългарски говори глагол *тегара* 'бия' заедно с префигираните форми *изтегарувам*, *изтегарвам* 'удрям с дърво, с тояга' с по-широко разпространение.

---

<sup>10</sup> Срв. тур. диал. *tağar*, *tagar*, *taar*, *tahar*, *teğar*, *teğer* като названия на разни пръстени съдове, среднотюрк. *tağar* 'торба за зърнени храни', чагат. 'големи торби за провизии, прехвърляни през седлото; мярка за зърнени храни', османотур. *dağar* 'кожена торба', тур. *dağarcık* също. Обзор на форми със същия произход, разпространени в други езици, и на съществуващите опити за обяснение, както и обосновка на тезата за източноирански произход на странстващата заемка вж. у Doerfer 1965:512-519. Според достъпните в настоящия момент данни, и двете форми на заемката – основна и производна, са добре засвидетелствувани най-вече в западнобългарски говори: основната форма *тегар* – като название на съдове за насипни продукти, чието дъно първоначално е било кожено, срв. *тегар* 'съд с форма на малък шиник и дъно от опъната овча кожа, с който загребват фасул, жито или орехи' (Трънско), 'кръгъл дървен съд с плоско тенекиено дъно' (Поповяне, Самоковско), 'тенекиен съд за жито и брашно във форма на сито' (Говедарци, Самоковско), 'плитък кош, панер' (Банско), и с развити от основното и изходно тюркско значенище 'кожена торба' вторични значения, срв. *тегар* 'корем' (Бобошево), 'слабо, недохранено добиче' (Бърложница, Софийско), а умалителната форма *тегарчук* – с идентично с изходното тюркско значение 'кожен чувал за брашно или жито' (Говедарци, Самоковско), 'кожена торба' (Редина, Софийско) и вторично възникналите преносни значения 'слабо добиче' (Бърложница, Софийско) и 'нещо спечено, втвърдено' (Банско).



Всъщност произходът на диалектния глагол *тегара* ‘бия’ не е свързан нито със съществителното *тояга* чрез неговия звуков вариант *тега* (за каквато връзка наемква приведеното по-горе значение на *изтегарувам*), нито със съществителното *тегар* с фантомно значение ‘тояга’ (всъщност ‘кожена торба’), тъй като *тегара* ‘бия’ не е отименен глагол. Действителното основно значение на глагола *тегара* е ‘тегля, дърпам’, то е засвидетелствувано за възвратната форма *тегаре се* ‘опъвам се, противя се’ за говора на Банско. Глаголът е експресивно образуване с наст. *-аря* от основната форма на глагола \**тегам*, *тегна* ‘опъвам, дърпам’ < праслав. \**tegati*. За достоверността на семантичния преход ‘тегля’ > ‘бия’ свидетелствува общобългарският фразеологизъм *тегля боѝ*.

## СЪКРАЩЕНИЯ

- БЕР *Български етимологичен речник* 1-. София 1971-.  
БотР *Материали за български ботаничен речник*. София 1939.  
РБЕ *Речник на българския език* 1-. София 1977-.  
СбНУ *Сборник за народни умотворения и народопис* 1-52. София 1889-1963.  
ЭССЯ *Этимологический словарь славянских языков* 1-. Москва 1974-.  
LF *Listy filologické a paedagogické*. Praha.  
SFPS *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*. Warszawa.  
SP *Słownik prasłowiański* 1-. 1974-.

## БИБЛИОГРАФИЯ

- Въгленов, М. 1970 *Метафори от названия на животни*. – Известия на Института за български език при БАН 19, 364-369.  
Геров, Н. 1895-1901 *Речник на българския език* 1-5. Пловдив.  
Заимов, Й. 1988 *Български именник*. София.  
Заимов, И., Капалдо, М. 1982-1983 *Супрасълски или Ретков сборник* 1-2. София.  
Младенов, М. 1986 *Българската дума личей*. – Език и литература 41, 3, 75-77.  
Младенов, Ст. 1941 *Етимологически и правописен речник на българския език*. София.

- Рачева, М. 1980 *Застъпници на праславянската глаголна основа \*kāt- 'взртя, търкалям, преобръщам, хвърлям, мятам' в български език*. – Езиковедски проучвания в чест на акад. Владимир Георгиев. София, 257-261.
- Трубачев, О. Н. 1980 *Реконструкция слов и их значений*. Вопросы языкознания 1980, 3, 3-14.
- Фасмер, М. 1967 *Этимологический словарь русского языка 2*. Москва.
- Berneker, E. 1908-1913 *Slavisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg.
- Doerfer, G. 1965 *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen 2*. Wiesbaden.
- Krček, F. 1907 *Grupy dźwiękowe polskie tart i cir(z)ć jako odpowiedniki starobułgarskiej trъt*. Lwów.
- Miklosich, F. 1882-1866 *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum*. Wien.
- Miklosich, F. 1886 *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*. Wien.
- Pokorny, J. 1959 *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern.
- Sjatkowski, J. 1958 *Budownictwo i obróbka drewna*. – Słownictwo Warmii i Mazur. Wrocław.
- Sławski, F. 1965 *Słownik Etymologiczny Języka Polskiego 2*. Kraków.
- Šarapatková, Ž. 2000 *K sémantickému vývoji substantiva mnich*. – *Studia etymologica Brunensia* 1, 121-122. Praha.

## К проблематике семантической имплицитности

В анализах, представленных в кратком изложении в рамках указанной темы, подвергаются пересмотру результаты этимологического или лексикологического исследования конкретных болгарских слов. Неудовлетворительность этих результатов связана с проблематикой семантической имплицитности. Предметом внимания является проявляющееся на уровне лингвистического исследования взаимодействие меняющихся во времени доминирующих представлений и ассоциаций в языковом сознании и конкретных языковых и внеязыковых фактов.

*Институт за български език – БАН*  
ул. Шипченски проход 52, бл. 17, 1113 София, България  
ratcheva@ibl.bas.bg

Při etymologických výkladech některých slov, zejména slov nesnadno objasnitelných, se občas používá postupů označovaných dříve jako „netradiční“. Řadilo se k nim někdy také tabu. Jazykové tabu je spojeno s primitivním myšlením vycházejícím z animistického chápání přírody, jehož základem je víra v existenci nadpřirozených sil, duchů a démonů oživujících neživé předměty a přírodu, a s představou magické síly slova, fatálního sepětí vyřčeného slova s věcí, již toto slovo označuje.<sup>2</sup>

Při práci na *Etymologickém slovníku jazyka staroslověnského* jsme se setkali s několika výrazy, které mohly být objasněny právě pouze pomocí tabu. Jako příklad je možno uvést staroslověnské *nevodъ* ‘nevod, tažná rybářská síť’. Tento starobylý rybářský termín s nepřiliš jasnou etymologií, který je doložen ve většině severoslovanských jazyků (v jihoslovanských jazycích – až na bulharštinu – chybí), se tradičně vysvětluje ze spojení *ne-* + *-vodъ*. Pro první část slova se zpravidla<sup>3</sup> přijímá Vasmerův výklad *ne-* jakožto záporu, jenž byl přidán k *-vodъ* (tato druhá část slova se vysvětluje buď z ie. *\*uēdh-*, což je rozšířená podoba ie. kořene *\*(a)ue-* ‘plést, vázat’, nebo z ie. *\*uedh-* ‘vést’) z tabuových důvodů, totiž aby ryby nepoznaly síť pro ně nebezpečnou (sr. ruskou pověru „*На невод не ступать и не плевать, рыба не будет ловиться*“ – Да! 2, 1316).<sup>4</sup> Podobnou funkci má zřejmě negace *ne-* ve středobulharském názvu zmije *непрѣтка*, jehož 2. část *\*prѣтка* má

---

<sup>1</sup> Příspěvek vznikl za podpory grantu GA ČR č. 405/01//0109 *Vývoj praslovanské slovní zásoby od pozdněindoevropské fáze až po začátky formování jednotlivých slovanských jazyků*.

<sup>2</sup> Sr. *Encyklopedický slovník češtiny* (ed. P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová), Praha 2002, str. 477. – Víra v magickou sílu slova vedla k přesvědčení, že je člověk nerozlučně spjat se svým jménem a že se s jménem přisuzuje člověku i vlastnost toho jména. Dá-li se novorozenci např. jméno vlka, přecházejí vlastnosti vlka na dítě (v. Schrader – Nehring 2, 667). Jako příklad je možno uvést jméno velkého srbského jazykovědce Karadžiče *Vuk* (< *вук* ‘vlk’), ke kterému přišel, jak sám popsal, takto: „*Кад се каквој жени не даду дјеца онда надјене дјетету име Вук, јер мисле да им дјецу вјештице једу, а на вука да не ће смјети ударити (за то су и мени овако име надјели)*“ (Vuk 81).

<sup>3</sup> Sr. přehled etymologických výkladů v ESJS 9, str. 542n.

<sup>4</sup> V lovecké terminologii bylo tabuizování časté (sr. Zelenin I, 125n, Gamkrelidze – Ivanov 695n), jak naznačuje mj. i ruské *oxóma* ‘lov, hon’ < psl. *\*ob-ch(v)ota*, které se řadí k psl. *\*chotěti*, původně tedy *oxóma* \*‘chtění, přání’ (v. Varbotová, ESSJ 27, 89).

význam ‘proužek látky, stužka’; *непрѣтка* (původně tedy \*‘nestuha’) byla zřejmě tabuová náhrada za slovanské *zmbjъ, zmbja*.<sup>5</sup>

Ve slovanských jazycích jsou doloženy výrazy, které vznikly zřejmě jako náhradní pojmenování za tabuizovaná slova (jsou to tzv. noa, eufemismy, tabuová antifráze). Mnohé případy jazykového tabu byly podrobně zpracovány (zejména v pracích A. Meilleta, D. K. Zelenina, P. Trosta, W. Haverse, R. Eckerta aj.). Cílem našeho příspěvku je rozšířit výčet možných náhradních pojmenování několika tabuizovaných výrazů ve slovanských jazycích v rámci čtyř sémantických okruhů (části těla, tělesné vady a nemoci, názvy živočichů a názvy rostlin), předložit další možné objekty tabu a v neposlední řadě doplnit již známé příklady o zajímavé paralely z jazyků neslovanských.

Sémantickou oblastí, v níž se projevuje působení tabu, jsou **názvy částí těla**, například názvy hlavy<sup>6</sup>, jazyka, ruky, nohy aj.<sup>7</sup> Podle Meilleta 71n slovanština ztratila v rámci indoevropských jazyků nejvíce starých názvů pro části těla (zděděné jsou snad jen názvy pro srdce – *srdce*, oko – *oko*, ucho – *ucho*, nos – *nos* a pro obočí – *br̥ov̥*). Tak např. původní ie. název jazyka \**dn̥ǵh₂-*, \**dn̥ǵh₂-*, doložený mezi jiným ve stlat. *dingua* (> lat. *lingua* vlivem slovesného kořene \**leǵh-* ‘lízat’)<sup>8</sup>, je v některých indoevropských jazycích dosvědčen se změnou iniciální hlásky (sr. stir. *tenge*, stprus. *insuwis*

<sup>5</sup> Tak vysvětlují Б. Белчева а А. Бояджиев, *Една стара дума за ‘змиѧ’*, in: *Studia slawistyczne ofiarowane profesorowi Jerzemu Ruskowi na 70. urodziny*, Kraków 2000, str. 227-229.

<sup>6</sup> G. Bonfante, *Il tabu della testa*, in: *Indogermanische Forschungen* 106, 2001, str. 32 soudí, že právě variabilita výrazů pro hlavu v indoevropských jazycích ukazuje na tabu. V této souvislosti je vhodné se zmínit i o názvu lebky v jedné části slovanského jazykového území, totiž o \**čerp̥s* (> b. a mk. *чепен*, sln. *čr̥ēp*, slk. dial. *črep*, dl. dial. *cr̥jop*, kaš. *čěrep*, p. *czerep*, br. *чепен*, ukr. r. *чепен* ‘lebka’), původně ovšem ‘střep, nádoba’ (podrobněji v. ESJS 2, str. 111n); sémantický posun ‘střep, nádoba’ → ‘lebka, hlava’, doložený rovněž např. v románských jazycích (sr. fr. *tête* ‘hlava’ < lat. *testa* ‘střep, nádoba’), se také chápe jako jeden ze specifických projevů jazykového tabu (tak A. Erhart – R. Večerka, *Úvod do etymologie*, Praha 1981, str. 142).

<sup>7</sup> Např. Machek vidí také v psl. \**p̥rsi* ‘prsy, ňadra’ (to se spojuje s výrazy s významem ‘žebro’, sr. stind. *p̥ársu-*, avest. *par̥asu-* ‘žebro’, v. Pokorny 1, str. 820) „tabuové přenesení a přetvoření výrazu pro žebra“ (str. 486). Bańkowski 2, str. 683 zase pokládá staropolský název ledviny *pokr̥atka, pokr̥etka* (název je motivován tvarem ledviny, sr. stč. *pokruta, pokrútká* ‘pečivo kruhovitého tvaru, placka ap.’, v. ESJS 11, 675n) za náhradní pojmenování, neboť ledvina byla údajně – jakožto objekt pohanských kouzel – tabuizována.

<sup>8</sup> Sr. však např. názor Otkupščikova (Ю.В. Оtkупщиков, Лат. *dingua* > *lingua*, *dacruma* > *lacrima*, in: *Hyperboreus – Studia classica*, S. Petersburg – München, Vol. 5, 1999, Fasc.2, 195–203), podle něhož má změna *d* > *l*, známá i v indoevropských jazycích, univerzální charakter.

a sl. *jazykσ*), jejímž důvodem je, vzhledem k mystické a rituální funkci jazyka, nejspíš tabu.<sup>9</sup> Ie. název pro nohu od kořene *\*ped-*, jehož reliktem je slovanské adjektivum *pěšb* ‘pěší’, byl ve slovanštině nahrazen substantivem *noga* s původním významem ‘dráp, nehet’; sr. podobný sémantický posun u italského *gamba* ‘noha’, jež je z pozdně lat. *gamba* ‘kloub nad kopytem (u koně)’. K této skupině výrazů bychom chtěli připojit i slovanský expresivní novotvar pro pupek, totiž *pppσ(kσ)* (sr. csl. *pupσ*, č. *pupek*, r. *пуп*, *пупок* aj.). Pupek sice nehraje v pověrách Slovanů zřejmě žádnou důležitou úlohu, ovšem pupeční šňůra, která spojuje plod s placentou a umožňuje tak jeho výživu, byla údajně obdařena obrovskou magickou a léčivou mocí.<sup>10</sup> Praslovanské *\*pppσ(kσ)*, jehož východiskem je ie. onomatopoické *\*pamp-* ‘nadýmat se, dmout (se), bobtnat, otékat’ (psl. *\*pppσ* pak původně mělo význam *\*‘něco opuchlého, nadutého, nabobtnalého’*, podrobněji ESJS 12, 695 – v tisku), tak mohlo nahradit starý ie. název pupku (ie. *\*nebh-*, *\*nobh-*, *\*nbh-* > stind. *nābhi-*, ř. *ὀμφαλός*, lat. *umbilīcus*, něm. *Nabel*, strpus. *nabis*, lot. *naba* tv.) právě z tabuových důvodů.

Předpokládá se, že v indoevropských jazycích k tabu patřila slova označující různé **tělesné vady a nemoci** (tak Meillet 1921, 291). Je například známo, že psl. *\*gluchσ* ‘hluchý’, jež se, na první pohled paradoxně, někdy vyvozuje z ie. *\*kleu-* ‘slyšet’, se chápe buď jako eufemismus nebo jako jeden z příkladů tabuové antifráze, jejíž podstatou je snaha nahradit slovo označující něco špatného, nebezpečného, nešťastného ap. výrazy vyjadřujícími jeho pravý opak.<sup>11</sup> Pro pojem ‘slepý’ mají indoevropské jazyky slova různého původu, která nejsou vždy spojena s výrazy pro ‘oko’ či ‘vidět’. Patří sem i etymologicky ne zcela jasné slovanské *slěpσ* ‘slepý’, které bylo ve slovanských jazycích nahrazeno výrazy jinými, např. v ruských dialektech eufemismem *тёмный* (SRGP 297, SRGSU-D 527), *отемнёлый*, *отемнёлой* (SRNG 24, 175, SRGSU 3, 80) (odtud i sloveso *отемнеть* ‘oslepnout’), zatímco *слепой* znamená ‘negramotný, neznalý čtení a psaní’ (SRGP 276, SRGSU 6, 25), popř. ‘nezralý (o plodech)’ (NovgOS1 10, 87); dále sr. ruské dial. *потёма* ‘slepý’ s adjektivem *потёмистый* (SRGSU 4, 111, SRNG 30, 272) a sloveso *обезглазеть* ‘oslepnout’ (SRGSU 3, 18). Ruské dial. *тёмный*, *отемнёлый* ‘slepý’ má paralelu v řeckém *τυφλός* ‘slepý’, původně ‘tmavý, temný, kalný, mlhavý’, popř. ve stind. *andha-* ‘slepý’, sr. véd. *andha-* ‘tma, temnota’.

<sup>9</sup> Sr. Havers 55n, 122n, J. Vendryes, *Lexique étymologique de l'irlandais ancien*, Paris – Dublin 1959-, T-50, В. Н. Топоров, *Прусский язык (Словарь)*, Москва 1975-, I–K, str. 58, О. Н. Трубачев, *Приемы семантической реконструкции*, in: *Сравнительно-историческое изучение языков разных семей*, Москва 1988, str. 217.

<sup>10</sup> Sr. R. Meringer, *Omphalos, Nabel, Nebel*, in: *Wörter und Sachen (Kulturhistorische Zeitschrift für Sprach- und Sachforschung)* V, 1913, str. 43-91, zejm. str. 45n.

<sup>11</sup> Typickým příkladem tabuové antifráze je srbské *добрѣћ* namísto *зли прѣит*, *злић* ‘vřed, nežít’ (Vuk 130, Zelenin II, 83).

Nemoc chápali naši předkové jako výsledek působení různých nečistých sil, démonů, čarodějů apod.: např. ruské dial. *прѹтка/прѹтка*<sup>12</sup> znamenalo nejen obecně ‘nemoc’, ale zejména ‘nemoc způsobenou čarodějí uhranutím, uřknutím’ (SRNG 32, 16n), dále např. české *úročky, ouročky* ‘kojenecké onemocnění projevující se vyrážkou’, jež je z *úrok, ourok* ‘uřknutí, uhranutí’. Pozůstatky těchto představ přetrvávají až do dnešních dnů, jak potvrzuje následující frazém ze současných ruských dialektů (Tomská oblast) *лешиѹ* [= zlý duch lesa] *забрал ego* ‘zemřel’.<sup>13</sup> Nemocí se naši předkové oprávněně obávali, protože tyto často končily smrtí, jak ostatně dokládá ruský dialektický název pro nemoc *зѹбель* (SRGSU 1, 112). Pouhé vyslovení jména nemocí mohlo tuto nemoc vyvolat, proto se setkáváme s řadou zástupných pojmenování nahrazujících tabuizovaný výraz (velké množství těchto názvů – převážně z ruštiny – uvádí Zelenin II, 64-87, sr. i Havers 90-95). Jako příklad eufemistického pojmenování je možno uvést z živých ruských dialektů výraz *подѹмею* ‘dětská nemoc, psotník<sup>14</sup>/eklampsie’, ‘epilepsie’, ‘obrna’ (SRGSU 5, 79; SRNG tyto významy nemá!), jež náleží k slovanskému *rodъ, roditi*, tedy do sémantického okruhu příbuzenských termínů, kam patří i jiná náhradní pojmenování nemocí: např. ruské dial. *кѹмá* ‘zimnice’ (SRNG 16, 78), původně ‘kmotra’, nebo srbské *кѹма*, které nahradilo *кѹга* ‘mor/pestis’ (Vuk 322). Tato lichotivá pojmenování nemocí měla zastřít obavy, strach z nemoci (sr. Zelenin II, 76). Je pochopitelné, že ne všechny názvy nemocí můžeme považovat za náhradní pojmenování v tom smyslu, jak jsme o tom hovořili výše; řada z nich jsou prostá synonyma motivovaná projevy té či oné nemoci. Např. v jednom ze staroslověnských názvů malomocenství/lepry *пѣготы* se odráží ta skutečnost, že se na kůži nemocného objevují hnědé skvrny, které bývají roztroušeny zejména po obličejí a končetinách (slovo patří k slovanskému *пѣгъ, пѣга*, sr. csl. *пѣгъ* ‘strakatý skvrnitý’, č. *piha* aj.).

Na doplnění uvedme, že eufemizaci podlehlly i výrazy, které jsou spojeny se smrtí, sr. následující výrazy pro smrt, např. ruské dial. *смерѣдѹшка* (NovgOSI 10, 94), *нодберѹха* (stejný doklad ze středouralských dialektů uvádějí SRGSU 4, 48 a SRNG 27, 335n) aj.<sup>15</sup>

<sup>12</sup> Podle O. N. Trubačeva (v doplňku k Vasmerovu výkladu slova, in: М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*, Москва 1964-1973, 3, str. 391) je *прѹтка* původně ‘neštěstí’, a patří tedy k rodině slovanského *tykati (sę)* ‘týkat se, dotýkat se ap.’

<sup>13</sup> О. И. Блинова, С. Э. Мартынова, Е. А. Юрина, *Словарь образных слов и выражений народного говора*, Томск 2001, str. 150.

<sup>14</sup> V češtině (již ve staré češtině) a ve slovenštině se mu říká také *božec*, což je původně staročeský název pro pohanského bůžka; jde tedy i zde o náhradní pojmenování odrážející zřejmě původce nemoci.

<sup>15</sup> Další četné příklady viz Zelenin II, 150n; k slovanským názvům pro „umírat“ sr. D. Flemming, *Tabu und Ersatzwort (Beobachtungen an slavischen Benennungen des Sterbens)*, in: *Semantische Hefte I*, Hamburg 1974, str. 51-83.

Jednou z oblastí, v níž se jazykové tabu snad nejčastěji a nejzřetelněji projevuje, jsou **názvy živočichů**. Zvířat se lidé na jedné straně obávali jakožto tvorů nebezpečných a škodlivých (zejm. medvěda, vlka, jedovatých hadů, ale i motýlů<sup>16</sup> aj.) nebo odporných, kterých se štítily (např. netopýra, ropuchy, myši aj.), na straně druhé věřili v magickou moc některých zvířat; ta našla svůj odraz v řadě pověr a mýtů. Z dnešního pohledu pro nás může být těžko pochopitelné, proč například k tabuizovaným patřilo jméno obyčejného zajíce. Naši předkové pokládali totiž zajíce za velmi nebezpečného živočicha (Schrader – Nehring 1, 441n), „měsíčního“ tvora<sup>17</sup>, který byl v úzkém spojení s Měsícem, sídlem duší mrtvých (Havers 51). V řadě indoevropských jazyků je pro něj (krycí?) název „šedák“, jak ukazují stind. *śáśa-*, kymer. *ceinach*, sthněm. *haso*, něm. *Hase*, stprus. *sasins* ‘zajíc’, která patří k ie. *\*kas-*, *\*kas-no-* ‘šedý’ (sr. Pokorny 533 a Mayrhofer 3, 316n); stejně motivovaný je litevský název zajíce *širvis* (z lit. *širvas* ‘šedý’<sup>18</sup>), podobně polský *szarak* (z *szary* ‘šedý’) a ruský dial. *cepяк*<sup>19</sup> (z *cépъ* ‘šedý’). Výše zmiňovaný vztah zajíc – Měsíc našel svůj odraz v jednom ze staroindických názvů Měsíce – *śáśin*-<sup>20</sup>, motivovaném zřejmě podobnou barvou nebeského tělesa a zajíce (sr. Buck 55). Slované považovali zajíce za „nečisté“ zvíře proto, že byl ve spojení s nečistými silami, s čertem, ďáblem ap. (SIMif 190n, Gura 187, SIDr 2, 284n), jak ostatně dokládá např. společný název pro zajíce i čerta v ruských dialektech, sr. novgorodské *косо́у* ‘zajíc’ (NovgOS1 4, 123) i ‘ďábel’ (SRNG 15, 65).

K živočichům, kteří byli objektem tabu, patří i hadi, kterých se lidé obávali jednak z čistě praktických důvodů (strach před kousnutím), jednak z důvodů magických (had byl obrazem zla a démonů). Ve středouralských dialektech dosud žije výraz *лету́чка*, které vedle netopýra znamená i ‘змея, которая очень быстро ползает и, по поверьям, может преследовать человека’ (SRGSU-D 282) nebo *горлянка* ‘разновидность змеи, которая, по поверьям, будто бы может влезть в горло спящего человека’ (SRNG 7, 45), *горла́нка/горля́нка* ‘тонкая, черная змея, которая, по местным преданиям, может залезть в рот человеку’ (SRGS I/1, 268n). Na záporný vztah lidí k hadům ukazují i některé další názvy: praslovanské *gadъ*, pův. ‘něco odporného’ (Meillet 1921, 286n), *змьѣ*, *змьѣа*, pův. ‘plazící

<sup>16</sup> Pro naše předky byl motýl převtělenou lidskou duší, byl nositelem nemoci a předzvěstí smrti (SIDr 1, 125n).

<sup>17</sup> Sr. J. Royt – H. Šedinová, *Slovník symbolů*, Praha 1998, str. 160n, U. Becker, *Slovník symbolů*, Praha 2002, str. 335.

<sup>18</sup> Viz E. Fraenkel, *Litauisches etymologisches Wörterbuch*, Göttingen 1962-1965, 989n.

<sup>19</sup> Sr. Dal’ 4, 698, SRGSU 5, 135, NovgOS1 10, 47.

<sup>20</sup> Viz Mayrhofer a Mayrhofer 1986 s.v. *śáśá-* ‘zajíc’.

se po zemi<sup>21</sup>, dále ruské dial. *скасть* (NovgOSI 10, 67), jež Vasmer 2, 634 odvozuje od slovesa *казитъ* ‘kazit, ničit’, *худоў* m. (NovgOSI 12, 28) patřící k sl. *chudъ* ‘hubený, nuzný, špatný, zlý ap.’, *погáник* ‘had’ (NovgOSI 8, 13), jež je ze sl. *roganъ*<sup>22</sup> ‘nečistý, špatný, ohavný, odpuzující ap.’, *гнусина*<sup>23</sup> z rodiny slovanského *\*gnusъ* ‘hnus, špína’ aj. Z obavy, aby se při vyslovení jména neobjevil had, používalo se v srbských dialektech náhradní pojmenování pro hada *непомѣница*<sup>24</sup>, tj. ‘ta, kterou není dobré připomínat’. Zákaz vyslovovat jméno hada souviselo s pověrou, podle níž kolikrát člověk během velikonočního půstu nazve hada jeho původním jménem *змија*, tolikrát ho během následujícího léta uvidí (Vuk 431, Zelenin II, 45). Mezi krycími názvy pro zmiji uvádí Zelenin II, 43 také ukrajinské *шипотинник* (má i Zel. 1089), které bylo motivováno charakteristickým syčením (ukr. *шипотити*). Doplňme jiný podobný název pro zmiji, vycházející z akustického vjemu, ruské dial. (novgorodské) *свицѹн* (sr. ruské *свицѣтъ*): „*Есть гад свицѹн, зребень у его, и сидит на пне и свицѣтъ*“ (NovgOSI 10, 24).

Tabu podlehly názvy těch **rostlin**, kterých se užívalo v magii a také v lidovém léčitelství, které bylo s magií úzce spojeno. Sem nejspíš patří výrazy jako slovenské *netata*, v nářečích i *netáta*, *netátal*, *retáta*<sup>25</sup>, české dial. (zejména moravské) *netáta*<sup>26</sup> a polské *nietota*<sup>27</sup>, která označují jalovec chvojku klášterskou/Juniperus sabina a také plavuň/Lycopodium (původně – podle Brücknera 361n – *\*‘nie to ta’*, tedy krycí slovo, tabuová náhrada *to je ta, to není ta* (rostlina))<sup>28</sup>; obou rostlin se v lidovém léčitelství užívalo jako účinného a současně velmi nebezpečného abortiva (jalovec navíc patřil k rostlinám obdařeným magickou mocí, které chrání před nečistými

<sup>21</sup> K sémantice sr. stind. *pannagá-* ‘had’, jež se tradičně vysvětluje od slovesa *pádyate* ‘padá’ (ptc. perf. pas. *panná-*) + *gá-* ‘gehend’, původně tedy *\*‘jdoucí dole, po zemi’* (Mayrhofer 2, 211).

<sup>22</sup> Od slovanského *roganъ* jsou odvozena i jména pro jiná „nečistá“ zvířata, např. pro myš, krysu či potkana (bulharské dial. *погáнек*, *погáнец*, *погáнац* – BER 5, 418n, ruské dial. *погáнка*, *пóганъ* – SRNG 27, 287 a 289); často se tak označují i zlí duchové, čerti (sr. např. r. dial. *погáный* ‘nečistý, ďábel’ – SRNG 27, 288) a nemoci (sr. r. dial. *погáнка* ‘žimnice’ a *погáная* f. ‘sifilis’ – SRNG 27, 288).

<sup>23</sup> Takto se označovali i jiní škodliví nebo „nečistí“ živočichové, např. myš, krysa aj., sr. SRNG 6, 250.

<sup>24</sup> Podobně je srbské *непомѣник* náhradní pojmenování pro ‘nebezpečný nádor’ (Vuk 431) a ‘skorbut/kurděje’ (Rj 7, 957).

<sup>25</sup> Viz M. Majtánová, *Borievka netata*, in: *Kultúra slova*, Bratislava 1981, 15, str. 53-55.

<sup>26</sup> Sr. F. Bartoš, *Dialektologie moravská*, sv. 2 (Nářečí hanácké a české), Brno 1895, str. 504.

<sup>27</sup> J. Karłowicz – A. Kryński – W. Niedźwiedzki, *Słownik języka polskiego*, Warszawa 1900-1927, sv. 3, 350.

<sup>28</sup> Jinak Bańkowski 2, 311, který pokládá polské (již staropolské) *nietota* ‘druh plavuně’ za přejetí zprostředkované karpatskými horaly z rum. *netoată* *\*‘ne celá’*.



silami).<sup>29</sup> Blízky je i slovenský výraz *neto*, o němž však víme pouze to, že je to název nějaké rostliny.<sup>30</sup> Podobného původu je zřejmě i český název *toten* pro bylinu krvavec/Sanguisorba, která se používala v lidovém léčitelství; údajně to byla čarodějná rostlina, jež škodila čarodějnicím a chránila před čarami (Košťál 66n). Lidé byli přesvědčeni, že použití náhradního pojmenování – *toten* (ze spojení zájmen *to* a *ten* – Machek 1954, 107) – místo „pravého“ jména rostliny ruší či oslabuje jeho magický účinek. Jméno *toten* existuje jednak jako součást českého botanického názvu pro bylinu krvavec/Sanguisorba (*krvavec toten*, *toten lékařský* ‘Sanguisorba officinalis’ – KČR 4, 241n), jednak v dialektech (sr. moravské *toten* tv. – Bartoš 447). Blízké je i české dial. (moravské) *tota* pro jedovatou rostlinu náprstník/Digitalis (Bartoš 447), české *tolita*/Cynanchum vincetoxicum – této byliny se dříve používalo v lidovém léčitelství jako protijedu (z původního *to-li ta*, tedy \*‘je to ta (rostlina)?’ – Machek 1954, 183n a Machek 647) a slovenské *netója* tv.<sup>31</sup> K této skupině názvů můžeme připojit i české *tolije*<sup>32</sup>/Parnassia (KČR 3, 422), což je název byliny, která byla – zřejmě podle srdcovitého tvaru listů – považována za léčivou rostlinu na srdeční choroby (odtud i české lid. *srdečnice* – Machek 1954, 100, podobně německé starší dial. *Herzblumm*, *Herzblümchen* ap. – Marzell 3, 583). S českými jmény *tolije*, *tolija* se můžeme setkat rovněž jako s lidovými názvy dalších rostlin, zejména však těch, kterých se užívalo v lidovém léčitelství (označoval se tak například kokořík/Polygonatum).<sup>33</sup> Podobná jména jsou doložena v polštině, sr. polské *tojesć*, pomorské (Gdaňsko) se změnou *t > k* *kojesć*<sup>34</sup> ‘vrbina/Lysimachia’, které se užívalo v lidovém léčitelství na rány, ve staré polštině pak jména *tojesć*, *tojest*, *toje* označovala různé byliny, vedle vrbiny i *tolitu*/Cynanchum vincetoxicum, orlíček/Aquilegia aj.<sup>35</sup> Brückner 572n sem řadí i polský název jedovaté byliny oměje/Aconitum *tojad*.

<sup>29</sup> Podrobněji v. I. Janyšková, *Отражение жизни и представлений славян в названиях можжевельника*, in: SEB 1, str. 62n.

<sup>30</sup> Viz F. Š. Kott, *Česko-německý slovník zvláště grammaticko-frazeologický*, Praha 1878-1893, sv. 7, str. 1338 a sv. 8: *Příspěvky k česko-německému slovníku*, Praha 1896, str. 235.

<sup>31</sup> Viz M. Kálal, *Slovenský slovník z literatury aj nářečí*, Banská Bystrica 1923, str. 380.

<sup>32</sup> Podle F. Polívky, *Názorná květena zemí koruny české*, Olomouc, 1900-1904, sv. 2, 167, pozn. 1 a sv. 3, 285, pozn. 1 patří *tolije* i *tolita* k slovanskému *toliti* ‘mírnit, konejšit’, v češtině ovšem nedoloženému.

<sup>33</sup> Sr. V. Jirásek – R. Zadina – Z. Blažek, *Naše jedovaté rostliny*, Praha 1957, str. 241.

<sup>34</sup> Viz E. Breza, *Oboczność t : k (i podobne) i jej ślady w nazwach Pomorza Gdańskiego*, in: *Język polski*, Kraków 1977, 57, str. 185.

<sup>35</sup> Sr. *Słownik staropolski*, red. S. Urbańczyk, Warszawa 1953n, 9, str. 171.

Ke krycím výrazům bychom snad mohli přiřadit i slovinské *blaženo drevce* a *blagoslovljeno drevce* ‘jalovec chvojka klášterská/Juniperus sabina’ (Pleteršnik 1, 170) (sr. i něm. dial. *Glückskraut* tv. – Marzell 2, 1099), jež bychom vzhledem k abortivním účinkům jalovce chvojky klášterské mohli považovat za případ tabuové antifráze, jejíž podstatou je, jak již bylo zmíněno výše, snaha nahradit slovo označující něco špatného, nebezpečného výrazem vyjadřujícím jeho opak. Sr. například ruské dial. *благобѣ* ‘špatný, ubohý’ (SRNG 2, 306) a (Rjazaň) *благая мину́та* ‘по суеверным представлениям, неблагоприятное для чего-либо время, когда особенно активна нечистая сила’ (SRNG 18, 169) a také bulharské dial. *благата рана* ‘nebezpečný, zhoubný vřed/antrax’.<sup>36</sup>

Na uvedených příkladech jsme se pokusili ukázat, že při etymologickém objasňování slov je třeba brát v úvahu i ty výklady, které jsou založeny na tabu.

## LITERATURA

- Bańkowski      Bańkowski, A., *Etymologiczny słownik języka polskiego*, Warszawa 2000n.
- Bartoš            Bartoš, F., *Dialektický slovník moravský*, Praha 1906.
- BER                *Български етимологичен речник* (red. В. Георгиев), София 1962-.
- Brückner         Brückner, A., *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Warszawa 1957 (přetisk 1. vydání z roku 1927).
- Buck              Buck, C. D., *A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages*, Chicago 1949.
- Dal’                Даль, В., *Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля*, 3. vyd., С.-Петербург 1903-1909.
- ESJS              *Etymologický slovník jazyka staroslověnského* (red. A. Erhart, E. Havlová), Praha 1989n.
- ESSJ              *Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд)*, ред. О. Н. Трубачев, Москва 1974-.
- Gamkrelidze – Ivanov    Гамкрелидзе, Т. В. – Иванов, В. В., *Индоевропейский язык и индоевропейцы (Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры)*, Тбилиси 1984.

<sup>36</sup> Н. И. Толстой, *Несколько болгарско-русских лексических соответствий*, in: *Dialectologia slavica (Сборник к 85-летию С. Б. Бернштейна)*, Москва 1995, str. 37.

- Gura            Гура, А. В., *Символика животных в славянской народной традиции*, Москва 1997.
- Havers         Havers, W., *Neuere Literatur zum Sprachtabu*, Wien 1946.
- KČR             *Květena České republiky* (eds. S. Hejný a B. Slavík), 2. vyd., Praha 1997n.
- Košťál         Košťál, J., *Rostlinstvo v podání prstonárodním*, Velké Meziříčí 1901.
- Machek         Machek, V., *Etymologický slovník jazyka českého*, 2. vyd., Praha 1968.
- Machek 1954   Machek, V., *Česká a slovenská jména rostlin*, Praha 1954.
- Marzell         Marzell, H., *Wörterbuch der deutschen Pflanzennamen*, Leipzig 1943-1979 (od 4. sešitu 3. svazku z pozůstalosti vydal H. Paul).
- Mayrhofer      Mayrhofer, M., *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*, Heidelberg 1956-1980.
- Mayrhofer 1986 Mayrhofer, M., *Etymologisches Wörterbuch des Altindiarischen*, Heidelberg 1986n.
- Meillet         Meillet, A., *De la disparition des noms indo-européens de parties du corps en slave*, in: *Rocznik slawistyczny IX*, Kraków 1921, str. 71–77.
- Meillet 1921   Meillet, A., *Quelques hypothèses sur des interdictions de vocabulaire dans les langues indo-européennes*, in: *Linguistique historique et linguistique générale*, Paris 1921, str. 281–291.
- NovgOSl        *Новгородский областной словарь*, Новгород 1992-1995.
- Pleteršnik      Pleteršnik, M., *Slovensko-nemški slovar*, Ljubljana 1894-1895.
- Pokorny         Pokorny, J., *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*, Bern – München 1959-1969.
- Rj                *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, Zagreb 1880-1967.
- SEB             *Studia etymologica Brunensia 1* (eds. I. Janyšková, H. Karlíková), Praha 2000.
- Schrader – Nehring Schrader, O. – Nehring, A., *Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde*, 2. vyd., Berlin 1917-1929.
- SlDr             *Славянские древности (Этнолингвистический словарь)*, Москва 1995-.
- SlMif            *Славянская мифология (Энциклопедический словарь)*, Москва 1995.
- SRGP            *Словарь русских говоров Приамурья*, Москва 1983.
- SRGS            *Словарь русских говоров Сибири*, Новосибирск 1999-.
- SRGSU         *Словарь русских говоров Среднего Урала*, Свердловск 1964-1988.

SRGSU-D	<i>Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения</i> , Екатеринбург 1996.
SRNG	<i>Словарь русских народных говоров</i> , Ленинград 1966-.
Vasmer	Vasmer, M., <i>Russisches etymologisches Wörterbuch</i> , Heidelberg 1953-1958.
Vuk	Караџић, Вук С., <i>Српски рјечник и тумачен њемачкијем и латинскијем рјечима</i> , 4. vyd., Београд 1935.
Zelenin	Зеленин, Д. К., <i>Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии (I. Запреты на охоте и иных промыслах, II. Запреты в домашней жизни)</i> , in: <i>Сборник Музея антропологии и этнографии VIII</i> , Ленинград 1929, 1-151, IX, 1930, 1-166.
Žel.	Желеховский, Е., <i>Малоруско-німецкий словарь</i> , Львів 1886.

## К роли табу в этимологии

В настоящей статье исследуются явления табу на материале лексики четырех семантических полей (части тела, физические недостатки и болезни, животные, растения). В статье приводятся параллели из неславянских языков.

К новообразованиям, которые пришли на смену табуизированным словам, автор относит славянское экспрессивное *porъ(kъ)* (цслав. *pirъ*, чеш. *pirek* и др.) ‘пупок’. Данное название заменило, вытеснило из употребления древнее и.-е. название с корнем \**nehh-*, *nohh-*, *nhh-*, с которым были связаны древние представления о магической силе.

Для понятия ‘слепой’ обнаружены в русских диалектах эвфемизмы *тёмный*, *отемнёлый* и т. п., в то же время в диалектах *слепой* приобрело значение ‘неграмотный, не умеющий читать и писать’ или же ‘неспелый (о плодах)’; семантическая параллель, напр., в греч. τυφλός ‘слепой’, первоначально ‘темный’.

Примеры из современных русских диалектов (ср., напр., ср.-урал. *летучка* ‘змея, которая очень быстро ползает и, по поверьям, может преследовать человека’) показывают, что часто к табуизируемым словам относятся названия тех животных, которые вызывали страх у людей по разным причинам, в том числе и магическим.

Табу подверглись названия тех растений, которые использовались в магии и народной медицине, ср., напр., слвц. *netata*, диал.

*netáta, retáta*, чеш. диал. *netáta*, польск. *nietota* ‘можжевельник казацкий (*Juniperus sabina*)’, чеш. *toten* ‘кровохлёбка, красноголовник (*Sanguisorba*)’, чеш. диал. *tota* ‘наперстянка (*Digitalis*)’, чеш. *tolita*, словц. *netója* ‘ластовень (*Cynanchum vincetoxicum*)’, польск. *tojeść* ‘вербейник (*Lysimachia*)’ и др. Словен. *blaženo drevce* и *blagoslovljeno drevce* ‘можжевельник казацкий (*Juniperus sabina*)’ рассматривается как пример табуистического антифразиса.

Опыт работы над словарем „*Etymologický slovník jazyka staroslověnského*“ (ср., напр., объяснение ст.-слав. *nevodъ*, вслед за Фасмером) свидетельствует о том, что в поисках этимологии некоторых слов мы иногда вынуждены обращаться к тем интерпретациям, которые основаны на табу.

*Etymologické oddělení, Ústav pro jazyk český AV ČR*  
*Veveří 97, 602 00 Brno, Česká republika*  
*ilona.janyskova@iach.cz*



# O staročeském slovese *přemoci* (K integraci kalkových významů do lexikálně sémantických struktur)

Milada Homolková

Staročeské sloveso *přemoci* a s ním i jeho sekundární imperfektivní protějšek *přemáhati* patří k těm polysémním lexikálním jednotkám, jejichž složitá sémantická struktura se zřetelně rozpadá na dvě části. Jako diferenční významový příznak tu vystupuje valenční člen: významy jedné skupiny spolu sdílejí prostý akuzativní objekt (1), pro významy druhé skupiny je naopak příznačná jeho nepřítomnost (2). Nabízí se otázka, jaké jsou vývojové okolnosti a perspektivy tohoto verbálního „dvojdómí“ (3) a jaké závěry z toho vyplývají pro jeho popis ve slovníkovém hesle (4).

1. Po stránce slootovorné je tranzitivní sloveso *přemoci* víc než průhledný domácí předponový derivát, do něhož vstoupilo sloveso *moci* ve svém původním „předzpůsobovém“ významu stavovém ‘být silný, mocný’. Ten je ještě poměrně spolehlivě doložen ve staroslověnských pramenech,<sup>1</sup> ale ve staré češtině ho zaznamenáváme zřejmě jen v ojedinělém posunutém užití, navíc v příznakové pozici gramatického rýmu (*nad čím která z nás může, toho tobě vždy pomůže* AlxV 749; srov. GbSlov s.v. *moci*). Svým základním významem se však k němu hlásí všechny staročeské předponové deriváty, a to jak tranzitivní *namoci*, *přemoci*, *rozmoci*, *vymoci*, *(v)zmoci*, *zmoci*, tak netranzitivní *pomoci*. Důsledkem prefixace je dokonavost výsledných derivátů a také – v závislosti na prapůvodním významu předpony – nabytí závazného objektu akuzativního, nebo – a to jen u slovesa *pomoci* – dativního. Tranzitivnost je následně předpokladem pro utvoření příslušných reflexivních protějšků. Předponu *přě-* u našeho slovesa hodnotí F. Kopečný jako měrovou a přičítá jí význam ‘činností překonat’. Podle jeho výkladu jde o odnož významu ‘nadměrnosti, překročení jisté hranice normálu’, který je blízký funkci „zmocňovací (stupňovací)“, tj. té, která se tak výrazně uplatňuje při derivaci adjektiv (eo ipso adverbíí), výjimečně i substantiv. Přitom srovnáním slovanského materiálu dochází autor k zjištění, že na rozdíl od adjektiv je využití tohoto prefixu nadměrnosti při slovesné derivaci omezenější jak z hlediska diachronního (ve staroslověnštině je význam míry přesahující normu ještě velmi vzácný), tak synchronně teritoriálního (ESSJ, s. 166-168). Také Šlosarova interpretace významu ‘překonání’

---

<sup>1</sup> Srov. SJStsl s.v. *mošti*. Pozoruhodná je zde četnost dokladů z Besěd Řehoře Velikého, nejvýznamnější csl. památky českého původu.

u předpony *pře-*, založená na dokladech z žaltárních překladů od staroslovenského po novočeský, respektuje takto orientovanou vývojovou souvislost (Šlosar 1981, s. 83-85). Avšak o tom, že význam předpony u tranzitivních sloves jako stč. *přemoci*, *překonati* je měrový a jako takový motivován významem ‘nadměrnosti’, lze myslím oprávněně pochybovat.<sup>2</sup> Ve výchozím slovotvorném významu nemodifikuje předpona *pře-* význam báze slovesa měrově, tj. co do stupně intenzity děje,<sup>3</sup> jde o modifikaci vázanou ještě k představě prostorové: subjekt děje se uplatněním nějaké své schopnosti dostává „přes“ objekt pojatý jako překážka/protivník a dějem takto zasažený objekt přestane být jako překážka/protivník (ú)činný. Z tohoto základního významu se pak průhlednými posuny, které se týkají sémů, jejichž nositelem je jak předpona, tak slovesná báze, rozvíjejí významy další. Podle stáří dokladů lze soudit, že naše tranzitivní sloveso bylo nadáno bohatou polysémií už na prahu historické doby. Rekonstrukci jednotlivých významů a vývojových souvislostí mezi nimi podává příslušnými lexikografickými formami, tzn. významovým výkladem a řazením významových odstavců, předkládané heslo ze StčS.<sup>4</sup> Tato rekonstrukce nenaznačuje, že by vývoj této polysémní struktury směřoval ke změně formy objektu, popř. k jeho vypuštění z valenčního potenciálu slovesa *přemoci*:

1. [o živém] *koho/co* (čím, v čem ap.) *přemoci*, *uplatněním nějaké své schopnosti* (zvl. *síly*) *překonat koho/co*; [v soupeření] *zdolat*, *porazit koho/co*, *zvítězit nad kým/čím*: lučišče silných *prziemozeno jest* ŽaltWittb 116a (1 Rg 2,4; meton. předm.) *superatus est*;

2. *koho* (čím [řečí] v čem) *přemoci při slovním střetnutí koho*, *získat v slovní při převahu nad kým*; jur. pf. v pas. („v při“) *být poražen*, *prohrát*: mě *przemohl* [Ježíš] v *prvéj strocě* LEGDĚTK 4a (v. odpovědět 1) *vicit*;

3. pf. *koho* (v čem, čím skrzě *koho*; jur. z čeho ap. [provinění] čím [svědectvím]) *usvědčit koho* (*z čeho*), *dokázat komu nějaké provinění*: *dostiť má ... hanby v tom, jež se zná v svém falešném řemesle* *prziemozen* PASMUZA 297 se... *superatum*;

4. pf. *koho* (čím [působivým, zvl. slovy] aby ...) *pohnout k něčemu požadovanému něčím*; s větou obsah. *přimět*, *přinutit*: na to jej německá rada *przymoze*, že *Rudoltovici k iřiši pomože* DALC 96,5 *přemluvila*;

<sup>2</sup> Srov. strukturaci významového spektra novočeské předpony *pře-* v MČ 1, s. 399n, kterou ovšem nelze mechanicky aplikovat na starou češtinu.

<sup>3</sup> Hranice „měrovosti“ je samozřejmě nejednoznačná: např. u stč. sloves typu *přechísti*, *přechistiti*, *přehleděti* shledává I. Němec (2000, s. 119) předponu s funkcí vyjadřovat úplnou míru příslušného děje; D. Šlosar (1981, s. 84) ji chápe jako předponu rezultativní, tzn. prostě vidovou (srov. HMČ, s. 338).

<sup>4</sup> Na rozdíl od významů intransitivní větve slovesa *přemoci/přemáhati* (srov. přílohu uvedenou na konci článku) jsou zde z rukopisu StčS uvedena pouze záhlaví významových odstavců a nejstarší doklad na každý význam.



5. [o mocném činiteli] *koho/co [území] (čím ap.) přemoci, ovládnout, ve svůj prospěch zbavit moci, tj. nezávislosti; [území] zmocnit se čeho:* kdež žáka ... przymożyefse, żyvu jemu býti nebieše DALC 27,13 (v rýmu);

6. [o něčem tíživě doléhajícím] *koho zmoci, zbavit síly, vyčerpát; pf. zkrušit:* přiekožiznu trpí Efraim, prziemożen sa súdem BIBLDRAŽĎ Os 5,11 (v. přelomiti 2) fractus;

7. [o abstraktním] *koho/co (v čem, v pas. čím) přemoci koho/co, nabýt vítězné převahy nad kým/čím, podříditi si jednání koho n. působení čeho; v pas. poddat se, podlehnout čemu:* ukáži tobě ... jěžto prziemoci muože diábel BIBLDRAŽĎ Tob 6,16 (nad nimiž diábel má moc ~Lit) quibus praevalere potest;

8. *co [chování ap., zvl. špatné] (čím ap. kde [„v sobě“]) přemoci co, znemožnit působení n. účinnost ap. čeho, zvl. potlačit co:* mirzkosti mé já nemohu przemoczy LEGDĚTK 4a praevalere;

9. *co [obtížného, protiventství] (čím, skrzě co [chování]) přemoci, zmoci, úsilím ap. zdárně překonat, zvl. zdolat; s všeobec. předm. zvládnout, dosáhnout:* však jsem boží pomocí všě [tj. pokušení] prziemohla PASMUZA 219 vici;

10. *koho/co, ojed. čeho [druhého, všecko ap.] (čím, v čem [vlastnosti, chování]) překonat, předstihnout koho/co, zvl. vyniknout nad koho/co; pf. předčít, ipf. převyšovat koho/co:* mír boží, jenž przemaha všecken smysl EVOL 96a (Ph 4,7: převyšuje BiblOl) exsuperat.

2. Větev intranzitivních významů se tedy zřejmě od samého počátku vyvíjela nezávisle na významech s přímým předmětem. Původní význam slovesa *moci* ‘být silný, mocný’ otvíral možnost, aby k němu přistoučila předpona *přě-* rovnou ve funkci gradační, tzn. stejně jako k adjektivu či adverbium,<sup>5</sup> a aby významovým příznakem [větší než obvyklá míra] stupňovala vlastnost, jejímž nositelem je subjekt děje. Teprve poté, až bude dokončena lexikálně sémantická analýza všech slovesných derivátů s předponou *přě-* doložených ve staré češtině, bude možné určit, nakolik a u jakých slovo- tvorných základů byl takový postup odvozování produktivní. Při tomto modifikačním zásahu nedošlo ke změně subjektového bázového slovesa na sloveso předmětové, jako tomu bylo v případě předchozím, změnil se pouze jeho vid. Všimněme si blíže, jaké významové posuny se zde odehrály (srov. přílohu uvedenou v závěru článku). V prvním případě došlo mezi výchozím významem ‘nabýt mimořádné moci n. síly’ a významem uvedeným pod č. 2 ‘nabýt na síle’ ke kategoriální změně v lexikálním obsazení subjektu (o osobě > o abstraktním) a u předpony k přehodnocení sému nadměrnosti v sém dynamický, což doprovází i změna potenciálního doplnění (v čem > kde). Ve druhém případě, tj. ve směru od významu č. 1 k významu č. 3, se

---

<sup>5</sup> V popisu významu příslušných adjektiv užívá StČS pro vystižení tohoto sému adverbii *nadmíru, mimořádně, přespříliš*; srov. též Černá 2000, s. 238n.

rozšiřuje možné obsazení pozice subjektu (o osobě > o živém), sém nadměrnosti je přehodnocen na sém větší míry (mimořádná moc > převaha moci), a co je nejdůležitější – jako potenciální valenční doplnění se tu objevuje i osobový objekt, ovšem v jiné formě než prosté akuzativní. Z tohoto významu vyrůstá pak 4. význam, a to obvyklým posunem subjektu od živého k abstraktnímu a zároveň rozšířením a obsazením možné objektové pozice (někoho > někoho/něco jiného).

3. S toutou rekonstrukcí dvou paralelních větví slovesa *bychom* se mohli spokojit, kdyby soubor dokladů, které dokumentují uvedené čtyři intranzitivní významy a které rovnoměrně pokrývají celé staročeské období,<sup>6</sup> nebyl na první pohled nápadný i dalšími rysy. Naprosto tu převažují biblické překlady a texty k biblí se vážící (náboženská a kazatelská literatura, biblické slovníky). Doloženo je také užití ve speciálním odborném výkladu, jehož předlohou byl text latinský (bezpečně zjištěný u Práva horního, předpokládaný u Lékařství františkánského). A dále a hlavně: ve srovnání s tím, jak pestrá je paleta latinských výrazů u překladových dokladů, které přísluší do tranzitivní skupiny,<sup>7</sup> vyznačuje se skupina dokladů bez přímého předmětu silným zastoupením latinského slovesa *praevalere*; v nejstarší vrstvě, představované žaltářem Wittenberským, je to dokonce ekvivalent jediný. Latinské sloveso *valere* se významem ‘být silný’ kryje s nemodálním *moci*. Hláskově i funkčně nejbližší paralelu latinského *prae-* představuje v historické době právě domácí předpona *přě-*: nejde zřejmě o etymologicky totožné prefixy, ale jako členové širší rodiny *p-r*-ových prepozic se při slovesné derivaci uplatňují ve stejných prostorově a časově modifikujících významech a výrazně především při gradační derivaci adjektivní a adverbialní (ESSJ, s. 168, 208). Všechny uvedené indicie vedou k důvodnému podezření, že lexikálně sémantická struktura staročeského slovesa *přemoci* se ve své intranzitivní větvi utvářela nikoli vlastním domácím vývojem, jak jsme se ho pokusili náznakově rekonstruovat výše (2), ale pod přímým vlivem latinského slovesa, jinak řečeno – ukazuje se, že skupina intranzitivních významů tu má kalkový původ.

---

<sup>6</sup> K zásadám výběru dokladů do slovníkového hesla srov. StČS, Úvodní stati, s. 41n a pozdější korekci těchto zásad (Němec a kol. 1981, s. 247).

<sup>7</sup> Zastoupena jsou zde slovesa *agitare, conficere, confodere, confutare, convincere, deficere, deicere, devincere, emoliri, evincere, expugnare, exsuperare, fatigare, flectere, frangere, invalescere, obtinere, possidere, praeminere, praestare, praevalere, prosternere, repellere, repugnare, revincere, suffere, superare, supplantare, triumphare, vigere, vincere*. – K uvádění jinojazyčného ekvivalentu u slovníkového dokladu srov. StČS, Úvodní stati, s. 43 a pozdější korekci těchto zásad (Němec a kol. 1981, s. 247).

Staročeské sloveso *přemoci* vyhovovalo požadavkům na ekvivalentní překlad latinského *praevalere* svým slovotvorným skladem, významem předpony i báze slovesa, ale nikoli svou valenční výbavou. Latinské sloveso mohlo v základním významu k sobě pojit infinitiv či spojkovou vedlejší větu, které vyjadřovaly účel nabytí mimořádné moci nebo síly (srov. v příloze význam 1). Při převodu této syntaktické konstrukce volil staročeský překladatel buď řešení kalkové – zachoval sloveso a opatřil ho větněčlenským doplněním podle latiny. Nebo se rozhodl pro řešení funkčně ekvivalentní – nahradil sloveso ve větě sponovým spojením s takovým adjektivem, popř. adverbium opatřeným předponou *pře-*, které mohlo mít u sebe účelové doplnění: *jenž [Simeon] prziemohl rozšířiti město* BIBLDRÁŽĎ Sir 50,5 (*jest přemohl, aby rozšířil* ~Praž) *praevaluit* *amplificare*; *kto móż przemoczi, by mohl udělati jemu [Bohu] duom dóstojný* BIBLOL 2 Par 2,6 (*tak předostatečný býti, by ...* ~Lit, *předostatečně býti* VýklKruml) *praevalere ut aedificet*. – Větněčlenský problém jiného druhu přinesly přenesené významy vyjadřující převahu subjektu nad objektem (význam 3 a 4). V latinské větě stojí u slovesa *praevalere* osobové objektové doplnění jen ve formě předložkového akuzativu (*praevalere adversus/contra/super alqm*). I tady se projevila silná náchylnost ke kalkování, která vedla k tomu, že objekt byl při překladu biblických vět vyjadřován předložkovým spojením *nad koho, proti komu*, ojediněle i *na koho*. Za povšimnutí ovšem stojí, že předložkový předmět se u slovesa *přemoci* neobjevuje jen v biblických překladech; jeho pozdější, už latinou nepodložené užití (v písni o králi Vladislavu Varnenčikovi ze 40. let 15. století, srov. význam 3, a u Chelčického, srov. význam 4) ukazuje na to, že v rámci valenčního potenciálu sloves *přemoci/přemáhati* nebyla už tato forma objektu prvkem zcela cizím. Určitě tu také zapůsobil vliv synonymního slovesa (*s*)*vítěziti*, u něhož stál objekt v uvedených dvou předložkových pádech. Ne všichni překladatelé dbali ovšem na formální syntaktickou stránku latinského originálu; jak ukazují různočtení, volili zde sloveso *přemoci* s jeho vlastním bezpředložkovým akuzativním objektem.

Když sémantický vývoj intransitivní větve slovesa, při němž, jak jsme viděli, měla určující vliv spojitelnost latinského slovesa, došel až k tomu, že jeden z přenesených významů intransitivních se přiblížil výchozímu významu tranzitivnímu, další jejich koexistence už nebyla funkční. Systémová pozice domácí polysémní lexikální struktury tranzitivní byla mnohem silnější, a to vazbami k jednotkám téhož slovotvorného a valenčního typu, slovní čeledi a sémantického pole. V průběhu vývoje „přemohla“ a zcela vytlačila kalkové významy intransitivní, jejichž systémové zakotvení bylo od počátku nepevné.

4. Slovníkový popis, který přes všechna svá omezení zůstává nejvýhodnějším způsobem zobrazení výsledků komplexní diachronní analýzy lexikálně sémantických struktur, zachycuje blízkost významů v rámci polysémního slova, která je dána určitým společným sémem (Němec 1995, s. 194), tím způsobem, že heslová stať je členěna na skupiny označené římskou číslicí a charakteristikou příslušného diferenčního jazykového prvku. Pořadí větví má respektovat jejich vývojovou souvislost a systémové postavení: v našem případě první místo náleží větvi tranzitivní (I. s přímým předmětem; II. bez přímého předmětu).

Informace o kalkovém původu určité lexikální jednotky patří mezi genetické údaje, které se ve StčS uvádějí fakultativně (Homolková 2000, s. 67). Má formu poznámky „podle lat.“, která bývá umístěna buď za doklady ve významovém odstavci, nebo v závěru významového záhlaví za příslušným novočeským ekvivalentem. Potřeba uvést tuto informaci nastává nepochybně tehdy, prokáže-li se při rekonstrukci vývoje polysémní struktury, že určitá lexikálně sémantická korelace byla dotvořena výhradně podle cizího vzoru (Němec 1968, s. 144) a nově vzniklý význam nelze přiřadit k žádnému lexikálně sémantickému odvozovacímu modelu. Tak je tomu u valenčního omezení 1. významu v intranzitivní skupině. Jde-li o význam, který lze vysvětlit jako výsledek běžného významového posunu, byť je zřejmé, že cizím vlivem se tu domácí vývoj inicioval a dynamizoval, pak se explicitní informace o kalkovém původu neuvádí. Příkladem mohou posloužit staročeská slovesa oblékání s abstraktním doplněním (srov. StčS s.v. *obléci* 5: koho/co v co, čím [abstraktním] ‘učinit nositelem něčeho, uvést do něčeho’; dále též s.v. *odieti* 5, *odieti se* 2). Tato běžná lexikalizovaná metafora má ve slovanských jazycích kalkový charakter (Němec 1992); v příslušných heslech StčS odkazuje k tomuto původu „pouze“ míra zastoupení dokladů z náboženských překladových textů. Ovšem – jak nedávno na několika staroslověnských slovech přesvědčivě ukázala E. Havlová – nejen že je obtížné tyto dva typy sémantických kalků někdy odlišit, ale navíc je tu třeba vyhnout se nebezpečí, aby jakákoli vývojová paralela nebyla interpretována jako kalk (Havlová 1999).

Jestliže jsou kvůli přehlednosti doklady na syntakticky či jinak omezené užití, které je prokazatelně kalkového původu, soustředěny v rámci dokladové části významového odstavce do samostatného pododdílu (pododstavce), uvádí se údaj „podle lat.“ v rámci charakteristiky vytčené v čele tohoto pododstavce (srov. v příloze význam č. 3). Všimněme si nakonec ještě jednoho lexikograficky banálního detailu, který také odráží výsledek rekonstrukce vývoje polysémní struktury slovesa *přemoci/přemáhati*. Došli jsme k závěru, že objekt ve formě předložkového spojení se vyvinul nezávisle na prostém objektu akuzativním a že tato dvojí forma je diferenčním

příznakem pro dvojí význam, i když ji nacházíme v překladu jednoho a téhož originálního vyjádření. Proto u dokladů z bible se musí mezi lexikálními variantami, které uvádíme podle určitých zásad z vybraných textů reprezentujících jednotlivé redakce staročeského biblického překladu, výslovně uvést i užití dokládající druhý typ objektu. Taková lexikální varianta se zaznamená nikoli v paleografické, ale v transkribované podobě. Doklady tohoto typu se ovšem – pro úsporu místa – soustřeďují pouze do jednoho významového odstavce; v rámci příslušného významového odstavce v druhé (tranzitivní) skupině se na ně upozorní odkazem.

Příloha:<sup>8</sup>

1. [o osobě] (v čem, s inf., by . . . ) *nabýt mimořádné moci n. síly, zvl. nabýt vrchu, překonat jiné (v čem, v moci vykonat něco)*; s inf. n. větou účelovou *projevit nadmíru velkou schopnost něco vykonat (podle lat.)*: jměl [nebohabojný] naděju v množství bohatství svého i přiemohl v jěšuti své ŽALTWITTB 51,9 (přemahal jest BiblPad, přemožen ŽaltKap, přemohl se ~Klem, zmocněl se BiblPraž, ostal ŽaltPod) **praevaluit**; jenž [Simeon] přiemohl rozšířiti město BIBLDRÁŽĎ Sir 50,5 (jest přemohl, aby rozšířil ~Praž) **praevaluit amplificare**; zhynul jest lestník, nestalo se toho, ješto přiemahal t. Is 29,20 **praevalere ut aedificet**; Asaradan Przemahage VÝKLHEBRL 183a **vincens; vigere** přiemahati SLOVOSTŘS 152; **invaluisti** přiemohl s VÝKLKRUMML 161a (Jr 20,7: silnější si [Bože] mne byl a rozmohl si se BiblDrážď); **invaluit** přiemohl, vulgariter rozmohl se t. 193b (Os 12,4 **invaluit** ad angelum: rozmohl se jest [Jáko] k andělu BiblDrážď, zmohl se jest nad anděla ~Pad); povstaň, . . . bože, aby neprzemohl člověk ROKPOSTA 212b (Ps 9,10 **non confortetur**: se nepotvirdí ŽaltWittb, ať se neposílí ~Pod, nerozmocnie ~Klem, se nerozsílí BiblLit, se nesílí ~Praž); transigo . . . id est ultra agere . . . Przemoczy VODŇLACT gg3b

2. [o abstraktním] (kde) *rozmoci se, nabýt na síle*: byl tu [v Egyptě Abram] pohostinu, neb byl przemohl již hlad v zemi BIBLOL Gn 12,10 (rozmohl se byl ~Praž) **praevaluerat; prevaluit** przemohla VÝKLKRUMML 11a (Gn 41,54: v. odolávati 4); **invalerebant** voces eorum přiemahajfe hlas jich t. 264a (L 23,23: rozmoháchu se BiblDrážď, rozmáháchu . . . se ~Lit, rozmnoževáchu se ~Ol, množichu se EVOL) *sílil*; pravda bude se rozmáhati a bude przemahati až na věky KORTRAK e8a (sr. 2 Esd 4,38 **invalerebunt**)

3. [o živém] (nad koho, v bibl. proti komu ap.) *nabýt převahy a moci nad někým; [v boji ap.] (z) vítězit (nad kým); přemoci někoho*: když Mojžíš zdvihnieše ruce k bohu, přiemahachu Židé COMESTC 65a (sr. Ex 17,11);

---

<sup>8</sup> Příloha obsahuje rukopisnou verzi části hesla ze StčS upravenou pro účely tohoto článku. Nad rámec zásad StčS jsou zde u dokladů doplněny všechny zjištěné latinské ekvivalenty, ke slovesu *praevalere* připojena jeho případná doplnění a rozepsány varianty u některých dokladů ve významu č. 1.

san bojěváše a s ní její zlí anjelé črtie i nemožiechu przemoci BIBLOL Ap 12,8 **non valuerunt**; aby byl spravdliiv učiněn v řečech svých a přemohl, když si súzen BIBLLIT R 3,4 (svítězil ~Drážď) **vincas vyhrál**; neradiť zjevie [zlí] své moci, kromě kdež mohú prziemoczi FLAŠRADAA 1320 (v rýmu); kamžkoli se obracieše, přemaha<sup>je</sup> [Saul] BIBLPAD 1 Rg 14,47 (svítězieše ~Ol) **superabat**; 2 a 3, kto má [při převodu jména na číslo] tři, ten przemož, 2 a 4, kto má 2, ten przemož LÉKFRANTB 37b; lidské vtipnosti neprospievají k vody vzhuoru vytahování, by ona neprzemohla, blízké hory všecky vytopující PRÁVHORS 140b (fig.) **praevallet**; ať nedějí [pohané]. . . : przemohli jsme nad křestany Pís Třeboň, SA A 4,97a — v bibl. textech s prep. pádem podle lat.: aby nikdy neřekl nepřitel můj: prziemohl sem proti němu ŽALTWITTB 12,5 (v. odolati 6) **praevalui adversus eum**; slova nepřátedlných prziemohla jsú nad ny t. 64,4 (prziemohla sú na ny ~Kap, přemohla nás ~Pod, moc obdržela nad námi BiblPraž; synekd.) **praevaluerunt super nos**; nepřemože proti tobě [Bohu] člověk BIBLLIT 2 Par 14,11 (nepřemahay proti tobě ~Pad, nepřemóž tebe ~Ol) **non praevaleat contra te**; přemohl jest David proti Filisteovi v praku BIBLPAD 1 Rg 17,50 (przemohl jest David a svítězil nad. . . Goliášem ~Praž, přemohl jest. . . Filistea ~Ol) **praevaluit-que. . . adversus Philistheum**; budú liť přemahati proti mně Syrští t. 2 Rg 10,11 (přemohú liť mě ~Ol, budú liť mi silni ~Praž) **praevaluerint adversum me**; nemilostivý přemaha proti spravdliivému t. Hab 1,4 (svítězije ~Drážď) **praevallet adversus iustum** — fig. v duchovním smyslu: na tom na všem [soužení] przymahamy proň EVOL 190a (R 8,37: v tom ve všem přemahame BiblLit, toto . . . přemáháme ~Praž, svítězijem ~LitTřeb) **in. . . omnibus superamus**; když proti diáblu . . . učedlníci Kristovi bojují, tehdy vítězie, a vítěziece přemahagi HUSVÝKLB 96a; bojoval jest proti nepřátelóm a vždycky przemohl [Kristus] JAKZJEV 26b; oděnie božie mají mieti na sobě, aby przemohli v tom boji silú Ducha svatého CHELČBOJ 350b; když se tupí [církvi], prospievá, když se urážie, przymaha CHELČSÍŤ 48a; brány neb moci pekelné neodolají neb nepřemohou proti ní [církvi] AKTABRATR 2,177a (sr. Mt 16,18 **non praevallebunt adversus eam**) | jeden [kámen] jest, jako by v mléko vlili krve i prziemohlo mléko LÉKVODŇ 164b (fig.) **převládlo**; **invallescebant** přěsilováchu scilicet vocibus vel przymahachu hlasy řkúce VÝKLRUML 264a (L 23,5: voláchu [zástupy na Piláta] EvOl, více hlučiechu BiblDrážď, rozmáhali sú se ~Pad, více popúzejíce se ~Praž) *stupňovali svůj křik*; tu [na soudu] přiezeň chýlí srdce soudce, aby těm przemohl a pravdu soudu přisúdil proti pravějším CHELČSÍŤ 75a *těm přířkl vítězství*. — Sr. přemoci I/1

4. [o abstraktním] (nad co, proti komu/čemu) **nabýt převahy, zvítězit** (*nad kým / čím*), **uplatnit se ve větším rozsahu a zvl. účinněji než někdo n. něco jiného**; [o vlastnosti] **převládnout**: budú li při vás a prziemohu [„šlechtností“], ne prázdny ani bez užitka vás ustanovie u hospodina BIBLDRÁŽĎ 2 P 1,8 (budete li jimi hřiechy přemáhati ~Praž) **superent**; přema<ha> všudy viera, zloděj . . . křivých jest nevěra BAWARN 1404; Przymohly sú řeči Jonadabovy . . . , jěžto jest přikázal synóm svým PROR JR 35,14 **praevaluerunt**, pod. SilvKron 64a; nade vše přemaha pravda BIBLLIT 2 Esd 3,12 (všecko přemáhá ~Ol) **super omnia . . . vincit**; obvieží se chudobú . . . a někdy snad ta chudoba przemozz, ež

budú pochlebovati [dárcům] ŠTÍT SVÁTA 63b; však rozum przemaha, že pravda má přemoci obyčej HUS SVATOKUP 169a; jestli že přemohau takové zlé žádosti tělestné, tehdy duši . . . umrtví duchovně JAK POST 60b; przemuož liť [při přepočtu na čísla] jméno nemocného, tehdy živ zuostane LÉKFRANTA 161b; lež przemohla jest pod jménem viery proti Kristu CHELČPOST 207b, pod. ipf. PasKal M19b; nepravost proti pravdě przemohla jest CHELČPOST 224a; ustavenie [o způsobu služby Bohu] tak sú przemohla, že již lid jiného nic nevie CHELČPAŘ 136a.

## LITERATURA

- Černá A. M. *Staročeská adjektiva s prefixem přě-*, Listy filologické 123, 2000, s. 237-250.
- ESSJ *Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. Svazek I: Předložky, koncové partikule*, Praha 1973.
- GbSlov Gebauer Jan: *Slovník staročeský*, Praha 1970<sup>2</sup>.
- Havlová E. *Několik poznámek ke staroslověnským kalkům*. In: Příspěvky ke slovanské filologii, Brno 1999, s. 34-38.
- HMČ *Historická mluvnice češtiny*, Praha 1986.
- Homolková M. *Staročeský slovník ve službách etymologie*. In: Studia etymologica Brunensia, Praha 2000, s. 67-73.
- MČ *Mluvnice češtiny. Svazek I: Fonetika, fonologie, morfonologie a morfematika, tvoření slov*, Praha 1986.
- Němec I. *Vývojové postupy české slovní zásoby*, Praha 1968.
- Němec I. *Obléci nesmrtelnost – slovesa oblékání s abstraktním doplněním*, Slavia 61, 1992, s. 461-465.
- Němec I. *Rekonstrukce lexikálního významu a jeho popis v Staročeském slovníku*, Slavica Slovaca 35, 2000, s. 115-123.
- Němec a kol. Němec I. - Nedvědová M. - Pečírková J.: *Problém rozsahu velkých historických slovníků a Staročeský slovník*, Slovo a slovesnost 42, 1981, s. 238-248.
- Němec I. *Diachronní lexikografie*. In: Manuál lexikografie, Praha 1995, s. 182-210.
- SJStsl *Slovník jazyka staroslověnského*, Praha 1958-1997.
- StčS *Staročeský slovník*, Praha 1968n.
- Šlosar D. *Slovotvorný vývoj českého slovesa*, Brno 1981.

Zur Integration der Lehnbedeutungen  
in die lexikalisch-semantische Struktur  
(Am Beispiel des alttschechischen Verbs *přemoci*)

In der lexikalisch-semantischen Struktur der alttschechischen Verben *přemoci* (pf.) u. *přemáhati* (ipf.) werden zwei Gruppen der Bedeutungen rekonstruiert, und zwar nach der An-/Abwesenheit des direkten Objekts. Das Präfix *přě-* erfüllt primär die Raumfunktion (1), und erst sekundär die Gradationsfunktion (2). Die zur intransitiven Gruppe angehörenden Bedeutungen sind durch Lehnübersetzung des lateinischen Verbs *praevalere* entstanden (3). Diese Ergebnisse der komplexen Analyse werden durch entsprechende lexikographische Formen im *Alttschechischen Wörterbuch* präsentiert (4).

*Staročeský slovník, Ústav pro jazyk český AV ČR*  
*Valentinská 1, 116 46 Praha 1, Česká republika*  
homolkova@ujc.cas.cz



# Reflexe církevních slavismů charvátské redakce ve staré češtině<sup>1</sup>

*Helena Karlíková*

V rozvoji staré češtiny 14. století sehrála, jak známo, důležitou roli překladová literatura. Do literárního jazyka byly zaváděny četné neologismy, pro denotáty, pro které neexistovala česká slova, vymýšleli překladatelé namnoze umělé české výrazy, doslovným překládáním slov latinské předlohy vznikaly nové kalky (např. *dobrověda* – *beneficium*). Zvláštní roli při vývoji lexika staré češtiny měl přitom, jak je rovněž známo, Emauzský klášter v Praze, který v roce 1347 založil Karel IV. Základem jeho bohaté knihovny byly rukopisy napsané církevní slovanštinou charvátské redakce, jež s sebou přinesli benediktiňští mniši z ostrova Pašmanu, pozvaní do Čech právě Karlem IV. S příchodem mnichů českého původu pronikla do Emauzského kláštera čeština, a to nejen jako jazyk jednací, ale i jako jazyk vzdělávací četby (na rozdíl od jiných klášterů, kde tuto funkci měla latina).<sup>2</sup> Posláním Emauzského kláštera bylo „hlaholským písmem rozvíjet literární tvorbu liturgickou v charvátské církevní slovanštině a tvorbu náboženskovo-vzdělávací v češtině, obojí bezpochyby nejen pro vlastní potřebu klášterní, nýbrž i pro vyšší cíle Karlova politickokulturního programu.“<sup>3</sup> Fragmentálně doložené texty, které byly napsány charvátskými mnichy, byly proto převáděny do staré češtiny, ale psány přitom (tak jako texty předlohy) charvátskou hranatou hlaholicí (kterou podle tehdejšího učení vytvořil sám sv. Jeroným). Ve staročeských překladech této literární tvorby lze najít vliv jazyka předlohy. Jde o prvky sice nečetné, ale poměrně dosti významné. Nacházíme je jak v slovotvorném plánu, kde se reflektují v charakteristickém způsobu tvoření slov, tak v slovní zásobě, kde se zrcadlí v lexikálních kalkách.

O této problematice už vznikla celá řada zasvěcených studií, jejichž autoři – mezi jiným V. Flajšhans (1923), E. Michálek (1973, 1981, 1981a, 1985, 1988, 1989), I. Němec (1979), J. Reinhart (1996), Z. Vintr (1990) a další – shromáždili skupinu slov, která charakterizují jako církevní slavismy charvátské redakce.

Nejvíce charvátsko-církevněslovanských slov se objevuje ve slovníku Klaretově (Flajšhans 1926-1928). Nahrazoval jimi neobvyklá slova nelatinského

---

<sup>1</sup> Příspěvek vznikl za podpory grantu GA ČR č. 405/01/0109 *Vývoj praslovanské slovní zásoby od pozdněindoevropské fáze až po začátky formování jednotlivých slovanských jazyků*.

<sup>2</sup> Viz Pacnerová 1986: 6-10.

<sup>3</sup> Kolektiv ... 1973: 130.

– podle něj starobylejšího – řeckého, hebrejského původu, zatímco latinská slova překládal slovy českými. Jako příklad se v odborné literatuře už tradičně uvádí církevní slavismus *věca* za latinizované ř. *synodus* (proti stč. *sněm* za ekvivalentní lat. *concilium*). Jindy byl Klaret veden snahou (vyplyvající z tehdejšího přesvědčení, že charvátská církevní slovanština byla nejstarší vývojovou fází češtiny) vyjádřit domácím (tedy charvátským) slovem speciální výrazy latinské nebo řecké, pro něž čeština postrádala ekvivalent. Takového typu je např. stč. hapax legomenon *zlaten*, mající rovněž oporu v charvátštině, nahrazující lat. *florenus*.

Zatímco tedy Klaret obohacoval český slovník vědomě o některá slova z církevní slovanštiny charvátského původu, v překladech textů biblických a náboženskovzdělávacích (tedy především v žaltářích a Comestorovi<sup>4</sup>) bylo přejímání charvátsko-církevněslovanských prvků do staré češtiny spíše nahodilé, nejednalo se tu tedy o programové rozšiřování slovní zásoby staré češtiny. V některých případech je vliv emauzské církevní slovanštiny patrný na první pohled ve specifickém způsobu tvoření. Tak např. na emauzský původ ukazuje derivace denominativ prostřednictvím sufixu *-ník*, který je poměrně častý v církevní slovanštině a (staré) charvátštině, kdežto ve staré češtině je frekvence užití mnohem nižší a ke stejnému účelu slouží sufixy jiné (především *-tel*, *-ec*, resp. *-cě*).<sup>5</sup> Např. už I. Němec (1975: 165) označil za lexikální výpůjčku stč. *krevník* ‘vrah’ (*vyprost mě z krevníkův, Bože – ŽaltPod 50,16; ComestH i C 156b*). Na odpovídajícím místě v ŽaltBibl-Dražď čteme *od hřiešníkóv*, v ŽaltWittb pak *hřiechóv*. Toto slovo má oporu v charvátštině, kde zní *krvnik* a znamená ‘vrah, nepřítel, tyran’.

V. Kyas (1962: 15) objevil ve stč. žaltáři z kapitulní knihovny svatovítské, pocházejícím asi ze 70. let 14. stol. (ŽaltKap), tři slova, která rovněž považuje za církevní slavismy charvátské redakce: *hramotina* ‘literatura’, *holet* ‘jíní’ a *hradobit* ‘krupobití’. Cílem tohoto příspěvku je etymologická analýza dvou z těchto slov, která jsou v odborné literatuře traktována jako církevní slavismy charvátské redakce, a to *holet* a *hradobit*, a pokus o posouzení, zda jde o charakteristiku oprávněnou.

### Stč. *holet*

Stč. substantivum *holet*, *-lti* f. ‘jíní’ je doloženo v ŽaltKap na dvou místech: *zabil (Hospodin) . . . mory jich v holet (77,47) moros eorum in pruina* – na odpovídajícím místě v PsSin je *slanoje*, v ŽaltKlem *v jínú; učiněn sem jako teřich v holti (118,83)* – v PsSin je *na slaně*, v ŽaltWittb *v jíní*. Protože toto *i*-kmenové femininum zní neobvykle a souvislost s nějakým

<sup>4</sup> Sr. Pacnerová 2002.

<sup>5</sup> Sr. Šlosar 1986: 258.

jiným českým slovem není na první pohled zjevná, pokládal V. Kvas toto slovo za lexikální výpůjčku z charvátské církevní slovanštiny. Podrobnější etymologický rozbor však charvátský původ tohoto slova zpochybňuje. Ve staroslověnštině a církevní slovanštině ruské redakce je doloženo substantivum *golotb* s významem ‘led, ledové krystalky’. Tyto tvary ukazují na psl. formu *\*golotb*. Stejnou podobu mají i č. st. a č. dial. (valaš.) *holot*, *holot* (Jungmann 1835-1839, Bartoš 1906) ‘náledí’ a r. dial. *золотъ* tv. (Dal’ 1903-1909). Ke stejnému základu patří i č. dial. přesmyknuté tvary *lohoh* ‘zledovatělý déšť’ a *ohloh*, *ohlod* ‘déšť ihned přimrzající’ (Kott 1910). V církevní slovanštině charvátské redakce, která by měla být zdrojem přejetí stč. slova *holet*, se ovšem výraz, který by mohl být etymologicky vztažen k *holet*, *holot*, pokud je nám známo, nevyskytuje. Skok (1971-1974) uvádí sice pod heslem *gô* substantivum *golet*, je však datováno až do 17. stol. a má význam ‘holé místo u hory’. Zřetelně jde tedy o derivát adjektiva *gô* mladšího původu. Jako výpůjčku z církevní slovanštiny pak má femininum *golot* ‘krystal, křišťál’, jehož výskyt rovněž datuje 17. a 18. stoletím. Jak je vidět, charvátská slova neodpovídají staročeskému ani tvarově, ani významově. Naopak v českých podkrkonošských dialektech je doloženo substantivum *holeť*, *-ti* f. ‘jíní, náledí’<sup>6</sup> a ztvrdlá varianta *holet*, *-tu* m. ‘mrznoucí déšť’ (Bachmannová 1998: 197). Se znělou dentálou pak našel Machek (1943: 59-60) č. dial. *holeđ* ‘náhle zmrzlá obleva, náledí’. Pokud se potvrdí hypotéza, kterou lze z těchto dat odvodit, totiž že stč. slovo *holet* není lexikálním kalkem z církevní charvátské slovanštiny, musíme předpokládat jeho starobylý psl. původ, jak ostatně soudí už Machek. Psl. formu nelze rekonstruovat asi jako *\*golotb*, ale jako *\*golotb*, která je zřejmě obsažena i v rsl. a str. *золотъ* ‘led’ a br. dial. *золотъ* ‘náledí se sněhem a kroupami’.<sup>7</sup>

Pokud jde o původ psl. *\*golotb*/*\*golotb*, není dosud uspokojivě vyloženo. Ve většině etymologických výkladů se spojuje s adj. *\*golot* ‘holý’, po stránce slovo- a tvarotvorné se rekonstruuje jako jeho substantivní derivát prostřednictvím sufixu *-otb*, resp. *-otb*. Po formální stránce je tento výklad velmi pravděpodobný, ovšem sémantická stránka zůstává nejasná. Významový posun od ‘holý’ k ‘náledí, jíní, mrznoucí déšť’ není zcela průkazný. Představitelný je snad jen u *holý* a *led* se společným sémem ‘hladký na povrchu’. Existují sice významově blízká kompozita, která se někdy uvádějí k podložení tohoto významového vývoje, jako č. *holomráz* ‘holý, suchý mráz’, č. st. *holomraznice*, *holomrazek* tv. (Jungmann 1835-1839: 1, 719), nebo p. *gololedz*, r. *gololédica* ‘námraza’. Tento výklad je teoreticky možný za předpokladu, že kompozitum *holomráz* budeme interpretovat ve smyslu ‘mráz v holém, tj.

<sup>6</sup> Kott, F. Š. (1878-1893): *Česko-německý slovník zvláště gramatický* 1-7, Praha, zde 1, 454.

<sup>7</sup> *Этимологический словарь славянских языков*, Москва 1974n, zde 6, 214.

nezasněženém prostředí'. Nabízí se tu však ještě jiná alternativa výkladu, totiž že psl. \**golotb*/\**golotb* souvisí s rodinou slov významově v podstatě shodných se zde probíranou rodinou, a to slov odvozených od sl. základu \**želd-* (csl. *žědica* 'náledí, mrznoucí déšť', sln. *žled*, *žledica*, p. *žlód*, *žlódz*, r. *ожеледь* aj. vše tv.). Tato slovní rodina se většinou odvozuje od ie. kořene \**gel-*, resp. \**ghel-d-* 'mrznout', který je obsažen např. i v ř. *χάλαζα* 'kroupy', npers. *žāla* tv. aj. Psl. \**golotb*/\**golotb* by podle tohoto výkladu (který zastává např. Machek 1943, 60 a Machek 1968, 175) obsahovalo *o-*ový ablautový stupeň tohoto ie. kořene. Bohužel však ani tento výklad není plně uspokojivý, protože nevysvětleno zůstává koncové *-l* na rozdíl od *-d* u základu \**želd-*.

Co však pravděpodobně zpochybnitelné není, je fakt, že stč. *holet* není charvátský církevní slavismus, ale že jde o slovo domácí, patrně už praslovanské.

### Stč. *hradobit*

Stč. substantivum *hradobit* 'krupobití' se objevuje v ŽaltKap na dvou místech; jednou v nom. sg. (148,8): *oheň, hradobit, sniech* ignis, grando, nix (na odpovídajícím místě je v ŽaltWittb *hrad*, v ŽaltKlem *búřě* a v ŽaltPod *krúpy*), jednou v akuz. sg. (104,32): *položil díšč jich hradobit* grandinem (v ŽaltWittb *krúpám*, v ŽaltPod *krúpy*, v ŽaltKlem *búřu*). Slovo *hradobit* je svým tvarem pro starou češtinu neobvyklé a nemá zde srovnání. Na první pohled jde o kompozitum, jehož první část tvoří substantivum *gradú* 'kroupy, krupobití'<sup>8</sup>, druhá část představuje tvar slovesa *biti* 'tlouct, bít', nejspíš participium perf. pass. Existuje ovšem jistá diskrepance mezi formou a významem substantiva *hradobit*. Participiální forma druhé části kompozita by předpokládala význam celého kompozita \*'kroupami bitý, otloukaný' nebo podobně. Pro substantivum by náležitý byl tvar *-bitie*. Staročeské substantivum *hradobit* nemá kontinuant v nové češtině. Ve shodném významu má čeština jiné kompozitum s prvním komponentem ve složenině lexikálně odlišným a druhým komponentem odlišným naopak gramaticky, a to *krupobití*. Typ substantivního kompozita se zadním členem zakončeným na *-it* ve staré češtině vůbec nenajdeme (na rozdíl od velmi početných kompozit se sufixem *-tie*, kam patří právě *krupobitie*). Proto se dá předpokládat, že se toto slovo dostalo do staré češtiny z nějakého jiného jazyka slovanského.

V církevní slovanštině, přesněji řečeno v církevní slovanštině charvátské redakce, je doloženo jen adjektivum *gradobitъnъ* s odpovídajícím významem

---

<sup>8</sup> Sr. Gebauer, V. (1903-1916): *Slovník staročeský 1-2*. Praha, zde 1, 482.

‘kroupami plenící, pustošící’.<sup>9</sup> Odpovídající sloveso doloženo není. V charvátštině 18. stol. lze najít substantivum *gradobit* s významem ‘kroupy’.<sup>10</sup> Vedle substantiva ovšem je doložen i *gradobit* s významem adjektivním ‘posypaný kroupami’. S největší pravděpodobností jde o derivát slovesa *gradobiti* ‘padat (o kroupách)’. Shodně tvořená slova lze najít i v několika dalších slovanských jazycích: b. dial. *zpadobút*, mk. *zpadobum*, obě substantiva ovšem označují výsledek děje, tedy ‘to, co bylo pobito kroupami’. Připojit je třeba i p. arch. adjektivum *gradobity* ‘pobitý kroupami’<sup>11</sup>, r. substantivum s rozšiřujícím sufixem *-ije zpadobútmue* ‘pobití obilí, trávy, vinné révy kroupami’ a dále jsl. slova rozšířená sufixem *-ina*, jako b. arch. *zpadobút(н)ина* ‘to, co je zničeno kroupami (obilí, vinná réva apod.)’<sup>12</sup>, mk. *zpadobum(н)ина* tv., ch. *gràdobitina* tv. a ‘krupobití’.<sup>13</sup> Při hlubší analýze tohoto materiálu se ukazuje, že významově a formálně shodné je jen slovo nacházející se v charvátštině, a to ch. *hradobit* ‘kroupy’. Na rozdíl od stč. slova *holet* lze tedy souhlasit s názorem, že ve staročeském textu užitě slovo *hradobit* je lexikální výpůjčka ad hoc původu charvátského, která se nestala součástí staročeské slovní zásoby.

## LITERATURA

- Bachmannová, J. (1998): *Podkrkonošský slovník*. Praha.
- Bartoš F. (1906): *Dialektický slovník moravský*. Praha.
- Bauerová, H. (2001): K lexikálním archaismům charvátskohlaholských textů. *Slavia* 70, s. 291–298.
- Dal’, V. (1903-1909): *Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля 1-4*. С. Петербург.
- Flajšhans, V. (1923): Staroslověnské výrazy u Klareta. In: M. Weingart (ed.): *Slovanský sborník věnovaný prof. Františku Pastrnakovi*, Praha, s. 26–29.
- Ivšić, Stj. (1927/1928): Još o dosud nepoznatim hrvatskim glagolskim prijevodima iz staročeskoga jezika. *Slavia* 6, s. 40–63.
- Jungmann, J. (1835-1839): *Slovník česko-německý 1-5*. Praha.

<sup>9</sup> Miklosich, F. (1862-1865): *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum*. Vindobonae, zde 140.

<sup>10</sup> *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika 1-19*, Zagreb 1880-1967, zde 3, 372.

<sup>11</sup> Karłowicz, J. - Kryński, A. - Niedźwiedzki, W. (1900-1927): *Słownik języka polskiego 1-8*, Warszawa, zde 1, 896.

<sup>12</sup> Геров, Н. (1895-1904): *Речник на българский язык 1-5*. Пловдив, zde 1, 243.

<sup>13</sup> *Речник српскохрватског књижевног и народног језика*. Београд 1959г, zde 3, 548.

- Kol. oddělení pro dějiny českého jazyka ÚJČ ČSAV: K lexikálnímu vývoji spisovného jazyka českého v době Klaretově. *SaS* 34, 1973, s. 129–133.
- Kott, F. Š. (1910): *Dodatky k Bartošovu Dialektickému slovníku moravskému*. Praha, díl 1. a 2.
- Kyas, V. (1962): *Česká předloha staropolského žaltáře*. Praha.
- Lamprecht, A., Šlosar, D., Bauer, J.: *Historická mluvnice češtiny*, Praha 1986.
- Machek V. (1943): Drobné výklady. *NŘ* 27, 1943, s. 56–63.
- Machek, V. (1968): *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha.
- Michálek, E. (1973): Příspěvek k výkladu Klaretova lexika. *Slavia* 42, s. 403–409.
- Michálek, E. (1981): Klaretovy překlady ‘ozuble zibron’, ‘paříz palefredus’, ‘svada compada’. *Slavia* 50, s. 61–62.
- Michálek, E. (1981a): K jihoslovanským prvkům v Klaretově Glosáři. *Slavia* 50, s. 185–186.
- Michálek, E. (1985): Církevní slovanština v latinsko-českých slovnících 14. století. *Slavia* 54, s. 121–127.
- Michálek, E. (1988): Nové vydání nejstarších českých žaltářních textů. *Naše řeč* 71, s. 207–210.
- Michálek, E. (1989): *Česká slovní zásoba v Klaretových slovnících*. Praha.
- Němec, I. (1979): Kritéria jinoslovanského původu slov v slovanské etymologii. *Slavia* 48, s. 329–331.
- Pacnerová, L. (1986): *Staročeské hlaholské zlomky (kritické vydání)*. Praha, Academia.
- Pacnerová, L. (1996): Paleoslovenismy ve staročeské slovní zásobě. *Slavia* 65, s. 255–260.
- Pacnerová, L. (2000): (ed.) *Česká bible hlaholská (Bible Vyšebrodská)*. Euroslavica, Praha.
- Pacnerová, L. (2002): *Staročeský hlaholský Comestor*. Euroslavica, Praha.
- Skok, P. (1971-1974): *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika 1-4*. Zagreb.
- Reinhart J. (1996): Kroatisch und serbisch *majstor, meštar, mojstar*. *Wiener Slavistisches Jahrbuch* 42, s. 161–172.
- Vašica, J. (1931): Staročeské evangeliáře. Studie průpravné. In: *Rozpravy České akademie věd a umění*, č. 68, Praha.

Vintr, J. (1990): Lexikalische Einflüsse des Prager glagolitisch-kroatischen Emausklosters im alttschechischen Psalter. In: G. Holzer (ed.): *Croatica-Slavica-Indoeuropea* (= Wiener slavistisches Jahrbuch), Ergänzungsband 8, Wien, s. 269–274.

*Z tradic slovenské kultury v Čechách. Sázava a Emauzy v dějinách české kultury.* Praha 1975.

## Die Reflexion der Kirchenslavismen kroatischer Redaktion im Alttschechischen

In der Entwicklung des Alttschechischen des 14. Jh. spielten Übersetzungen literarischer Texte eine wichtige Rolle. Durch den Einfluß der übersetzten Sprache wurden bekanntlich zahlreiche Neologismen in die tschechische Literatursprache eingeführt. Für Begriffe, für die es bisher keine tschechischen Bezeichnungen gab, bildeten die Übersetzer neue tschechische Wörter. Durch die wörtliche Übersetzung lateinischer Termini entstanden neue Lehnwörter (*dobrověda – beneficium*). Als Folge des sich im Emmauskloster entwickelnden glagolitischen Schrifttums tauchen ungefähr seit der Mitte des 14. Jh. in den alttschechischen Texten Paläoslovenismen sowie Slavismen kroatischer Redaktion auf. Dies betrifft sowohl die biblischen Texte, als auch Wörterbücher und Lehrbücher. So ist für die lateinisch-tschechischen Wörterbücher von Klaret kennzeichnend, dass sie eine Anzahl kirchenslavischer Wörter enthalten, von denen sich einige als Kirchenslavismen kroatischer Redaktion charakterisieren lassen, z.B. *věca*, *zlaten* u.a. Wörter kroatischer Herkunft tauchen auch in den alttschechischen Übersetzungen des Psalters auf. So entdeckte z.B. V. Kyas im alttschechischen Psalter aus der Dombibliothek des Sankt-Veits-Doms einige Wörter, die offensichtlich aus dem kroatisch-glagolitischen Milieu des Emmausklosters stammen: *holet*, *hradobit*, *hramotina*. Dieser Beitrag befaßt sich mit der etymologischen Analyse zwei Wörter (und zwar *holet* und *hradobit*), die in der Fachliteratur als Kirchenslavismen kroatischer Redaktion bezeichnet werden, und versucht zu klären, ob diese Auffassung zutrifft.

*Etymologické oddělení, Ústav pro jazyk český AV ČR  
Veveří 97, 602 00 Brno, Česká republika  
helena.karlikova@iach.cz*





# Poznámky k sémantice několika staroslověnských slov<sup>1</sup>

Žofie Šarpatková

Zkoumání sémantické stránky slov je samozřejmým požadavkem současného etymologického bádání. Při výkladu staroslověnského lexika je o to důležitější, že jde o jazyk starý, který je nejbližše společnému východisku všech slovanských jazyků – praslovanštině. Staroslověnština se ovšem musela přizpůsobit úkolům, jež na ni byly kladeny jako na první spisovný jazyk Slovanů, který se stal jazykem biblických překladů, jazykem spisů teologických, filozofických, právních a vůbec jazykem tehdejší vysoké kultury. Přitom se však v ní zachovaly jak stopy původních významů, tak i lexikální varianty odrážející vliv jazykového prostředí, v němž památky vznikaly nebo byly opisovány.

Nejobširnějším zpracováním staroslověnské slovní zásoby je akademický Slovník jazyka staroslověnského (dále SJS), jehož pokračováním je Etymologický slovník jazyka staroslověnského (dále ESJS), podávající první ucelený etymologický výklad staroslověnského lexika. ESJS vychází ze SJS včetně nepublikovaných dodatků, u slov ojedinělých nebo v SJS málo dokumentovaných se opírá také o Miklošičův Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum (dále MLP) a Slovařь ruskogo jazyka 11-17 vv. (dále StrS). SJS jako slovník převážně přeložených děl přihlížel při stanovení významů pochopitelně k řeckým a latinským předlohám; etymologický výklad konfrontuje tyto významy s ostatními sl. jazyky a dochází v některých případech k upřesnění nebo opravě významu, ojediněle i k opravě znění slova. Mám na mysli cyrilský přípisek k Assemanovu evangeliáři, který obsahuje zkrácený název měsíce *listo(g)o* s nadepsaným *n*, interpretovaný v SJS jako *listogona* ‘říjen’; I. Janyšková ukázala srovnáním odpovídajících výrazů v starší slovinštině a v ruských dialektech, že jde o *listognoi* ‘měsíc hnijícího, tlejícího listí’ (sr. ESJS 425).

Opravu významu ze slovanského pohledu je možno demonstrovat na česl. substantivu *nakladъ*; je uvedeno v Besědách Řehoře Velikého (2x v bezprostřední blízkosti). SJS je překládá jako ‘pilník’, neboť v latinské předloze je *lima*. Takový význam však odporuje stavbě slova: *na-kladъ* je deverbativum z *nakladati*, které má ve všech slovanských jazycích včetně staroslověnštiny

---

<sup>1</sup> Příspěvek vznikl za podpory grantu GA ČR č. 405/01/0109. V příspěvku je použito zkratk totožných se zkratkami v *Etymologickém slovníku jazyka staroslověnského*, Praha 1989n.

(dále stsl.) význam ‘nakládat, klást na povrch, vkládat’. V r. dial. je *naklad* ‘ozdoba ze dvou řad černých krajek našitá na dolním okraji sarafánu, sukně nebo kožíšku’ (SRNG 19, 321). Csl. *nakladŕ* má též význam jako odpovídající str. *ukladŕ* a r. dial. *uklad* ‘kovová, nejčastěji ocelová vrstva, jíž byly zpevňovány hroty zbraní a ostří nástrojů’, tedy ‘kování, ostří’. Z oceli totiž lidé nevyráběli celé zbraně nebo nástroje, nýbrž je jí jen zkvalitňovali, a to tak, že na železný nebo dřevěný podklad připevňovali tenkou vrstvu oceli. Podobně byl méně kvalitní kov pokrýván stříbrem nebo zlatem, jak dokládá r. dial. *nakladnóje serebró* ‘tenká vrstva stříbra pokrývající měď nebo železo’ (Dař 2, 1103). Tento způsob je znám dodnes jako plátování, používané v průmyslu i ve šperkařství (podr. Šarapatková, EB 69n). Sémantickou paralelou je v slovanských jazycích sch. *nàdo*, sln. *nádo* ‘ocel, ocel přivařená k železu na ostří nástroje’, b. st. dial. *náda* ‘ocelové ostří na náradí’ (Gerov), vše z *na* + \**dhē-* ‘položít, klást’ (v. např. BER 4, 466), dále p. dial. *obtóžki* ‘železo navařené na ostří opotřebované radlice’ (SW 3, 485) z *ob-ložýć*.

Reinhart<sup>2</sup> hodnotí csl. *nakladŕ* v Bes jako chybu místo *nagladŕ*; vede jej k tomu doložení vb. *gladiti*, překládající lat. ‘limare’ v Euch a Bes. Vzhledem k uvedeným dokladům i sémantickým paralelám pokládáme tento názor za málo pravděpodobný. Chybí rovněž potvrzení existence substantiva *nagladŕ* v slovanských jazycích.

Zájmeno *onásica* (1x Supr) uvádí SJS s významem neurčitým ‘jeden, nějaký’. Kontext dokladu však ukazuje, že jde o zájmeno ukazovací ‘onen, ten, o němž byla řeč’ (*azŕ . . . onásiceŕ grada episkupŕ postavjensŕ jesmŕ*). Tento význam mají i středobulharské doklady shromážděné J. Ruskem (1984, 181n; sr. i BER 4, 892, ESJS 587, nejnověji Cychun, SbRusek 45n).

Sloveso *priplatiti se*, doložené 1x v Makedonském (Strumickém) apoštoláři s významem ‘přidružit se, připojit se k někomu’, chápe SJS jako chybu místo *prilěpiti se* téhož významu, které je v paralelních textech Skutků apoštolských. *Priplatiti se* je však doloženo s tímto významem i v dalších csl. textech (uvádí je MLP i StrS 19, 249), dále je v b. dialektech *priplatjá se* ‘přilepovat se’, hovorově ‘držet se někoho, věšet se na někoho’. Můžeme tedy výskyt tohoto slovesa v Makedonském apoštoláři chápat jako lexikální variantu vzatou z jazykového prostředí, v němž byla památka opisována. Méně jasná je etymologie tohoto slova. Význam ukazuje na souvislost se slovesem *plesti*, *pletŕ* ‘plést, splétat’, jak potvrzuje např. sch. st. *priplesti* ‘připojit’ (Rj 12, 94), r. dial. *zaplestís*, *zapletát’sja* ‘zaplést se s někým’, č. *příplést se k něčemu*, hl. *přípletowac so* ‘zaplést se, přimknout se k někomu’.

<sup>2</sup> *Abhandlungen zu den Grossen Lesemenäen des Metropoliten Makarij*, Freiburg i. Br. 2000, s. 248.

Je tedy možné předpokládat psl. dial. \**platiti* ‘spojovat’, z něhož lze odvodit *priplatiti se* ‘připojit se k někomu, přidružit se’. Výchozí substantivum \**platš* bychom mohli považovat za doklad zdloženého *ō*-stupně ze slovesa *plesti* (vedle *o*-stupně *plotš*), jak o něm píše Ž. Varbotová (1984, 45).

Další úvaha se týká substantiva *grěchš* a jeho derivátů. Je v stsl. doloženo s náboženským významem ‘přestoupení božího přikázání’. Výklad je v podstatě dvojitý: ze slovesa *grěti* ‘hřát’, který zastává ještě BER 1, 290 a Snój 1997, 157; tento výklad předpokládá výchozí význam \*‘co člověka páli ve svědomí’ a má tedy křesťanský význam za původní. Druhý výklad, zastávaný řadou badatelů (Fraenkel, KZ 70, 138n, Sławski 1, 368n, Selimski, BE 29, 49n, SM 7, 114n, ESJS 202 aj.), spojuje *grěchš* s lit. *graižūs* ‘šikmý’, lot. *grėizs* ‘křivý’ a vychází z významu ‘minutí cíle, chyba, omyl’; ten nacházíme ve zbytcích i v stsl.: v odvozeném *pogrěšiti (se)* ‘zbloudit, minout se cíle, chybit’, *ss pogrěchomь* ‘pochybný, nejistý’ a dále v subst. *ssgrěšenije*, které je v SJS uvedeno jen s významem ‘zhřešení, prohřešení, poklesek’. V Supraslském kodexu je však nepochybný doklad na význam ‘chyba’ bez jakéhokoli náboženského zabarvení: *ašte ne rači prięti bylįja na pomoštь, ne vračevo to ssgrěšenije* (nechceš-li vzít léčivé byliny na pomoc, není to chyba lékaře). Význam ‘chyba’ je hojně doložen v stč. i str., dále v dialektech téměř v celém slovanském areálu, kde má význam ‘chyba v orbě nebo sečení, nedoorané nebo nedosečené místo’ (podrobněji v. Šarapatková, SFFBU 34, 130n, kde je i další literatura). Uvedené skutečnosti potvrzují oprávněnost spojení s baltskými slovy a výchozí význam ‘chyba, omyl’.

Poslední poznámka je spíš námětem k úvahám; týká se subst. *pokrōta*, které SJS i ESJS uvádí s významem ‘placka’. Je doloženo 1x v parimejníku Grigorovičově, Lobkovově a Zacharijském ve vyprávění o proroku Eliášovi ve spojení *chlěbš otš pokrōty*, které je přeloženo jako ‘kousek chleba’. Překlad odpovídá předloze (ř.  $\phi\omega\mu\acute{o}\varsigma$   $\acute{\alpha}\rho\tau\omicron\upsilon$ , lat. *buccella panis*) i smyslu textu (sr. *ukruchš chlēba* v nové csl. bibli, *skyvka chlēba* v stč. bibli, *ein Bissen Brot* v bibli Lutherově). Otázkou zůstává, proč je na tomto místě předložkové spojení. Emilie Bláhová v úvaze o lexikálních specificích stsl. parimejníku (Slavia 68, 244n) pokládá tuto formulaci za neočekávanou a vysvětluje ji takto: „Překladatel zde narazil na problém, protože jak  $\acute{\alpha}\rho\tau\omicron\varsigma$ , tak  $\phi\omega\mu\acute{i}\omicron\nu$ ,  $\phi\omega\mu\acute{o}\varsigma$  se v stsl. již běžně překládalo *chlěbš*. V daném citátu má však  $\phi\omega\mu\acute{o}\varsigma$  ještě původní význam ‘sousto, kousek jídla’, nikoli zúžený ‘kousek chleba, chléb’ (sr. nř.  $\phi\omega\mu\acute{i}$  ‘chléb’). Překladatel použil tedy pro  $\acute{\alpha}\rho\tau\omicron\varsigma$  výraz označující tvar chleba ‘placka, bochníček’.“ Pokud jde o znění řecké předlohy, je možno s tímto výkladem souhlasit, ale předložkové spojení *chlěbš otš pokrōty* v csl. překladu jím vysvětlen není.

Přijmeme-li, že *pokrota* má význam ‘placka’, pak bychom mohli *chlěba ota pokroty* chápat jako ‘chléb z placky’, tedy jako ‘kousek chleba’, protože placky byly poměrně malé, měly asi 17 cm v průměru a byly na prst vysoké (Novotný, Biblický slovník 1, 238, Praha 1956). Význam ‘placka, bochník’ má u tohoto spojení i Sreznevskij 2, 1117 a StrS 16, 180. V pozdějším období je doloženo v západoslovanských jazycích: stč. *pokruta*, demin. *pokrutka* je ‘pečivo kruhového tvaru, koláč nebo bochánek, bochník, placka’, dále ‘bochánek nebo kulička z uhnětené léčivé směsi’ a konečně ‘slisovaný zbytek olejnatých semen’; tento poslední význam má i č. odvozené subst. *pokrutiny*, které žije dodnes jako odborný termín. V starší č. je *pokruta*, *pokrutka* ‘koláč, bochníček z čehokoliv, pečivo’ (Kott 2, 708), řídce i *pokroutek*, *pokrouotka* ‘cukrovinka’ (PSJČ); z č. je slk. st. *pokruta* a snad i dial. *okrútká*, které uvádí Kálal 419. Horní lužičtina zná *pokruta* (st. a dial. i *pokrta*, *pokurta*, *pokorta*, *pokuta* aj., v. Sch.-Šewc 1121) jen ve spojení *pokruta chléba* ‘bochník chleba’, v dl. je *pokšyta*, *pokšuta* tv., v stp. *pokreta* ‘druh pečiva, placka, bochník’. Tato slova jsou odvozována z *krōtiti* ‘kroutit, tisknout’ a *krōts* ‘zkroucený’ odtud ‘tuhý, hustý, pevný, tvrdý’, které je pokládáno za příbuzné s *krētati*. Jak míní Ertl při rozboru sémantiky č. slov, nelze s jistotou říci, zda jde o pečivo do kruhu upravené, spletené, nebo o pečivo do tuha vyhnětené (NŘ 6, 284); jako pletené pečivo je chápe Sch.-Šewc l.c., Machek s.v. *pokrouotka* myslí na tuhé, hutné těsto nekvašené. K tomu je možno uvést r. dial. *krutój* ‘zhotovený z tuhého těsta’ (SM 13, 34) i st. č. *krutýj* s významem ‘tvrdý, tuhý’; Jungmann 3, 209n uvádí doklad *chléb vikvový krutýj jest*.

Je však možné uvažovat o jiné motivaci tohoto pojmenování, kterou měl na mysli už Ant. Matzenauer, LF 13 (1886), 174: Matzenauer spojil *pokrota* s csl. *is-krētati* ‘rozbíjet’ (uvádí je MLP, Sreznevskij 1, 1121, *iskrjatati* tv. StrS 6, 263) a s lot. *sa-kramtāt* ‘roztírat, rozemnout (o zrní ve mlýně)’, k němuž můžeme dodat lit. *kriūsti* ‘kousat, hryzat, žvýkat’, které uvádí Fraenkel 299; o dalších souvislostech však právem pochybuje, protože vztah mezi *krētati*, *krōts* a *krōtiti* je nejasný. Také O.N. Trubačev v SM 12, 145n s.v. *krētati* dospěl k závěru, že historie a rekonstrukce psl. *krōts*, *krōtiti* a *krētati* musí být ještě důkladně prozkoumána; není totiž jasné, zda všechny sémantické odlišnosti je možné vyložit sémantickými posuny, nebo zda zde došlo ke křížení nepřibuzných homonym.

Vraťme se však k Matzenauerově myšlence o příbuznosti csl. *pokrota* a *\*krētati* ‘lámat drtit’; baltské souvislosti naznačují, že se tato činnost týkala zrní. To bylo odedávna součástí lidské stravy a jeho opichování a drcení ve stoupách bylo vedle máčení a pražení dalším stupněm zpracování (BSE 46, 201). Význam ‘lámat, rozbíjet, drtit’ je také v b. *kartjá*, dial. *krátim*, mk.

*krti*, v b. prefig. *pokartja* a v r. dial. *krjatat*' (SRNG 15, 370). Budeme-li pokračovat naznačeným směrem, dospějeme k tomu, že z vb. *krętati* lze odvodit subst. *pokręta* s významem 'podrcené zrní' (pod. č. dial. *lámanka* 'ječné kroupy', p. dial. *kręconka* 'kaše z mletých zrn'; Lopaciński, PF 5, 772). Vysvětlilo by se tak předložkové spojení *chlębъ otъ pokręty*, v němž *otъ* s gen. by označovalo látku, materiál, z něhož byl chléb zhotoven (pod. *otъ kameni i otъ dręva tvoreni* v Supr, *potirъ otъ dragago kamenia* v Const aj.; v. SJS 2, 588). V 3Rg 19, 6 (tedy o 2 kapitoly dále) je opět ve vyprávění o Eliášovi shodný přívlastek adjektivní *opręsnaks pyręnъ* 'nekvašený chléb z pšenice špaldy', což ukazuje, že určení materiálu, z něhož byl chléb zhotoven, nebylo neobvyklé. Ze zrní se ovšem nejdřív vařily různé kaše a zahuštěné polévky (sr. r. *chlebnaja pišča*), až později se pekly placky. Zajímavé doklady stč. *pokruta* našla v česko-hlaholském Comestorovi L. Pacnerová: *pokruta* zde znamená jednak 'placka' (*pokruta podpopelná chléba*), jednak 'polévka' nebo 'kaše' (*svaři před očima jeho střiebaničku, neb, jakož Josefus die, pokrutu škvařenú; střiebaninka* je podle Malého stč. slovníku hanlivě 'polévka', Jg má *střiebanina* 'jícha, nápoj').

Miklošič (MLP) uvádí odvozené *pokrutarъ* s lat. ekvivalentem *pistor*, což znamená 'mlynář' a zároveň 'pekař', 'krupař', odvozené *pistrina*, *pistrinum* je 'stoupa (drtírna obilí), mlýn i pekárna', vše z lat. *pinsere* 'drtit (obilí)' (v. W-H 2, 307). Původně totiž pečení chleba těsně souviselo s mlynářstvím, rozdělení na dva obory je pozdější (v. OtSN 19, 408). Význam 'placka', 'bochník' bychom pak museli pokládat za sekundární.

Nedostatkem tohoto výkladu, totiž že *pokręta* je odvozeno z *krętati* s významem 'rozbítet, drtit, lámat', je skutečnost, že *pokręta* nemá v nám dostupných pramenech význam 'drcené zrní'. Výše uvedené úvahy jsou tedy podepřeny jen zprostředkovaně.

Tyto poznámky vyplynuly z práce na Etymologickém slovníku jazyka staroslověnského; jejich cílem bylo ukázat, jak může srovnání s ostatními slovanskými jazyky a přihlídnutí k etymologii dané slovní rodiny přispět k hlubšímu poznání sémantické stránky staroslověnského lexika. Úvaha o csl. *pokręta* pak dokumentuje, jak je nezbytné usilovat o poznání reálií, i když časový odstup a nedostatek zpráv kladou tomuto úsilí velké překážky.

## Glossen zur Bedeutung einiger aksl. Wörter

Etymologisches Wörterbuch der aksl. Sprache präzisiert in einigen Fällen die in dem Wörterbuch der aksl. Sprache angeführte Bedeutungen. Z. B.:

Ksl. *nakladσ* bedeutet ‘Schärfe, Stahlschicht an der Waffenspitze oder Gerätspitze’, nicht ‘Feile’. Ksl. *priplatiti se* ‘sich anschließen’ ist die lexikalische Variante aus der Sprachumgebung, wo Macedonischer Praxapostol umgeschrieben wurde, nicht ein Fehler statt *prilēpiti se*. Subst. *sagrěšenije* bedeutet außer ‘Versündigung’ auch ‘Fehler’. Subst. *pokrōta*, belegt in Verbindung *chlěbσ otσ pokrōty*, kann vielmehr ‘zerdrückene Körner’ bedeuten; schon A. Matzenauer hat dieses Substantivum mit ksl. *iskrētati* ‘zerdrücken’ und lettisch *sa-kramtât* ‘zerreiben (die Körne)’ verbunden.

*Etymologické oddělení, Ústav pro jazyk český AV ČR*  
*Veveří 97, 602 00 Brno, Česká republika*  
*sarapatkova@iach.cz*

# Zum Wortschatz des slavischen Substrats in Österreich I.

## Schichten und Areale

*Georg Holzer*

Das im Mittelalter auf heute österreichischem Boden gesprochene Slavisch und insbesondere sein Wortschatz werden als Forschungsgebiet in erster Linie von der slavischen Namenkunde betreut, und das mit gutem Grund, besteht doch das Quellenmaterial dazu hauptsächlich aus Namen. Im vorliegenden Beitrag soll jedoch die Namenkunde eine untergeordnete Rolle spielen und grundsätzlich anders an den Gegenstand herangegangen werden, nämlich mit der Frage, aus welchen Schichten sich der Wortschatz des mittelalterlichen Slavischen in Österreich zusammensetzte und in welche dialekt- und kulturgeographischen Areale die einzelnen Schichten eingebunden waren. Sobald in dieser Frage einige Klarheit herrscht, lassen sich auch begründete konkrete Annahmen über das Vorhandensein bestimmter lexikalischer Einheiten im mittelalterlichen Slavischen Österreichs machen.

Fast selbstverständlich ist es, dass es im Slavischen Österreichs lexikalische Schichten gab, die aus vor-slavischen Substraten stammten. Als sich um die Wende vom 6. zum 7. Jh. n. Chr. das Slavische im heute österreichischen Gebiet festsetzte, kam es in Kontakt mit den Idiomen germanischer und romanischer Bevölkerungsgruppen, die schon seit der Völkerwanderungszeit bzw. der Antike dort siedelten. Dass es dabei zu Entlehnungen aus diesen Substraten ins Slavische gekommen ist, lässt sich auch belegen, und zwar durch Namen, die die Slaven von der Vorbevölkerung übernommen und später an die Baiern weitergegeben haben, wie z. B. die Namen der Flüsse *Lavant* und *Lafnitz*<sup>1</sup>, oder durch den exonymischen westslavischen Namen Wiens (apoln. *Wiadeń*, npoln. *Wiedeń*, atsch. *Viedeň*, ntsch. *Videň*, slovak. *Viedeň*), der von germanisch \**Winduni* herzu-leiten ist<sup>2</sup> und zunächst wohl von den „Wiener Slaven“ übernommen, auf Urslavisch \**Winduni* und später \**Vědomь* ausgesprochen und an ihre nördlichen Nachbarn weitergegeben wurde. Genauso müssen auch Appellativa aus den Substraten ins Slavische übernommen worden sein wie das noch

---

<sup>1</sup> S. Holzer 1997b: 84 f und die dort angegebene Literatur.

<sup>2</sup> S. Wiesinger 1985: 336.

eingehender zu besprechende spätgotische *mūta*, auf das Peter Wiesinger das slavische *myto* zurückführt.

Um 600 n. Chr. wurden, wie gesagt, diese Substrate vom Slavischen überschichtet, das damals das von allen Slaven so gut wie einheitlich gesprochene Urslavisch war<sup>3</sup>. In den Jahrhunderten danach entwickelte sich aus diesem Urslavisch ein Dialektkontinuum<sup>4</sup>. Daraus ergibt sich, dass der „organisch gewachsene“, nicht-terminologische Alltagswortschatz des mittelalterlichen Slavischen Österreichs so gestaltet gewesen sein muss, dass er dialektgeographisch in die Lücke zwischen dem Tschechischen im Norden und dem Slovenischen im Süden passte, was konkret bedeutet, dass er zu einem Teil mit dem Wortschatz des Tschechischen, zu einem zweiten Teil mit dem des Slovenischen und zu einem dritten Teil mit beiden übereinstimmte und nur zu einem kleinen vierten Teil Eigenheiten aufwies, die weder der tschechische noch der slovenische Wortschatz hatte. Unter diesen Umständen ist es sehr wahrscheinlich, dass ein Wort, wenn es sowohl im Tschechischen als auch im Slovenischen existiert(e), auch im dazwischen liegenden Österreich-Slavischen vorhanden war, und zumindest nicht unwahrscheinlich, dass ein Wort auch dem slavischen Wortschatz in Österreich angehörte, wenn es entweder im Tschechischen oder im Slovenischen existiert(e).

In diesen Zusammenhang sind auch die Freisinger Denkmäler zu stellen. Es liegt die Annahme nahe, dass sie in slavischen Dialekten abgefasst sind, die auf heute österreichischem Boden gesprochen wurden, weil sich diese Dialekte mit ihrer Mischung slovenischer und tschechischer Merkmale als Übergangsdialekte zwischen dem Tschechischen und dem Slovenischen erweisen (wobei die slovenischen Merkmale freilich so stark überwiegen, dass die Freisinger Denkmäler gemeinhin als altslovenisch betrachtet werden)<sup>5</sup>. Sollten aber diese Texte doch außerhalb der Grenzen des heutigen Österreichs entstanden sein, dann sind sie jedenfalls nicht weit von ihnen entstanden und haben in der Erforschung des Wortschatzes des Slavischen Österreichs sozusagen indirekten Quellenwert wie das Tschechische

---

<sup>3</sup> S. Holzer 1995.

<sup>4</sup> S. Holzer 1997a.

<sup>5</sup> S. Holzer 1996: 98-103; beachte auch *bratra*, *bratria* (s. Pohl 2002: 178, 183) und die „Bohemismen“ und „Slovazismen“ im zweiten Freisinger Denkmal, die Vondrák 1896: 18 f anführt (*zavuekati*, *obeti* ‘oblaciones, sacrificia’, *izvvolenicom* [wie in den Prager Fragmenten], *doconi* u. a.), allerdings um sie im Sinne seiner These vom altkirchenslavischen Ursprung der Freisinger Denkmäler anders zu deuten. Nach Pohl 1996: 311 „ist die Vermutung berechtigt, daß die nur in Namen erhaltene ‚altslovenische‘ Sprache im heutigen Oberkärnten und Osttirol jener Sprachform sehr nahestand bzw. mit ihr gleichzusetzten ist, wie sie in den Freisinger Denkmälern . . . überliefert ist.“



und das Slovenische, nur dass die Freisinger Denkmäler obendrein noch eine mittelalterliche, also zeitgenössische Quelle darstellen.

Auf eine ähnliche Weise ist es möglich, bestimmte Quellen zur Erforschung des Kulturschatzes des Slavischen Österreichs heranzuziehen, auch wenn sie außerhalb der heutigen Grenzen Österreichs entstanden sind. Vor allem im Bereich der christlichen Terminologie sind hier solide Analogieschlüsse möglich.

Es ist davon auszugehen, dass die Slaven bei ihrer Besiedlung der österreichischen Gebiete ein aus der Spätantike stammendes romanisch geprägtes Christentum angetroffen haben, so dass eine älteste, ins 7. Jh. zu datierende Schicht christlicher Termini im Slavischen aus diesem Substrat stammen könnte<sup>6</sup>. Die weitere Entwicklung war davon bestimmt, dass um 741 das slavische Gebiet Österreichs in zwei Kulturlandschaften auseinanderbrach: Karantanien wurde aus dem Avarenreich herausgelöst und zum Satelliten Baierns gemacht; Pannonien — und dazu gehörte in karolingischer Terminologie nicht nur das ungarische Transdanubien, sondern auch das niederösterreichische Donauland bis zur Enns — verblieb hingegen bis 791, als Karl der Große seinen siegreichen Avarenfeldzug begann, in Avarien und wurde erst in der Folge dieses Sieges an Bayern angegliedert, womit dann Karantanien und das karolingische Pannonien zum so genannten bairischen Ostland zusammenwuchsen.<sup>7</sup>

Da Karantanien also früher bairisch wurde als Pannonien, wurde dort auch früher mit der bairischen Missionierung der Slaven begonnen, und

---

<sup>6</sup> Kronsteiner 1986: 264 rechnet zu dieser ältesten Schicht elementare Bezeichnungen wie solche für 'Kirche', 'Christus', 'Kreuz' u. dgl. Hinweise auf eine Kontinuität zwischen dem spätantiken und dem karolingischen Christentum in Kärnten s. bei Glaser 1997: 128-130, s. auch Kolarič 1968: 68. Kronsteiner 1985: 123 weist darauf hin, dass es um die Mitte des 8. Jh. nicht etwa darum ging, das Christentum in Karantanien einzuführen, sondern bloß das Volk im Glauben zu stärken (*in fide firmiter confortare*), und die Missionare bloß *ad docendam illam plebem* und um *ecclesias consecrare* und *clericos ordinare* ins Land geschickt wurden. Siehe auch Kronsteiner 1985: 124 und Kahl 1980.

<sup>7</sup> Zu Karantanien und Pannonien s. Holzer 2001: 25 f und dort die Fußnote 63. Zum bairischen Ostland s. Holzer 2001: 30, Fußnote 88 (mit Literatur).

zwar um die Mitte des 8. Jh. vom Bistum Salzburg aus<sup>8</sup>. Mit der Eroberung der pannonischen Gebiete wurde ein halbes Jahrhundert später auch deren Missionierung fällig<sup>9</sup>, die dann vom Erzbistum Salzburg und vom Bistum Passau, also so oder so von der Salzburger Kirchenprovinz getragen wurde und schon im Rahmen der karolingischen Mission erfolgte. Nun dürfte feststehen, dass im Wirkungsbereich der karolingischen Slavenmission der slavische Missionswortschatz ein bedeutendes Maß an Einheitlichkeit aufwies. In seiner Arbeit „Zum Wortschatz der westlichen Slavenmission“ hat de Vincenz einige hier relevante Thesen aufgestellt: „Wenn Übereinstimmungen zwischen dem draväno-polabischen und dem altkirchenslavischen Wortschatz vorliegen, so kann man das nur durch den Wortschatz der westlichen Slavenmission erklären.“<sup>10</sup> Überhaupt seien „Übereinstimmungen ... zwischen dem Wortschatz der Slavia Orthodoxa und demjenigen des Westslavischen ... dem Wortschatz der westlichen Slavenmission zuzuschreiben ... Diese Übereinstimmungen ... können nur durch einen gemeinsamen Ursprung erklärt werden. Dieser ist in der karolingischen Slavenmission zu suchen.“<sup>11</sup> Insbesondere gibt es auch „Übereinstimmungen zwischen dem kirchlichen Wortschatz des Polabischen und demjenigen der Salzburger Mission ... Die Überreste des kirchlichen Wortschatzes des Polabischen beweisen, daß sie [sc. die Missionare] auf dem Gebiet der nördlichen (Mainzer) Slavenmission den gleichen Wortschatz verwendeten, wie die Salzburger Missionen.“<sup>12</sup> Unter diesen Umständen haben hinsichtlich des slavischen Missionswortschatzes in Österreich alle Quellen einen gewissen Aussagewert, die in Gebieten der karolingischen Slavenmission — ob nun innerhalb oder außerhalb der Grenzen des heutigen Österreichs — entstanden sind; dies gilt in noch verstärktem Maße, wenn es sich um Gebiete handelt, in denen wie in Österreich die karolingische Slavenmission von der Salzburger Kirchenprovinz aus besorgt wurde.

---

<sup>8</sup> Zu den Einzelheiten der Karantaniemission s. Wolfram 1995: 275 ff. Vgl. auch Kronsteiner 1985: 126: „Aus dem Überlieferten läßt sich also eindeutig erkennen, daß im 8. Jh. unter Virgil und auf seine Initiative hin eine vollwertige slawische Kirchensprache entstanden war, in der gepredigt und gebetet wurde, und die man auch schrieb. Diese Sprache wurde später auch in Pannonien verwendet, von Kyrill und Method übernommen und weiterentwickelt. Ebenso hat sie über das Zentrum Salzburg die Missionstätigkeit von Passau, Freising und Regensburg bei den Slawen im Norden beeinflusst ... Wir können also mit Miklosich feststellen, daß die älteste slawische Kirchensprache in Karantaniem entstanden ist und sich von dort über Pannonien ausgebreitet hat.“

<sup>9</sup> S. Katičić 1999: 314.

<sup>10</sup> de Vincenz 1988: 276.

<sup>11</sup> de Vincenz 1988: 278.

<sup>12</sup> de Vincenz 1988: 284. — Zu den Hintergründen der Verwendung des Slavischen in der karolingischen Slavenmission, die sich ja auch über die Kroaten erstreckte, s. Katičić 1999: 310-315.

Einen besonderen Status unter diesen Quellen haben die schon im Zusammenhang mit dem Alltagswortschatz genannten Freisinger Denkmäler. Diese „im Einflußbereich bairischer Schreibschulen in der Zeit zwischen 972 und 1039“<sup>13</sup> geschriebenen drei kurzen Texte<sup>14</sup> enthalten eine Reihe von an lateinische und althochdeutsche Vorbilder angelehnten christlichen Termini<sup>15</sup> und sind textgeschichtlich auf die Salzburger, in Teilen eventuell auch auf die Aquileienser, jedenfalls aber auf die karolingische Slavenmission oder ihre karantanische Vorläuferin zurückzuführen und daher auch hinsichtlich des Missionswortschatzes die wichtigste mittelalterliche Quelle zum Slavischen Österreichs. Allerdings müssen sie angesichts der vergleichsweise modernen Sprachform nicht nur im Wege von Abschriften, sondern auch von sprachlichen Nachjustierungen ihre vorliegende Form angenommen haben, die sehr gut ins zehnte oder elfte Jahrhundert passt und überhaupt nicht ins achte.

Aus der Zugehörigkeit des Slavischen Österreichs zu einem bestimmten Missionsareal folgt das Vorhandensein bestimmter Texte in diesem Slavisch, und aus dem Vorhandensein bestimmter Texte, die sich ja aus Wörtern zusammensetzen, folgt das Vorhandensein bestimmter Wörter, so dass sich manche lexikologischen Erkenntnisse direkt aus philologischen ableiten lassen. Ein wichtiger Text der bairischen Seelsorge war das altbairische St.-Emmeram-Gebet, von dem eine slavische Übersetzung in den Freisinger Denkmälern ihren Niederschlag gefunden hat. Eine in Mähren oder in Pannonien, jedenfalls auf dem Missionsgebiet der Salzburger, also bairischen Kirchenprovinz<sup>16</sup> von der kyrillomethodianischen Mission aufgegriffene slavische Übersetzung des St.-Emmeram-Gebets findet sich auch

---

<sup>13</sup> Wiehl 1974: 8.

<sup>14</sup> „Textkritische Untersuchungen brachten eine literarische Abhängigkeit der Teile I und III von dem altbairischen Sankt Emmeramer Gebet zutage und rückten sie in die Nähe des Beichtgebetes im *Euchologium Sinaiticum*. Für die Adhortatio [= Denkmal II — G. H.] ist eine inhaltliche und lexikalische Verwandtschaft mit der Homilie von Kliment ... festgestellt worden, die ihren Ursprung in der homiletischen Literatur lateinischer Kirchenschriftsteller hat.“ (Wiehl 1974: 8, mit Literaturangaben.) Eingehender dazu Pogačnik 1968: 10 ff.

<sup>15</sup> Zu dieser Terminologie s. z. B. Wiehl 1974: 127 f, Kronsteiner 1985: 124, de Vincenz 1988, Moszyński 1996, Lenček 1996: 258 ff. Die Freisinger Denkmäler sind lexikologisch vollständig erfasst und indexmäßig aufgeschlüsselt in Pogačnik – Gantar – Žgur 1968 und in Zor 1992. S. auch Kolarič 1968: 79-103.

<sup>16</sup> Salzburg wurde 798 zum Erzbistum und zur Metropole der bairischen Kirchenprovinz erhoben, die neben der Erzdiözese Salzburgs auch die Diözesen Freising, Regensburgs, Passaus, Säbens und Neuburgs umfasste. Zu Geschichte und Geographie der Salzburger Kirchenprovinz s. Dörrer 1987.

im Euchologium Sinaiticum.<sup>17</sup> Angesichts der vorauszusetzenden Einheitlichkeit der bairischen Slavenmission muss auch in Österreich dieselbe oder eine sehr ähnliche slavische Version dieses Gebets im Umlauf gewesen sein, so wie die Baiern Österreichs die originale Fassung gebetet haben werden. Das St.-Emmeram-Gebet wird in Ostösterreichs Kirchen der Karolingerzeit sowohl auf Bairisch-Althochdeutsch als auch auf Slavisch gebetet worden sein. So darf man den Wortschatz dieses Gebets im Euchologium Sinaiticum und in den Freisinger Denkmälern auch dem Slavischen in Österreich zurechnen. Aufgrund der karolingischen Vorschriften bezüglich der Seelsorge in der Muttersprache des jeweiligen Kirchenvolkes kann man sicher sein, dass es in Österreich auch andere Texte wie Vaterunser und Glaubensbekenntnis auf Slavisch gegeben hat<sup>18</sup>, so dass auch deren slavischer Wortschatz Österreichs Slaven geläufig gewesen sein muss.

Sollte es in den Freisinger Denkmälern, wie behauptet, aber auch bestritten wurde, wirklich auch Lehnübersetzungen aus dem Griechischen geben<sup>19</sup>, so wären sie wohl solchen griechischen Missionaren etwa in Karantanien zuzuschreiben, wie sie in der Vita Methodii V 2 der Mährerfürst Rostislavъ unter den vorkyrillomethodianischen Missionaren in Mähren erwähnt: *i sutъ vsъny vsъbly učitele mnozi křstijani iz vlašъ i iz grъkъ i iz němъsъ učašče ny*

---

<sup>17</sup> Zu den Übereinstimmungen s. Vondrák 1894, Vondrák 1896: 12 ff. und Nahtigal 1942: 208 ff., Katičić 1999: 315 f. Mareš 1975: 4 hält es für wahrscheinlich, „daß dieses Gebet in Mähren von den vorkyrillomethodianischen deutschen Missionären im lokalen slavischen Kulturdialekt verbreitet und von der byzantinischen Mission rezipiert und vielleicht sprachlich vervollkommenet wurde“.

<sup>18</sup> So wie Katičić 1999: 316 von der Zugehörigkeit der kroatischen Stammesherrschaft zum (von Aquileia aus betreuten) Missionsgebiet des Frankenreichs auf das Vorhandensein von Vaterunser, apostolischem Glaubensbekenntnis, Beichtformularen, Belehrungen über Sünden und Tugenden sowie Aufforderungen zu Beichte und Buße auf Slavisch im Kroatienland schließt.

<sup>19</sup> So Hannick 1996, weil „in diesem Raum, also im westlichen Pannonien [und in Karantanien? — G. H.] das Christentum griechischer Prägung zu jener Zeit, im 8. Jahrhundert, also noch vor Kyrill und Method, vorhanden war. Man denke dabei an die geographische Nähe zum bulgarischen Staat, zu den dalmatinischen Städten mit der dortigen griechischen Bevölkerung . . . “ (Hannick 1996: 242). Zum Beispiel sollen laut Hannick 1996: 241 *otpuztic* und *izpovued* griechischen Vorbildern nachgebildet sein, die aber nach Wiehl 1974: 26 bzw. 73 Lehnübersetzungen von ahd. *abláz* bzw. vom bei lateinischen Kirchenschriftstellern zu findenden griechischen Lehnwort *exomologesis* sein könnten. Für Wiehl 1974: 127 ergeben sich „keine zwingenden Gründe, griechische sprachliche Vorbilder anzunehmen“ und sei die Unabhängigkeit des religiösen Wortschatzes der Freisinger Denkmäler vom griechischen literarischen Einfluss erwiesen (op. cit. 128); de Vincenz 1988: 286-288 verhält sich gegenüber der These, es gebe im westlichen Missionswortschatz Lehnwörter oder Lehnübersetzungen aus dem Griechischen, skeptisch.

*različb*<sup>20</sup>. Das wäre dann eine weitere Schicht christlichen slavischen Wortschatzes auf bairischem Missionsgebiet<sup>21</sup>.

Die Freisinger Denkmäler sind, wie Irene Wiehl überzeugend nachgewiesen hat, auch ein Dokument slavischer Rechtssprache und Rechtsterminologie<sup>22</sup>, und die lässt sich für Österreich im selben Maß in Anspruch nehmen wie der übrige Wortschatz in diesen Texten. Jüngstes Gericht, Beichte, Schuldbekennnis, Buße usw. werden so ausgedrückt, als handle es sich um ein irdisches Gerichtsverfahren<sup>23</sup>. Wiehl verweist auf germanische Parallelen und auf das Fehlen einer wesentlichen Trennung zwischen Recht und Religion bei Germanen und ähnlichen Völkern<sup>24</sup>.

Handelt es sich bei den Freisinger Denkmälern um Texte, die zumindest teilweise mit der Mission in Karantanien verbunden sind, so sind die Kiever Blätter hinsichtlich des in ihnen aufscheinenden westlichen Missionswortschatzes ein Dokument für die karolingische Mission in Pannonien. Zwar sind die Kiever Blätter aller Wahrscheinlichkeit nach im Gebiet des Plattensees entstanden<sup>25</sup>, doch waren das Plattenseegebiet und das österreichische Pannonien bis zur Enns gemeinsam im Zuge des Avarenfeldzugs 791-796 erobert worden und daher sicherlich auch gemeinsames Objekt der daraufhin eingeleiteten Mission, also ein homogenes gemeinsames Missionsgebiet vom Unterlauf der Enns bis zum Unterlauf der Drau mit einem gemeinsamen Missionswortschatz, wie er in der vorkyrillomethodianischen christlichen Terminologie in den Kiever Blättern belegt ist. Man darf annehmen, dass die betreffenden in den Kiever Blättern belegten Wörter in den Missionskirchen zum Beispiel des niederösterreichischen Alpenvorlandes genauso verwendet wurden wie etwa in der Moosburg am Plattensee.<sup>26</sup>

---

<sup>20</sup> S. ed. Knjazevskaja 192.

<sup>21</sup> Und sollte es sich bei *spowiedź, odpuścić, niedziela, wierny* in den altpolnischen Gnesener Predigten wirklich auch um Gräzismen handeln (so Hannick 1996: 242), dann wären sie wohl von der karolingischen Mission etwa in Karantanien aufgegriffen und nach Polen vermittelt worden.

<sup>22</sup> Wiehl 1974: 129-136.

<sup>23</sup> Z. B. (nach Wiehl 1974: 131 in ihrer Notation nach Weingart): *jesmъ... pozřvani i poběždeni; ukryti; ubęgati; stati přědъ stolomъ božijemъ sъ sępřъrъnikomъ; svoimi usty i svoimъ glagolomъ ispovědati; ide ne kamo sę ukloniti; pręjъ iměti*.

<sup>24</sup> S. Wiehl 1974: 129.

<sup>25</sup> Vgl. Schaeken 1987: 104-121, 137, in Anlehnung an Ljapunov und andere.

<sup>26</sup> Der Wortschatz der Kiever Blätter ist in Schaeken 1987: 123-138 eingehend untersucht und speziell die „westlichen lexikalischen Elemente“ darin in Auty 1969. Nach Auty 1969 sind die westlichen Elemente *mъšę* (von lat. *missa*, aber mit auf das Deutsche zurückgehender ř-Aussprache des *s* [so Auty 1969: 4; s. auch Schaeken 1987: 126]), *nepri-jaznъ* (nach Nahtigal Lehnübersetzung von ahd. *unholdo*, erscheint auch in den Freisinger Denkmälern, s. Auty 1969: 5 und Schaeken 1987: 126 f), *oplatъ* (von lat. *oblatum* mit althochdeutschem *p* statt *b* [so Schaeken 1987: 127 nach Nimčuk]), *papežъ* (< altbair.

(Ich spreche hier in all diesen Zusammenhängen natürlich nicht von der dialektal bedingten Lautung der Wörter, sondern von den Wörtern als lexikalischen Einheiten und Etyma. Ihre Aussprache in einem bestimmten Gebiet ist nach lautgeographischen Kriterien gesondert zu rekonstruieren.)

Neben der Mission war der Handel eine Schiene, auf der fremder Wortschatz in das Slavische eindringen konnte. Wertvolle Dokumente des über österreichisches Gebiet, und zwar genauer: über das niederösterreichische Pannonien, abgewickelten Handels zwischen Baiern und Slaven stellen das Diedenhofer Kapitulare von 805 und die Raffelstettener Zollurkunde von 903/906 dar. Ersteres Dokument nennt noch das am linken Ufer der Enns liegende Lorch (in der Nähe von *Mauthausen*) als äußerste Zollstelle vor den *partes Scavorum et Avarorum*, in letzterem ist die östlichste bairische Zollstätte schon *Mautern* (ebenfalls von *Maut*) inmitten Niederösterreichs, wo Kaufleute, die weiter nach Osten zum *mercatus Marahorum*, dem ‘Markt der Mährer’, reisen wollten, eine bestimmte Abgabe zu leisten hatten<sup>27</sup>. Nun deutet Ernst Schwarz mit Hinweis auf *Mautern*, *Mauthausen* und die Raffelstettener Zollordnung an, dass sl. *mūta* (später *myto*) ‘Maut, Zoll’ an der mittleren Donau aus dem Bairischen entlehnt worden sein könnte, worauf es dann gemeinslavisch geworden wäre<sup>28</sup>. Nach Peter Wiesinger aber

---

\**pâpes*, vgl. *bâbes* bei Notker [s. Schaeken 1987: 128]), *poganьskъ* (von Auty 1969: 5 als balkanlateinisch zur Seite gestellt; vgl. Schaeken 1987: 128), *prěfacija* (von lat. *praefatio*; vgl. Schaeken 1987: 129), *rovaniję* (von ahd. \**arwanî* ‘Geschenk’? [Auty 1969: 5 nach Nahtigal; vgl. Schaeken 1987: 129-131]), *vosqđs* (s.u.), *všemogъi* (nach Isačenko Lehnübersetzung von lat. *omnipotens*, s. Auty 1969: 5, Schaeken 1987: 134 f) und *zakonьnikъ* (nach Nahtigal Lehnübersetzung von ahd. *êwarto*, erscheint auch in den Freisinger Denkmälern, s. Auty 1969: 5, Schaeken 1987: 135), „all of which have been interpreted as loans or calques based on western languages, i.e. Latin or Old High German“ (Auty 1969: 3; doch meint Schaeken 1987: 136: „Obwohl sich der ahd. Anteil, der dem Einfluss der vorkyrillomethodianischen Missionen aus Salzburg, Regensburg und Passau zuzuschreiben ist, am Wortschatz der K[iever]B[lätter] deutlich gelten lässt, ist er m. E. nicht so gross wie Auty (1969: 6, 1976: 174) behauptet.“). Ferner sind zu beachten: „*cir(ě)ky* aus altbairisch *kirkô*“ (Schaeken 1987: 124), *Felicty* aus lat. *Felicitas* (Schaeken 1987: 125) und *vъlitič* („Allem Anschein nach ist es eine Lehnübersetzung aus dem lat. *libāmen*“, Schaeken 1987: 132). — Zu *papežъ*: Die Schwierigkeit, die Schaeken 1987: 128 in dt. *s* > slav. *ž* sieht, besteht nicht, denn das damalige deutsche *s* wurde wie *ž* ausgesprochen, vgl. umgekehrte Entlehnungen wie dt. *Suppan* < slav. *županъ*, dt. *Saffen* < slav. *žabina (rěka)* usw. (s. Holzer 2001: 91 f, 98 und die dort in Fußnote 242 angeführte Literatur). S. auch Kolarič 1968: 30 f. — Zu *vosqđs*: Nahtigals Herleitung von ahd. *wizzôd* ist lautlich problematisch, und so hat Mareš 2000: 578-581, wenn auch mit semantischen Vorbehalten, die von (*post, ad*) *usandum* zur Diskussion gestellt. Aber auch diese Deutung ist lautlich mangelhaft, weil *usandum* in deutscher Aussprache \**užandum* lautete und es in den Kiever Blättern daher \**vosžqđs* heißen müsste (vgl. *papežъ* < altbair. *pâpes*).

<sup>27</sup> S. Holzer 2001: 24.

<sup>28</sup> S. Schwarz 1929: 277-279, 1960: 215. Vgl. auch Holzer 1996: 89.

scheint das bairische Wort *Maut* „ursprünglich ein Wort des Ostens gewesen zu sein und damit jener Landschaften, die anfänglich nicht zum Siedlungsgebiet der Baiern gehörten, sondern zunächst von Slawen bewohnt waren und erst seit dem 8. Jh. allmählich eingedeutscht wurden“<sup>29</sup>. So gelte es, für ostbair. *Maut* und slav. *myto* „nach einer gemeinsamen, sowohl für das Bairische als auch das Slawische in Frage kommenden Quelle zu suchen ... Als diese gemeinsame Quelle erachte ich ein volkstümliches spätgot. *mūta* des heutigen niederösterreichisch-oberungarischen Donauraumes östlich der Enns“<sup>30</sup>. „Dagegen ist das in seiner Bedeutung von *myto* [‘Gunstgeschenk, Bestechungsgabe, -geld’<sup>31</sup>] abweichende *mytarǔ* ‘Mauteinnehmer’ sicher bair.-ahd. Herkunft. Es kann erst im 9. Jh. aus dem ostbair. Neuland an der Donau entlehnt worden sein, als dort die karolingische Handels- und Zollorganisation aufgebaut wurde. Damals trat nicht nur die Notwendigkeit ein, Mauteinnehmer zu bestellen, sondern kam auch erst die Möglichkeit auf, mit Hilfe des lat. Lehnsuffixes *-arius* ein bair.-ahd. *\*mūtāri* (mhd. *mūtaere*) zu bilden.“<sup>32</sup> — Wie auch immer, man darf sowohl *myto* als auch *mytarǔ* als Wörter des mittelalterlichen Slavischen Österreichs verzeichnen. Im Zuge der Handelsreisen zum *mercatus Marahorum* könnte auch der schon genannte westslavische Name Wiens (atsch. *Viedeň* usw.) zu den Westslaven gekommen sein.

Internationale Beziehungen können auch so manches andere Wort aus dem Slavischen Österreichs in die anderen slavischen Sprachen verpflanzt haben. Herwig Wolfram lokalisiert den Ursprung des im „Zeremonienbuch“ des Konstantinos Porphyrogenetos genannten und sich dort auf die Baiern beziehenden Ethnonyms *Νεμίτζιοι* = slav. *němьci* ‘die Stummen’ in der bairisch-slavischen Kontaktzone<sup>33</sup>. Sicher kannten also die Slaven Österreichs den Begriff *němьcь* und benannten so ihre bairischen Landsleute.

Zu Mission und Handel traten der *Landesausbau* und die Einrichtung von Grundherrschaften als weitere bairische Aktivitäten im Ostland

<sup>29</sup> Wiesinger 1986: 111.

<sup>30</sup> Wiesinger 1986: 121. Doch: „Obwohl ... das in allen Slawinen vorhandene *myto* keine Entlehnung aus dem Bair.-Ahd. darstellt, muß offenbleiben, ob seine Verbreitung ausschließlich auf donauländisches *mūta* spätgot. Herkunft zurückgeht. Es besteht ... durchaus auch noch die Möglichkeit, daß es in Rußland mit dem zu Beginn des 9. Jh. einsetzenden intensiven Fernhandel der Wikinger ... aus altnord. *mūta* ... übernommen wurde. So könnte die gesamtsw. Verbreitungsfläche in zweifacher Weise sowohl aus dem Donauland im Südwesten als auch aus Rußland im Osten zustande gekommen sein.“ (Wiesinger 1986: 125.)

<sup>31</sup> S. Wiesinger 1986: 120, 125.

<sup>32</sup> Wiesinger 1986: 125.

<sup>33</sup> S. Wolfram 1995: 60 f.

hinzu, die den Kulturwortschatz des Slavischen Österreichs bereichert haben müssen. Ein ins Slavische entlehnter Terminus des Landesausbaus ist mhd. *lôz* 'Los', das ins Altschechische entlehnt wurde, wo es *los* lautet<sup>34</sup>, und ebenso auch ins Slavische Österreichs entlehnt worden sein dürfte. Dort scheint nämlich von ihm das Wort *losnīca* 'verlostes Land' abgeleitet und dieses dann ins Bairische als Flurname rückentlehnt worden zu sein, wenn diese meine Deutung des abgekommenen, aber 1334 als *Lozniz* und 1497/1498 als *Lossnitz* belegten niederösterreichischen Flurnamens zutrifft<sup>35</sup>.

So ließe sich also auch dann, wenn es in Österreich nicht die zahlreichen eingedeutschten slavischen Namen gäbe, vom Wortschatz des mittelalterlichen Slavischen Österreichs ein zwar hypothetisches, aber doch konturiertes Bild zeichnen, und zwar aufgrund dessen, was über die Schichten, aus denen er sich zusammensetzte, und die Areale, in die er eingebunden war, und auch die Texte, die im Umlauf gewesen sein müssen, in Erfahrung gebracht werden kann.

## LITERATUR

- Auty 1969 Robert Auty, The Western Lexical Elements in the Kiev Missal, in: *Slawisch-deutsche Wechselbeziehungen in Sprache, Literatur und Kultur*, Herausgegeben von W. Krauss, Z. Stieber, J. Bělič, V. I. Borkovskij, Berlin 1969, 3–6.
- Auty 1976 Robert Auty, Lateinisches und Althochdeutsches im altkirchenslavischen Wortschatz, *Slovo* 25-26 (1976), 169–174.
- Dörrer 1987 F. Dörrer, Die Kirchenprovinz Salzburg im Mittelalter, in: *Atlas zur Kirchengeschichte. Die christlichen Kirchen in Geschichte und Gegenwart*, Herausgegeben von H. Jedin, K. S. Latourette, J. Martin, Freiburg – Basel – Rom – Wien 1987, 34\*f. und 46.
- Gebauer 1970 Jan Gebauer, *Slovník staročeský*, díl II. [K-N], 2. Auflage, Praha 1970.
- Glaser 1997 Franz Glaser, *Frühes Christentum im Alpenraum. Eine archäologische Entdeckungsreise*, Darmstadt 1997.
- Hannick 1996 Christian Hannick, Die Freisinger Denkmäler innerhalb der Entwicklung des slavischen christlichen Wortschatzes, in: *Zbornik Brižinski spomeniki*. Uredili dr. Janko Kos, dr. Franc Jakopin in Jože

---

<sup>34</sup> S. Gebauer 1970: 268 f.

<sup>35</sup> S. Holzer 2001: 75.



- Faganel s sodelovanjem dr. Petra Štiha, dr. Marijana Smolika, dr. Darka Dolinarja, Ljubljana 1996, 239–243.
- Holzer 1995 Georg Holzer, Die Einheitlichkeit des Slavischen um 600 n. Chr. und ihr Zerfall, *Wiener Slavistisches Jahrbuch* 41 (1995), 55–89.
- Holzer 1996 Georg Holzer, Zu Lautgeschichte und Dialekten des mittelalterlichen Slavischen in Österreich, *Wiener Slavistisches Jahrbuch* 42 (1996), 81–110.
- Holzer 1997a Georg Holzer, Zum gemeinslavischen Dialektkontinuum, *Wiener Slavistisches Jahrbuch* 43 (1997), 87–102.
- Holzer 1997b Georg Holzer, Zur Herkunft des (t)z in *Kollmitz* etc. (\**kalamantiā*), *Kobenz* (\**kumbantiā*) und *Lafnitz* (\**albantiā*), *Österreichische Namenforschung* 25 (1997), 81–103.
- Holzer 2001 Georg Holzer, *Die Slaven im Erlauftal. Eine Namenlandschaft in Niederösterreich* (= Studien und Forschungen aus dem Niederösterreichischen Institut für Landeskunde, hrsg. von Anton Eggendorfer und Willibald Rosner, Band 29), Wien 2001.
- Kahl 1980 Hans-Dietrich Kahl, Zwischen Aquileja und Salzburg. Beobachtungen und Thesen zur Frage romanischen Restchristentums im nachvölkerwanderungszeitlichen Binnen-Noricum (7.–8. Jahrhundert), in: Herwig Wolfram und Falko Daim (Hrsg.), *Die Völker an der mittleren und unteren Donau im fünften und sechsten Jahrhundert*. Berichte des Symposiums der Kommission für Frühmittelalterforschung 24. bis 27. Oktober 1978, Stift Zwettl, Niederösterreich (= Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse, Denkschriften 145), Wien 1980, 33–81.
- Katičić 1999 Radoslav Katičić, *Literatur- und Geistesgeschichte des kroatischen Frühmittelalters*, Wien 1999.
- ed. Knjazevskaia *Uspenskij sbornik XII-XIII vv.*, ed. Knjazevskaia et al., Moskva 1971.
- Kolarič 1968 Rudolf Kolarič, Sprachliche Analyse, in: *Freisinger Denkmäler/Brižinski spomeniki/Monumenta Frisingensia. Literatur – Geschichte – Sprache – Stilart – Texte – Bibliographie*, Entwurf und Redaktion: Jože Pogačnik, München 1968, 18–120.
- Kronsteiner 1985 Otto Kronsteiner, Virgil als geistiger Vater der Slawenmission und der ältesten slawischen Kirchensprache, in: *Virgil von Salzburg. Missionar und Gelehrter*, Herausgegeben von Heinz Dopsch und Roswitha Juffinger, Salzburg 1985, 122–128.
- Kronsteiner 1986 Otto Kronsteiner, Method und die alten slawischen Kirchensprachen, *Mitteilungen der Gesellschaft für Salzburger Landeskunde* 126 (1986), 255–272.
- Lenček 1996 Rado L. Lenček, An attempt at stratification of early Slovene Christian terminology of the oldest Eastern Alpine Slavic texts, in: *Zbornik ...* [wie Hannick 1996], 253–266.

- Mareš 1975 František Václav Mareš, Die Anfänge des slavischen Schrifttums und die byzantinisch-griechische Literatur, *Cyrrillomethodianum* 3 (1975), 1–12.
- Mareš 2000 František Václav Mareš, *Cyrrilometodějská tradice a slavistika*, s. 1. 2000.
- Moszyński 1996 Leszek Moszyński, Terminologia religijna Zabytków Fryzyjskich – najstarsza znana terminologia religijna Słowian, in: *Zbornik ...* [wie Hannick 1996], 245–252.
- Nahtigal 1942 Rajko Nahtigal, *Euchologium Sinaiticum. Starocerkvenoslovanski glagolski spomenik*. II. del: Tekst s komentarjem, Ljubljana 1942.
- Pogačnik 1968 Jože Pogačnik, Das Schicksal der Freisinger Denkmäler in der Slawistik, in: *Freisinger Denkmäler ...* [wie Kolarič 1968], 3–17.
- Pogačnik – Gantar – Žgur 1968 Jože Pogačnik – Kajetan Gantar – Adela Žgur, Glossar, in: *Freisinger Denkmäler ...* [wie Kolarič 1968], 227–261.
- Pohl 1996 Heinz Dieter Pohl, Zur Sprache der Freisinger Denkmäler. Beziehungen zwischen der Sprache der Freisinger Denkmäler und den Ortsnamen Oberkärntens und Osttirols alpenlawischer bzw. slowenischer Herkunft, in: *Zbornik ...* [wie Hannick 1996], 311–321.
- Pohl 2002 Heinz Dieter Pohl, Siedlungsgeschichte und Überlieferung von Ortsnamen slowenischer Herkunft in Osttirol und Kärnten (mit Ausblicken aufs übrige Österreich), in: Peter Ernst – Isolde Hausner – Elisabeth Schuster – Peter Wiesinger (Herausgeber), *Ortsnamen und Siedlungsgeschichte*. Akten des Symposiums in Wien vom 28.–30. September 2000, Heidelberg 2002, 177–189.
- Schaeken 1987 J. Schaeken, *Die Kiever Blätter*, Amsterdam 1987.
- Schwarz 1929 Ernst Schwarz, Zur Chronologie von asl.  $\bar{u} > y$ , *Archiv für slavische Philologie* 42 (1929), 275–285.
- Schwarz 1960 Ernst Schwarz, *Sprache und Siedlung in Nordostbayern*, Nürnberg 1960.
- de Vincenz 1988 Zum Wortschatz der westlichen Slavenmission, in: *Slavistische Studien zum X. internationalen Slavistenkongress in Sofia 1988*, Herausgegeben von Reinhold Olesch und Hans Rothe, Köln – Wien 1988, 273–295.
- Vondrák 1894 Wenzel Vondrák, Althochdeutsche Beichtformeln im Altkirchenslavischen und in den Freisinger Denkmälern, *Archiv für slavische Philologie* 16 (1894), 118–132.
- Vondrák 1896 Václav Vondrák, *Frisinské památky. Jich vznik a význam v slovan-ském písemnictví*, Praha 1896.
- Wiehl 1974 Irene Wiehl, *Untersuchungen zum Wortschatz der Freisinger Denkmäler. Christliche Terminologie* (= Slavistische Beiträge Band 78), München 1974.

- Wiesinger 1985 Peter Wiesinger, Probleme der bairischen Frühzeit in Niederösterreich aus namenkundlicher Sicht, in: *Die Bayern und ihre Nachbarn*, Teil 1. Berichte des Symposions der Kommission für Frühmittelalterforschung 25. bis 28. Oktober 1982, Stift Zwettl, Niederösterreich, Herausgegeben von Herwig Wolfram und Andreas Schwarcz (= Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse, Denkschriften 179), Wien 1985, 2. Auflage 1989, 321–367 + 7 Karten.
- Wiesinger 1986 Peter Wiesinger, Bairisch-österreichisch *Maut*. Eine vergleichende Wortstudie zum Germanischen, Romanischen und Slawischen, *Beiträge zur Erforschung der deutschen Sprache* 6 (1986), 108–125.
- Wolfram 1995 Herwig Wolfram, *Salzburg, Bayern, Österreich. Die Conversio Bagoariorum et Carantanorum und die Quellen ihrer Zeit*, Wien – München 1995.
- Zor 1992 Janez Zor s sodelovanjem Franca Jakopina in Tineta Logarja, Slovar, in: *Brižinski spomeniki. Znanstvenokritična izdaja*, Ljubljana 1992, 130–153.

*Institut für Slawistik, Universität Wien*  
*Spitalgasse 2-4, Hof 3, 1090 Wien, Österreich*  
georg.holzer@univie.ac.at



# Zu einem vermeintlichen Lautwandel \**o* > *á* in einigen slavischen Lehnwörtern des Ungarischen

*Ralf-Peter Ritter*

Dehnung von aus *o* entstandenem *a* unter dem Einfluß eines langen *a* (Graphem *á*) der Folgesilbe wird in den Standardwerken zur ungarischen Lautgeschichte und in verschiedenen etymologischen Wörterbüchern des Ungarischen in folgenden Wörtern angenommen: *ábráz* ‘Bild, Gestalt’, *eszkába* ‘Krampe, Klammer’, *máglya* (SzlJsz: \**mogla* > \**magla*; \**maglát* [Akk.], \**magláz* [a. 1699: *mágláz* ‘Salz transportieren’] > *máglát*, *mágláz* bzw. *máglyát*, *máglyáz*), *párta* (EWUng), *poszáta* ‘Grasmücke’ (SzlJsz: *po-stat* > ung. *posztát* [vgl. a. 1787 *posztát[os]* → EWUng] > \**pasztát* > *pásztát* → [-*t* Akk.]), *pászta* ‘Streifen’; z. B. EWUng: „Das erstsilbige *á* ist Auswirkung des Vok(als) der zweiten Silbe“. Für keines dieser Wörter — von einer offenkundig auf rezenter Neuentlehnung beruhenden Variante im Falle von *pászta* abgesehen — ist eine Form mit dem vorausgesetzten ursprünglichen *o* belegt, was freilich nicht allzu viel besagt, da auch die am frühesten nachweisbaren in eine Zeit fallen, da der Wandel ung. *o* > *a*, der sich z. B. in dem Wort für ‘Bach’ manifestiert (slav. *potok* > ung. *potok* > *patak*) schon im Abklingen begriffen war, so daß das Fehlen *o*-haltiger Belege auf Zufall beruhen könnte. Doch erscheint die Annahme allein schon in Anbetracht der zahlreichen Lexeme, die die nämliche Konstellation der Vokale aufweisen, aber nichtsdestoweniger die Kürze in der langvokaligen voraufgehenden Silbe bewahrt haben, bedenklich: *agár* ‘Windhund’, *apát* ‘Abt’, *lapát* ‘Schippe, Spaten’, *szakács* ‘Koch’ sowie die Akkusativformen auf kurzes *a* auslautender Wörter wie *kapá-t* ‘Hacke’, *kapcá-t*, ‘Fußbekleidung, Fußlappen’, *labdá-t* ‘Ball’, alles Entlehnungen, in denen das *a* der ersten Silbe jeweils auf *o* zurückgeht (vgl. TESz, EWUng. s.vv.). Es kommt hinzu, daß das ungerundete *á* als Dehnungsprodukt des als Fortsetzer eines *o* von Anbeginn gerundeten *a* schwer vorstellbar ist. Man müßte daher annehmen, daß die Dehnung auf dem Dialektgebiet erfolgte, wo es kein gerundetes *a* gibt, und sich dann die betreffenden Formen verbreitet hätten, eine Annahme, die überhaupt nichts für sich hat. Der von den Handbüchern propagierte Vorgang ist mithin aus der Liste der kombinatorischen Lautwandel des Ungarischen zu streichen.

Unter den genannten Wörtern mit dem angeblichen sporadischen Lautwandel ist eines, *párta* ‘Jungfernkranz’, ein Lehnwort aus dem Deutschen

(dt. *Borte*) und zwar wegen des stimmlosen Anlauts aus der bairischen Variation, die übrigen sind slavischen Ursprungs bzw. – in einem Fall – slavischer Herkunft verdächtig (slav. *obrazz*, *skoba*, *mogyła*, *postat*, EWUng: ? *poszáta* (madár) < \**psota* < slk. *psota* [vgl. ung. *nyomorék* ‘elend, kümmerlich, verkrüppelt; Grasmücke’]. *Pászta* und *poszáta* können der Beleglage nach relativ späte Entlehnungen sein. Von den drei früh belegten gehen zwei, *eszkába* und *máglya*, auf slavische Wörter zurück, in denen das *o* der ersten Silbe aus altem \**a* entstanden ist: *eszkába* entspricht ein in allen Slawinen vorhandenes *skoba* ‘(eiserne) Klammer’ (poln., sorb. *skob[e]la* ‘Türangel’) — Kopečný 323, *máglya* ein urslav. \**magŭlā* (ar. *mogyła* usw.), dessen *a* in der ersten Silbe durch das wegen *r* für \**l* als frühe Entlehnung erwiesene rumänische *măgură* gesichert ist (REW). Somit besteht theoretisch die Möglichkeit, daß die beiden Wörter noch mit altem slavischen *a* übernommen wurden, was Herkunft aus dem Ostslavischen vor der Landnahme bedeuten würde, denn slav. \**a* > *o* dürfte generell mit Beginn des 10. Jh. abgeschlossen gewesen sein (Bräuer), doch läßt sich dieser Erklärungsversuch allenfalls für *máglya* diskutieren, da die ersten Belege für *eszkába* (aus dem 14. Jh.) noch keine Vokalprothese zeigen, was sich nicht mit der Annahme einer vorpannonischen Entlehnung verträgt. Bei *máglya* würde man dann allerdings Belege für die Bedeutung ‘Grabhügel’, das die Hauptbedeutung des slavischen Wortes gewesen zu sein scheint (vgl. die o. genannte Lit.) erwarten; das ung. Wort indessen hat wohl seit altersher nur ‘Haufen’ (von Salz, Holz, Ziegeln u.ä. – s. OklSzPótl) bedeutet. EWUng führt das *á* in *máglya* auf eine Ersatzdehnung zurück, wie sie auch für ung. *málna* ‘Himbeere’ < slav. *malina* angenommen wird, doch liegt in letzterem auf slavischer Seite ein *a* vor, das in Anbetracht des Alters der ungarischen Entlehnung noch durch ein ungerundetes *a* (> *a*) substituiert worden sein muß, während wir es im Falle *máglya* mit einem auf *o* zurückgehenden gerundeten *a* zu tun haben. Für *párta* nun entfällt die Behauptung auf jeden Fall, denn das *á* beruht hier, wie Mollay (NMNyÉ) schon im 1982 erkannt hat, auf Substitution des geschlossenen *a* der bairischen Variante: bair. *orC* > *arC*, *párta* < *parte* (vgl. *kártya* — lat. *charta*, ital. *carta*, dt. *Karte*), eine Erkenntnis, die noch im Jahre 1994 keinen Eingang ins EWUng gefunden hat („Inl(autendes) *á* entstand im Ung.“)!

Somit gestaltet sich das Problem als ein rein slavistisches. Für die sicheren Etymologien unter den genannten kann für die urslavischen Originale ein Akzentsitz unmittelbar nach der den problematischen Vokalismus in den ungarischen Repliken aufweisenden Silbe vorausgesetzt werden: bei *mogyła* und *skoba* ohnehin, aber auch in den beiden anderen Fällen, vgl. *obráz* und *postát* in Dal’s Wörterbuch. Da nun weder das Weißrussische, noch das Mittel- und Südrussische und die Rhodopedialekte des Bulgarischen

als Lehngeber für das Ungarische in Betracht kommen, wird man bei dem Befund an die These Georgievs, daß es sich beim Akanje um eine alte Erscheinung handelte und sich in den betreffenden Slavinen nur urslavisches betontes *a* in *o* gewandelt hätte, erinnert. Nimmt man nun an, daß sich auch noch in irgendeiner slavischen Anrainersprache des Ungarischen, d.h. im Vorläufer des Ukrainischen oder im Südslavischen ein ähnlicher Zustand wie im Südbulgarischen länger gehalten hat, fänden die in Rede stehenden Wörter eine einfache Deutung.

#### LITERATUR

- Bräuer        Bräuer, Herbert, *Slavische Sprachwissenschaft* I. Berlin 1961.
- Dal'            Даль, Владимир И., *Толковый словарь живого великорусского языка*. I-IV. Ст. Петербург/Moskau 1863–4.
- EWUng        Benkő, Loránd et al., *Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen*. I, II, III, Budapest 1993, 1994, 1997.
- Georgiev      Георгиев, Владимир, *Вокалната система в развоя на славянските езици*. Sofia 1964.
- IEW           Pokorny, Julius, *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. I, II, Bern/München 1959/69.
- Kopečný      Kopečný, František, *Základní všeslovanská slovní zásoba*. Prag 1981.
- NMNyÉ        Mollay, Károly, *Német-magyar nyelvi érintkezések a XVI. század végéig*. [Deutsch-ungarische Kontakte bis zum Ende des 16. Jahrhunderts]. Budapest 1982.
- MNyT         Bárczi, Géza, Benkő, Loránd, Berrár, Jolán, *A magyar nyelv története*. [Geschichte der ungarischen Sprache]. Budapest 1967.
- OkISzPótl    Szamota, István, Zolnai, Gyula, *Magyar oklevél-szótár*. [Ungarisches Urkundenwörterbuch]. Supplementum. Budapest 1902-1906.
- REW           Vasmer, Max, *Russisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg 1953-1958.
- SzlJsz        Kniezsa, István, *A magyar nyelv szláv jövevényszavai 2*. [Die slavischen Lehnwörter der ungarischen Sprache]. Budapest 1974.
- TESz          *A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára*. [Historisch-etymologisches Wörterbuch der ungarischen Sprache]. I-IV, hrsgg. von Loránd Benkő et al. Budapest 1967-84.

*Uniwersytet Jagielloński*  
*ul. J. Piłsudskiego 13, 31-110 Kraków, Polska*  
 RalfPeterRitter@aol.com





**Wyrazy pochodzenia słowiańskiego  
w języku rumuńskim,  
zawierające [r̥] i [l̥] w części rdzennej**

*Mihai Mitu*

1. W slawistyce rumuńskiej ostatnich dziesięcioleci utarło się przekonanie, że najdawniejsze słowiańskie pożyczki leksykalne w języku rumuńskim pochodzą z okresu po IX-ym wieku i noszą one piętno wymowy południowo-słowiańskiej (ściślej, bułgarskiej). W tych wypadkach słowniki i prace leksykologiczne rum. podają w części etymologicznej najczęściej odpowiedniki starsłowiańskie (z tekstów kanonu cyrylo-metodyjskiego), bułgarskie i, dla porównania, serbskie. Co prawda, obecność Słowian na terenie dawnej Dacji stwierdzono już w VI-ym wieku, ale okres zasilającego się wpływu południowo-słowiańskiego na język Prarumunów przypada parę wieków później, właściwie po ukończeniu procesu uformowania j. rum. (jako odrębnego języka romańskiego, na podstawie łaciny ludowej), czyli po VIII-ym wieku<sup>1</sup>.

Wychodząc z tego założenia i mając pod uwagę przeważający ostatnio pogląd o ostatecznym rozpadzie prasłowiańszczyzny mniej więcej w IX-X wieku<sup>2</sup>, można dojść do wniosku, że te dwa okresy zbiegają się w czasie<sup>3</sup>.

2. Z grona zjawisk fonetyki bułgarskiej tych czasów (w. IX-X), znajdujących niezbitę odzwierciedlenie w pożyczkach rumuńskich, uważam za bardzo przekonującą pod tym względem tendencję do powstawania dodatkowego elementu samogłoskowego między samogłoską płynną (twardą lub miękką) a inną spółgłoską w wypadku [r] i [l] zgłoskotwórczych ( $Tr̥T > TǎrT$ ,  $TrǎT$ ;  $Tl̥T > TǎlT$ ,  $TlǎT$ ). Nie powtarzam tu rzeczy powszechnie

---

<sup>1</sup> I. Pătruț, *Pierwsze kontakty językowe słowiańsko-romańsko-greckie a okres trwania języka prasłowiańskiego*, „Rocznik Slawistyczny“, XXXIII, s. 7-19; tenże, *Vechimea relațiilor lingvistice slavo-române*, w *Studii de limbă română și slavistică*, Cluj, 1974, s. 101-123 („Słowianie w Dacji mówili do wieku IX-go jeszcze językiem prasłowiańskim“, s. 105; „Stosunki między Prarumunami a Słowianami na terenie Dacji w VI-VIII wieku były jeszcze dosyć słabe, co widać w małej liczbie sławizmów leksykalnych“, s. 112-114. W dalszym ciągu autor przytacza argumenty zaczerpnięte z fonetyki bułgarskiej po IX-ym wieku, przemawiające za „piętnem bułgarskim“ wielu pożyczek rumuńskich właśnie w tym okresie, s. 115-121).

<sup>2</sup> Zob. pogląd prof. H. Birnbauma, w referacie wygłoszonym na krakowskiej konferencji o prasłowiańszczyźnie (1996), *Jak długo trwał język prasłowiański?*, w tomie *Prasłowiańszczyzna i jej rozpad*, pod redakcją Jerzego Ruska i Wiesława Borysia, Warszawa 1998, s. 21-27 (z przeglądem poprzednich opinii na ten temat).

<sup>3</sup> Stwierdziłem to na tejże konferencji krakowskiej w moim wystąpieniu (nie drukowanym), zob. wzmiankę o nim w w/w referacie H. Birnbauma (s. 26).

znanych w fonetyce historycznej, począwszy od jęz. praindoeuropejskiego, poprzez bałtosłowiański i wczesnoprastłowiański, aż do późnego etapu prastłowiańszczyzny. Wystarczy odesłać do jednego z ostatnich wypowiedzi w tym zakresie, mianowicie do odczytu prof. H. Schuster-Šewca, na tejże konferencji krakowskiej<sup>4</sup>; autor uważał w/w tendencję za „późnoprastłowiańską innowację“ (s. 104), której „punkt ciężkości znajdował się na południu i obejmował przede wszystkim późnoprastłowiańskie pradialekty jęz. południowo-słowiańskich, ale częściowo także pradialekty słowackie i czeskie“ (s. 105).

**3. Fonetyka.** Osobliwość tej bułgarskiej wymowy [ăr] [ăl] lub [ră] [lă], w zależności od ilości spółgłosek występujących po spółgłosce płynnej, polega na tym, że jest ona połączeniem najbardziej otwartych spółgłosek (r, l) z najbardziej zamkniętą ze samogłosek (ă). Prarumunowi obcującemu ze Słowianami bułgarskimi w owych czasach (w. IX-XI) nie było wcale trudno wymawiać np. *κρ̑μα* albo *κ̑ρ̑na* jako *cărmă cărpă*, gdyż [ă] już istniała w prarumuńskim zarówno w nagłosie (*căne* < łac. *canem*; *cămp* < łac. *campus*; *căştiga* < łac. *castigo*, -are), jak i w wygłosie (*casă* < łac. *casa*, *masă* < łac. *mensa*, *cămaşă* < łac. *camisia*); zjawisko to występuje również w wyrazach pochodzenia słowiańskiego (*sită* < stsl. *sito*, bułg. *cumo*, sch. *sito*), zob. Rosetti, ILR, 364. Ale Rumuni szli jeszcze dalej, gdyż później, w w. XV-XVI, kiedy *ă* > *â* (wym. *y*, a więc tylną, jeszcze bardziej zamkniętą spółgłoskę), zaczęto wymawiać [ăr] [âl] lub [ră] [lă], a jest to wymowa uznana po dziś dzień w rum. jęz. literackim (*căine*, *căştiga*, *cărmă*, *cărpă*), zob. Rosetti, ILR, 447.

Samogłoska [ă], a potem [â], to jeden z elementów dobitnie odróżniających jęz. rum. od pozostałych języków romańskich, przy pomocy której oddawano m.in. w rum. cały szereg dźwięków ze środowiska naturalnego. Do dzisiaj w rum. aż roi się od wyrażen dźwiękonaśladowych (onomatopeje), zawierających połączenia [ăr] [âl]: *bâl-*, *bâr-*, *câr-*, *fâl-*, *gâl-*, *dâr-*, *mâr-*, *sfâr-*, *zvâr-* itd., na podstawie których stworzono bardzo wymowne derywaty czasownikowe: *bâlbâi* „bełkotać“, *gâlgâi* „bulgotać“, *fâlfâi* „furkotać“, *dârdâi* „dygotać“ itd., czego nie ma w żadnym innym jęz. romańskim (np. we fr. *glou glou*, *glouglouter*, *gargouiller*), z tej prostej przyczyny, że w nich, za wyjątkiem portugalskiego i katalańskiego, nie rozwinęły się tego rodzaju samogłoski. Natomiast onomatopeje z [ăl] [ăr] jak w rum. istnieją właśnie w bułg.: np. *звн-звн* „dźwięk wydawany przy picciu jakiegoś płynu“ (zob. BER, I, 300).

---

<sup>4</sup> *Działanie prawa sylab otwartych w późnym okresie języka prastłowiańskiego i jego rola w ukształtowaniu się słowiańskich makrodialektów*, w cyt. tomie, s. 97-106

Można powiedzieć, że wymowa bułgarska [ǎl] [ǎr] trafiła w rum. na grunt przygotowany, znajdując na tym terenie szerokie pole do popisu. Tylko w ten sposób można wyjaśnić względnie dużą liczbę przykładów wśród najdawniejszych zapożyczeń rumuńskich pochodzenia starobułgarskiego (w. IX-XII). W książce G. Mihăilă *Împrumuturi vechi sud-slave în limba română* (1960), spośród 640 wyrazów z tego zakresu aż 46 to wyrazy mające [r] [l] zgłoskotwórcze w brzmieniu bułgarskim (tzn. około 7%): *bârlog* „barłog“, *cârcă* „kark“, *gârba* „garb“, *sfârși* „kończyć“, *târg* „targ“, *vârf* „wierzch“, *gât* (\**gâlt*) „szyja, gardło“, *pâlc* „gromada“, *stâlp* „słup“ itp.<sup>5</sup>

Jak wiele innych sławizmów zapożyczonych w tym najdawniejszym okresie kontaktów językowych słowiańsko-rumuńskich, większość wyrazów pochodzenia południowosłowiańskiego z [r] i [l] zgłoskotwórczym są do dzisiaj powszechnie znane w rum. j. literackim, rozwijając pokaźną liczbę derywatów, często nowe znaczenia oraz bogatą frazeologię (zob. niżej).

W następnym okresie, po XII wieku, jak wiadomo, przede wszystkim dzięki przyjęciu prawosławia przez Rumunów, język starocerkiewnosłowiański stał się językiem powszechnym w cerkwi rumuńskiej, a od XIV-go wieku (m/w do XVII-go wieku) również w kancelariach wołoskich i mołdawskich. Z tego okresu, obok terminów takich jak *duh*, *iad*, *mucenic*, *precistă*, *proroc* itp., inne z [r] [l] zgłoskotwórczym w postaci *-âr* (*er*), *-râ*, *-âl*: *crâsnic* (< stł. *krastnikσ*) „baptizandus“, *jârtfă* (*jârtfă*, dziś *jertfă*) (< stł. *žrtva*) „ofiara“<sup>6</sup>; *săvârși* (< stł. *savrsiti*) „dokonać“, „dokończyć“<sup>7</sup>; *tâlc* „sens“ (< stł. *tlakσ*), *tâlcovanie* „tłumaczenie sensu“ (< stł. *tlakovanje*); *țârcovnic* (< stł. *crakovnikσ*) „zakrystian, diak“; *cirtă* (< stł. *črta*, bułg. *чепма* „mały znak nad literą; coś mało znaczące“ i inne (zob. Mihăilă, *Studii...*, s. 129–134)<sup>8</sup>, z tych, *jertfă*, *săvârși*, *tâlc* są do tej pory powszechnie używane, z dużą ilością derywatów, nowych znaczeń i zestawień frazeologicznych.

Z powyższych przykładów (*cirtă*, *jertfă*) widać, że w rum. zachowano refleks bułg. *-ir* (*-er*) zamiast [ǎr], kiedy [r] zgłoskotwórcze następuje po palatalnych *č*, *ž*, *š*; do nich należy dodać *cerni* (czas.) ‘czernić’ (z bułg. *черня*, sch. *cr'niti*), *cerneală* „atrament“ (< stł. *črnilo*), *știrb* „bezzębny“ (psł. *ščьrb-*, bułg. *щърб*, tutaj *ь* > *σ*, po [št] twardym).

<sup>5</sup> Dla wyjaśnienia etymologii, autor podaje w kolejności ekwiwalenty z języka starosłowiańskiego i bułgarskiego, nieraz serbskiego i, dla porównania, z innych języków słowiańskich.

<sup>6</sup> Zob. ostatnio Helena Karlíková, *Reflexe dávných obyčejů v slovanském lexiku (k vývoji pojmu obět)*, w: *Dzieje Słowian w świetle leksyki*, Kraków 2002, s. 139-140.

<sup>7</sup> Zob. ostatnio Krystyna Herej-Szymańska, *Czasowniki ze znaczeniem ‘umierać’ w gwarach bułgarskich*, w: *Dzieje Słowian w świetle leksyki*, Kraków 2000, s. 392.

<sup>8</sup> Zob o tym ostatnio L. V. Kurkina, w „*Studia etymologica Brunensia*“, 1, Praha 2000, s. 129.

Ciekawą historię mają dublety etymologiczne rum. *sfert* i *ciosvârtă*. Dla obu wyrazów punktem wyjścia jest psł. *četur'tb* „czwarta część całości, ćwierć“ (SP I, 184), ale do j. rum. przedostał się ze stsl. *četurstb*, bułg. *чemѠpm*, sch. *četvrt*; drogą kolejnych uproszczeń fonetycznych (*čtv-* > *čtf-* > *čf-* > *šf-* > *sf*), doszło do dzisiejszego *sfert*, powszechny w jęz. lit. dla wyrażania „czwartej części czegoś“ (zob. Mihăilă, *Împrumuturi*, 59); natomiast, *ciosvârtă*, rzeczownik ż. rodzaju zachował połączenie *-âr-*, jako bardziej ekspresywne, dla wyrażania w rzeźnictwie „jakiejś części (niekoniecznie czwartej!) mięsa; poleć“ (DA I/2, 469)<sup>9</sup>.

W dalszym ciągu, wielowiekowe współżycie Rumunów z Bułgarami i Serbami, zwłaszcza na południu kraju, miało jako skutek przekazanie do j. rum. wielu nowych bułgaryzmów i serbizmów. Przykładów jest mnóstwo, podaję tylko kilka: *dârstă* (*drâstă*) „folusz“ (< bułg. *дрѠста*, BER I, 439); *gâlceavă* „kłótnia, zwada, wrzawa“ (< bułg. *гълчѠва*); *mârțână* „szkapa, wywłoka“ (< bułg. *мѠруна*), *molcom* (daw. *mâlcom*) „cichaczem, ukradkiem“ (z bułg. *мѠлком*), *năpărstoc* „naparstek“ (z bułg. *напѠсток*), *smârc* „mokradło“ (z bułg. *смѠрк*), *vâlvă* „wrzawa, hałas, rozgłos“ (< bułg. *ѠлѠѠѠѠ*); nomina agentis na *-ač*: *cârmaci* „przywódca, sternik“ (< bułg. *кѠрмач*), *cârpaci* „łatacz; partacz, fuszer“ (< bułg. *кѠрпач*); nazwy na *-ež*: *vârtej* „wir powietrzny; ślup (kurzu, dymu)“ (< bułg. *ѠрѠѠѠѠ*) itp.

Obok w/w wyrazów pochodzących z bułg., słowniki rumuńskie podają nieraz etymologię podwójną, bułgarsko-serbską, np. *cârciumă* (*crâșmă*) „karczma“ (< bułg. *кѠрѠма*, sch. *krčma*); *cârțiță* (< bułg. *кѠрѠиѠѠѠ*, sch. *krtica*) „kret“; *mârșav* „słaby, niemocny; podły“ (z bułg. *мѠрѠѠѠѠ*, sch. *mršav*); *pârli* „przypalać“ (z bułg. *пѠрѠѠѠ*, sch. *prljiti*), *târlă* „owczarnia“ (< bułg. *мѠрѠѠѠ*, sch. *trlo*) itp.

Wyłącznie pochodzenia serbskiego są: *cârd* „stado, kierdel“ (< sch. *krđ*); *gârlici* „szyjka butelki; wąska szpara“ (< sch. *grlić*); *pârtie* „ścieżka, drożka; perć“ (< sch. *prt*, *prtina*) i inne pozostały tylko jako regionalizmy, w południowo-zachodniej części kraju (Banat, Oltenia), omawiane przez D. Gămulescu, *Elemente...* (*cârceag*, *cârși*, *mârc*, *opârtă*, *pârvac*, *stârmină*, *târpî* itp.). Nie ma żadnej pożyczki ze sch. z refleksem [u] dla [l] zgłoskotwórczego, do takich można zaliczyć najwyżej imię własne *Vuc* (*Vucea*) (< sch. *Vuk*), zob. Gămulescu, 57. Natomiast rum. nazwa dla Serba brzmi *Sârb* (< sch. *Srb*); (*limba*) *sârbă* („język serbski“; *sârbă* „nazwa bardzo popularnego tańca ludowego“ (DLR, X, 1029-1030).

<sup>9</sup> Oprócz zachowania pierwotnych głosek (*č-* w nagłosie i *-v-* śródgłosie), innowacją jest obecność spg. *-s-*, co można wyjaśnić poprzez kontaminację z psł. *čestb*, bg. *чѠст*, „część“.

Ogólnie rzecz biorąc, można stwierdzić, że liczbę wyrazów pochodzenia południowo-słowiańskiego (bułg., sch.) z [r] [l] zgłoskotwórczymi w części rdzennej, zarówno znane w jęz. lit., jak i w gwarach rum., można szacować na ok. 200 podstawowych jednostek leksykalnych; przy dodawaniu derywatów, liczbę tę można nawet podwoić.

**3.1. Innowacje fonetyczne rumuńskie.** Refleks bułgarski [ǎr] [ǎl] stał się wzdłuż wieków tak wielce rozpowszechniony, że w kilku wypadkach mowa rumuńska starała się przystosować niektóre wyrazy do tej wymowy przy pomocy pewnych zmian, które możemy uważać (częściowo lub w pełni) za innowacje fonetyczne, a mianowicie:

- [l] > [r]: *pârș* „popielica, pilch, Glis glis“ < stśł. *pl̥sch̥* < psł. *pl'ch̥* (z rekonstrukcją nowego singularium na podstawie l.mn. *pl̥ši*); istnieją również warianty fonetyczne bliższe w stosunku do etymonu: *pâl̥h* i *pâl̥ș* (zob. DLR VIII 738)<sup>10</sup>.
- [r] epentetyczny: *dârlog* (*dârloagă*) „lejce, wodze cugle“ < bułg. *до-лагам* < psł. *dologati* „dodawac“ (CDER 2967).
- Przystawka sł. (bułg., sch.) *pre-*, *pro-* w nagłosie > rum. *pâr-*: *pârleaz* (*pârlaz*) „przełaz“ (< bułg., sch. *прелаз*); *pârlog* (*pârloagă*) „teren nie uprawiony, zmarnowany“ (< sch. *prelog*); *pârdalnic* „cholerny, diabelny“ (< bułg. *продажник*) itd.
- Przystawka bułg., sch. *la* > rum. *âl*: rum. *hâlpav* (dziś *hulpav*) „bardzo łakomy“ (< bułg. *хлѧпам*, sch. *hlapiti*).

**4.** Charakter zgłoskotwórczy [r] i [l] na płaszczyźnie fonetyki słowiańskiej, wyrażający się w fonetyce bułgarskiej połączeniem ze samogłoskami zamkniętymi [ǎ] i [â], *spowodował spotęgowanie ekspresywności tych spółgłosek*. Wiadomo, że już Platon (*Kratylos*, 426 de, 427 b) uważał te głoski jako symbole ruchu lub płynięcia, ślizgania; ale w wyrazach greckich, które on podał za przykłady (*rhein*, *rhoe*, *liparon*, *kollodes*), do których, rzecz jasna, można się pokusić o dodawanie wielu innych z łacińskiego, prasłowiańskiego itd., te spółgłoski (które od Dionysiosa Traka przywykło się nazywać „płynnymi“), otoczone były samogłoskami, które same przez się nie stanowiły żadnej przeszkody we właściwym wymawianiu. Ale pozycja tych głosek między spółgłoskami [TrT] [TlT] zmusza mówiącego do dodatkowego wysiłku w kierunku wydostania się z tych „murów więziennych“; ten wysiłek znalazł sobie odbicie albo w połączeniu z jakąś samogłoską w większości języków słowiańskich, albo, w wypadku [l], w całkowitej wokalizacji [u] w serbskim i chorwackim. Można powiedzieć, że obie części składowe tego połączenia, *ǎ* (*â*) + *r*, *l*, wzajemnie się wspomogły, przyczyniając się w ten sposób do

<sup>10</sup> Nie całkiem, gdyż l > r również w bułg., np. *вѣрколак* (z daw. *вѣлкодлак*) „wilkodlak“, co dało w rum. *vârcolac* (zob. BER I 206).

zupełności symbolizmu fonetycznego (co widać, wyraźnie, na przykładzie onomatopei).

5. Tak można – jak się wydaje – wyjaśnić dużą popularność tych wyrazów wśród mówiących. **Słowotwórstwo, synonimika i frazeologia**, jak również **onomastyka**, wszystkie te działy języka dostarczają pod tym względem wielu wymownych przykładów. Oto kilka z nich, zaczerpniętych z leksyki rumuńskiej:

- *cârcă*<sup>11</sup> „kark, grzbiet“ (synonimy łac.: *spate*, *spinare*) < sch. na *krke* (< psł. *krkσ*), w wyrażeniach *a lua în cârcă* „brać na plecy (np. dziecko)“, *a pune în cârcă cuiva* „obarczać kogoś trudnym zadaniem“;
- *gât* (\**gâlt*) „część ciała ludzkiego lub zwierzęcego między głową a tułowiem“ (< bułg. *гълт* „łyk“), z uproszczeniem *lt > t*, jak w bułg. *гълтам* > *гтам* (zob. Mihăilă, 116-117); „gardło, gardziel“, z derywatem *a gâtui* „dusić (za gardło)“ rozwinął bardzo bogatą frazeologię (*a face gât* „pyskować“; *a fi sătul până în gât* „mieć (czegoś) dosyć“ itd;
- *mâlc* obok *mâlcom*, *molcom* „cichaczem, po cichu“; w wyrażeniu *a tăcea mâlc* występuje *mâlc* (< bg. *мълк*-) w znaczeniu ‘milczeć jak zakłęty, kompletnie, nie piszczeć ani słówka’;
- *scârbă* „wstręt“ i derywat *a (se) scârbi* „brzydzić się“ (< stsl. *skrbъ*, bułg. *скърбя*, sch. *skrbiti*), liczne derywaty rum. : *scârbeală*, *scârbit*, *scârbos* „obrzydliwy“, *scârboșenie* „paskudztwo, ohyda“ itd. oraz we frazeologii: *mi-e scârbă* „czuję wstręt“, *mi se face scârbă* „ogarnia mnie wstręt“;
- *vârf* (< stsl. *vrъchъ*, bułg. *връх*, sch. *vrh*) „wierzch; czubek, szczyt (góry)“, w wyrażeniach *a plăti cu vârful și îndesat* „płacić z nadwyżką“, *a i se sui părul în vârful capului* „włosy stają mu dęba“;
- *a (se) învârti* „kręcić (się), obracać się“ (< stsl. *vrъtěti*, bułg. *вртям*, sch. *vr̥tet̥i*) ma również znaczenie „kombinować“ (przech.), „dorabiać się (zwr.) stanowiska, posady, majątku itp., raczej w sposób nieuczciwy“.

Można podać wiele innych przykładów. Jak widać, aspekt fonetyczny zapożyczeń spowodował, że wyraz słowiański, zawierający [r] [l] w brzmieniu bułgarskim, mógł być odczuwany przez Rumuna za bardziej ekspresywny, w stosunku do synonimów pochodzenia łacińskiego, romańskiego albo innego pochodzenia (*spate*, *tăcea*, *dezgust*, *capăt*, *combina*). Powstała w ten sposób bogata warstwa leksykalna o zabarwieniu emocjonalnym oraz przenośnym.

---

<sup>11</sup> Zob. ostatnio Krystyna Herej Szymańska, *Z dziedzictwa indoeuropejskiego w słowiańskiej terminologii anatomicznej*, „Studia etymologica Brunensia“, 1, Praha 2000, s. 177.

Zresztą, wymowa [âr] [âl] w rum. przekroczyła granicę kontaktów leksykalnych rumuńsko-południowo-słowiańskich. Można ją spotkać także w innych zapożyczeniach, np. *fârțângău* „zalotnik“, „motyl salonowy, nicpoń“ < pol. *fircyk* (zob. Mitu, *Studii*, s. 35-39), *târtan* „Żyd“ (pejor.), < niem. *Unterthan*.

Największy stopień ekspresywności osiągają te wyrazy, w których po połączeniu [âr] znajduje się tamta samogłoska płynna [l], np. *gârlă*, *mârlan* (< *a mârli*), *pârli*, *târlă* itp., jak świadczy obecność tych wyrazów w frazeologii o konotacji ujemnej lub pejoratywnej: *a da pe gârlă* (< bułg. *зърло*) „puszczać z wodą“; *a fi mârlan* „być chamem, zachować się po chamsku“; *a zvârli pe drumuri* „zostawić gośa bez środków utrzymania“ itp.

**6. W toponimii** rum. najbardziej rozpowszechniona jest nazwa *Târg(u)*, od apellativum *târg* „targ“ (< stsl. *trъgъ*, bułg. *mъpъ*, sch. *trъg*), w różnych postaciach, jako derywat (*Târgoviște*) albo z dodatkiem przymiotnika (*Târgu Frumos*) lub innego rzeczownika (*Târgu-Mureș*, *Târgu-Jiu*). Na południu zwłaszcza (od Banatu aż po Dobrudżę), ale niemniej w Mołdawii, nawet w Siedmiogrodzie, pełno jest toponimów (nazw osad, miejscowości, rzek, jezior itp.), szczególnie od terminów pospolitych pochodzenia południowo-słow. z brzmieniem bułgarskim [âr] [âl]: *Bârca*, *Cârcea*, *Dâlga*, *Dârsta*, *Gâlmele*, *Gârbova*, *Hârtoapele*, *Obârșia*, *Pârlita*, *Smârdioasa*, *Stâlpeni*, *Târnava*, *Vâlcea*, *Vârciorova*, *Vârfurile* itp. przy czym są to, w większości, formacje rum., czyli nazwy nadawane przez Rumunów<sup>12</sup>.

**7. W antroponimii** najbardziej znane są *Pârvu* (< stsl. *пръвъ*, bułg. *нъpъ*), kiedyś imię chrzestne, obecnie tylko nazwisko, jak *Pârvan*, *Pârvu-lescu* itp., i *Vâlcu* (< stsl. *влъкъ*, bułg. *вълк*) i inne: *Gârbea* (< bułg. *зърб* + suf. *-ea*).

**8. W j. rum.** istnieją również inne refleksy psł. [r] i [l] zgłoskotwórczego, należące do innych języków, jak rosyjski lub ukraiński; są one, rzecz jasna, o wiele późniejsze i bardzo nieliczne, jak *polc* „pułk“ i derywat *polcovnic* „pułkownik“ (< ros. *полк*, *полковник*); *ciorsă* „drapak, pitwak“, *ciorsac* „tępy nóż“, *ciorsăi* pogardl. „pitwać, rzezać“, z derywatem *ciorsăit* „skrzyp, zgrzyt“ (< ukr. *чepcак*, *чepcатy* < psł. *česrati*, zob. Fr. Sławski w SP, I, 54; Mitu, *Studii*, 28-29)<sup>13</sup>, albo toponimy w brzmieniu ukr. w Mołdawii *Dolhasca*, *Dolhești*, oraz nazwisko *Dolha* itp.

<sup>12</sup> Zob. Emil Petrovici, *Români, creatori de toponime slave* (Rumuni-twórcy słowiańskich toponimów), w tomie *Studii de dialectologie și toponimie*, Bukareszt 1970, s. 292-330.

<sup>13</sup> Zob. W. Sędzik, *Baltosłowiańskie nazwy narzędzi*, w *Dzieje Słowian w świetle leksyki*, Kraków 2002, s. 188: *crtati* „ciąć, nacinać“.

9. Na zakończeniu dwie uwagi nawiązujące do wcześniejszych naszych wystąpień na dwóch międzynarodowych zjazdach slawistów. Pierwsza, z zakresu historii słowianoznawstwa rum., dotyczy osoby i twórczości filologa, historyka i zarazem poety rum. Oświecenia Ioana Budai-Deleanu (1760-1820). Otóż, w swoich gramatykach jęz. rum., po łacinie i po rumuńsku (Bibl. Akad. Rum., rkp. 2425-2426 i 5200) próbując znaleźć właściwy odpowiednik w innych językach dla samogłosek rum. [ă] i [î], uważa tę ostatnią jako „nieokreśloną samogłoskę“ („nehotărâtă vocală“), która wymawia się podobnie jak w wyrazach serbskich i czeskich *smrt*, *prst*, *krk*. „Wymowa tych samogłosek jest dla cudzoziemca bardzo trudna, barbarzyńska sama w sobie, można ją porównać tylko do wymowy czeskich wyrazów *krk* i *smrt* (*Temeiurile gramaticii românești*, f. 9)“. Miał on sposobność stykania się z Serbami i Czechami podczas studiów na Uniwersytecie Wiedeńskim w latach 1778-1783 (m. in. tu uczył się czeskiego z prof. Józefem Zlobickym<sup>14</sup>).

Druga uwaga o charakterze historyczno-językowym. Niemaló sławizmów południowych z jęz. rum. przedostało się do języków północno-słow., w tej samej postaci fonetycznej, a nieraz o nowym, rumuńskim znaczeniu. W ten sposób areal rum. stał się pewnego rodzaju pomostem między językiem Słowian południowych a północnych. Zob., na przykład, w j. ukraińskim takie wyrazy jak *gâlcă*, *gârlă*, *gârlici*, *cârțiță*, *cârd*, *cârlig*, *târlă*, *vârtop* (> ukr. *Gelka*, *gerla*, *gyrlíc*, *kirtyca*, *kyrd*, *kyrlig*, *tyrlo*, *vertop*<sup>15</sup>).

Podsumując, sądzę, że sławizmy rumuńskie z [r] i [l] zgłoskotwórczymi w części rdzennej – w brzmieniu starosłowiańskim (bułgarskim) – ze względu na ich dużą ilość i różnorodność oraz na ciekawe zmiany fonetyczne i semantyczne – należą do najbardziej interesujących rozdziałów dotyczących kontaktów językowych słowiańsko-rumuńskich.

Ograniczyliśmy się w tym szkicu do narysowania ogólnej problematyki, do podkreślenia charakterystyki tego rodzaju zapożyczeń słowiańskich w języku rumuńskim, na podstawie wybranych przykładów. Dla całości, byłby pożyteczny mały słowniczek etymologiczny, ogarniający możliwie wszystkie

---

<sup>14</sup> Zob. M. Mitu, *Un précurseur des études slaves en Roumanie: Ioan Budai-Deleanu*, referat wygłoszony na XI Międzynarodowym Zjeździe Sławistów w Bratysławie 1993, w „Romanoslavica“, XXX, 1992, s. 193-224.

<sup>15</sup> Zob. I. Robciuc, *Raporturile lingvistice româno-ucrainene I. Elemente românești în ucraineană*, București 1996. Dla innych jęz. (ros., pol., słow.), zob. referat zespołu slawistów rum. na Zjeździe Praskim (1968): *L'influence roumaine sur le lexique des langues slaves*, „Romanoslavica“ XVI, 1968, s. 59-121. Sprawę tę poruszyłem na szerszym tle ogólnokulturowym w referacie pt. *O pojęciu tzw. „pośrednika niestowiańskiego między kulturami słowiańskimi“ (na przykładzie kultury rumuńskiej)* na XII Zjeździe Sławistów w Krakowie (1998) (zob. „Romanoslavica“, XXXV, 1997, s. 185-206).



podobne wyrazy rumuńskie, począwszy od hasła rum. aż do rekonstruowanej formy prasłowiańskiej.

## LITERATURA

- Български етимологичен речник* (BER), I-IV, Sofia 1971-1999.  
A. Ciorănescu, *Dicționarul etimologic al limbii române* (CDER), București 2001.  
*Dicționarul explicativ al limbii române* (DEX), București 1996.  
*Dicționarul limbii române* (DA, DLR), București 1913-2000.  
*Enciclopedia limbii române*, Coordonator: Marius Sala, București 2001.  
D. Gămulescu, *Elemente de origine sârbocroată ale vocabularului daco-român*, București-Pančevo 1974.  
Iorgu Iordan, *Stilistica limbii române*, București 1975.  
G. Mihăilă, *Împrumuturi vechi sud-slave în limba română*, București 1960.  
G. Mihăilă, *Studii de lexicologie și istorie a lingvisticii românești*, București 1973.  
Mihai Mitu, *Studii de etimologie româno-slavă*, București 2001.  
Al. Rosetti, *Istoria limbii române*, București 1968 (ILR).  
P. Skok, *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, I-IV, Zagreb 1971-1974.  
*Słownik prasłowiański*, pod redakcją Fr. Sławskiego, I-VII, Kraków, 1974-1995 (SP).

### Mots d'origine slave dans la langue roumaine contenant dans leur racine les consonnes liquides syllabiques [r] et [l]

Parmi les emprunts d'origine sud-slave dans la langue roumaine (IX-XII-siècles) nombreux (environ 50) sont ceux qui contiennent dans leur racine [r] et [l] syllabiques dans la prononciation vieille slave (vieille bulgare): [ăr], [ăl] ou [ră], [lă], à ultérieure fermeture (depuis le XV-siècle) de la voyelle [ă] à [â]: *cârcă, gărlă, stâlp, tâlc*.

On doit y ajouter quelques slavonismes entrés dans la langue roumaine entre le XII et XVII siècles (*crâșnic, cirtă, jertfă, țârcovnic*) aussi que de nombreux régionalismes d'origine bulgare et serbocroate (particulièrement

dans le sud du pays, dans le Banat, l'Olténie et la Valachie), ce qui augmente leur nombre à environ 200.

Beaucoup d'entre eux existe même aujourd'hui dans la langue roumaine littéraire, étant aussi présents, dans la phraséologie à d'intéressantes évolutions sémantiques.

Le long du temps ont aussi eu lieu, sur le terrain roumain, quelques innovations phonétiques (l > r, ex: *pârș* < *plchǔ*), expliquées, en bonne partie par le caractère expressif, accentué du groupe [âr] [âl] rencontré dans des onomatopées (*gâl-gâl*; *sfâr-sfâr* etc).

La grande diffusion de ces slavismes est aussi donné par le significatif nombre des dérivés que par la présence de certains d'entre eux dans la toponymie (*Dâlga*, *Gâlmele* etc.) et l'anthroponymie (*Pârvu*, *Vâlcu*). Dans le cas de la synonymie latino-slave, on constate souvent que le mot slave s'est révélé plus fort (ex: *dezgust* et *scârbă* < psl. *skŭrbĭ* „aversion, dégoût“).

Le reflet nord-slave (russe, ukrainien) de ces slavismes est plus faible; ex: *polc* (< rus.), *Dolhasca*, *Dolhești*, noms de villages de la Moldavie (< ukr.).

*Universitatea din București, Facultatea de Limbi și Literaturi Străine*  
*Str. Barbu Lăutaru, sc. B et. 6. ap. 59, 78-194 București, România*  
bucmitu@yahoo.com

**1.** The forms of the South and West Slavic languages designating ‘lake’ has been projected in Common Slavic \**ezero* n. & \**ezerŏ* m. while the East Slavic counterparts has been derived from \**ozero* n. & \**ozerŏ* m. (rarely \**ozera* f., primarily probably pl. n.) with the following semantic dispersion: 1 – „lake“, 2 – „marshy pond“, 3 – „the place where a surface stream penetrates into the underground“, 4 – „pond“, 5 – „hole as a water-container“, 6 – „gorge, depth“, 7 – „strong spring of the river“, 8 – „spring jetting on the surface of a lake“, 9 – „spring“, 10 – „a big ice floe“:

**1.1.** Old Church Slavonic *jezero* n., with variants *ezero* & *ozero* n. (Rumj) and (*j*)*ezerŏ* m., all 1, cf. Ap 20,10: въ езеро огнено „εις την λιμνην του πυρος“ (Hval, Rumj), Church Slavonic > Rumanian *iézer* „deep lake“, archaic *ezer*, *iazer*, *iazăr*, Bulgarian *ézero* n. 1, dial. (Bansko) *ézaro* n. 1, 7 with -a- after the plural -a, (Osogovo) *ézer* m. 3, Macedonian *ezero*, dial. *ejzero* n. 1, Serbo-Croatian *jězero* n. 1, dial. 8, archaic and Croatian dial. *jězēr* m. 1, Slovenian *jězero*, *jezéro*, *jezêro*, in Carinthia *ízaro* n., besides *jêzer* m. and *jêzera* f., all 1; in historical toponymy 1275 in *Hesira*, in *Hesur*, 1444 *Yeser*, etc. Cf. also a metaphoric usage of the masculine variant \**jezerŏ* in Albanian *jezer* and *jezull* m. „cloud of dust or smoke; ashes“ (Orel 1998, 159 after Çabej).

**1.2.** Slovak *jazero* n., dial. *ježer* m. 1, 2, Old Czech *jezero* n. 1, 4, 5, Czech *jezero* n. 1, Upper Sorbian *jězor* m. 1, Lower Sorbian *jazor*, dial. *wjazor* and *wězor*, all m. 1, 2, arch. *jezoro*, dial. *jazoro* 1, both n., Polabian \**jézérö* (after the hydronym *Jissejöhr*) n., Slovincian *jìeərə* n. 1, *jezór* m. 1 (Lorentz), Kashubian *jezoro* n. 1 (Sychta), Old Polish *jeziero* & *jezioro* 1, 4, 6, Polish *jezioro*, dial. *jezoro*, *jezero*, *jezioro*, *inzioro*, *niezioro*, *wiezioro* (with the prepositions \**vŕ(n)?*) all n., dial. also *jeziór*, *jejździór*, *jeziór* m., all 1.

**1.3.** Old Russian *ozero* & *ozoro* n. 1, Russian *ózero* n. 1, dial. (Tambov) *ózer* m. 1, 10, and *ózera* f. 1, Ukrainian *ózero* n., dial. also *vózero*, *hózero*, all 1, Byelorussian *vózera*, dial. (Vitebsk) *azjaró* n. 1, 9 (BER 1, 482; Bezlaĵ 1, 231; Hanzíková, ESJS 5, 286-87; Trubačev, ESSJ 6, 33-34; ESB 1, 98; 2, 183).

There are also the ‘deviant’ forms, especially in toponyms:

**1.1.1.** West Slavic proper names:

Czech *Vozerovice* – a lonely house near Votice in central Bohemia, first recorded 1318 *de Ozerowicz*, indicating the personal name \**Ozer(a)* (Profous IV, 609; Vondrová & Blažek 2001, 316);

Old Polish *Ozorzęczicy* – one of 10 patronyms in \*-*itji* recorded in the Dome of St.-John in Wrocław from 1155 (Rospond 1989, 309).

### 1.2.1. South Slavic toponyms:

Old Bulgarian/Macedonian > Greek ὁ Μέγας Ὀζερός near Ioania in South Epirus.

Rumanian *Ozero*;

Carinthian (1410) *Asserz* (Andersen 1996, 149).

### 1.3.1. East Slavic appellatives:

Old Russian *ezero* & *jezero* n. 1 (< Church Slavonic), Russian dial. (Northwest) *jéz'ero*, Ukrainian dial. *ježoro*, (Southwest) *jazero* n. 1;

### 1.3.2. East Slavic toponym:

North Russian (near Pskov) *Ezirišče* (Andersen 1996, 149).

**2.** For explanation of the difference *e-* : *o-* there were offered various solutions:

### 2.1. The rule changing Common Slavic \**e-* into East Slavic \**o-*.

There are apparent examples of Old Norse and Greek borrowings in Old Russian reflecting this change occurred already before 900AD: Russian *Oleg*, *Ol'ga* < Old Russian *Olgos*, *Oлга* < Old Norse *Helgi*, *Helga* respectively; Russian *ol'ej* „oil“ < Greek ἔλαιον, Old Russian *opitimija* „retribution“ < Greek ἐπιτιμία, Old Russian *oklisiastos* < Greek ἐκκλησιαστής, Old Russian *Oléna* < Greek Ἑλένη, Old Russian *Olisavéta* < Greek Ἐλισαβέτ (Andersen 1996, 13).

### 2.2. The regressive assimilation \**o* ... *e* > \**e* ... *e* (or \**o* ... *V<sub>f</sub>* > *e* ... *V<sub>f</sub>*; *V<sub>f</sub>* = front vowel).

Rozwadowski (1914-15, 19) collected several examples documenting this change and, in contrary, the preservation of *o-* in the cases where no front vowel follows. His list was significantly extended by Andersen (1996). Let us chose those from his examples where the external parallels indicate \**H<sub>2/3</sub>e-*, \**H<sub>x</sub>o-* (Andersen 1996, 87-88): \**elbedv* : \**olqdv* „swan“ (Latin *albis* „white“), \**elbxa* : \**olbxa* „alder“ (vs. Latin *alnis*), \**ervlσ* (Lower Sorbian *jerjet*, dial. *herjet*): \**orvlσ* „eagle“ (vs. Hittite *haran-*), \**esera* : \**osera* „awn, beard on grain, hulls“, \**esetv* : \**osetv* „rack“, \**esetrσ* : \**osetrσ* „sturgeon“ (all from \**ak-* „sharp“). The pair \**ezero* : \**ozero* belongs here, if it is compatible with Greek Ἀχέρων.

### 2.3. The secondary ablaut $*e \sim *o$ .

Hamp (1987, 50-51) prefers to explain the pairs  $*elbeda : *olboda$  „goosefoot“,  $*elbedb : *olbodb$  „swan“,  $*elbxa : *olbxa$  „alder“,  $*esetr\bar{a} : *osetr\bar{a}$  „sturgeon“,  $*esera : *osera$  „awn, beard on grain, hulls, thorn“, from a new ablaut developed after the merger of  $*o$  and  $*a$  in Slavic.

It is necessary to stress that the described rules could operate independently and in various times. There are even remarkable cases as Czech *nehet* from  $*nog\bar{st}b$  via  $*nohet$ , vs. *loket* with the same derivational extension, but with *lo-* from  $*ol-$ .

### 3. Internal etymology

The attempts to etymologize the Slavic word „lake“ have usually been based on the word  $*\check{e}z\bar{a}$  „fish weir, dam“ > Church Slavonic *jaz\bar{a}* „στόμαχος, canalis“, Bulgarian *jaz* „weir, dam“, cf. also Rumanian *iaz* „weir“, in Moldova „pond, (mountain) lake“, Macedonian *jaz* „weir, dam, drain“, Serbo-Croatian *jâz* (1499) „draining canal from a dam, river-bed, drain, mill race, dam, weir, pond, hollow“, *jêz* (1525) „mill race, dam“, hence Albanian *jaz* „mill-stram“ (Orel 1998, 158), Slovenian *jêz* „weir, dam“, Slovak (obsolete) *jaz* „weir, dam, faggot“, Old Czech *jěz*, Czech *jez* „weir, dam“, Old Sorbian *jěz* „fish weir“, Polish *jaz* „mill-dam, fish weir“, cf. 1317 *clausura super Dunaiecz, quod ias nuncupatur* (Bańkowski 1, 580), Old Russian and Church Slavonic of the Russian redaction *ěz\bar{a}*, *jez\bar{a}*, *ez\bar{a}* „fishing barrier“, Russian *jaz* „weir“, dial. *jez* „fishing construction consisting of the posts sunk in the river-bed interlaced by rods“, *jěz* „fish instrument consisting of the posts sunk in the river-bed“, Ukrainian *jaz* and *jiz*, gen. *jizu* „fish weir“, Old Byelorussian *jez\bar{a}* „dam on rivers and pounds to keep fish“, Byelorussian *jaz* „учыг (fishing tool)“, dial. *jez* „dam on the river made from rods to hunt fish“ (ESSJ 6, 59; Skok 1, 763-64; Vasmer IV, 549).

There was also the fem. variant  $*\check{e}zja$  attested in Serbo-Croatian *jâža* (Vuk), *jâža* (Kosmet) and Slovenian *jěža* (Bezljaj 1, 230-31; Skok 1, 763).

## EXTERNAL COMPARANDA

### 4. Outside Slavic the closest cognates occur in the Baltic languages:

4.1. Lithuanian *ẽžeras*, dial. *ãžaras*, *ãžeras* „lake“, Latvian *ezers* (Nigr., Dunika, Warkland, Jürg., Mesoten, Platohn., etc.), *ezars* (Wolm., PS., Trik., Salis, Dond., Rutzau, etc.), dim. *ezeriņš*, *ezaris* „lake, mill-dam, (mill-)pond“ (Mühlenbach & Endzelin I, 572; Endzelin & Hausenberg I, 370), Prussian (Elbing's vocabular 60) *assaran* ‘See’ (Fraenkel 1962-65, 125), ‘Yatwingian’ *ziro* glossed ‘ezero’ in the vocabulary of *Pogańske gwary z Narewu* (Zinkevičius 1984, 6, 21).

**4.1.1.** The base *\*ažar-/\*ažer-/\*ežar-/\*ežer-* belongs to most productive in Baltic hydronymy. In Prussian there are the toponym *Dalwunge asere* (1420), the swamp *Azara* (1318) and lakes *Medronasere* (1289), *Locazar* (1308) and *Lawkaser* (1354) : Prussian *laucks* „Acker“, *Preydazare* (1348) vs. Latvian *priēde* „Kiefer“, *Ringazer* (1318), *Ringasir* (1338) : Lithuanian *ringuóti* „krümmen, zusammenringeln“, cf. the East Baltic river-names as Latvian *Rīgas upīte*, Lithuanian *Ringa* (Gerullis 1922, 11, 25, 83, 96, 134, 142);

In Lithuanian besides numerous hydronyms formed from the base *\*ežer<sup>o</sup>* (cf. Toporov I, 132; Vanagas 1981, 101), there is the lake-name *Zārasas* and place-name *Zarasaĩ*, with the Polish correspondent *Jeżiorosy* (Fraenkel 1962-65, 125), where *z* should indicate its Selian origin;

Curonian *Ezeryne*, *Esser Semmen*, *Aserowischen* (Andersen 1996, 149);

Latvian *Ežeraste*, *Ezeriņi*, *Ežer-upe*, *Ežer-pļava*, *Ežer-purvs*, *Ežergala upe*, *Ežermala-ēzērs* etc. (Toporov I, 132).

**4.2.** Lithuanian *ažià*, *ežià* (East), *ēžė*, *ežė* (Žemaitic) „Rain, Furche; Grenzstreifen, Mark; Beet“ (Trautmann 1923[70], 73; Niedermann, Senn & Brender 1932, 154), Latvian *eža* < *\*ezja* „Feldrain, Feldscheidung; Gartenbeet; Brucken; Grenze“ (Mühlenbach & Endzelin I, 572; Endzelin & Hausenberg I, 371), Prussian *asy* „balk, boundary“ (EV 241: „reen“, i.e. „Rain“; Toporov I, 120-21: *\*azē*; Mažiulis I, 101: *\*azi*, *iā*-stem; Toporov’s reconstruction has support in toponymys, e.g. 1405 *Aselawken* : *laucks* „Acker“, see Gerullis 1922, 11). In Latvian the appellative uses only *e-*, but in toponymy there are both *e-* and *a-* : *Ežupe*, *Ežupīte*, *Ežmalis*, *Ežas*, etc., vs. *Aža*, *Ažēni*, *Ažēns*, etc., similarly Lithuanian *Ēž-upis* vs. *Ažýnas*, *Ažýté*, etc. (Toporov I, 121; Vanagas 1981, 54, 101).

**4.3.** In the Baltic languages there probably operated similar rules as in Slavic described in §2.2-2.3. Besides *\*ežera-* : *\*ažera-* „lake“ and *\*ežē-* : *\*ažē-* „border“ (*\*-ijā*) the following pairs can be quoted: *\*eketē* : *\*aketē* „pool; ice-hole“, *\*elkūnē* : *\*alkūnē* „elbow“, *\*elsni-* : *\*al(i)sni-* „alder“, *\*epsē* : *\*apsē* „aspen“, *\*erelia-* : *\*arelia-* „eagle“, *\*ešeria-* : *\*ašeria-* „Perca fluvialis“ (Andersen 1996, 120-150).

**5.** In other Indo-European languages the following cognates are or could be sought:

**5.1.** Armenian *ezr* „edge, border; shore, brink“, gen.-dat.-loc. sg. *ezer*, nom. pl. *ezerk’* < *\*ezer<sup>o</sup>*, cf. the compound *tiezers*, acc. to the plural tantum *tiezerk’* „Welt“, lit. „ohne Ende“, where *ti-* corresponds with Latin *dē-* in *dēbilis* „schwach, kraftlos“ (Schmitt 1981, 82, 99, 168, 240; Olsen 1999, 145-47, 678). The base *\*ezer<sup>o</sup>* is derivable from *\*azer<sup>o</sup>* via regressive assimilation, cf. the pair *attewr* ~ *ettewr* „swamp, pool“ : *alt* „saltiness“

(Schmitt 1981, 99; Olsen 1999, 157; the connection with Old Indic *drávati* „streams“ proposed by Olsen, Eichner, etc., first probably by Hübschmann, is semantically less convincing than the derivation from „saltiness“).

**5.2.** Greek Ἀχέρων, -οντος m. ‘name of many rivers, including the mythical river in the Underworld’ (first Od. 10.513), one of them losing its water in the swampy lake Ἀχερουσία λίμνη in Thesprotis, cf. also Hesychius’ gloss ἀχερούσια · ὕδατα ἐλώδη deduced from one of Aristotle’s citations (see below). All reflect the *nt*-stem meaning ± „forming ponds, lakes“, which should imply the primary noun \*ἄχερος „pond, lake“ (Kretschmer 1925, 98). Prellwitz (1899, 106f) tried to identify the same stem in the tree-name ἀχερωΐς „white poplar/Populus alba“, deriving it from \**ak<sup>h</sup>ero-ōsi-* „Teich-esche“. He found a strong argument in the citation of Aristotle from *Etymologicum magnum* (180, 55): Ἀριστοτέλης τὴν αἰγειρον ὅτι πάντα τὰ ἐλώδη ἀχερούσια λέγει, where αἰγειρος means „black poplar“ (cf. Kretschmer l.c.). Prellwitz (l.c.) also adds some fish-names: ἄχερνα, ἄχάρνας, ἄχαρνός, ἄχαρώς, and the Attic demos Ἀχαρναί (Ἀχάρνη by Hesychius). These arguments are convincing enough to reconstruct pre-Greek \**ak<sup>h</sup>ero-* „river losing in the swampy lake or under the earth“ or sim.

NB: Ivanov (1982, 193) tries to find a source of the name of the Greek underworld river in West Caucasian, quoting Adygean *A‘xǎrət* „other world“. But it is an apparent borrowing of Arabic *‘āḥirat* „day of judgment, future life“, from *‘āḥar*, f. *‘uḥrā’* „other“, *‘uḥur* „end“ (Steingass 1988, 19). The Arabic word also passed into Abkhaz *a‘xarat*, Abazin *axrat*, Ubykh (& Turkish) *ahret* „other world“ (Šagirov 1, 65), Avar *axir* „end“, Ossetic *axær* „judgment day“, etc. (Abajev 1, 89). On the other hand, for Ἀχέρων a borrowing from some Semitic source cannot be excluded. H. Fox Talbot (see Mus-Arnold 1892, 56) and Lewy (1895, 229) quote Hebrew *‘ahārōn* „west; ultimus, postremus“ with explanation „... since the sun ends there his career, the west was connected by the ancients with abode of the departed spirits“. Semantically closer derivative from the same root √*‘-ḥ-r* occurs in Ugaritic *uḥry* „the other/next world“ (Segert 1984, 178), *uḥryt* „latter end, destiny, lot“ (Gordon 1965, 355).

**5.3.** Latin *Ēgeria* – a water nymph watching a holy fountain of the same name and a little volcanic lake (*lacus Nemorensis*) belonging to Diana in her grove rich in brooks in Aricia. After the death of her husband Numa she was metamorphosed into a fountain (Ovid, *Fasti* III, 261, 263, 273, 275; *Met.* 547-551; Virgil, *Aen.* VII, 763, 775). Her name was included in this etymological set by Prosdocimi (1969). If we accept this etymology, we must explain Latin *-g-* as a correspondent of Greek *χ*. It is regular, if another consonant follows, e.g. *figulus* „potter“ < Italic \**fiγlo-* < \**d<sup>h</sup>ig<sup>h</sup>lo-* (Meiser

1998, 104, §74.12N). In our case we need to start from the form  $*\bar{e}\hat{g}^h\text{ero-}$ , syncopated into adj.  $*\bar{e}\gamma\text{ris}$  „belonging to the fountain“ (cf. Meiser 1998, 66, §51.1.), giving regularly Latin  $*\bar{e}ger$  m. :  $*\bar{e}gris$  f. (cf. Meiser 1998, 151, §104). The final form  $\bar{E}geria$  with  $-e-$  in the second syllable needs a special explanation. Perhaps an influence of the *Volksetymologie* based on the verb  $\bar{e}gerere$ , judging on the witness of Paulus Festus: *Egeriae nymphae sacrificabant praegnates, quod eam putabant facile conceptum alvo egerere* (cf. Radke 1965, 112), or a regular development of the reduced *Murmelvokal* in position before  $-r-$  (cf. Meiser 1998, 67-68, §52.2.). Summing up, for Latin it seems plausible to reconstruct the starting-point  $*\bar{e}\hat{g}^h\text{ero-}$  ± „fountain, little lake“.

**5.4.** Modern Irish  $(h)\acute{i}oghar$  „verge, border, sky-line“ (Dinneen 1927[1996], 456) was connected with Armenian *ezr* and Lithuanian *ežià*, Latvian *eža* „border“, etc., by Mann (1984-87, 233). Modern Irish *ío* corresponds to Old Irish *í* which reflect  $*\bar{e}$ , cf. Irish *fíor*, Old Irish *fír* „true“ <  $*\bar{u}\bar{e}ro-$ , continuing e.g. in Latin *vērus*, etc. (MacBain 1911, 175). The final  $-ar$  can reflect  $*-ero-$ , cf. Old Irish *clochar*, early *clocher* „stony place“, Old Breton *clecher* „tas de pierres“, Old Welsh *clecir* „stones“, vs. Old Irish *cloch* „stone, rock“, indicating the collective extension  $*klok\text{-}ero-$  (de Bernardo Stempel 1999, 318, fn. 14; 471, fn. 74), or the formations in  $*-tero-$  as *íarthar* „the west“, *óchtar* ~ *úachtar* „the upper part“, *íchtar* „the lower part“, *centar* „pars citerior“, *alltar* „pars ulterior“, *echtar* „extra“ (Thurneysen 1946, 170; de Bernardo Stempel 1999, 425).

Pedersen (1, 66) tries also to identify the same base in Brythonic, concretely in the word „earth“ attested in Old Welsh *dair*, Welsh *daear*, Old Cornish *doer* gl. ‘terram’, Old Breton *doiar*, Breton *douar* (Campanile 1974, 39), proposing a compound which should correspond to Armenian *tiezerk*‘ „the World“ (cf. Schmitt 1981, 168) with the first component  $*d\bar{e}-$  „out of“ > Celtic  $*d\bar{i}-$  > Old Irish *dí*, *de*, Welsh *dí*, cf. e.g. *diwedd*, Old Welsh *diwed* „end“, Cornish *dewedh*, Breton *divez*, Irish *diad* (Jones 1913, 251). Rasmussen (1992, 98f) offers another compound  $*dems-(H_1)e\hat{g}^h\text{er}\varrho_2$  „dwelling-borders“. The third alternative could be a compound with the numeral „two“, cf. the Insular Celtic masc. forms as Old Welsh *dou* „two“, Welsh *dau*, Cornish *dow*, *dew*, Breton *daou*, Old Irish *dá*, formally corresponding to Old Indic *dvípá-* „island, peninsula, sandbank“ <  $*d\bar{u}i-H_2po-$  „[in the middle of] two river[-streams]“. The hypothetical Brythonic starting-point could be reconstructed as „of two shores“ or sim. with the second member corresponding to Irish *íoghar* „border“.

In sum, in Goidelic there is a promising cognate meaning „border“, derivable from  $*\bar{e}\hat{g}^h\text{ero-}$ . The traces of the etymon in Brythonic remain quite hypothetical.



**5.5.** Old English *éagor*, *égor*, earlier *ægur* „flood, sea“ has usually been derived from the *s*-stem  $*\bar{e}g^w\text{-uz-} < * \bar{e}k^u\text{-us-}$ , while related Old Icelandic *ægir* „sea, sea-god“ should have been extended in  $*\text{-ija-}$  after delabialization of  $*g^w$  (Bammesberger 1990, 213). It is generally accepted that these forms represent the *vrddhi*-formations from Germanic  $*ahw\bar{o}$  (cf. Pokorny 1959, 23; Darms 1978, 28-33). Szemerényi (1967, 18-19) offered another interpretation: to start from  $*\bar{e}g^h\text{ero-}$ , originally probably *ntr.*, in Old English remodelled according to the *ntr.* class in  $-r$  ( $< *s-$ ) and in Old Icelandic transformed into the *masc.* class. He is right if mentions that from Verner’s law it is possible to explain  $*g^w$ - in  $*\bar{e}g^w\text{-uz-}$  from  $*\bar{e}k^u\text{-ús-}$ , but not from the same position of the accent the change  $*\text{-ús-} > * \text{-uz-} > \text{-ur}$ . And so Szemerényi’s hypothesis remains a tempting, but unproven alternative of the traditional solutions.

**5.6.** Benveniste (1935, 11) included Balto-Slavic isogloss  $*a\check{z}ero\text{-}$  „lake“ plus Slavic  $*\check{z}z\sigma$  „river-dam“, Baltic  $*a\check{z}(i)ja$  „border“ and Armenian *ezr* „border, shore“ into his list of heteroclitics in  $-r/n-$ , although quotes no example for the *n*-stem. It could be identified in Iranian: Khotanese *hāysiñā* „fountain“ derivable from  $*\bar{a}zana\text{-}$  (prothetic *h-* is not rare, cf. *hāma-* „raw“ : Old Indic *āma-* *id.*, *hana-* „blind“ : Avestan *anda-* *id.*; *ys* is a regular reflex of Iranian  $*z$ , cf. *ysāra-* „1000“  $< *hazahra\text{-}$ ) or  $*fra\text{-}\bar{a}zana\text{-}$  (Bailey 1979, 478-79: otherwise).

## 6. Supplementary information from onomastics

**6.1.** ἸΑζαρά and ἸΑζαράβα - two neighboring towns on the east shore of Maeotis, i.e. the Azov Sea (Ptolemaeus V, 9.3, 26). Müllenhoff (apud Tomaschek, RE II, c. 2641) connected  $*azar\text{-}$  with Modern Persian *hazâra* „thousand“. In regard of the close sea which was frequently called ‘lake’ (e.g. *Maeotius Lacus* by Plinius IV, 76; Μαίωτις λίμνη by Ptolemaeus II, 1.6; III, 6.4; V, 9.1, etc.), it is tempting to speculate about a similar or connected meaning of the component  $*azar^o$ , hypothetically e.g. ἸΑζαρά „lake (-shore)“, ἸΑζαράβα ( $*Azar\text{-}apa?$ ) „lake-water“? The Iranian affiliation of the primary language is most probable.

**6.2.** ἸΑζαρά - a city on the Araxes in west of Artaxata (Strabo XI, 527), maybe identical with ἸΑζόρα ἢ Ὀζάρα, a city from Armenia Maior according to Ptolemaeus (V, 13.17). With respect to the territory, an early Armenian origin is quite probable. One can imagine a primary paradigm *nom.*  $*H_2e\hat{g}r$  : *obl.*  $*H_2(e)\hat{g}her^o > *azar$  :  $*azer^o$ , finally levelled in *ezer^o*.

**6.3.** ἸΑζαρεύς (var. Ἐζαρεύς) - an ethnonym from one inscription found in Saghir, in north from the lake Hoyran gölü in the borderland of Phrygia and Pisidia (Baumgartner & Ruge resp., RE II, c. 2641). Let us mention that

in this area there are many large lakes, e.g. today Eber g. and Akşehir g. in north and Hoyran g., Eğridir g., Beyşehir g. etc. in south. If the root *\*azar-* was connected with the meaning „lake“ in some way, it would be quite natural to expect the name of this area „lake district“ or sim. Haas (1966, 154, 249) ascribes *\*azar-* to the pre-Phrygian substratum which could be in closer relationship with Armenian.

**6.4.** Ἰζαριτία – a spring in Bithynia (Strabo XII, 563), probably identical with Ζάρητα (Stephanus Byzantius), see Tischler 1977, 41 proposing the conjecture *\*Ἰζαρητία*, although the parallels from the Iranian onomasticon quoted by him cannot solve the question of origin of the toponym.

**6.5.** Αζαρετης (Duridanov) or Αζαρετος (Detschew) – a personal name constituted on the basis of the gen. Αζαρετου attested in one inscription from Delphi. Duridanov (1968, 36-37) proposes an original form *\*Αζερατης* from an unattested toponym *\*Αζερος* or *\*Αζερα*, comparing them with the Balto-Slavic isogloss „lake“ and Greek Ἰχέρων. Duridanov thinks about a pre-Hellenic, ‘Pelagic’, source, not rejecting the Thracian origin too. Just the Thracian ‘address’ is reinforced by the preceding place-name from Bithynia, also inhabited by Thracians. On the other hand, the semantic interpretation remains open. Perhaps the name of the spring indicates a hydronymical connotation indicating that these proper names belong to the studied semantic field. Let us mention that both the names also have been identified as Iranian (Tischler 1977, 41; Zgusta 1964, 48, fn. 35)

**6.6.** *Iader* (Plinius III, 140, 141, 152) = Ἰάδερ (Ptolemaeus II, 17.3; VIII, 7.8) – a town in Liburnia, now Croatian Zadar; *Iader (Iadro)* - a stream near Salona; *Iader* - a tributary to the Drinača River in Bosna; *Iadro* = Albanian *Gjadri* – a tributary to the Drin (Georgiev 1981, 172). We know nothing about a meaning of these toponyms. Maybe, their common semantic denominator could be a „steep shore“, typical for both the Adriatic Sea, where Zadar stands, and the rivers of its basin. If this idea is acceptable, we can think about the starting-point of the type *\*ēd̥er<sup>o</sup>* < *\*ēġ<sup>h</sup>er<sup>o</sup>* in a language of the *satəm*-type, maybe the mysterious Illyrian.

**6.7.** Δίζηρος – a river from Istria (Lycophron, 3rd cent. BC; Stephanus Byzantius; see Krahe 1955, 89). It is tempting to derive it from the compound *\*d(u)i-ēzero-* < *\*d̥ui-ēġ<sup>h</sup>ero-* (cf. the corresponding compound in the toponym *Di-mallum* & Δι-μάλη from Illyria interpreted as „two mountains“ by Krahe 1955, 101), indicating perhaps the same or related language as *Iader*. The vacillation *z ~ d* for continuants of *\*ġ<sup>(h)</sup>* in Illyrian was proposed e.g. by Georgiev 1981, 174.

**6.8.** *Oseriates* – one of the tribes from Pannonia Superior quoted by Plinius (*NH* III, 148) after the census-list arranged in the alphabetical order by one of Pannonian *civitates* during Augustus' government in the last decade BC: *Arviates, Azali, Amantini, Belgites, Catari, Cornacates, Eravisci, Hercuniates, Latovici, Oseriates, Varciani, mons Claudius, cuius in fronte Scordisci, in tergo Taurisci*; cf. also Ἰάσσιοι δὲ πρὸς ἀνατολὰς καὶ ὑπ' αὐτοῦς Ὀσεριάτες by Ptolemaeus (II, 14.2). In this ethnonym some scholars seek the „[people] from the lake [Pelso, i.e. Balaton]“ (but e.g. Mayer 1936, 189 does not see any serious reason, why just this tribe should have been localized by the lake, after all called *Pelso* . . . ), determining it as Illyrian (Kretschmer, Jokl) or even Slavic (Kiepert, Trubačev). But practically all ethnical names quoted in these passages by Plinius and Ptolemaeus are of Celtic origin. One exception could be *Azali* (Plinius) = Ἄζαλοι (Ptol. II, 14.2) for its medial *-z-*, which should have been an indicator of its Illyrian origin. But it probably reflects the cluster *\*-ns-*, cf. the ethnonym *ANSALI* attested as a coin-legend from Pannonia (Holder I, 158; III, 784), which can be interpreted as the prefix *\*an-* and the river-name *Sala* in Pannonia recorded as Σάλα by Ptol. (II, 14.4), today *Szala* near Lövö (Holder II, 1297). The ethnonym *Oseriates* is comparable with the inhabitant-names *Asseriates* from north Italy and Dalmatia (Plinius III, 130, 139), indicating the primary place-name *Asseria* which is really attested in Dalmatia (*CIL* III, 2850: Dobropolje, AD 69-70), see Holder I, 248. The vacillation *a ~ o* in the initial vowel is not exceptional, cf. Gaulish *aximo-* ~ *oximo-* (Holder I, 319; II, 895). Summing up, it is better to exclude *Oseriates* from other thoughts about the studied etymon.

#### CONCLUSION

1. Rozwadowski's law offers a satisfactory explanation for the change *o* > *e*- in Slavic and *a*- > *e*- in Baltic before *e* in the following syllable, and not vice versa. This law operated in the case of Slavic *\*ozero* and Baltic *\*ažera-* „lake“ and Baltic *\*až(i)ja* „border“.
2. The reconstruction of Slavic *\*o-* and Baltic *\*a-* reflecting the late IE *\*a-/o-* is confirmed by external parallels, especially pre-Greek *\*ak<sup>h</sup>ero-*.
3. Slavic *\*ězъ* and *\*ězja* „river-dam, weir“ represent the vrddhi-formation (Meillet apud Vaillant 1929, 40; Darms 1978, 119-20: „unsicher“). The initial *\*ě-* serves sometimes as the argument for primacy of the protoform *\*ezero*. But it was already Eichner (1973) who demonstrated that laryngeals did not color primary long *\*ē*. One of the most suggestive examples can be found in Hittite *hikkar-za* „maple“ vs. Latin *acer* id., adj. *acernus*, Germanic *\*ahira-* & *\*ahurna-* „maple“, Greek ἄχαραν·δάφνη (Hesych.), indicating

the starting-point  $*H_2\acute{e}\acute{k}r$  for Hittite vs.  $*H_2\acute{e}\acute{k}er^o$ ,  $*H_2\acute{e}\acute{k}r-no-$  in other IE branches (Oettinger 1994, 78-84). Further e.g. Hittite *hippara-* „bondsman, serf“ ( $*H_2\acute{e}p(o)r-ó-$ ) vs. *happar-* „trade“ ( $*H_2\acute{e}p$ ), *hesta-/hista-* „ossuary“ ( $*H_2\acute{e}stó-$ ) vs. *hastai-* „bone(s)“ ( $*H_2\acute{o}st^o$ ) – see Rasmussen 1990-91, 96-97 with details. Concerning the vocalism in the Slavic pair  $*ozero$  vs.  $*\acute{e}z\acute{s}$ , there is a suggestive counterpart in Germanic, e.g. Old Saxon *watar* „water“ ( $*\acute{u}od\acute{o}r$ ) vs. Old English *wæt* „wet“ ( $*\acute{u}\acute{e}to-$ ), Anatolian, e.g. Hittite *wātar* „water“ ( $*\acute{u}ód\acute{r}$ ) vs. Luwian *wida/i-* „wet“ ( $*\acute{u}\acute{e}to-$ ), and also Slavic  $*voda$  „water“ ( $*\acute{u}od\acute{o}[r]$ ) vs.  $*v\acute{e}dro$  „pail“ ( $*\acute{u}\acute{e}dro-$ ) – see Darms 1978, 20-24.

4. There is no reason to separate  $*ozero$  etc. and  $*\acute{e}z\acute{s}$  for semantics. Vaillant (1929, 38) mentions the synonymic functions of the idioms *pakleno* (*tamno*) *jezero* and *pakleni* (*tamni*) *jaz* from the Ragusan-Dalmatian literary tradition of the 16th-17th cent. The infernal connotations for the idea of „lake“ in IE traditions occur not only in Greek (Ἰχέρων), Slavic (Slovak *jazerné peklo*, cf. Bezlaj 1, 231 after Machek; but the connection with the homonym „1000“ borrowed from Alanic via Hungarian *ezer* is not semantically apparent), Baltic (Lithuanian *Ezagulis*, i.e. *Ežagulỹs* „Rain-liege“ = *Velonis*, god of dead after a witness of Łasicki from 1615, besides the ‘normal’ lake-god  $*Ežerinis$  reconstructed on the basis of the note of Łasický; *Ezernim lacuum Deum* (Mannhardt 1936, 359, 386; 356, 369), Iranian (Buddhistic Sogdian *wyzt’rγ* ”w’z „alkali-lake“ as one of designations for „hell“; Szemerényi 1970, 512). Old Nordic *Aegir* is a submarine god.

The studied forms can be summarized in the following table:

branch	form	meaning	late IE projection	early IE projection
Slavic	* <i>ozero</i>	„lake“	* <i>aĝ<sup>h</sup>ero-</i> / * <i>oĝ<sup>h</sup>ero-</i>	* <i>H<sub>2</sub>e / oĝ<sup>h</sup>ero-</i>
	* <i>ězъ</i> & * <i>ězja</i>	„river-dam“	* <i>ēĝ<sup>h</sup>o-</i> & * <i>ēĝ<sup>h</sup>iā</i>	* <i>H<sub>2</sub>ēĝ<sup>h</sup>o-</i> , * <i>iā</i>
Baltic	* <i>ažera-</i>	„lake“	* <i>aĝ<sup>h</sup>ero-</i> / * <i>oĝ<sup>h</sup>ero-</i>	* <i>H<sub>2</sub>e / oĝ<sup>h</sup>ero-</i>
	* <i>az(i)ja</i>	„border“	* <i>aĝ<sup>h</sup>(i)iā</i> / * <i>oĝ<sup>h</sup>(i)iā</i>	* <i>H<sub>2</sub>e / oĝ<sup>h</sup>(i)iā</i>
Germanic	?* <i>ēgera-</i>	„sea“	* <i>ēĝ<sup>h</sup>ero-</i>	* <i>H<sub>2</sub>ēĝ<sup>h</sup>ero-</i>
Celtic	* <i>iĝero-</i>	„border“	* <i>ēĝ<sup>h</sup>ero-</i>	* <i>H<sub>2</sub>ēĝ<sup>h</sup>ero-</i>
Italic	* <i>ēgero-</i>	„fountain“	* <i>ē[ĝ<sup>h</sup>]ero-</i>	* <i>H<sub>2</sub>ēĝ<sup>h</sup>ero-</i>
Illyrian	?* <i>ēzero-</i> ~ * <i>ēder<sup>o</sup></i>	t	* <i>ēĝ<sup>h</sup>ero-</i>	* <i>H<sub>2</sub>ēĝ<sup>h</sup>ero-</i>
Greek	* <i>ak<sup>h</sup>ero-</i>	„missing river, swampy lake“	* <i>aĝ<sup>h</sup>ero-</i> / * <i>ǰ<sub>2</sub>ĝ<sup>h</sup>ero-</i>	* <i>H<sub>2</sub>(e)ĝ<sup>h</sup>ero-</i>
Armenian	* <i>ezer-</i> < * <i>azer-</i> ?* <i>azar<sup>o</sup></i>	„border, shore“ t	*[a]ĝ <sup>h</sup> er- *[a]ĝ <sup>h</sup> r <sub>o</sub>	* <i>H<sub>2</sub>(e/o)ĝ<sup>h</sup>er-</i> * <i>H<sub>2</sub>eĝ<sup>h</sup>r<sub>o</sub></i>
Iranian	?* <i>āzan-</i> ?* <i>azar-</i>	„fountain“ t	*[ē]ĝ <sup>h</sup> Vn- *[a]ĝ <sup>h</sup> (V)r-	* <i>H<sub>2</sub>ēĝ<sup>h</sup>e/on-</i> * <i>H<sub>2</sub>eĝ<sup>h</sup>(e)r-</i>

t = toponym

- Abajev, Vasilij I. 1958. *Istoriko-etimologičeskij slovař osetinskogo jazyka*, I (A-K'). Moskva-Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
- Andersen, Henning. 1996. *Reconstructing Prehistorical Dialects. Initial Vowels in Slavic and Baltic*. Berlin - New York: Mouton de Gruyter.
- Bailey, Harold W. 1979. *Dictionary of Khotan-Saka*. Cambridge: University Press.
- Bammesberger, Alfred. 1990. *Die Morphologie des urgermanischen Nomens*. Heidelberg: Winter.
- Bańkowski, Andrzej. 2000. *Etymologiczny słownik języka polskiego*, 1 (A-K). Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN.
- Benveniste, Emile. 1935. *Origines de la formation des noms en indo-européen*. Paris: Adrien-Maisonneuve.
- BER *Bălgarski etimologičen rečnik*, I, ed. V.I. Georgiev. Sofija: Izdatelstvo na bălgarskata akademija na naukite 1962f.
- de Bernardo Stempel, Patrizia. 1999. *Nominale Wortbildung des älteren Irischen. Stammbildung und Derivation*. Tübingen: Niemeyer.
- Bezljaj, F. 1977. *Etimološki slovar slovenskego jezika*, I (A-J). Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti.
- Campanile, Enrico. 1974. *Profilo etimologico del cornico antico*. Pisa: Pacini.
- Darms, Georges. 1978. *Schwäher und Schwager, Hahn und Huhn. Die Vrddhi-Ableitung im Germanischen*. München: Kitzinger (*Münchener Studien zur Sprachwissenschaft*, Beiheft 9).
- Dinneen, Patrick S. 1927(1996). *An Irish-English Dictionary*. Dublin: Irish Texts Society.
- Duridanov, Ivan. 1968. Thrak. (?) AZAPATHΣ. *Beiträge zur Namenforschung* N.F. 3, 36-37.
- Eichner, Heiner. 1973. Die Etymologie von hethitisch *mehur*. *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft* 31, 53-107.
- Endzelin, J. & Hausenberg, E. 1934-38. *Ergänzungen und Berichte zu K. Mühlentbachs Lettisch-deutschem Wörterbuch*, Bd. I. Riga: Herausgegeben vom lettischen Kulturfonds.
- ESB *Etymalahičny sloŭnik belaruskaj movy*, 1-2, ed. V. U. Martynaŭ. Minsk: Nauka i technika 1978-80.
- ESJS *Etymologický slovník jazyka staroslověnského* 1-11, eds. E. Havlová & A. Erhart. Praha: Academia 1989-2002.
- ESSJ *Etymologičeskij slovař slavjanskich jazykov*, vyp. 6, ed. O. N. Trubačev. Moskva: Nauka 1979.
- Fraenkel, Ernst. 1962-65. *Litauisches etymologisches Wörterbuch*, I-II. Göttingen: Vandhoeck & Ruprecht - Heidelberg: Winter.

- Georgiev, Vladimir I. 1981. *Introduction to the History of the Indo-European Languages*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences.
- Gerullis, Georg. 1922. *Die altpreussischen Ortsnamen*. Berlin - Leipzig: Walter de Gruyter.
- Gordon, Cyrus H. 1965. *Ugaritic Textbook. Glossary, Indices*. Roma: Pontificium Institutum Biblicum.
- Haas, Otto. 1966. Die phrygischen Sprachdenkmäler. Sofia: *Balkansko ezikoznanie* 10.
- Hamp, Eric P. 1970. Thracian (?) *AZAPATHΣ* (?) again. *Beiträge zur Namenforschung* N.F. 5, 301.
- Hamp, Eric P. 1984. Lith. *ėžeras*. *Baltistica* 20.1, 64.
- Hamp, Eric P. 1987. Etimologičeskije zametki. *Etimologija* 1985, 49-52.
- Hamp, Eric P. 1998. Greek Ἀχέρων, Balto-Slavic \**ėgherǔ-n*. *Linguistica Baltica* 7, 75–76.
- Holder, Alfred. 1896-1911. *Alt-Celtischer Sprachschatz*, I-III. Leipzig: Teubner.
- Jones, J. Morris. 1913. *A Historical and Comparative Welsh Grammar*. Oxford: Clarendon Press.
- Krahe, Hans. 1955. *Die Sprache der Illyrier*, I: *Die Quellen*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Kretschmer, Paul. 1925. Das *nt*-Suffix. *Glotta* 14, 84–106.
- Lewy, Heinrich. 1895. *Die semitischen Fremdwörter im Griechischen*. Berlin: Gaertner.
- Lorentz, Friedrich. 1908. *Slowinzisches Wörterbuch*, 1 (A-Θ). St. Petersburg: Izdaniye Otdelenija russkogo jazyka i slovesnosti Imperatorskoj akademii nauk.
- MacBain, Alexander. 1911. *An Etymological Dictionary of the Gaelic Language*. Stirling: MacKay.
- Mann, Stuart E. 1984-87. *An Indo-European Comparative Dictionary*. Hamburg: Buske.
- Mannhardt, Wilhelm. 1936. *Letto-Preussische Götterlehre*. Riga: Herausgegeben von der Lettisch-Literarischen Gesellschaft.
- Mayer, Anton. 1936. Der Satem-Charakter des Illyrischen. *Glotta* 24, 161–203.
- Mažiulis, Vytautas. 1988. *Prūsų kalbos etimologijos žodynas*, 1 (A-H). Vilnius: Mokslo.
- Meiser, Gerhard. 1998. *Historische Laut- und Formenlehre der lateinischen Sprache*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Mühlenbach, K. & Endzelin, J. (ed.). 1923-25. *Lettisch-deutsches Wörterbuch*, Bd. I. Riga: Herausgegeben von lettischen Bildungsministerium.
- Muss-Arnold, W. 1892. On Semitic words in Greek and Latin. *Transactions of the American Philological Association* 23, 35–157.

- Niedermann, Max, Senn, Alfred & Brender, Franz. 1932. *Wörterbuch der litauischen Schriftsprache*, Bd. I (A-K). Heidelberg: Winter.
- Oettinger, Norbert. 1994. Der Ablaut von 'Ahorn' im Indogermanischen. *Historische Sprachforschung* 107, 77–86.
- Olsen, Birgit Anette. 1999. *The Noun in Biblical Armenian. Origin and Word-Formation – with special emphasis on the Indo-European heritage*. Berlin - New York: Mouton de Gruyter.
- Orel, Vladimir. 1998. *Albanian Etymological Dictionary*. Leiden - Boston - Köln: Brill.
- Pedersen, Holger. 1909-13. *Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen*, I-II. Göttingen: Ruprecht & Vandenhoeck.
- Plinius, Secundus C. 1988. *Naturalis historiae*, Libri III-IV. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Pokorny, Julius. 1959. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern-München: Francke.
- Prellwitz, Walther. 1899. Etymologische Miscellen. *Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen* 24, 106–107.
- Profous, Antonín. 1947-57. *Místní jména v Čechách. Jejich vznik, původní význam a změny*, I-IV. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd.
- Prodocimi, Aldo L. 1969. Lituaniano *ēžeras*, latino *Egeria*. *Studi baltici* 10, 130–142.
- Ptolemaeus, Claudius. 1966. *Geographia*, ed. C.F.A. Nobbe. Hildesheim: Olms.
- Strabo. 1909-13. *Geographica*, ed. Augustus Meineke, I-III. Leipzig: Teubner.
- Radke, Gerhard. 1965. *Die Götter Altitaliens*. Münster: Aschendorf.
- Rasmussen, Jens E. 1990-91. Some Additional Examples of PIE \*-ēh<sub>2</sub>- and \*-h<sub>2</sub>ē-. *Copenhagen Working Papers in Linguistics* 1, 87–100.
- RE *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft begonnen von Georg Wissowa*. Stuttgart: Meltzer.
- Rospond, Stanisław. 1989. *Slawische Namenkunde I. Die slawischen Ortsnamen*. Heidelberg: Winter.
- Rozwadowski, Jan. 1914-15. Przyczynki do historycznej fonetyki języków słowiańskich. *Rocznik slawistyczny* 7, 9–23.
- Segert, Stanislav. 1984. *A basic grammar of the Ugaritic language*. Berkeley: University of California Press.
- Skok, Petar. 1971. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, I (A-J). Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti.
- Steingass, F. 1988. *A Learner's Arabic-English Dictionary*. Jalandhar City: Gau-rav.
- Sychta, Bernard. 1968. *Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej*, II (H-L). Wrocław - Warszawa - Kraków: Ossolineum.



- Szemerényi, Oswald. 1967. Slavjanskaja etimologija na indojevropějskom fone. *Voprosy jazykoznanija* 1967/4, 3–25.
- Szemerényi, Oswald. 1970. Iranica IV. *Orbis* 19, 500-519.
- Šagirov, Amin K. 1977. *Etimologičeskij slovar' adygskich (čerkesskich) jazykov, I (A-N)*. Moskva: Nauka.
- Šaur, Vladimír. 1986. Původ *o* ve východoslovanském typu *olen'*, *ozero*. *Slavia* 55, 378–383.
- Thurneysen, Rudolf. 1946. *A Grammar of Old Irish*. Dublin: Institute for Advanced Studies.
- Tischler, Johann. *Kleinasiatiscbe Hydronymie. Semantiscbe und morphologiscbe Analyse der griecbiscben Gewässernamen*. Wiesbaden: Reichert.
- Toporov, Vladimir N. 1975. *Prusskij slovar', I*. Moskva: Nauka.
- Trautmann, Reinhold. 1923[70]. *Baltiscb-Slaviscbes Wörterbuch*<sub>2</sub>. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Udolph, Jürgen. 1979. *Studien zu slaviscben Gewässernamen und Gewässerbezeichnungen*. Heidelberg: Winter (Beiträge zur Namenforschung, N.F., Beiheft 17).
- Vaillant, André. 1929. *Jezero, jazŭ (\*ězŭ)*. BSLP 29, 38–40.
- Vanagas, Aleksandras. 1981. *Lietvių hidronimų etimologinis žodynas*. Vilnius: Mokslas.
- Vasmer, Max. 1986-87. *Etimologičeskij slovar' russkogo jazyka, I-IV*. Moskva: Progress (Russian translation of the original *Russisches etymologisches Wörterbuch, I-III*, Heidelberg: Winter, by O. N. Trubačev).
- Vondrová, Marcela & Blažek, Václav. 2001. Slovanské archaismy a dialektismy v toponymii Čech. In: Z. Hladká & P. Karlík (eds.), *Čeština: univerzália a specifika* 3, Brno: Masarykova univerzita, 311–342.
- Zgusta, Ladislav. 1964. *Kleinasiatiscbe Personennamen*. Prag: Akademie der Wissenschaften.
- Zinkevičius, Z. 1984. Pol'sko-jatvjažskij slovarik? *Balto-slavjanskije issledovanija* 1983, 3–29.

*Filozofická fakulta, Masarykova univerzita*  
*Arna Nováka 1, 602 00 Brno, Česká republika*  
 blazek@phil.muni.cz



Slovinština, jak známo, má řadu lexikálních jednotek, které ji spojují se západoslovanskými jazyky, zatímco v ostatních jihoslovanských jazycích chybějí. Tento příspěvek se zaměřuje na několik izoglos výlučně slovinsko-českých. Jde vesměs o případy, kdy právě slovinský lexikální materiál může výraznou měrou pomoci při objasňování dosud neuspokojivě vykládaných českých slov. Zajímavý je i fakt, že zkoumaná slovinsko-česká izolexie se týká slov odvozených, navíc většinou doložených až v mladších písemných památkách. To samozřejmě zavdává důvod k úvahám, zda některé zkoumané lexikální shody v obou jazycích nejsou výsledkem jejich nezávislého vývoje.

č. *koprnět* „dřevěnět, trnout“ – sln. *koprněti* „dychtit, bažit, prahnout“, zast. „velmi se bát, dřevěnět strachem“

Tato lexikální shoda je v české etymologické literatuře dobře známa, její zohlednění však ve starších slovnících nevede k uspokojivému etymologickému řešení. Machek (1968, 275) uvádí sln. slovo poněkud nepřesně jako „*koprněti* hněvem, strachem, žízni, bídou, tužbou“ a má jeho český protějšek za nejasný. Uvažuje o obměně pč. \**krepnēti* (slabě doložené č. *křepnēti* „tuhnout, cepenět“), což je formálně nepřijatelné, vedle toho odkazuje i na *brněti*, kde ovšem etymologické řešení stejně nenajdeme. Sloveso *brněti* či jiný podobný útvar mají patrně na mysli i Holub a Kopečný (179), když uvažují o expresivním útvaru s přístavkou *ko-* jako v *kodrcat*, *komíhat* apod. Stejně řešení má ostatně již Jungmann (II, 125), který i význam slova vykládá jako „brněti, dřevěněti, usnouti, citedlnost potratiti“, zdá se však, že uvedení prvního významu se nezakládá na ničem jiném než právě na jeho asociativním spojení *koprněti* – *brněti*, které je ovšem etymologicky těžko přijatelné.

Jiné řešení nabízejí slovinské etymologické slovníky. Vycházejí z ie. \**kuep-* „kouřit, kypět, (těžce) dýchat“ (Bezljaj II, 66, Snoj 260). Odtud je však cesta k tvaru našeho slovesa ještě dosti dlouhá. Snoj (l.c.) předpokládá jako výchozí nedoložené adjektivum \**koprno* „vypařující“, které je příbuzné se sln. d. *kopēti* „tuhnout“. Mezi tím je však ještě jeden slovtvorný krok – derivace *r*-ovým formantem, který je snad v b. d. *koprja se* „chystat se“. Odvození *r*-ovým formantem z ie. \**kuep-* je pravděpodobné také u všesl. názvu aromatické byliny \**koprno*, pro svůj specifický význam však sotva může být hledaným mezičlánkem. Pouze spekulací je rekonstrukce obecnějšího

původního významu „pára, zápach, vůně“ (Rejzek 299-300). V této souvislosti je zajímavá Jungmannova citace z Rosy, kde je zřejmě nejstarší český doklad slova *koprněti*. Rosa uvádí dva významy: „a) na způsob kopru býti, v kopr se obrátiti b) ochroměti“.

Při objasňování významové stránky vychází Snój z původního významu „vypařovat se, vydechovat, hynout“, z toho pak „bažit, velmi toužit“ podobně jako v sln. *medléti*, které znamená jak „omdlévat, ochabovat“, tak „velmi toužit“. Pokud skutečně vyjdeme z adj. \**koprno* ve významu „(silně) vydechující“, lze si význam deadjektivního slovesa představit takto: „stávat se vydechujícím (= pozbývajícím dech, bezdechým)“ → „dřevěnět, trnout (strachem, údivem apod.)“ (k modifikaci významu mohlo samozřejmě dojít již u výchozího adjektiva). Významovou paralelu lze najít např. v stisl. *dofinn* „bezduchý, ochablý, polomrtvý“ či angl. *dodder* „chvět se“; obojí se vykládá z ie. \**dheu-* „vanout, dýchat“ (Pokorný 264, 265). Pokud jde o dnešní význam sln. *koprněti* „dychtit, bažit, prahnout“, nabízí se otázka, zda jej vyvozovat až z významu „dřevěnět, trnout“, nebo hledat druhou významovou linii od výchozího „(silně) vydechovat“. Přímá významová souvislost „(těžce) dýchat“ → „dychtit, bažit, toužit“ je totiž doložena řadou příkladů (srov. lit. *kūpūoti* „(těžce) dýchat“ – lat. *cupēre* „bažit, toužit“, stl. *kūpyati* tv. i č. *dychtit* od *dýchat*). Vzhledem k tomu, že podobný vývoj jako u sln. *medléti* se předpokládá i u *hrepněti* (původně „tvrdnout“, pak „silně toužit“, srov. i sln. *ves trd biti na kaj* tv., Snój 176), je výše uvedený Snójův výklad pravděpodobný. V č. je podobný vývoj naznačen v mor. nářečním (zábřežském) *koprnět* „dychtivě čekat“ (Bartoš 154).

Pokud je výše uvedený etymologický výklad správný, představuje psl.d. sloveso \**koprněti* zajímavý případ, když po poměrně složitém slovotvorném i sémantickém vývoji zůstalo izolovaně uchováno ve dvou jazycích různých slov. areálů, zatímco jeho fundující adjektivum zcela zaniklo.

č. **oprat** „řemen nebo provaz na řízení spřežení“ – sln. **oprati** tv. (?)

Slovo *oprat/oprat* se v č. v dnešním významu objevuje od středního období, stč. *oprat* (f.), *oprata* má význam mírně odlišný: „řemen (provaz) se smyčkou, zvláště na vodění psů, vodítka“ (Staročeský slovník 553). Ve stč. je doložena i zdrobnělina *oprátka* „řemínek (šňůra) se smyčkou“, odtud pak „smyčka na oběšení“. Stejný význam jako nč. *oprat* má i mor. a slk. *oprata*, případná izoloxie tedy v tomto případě zahrnuje i areál slovenský. U Jungmanna (II, 960) se objevuje i podoba *obrat*, která nepochybně vznikla lidověetymologickým spojením s *obrátití*, Jungmann však poukazuje na r. *obroť*, které je evidentně jiného původu (psl. \**obrastb*). O souvislosti č. *oprat* s r. *óbroť*, ukr. *obrót* „ohlávka, uzda“ je přesvědčen Machek, který č. slovo

považuje za starou výpůjčku z r. (Machek 1968, 416). Ta je však nepravděpodobná už jenom vzhledem k časovým a teritoriálním okolnostem přejetí. Hláskové rozdíly a koneckonců i rozdílná sémantika (především stč. dokladů!) nepřijatelnost tohoto výkladu ještě zvyšují. Holub-Kopečný (256) vychází z pč. \**pratiti* „provázet“, které je však doloženo pouze v jsl. (sln. *prātiti*, s./ch. *prätiti*, mak. *prati*, b. *prátja*).

Doklad sln. *oprati* je problematický v tom, že jej bez dalšího teritoriálního, časového či slohového určení uvádí pouze Bezljaj ve svém etymologickém slovníku (Bezljaj II, 252). Ani s vydatnou pomocí slovinských kolegů (především Metky Furlanové) se nám bohužel nepodařilo nalézt Bezljajův zdroj. Sotva však půjde o omyl, protože autor tento doklad výslovně porovnává s doklady v Pleteršnikově slovníku, kde je však pouze *opřta* vedle *opřt* „nosný řemen“ (nikoli *opřta* „oprat“, jak uvádí Bezljaj) (Pleteršnik II, 844). Všechna uvedená slova Bezljaj spojuje s (*o*)*pr̥titi* „přivázat (na hřbet) nosným řemenem“, to pak vychází z psl. \**p̥s/vrt̥s* „kus plátna“, vedle toho „provaz, řemen“ (k dalším souvislostem viz Snoj in Bezljaj III, 131).

Motivace názvu *oprati* ve slov. jazycích (srov. např. r. *póvod*, sln. *vájeti*) i stč. doklady hovoří spíše pro souvislost s jsl. \**portiti* „provázet“ (srov. Holub-Kopečný l.c., Staročeský slovník l.c.) od ie. \**per(H)-* „převést, přenést, překročit“ (k podrobnostem viz Snoj in Bezljaj III, 104). V zsl. i vsl. sloveso není doloženo, je tam jen substantivum \**port'a* (č. *práce*), které naopak není v jsl. Jsou i pokusy spojit \**prtiti* a \**portiti*, případně i mnohovýznamové substantivum \**portežv* (sln. *prâtež*, s./ch. *prätež*) (Kurkina 19, Matzenauer 190), které však nejsou příliš přesvědčivé, protože rodina jsl. \**prtiti* se lépe vyvodí z ie. \*(*s*)*per(H)-* „vinout, plést“ (Snoj in Bezljaj III, 103n. a 131).

č. ***pelichat*** „ztrácet peří, srst“ – sln. zast. ***pelíha*** „piha, červená skvrna na tváři“

Původní význam č. *pelichati* byl zřejmě pouze „ztrácet peří“ (Jungmann III, 60 bez starších dokladů), což přivádí Machka k dosti fantastické etymologii z \**perie lichati*, kde \**lichati* by měla být expresivní *ch*-ová obměna \**linati* (Machek 1968, 443). Holub-Kopečný (269) považují *pelichati* za expresivní odvozeninu od *pelech*, původně prý „zvířecí lože vystlané srstí“. Aniž bychom se pokoušeli hledat etymologické řešení tohoto dalšího obtížného slova, je patrné, že Holubem a Kopečným předpokládané sémantické východisko je pochybné a spojení *pelech* – *pelichat* sémanticky nepřijatelné.

U sln. *pelíha* (a jeho varianty *pelísa*) se uvádí, že je bez známých paralel ve slov. jazycích (Snoj in Bezlaj III, 23). Slovo se dále vykládá od psl. základu *\*pel-* „skvrna; skvrnitý“ příponou *-iha*, kterou se tvoří pejorativní deadjektivní substantiva (např. *staríha* „stařec“). Ze stejného základu je csl. *pelěsъ* „tmavý, černý“, r. *pelěsyj* „pestrý, strakatý“, sln. *pelésast* „skvrnitý“, p.d. *pielasy* tv. Mimo slov. jazyky je příbuzné např. lit. *pelėsiiai* „plíseň“ (srov. i psl. *\*plěsnъ*), *pelėkas* „šedý, bledý“, něm. *fahl* „bledý“, lat. *pallidus* tv., ř. *πελιτικός* „šedý“, sti. *parušá-* „skvrnitý“, vše od ie. *\*pel-* „šedý, bledý, strakatý“.

Význam „skvrna“ pro předpokládané psln. *\*pelicha* dobře koresponduje s významem č. slovesa – denominativní *pelichati* by vlastně znamenalo „dostávat skvrny, lysiny“, což věrně odráží proces ztrácení perí u ptáků. Vztah mezi významy „skvrna“ a „lysina“ je zřejmý, srov. např. sln. *lísa*, které má obojí význam a jeho motivace je podobná jako u výše uvedeného psl. *\*pel-* – vychází z ie. *\*leuk’-* „bílý, světlý“. Původně šlo tedy v obou případech o skvrnu, lysinu, která se vyznačovala světlejší barvou než její okolí. Ve sln. pak došlo ke specifikaci významu na „červená skvrna, piha, puchýř“.

Největší překážky pro uznání společného východiska sln. *pelíha* a č. *pelichati* jsou v oblasti slovtvorby. Machkův málo přesvědčivý pokus o výklad č. *pelichat* lze snáze pochopit, podíváme-li se na strukturu a etymologii formálně podobných slov, jako je *šolichat*, *čenichat*, kde se první slabika vykládá jako expresivní přístavka, případně i r. *kolychát*, sln. *koléhati* (č. *kolísat*), kde se vedle zmíněného výkladu uvažuje i o intenzivním rozšíření psl. *\*koliti*. V každém případě neznáme v češtině žádný jiný případ denominativního slovesa na *-chati* (srov. i Machek 1953, kde podobný typ slovesa rovněž není zaznamenán). Problém je i v předpokládaném fundujícím substantivu. Zatímco ve sln. je slovtvorný typ *-iha* v rámci expresivních *ch*-ových sufixů dobře zastoupen, v č. – snad kromě novějšího deverbativního *pleticha* – chybí a preferovány jsou sufixy jiné (*-och*, *-ucha*).

Slovtvorné námitky tedy toto etymologické spojení poněkud zpochybňují. Víme však, že slovtvorné procesy jsou především u expresivních slov často nestandardní a individuální. Nápadná hláskoslovná i významová shoda mezi sln. *pelíha* a č. *pelichat* nás snad k výše uvedenému pokusu o výklad nejasného českého slova opravňují.

č. ***potouchlý*** „potměšilý, záludný“ – sln. ***potúhnjen*** „potměšilý, falešný, zákeřný“

U Jungmanna (III, 361) se slovo objevuje v podobě *potouchlý*, podoba s *t* je výsledkem expresivního měkčení. Holub-Kopečný (288) slovo spojuje s *potuchlý* „zatuchlý, zkažený“ a význam vysvětlují velmi vágní metaforou

„zkažený“ → „potměšilý, záłudný“. Naproti tomu Machek, vědom si nespokojivosti podobného sémantického spojení, má slovo za pouze české, málo jasné a považuje je za expresivní přetvoření *potutelný* (Machek 1968, 475).

Existence sln. *potûhnjen*, které má shodný význam jako č. *potouchlý*, vrací domněnku o izolovanosti č. slova a zároveň může rozkrýt předivo významů, které vedou od základního psl. \**tuch-* (srov. stsl. *potuchnŏti* „ztemnět“, csl. *potuchnŏti* „utišit se“, r. *potúchnuť* „zhasnout“, stč. *potuchnúti* „pohasnout, zeslábnout“). Ve sln. je totiž dobře doloženo fundující sloveso *potúhniti se* „přetvařovat se“ i deverbativum *potúha* „zatajování, zpronevěra, přetvářka“ (Bezljaj III, 97), „nadržování“ (SSKJ 951). Podrobný výklad významu slovesa *potúhniti se* v druhém z uvedených slovníků nás může navést správným směrem při odhalování sémantického vývoje slova: 1. *na-rediti se manj opaznega, manj vidnega*, 2. *prenehati izražati, kazati svoje misli, nazore*. Adj. *potûhnjen* má pak tyto významy: 1. přičestí od *potuhnutí se*, 2. *neodkrit, neiskren*, 3. *navidezno nenavaren*. Zdá se tedy, že v sln. došlo k tomuto sémantickému vývoji: „pohasnout, utišit se, zeslábnout“ → „udělat se menším, méně nápadným“ → „přetvařovat se, jednat falešně“, u adj. pak „pohaslý, zesláblý, příkrčený“ → „zdánlivě nebezpečný“ → „záłudný, potměšilý“.

V č. není u slovesa ani u slovesného adjektiva tento vývoj doložen. Stč. *potuchnúti* má významy „potuchnout, pohasnout, zhasnout; potemnět, zčernat; zeslábnout, zaniknout; ochabnout, zemdlít“, *potuchlý* „oslabený, zesláblý, slabý; pohaslý, vyhaslý; potemnělý“ (Bělič-Kamiš-Kučera 351). U Jungmanna najdeme významy podobné, překvapivé je, že adj. *potuchlý* má pouze ve významu „zatuchlý“ (Jungmann III, 379). Přesto sln. lexikální materiál ukazuje, že je třeba naše slovo vykládat od významů „zesláblý, pohaslý atd.“ a nikoli výše uvedenou metaforou od druhého *potuchlý* „zatuchlý, zkažený“. Koneckonců i Holub-Kopečný si poněkud protirečí, když na jiném místě (s.v. *tuchnouti*) naznačují jinou metaforu, která lépe koresponduje s naším výkladem: „zhaslý“ → „tajný“. Zdá se, že sémantický vývoj šel v č. skutečně poněkud jiným směrem než v sln.: „pohaslý, ztemnělý“ → „tajně dělaný, zákeřný“ (srov. významově stejné *potměšilý*, slk. *potmĕhúdský*) a v určitém momentu se projevil i formálně v expresivně zdložené podobě *potúchlý* > *potouchlý*. Pokud tomu tak opravdu je, je současná překvapivá shoda významu v č. a sln. kuriózním výsledkem dvou různých sémantických cest z jednoho společného východiska.

Mimo slovanské jazyky se příbuzenstvo psl. \**tuchnŏti* celkem jednomyslně hledá v lit. *tausjŭtis* „utišit se (o větru)“, stir. *tó* „tichý“, sti. *tošáyati* „konejší, upokojuje“, ie. kořen se rekonstruuje jako \**taus-* (Pokorný 1056), \**teus-* (ESJS 11, 689), \**taHus* (Snoj in Bezljaj III, 97) „tichý, spokojený“.

Rozdílné pohledy jsou však na vztah významů „hasnout, utuchat“ a „tuchnout, kazit se“ a dubletních podob *\*tuchnōti* a *\*tōchnōti*. Oba významy oddělují např. Miklosich 358 a Machek 1968, 660, společné sémantické východisko zastávají např. Holub-Kopečný 396, Snoj 672 (srov. i Rejzek 682, kde jsou navrženy možnosti sémantického vývoje, dnes však bychom revidovali spojení psl. *\*tuchnōti* s lot. *tusnīt*). Psl. podoba s nosovkou se rekonstruuje na základě sln.d. *tóhniti*, *tóhneti* (vedle *túhniti*) „špatně hořet, doutnat“, *čóhniti*, *čúhniti* „smrdět“ a p. *tęchnąc* „splaskávat (o puchýři), tuchnout“, v č., slk., hl., vsl. a s./ch. nelze rozeznat, zda jde o původní *u* či *o*. Miklosich l.c. oba své homonymní kořeny rekonstruuje s nosovkou, spíše však je třeba vycházet z původního *tuch-* a podoby s nosovkou brát jako výsledky druhotné nazalizace podobně jako v jiných podobných případech (srov. ESJS l.c.).

Jak je vidět, každá z výše zkoumaných lexikálních izoglos má svůj specifický charakter a představuje jiný etymologický problém. V případě dvojice *koprněti*–*koprněti* jde o starou a známou izoglosu, jež byla dosud v české etymologii nedostatečně vyložena po stránce etymologické, slovotvorné i sémantické. Rekonstrukce sémantického vývoje je zásadní pro etymologizaci č. *poťouchlý* a jeho přehlíženého sln. ekvivalentu *potúhnjen*, kde, jak se zdá, jsou dnešní shodné významy výsledkem samostatného sémantického vývoje ze stejného východiska. Při výkladu č. *oprát*, slk. *oprata* se dosud nepočítalo se sln. ekvivalentem *oprati*, který však je uveden pouze v Bezlajově slovníku a jeho existence není jistá. Srovnání č. *pelichať* se sln. *pelíha* pak je pokusem o nové etymologické řešení českého slova, jež však naráží na některé problémy slovotvorné. Celý příspěvek by měl upozornit na různorodost česko-slovinských lexikálních vztahů a být impulsem pro jejich další všestranné zkoumání.

## LITERATURA

- Bartoš F. *Dialektický slovník moravský*. Praha 1906.  
 Bělič J., Kamiš A., Kučera K. *Malý staročeský slovník*. Praha 1979.  
 Bezlaj F. *Etimološki slovar slovenskega jezika*. I-III, Ljubljana 1976.  
 ESJS *Etymologický slovník jazyka staroslověnského*. 1-11. Praha 1989.  
 Holub J., Kopečný F. *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha 1952.  
 Jungmann J. *Slovník česko-německý*. Praha 1834–1839.  
 Kurkina L. V. *Slavjanskije etimologii. IV (sloven. škrt, s. chorv. pŕtiti, slav. \*strukσ (\*strqkσ))*. Etimologija 1975 (1977), 13–28.



- Machek V. *Les verbes slaves en -chati*. Lingua Posnaniensis 1953, 111–136.  
 Machek V. *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha 1968.  
 Matzenauer A. *Příspěvky k slovanskému jazykozpytu*. LF 13, 1885, 161–193.  
 Miklosich F. *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*. Wien 1886.  
 Pleteršnik M. *Slovensko-nemški slovar*, I-II. Ljubljana 1894–1895.  
 Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern 1959–1969.  
 Rejzek J. *Český etymologický slovník*. Praha 2001.  
 Snoj M. *Slovenski etimološki slovar*. Ljubljana 1997.  
 SSKJ *Slovar slovenskega knjižnega jezika*. Ljubljana 2000.  
*Staročeský slovník obilé – ožžený*. Praha 1984.

## Four Czech-Slovenian Lexical Isoglosses

The contribution attempts to elucidate an etymology and semantic development of four uncertain Czech words through comparison with Slovenian lexical material which has not fully been taken into account so far.

Č. *koprněti* and Sln. *koprněti* represent an interesting isogloss with a specific and difficult word-formation development. We incline to the solution of Slovenian etymological dictionaries that derive the word from IE. *\*kuep-* „steam, breathe heavily“.

The equation of Cz *oprat*, Slk *oprata* and Sln *oprati* „reins“ is questionable because of an isolated quotation of Sln word in Bezljaj (II, 252, without any source). The nearest cognate is to be found in South Slavic *pratiti* „guide, accompany“.

The original connection of Cz *pelichat* „moult, shed feathers“ and Sln *pelíha* „freckle, blotch“ encounters word-formation problems, but the striking phonological and semantic correspondence and the absence of other hopeful solutions may favour it.

Examining the meaning of Cz *potouchlý* and Sln *potúhnen* „sly, sneaky“, we find out that the latter is a result of an apparent semantic development from CS *\*potuchnŏti* „burn low, die away“ which is not attested in Cz. Surprisingly coincidental meanings of both words seem to be a result of an independent semantic development.

*Filozofická fakulta, Univerzita Karlova  
 nám. J. Palacha 2, 116 35 Praha 1, Česká republika  
 jiri.rejzek@ff.cuni.cz*



# Zur frühslavischen Nominalkomposition und ihren indogermanischen Grundlagen

*Aleksandar L o m a*

**0.** Im Titel dieses Vortrags steht die Bestimmung „frühslavisch“ für „frühgemeinslavisch“, nicht nur der Kürze halber, sondern auch einer beabsichtigten Zweideutigkeit: Nämlich soll sie zugleich die Bewahrung der altererbten morphologischen Vorgänge in späterer Zeit umfassen. Ich setze mich mit diesem Thema schon lange auseinander; im Folgenden wird es versucht, einige bisherigen Ergebnisse zusammenzufassen und manches Neue darzulegen.

**1.** Bekanntlich war schon in der spätgemeinslavischen Wortbildung die Komposition hinter der Derivation weit zurückgetreten: Eine Tendenz, die sich in der einzelsprachlichen Epoche fortsetzt, vgl. etwa ursl. *bratučędŕ* ‘Brudersohn’, Dual von *brat(r)*ŕ ‘Bruder’ + *čędo* ‘Kind’ (Tatpuruša) gegenüber den späteren Bezeichnungen dafür wie skr. *bratić* Dem. ‘Brüderchen, des Bruders Kleine’. Ja kam im Laufe der Zeit hier und da zu einer Wiederbelebung der Komposition, meistens unter dem fremden Einfluß.

**1.1.** Das früheste und wichtigste Beispiel liefern die aksl. Komposita, die den griechischen Mustern nachgebildet sind, legen aber ein klares Zeugnis davon ab, daß schon im 9. Jh. die ursprünglichen Kompositionsvorgänge nicht mehr lebendig waren. So hat sich in manchen Fällen in der Kompositionsfuge statt des Auslauts der *i*-Stämme schon der Vokal *o* durchgesetzt, z. B. *plŕtv* → *plŕto-ljubivŕ* ‘philósarkos’, *lŕžv* → *lŕže-imenitŕ* ‘pseudōnymos’, vgl. echtslav. *\*potv-bęga*, *\*noktv-lega*, *\*velv-moža*.

**1.2.** Die andere späte Erscheinung, für die Volkssprache charakteristisch, waren die Komposita mit dem imperativischen Vorderglied. Der Verbreitung dieses, z. T. unter dem romanischen Einfluß entwickelten Typs dürfte die Umdeutung der Vorderglieder mit stammhaften *i*-Auslauten beigetragen haben, z. B. können die Prägungen wie *pecikoza* ‘brate die Ziege’ (← *\*pekti*), PN *Stręzi-slavŕ* (*\*sterg-ti*); *deri-koža* ‘ziehe die Haut ab’ (← *\*dbrati*), PN *Beri-slavŕ* (← *\*bvra-ti*), nach dem Muster der Zusammensetzungen wie *\*lypi-golva*, *Bori-slavŕ* oder *\*boli-golvŕ* (*o golva*) ‘Kopfschmerz, auch Pflanzename’ entstanden sein, wo ja kein Imperativ vorliegt, sondern ein

verbaler bzw., im letztgenannten Fall, nominaler *i*-Stamm, der sich dem Imperativ gleicht.<sup>1</sup>

**2.** Vermutlich war das Früh(gemein)slavische durch eine Vorliebe für die Komposition gekennzeichnet, wodurch es der indogermanischen Ursprache näher als dem Spätgemeinlavischen stand. Die Spuren dieses Zustands sind in den “verdunkelten” Zusammensetzungen zu suchen, jenen, die auf den späteren Sprachebene nicht mehr analysierbar waren. Das heißt, daß sie in ihrer Struktur undurchsichtig geworden waren, nachdem ihre einzelnen Glieder, längst außer freien Gebrauch als selbständige Wörter gekommen, sich nicht mehr als solche erkennen ließen.

**2.1.** Manche davon sind mit den Suffixen und anderen Formantien zusammengefallen. Z. B. *\*zmbja* braucht man nicht unbedingt als *\*-iio-* Ableitung vom Wurzelnomen ‘Erde’ auffassen, *\*(dh)ghm-iio-* ‘irdisch’ (~ aind. *kṣamya-*, gr. *chthónios*). Eine Zusammensetzung mit der Verbalwurzel *ei-/i-* ‘gehen’, *\*(dh)ghm-ei-o-* ‘auf der Erde gehend, kriechend’ ist ebenfalls denkbar.<sup>2</sup> Dasselbe Dilemma besteht im Falle des gr. Wortes *pezós* < *\*ped-iōs* ‘zu Fuß gehend, auf dem Lande lebend’. Hier liegt entweder eine suffixale Ableitung auf *-iō-* *\*ped-iō-* = aind. *pád-ya-* ‘den Fuß betreffend’, jav. *paidiā* f. ‘Sehne’ usw. vor (die heutige *communis opinio*), oder doch die Zusammensetzung *\*ped-i-(ó-)*, aus *\*ped-* ‘Fuß’ und *\*ei-/i-* ‘gehen’.<sup>3</sup>

**2.2.** Nicht nur die längeren, anscheinend abgeleiteten Nominalstämme können einer ursprünglich kompositen Struktur verdächtig sein, sondern manchmal auch das, was als reine Wurzel aussieht. Seitdem illyrisch *tergitio* ‘negotiator’ als epigraphisches Ghostword erwiesen ist,<sup>4</sup> entbehrt der Ansatz einer idg. Wurzel *\*terg-/trg-* ‘Handel’ jeder Grundlage, was ja die Notwendigkeit mit sich bringt, für ursl. *\*tɛrgɔ* nach einer neuen Etymologie zu suchen. Sprachlich und sachlich erscheint ein Kompositum mit dem idg.

---

<sup>1</sup> Ursprünglich wohl *\*bolb-golvɔ*, also zu *\*bolb* f. und nicht zu *\*bolēti*, Impt. *boli*, vgl. nsorb. *bólgtowa*, tsch. *bolhoj*, slov. *ból'hoj* ‘Anthyllis vulneraria’, sowie das Synonyme *\*golvo-bolb* f. Ähnlich der PN *\*Myslɔ-(slavɔ)* (> atsch. *Myslav*, skr. *Mislav*), zu *\*myslb* f., nicht zu *\*mysli-ti*, erst später traten die Typen *\*Mysli-(mirɔ)* und sogar (apoln.) *Mysłostaw* auf. Sekundäres *-o-* auch in skr. dial. *boljòoka*, bulg. dial. *boledč* neben *bolidč* ‘Augenkrankheit’. Nach ÉSSJa 2/1975, 175 in *\*boli-gojb* sei das Vorderglied der Nominalstamm vor, in *\*boli-golvɔ* dagegen der Imperativ *boli!*

<sup>2</sup> Auch ein Ansatz mit dem athematischen Lokativ des ersten und der Schwundstufe des zweiten Gliedes erscheint möglich, d.h. *\*zme-i-o-* > *\*zmbja*, mit der Nebenform *\*zme-iio-*, die der ukr. Form *zmija* < *\*změja* Rechnung trüge (zu diesem Ansatz Shevelov 1979, 274, dagegen J. Reinhart in *Sprache* 36/1986, 61). Zur metonymischen Anwendung des Wortes auch auf den Menschen vgl. ZMSFL 30/1988, 37 ff. Vgl. auch die gr. Komposita mit *khamai-*.

<sup>3</sup> So Schulze, Brugmann; vgl. Frisk II 486 f., KEWA II 205 f., EWAi II 80.

<sup>4</sup> Durch G. Alföldy in ZPE 81/1990, 207 ff.

Wort für ‘Rind’  $*g^{u}ou-$  als Hinterglied ziemlich plausibel, vgl. den iir. Typ ved. *su-gú-*, av. *hu-gu-*.<sup>5</sup>

**2.2.1.** Im Spätgemeinslavischen gab es ja die abgeleitete Form  $*gov-ēdo$  und kein athematischer Stamm  $*gov-/gu-$  ‘Rind’ mehr, so daß die Zusammensetzungen wie  $*gavēz̄s$  (s. u. 4.),  $*gu-m̄no$  (Hinterglied zu  $*mētī$ )<sup>6</sup> frühgemeinslavisch oder älter sein müssen. Der semantische Inhalt einer altererbten Zusammensetzung konnte lexikalisch erneut werden, so  $*d̄s̄d̄b$  ‘Regen’ <  $*dus-d̄iu-$  wörtlich ‘die Nicht-Heiterkeit (des Himmels)’ als  $*nevēdro$ ,<sup>7</sup> wobei die beiden nicht mehr gebräuchlichen Glieder des altererbten Kompositums ersetzt worden sind, aber seine Struktur bewahrt. Hier ist der Übergang von der frühgemeinslavischen zur spätgemeinslavischen Nominalkomposition noch faßbar.

**2.3.** Der Undurchsichtigkeit scheint manchmal die Vokalkontraktion beigetragen zu haben, durch die die morphologische Grenze zwischen den Kompositionsgliedern verwischt wurde, so meiner Meinung nach in den Fällen der scheinbaren Ableitung  $*r̄okav̄s$  – eher aus  $*r̄oko-ov̄s$  ‘Arm-Anzug’ zusammengesetzt, mit dem Hinterglied zu  $(ob-)u-ti$  wie  $^o slov̄s$  zu  $*sluti$  – oder der anscheinend lautmalenden Prägung  $*sykt’b$  ‘eine Art Eule, Aegolius funereus’ <  $*su-uk^{u}ti(o)-$  ‘gutes Omen/zum guten Omen gehörig’.<sup>8</sup>

**3.** Im letztgenannten Fall ist es eine vergleichbare Zusammensetzung in einer anderen idg. Sprache, dem Altindischen, aind. *sūkta-* <  $*su-uk^{u}to-$  ‘gut gesagt, auch als Vogelname’, *sūkti-* f. ‘gute, schöne Aussage’, auf die sich die Annahme stützt, daß die angebliche Onomatopöie  $*sykt’b$  in der Tat ein altes Kompositum ist. Diese altertümlichsten Komposita waren nicht nur den Sprechern des Spätgemeinslavischen verdunkelt, sondern werden sie als solche auch von den modernen Forschern verkannt, die sie vorzüglich auf

---

<sup>5</sup> Zum Sächlichen s. Schrader/Nehring I 371 f., II 255: In der idg. Urzeit war die Kuh „der hauptsächlichste Gegenstand des Handels“ und „der wichtigste Wertmesser“, das sog. „Viehgeld“. Das 1. Glied viell. zur Wz. *t̄r-* ‘treiben’ in slav.  $*t̄rati$ , oss. iron. *t̄aryn*, dig. *t̄arun*, dann ein verbales Kompositum mit regierendem Vorderglied (s. u. 5), mit der Bedeutungsentwicklung ‘Rinder treiben’ > ‘Handel treiben’. Osset. iron. *tyrg*, digor. *tyrjæ* ‘Vorhalle, Vorzimmer, Hof’ vermutlich aus  $*targu-$  <  $*tr̄-gu-$  umgelautet, anders Abaev III 341 f., Trubačev, *Ėtim.* 1979, S. 179. Mehr dazu (einschließlich anderer Deutungsmöglichkeiten) im Beitrag zum Laibacher Slavistenkongreß, ZMSS (im Druck).

<sup>6</sup> Gegen diese traditionelle Auffassung von  $*gum̄no$  Schuster-Šewc s.v. S. 360 ff., vgl. jüngst Ž. Ž. Varbot in Festschrift Ivanov 614 ff.

<sup>7</sup> Vgl. ĖSSJa 25/1999, 64; Zweifel an Vaillants und Trubetzkoy’s Deutung von  $*d̄s̄d̄b$  als ursprachliche ZS bei Trubačev, ĖSSJa 5/1978, 195 ff.

<sup>8</sup> Zum Bedeutungsansatz vgl. lat. *funereus*, dt. *Totenvogel* (der Ruf dieser Vögel galt als Vorbote des Todes), zu den beiden Gliedern  $*s̄s-dorv̄s$  unten 4.2,  $*vekt’b$  <  $*ek^{u}ti-$  ‘Sache’. Sonst das erstere Wort als Ableitung auf  $-av̄s(?)$ , das letztere als lautmalend aufgefaßt, vgl. OS 67 f. mit Lit.

der innersprachlichen, d.h. spätgemeinslavischen Ebene zu etymologisieren versuchen: Es sind erst die tieferen, indogermanistischen Einsichte, die uns ermöglichen, diese Relikte richtig zu beurteilen. Als Kronzeuge kann dabei ein entsprechendes Kompositum in einer Schwestersprache vorgeladen werden.

**3.1.** Die Entsprechung braucht dabei nicht vollständig zu sein, um das Erkenntnis einer kompositen Struktur des slav. Wortes zu fördern, so z.B. machen gr. *eudí(w)ā* 'schönes, heiteres Wetter', aind. *su-divá-* n. 'schöner Tag', bei dem häufigen Nebeneinander der Zusammensetzungen mit *\*h<sub>1</sub>su-* und *\*dus-* vor demselben Hinterglied,<sup>9</sup> ein antonymisches *\*dus-diu-* an sich wahrscheinlich, das in slav. *\*dǫžd'v* sich tatsächlich niedergeschlagen zu haben scheint (o. 2.3.1).

**3.2.** Bei den derartigen Vergleichen setzt man sich dem Einwand aus, es handle sich nicht unbedingt um urverwandte Reflexe eines voreinzelsprachlichen Kompositums, sondern vielmehr um einzelsprachliche Prägungen, Parallelbildungen, bei denen man um dasselbe sprachliche Inhalt auszudrücken, zum selben altererbten Modell und zum urverwandten Wortgut gief. Ein solcher Fall kann hinter dem Vergleich von *\*jǫzokǫ* 'Heuschrecke' mit gr. *aíg-ōpos* 'ziegenäugig' stehen.<sup>10</sup> Das gilt ja im noch stärkeren Maße für die Übereinstimmung der beiden Glieder bei den präfixalen Kompositen, z. B. skr. *pre-/pri-vehnuti* 'verdorren' (u. a. vom Wald) < *\*per-vetx-noti* wird mit dem formell entsprechenden lat. *per-vetus* 'sehr alt' wohl nicht urverwandt sein.<sup>11</sup>

**3.3.** Immerhin ist die Grenze zwischen der zufälligen Übereinstimmung in den Kompositionsgliedern und der treuen Widerspiegelung eines schon ursprachlichen Kompositums nicht immer scharf zu ziehen. Im Zwischenraum bleiben jene Fälle, wo ein vermutlich erst einzelsprachliches Kompositum auf eine feste, formelhafte Verbindung der beiden Wörter zurückzugehen scheint, die schon ursprachlich ist. Die meisten dieser Formeln entstammen der sogenannten „indogermanischen Dichtersprache“, die in den alten Texten auch als „Sprache der Götter und Geister“ bezeichnet wird. Es handelt sich um die Sprache der traditionellen, mündlichen Poesie und des Kults,

<sup>9</sup> Vgl. dazu Costa 1990.

<sup>10</sup> Uridg. *\*(a)ig-ok<sup>h</sup>os?* Zur Schwundstufe des 1. Gliedes vgl. av. *īzaēna-* 'aus Leder'. Das slav. Wort schon von Potebnja mit gr. *aix*, unter der Annahme der urspr. Bdt. 'Heuschrecke', verglichen, heute meistens als präfixales Kompositum 'glotzüugig', zu *\*jǫz-* 'aus' und *\*oko* 'Auge' aufgefaßt, vgl. *ĚSSJa* 9/1983, 55 f., *ESJS* 5/1995, 262.

<sup>11</sup> Aber ursl. *\*proso* ist mit air. *ross* 'Leinsamen', eventuell auch mit got. *frasts* 'Kind', auf idg. *\*pro-sH-* 'Saat' zurückführbar. Vgl. OS 17 f., 65 f., mit Lit. Russ. *prosev* < *\*prosěvǫ* vielleicht *\*(pro-)seH-os*, mit der laryngalbedingten Epenthese von *-v-*, doch eher eine sekundäre Prägung.

die sich in einer Reihe ihrer Fügungen und Wendungen rekonstruieren läßt, deren Erbe auf einer Seite in den Schmuckepitheten der traditionellen Hymnik zum Vorschein kommen kann, und auf der anderen in den tabuistischen Umschreibungen, wie im Falle ved. *madhuv-ád-* ‘Süßes essend’ (nur RV I 164, von Vögeln) : slav. *\*medvěďb* ‘Honigesser’ > ‘Bär’.<sup>12</sup> Im allgemeinen sind die Zusammensetzungen dieser Art dem Bestreben entsprungen, die Sprache nicht nur konventionell, wie im Alltag zu benützen, die Umwelt bloß sprachlich zu bezeichnen, sondern sich dem Phänomen Sprache aktiv gegenüberzustellen, die Sachen sinnvoll und geeignet zu benennen. Keinen geradlinigen Reflex einer ursprachlichen Zusammensetzung, sondern vielmehr ein erstarrtes Bruchstück des ursprachlichen Textes bringt der Vergleich des slavischen Namens der Königskerze (Verbascum) *divizma* > *divizna* und der dakischen Bezeichnung derselben Pflanze *diésema* mit dem aind. Dvandva *dyāvāksāmā* ‘Himmel und Erde’, gr. *Zeús Khthónios* ‘Der Himmel (als Gatte) der Erde’ zutage. Es läge eine heortonymische Bezeichnung vom Typ dt. *Johanniskraut* vor, und morphologisch erklärt sich der slav. Name als sekundäre Vr̥ddhi-Ableitung durch Dehnung der ersten Silbe des Vorderglieds.<sup>13</sup>

4. Die Kompositionsvr̥ddhi ist ein realer und jedenfalls hoch altertümlicher Zug der slavischen Nominalkomposition, den sie mit dem Indoiranischen, z. T. auch mit dem Altgriechischen gemein hat, der jedoch bisher wenig bemerkt ist. Im der nominalen Vr̥ddhi gewidmeten Kapitel seines Buches nimmt Mathiasen keinen Rücksicht darauf. Der einzige Typ der Kompositionsvr̥ddhi, dessen er, Vaillant folgend, Erwähnung tut, ist jener bei den präfixalen Kompositen. Tatsächlich bietet sich dadurch eine Erklärung für die Vokallänge in manchen slavischen Präfixen, wie für das Verhältnis des lediglich nominalen *pa-* zum verbalen *po-* (Fälle wie *po-gubiti* > *pa-guba*), sowie für den Langvokalismus in *\*sam̃* < *\*sōmo-* gegenüber

<sup>12</sup> Nimmt man an, daß hier der slav. *i*-Stamm einen athematischen vertritt, die einzige Diskrepanz besteht in der Quantität des verbalen Hintergliedes; die Vokallänge im Slavischen braucht nicht sekundär zu sein, vgl. ved. *kravy-ád-*, wozu R. P. Das in *Die Sprache* 33/1987, 99 ff.

<sup>13</sup> Da im ved. Dvandva die beiden Gliedern im Dual stehen, ist das Bindevokal *-i-* in *divizma* wohl mit der Endung des NAV Du. *-ih<sub>1</sub>* gleichzusetzen, durch die im Slavischen die urspr. *-h<sub>1</sub>* ersetzt wurde, folglich war die Kompositionsfüge im Frühgemeinslavischen immer noch lose und das Vorderglied flektiert. Das *i* der Vordersilbe erklärt sich durch die Vr̥ddhi-Ableitung vom Typ aind. *Caitraratha-* ← *Citra-ratha-*, also frühgemeinsl. *\*d̥ivīd̥zmā* ‘Himmel und Erde’ als Bezeichnung der Jahresfeier ihrer regenspendenden Verbindung, daraus *\*d̥ivīd̥zmā* > *divizma* ‘die zu dieser Feier gehörige Pflanze, deren Blütezeit mit ihr zusammenfällt’. Dazu JF 51/1995, 31 ff., vgl. auch u. 4.5.

\**šomo-* in den anderen Sprachen.<sup>14</sup> Es gibt aber auch die echten Nominalkomposita, die als solche seit langem erkannt sind, wie \**gavezš*, die in ihrer ersten Silbe eine Länge aufweisen, die man sich gegenüber uridg. \**g<sup>u</sup>ou-* als Erstglied von Komposita (vgl. besonders aind. *gav<sup>o</sup>*, *go<sup>o</sup>*) am besten durch Vrddhi-Ableitung erklären kann,<sup>15</sup> und überdies die Fälle, wo die zusammengesetzten Formen mit kurzem und jene mit langem Vokal der Anfangsilbe nebeneinander stehen, so in den Bezeichnungen der Schwarzpappel \**aso-korš* neben \**oso-korš* (auch als Simplex \**asika* ‘Espe’ neben \**osika*), aruss.-ksl. *jagnjadie* neben *ognjadie* coll. Insgesamt scheint die Kompositionsvrddhi ein wichtiger, obwohl bisher wenig beachteter Vorgang der frühslavischen Wortbildung gewesen zu sein.

**4.1.** Seit fünfzehn Jahren versuche ich, auf das Vorhandensein der vrddhierten Komposita im Slavischen aufmerksam zu machen. Sie erweisen sich besonders gut vertreten in der botanischen und der zoologischen Nomenklatur, was ja mit der allgemeinen Altertümlichkeit dieser beiden lexischen Subsysteme zusammenhängt, dürfte aber auch eine besondere Ursache darin haben, daß solchartige Sekundärableitungen besonders geeignet waren, die Idee der Ähnlichkeit bei dem häufigen Bezeichnen einer Tier- oder Pflanzenart nach der anderen (oder nach irgend etwas anderem) auszudrücken, z. B. \**oso-korš* ‘espenrindig im Sinne der Gleichheit, d.h. die Espe selbst’ → \**aso-kora* ‘espenrindig im Sinne der Ähnlichkeit, Schwarzpappel’; \**kravo-/krěvo-sšš* ‘Äskulapsschlange’ ← \**kršvo-sšš* ‘Blutegel’ (vgl. *galebš*, skr. *gālēb* ‘Möwe < taubenähnlich’ ← \**golqvb* ‘Taube’, slav.-balt. \**vārnā* ‘Krahe < rabenähnlich’ ← \**vārnās* ‘Rabe’); \**govezš* ‘Rinderzunge (als Körperteil)’ → \**gavezš* ‘rinderzungenähnlich(e Pflanze)’ (hier gleicht sich die Vrddhierung funktionsmäßig der suffixalen Ableitung in den Fällen wie aksl. *chudoumš* ‘einfältig, töricht’ ← *chudoum* ‘dass.’, ein Bahuvrīhi, das auch als Karmadhāraya ‘schwacher Sinn’ auffaßbar ist); \**ogn’ēdš* wörtlich ‘Feueranzünder’, vgl. aind. *agnīdh-/agnim-indhā-* ‘Feueranzünder (vom Priester)’ → \**agn’ēdš* ‘dazu geeignetes Holz’.<sup>16</sup>

**4.2.** Außer der klassischen Kompositionsvrddhi, die in der Vokaldehnung besteht, die die erste Silbe des Vorderglieds betrifft, begegnet auch der seltenere Typ mit einer sekundären Länge in der ersten Silbe des Hinterglieds, gr. *pod-ēnemos*. Im slavischen Bereich hat ihn Ž. Ž. Varbot (1978) betrachtet. Den mehr oder weniger wahrscheinlichen Beispielen, die sie

<sup>14</sup> Dieser Pronominaladjektiv kommt oft in der Komposition als Vorderglied vor, wo seine Wurzelsilbe der Vrddhierung ausgesetzt war (Vaillant §§ 256, 1220, vgl. Mathiassen 226).

<sup>15</sup> Kaum durch die Nominativlänge beim Grundwort (so SP 7/1995, 71).

<sup>16</sup> Vgl. JF 51/1995, 42 f.; KSK 1/1996, 28; OS 41 f.; früher meistens als Ableitung von \**agnē* beurteilt, s. SP, ĚSSJa s.v.



dort anführt, ist ein uraltes hinzuzufügen, \**s̄-dorv̄s* ‘gesund’, skr. *zdrāv*, russ. *zdoróv* < \**su-dōrvos*, gegenüber aind. *su-drú-* ‘starkes Holz’ (Karmadhāraya), lit. *su-drūs* ‘geil, üppig’, eigentlich ‘\*aus gutem Holz, Stoff’ (Bahuvrīhi).<sup>17</sup>

**4.3.** Im Altindischen, bei der Vr̄ddhi-Ableitung von *i-* und *u-* Stämmen, neben der Vokaldehnung in der Wurzelsilbe tritt regelmäßig die Vollstufe des Stammesauslauts hinzu („Gunierung“). Dieser Vorgang scheint in aksl. *dužd̄ev̄s* ‘regnerisch’ vorzuliegen,<sup>18</sup> als \**d̄ōusdīeu-* o. \**d̄ēusdīeu-* (s.u. 4.4 f.) von \**dažd̄’v̄* < \**dus-dīu-s* abgeleitet. Sonst betrifft diese Art Vr̄ddhi Simplizia, nicht die Komposita, vgl. aind. *Kuru* → *Kaurava-*, *eṇī-* → *aīṇeya-*, slav. wohl noch \**ěstěja* ‘Ofenloch’ < \**āistēiā-* ‘zum Herd gehörig’, zu gr. dor. *histiā-*, ion. *histiē* ‘Herd’ ← \**idh-ti-* ‘Anzündung’, Wz. \**aidh-/idh-*.<sup>19</sup>

**4.4.** Ursprünglich wurde durch die Vr̄ddhierung eine Schwundstufe wohl zur Vollstufe, wie im Avestischen, nicht zur Dehnstufe, wie im Altindischen,<sup>20</sup> jedoch scheint das Slavische auch in diesem Fall den Langvokalismus aufzuweisen, so in \**ěstěja* (slov. dial. *ísteje/istéje*), auch \**kravos̄s̄s̄* u.

**4.5.** Jedenfalls ist den Unterschied zwischen der Voll- und der Dehnstufe bei den diphthongischen Wurzeln schwer zu machen, denn als einziges Hilfsmittel dazu steht uns die Intonation zur Verfügung, und der akzentologische Befund ist selten eindeutig.<sup>21</sup>

**4.5.** Die Vokalfarbe in der gedehnten Silbe ist nicht immer klar. Der Schwundstufe einer diphthongischen Wurzel kann sowohl *e-*, als auch *o-* bzw. *a-* farbige Dehnstufe entsprechen;<sup>22</sup> die einzelnen Fälle lassen sich verschiedentlich erklären: \**divizma* wohl < \**dēi-*, aber auch eine späte Dehnung *ĩ* > *ī* wie in *brati* → *birati* ist hier nicht ausgeschlossen; *dužd̄ev̄s* möglicherweise aus \**d’užd’ev-*, mit der späteren Dissimilation wie in *t’ud’v̄* > *tud’v̄* > skr. *tuđ* gegenüber russ. *čužoj*, tsch. *cizí*; in \**s̄-dorv̄s* erklärt sich *o* *dōrv-* aus dem uridg. Paradigma \**doru*, *dru-*; ähnlich \**kravos̄s̄s̄* <

<sup>17</sup> Vgl. JF 51/1995, 45 f. und u. 4.5. Für \**su-* in \**s̄-dorv̄s*, gr. *hy-giēs* nimmt Krz. T. Witczak in KZ 108/1995, 123 ff. die Bedeutung ‘voll’ an.

<sup>18</sup> Vgl. auch skr. *dužd̄ev̄njak* ‘Salamander’ (neben *dažd̄ev̄njak* < \**dažd̄-*).

<sup>19</sup> Gr. att. *hestía* wird gewöhnlich zu lat. *Vesta* gestellt, aber eine Urform \**westía* ist kaum wahrscheinlich; *h-* wohl analogisch nach *hístēmi*, *héstēka*, vgl. ion. *epístios*. Slav. \**ěstěja* (auch \**ěst̄je* ĚSSJa 6/1979, 53) nach SP 6/1991, 152 Ableitung auf *-ěja* vom Verbaladjektiv \**aidh-to-* (man würde jedenfalls schwundstufig \**idh-tó-* > aind. *iddhá-* erwarten), nach Trubačev 1966, 317, ĚSSJa a.a.O. dagegen als ‘Mund des Ofens’ zu \**ěsti* ‘essen’. Vgl. u. 4.5.

<sup>20</sup> Vgl. Kuryłowicz 1956, 150 ff., X. Tremblay in *Sprache* 38/1996, 116.

<sup>21</sup> Wie z. B. im Falle skr. (*h*)*lādolež* ‘Faulenzer; Gartenwinde’ ← *hlād* ‘Schatten’, aber auch *hlādolež*, *rūkovēt* ‘Handvoll’ gegenüber slov. *rokovēt*, russ. *rukoját’*.

<sup>22</sup> Bei dem Typ mit der Dehnung der Wurzelsilbe des Hintergliedes (o. 4.2) komme *ō* regelmäßig vor, während *ē* nicht herkömmlich sei (Varbot a.a.O. S. 114).

\**krōuH-*, wenn man von einem urspr. Paradigma \**króuHs*, \**kruHés* ausgeht.<sup>23</sup> Da die Wz. *aidh-/idh-* (Gr. *aíthō*, *itharós*) keiner *e*-farbigen Abstufung fähig war, ist \**āi-* in \**ěstěja* (zur Länge s. o. 4.4) regelmäßig.

5. Schließlich ein Paar Worte über die umgekehrten Rektionskomposita, solche mit regierendem Vorderglied, vom Typ gr. *tlē-pólemos*, av. *jan-nara-*, anlässlich eines neuen etymologischen Vorschlags, der die Wörter \**ěskra*/*\*jbskra* und \**krěsθ* als Komposita aus denselben Gliedern mit wechselnder Reihenfolge zu erklären versucht. Die Formen \**ěskra* und \**jbskra* (die sich zueinander ablautend verhalten, jedoch die erstere zur letzteren nicht notwendig als Vrddhi) stelle ich zur selben Wz. \*(*a*)*idh-* wie \**ěstěja* als Komposita mit dem uridg. *s*-Stamm \**aidhos-/aidhes-* in gr. *aíthos* n. ‘Brand’, aind. *édhas-* n. ‘Brennholz’ als Vorderglied und der Verbalwurzel \**k<sup>u</sup>uer-/k<sup>u</sup>ur-* > \**kur-* ‘(Feuer) machen’ in lit. (*ùgnì*) *kùrti*, slav. \**kuriti* neben skr. *čarati* ‘(Feuer) anfachen’ als Hinterglied; also wäre die Funke wörtlich ‘die Feuer machende, anzündende’ und \**k(θ)rěsθ* ‘Johannisfeuer’, mit den umgekehrten Gliedern, \**k(u)r-aidhs-(o)* ‘Feueranzündung’. Gegenüber den Paaren wie das obenerwähnte *glavobolb* : *bolìglavθ*/*\*bolb-glavθ* (vgl. o. 1.2), oder \**Slavoborθ* : \**Borislavθ*, wo das Verbum in Vorderglied den thematischen Vokal aufweist, hätten wir hier die reine Verbalwurzel \**k(θ)r-* ‘(Feuer) machen’, was ja mit der athematischen Flexion des Verbums im Baltischen im

<sup>23</sup> Die von P. Gąsiorowski in IF 103/1998, 73 ff. angenommen wird. Oder doch urspr. \**krēuH-* > \**krěvo-*, später \**rě* > *ra* wie in \**orěxθ* > skr. *orah* und die volksetymologische Anlehnung an *krava* (< \**korva*)? Die meisten skr. Formen des Namens der Äskulapsschlange, sind der volksetymologischen Umdeutung als ‘Kuhsauger’ zum Opfer gefallen, es kommen aber vereinzelt *krivosas*, *krivosis* (wo *ri* mehrdeutig ist) vor, einmal auch *krvosis*; ursl. \**krvo-sθsθ* ist in der Bdt. ‘Blutsauger, Vampir’ belegt, aber russ. dial. *krovososka* ‘Blutegel, *Sanguisuga*’ (ÉSSJa 13/1978, 63). Strittig ist, ob russ. *krysa* ‘Maulwurf’ hierhergehört (vgl. zuletzt J. Reinhart in ZSL 35/1990, 246 ff., der es zu *kresati* stellt); man könnte \**krysθs-* auf \**kruh<sub>1</sub>-suk’*- zurückführen und \**krvosθs-* auf \**kruh<sub>1</sub>-suk’*-, also mit unterschiedlicher Betrachtung von *ru*, wobei *-o-* sich als kein sekundäres Bindevokal, sondern als Vokalisierung des Laryngals erklären ließe, jedoch weisen die skr. Nebenformen *kraos*, *krausac* auf ein athematisches \**kravsθs-* hin (hierher auch *krasa* ‘Schlange’ < \**kravsθsa*?). Wenn man eine urspr. Vollstufe annimmt (s. o. 4.4), möglicherweise \**kruh<sub>2</sub>-* → \**kreuh<sub>2</sub>* > \**krehu-* (Laryngalmetathese, vgl. Mayrhofer 1986, 175) > \**krāu-*?

Einklang steht.<sup>24</sup> Dieselbe Erscheinung läßt sich in der Personennamengebung feststellen, wo neben *Bori-slav̄s* auch *\*Bor-slav̄s* (> atsch. *Braslav*, apoln. *Z-brosław*, vgl. auch serb. *\*Braslav* im ON *Brasaljce*), zum athematischen Verbum *\*(jvz-)bor-ti* ‘(er)kämpfen’, vorkommt. Es handelt sich um den Typ, der sich am besten durch die Zusammensetzungen mit *\*e-ti* ‘nehmen’ im Vorderglied illustrieren läßt, wie die PN *\*E-vold̄s* (> aruss. *Javolod̄s*), *\*Ot-e-slav̄s*, das Appellativum *\*ne-(j)e-syt̄s* ‘Pelikan’.<sup>25</sup>

**5.1.** Es ist damit zu rechnen, daß in dieser Rolle auch die auf Okklusiv auslautenden Verbalwurzel auftreten können, obwohl sichere Beispiele dafür fehlen.<sup>26</sup> Ein mögliches erblicke ich im slav. Namen für ‘Schmetterling’ *\*let-pyr̄s* ‘auf Feuer fliegend’ (urspr. vom Nachtfalter) > (skr., bulg.) *lep̄ir/leptir* > *letir*, daneben thematisiert und tabuistisch umgedeutet *\*netopyr̄s* (vgl. *\*medvėdb̄* > *\*nedvėdb̄*), zu *\*letėti* (vgl. lit. athem. *lėkti*).<sup>27</sup>

**5.2.** Diese Beobachtungen stärken den Eindruck, daß es sich auch bei den verbalen Rektionskomposita mit regierendem Vorderglied im Slavischen um einen altererbten Typ handelt, dessen Beurteilung den ganzen indogermanischen Bereich umfassen sollte,<sup>28</sup> und breite typologische Einsichte, sowie syntaktische Untersuchungen einzuschließen bräuchte, besonders was seinen

<sup>24</sup> *\*jvskr-* gewöhnlich als heteroklitische Variante zu *\*ės(k)n̄s* ‘klar’ gestellt, manchmal aber auch zu *\*(a)idh-*, vgl. zuletzt ÈSSJ 4/1994, 247 f. mit Lit.; anders A. F. Žuravlev in *Ètim. 1986–1987*, 79 ff.: *\*Splitter*, zu *\*(s)ker-* ‘schneiden’. Zu *\*k̄vr̄ēs̄s* s. KSK 4/1999, 139, ähnlich zum 1. Glied schon V. Blažek in RS 50/1997, 25 ff. Traditionell als ‘(Sommeronnen)wende’ zu lit. *kreipti, kraipj̄ti* gestellt (ESSJa 12/1985, 140), anders O. N. Trubačev a.a.O. u. Festschrift Bräuer 641 ff. (als ‘Belebung, Wiedererweckung’ zu *\*kresati, \*kresiti, \*krasa*).

<sup>25</sup> Weitere Beispiele in Milevski 1969, 33; Pohl in WSJ 18/1973, 192; Vaillant § 1225, jedoch manches davon gehört nicht hierher, so z.B. *Čáslav/Čěslav* aus *\*Čějěslav̄s* zusammengezogen, zum intr. Stamm *\*čaja-ti* < *\*čějě-ti*, aserb. (um 950) *Tzeésthlavos*, dazu M. Petruševski in OP 1/1979, 120 (vgl. auch ZRVI 38/1999–2000, 120).

<sup>26</sup> Das Musterbeispiel aksl. *(ne)vėglas̄s* ist unsicher (man würde *\*\*vėdglas̄s* erwarten, daher vielleicht späte Nominalisierung der Wendung *īze (ne) vė glas̄s* ‘der die Stimme (nicht) kennt’, mit aksl. *vė* 3.sg. = *vėst̄s*). Im aserb. ON *Nevizraci* m. pl., neuserb. dial. *nevidbog* ‘Einöde’ liegt entweder die reine Wz. *\*vid-* oder der (athem.) Imperativ *\*vid’b̄* vor, vgl. die Nebenform *nevidbog*.

<sup>27</sup> Eben von dieser, wohl spätesten Form geht die herkommliche Etymologie als *\*nektopyr̄s* ‘Nachtflieger’ aus (mit der Dehnstufe des zweiten Gliedes nach Varbot a.a.O. S. 115 f.), vgl. jüngst O. N. Trubačev in ÈSSJa 24/1997, 143 ff.; ÈSJS 9/1999, 540, dort auch zu anderen Deutungsvorschlägen; *\*lepyr̄s* als besondere Rekonstruktion mit Fragezeichen ÈSSJa 14/1987, 134 f.

<sup>28</sup> Darum hat sich H. D. Pohl in seinem Aufsatz über die „Verbale Rektionskomposita mit regierendem Vorderglied im Slavischen und in anderen indogermanischen Sprachen“ (WSJ 18/1973, 190–202) bemüht.

möglichen Zusammenhang mit der Wortfolge betrifft. Möglicherweise spiegelt er das Schwanken zwischen dem OV und dem VO Typ in der Geschichte der idg. Sprachen.

## LITERATUR

- Costa 1999 Gabrielle Costa, *I composti indoeuropei con \*dus- e \*su-*, Pisa.
- ESJS *Etymologický slovník jazyka staroslověnského*, Praha 1989.
- ÉSSJa *Этимологический словарь славянских языков*, Moskau 1974.
- Étim. *Этимология*, Moskau.
- EWAi M. Mayrhofer, *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen I–III*, Heidelberg 1986.
- Festschrift Bräuer *Festschrift für Herbert Bräuer zum 65. Geburtstag am 14. April 1986* (Slavistische Forschungen 53), hgg. von R. Olesch u. H. Rothe, Köln/Wien 1986.
- Festschrift Ivanov *Поэтика. История литературы. Лингвистика. – Сборник к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова*, Moskau 1999.
- Frisk Hj. Frisk, *Griechisches etymologisches Wörterbuch*, Heidelberg 1960–1973.
- Glotta *Glotta. Zeitschrift für griechische und lateinische Sprache*, Göttingen.
- IF *Indogermanische Forschungen*, zuletzt Berlin/New York.
- JF *Јужнословенски филолог*, Belgrad.
- KEWA M. Mayrhofer, *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen I–IV*, Heidelberg 1956–1980.
- Kratylos *Kratylos. Kritisches Berichts- und Rezensionsorgan für indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft*, Wiesbaden.
- KSK *Кодови словенских култура*, Belgrad.
- Kuryłowicz 1956 J. Kuryłowicz, *L'apophonie en indo-européen*, Breslau.
- KZ *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*, seit 1988: *Historische Sprachforschung*, zuletzt Göttingen.
- Mathiassen 1974 T. Mathiassen, *Studien zum slavischen und indoeuropäischen Langvokalismus*, Oslo usw.
- Mayrhofer 1986 M. Mayrhofer, *Segmentale Phonologie des Indogermanischen (Indogermanische Grammatik Bd. I, 2, Halbband: Lautlehre)*, Heidelberg.
- Miłewski 1969 T. Miłewski, *Indoeuropejskie imiona osobowe*, Wrocław usw.

- Pohl 1977 H. D. Pohl, *Die Nominalkomposition im Alt- und Gemeinlavischen*, Klagenfurt.
- OP *Ономатолошки прилози*, Belgrad.
- OS *Етимолошки одсек Института за српски језик САНУ: Огледна свеска*, Belgrad 1998.
- Schrader/Nehring *Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde* von O. Schrader, hrsg. von A. Nehring I–II, Berlin/Leipzig 1917–1929.
- Schuster-Šewc H. Schuster-Šewc, *Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache*, Bautzen 1978–1989.
- Shevelov 1979 Y. Shevelov, *A Historical Phonology of the Ukrainian Language*, Heidelberg.
- SP *Słownik prasłowiański*, Krakau 1974.
- Sprache *Die Sprache*, Wien.
- Šlosar 1999 D. Šlosar, *Česká kompozita diachronně*, Brünn.
- Trubačev 1966 O. H. Трубачев, *Ремесленая терминология в славянских языках*, Moskau.
- Vaillant A. Vaillant, *Grammaire comparée des langues slaves I–IV*, Lyon/Paris 1950–1974.
- Varbot 1978 Ж. Ж. Варбот, К соотношению славянской этимологии и праславянской морфонологии (в истолковании сложных имен). *Славянское языкознание. VII международный съезд славистов*, Загреб/Любляна, сентябрь 1978 г. Доклады советской делегации, Moskau, 105 ff.
- WSJ *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, Wien.
- ZMSFL *Зборник Матице српске за филологију и лингвистику*, Novi Sad (Neusatz).
- ZMSS *Зборник Матице српске за славистику*, Novi Sad.
- ZPE *Zeitschrift für Papirologie und Epigraphik*, Bonn.
- ZRVI *Зборник радова Византолошког института*, Belgrad.
- ZS *Zeitschrift für Slawistik*, Berlin.

*Етимолошки одсек Института за српски језик САНУ*  
*Кнез-Михаилова 35/1, 11001 Београд, Југославија*  
 etym@bib.sanu.ac.yu



Badania nad czasownikiem indoeuropejskim zajmują miejsce centralne w dzisiejszym językoznawstwie historycznym, zarówno w odniesieniu do poszczególnych języków, jak i do etapu wspólnoty. Świadczą o tym licznie ukazujące się w ostatnich latach monografie poświęcone zarówno poszczególnym kategoriom czasownikowym, jak i całym systemom większości języków indoeuropejskich.<sup>2</sup> Wydaje się jednak uprawomocnione twierdzenie, że opracowanie słownika czasowników indoeuropejskich pod redakcją Helmuta Rixa, tzw. LIV (Lexikon der Indogermanischen Verben, Wiesbaden 1998; drugie wydanie Wiesbaden 2001) na trwałe zmieniło pogląd na rekonstrukcję *verbum* indoeuropejskiego, stając się od momentu publikacji punktem odniesienia dla każdego, kto zajmuje się podobną problematyką.

Podczas rekonstrukcji autorzy Leksykonu odwołują się głównie do najstarszych poświadczonych języków, takich, jak wedycki, hetycki, czy greka, przykłady słowiańskie i bałtyckie wykorzystując w zależności od potrzeb – nie zawsze jednak zwracając uwagę na specyfikę przytaczanego materiału.

Jest sprawą oczywistą, że system czasownika słowiańskiego, jak można wnioskować z danych staro-cerkiewno-słowiańskich uległ silnym przekształceniom w stosunku do innych archaicznych języków indoeuropejskich, ograniczając występowanie czasowników atematycznych (*damь, jamь, jesmь, věmь*), pozbywając się praktycznie reduplikacji (por. *damь, deždq* ~ δίδωμι,

---

<sup>1</sup> Poniższy referat powstał dzięki finansowemu wsparciu Fundacji na Rzecz Nauki Polskiej, w ramach programu „Stypendia dla młodych naukowców“ na rok 2002.

<sup>2</sup> Por. np. prace z ostatnich dwudziestu lat: Bendahman, J. 1993. Der reduplizierte Aorist in den indogermanischen Sprachen; Di Giovine, P. 1990-96. Studio sul perfetto indoeuropeo; Harðarson, J.A. 1993. Studien zum indogermanischen Wurzelaoorist und dessen Vertretung im Indoiranischen und Griechischen; Jasanoff, J. 1978. Stative and Middle in Indo-European; czy też w odniesieniu do poszczególnych języków: Goto, T. 1987. Die „I. Präsensklasse“ im Vedischen; Hackstein, O. 1995. Untersuchungen zu den sigmatischen Präsensstammbildungen des Tocharischen; Kellens, J. 1984. Le verbe avestique; Klingenschmitt, G. 1982. Das altarmenische Verbum; Koch, Ch. 1990. Das morphologische System des altkirchenslavischen Verbums; Krisch, Th. 1996. Zur Genese und Funktion der altindischen Perfekta mit langem Reduplikationsvokal; Kümmel, M.J. 1996. Stativ und Passivaorist im Indoarischen; Kümmel 2000. Das Perfekt im Indoiranischen; McCone, K. 1991. The Indo-European Origins of the Old Irish Nasal Presents, Subjunctives and Futures; Oettinger, N. 1979. Die Stammbildung des hethitischen Verbums; Schaeffer, Ch. 1994. Das Intensivum im Veda; Tichy, E. 1983. Onomatopoetische Verbalbildungen des Griechischen; Tucker, E.F. 1990. The Creation of Morphological Regularity: Early Greek Verbs in -έō, -άō, -όō, -ύō and -ίō, oraz wiele innych.

τιθημι < \*di-deh<sub>3</sub>-mi, \*d<sup>h</sup>i-d<sup>h</sup>eh<sub>1</sub>-mi), usuwając sufiks \*-sk'e/o-, czy ograniczając liczbę formacji infigowanych, typ łac. *linquō*, czy wed. *riṇákti* < \*li-né/n-k<sup>w</sup>-, do \*leyk<sup>w</sup>-, etc. (Aitzetmüller 1978, 180s.). Z drugiej strony system werbalny greki starożytnej uważa się za bardzo archaiczny, nie odbiegający znacznie od materiału wedyckiego. Jednak już w najstarszych zabytkach z epoki mykeńskiej (15-12 w. p. Chr.) możemy obserwować pewne wewnątrzgreckie przeobrażenia w zakresie paradygmatu czasownikowego, np. zatrąę injunktivu, causativum, iterativum, zmiany w obrębie kategorii perfectum, desiderativum, czy też pojawienie się formacji nowych, jak passivum, czy infinitivus (Rix 1992<sup>2</sup>, 194s.).<sup>3</sup>

Poniższy referat dotyka złożonej problematyki słowiańskiego prezens primarnego, szczególnie zaś jego nawiązań zewnętrznych. Interesują mnie przede wszystkim przytaczane w gramatykach, czy słownikach etymologicznych zestawienia pomiędzy słowiańskim a greckimi formacjami czasownikowymi, które jednak nie zawsze opatrzone są należywym komentarzem.

### Zestawienie słow.-grec. prezens ze względu na podobieństwo formalne

W zestawieniach grecko-słowiańskich rozróżnić należy kilka sytuacji, obserwując przede wszystkim na pierwszym miejscu wokalizm pierwiastka, w drugiej kolejności zaś sufiks. W wyniku zastosowania takiego kryterium otrzymujemy następujące możliwości, np:

#### *identyczny wokalizm pierwiastka*

słow. *pekŕ*, *pešti* ~ gr. πέσσω, att. πέττω; formy słowiańska i grecka kontynuują jeden pierwiastek \*pek<sup>w</sup>- „reif machen, gar machen“ (LIV<sup>2</sup>, 468), słow. *pekŕ* to prezens tematyczne na stopniu pełnym \*pék<sup>w</sup>-e-, mająca bezpośredni odpowiednik np. w wed. *pácanti* „sie braten“ (lit. *kepù* w wyniku metatezy; por. Smoczyński 2001, 154); grecka forma to prezens z sufiksem \*-yé/o- \*pek<sup>w</sup>-ye/o-.

słow. *pletŕ*, *plesti* ~ gr. πλέκω; obie formy kontynuują jeden pierwiastek \*plek' „flechten“ (LIV<sup>2</sup>, 486), przy czym forma grecka kontynuuje typ tematycznego prezens na stopniu pełnym \*plék'-e-, słowiańska zaś tematyczne prezens z elementem \*-te/o- < \*plék'-te-, por. łac. *plectō*, -ere, swn. *flehtan*;

<sup>3</sup> Należy podkreślić, że system czasownika poświadczony w materiale mykeńskim praktycznie nie odbiega od późniejszego stanu dostępnego np. u Homera. W zakresie form osobowych możemy stwierdzić, że reprezentowane są w zasadzie wszystkie znane z epoki alfabetycznej typy budowy (poza sufigowanymi formacjami atematycznymi typu δάμνημι, δείχνουμι, czy reduplikowanymi tematycznymi prezentiami typu γίγνομαι, τίτω); w obrębie verbum infinitum ciekawy jest infinitivus na \*-sen i zachowane participium perfecti z sufiksem \*-wos- (co do przeglądu form osobowych por. Sowa 1998, 271- 297). Co do postawionej przez Rixa hipotezy o injunktivie, jako kategorii w mykeńskim por. Hajnal 1990, 21-75.



pozostaje otwartym pytanie czy \*-te/o- należy uznać za prymarny sufiks, jak czynią to autorzy LIV we wstępie rekonstruujący osobny typ R(é)-te/o- (por. także Vaillant III, 150), czy też uważać je za „Wurzelerweiterung“ (np. Meissner 2001, 33).<sup>4</sup>

słow. *vezq*, *vesti* ~ gr. \**Féχω*; obie formy wywodzą się z tematycznego prezens na stopniu pełnym \*wég<sup>h</sup>-e- (LIV<sup>2</sup>, 661); po grecku śladem tego prezens jest forma z dialektu pamfilijskiego *Feχετω* (Brixhe 1976, 141), oraz myk. 3sg. ind. aor. **we-ke-se** KN Xe 5540.B /wekse/;<sup>5</sup> por. także wed. *váhati*, łac. *vehō*, *ere*.

*identyczny sufiks:*

a) przy identycznym wokalizmie pierwiastka

słow. *lajq*, (*lajati*) ~ gr. Hsch. Λ 118 λαίειν· φθέγγεσθαι „tönen“; jeśli przyjmiemy takie zestawienie, jak np. znajdujemy w LIV<sup>2</sup>, 400 to musimy stwierdzić, że obie formy wykazują daleko idącą zgodność i mogą być interpretowane jako presentia na \*-ye/o- ze stopniem pełnym pierwiastka \*léh<sub>2</sub>-ye/o- < \*leh<sub>2</sub>- „bellen“. Forma słowiańska (poświadczona we wszystkich grupach) bywa łączona z litewskim czasownikiem *lójū*, *lóti* „szczekać“ (Machek 1957, 259; Fraenkel 387), jednak wg. ESJSS I VII, 399 forma ma charakter raczej onomatopei i winna być interpretowana, jako fakt pojedynczy (aczkolwiek autorzy wskazują na paralele zewnętrzne, jak np. łac. *lātrare* „szczekać“, *lāmentum* „płacz“, czy gockie perf. *laīlōun*). Forma grecka poświadczona w leksykonie Hezychiusza Λ 118 λαίειν·φθέγγεσθαι wygląda na regularny jońsko-attycki infinitivus. Obok niej odnaleźć jednak można i inne, por. infinitivus Λ 89: λαήμενα· φθέγγεσθαι S, która wygląda na formę eolską, chociaż z jońską metatezą długości \*/a:e/ > /ae:/(być może forma została przejęta z Eposu), czy formę aorystu w Λ 78 λάε· ἐφώφησεν. οἱ δὲ ἐφθέγγετο S z wyraźnym odsyłaczem do Homera ‘ὁ μὲν λάε νεβρόν ἀπάγχων’ (τ 230), czy Λ 80 λάετε· σκοπεῖτε, βλέπετε w zupełnie innym znaczeniu „patrzcie“. Poza tym materiałem brak nawiązań wewnątrzgreckich, trudno więc o jednoznaczną ocenę zrównania pomiędzy słow. *lajq* (*lajati*) „ὄλακτεῖν, ἐνεδρεύειν“ (por. Ivanov 1981, 206) a gr.

<sup>4</sup> Por. \*pék'-te- do \*pek'- „(Wolle oder Haare“) rufen, zausen“, gr. πεκτέω „schere“, łac. *pectō*, -ere, czy swń. *fehtan* „kämpfen, fechten“; ewidencja grecka jest niepewna – πεκτέω poswiadczone jest tylko raz u Arystofanesa *Av.* 713 ἦνίκα πεκτεῖν ὄρα προβάτων πόκον ἤρινόν, poza tym u leksykografów, por. Hsch. Π 1272 πεκτεῖ· κτενίξει· τίλλει· κείρει· ζάινει; być może wysunięta przez autorów LIV propozycja interpretacji πεκτέω jako denominativum na \*-ye/o- do \*pek'-to- jest właściwa, por. *nom. agentis* w Księdze Suda Π 921: Πεκτῆρες· οἱ τὸ δέρμα τίλλοντες.

<sup>5</sup> Por. dokładny odpowiednik w pamf. *ισφεζε* (konj. lub inf. aor. < \*ισφεχω); temat \**Feχ*- rozpowszechniony w pamf. onomastyce, por. *Feζε*ς, *Feχ*ειτους, *Feχ*ιτους; por. także cypr. *εφεζε* „κατέθηχε“ (Brixhe 1976, 141<sup>3</sup>).

prezens λαίειν· φθέγγεσθαι, tzn. o odpowiedź na pytanie czy są to kontynuacje jednego, wspólnego pierwiastka „tönen“, („lautmalendes Verb“ Ritter 1993, 185), czy też niezależne od siebie formacje dźwiękonaśladowcze.<sup>6</sup> Wydaje się jednak bardziej prawdopodobne, że forma przekazana u Hezycha winna być powiązana z zaświadczonego czasownikiem ὑλάω, ὑλακτέω „szczekać“ (Hom.+), w przenośnym sensie również „mówić, zawodzić“, Hsch. Y 140: ὑλάει· θρυλλεῖ. ὑλακτεῖ. λέγει. θρηγεῖ (por. łac. *ululare*, lit. *ulóti*; Ernoult-Meillet 745), oraz „sposzrzec“. Być może dałoby się również powiązać gr. λαίειν· φθέγγεσθαι z odpowiadającym mu infinitiwem ὑλάειν.<sup>7</sup> Wg. starożytnych filologów istniały rozbieżności, co do lekcji i interpretacji wierszy w ks. 19 Odysei, por. τ 228-230:

ἐν προτέροισι πόδεσσι κύων ἔχε ποικίλον ἔλλον,  
 ἄσπαίροντα λάων· τὸ δὲ θαυμάζεσκον ἅπαντες,  
 ὡς οἱ χρῦσειοι ἐόντες ὁ μὲν λάε νεβρὸν ἀπάγχων,

Eustathius przypisuje taką lekcję Arystarchowi (< ἀπελαύνω „wyganiać“), zaznacza jednak, że inni, np. Krates widzą tu odpowiednik prtc. βλέπων „widzący“ od ὑλάω – ὑλάων, z hyferezą (czyżby ze względów metrycznych?).<sup>8</sup> Jeśli taka hipoteza byłaby prawdopodobna (tzn. <λαίειν> stałoby u Hsch. błędnie za \*(ὕ)λαίειν) dla objaśnienia cytowanej glosy, byłby to jeszcze jeden przykład czasownika, którego budowa opiera się fałszywej interpretacji przekazu tekstu starożytnego. W takiej sytuacji oczywiście postulowane przez LIV<sup>2</sup> zrównanie (grecka forma opatrzona jednak znakiem zapytania) nie ma racji bytu.<sup>9</sup>

słow. *isšŕ* ~ gr. Hdn. αῦω; wg. LIV<sup>2</sup>, 285 poświadczony w pismach grammatycznych Herodiana prezens αῦω „suszyć“ (por. αῦω τὸ ξηραίνω *Pros. cath.*

<sup>6</sup> Ritter cytuje tu również germańską nazwę skowronka \*laiw(a)rikōn- „Lerche“, por. swn. *lērīh(ha)*, as. *lēwerka*, jako podstawę w fińskim *leivo*, est. *lōo(kene)* (Ritter 1993, 185); wg. Klugego „Vielleicht ein Wort für Jubel“ i być może łac. *alauda* (por. Kluge<sup>23</sup>, 515), którą uznaje się za pożyczkę celtycką.

<sup>7</sup> Por. np. Eustathius *Comm. ad Hom. Od.* 2, 111, 39 Δῆλον δὲ ὅτι διὰ τὸ, ὡς ἐρρέθη, καίριον ἐπέμεινε καὶ τῆ τοῦ σαίνειν λέξει καὶ τῆ τοῦ ὑλάειν.

<sup>8</sup> Por. Eustathius *Comm. ad Hom. Od.* 2, 201, (Vers. 229.) Τὸ δὲ λάων Ἀρίσταρχος μὲν ἀντι τοῦ ἀπολαύων, ἀφ’ οὗ καὶ λαυμὸς καὶ λαυκανία καὶ αὐτὸ τὸ ἀπολαύειν πλεονασμὸς τοῦ ὄθεν καὶ τὸ, λάε νεβρὸν ἄγχων, ἤγουν ἀπέλαυεν, ἐτρύφαρ. ἕτεροι δὲ, ὦν καὶ Κράτης, ἀντι τοῦ βλέπων, οὐ κατὰ στέρησιν ὁ ἀλαός β. ἄλλοι δὲ ὑλάων ἤγουν ὑλακτῶν ὡς ἐν σχήματι χάσκοντος, ἀφαιρεθέντος τοῦ υ. ἀλλ’ εἰ τοῦτο, πῶς ὁ χάσκων κύων εἶχε τὸν ἔλλον; Τὸ δὲ θαυμάζεσκον παρασημείωσις ἐστὶ τοῦ θαυμαστὸν ἀληθῶς εἶναι, διαφορὰς ζῶων ἐν μονοειδέϊ χρώματι.

<sup>9</sup> Por. także homofoniczną formację scs. *lajŕ* (*lajati*) „czyhać w ukryciu, w zasadzce“ < *la-* < \**leh*<sub>2</sub>- „chować się“, por. gr. dor. λάθω < \**leh*<sub>2</sub>-d<sup>h</sup>e- (wg. LIV<sup>2</sup>, 401 formacje słowiańska i grecka są rozłączne; forma grecka wywodzi się z prezens \**leh*<sub>2</sub>d<sup>h</sup>-e- < ?\**leh*<sub>2</sub>d<sup>h</sup>- „verborgen bleiben“; por. także ESJSSI VII, 398s.; Eichner-Reinhart 1997, 297; Smoczyński 2002, 193s.).

3, 1, 453, 15)<sup>10</sup> może zostać zestawione ze słowiańskim kompozitum *i-sašq* (intr.). Obie formy kontynuowałyby więc prymarne prezens na \*-ye/o- przy stopniu zero pierwiastka \*h<sub>2</sub>us-yé- do \*h<sub>2</sub>sews- „trocken werden“. Powyższe zrównanie nasuwa jednak pewne wątpliwości, po pierwsze forma słowiańska jest słabo poświadczona wobec causativum ze stopniem o *sušq*, *sušiti* < \*h<sub>2</sub>sows-éye- i denominativum z sufiksem nosowym *sačnqti* (<\*sus-ne-, por. także lit. *sunsù*, *sùsti*) opartym na adj. *suchs*, lit. *saũsas* (pbsł. \*sawsa-; Smoczyński 2001, 161). Jeśli chodzi o interpretację formy greckiej, to sugerowany przez LIV<sup>2</sup> nagłos laryngalny \*h<sub>2</sub>sus-ye- budzi zastrzeżenia (oczekiwane pragr. \*/ahuhyo:/), aspiracja poświadczona jest w kompozycji, por. Ar. Eq. 394 ἐν ζύλω δήσας ἀφαύει κάποδόσθαι βούλεται i wskazuje raczej na pragreckie \*saws-ye- < \*seh<sub>2</sub>us-ye (por. adj. αὔος/αῦος; Peters 1980, 11).

b) przy odmiennym wokalizmie pierwiastka

słow. *u-v-ezq* (*-v-esti*) „begränzen, spät. binden“ ~ gr. ἄγχω „erdrossele“; obie formy kontynuować mogą postać prezens \*h<sub>2</sub>émg<sup>h</sup>-e- do pwka. \*h<sub>2</sub>émg<sup>h</sup>- „beengen“ (z /m/ na podstawie het. inf. praes. *hamanki*; LIV<sup>2</sup>, 264s.). Forma grecka na jest na stopniu pełnym, forma słowiańska na stopniu zero \*h<sub>2</sub>mg<sup>h</sup>-e-; po słowiańsku poświadczony jest również stopień o w *qžq*, *qžiti* < \*h<sub>2</sub>omg<sup>h</sup>-éye- (Vaillant III, 147); /v/ w formie – *vexe* (za oczekiwane być może \*(j)ez-e) może pozostawać pod wpływem stopnia o.

słow. *trjg* (*trati*) „reiben“ ~ gr. τρίρω; LIV<sup>2</sup>, 632f. zestawia grecki czasownik τρίρω „reibe auf“ ze słowiańskim *trjg* jako przykłady prezens z sufiksem \*-ye/o- od pwka. \*terh<sub>1</sub>- „bohren, reiben“ (odpowiednio grecki na stopniu pełnym, słowiański na stopniu zero pwk.) zaznaczając jednak, iż po słowiańsku formy z sufiksem \*-ye- mają charakter szczątkowy (por. np. 1pl. imperat. *sa-trimš* w Euch., schr. *trēm*, *tr̥ti* Vaillant III, 299; Koch 1990, 435ss.). W praktyce formy te zostały wyparte przez inne należące do tematycznego prezens na stopniu pełnym *trēti*, *trq*, ros. –*teréto* (por. lit. *tiriù*, *tirti* „forschen, doznać, poznać (scil. przez pocieranie)“ na SZ < \*trh<sub>1</sub>-; Smoczyński 2001, 148). Forma grecka winna brzmieć \*τερέω < \*terh<sub>1</sub>-ye-, wg. LIV jest to „sekundäre Weiterbildung zum Stamm \*ter-“, pod wpływem niezachowanego futurum \*τερέω (τερέσσω);<sup>11</sup> może w grę wchodziłby zanik laryngalnej przed sufiksem \*-ye- (por. niejasne Hsch. T 483 τέινει· στένει· βρύχεται 3sg. „grzmi“ < \*(s)ténh<sub>2</sub>-ye-; wed. *tanyati* „donnert“ Narten 1993, 321; LIV<sup>2</sup>, 596f.; co do paralelnej sytuacji w bałtyckim zob. Smoczyński 2001, 248).

<sup>10</sup> Por. także *Schol. in Od. a 272*, 2 αὖ δὲ, τὸ ξηραίνω, δασύνεται. E.

<sup>11</sup> Por. sporadyczne fut. κτενέω do κτείνω, np. π 404: αὐτός τε κτενέω τοὺς τ' ἄλλους πάντας ἀνώζω.

Bardzo często odnajdujemy sytuacje, kiedy jeden pierwiastek kontynuowany jest odmiennie po grecku i słowiańsku, por. np. prezens greckie γῦνωσχω „poznać“ wobec słowiańskiego *znajō, znati* od pwka. \*g'neh<sub>3</sub>- „erkennen“: forma grecka posiada sekundarną reduplikację wobec starszego prs. γνώσχω (\*g'n<sub>o</sub>h<sub>3</sub>-sk'e-),<sup>12</sup> jak po łac. (*g*)*nōscō* i sufiks \*-sk'e/o- (po grecku nadaje znaczenie iteratywne przy tematach aorystu i duratywne przy prezens, por. Duhoux 1992, 335ss.). Cytowane przez LIV<sup>2</sup>, 169 kontynuanty \*g'n<sub>o</sub>h<sub>3</sub>-sk'e- wg. Rixa miały początkowo znaczenie iteratywne (gr., łac., arm *čanač'em* „ich erkenne“) i przeciwstawiały się pierwotnym infigowanym faktitiwom typu wed. *jānāti*, goc. *kunnan*, czy lit. (*pa*)*žinóti* < \*g'n<sub>o</sub>-n-eh<sub>3</sub>-ti (Rix 1995, 400). Z drugiej strony forma słowiańska pokazuje sufiks \*-ye- przy stopniu pełnym i objaśniana jest jako innowacja oparta na temacie aorystu \*g'neh<sub>3</sub>-, por. *znachō*, gr. ἔγνων (Vaillant III, 264).

Oczywiście można zadać pytanie, czy materiał grecki może być uprawnionym kryterium do interpretacji słowiańskiego w zakresie czasownika? Odpowiedź na to pytanie nie jest jednoznaczna, formy greckie czasem mają głos decydujący w ustalaniu postaci rekonstruktów, niejednokrotnie też wymagają szczegółowego opisu, czy nawet filologicznego komentarza, zwłaszcza, gdy cytowane są jako dane dialektalne; także wiele greckich czasowników budowanych jest w oparciu o temat starszego, odziedziczonego aorystu. Wydaje się więc, iż niezbędne w takich sytuacjach staje się odwoływanie do faktów zewnętrznych (przede wszystkim wedyckich, bałtyckich). Oto przegląd słowiańskich formacji prezens, obejmujący klasę I czasownika, bez formacji infigowanych i praktycznie bez sufigowanych (por. Vaillant III, 144-216), z komentarzem ciekawszych zestawień grecko-słowiańskich:

pierwiastek na stopniu pełnym

jako przykłady formacji prezens ze stopniem pełnym pierwiastka mogą służyć następujące przykłady (formy rekonstruowane wg. LIV<sup>2</sup>):

*blēdō, blēsti* < \*b<sup>h</sup>lend<sup>h</sup>-e-, por. lit. *blendžiù* (*blēšti*); *ne-brēgō, -brēšti* < \*b<sup>h</sup>érgh-e-, por. goc. *baigan*; *brēdō, brēsti* < \*b<sup>h</sup>red<sup>h</sup>/b<sup>h</sup>rd<sup>h</sup>-e-, por. lit. *brėdù, brėsti*; *gnetō, gnesti* < \*gnet/gnt-e-, por. sang. *cnedan*, sszw. *knodha*; *grebō, greti* < \*g<sup>h</sup>rėb<sup>h</sup>-e-, por. lot. *grebju, (grebt)*; *-lėkōkō G ti* < \*lėnk-e-; *mētō, mēsti* < \*mėnth<sub>2</sub>/m<sub>o</sub>nth<sub>2</sub>-e-, por. wed. *mān-thati* „quirlen, umrühren“; *perō, (p<sub>o</sub>rati)* < 3.\*pér-e-, por. lit. *periù, peřti*; 3pl. *perōtō* < \*(s)pér-e-; *prēdō, prēsti* < \*(s)prėnd-e-, por. lit. *sprėndžiù, sprėsti*; *-prėgō, prėsti*

<sup>12</sup> Por. Hdn. Παρέχβ. τοῦ μεγάλ. ῥηματ. 27, 23: Πόθεν τὸ γινώσχω; ἐκ τοῦ νοῶ καὶ πλεονασμῶ τοῦ γ Αἰολικῶς γινῶ, ἐξ οὗ τὸ κατὰ στέρησιν ἀγνοῶ, καὶ κατὰ συγχοπὴν γινῶ, ὁ μέλλων γινῶσω καὶ ἐπενθέσει τοῦ κ πρὸ τοῦ δευτέρου ὦ γινώσχω, καὶ κατὰ ἀναδιπλασιασμὸν Ἰωνικῶς γινώσχω.

< \*(s)préng<sup>h</sup>-e-, por. lit. *sprengù*, sang. *springan*; *rekq*, *rešti* < \*rék-e-; *snovq*, (*sno-vati*) < \*snéwH-/snuH-e-, por. goc. *sniwan*; *strigq*, *strišti* < \*streyg-e-; *tekq*, *tešti* < \*tek<sup>v</sup>-/t<sub>e</sub>k<sup>v</sup>-e-, por. lit. *tekù*, *tekėti*; *tepq*, *teti* < \*tép-e-, por. lit. *tepù*, *tèpti*; *vedq*, *vesti* < \*wéd<sup>h</sup>-e-, por. lit. *vedù*, *vèsti*; *vlékq* (*vlěšti*) < \*h<sub>2</sub>wélk/h<sub>2</sub>wl<sub>k</sub>-e-, por. lit. *velkù*, (*vilkti*); *zēbq*, *zēti* < \*g<sup>l</sup>émb<sup>h</sup>-e-, por. wed. konj. aor. *jambhi śat*; *žegq*, *žēsti* < \*d<sup>h</sup>ég<sup>w</sup><sup>h</sup>-e-, por. lit. *dēgu*, *dēgti*; *zovq*, (*zovati*) < \*g<sup>l</sup>éwH-e-, por. wed. *hávate*

W obrębie tej grupy, w przypadku przykładów, które można zestawiać z greckimi formacjami prezens, *berq* (*bvati*) < \*b<sup>h</sup>ér-e-, ma dokładny odpowiednik w greckim φέρω – zestawienie mieści się w obrębie grupy 1.1., podobnie jak *derq*, (*dbrati*) wobec greckiego δέρω „obdzierać ze skóry“ < \*dér-e- (obok δείρω < \*der-ye-), czy *stréq*, *strěšti* wobec gr. στέργω < \*stérg-e-; w przypadku pozostałych, wymagają one paru słów komentarza.

Przy objaśnianiu słowiańskiego czasownika *kovq*, (*kovati*) przytacza się grecki aoryst κείσσαι,<sup>13</sup> zwracając jednocześnie uwagę na fakt, iż brak poświadczonej formy prezens, poza part. praes. act. u Homera κείων (Od. ξ 425 χόψε δ' ἀνασχόμενος σχίζῃ δρυός, ἦν λίπε κείων.), które być może pochodzi z wcześniejszego \*κεάων do formacji prezens na \*-ye/o- \*κείω (zastąpione przez sekundarne κεάζω, por. Frisk GEW).<sup>14</sup> Zarówno forma słowiańska, jak i grecka kontynuowałyby jeden pierwiastek \*keh<sub>2</sub>u- „schlagen“ (por. także łac. *cūdō*; LIV<sup>2</sup>, 345s.; ESJSSl VI, 349). Wg. LIV słow. *kovq*, jak również pokrewne mu litewskie *káuju* (*káuti*) „schlagen“ należy objaśniać jako dawne atematyczne, reduplikowane prezens na stopniu o pierwiastka \*ké-koh<sub>2</sub>u/kuh<sub>2</sub>-. Formę bałtycką objaśnia Smoczyński, jako wynik metatezy laryngalnej przed pólсамogłoską: pbałt. kaw-C < \*kawh<sub>2</sub>-C < kah<sub>2</sub>u-C < \*keh<sub>2</sub>u-C, podobnie jak ma to miejsce w przypadku łaciny (*cūdō* < \*kowađe < \*kewh<sub>2</sub>-d<sup>h</sup>e- < \*keh<sub>2</sub>u-d<sup>h</sup>e-); forma słowiańska natomiast jest prezens prymarnym na stopniu pełnym < \*kah<sub>2</sub>w-e- < \*keh<sub>2</sub>w-e- (Smoczyński 2002, 192).

#### pierwiastek na stopniu apofonicznym zero

*po-črvpq*, -črėti < \*(s)krp-e-, por. łac. *carpō*, *carpere*; *črstq*, *črěsti*; *cvstq*, *cvisti* < \*k<sup>w</sup>it-e-; -čvntq, (-čēti) < \*ken-e-; *čvtq*, *čisti* < \*k<sup>w</sup>it-é-, por. lit. *skaitaũ*, *skaityti*; -dləbq, *dəmq*, \*dqtī (*duti*) < \*d<sup>h</sup>mH-e-, por. wed. *dhámati*, lit. *dumiù*, *dūmti*; *imq*, (*jēti*) < \*h<sub>1</sub>m-e-; *klvntq*, *klēti*; *mvntq*, *mēti* < \*m<sub>ṅ</sub>H-e-, por. lit. *minù*, *minti*; *pvnq*, *pēti* < \*(s)pn<sub>ṅ</sub>h<sub>1</sub>-é-, por. lit. *pinù*, *pinti*; rcs. *vrchu* < \*wr<sub>ṅ</sub>s-é-; *rsvq*, (*rsvati*) < \*ruH-, por. wed. konj. *rávat*, łac. *ruō*, -ere; -šibq, -šibati < ?\*k<sup>(w)</sup>swib<sup>h</sup>-é-, por. wed. *kšipati*; *skubq*; *svsq*, (*svsati*) < \*suk'-e-, por. łac. *sūgō*, -ere; *tləkq* (*tlěšti*) < \*t<sub>l</sub>k-e-; *tkq*, (*tkati*) < \*tuk-e-, por. gr. aor. τέτυκον; *vrəq*, *vrěšti* < \*wr<sub>ṅ</sub><sup>w</sup>-e-, por. goc. *wairpan*; *vσ-nvze* < \*h<sub>1</sub>ng<sup>h</sup>-e-; *vsrq*, *vsrēti* < \*Hur-e-, por. lit. *veriù* (*vėrti*); *židq*, (*židati*) < \*g<sup>h</sup>id<sup>h</sup>-e-

<sup>13</sup> Por. Hsch. K 1957 \*κεάσσαι. διελεῖν Α. συγγέαι.

<sup>14</sup> Hsch. K 1950: κεάζω. διασχίζω r. ἦ κλώ.

W tej grupie czasowników np. *bljudo*, *bljusti* kontynuuje prymarne prezens do pwka. \*b<sup>h</sup>éwd<sup>h</sup>-e- i stoi obok greckiego πέυθoμαι „wach werden“, z kolei słow. *mbre-*, *mrěti* (*iz-*, *u-*) interpretuje się jako \*-ye/o- prezens do pierwiastka \*mer- „verschwinden, sterben“ \*mr<sub>o</sub>-ye- (LIV<sup>2</sup>, 439; por. ESJSSI VIII, 501), wskazując na zachowaną formę aorystu w języku greckim έμορτεν· άπέθoαεν Hsch. E 2399 (za \*emorto < \*emrto, por. Klingenschmitt 1982, 220). Forma ma typowo eolski wokalizm /o/, co wskazuje prawdopodobnie na źródło glosy w epice greckiej; prezens jest niepoświadczony zarówno w źródłach, jak i glosach. Gdyby założyć, że po grecku również istniało \*-ye/o- prezens, podobnie jak po słowiańsku, łacinie (*morior*), czy wedycku (*mriyáte*), musiało by ono brzmieć \*μαίρω, μαίρομαι (eol. \*μοίρω, μοίρομαι), powstaje więc pytanie czy można by dopatrywać się jego śladów w czasowniku μαιριήν „mieć się źle“ (?), wg. Hezychiusza używanym przez mieszkańców Tarentu w Italii Ταραντίνοι δέ μαιριήν· τó κακώς έχειν (jesli nie denominativum do Μαίρα *gwiazda* „Pies“, por. Hsch. M 94: Μαίρα· κύων τó άστρον, ή άκμαιότατον καύμα r. οί δέ τήν σελήνην (Callim. fr. 75,35 Pf.). οί δέ Προίτου θυγατέρα, Αίθρας άδελφού είναι. Ταραντίνοι δέ μαιριήν· τó κακώς έχειν).

#### wzdłużony wokalizm pierwiastka

-*lězq*, *lěsti* < \*léh<sub>1</sub>g<sup>h</sup>-e- „kriechen“, por. pr. *līse*, sn. *lāgr*; *sěkq*, *sěšti* < \*sēkH/sékH por. lac. *secō*, *are* (< \*skH-ye- „abschneiden“)

Wśród form praesentis ze wzdłużonym wokalizmem pierwiastka interesująca wydaje się być *čajō*, *čajati* „erwarten, hoffen“, wbrew starszym przypuszczeniom (\*-ye/yo- praes. < ie. \*k<sup>w</sup>ē- por. Vaillant III, 266) dziś uważana jest za przykład akrodynamicznego prezens pierwiastkowego ze stopniem wzdłużonym < \*k<sup>w</sup>ēy-/k<sup>w</sup>ey- (ESJSSI II, 98; LIV<sup>2</sup>, 377).<sup>15</sup> Forma słowiańska odpowiada tu dokładnie wed. *cāyati* jednak cytowane nawiązanie greckie jest problematyczne. Wg. LIV porównywać tu można temat \*τη-ε- „hüten“ powstały z interpretacji poświadczonego nomen τηρός „Hüter“<sup>16</sup> i oparte go na nim częstego denom. τηρέω „hüten“.<sup>17</sup> Jednak ignorowana przez autorów leksykonu forma arkadyjskiego nomen θεσμοτοαρος „guardian of the law“, wskazywałaby raczej na pragreckie \*<sup>o</sup>tearos < \*k<sup>w</sup>eyh<sub>2</sub>-ro- i czasownik \*teareō < \*k<sup>w</sup>eyh<sub>2</sub>-re-ye-, od pwka. *ultimae laryngalis* \*k<sup>w</sup>eyh<sub>2</sub>-a nie \*k<sup>w</sup>ey-, jako podstawy dla τηρέω. Proponowany rozwój \*<sup>o</sup>tea-ros (< \*k<sup>w</sup>eyh<sub>2</sub>-ro-), > tē ma paralełę w ark. δεατοι (< \*deyh<sub>2</sub>- „aufleuchten“,

<sup>15</sup> Typ ten obejmuje formy w których pierwiastek jest na stopniu wzdłużenia i akcentowany w sing. indicativi/inunctivi act.; poza tymi kategoriami występuje na stopniu pełnym i jest akcentowany, także w konjunktiwie (LIV<sup>2</sup>, 14).

<sup>16</sup> Tylko raz, por. Aesch. *Suppl.* 248: ή τηρόν ιεροο ράβδον, ή πόλεως άγόν.

<sup>17</sup> \*τη- jest możliwe również przy \*-ye/o- prezens od pwka. \*k<sup>w</sup>eh<sub>1</sub>-, \*k<sup>w</sup>eh<sub>1</sub>-ye- (por. DELG 1123; Melchert 1984, 164).

LIV<sup>2</sup>, 108), hom. δέαται, lesb. δεαται (cf. Gauthier 1999, 3, 17: οποι κε δεαται επιταδεον) jeśli je porównamy z jon.-att. δῆ-λος.<sup>18</sup> Stopień o w ὄτοαρος łatwo może być wytłumaczony analogią do złożení typu διασκόπος (Waanders 1987, 189; v.d. Laar 1999, 33<sup>65</sup>); czy pomiędzy τηρέω a myk. prtc. **qe-ja-me-no** istnieje pokrewieństwo jest pytaniem otwartym.<sup>19</sup> Jeśli przyjąć rekonstrukt \*k<sup>w</sup>eyh<sub>2</sub>- a nie \*k<sup>w</sup>ey- i co za tym idzie inny wygląd formacji prezens \*k<sup>w</sup>ēyh<sub>2</sub>-/k<sup>w</sup>eyh<sub>2</sub>-, to musimy przyznać, że zarówno interpretacja formy słowiańskiej, jak również wedyckiej jest jak najbardziej do przyjęcia (w wed. zanik laryngalnej przed sufiksem wokalicznym jest regularny VRHV > V-RV, por. np. \*wéyH-es váyas, \*g<sup>w</sup>eyH-e- jáyati, etc.). Wydaje się więc, że w tym przypadku rzeczywiście materiał grecki może ostatecznie rozstrzygnąć o wyglądzie rekonstruktu.

#### Typ *plovq* (*pluti*)

Wyodrębniana przez badaczy grupa czterech czasowników z tem. -ov-:-u- *plovq* (*pluti*) „segeln, schwimmen“, *rovq* (*ruti*) obok *revq*, *rjuti* „brüllen“, *slovq* (*sluti*) i *-trovq* (*-truti*) „ernähren“, mimo różnego pochodzenia (pwki. dyftongiczne, lub *ultima laryngalis*, Koch 1985, 130) w zasadzie może być zestawiana z greką, za wyjątkiem *rovq* (*ruti*) < \*h<sub>3</sub>rewH- „brüllen“, które nie posiada greckiego odpowiednika (por. wed. *ruvāti* \*h<sub>3</sub>réwH-/h<sub>3</sub>ruH; por. jednak cytowany przez LIV<sup>2</sup>, 306 ὀρούμαι < ?\*h<sub>3</sub>é-h<sub>3</sub>rowH/h<sub>3</sub>ruH-). *plovq* wobec gr. πλέω, wskazuje na tematyczne proste prezens ze stopniem pełnym pierwiastka \*plew-, podobnie *slovq* wobec χλέω, przy czym prawdopodobnie zarówno forma grecka, jak i słowiańska oparte są na temacie aorystu \*k'lew/\*k'lu-, por. imper. aor. χλύτε! < \*k'léwte, wed. *śrotá* (Vine 1998, 76; por. Vaillant III 196s.; co do całego paradygmatu zob. Koch 1985, 127-133), z kolei *\*trovq* wykazuje w porównaniu z τρύω zarówno inny stopień wokalizmu pierwiastkowego, jak i inny sufiks: *trovq* (podobnie, jak inne przykłady) jest prostym prezens \*tréwH-e-, natomiast gr. τρύω jest formacją na \*-ye/o- na stopniu zero \*truH-ye-. Bałtycki nie dostarcza bezpośredniego materiału porównawczego (por. np. zgromadzone formy u Trautmanna 1924, 223), np. lit. *pláuju*, *pláuti* „zmywać, spülen“ (~ \*plew-) jest starym kauzatiwum na \*-éye/o- i stopniem o pierwiastka (Ostrowski 2001, 181; co do dyftongu \*ow Schmalstieg 2000, 191), z kolei \*k'lew- ma kontynuację czasownikową po litewsku w formie *klausaũ*, *klausýti*, które interpretowane jest jako „iter. do zanikłego czas. prymarnego \*klausu por. sti. *śróšati*“ z dyssymilacją w \*šlaus- < \*k'low-s-, por.

<sup>18</sup> Por. Dubois, 1988: I, 148.

<sup>19</sup> Por. PY Eb 294.1; Ep 704.1; KN X 8532.1, gdzie **qe-ja-me-no** /kwey(y)amenos/ jest participium aor. medii o nierozpoznanym znaczeniu (tytuł religijny – „reverend“?), nie posiada też odpowiednika w grece klasycznej (por. Ruijgh 1967, 376).

lit. nom. fem. *šlovė* „sława“ (Smoczyński 2001, 141). Z drugiej strony język litewski dostarcza paraleli dla greckiego ῥέω „fließe“ w postaci zachowanego staroliteńskiego participium praes. *srāwanczio* (srav-ant-), do slit. *\*srāva* „ścieka“; lit. *sraviù, sravėti* „ciec“ < *\*sriavù* < *\*srewō* (Smoczyński 2001, 144); czego brak w słowiańskim (oczekiwane *\*srovō, \*sruti*; por. ślady w nominach *o-strovъ, strumen, etc.*).<sup>20</sup>

## Appendix

LIV<sup>2</sup>, 80 pod hasłem *\*b<sup>h</sup>erH-* „mit scharfem Werkzeug bearbeiten“ cytuje słowiańską formę *borjō, brati* „walczyć“ jako przykład pierwotnego reduplikowanego prezens atematycznego ze stopniem o pierwiastka C<sub>1</sub>é-R(o)/R(z)- < *\*b<sup>h</sup>é-b<sup>h</sup>orH/b<sup>h</sup>rH-*, podobnie jak i *koljō, klati* „schlagen“ < *\*ke-kolh<sub>2</sub>/klh<sub>2</sub>-* do *\*kelh<sub>2</sub>-* „schlagen“ (por. gr. partic. aor. -κλάς < *\*klh<sub>2</sub>-ént-*, Anacr. Fr. 28, 1 ἤριστῆσα μὲν ἰστροῦ λεπτοῦ μικρὸν ἀποκλάς; LIV<sup>2</sup>, 350), czy *porjō, prati* < *\*pé-por/pr-*, por. gr. πείρω < *\*pér-ye-* (LIV<sup>2</sup>, 472; opis typu LIV<sup>2</sup>, 16). Wydaje się jednak, że formy te da się zinterpretować jako neoprymarne prezens powstałe w wyniku reinterpretacji osnowy iteratywno-kauzatywnej z formantem *\*-éye-* z wokalizmem na stopniu o: R(o)-éye-. Ten sekundarny typ jest szeroko rozpowszechniony w indoeuropejskim, por. np. wed. *janáyati* „rodzi, stwarza“ < *\*g'enh<sub>1</sub>-éye-*, do *\*g'enh<sub>1</sub>-*, gr. ποιέω „czynię“ < *\*k<sup>w</sup>ow-éye-*, do *\*k<sup>w</sup>ey-* „układać warstwami“, czy wed. *vartáyati* „obraca, kręci czym“ < *\*wort-éye-* (obok *vártate* „obraca się“) i prawdopodobnie początkowo miał charakter denominatywny, por. gr. φοβέω/ομαι „uciekam“ < *\*b<sup>h</sup>og<sup>w</sup>-éye-* obok stopnia pełnego w *φέβομαι* < *\*b<sup>h</sup>ēg<sup>w</sup>/b<sup>h</sup>eg<sup>w</sup>-* i stopnia o w *φόβος* (Risch 1974, 309; LIV<sup>2</sup>, 22s.). Smoczyński podkreśla, że tak wokalizm, jak i fleksja na -jo- form słowiańskich i odpowiadających im form bałtyckich, np. łot. *baru* „łaje, karce“ ~ *borjō* potwierdzają ich iteratywno-intensywne pochodzenie. Czasowniki te „należały wcześniej do klasy na -iti (słow. *\*boriti*, łot. *\*barīt*, lit. *\*baryti*) i wtórnie wytworzyły quasi-prymarne formy infinitiwów jak scs. *brati* (*\*borti*), łot. *barīt*, lit. *bárti*“ (Smoczyński 1994, 504<sup>3</sup>). Wg. Smoczyńskiego również proces ten może być objaśniony na podstawie fonetycznej i związany jest prawdopodobnie z zanikiem laryngalnych. Obserwując materiał litewski autor wskazuje na fakt specyficznego dla bałtosłowiańskiego rozkładu allomorfów w czasowniku sekundarnym -ij przed V (-iju, por. lit. *žiójuos* „rozdziawiam się“ < *\*žijójuos* < pbsł. *\*žijā-*,

<sup>20</sup> Słow. *serg, srati* „cacare“, ros. *serú, sratъ*, pol. *srać* należy do innego pierwiastka *\*k'er(H)-*; por. zewnętrzne nawiązania w nomen, np. łot. *sārpi* m.pl. „menstrua, brud“, aw. *sairiia-* „łajno, nawóz“, łac. *-cerda (mūscerda)* „mysie łajno“ (Smoczyński 2001, 140; por. także Machek 1957, 467 i Ernoult-Meillet 114 ze wskazaniem na gr. σκῶρ, σκατός „ekskrementy“; jako odrębne pierwiastki interpretuje formy LIV<sup>2</sup>, 327).



por. cs. *zijati*) ale  $\bar{i}$  przed C (-yti). Sufiks \*-éye- wydaje w bsl. -iya- wskutek antycypacyjnego zwięzienia (por. scs. *trīje*, lit. *trỹs* < \*triyis < \*trīyes < \*tréy-es), gdy zaś pojawił się przed wokalicznymi końcówkami „został wciągnięty w system alternacji \*iy-V ::  $\bar{i}$ -C“, charakterystyczny dla czasownika prymarnego, gdzie w sekwencji ijV jota kontynuuje glide, jako wypełniacz hiatu po zaniku laryngalnej w kontekście iHV, jak w *gijo* < \*gi.yā < \*g<sup>w</sup>iHaH < \*g<sup>w</sup>ih<sub>3</sub>-eh<sub>2</sub>- (Smoczyński 2001b, 18<sup>12</sup>).<sup>21</sup>

## LITERATURA

- Aitzetmüller, R. 1978, *Altbulgarische Grammatik als Einführung in die slavische Sprachwissenschaft*. Freiburg i.Br.: U.W. Weiher (Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris XII).
- Brixhe, C. 1976, *Le dialecte grec de Pamphylie*. Documents et grammaire. Paris: Bibliothèque de l'Institut Français d'Études Anatoliennes d'Istanbul 26.
- DELG = Chantraine, P., *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. Histoire des mots. Paris: Klincksieck. Tome I (A-D) 1968, Tome II (E-K) 1970, Tome III (L-P) 1974.
- Dubois, L. 1986, *Recherches sur le dialecte arcadien* I. Grammaire, II. Corpus dialectal, III. Notes-index-bibliographie. Louvain-la-Neuve: Bibliothèque des cahiers de l'Institut de Linguistique de Louvain, BCILL 33/34/35.
- Duhoux, Y. 1992, *Le verbe grec ancien*. Éléments de morphologie et de syntaxe historiques. Louvain-la-Neuve: Peeters (Bibliothèque des CILL 61).
- Eichner, H.-Reinhart, J. 1997, Rec. z Etymologický slovník jazyka staroslověnského, 7: kuditi-luna, Praha: Academia, 1997, s. 381–437, in: *Wiener Slavistisches Jahrbuch* 43 (1997), 297-300.
- Ernout-Meillet = Ernout, A.-Meillet, A. 1994<sup>4</sup>, *Dictionnaire étymologique de la langue latine*. Histoire des mots. Paris: Klincksieck.
- ESJSSl *Etymologický slovník jazyka staroslověnského*. Praha 1989-. Academia: Nakladatelství Akademie věd České republiky.
- Fraenkel = Fraenkel, E. 1962-1965, *Litauisches etymologisches Wörterbuch*. Bde. I-II. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.
- Frisk, GEW = Frisk, H. 1960, *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.

<sup>21</sup> Przynależność do typu \*-ye/o- i interpretacja jako iterativum-intensivum już u Stanga (Stang 1942, 41ss.; por. także Ivanov 1981, 103; opis grupy u Vaillanta III, 298s.).

- Gauthier, Ph. 1999, Nouvelles inscriptions de Claros: décrets d'Aigai et de Mylasa pour des juges colophonien. *Revue des Études grecques* 112, (1999) 1–36.
- Hajnal, I. 1990, Die mykenische Verbalform *e-e-to*. *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft* 51 (1990), 21–75.
- Ivanov, V. V. 1981, *Slavjanskij, baltijskij i rannebalkanskij glagol*. Moskva: Izdatel'stvo Nauka.
- Klingenschmitt, G. 1982, *Das altarmenische Verbum*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag.
- Kluge<sup>23</sup> = Kluge, F. 1999, *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. 23., erweiterte Auflage. Bearbeitet von E. Seebold. Berlin-New York: Walter de Gruyter.
- Koch, Ch. 1985, Zur Flexion der slav. Paradigmen mit Verbalstamm auf –ov- ~ -u-. *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft* 45 (1985), 127–133.
- Koch, Ch. 1990, *Das morphologische System des altkirchenslavischen Verbums*. Band I: Text. Band II: Anmerkungen. München.
- Laar, van de, H.M.F.M. 1999, *Description of the Greek Individual Verbal Systems*. Amsterdam – Atlanta: Rodopi (Leiden Studies in Indo-European 11).
- Latte, K. (ed.) 1953-1966, *Hesychii Alexandrini lexicon*. 1-2 (A-O). Hauniae: Ejnar Munksgaard editore.
- LIV<sup>2</sup> = *Lexikon der indogermanischen Verben*. Die Wurzeln und ihre Primärstambildungen. Unter Leitung von Helmut Rix und der Mitarbeit vieler anderer bearbeitet von Martin Kümmel, Thomas Zehnder, Reiner Lipp, Brigitte Schirmer. Zweite, erweiterte und verbesserte Auflage bearbeitet von Martin Kümmel und Helmut Rix. Wiesbaden 2001: Dr. Ludwig Reichert Verlag.
- Machek 1957 = Machek, V. 1957, *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*. Praha: Nakladatelství Československé Akademie věd.
- Meissner, T. 2001, Rezension von LIV. *Lexikon der indogermanischen Verben*. *Kratylos* 46 (2001), 30–36.
- Melchert, H. C. 1984, *Studies in Hittite Historical Phonology*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. (Ergänzungshefte zur Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung, 32).
- Narten, J. 1993, Idg. „donnern“ und „stöhnen“. *Indogermanica et Italica*. Festschrift für H. Rix zum 65. Geburtstag. Unter Mitarbeit von J. Bendahman, J. A. Harðarson und Ch. Schaefer hsg. von G. Meiser, 314–339. Innsbruck: Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft 72.
- Ostrowski, N. 2001, Angeblich primäre Jotpräsentien im Litauischen. *Historische Sprachforschung* 114, 1 (2001), 177–190.

- Peters, M. 1980, *Untersuchungen zur Vertretung der indogermanischen Laryngale im Griechischen*. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften.
- Risch, E. 1974, *Wortbildung der homerischen Sprache*. Berlin-New York: Walter de Gruyter.
- Ritter, R-P. 1993, *Studien zu den ältesten germanischen Entlehnungen im Ostseefinnischen*. Frankfurt am Main: Peter Lang. (Opuscula Fenno-Ugrica Gottingensia V).
- Rix, H. 1992<sup>2</sup>, *Historische Grammatik des Griechischen*. Laut- und Formenlehre. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Rix, H. 1995, Einige lateinische Präsensstambildungen zu Set-Wurzeln. *Analecta Indoeuropea Cracoviensia*, vol. II: Kuryłowicz Memorial Volume. Part One. Ed. by W. Smoczyński. Cracow: Universitas, 399–408.
- Ruijgh, C. J. 1967, *Études sur la grammaire et le vocabulaire du grec mycénien*. Amsterdam: Hakkert
- Schmalstieg, W. R. 2000, *The Historical Morphology of the Baltic Verb*. Journal of Indo-European Studies. Monograph No. 37.
- Smoczyński, W. 1994, Kilka zrównań słowiańsko-litewskich. 1. Słow. *věnyčb* : lit. *vainikas*, 2. Ps. *\*čeznoti* : lit. *kęžta*, 3. Ps. *\*dęgna* : lit. *dengù*. *Slavia* 63 (1994), 502–512. (Charisteria Venceslao Machek oblata).
- Smoczyński, W. 2001, *Język litewski w perspektywie porównawczej*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Smoczyński, W. 2001b, Litewskie stógas obok innych refleksów pie. pierwiastków na \*-h<sub>2</sub>T. *Mvnera lingvistica et philologica Michaeli Hasivk dedicata*. Eds. J. Marcinkiewicz & N. Ostrowski. Poznań: Katedra Skandynawistyki i Bałtologii, 15–27. (Poznańskie Studia Bałtyczne 1).
- Smoczyński, W. 2002, Uwagi laryngalistyczne do niektórych wyrazów słowiańskich i litewskich. *Dzieje Słowian w świetle leksyki*.
- Sowa, W. 1998, Notes on Mycenaean Verbal Morphology. *Linguistica Baltica* 7 (1998), 271–297.
- Stang, Chr. S. 1942, *Das slavische und baltische Verbum*. Oslo.
- Trautmann, R. 1923, *Baltisch-Slavisches Wörterbuch*. Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht.
- Vaillant III = Vaillant, A. 1966, *Grammaire comparée des langues slaves*. Tome III. Le verbe. Paris: Klincksieck.
- Vine, B. 1998, Aeolic ὄρετον and Deverbative \*-éto- in Greek and Indo-European. Innsbruck: *Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft* (Vorträge und kleinere Schriften; 71).

## Notes on the Slavic primary present formations

It seems that the research on verbal systems takes a central position in the modern historical linguistics. Such an assumption could easily be supported by the number of monographs published during last 20 years, devoted to the singular verbal categories as well as to the verbal systems of the Indo-European languages. It seems also that one of the most important works concerning such problems is the LIV (*Lexikon der Indogermanischen Verben*, Wiesbaden 1998; second edition Wiesbaden 2001), based mostly on the material from Old Indic, Greek and Hittite.

The aim of the article is to give the description of some Slavic primary present formations, especially their outside Slavic correspondences, which can be quoted after different grammars or etymological dictionaries. Such comparisons are rarely accompanied by a full commentar. First, the article yields some methodological remarks (the formations with identical root vocalism; with identical suffix; with the same or different root vocalism, etc.); then follows the description of some interesting examples from the Slavic I verbal class: the Greek forms vs. Slavic correspondences with a root in the zero grade; then with a root in the lengthened grade; the problem of *plovq*, *pluti* type, etc. In the end follow some observations on the verbs of *borg*, *brati* type, which can be explained as the result of disappear of the original laryngeal.

*Uniwersytet Jagielloński*  
*al. Mickiewicza 9/11, 31-120 Kraków, Polska*  
wsowa@vela.filg.uj.edu.pl

# Да праблемы чэшскіх балтызмаў

Іван І. Лучыц-Федарэц

Наша даследаванне было інспіравана артыкуламі Уладзіміра Мікалаевіча Тапарова, у прыватнасці адным з апошніх – «Яшчэ раз аб балтызмах у чэшскіх землях» (*Slavia*, го.с. 62, се.с. 1, стар. 51–63). Аўтар вяртаецца да тэмы адлюстравання у чэшскіх землях балтыйскага этноніма *Galind-*, які адносіцца да балтыйскага племя, што размяшчалася ў пачатку II тысячагоддзя нашай эры ў паўднёвай частцы прускіх зямель на поўнач ад Мазоўша. Старажытнасць пражывання яго сведчыцца Пталемеем у палове II стагоддзя нашай эры (яго ж Прус. яз., 2, стар. 138 і наст.).

Відаць, пад уздзеяннем готаў, частка галіндаў мігравала на поўдзень; на Валыні яны ў III – IV стст. разышліся ў процілеглых кірунках: адна частка накіравалася на паўднёвы захад і, звязаўшы свой лёс з вестготамі, а магчыма, і іншымі германскімі плямёнамі (вандаламі, бургундамі – ён жа, БСИ–1982, стар. 129–140) дайшла аж да заходняй Іспаніі, другая – у Падмаскоўе (*голядзь*). Усюды, дзе галінды асядалі, яны пакідалі свае сляды ў выглядзе этнанімічнага знака \**Galind-*, што дазволіла У. М. Тапарову вызначыць тэрыторыю іх лакалізацыі: паўднёвы захад Польшчы – Лужыца – паўночна-заходняя Чэхія. Гэты раён быў апошнім перавалачным пунктам, які яшчэ захоўваў непасрэдную сувязь з Прыбалтыкай.

Некаторыя даследчыкі (К. Турнвальд, І. Дурыдаваў) адносяць знаходжанне балтаў у Цэнтральнай Еўропе да больш старажытных часоў.

У Чэхіі зафіксавана значная колькасць варыянтаў этноніма – *Holedeč, Holedeček, Holešice, Holetice, Holešovice, Holetín* і інш. Можна меркаваць, што апрача назвы этноніма на гэтым і суседніх абшарах засталася і іншая лексіка, якую пакінулі тут галінды. Пацвярджаецца гэта шматлікімі чэшска-балтыйскімі ізалексамі, адзначанымі ў „Этымалагічным слоўніку чэшскае мовы“ В. Махэка. З іх, да прыкладу, можна назваць наступныя:

- мар.-славац. *liša* ‘полымя, што ўзвіваецца ўверх’, ‘агонь з падпаленай пастухамі ўвосень націны з бульбы’, славац. *horiet liškou* ‘гарэць полымем’ супастаўлена з літ. *liepsnà* ‘полымя’, лат. *lipt* ‘запальваць’ (335);

• *do-škobrtať se* ‘з цяжкасцю дайсці, ісці спатыкаючыся’, якое Махэк разглядае без пачатковага *š-*, супастаўляючы яго з літ. *kāburti* ‘спатыкацца’ (612);

• чэш. *šupěti* ‘стан дрыготкі ад страху’, *šupi mi* ‘мне жудасна’, славац. *šupiet* ~ літ. *siaūbti* ‘лютаваць’, *siaubūs* ‘жахлівы, жудасны, пачварны’ (630), *siaūbti* ‘баяцца’;

• *šprtati se* ‘прыкульгваць’, валаш., лях. ‘ісці павольна, шоргаючы нагамі’ разам з паўд.-польск. *szprytać* ‘бегаць (аб дзецях)’, *szportać się* ‘спатыкацца’, *pyrciać* ‘ісці дробным крокам’ супастаўляюцца з літ. *spirti* ‘брыкаць, брыкацца (пра коней)’ (622);

• *šupati* ‘шмат есці, есці з апетытам’ з’яўляецца роднасным літ. *žiaūbti* ‘есці на поўны рот’ (630);

• чэш. *švihati* ‘хвастаць, біць’, мар. *švihať* ‘хутка расці (пра дрэва, пра маладога хлопца), *švih* ‘вузкая дзяга’, *švihák* ‘вярбовы дубец’, в.-луж. *švihac* ‘біць, хвастаць’, славац. *švihať* ‘тс’ з’яўляюцца роднаснымі літ. *sviegti* ‘біць, збіваць, кідаць’ (632);

• для мар. *sl’ebit* ‘напрасці нітку неаднолькавай: то тоўстай, то танчэйшай’ ён прыводзіць роднаснае літ. *zliēbti* ‘прасці, выцягваць нітку’ (552).

Аднолькавае ўтварэнне атрымалі мар. *nárt, náryt, náryt* ‘усход, пад’ём нагі’, у якіх другая частка генетычна ўзыходзіць да прасл. \* *rātš* ‘рот’, і літ. *pa-būrnė* ‘насок вясковага тапка’ (паводле будовы азначае ‘на роце’), дзе *burnà* – ‘рот’ > ‘частка нагі, пад’ём’ (390).

Мар. *bl’ušč* ‘паслён (ліснік чорны, *Solanum nigrum* L.) у выразе *je jak bl’ušč* ‘бледны, худы пасля хваробы’ Махэк супастаўляе з літ. *blūkti* ‘бляднець’ (58);

• мар. *čabrat sa* ‘павольна, вяла цягнуцца’, ‘павольна ісці’ ~ літ. *kiōblinti, kōbinti, krōbinti, kēblinti, kōbrinti* ‘з цяжкасцю перасоўваць ногі, цягнуцца’ (92);

• валаш., славац. *gabať* ‘спаць’, відаць, роднаснае літ. *kvēpti* ‘дыхаць’ (148);

• чэш. *čarák, (hrnec) čaratý* ‘нізкі і круглы’, *čara, čora* ‘кашна сена’, *čarít sa* ‘прыгінацца да зямлі, прысядаць (пра плохіх курэй, калі іх нехта ловіць)’ супастаўляецца з літ. *číáurpti* ‘сціскаць, сціскаць губы’, лат. *tupēt, tupť* ‘сядзець на кукішках’ (94);

• чэш. *křápati* ‘гучна ісці, асабліва, калі боты вялікія і цяжкія’ роднаснае літ. *krópti* ‘з цяжкасцю ісці’ (299);

• чэш. *dříčnŭj, dryčnŭj* ‘прыгожы’, славац. *driečnŭj* ‘тс’, ‘які вырастае прыгожым’ узыходзіць да *dřík*, славац. *drieč, dřík* ‘корань, корпус’, ‘талія, стан’, ‘стрыжань, ствол’ В. Махэк суадносіць з роднасным літ. *driėkti* ‘цягнуцца (пра нітку)’, ‘пашырацца, распаўзацца, разрастацца (131);

• дзякуючы знойдзеным балтыйскім адпаведнікам зах.-слав. лексема *\*ryxl̥(jb)*: чэш. *rychlŭj*, в.-і н.-луж., польск. *rychly* ‘хуткі’, чэш., паўд.-мар. *rychle* ‘хутка’ (ЇА, I, 62) Махэк справядліва аддзяляе ад рус. *рыхлы* ‘друзлы, рыхлы’. Зах.-слав. *\*ryxl̥j* суадносіцца з літ. *rūšėti* ‘быць поўным жывасці, бадзёрасці’, у той час як другое, ‘друзлы’, можна супаставіць з лат. *rusenis* ‘вельмі рыхлы снег’, *rušināt (zemī)* ‘разрыхляць, перамешваць (глебу)’, а таксама з стараж.-ісл. *rúst* ‘руіны’, нідэрланд. *rul* ‘рыхлы, сухі (пясок)’ (Фасмер, 3, 532).

Як відаць, большасць прыведзеных прыкладаў мае экспрэсіўны або гукапераймальны характар, таму і назіраецца значная варыянтнасць дыялектных сінонімаў з рознай, часам з не зусім “класічнай” менай гукаў у роднасных словах. Напрыклад, чэш. *kejklá se* ‘хістаецца, расхістваецца’ на ўскраінных чэшскіх тэрыторыях пераходзіць у *gíglá se, gínglá sa, gegle se, žíglá se* (ЇА, I, 48). Тым не менш іх можна супаставіць з літ. *kŭj̃koti* ‘люляць, калыхаць (дзіцё)’. У шмат якіх артыкулах В. Махэк указвае ў першую чаргу на экспрэсіўнасць (напрыклад, параўн. *čmírati*, стар. 105–106). Семантыка такіх варыянтаў не заўсёды тоесная, дакладная, хутчэй размытая. Аналагічную з’яву можна назіраць і ў балтыйскіх адпаведніках.

Беручы пад увагу асноўныя думкі, выказаныя ў згаданым вышэй артыкуле У. М. Тапарова, даследчыку хочацца знайсці як мага болей чэшска-балтыйскіх адпаведнікаў. Аднак перашкаджае гэтаму той факт, што ад мовы галіндаў засталася усё ж такі вельмі мала (Дзіні, 246). Таму ўзнікае натуральнае імкненне рэканструяваць на базе існуючых балтыйскіх даных фанетычныя і семантычныя адпаведнікі, пабудаваць кантамінаваную, сумарную форму. Так мар. *škrancet* ‘назойліва плакаць’, *skřehnit* ‘стагнаць’, адначасна дадамо сюды зах.-палеск. *шкрагнітэ* ‘назойліва, працягла, але нямоцна плакаць (пра малое дзіцё)’, магло б адпавядаць нейкае першапачатковае балтыйскае слова, роднаснасць якога месціцца ў суме семантык літ. *krañkti* ‘кашляць, храпці’, ‘каркаць’, *sprĩngčĩóti* ‘адкашлівацца, пярхаць’ і *kniŗti* ‘хныкаць’.

Зах.-мар. *ščagel* ‘тоўстая сухая галіна дрэва, паламаная на кавалкі’, мар. *štakel, ščakel, ščahŭl, ščakle, štakŭl, ždžagél* ‘дубіна, друк,

кій, галіна, тычка’, ‘вялікі кавалак’, славац. *cagel* ‘трэска’, мар. *ščahel* ‘кавалак хлеба’, кашуб. *ščegulc* ‘асобны кавалак’, н.- луж. *ščagel* ‘напалову расколаты кавалак дрэва’, а таксама рус. *щелблó* ‘сасновая лучына, трэскі’ з’яўляюцца семантычна тоеснымі з літ. *skebérda* ‘асколак, лучына’, лат. *skabařda*, *skabařga* ‘стрэмка, задзірына’, лат. *scobis* ‘пачассе’, якія Э. Фрэнкель (791) адносяць да літ. *skabýti* ‘рваць, зрываць, шчапаць’ < і.-е. \**skabh-*. Пры гэтым М. Фасмер (4, 497) лічыць роднасным да літоўскіх слоў рус. *щэбень* ‘дробны камень’. У такім выпадку да іх можна далучыць семантычна блізкія: бел. *шчэбель*, *шчэблы*, *шчабялёк* ‘лёстачкі, планкі ў драбіне воза’, якія, магчыма, з польск. *szczebel* ‘перакладзіна ў лесвіцы’, а таксама чэш. лях. *štebel*, *ščebel* ‘тс’. Праўда, апошнія словы Ф. Барташ выводзіць з ням. *Stabel*, што цалкам дапушчальнае. Як можна бачыць, у гэтых групах разыходжанні паміж балтыйскімі і зах.-слав. формамі палягаюць у мене *-b/-g-*. Што паўплывала на пераход балт. *-b-* у зах.-слав. *-g-*, адказаць пакуль цяжка. Магчыма, імпульс для такоймены сыходзіць звонку. Параўн., напрыклад, стараж.-рус. *шыгла*, *шегла* ‘лесвіца, якая складаецца з бервяна з вырубкамі, засечкамі’ – этымалагічна тоеснае з рус. *щегла* ‘мачта, брус, дрэўка сцяга’, запазычанае са стараж.-сканд. *sigla* ‘мачта’ (Фасмер, 4, 464 і 497).

Мы мяркуем, што мар. *škřata*, *škrutala* ‘мурза, запэцканы’ можа быць роднасным літ. *skrētena* ‘тс’, ‘пакрывацца брудам, гразню’;

- што зах.-чэш. (ходск.) *krákorka* ‘сасновая шышка’ (ČJA, 2, s. 73), дыял. ‘малая шышка’ (SSJČ) можна суаднесці з літ. *kankóréžis*, *kenkóréžis* ‘яловая ці піхтавая шышка’, лат. *ciēkur(i)s*, *ciekuřzis*, *ciekurs* ‘шышка’ якія ўтвораны ад дзеясловаў літ. *karóti*, лат. *karāties* ‘вісець’, *kārti* ‘вешаць’ (Фрэнкель, 1, 215 – 216).

Для чэш. *žvaniti* і да яго пад. Махэк (732) прыводзіць у якасці роднасных лат. *vataļāt*, *vatelēt*, *vatarēt*. Можна, аднак, чэш. *žvaniti*, *žvástati* ‘плявузгаць, вярзці лухту, мянціць языком’, *žvatlati* ‘лепятаць’, адпаведна *žvanil*, *žvástal*, *žvatlal* ‘пустамалот, пустамеля’ суаднесці з літ. *žvéngti*, *žvangėti*, *žvagėti* ‘бразгаць, ляскаць’, ‘іржаць, рагатаць’, *žvelgti* ‘лапатаць, сакатаць, балбатаць’, лат. *zvalkšēt* ‘тс’, *gvelzt* ‘плесці лухту, акалодзіць’;

- для чэш. *věje*, *vějka*, а таксама *věj* ‘завіруха, мяцеліца’, польск. *wieja* і бел. *веша* ‘тс’ можна ўслед за Блезэ (21) бачыць роднаснае літ. *vėjās* ‘вечер’, таму што прасл. \**vēja* звязваецца з \**vētuvь* ‘галіна’ (параўн. ст.-слав. *věja* ‘тс’);



• мар. *bobošit sa* ‘дамагацца да Бога’ (у выразе: *tarno sa bobošiš!*) можна супаставіць з літ. *babsėti* ‘бухаць, біць кіем’.

Хочацца быць перакананым, што чэшская лексема *šlapa* ‘ніжняе бярвяно ў акне’ таксама можа быць балтызмам. Яна дакладна адпавядае бел. *ашлап(a)* і іншым да яго падобным паводле словаў-тварэння бел. *ахлапа, охляпа, ачэпа* і *атрама*, якія абазначаюць яшчэ: ‘падоўжная бэлька на хаце, што трымае папярочныя бэлькі’, ‘бярвяно на бэльках, якое з’яўляецца апорай для крокваў’, ‘апошні вянок зруба’. Адносна бел. *атрама* было ўстаноўлена, што гэта – балтызм, утвораны ад літ. *at-reñti* ‘падпіраць’ (Цыхун, 50). Мяркуюцца (ЭСБМ, 1, 237), што і бел. *ашлап(a)* можа быць балтызмам (< літ. *už-lapas* ‘закрыты’, г. зн. ‘бярвяно, якое закрывае падваконныя бярвенні ў сцяне зруба, альбо бярвенні сцяны ці вокны і дзверы’). У такім выпадку, як і беларуская лексема, чэшскае слова магло б выглядаць як \**o-šlapa*.

Нам хацелася б бачыць для валаш. *rač* ‘прорва, бездань’ адпаведнік у літ. *prarajà* якое (паводле Фрэнкеля, 645) утворана ад *rýti* ‘глытаць, праглынаць’;

• мар. *žibrovat* ‘арфаваць (збожжа)’ суаднесці з літ. *žiēbti* ‘уда-раць, трэснуць’;

• для чэш. *brečet* ‘плакаць’ бачыць адпаведнік у лат. *brēkt* ‘плакаць, крычма крычэць’;

• для чэш. *čurat* ‘мачыцца’ ~ лат. *čurāt* ‘сасаге’;

• для чэш. *lamač* ‘нягоднік, гультай’ бачыць адпаведнікам літ. *lamāžas* ‘неруплівы, вялы, нядбайны чалавек’;

• сілез. *šurý* ‘касы, касавокі’, ‘крывы, няроўны’, валаш. *šurit* ‘рабіць што-небудзь крыва, напрыклад, рэзаць’ хацелася б супаставіць з літ. *žiūrėti* ‘глядзець’, дапускаючы адно з магчымых дадатковых значэнняў ‘крыва, коса глядзець’.

Генетычна блізка, відаць, да мар. *škrknút* ‘хутка скочыць’ знаходзіцца літ. *strekinėti, strýkčioti, striksėti* ‘падскокваць, скакаць’, *strýkteleiti* ‘успхпіцца, ускочыць’ з менай  $t > k$ .

Магчыма дапусціць, што мар. *švidratý* ‘касавакі’ з’яўляецца роднасным літ. *žvairūs, žvaĩras* ‘тс’, а лях. *srchñatý* ‘надзьмуты, натапыраны’, мар. *nasršit se* ‘раззлавацца’, якое Махэк (572) лічыць семантычным пераносам ад дзеяння жывёлаў, што натапырваюць шэрць ці поўсць’, можна паспрабаваць супаставіць з літ. *šĩrsti* ‘злавацца’, – яго Фрэнкель (988) выводзіць з *širdis* ‘сэрца’ (параўн. рус. *сердится* ‘злавацца’).

Відавочна корань мар. *rozbambušit* ‘трыбушыць зайца і інш.’ з’яўляецца роднасным літ. *bamba* ‘пуп’, *baĩbti* ‘разбухаць’, ‘здыхаць’,

• а чэш. *balviště* ‘лужа’, як і ўкраінск. *бáлице* ‘стэпавы яр, вузкая даліна’, генетычна звязаныя з літ. *balà* ‘балота’.

Пры супастаўленні лексем можна назіраць перапляценне семантыкі: мар. *člověk* ‘сведка на вяселлі’ і літ. *liudyti* ‘сведчыць, быць сведкам’, утворанага ў сваю чаргу ад слав. \**ljudije* ‘людзі’.

Хацелася б яшчэ параўнаць мар. *súš* ‘вашчына’ і літ. *sausas korys* ‘тс’ – даслоўна ‘сухая вашчына’.

Генетычна блізкімі мы лічым мар. *brňastět* ‘цвісці, плеснець’ і літ. *bręsti* ‘гніць’;

• мар. *broditi (koně)* ‘купаць (коней)’ і літ. *bradà* ‘гразкі брод’, якое з *braidyti < bristi* ‘плесціся, ісці’;

• чэш. *blískota* ‘бледны, худы чалавек пасля хваробы (у выразе: *chodí jako blískota*) можна супаставіць з літ. *iš-blykšti* ‘стаць бледным’, *blykšti* ‘бляднець’, *blykšóti* ‘няярка свяціцца, блішчэць, ззяць’.

Супаставімымі, на наш погляд, могуць быць мар. *čečka* ‘клок’, *čačky vinné* ‘гронкі вінаграду’, ст.-чэш. *čečule* ‘флянц вінаграду’, *čačky bezové* ‘кветкі бэзу’, ‘чмяліныя соты’ (параўн. *čmeli mají med v čačkách, včely ve voščinách*) з літ. *kėkė* ‘гронка, галінка’, *kekė* ‘парасон у раслінах’, *kėkutas* ‘куча’, ‘вязанка’, лат. *ķekars* ‘гронка, мяцёлка’,

а таксама гукапераймальныя мар. *brňat* ‘гусці (пра мух)’, *brnět* ‘гудзец (пра пчол)’, ‘гаварыць бесперапынна’ і літ. *bruňgti* ‘гудзец’, ‘брынкаць’

і лях., аламоўцк. *čatpat sa* ‘плёхацца ў вадзе’, ‘брысці па гразі’ ~ літ. *čėmpinti, čėmpinėti* ‘плёхаць па гразі’.

Да лях. *cibať, cibrať* ‘дробненька тупаць, ісці дробным крокам’ Махэк (90) у якасці славянскіх адпаведнікаў падае і чэш. *cupati, cupkati, cupitati* ‘тс’, славац. *cupotati* ‘таптаць босымі нагамі’, ‘падаць (пра яблыкі з дрэва’ і нават серб.-харв. *cūpiti, cūpkati* ‘падскокваць’, ‘падкідваць дзіцё на руках, на каленях’, якое Скок (1, 281) слухна адносіць да анатапеічных утварэнняў. Аднак у аснове іх семантыкі дамінуе сема ‘падскокваць’, у той час як лях. *cibať*, як і славен. *cipati* ‘ісці цяжкім крокам’ лепш супаставіць з літ. *cipėnti* ‘ісці, дробненька перабіраючы нагамі’, – апошняе, з’яўляючыся амонімам да *cipėnti* са значэннямі ‘вішчаць, пішчаць, папіскаваць, павіскаваць’ уключаецца Фрэнкелем (70) у гняздо *cūpti* ‘пішчаць’, ‘выдаваць адрывістыя, рэгулярныя гукі’.

Вышэйпададзеныя чэшска-(заходнеславянска) – балтыйскія лексічныя адпаведнікі з дастатковай, хоць і адноснай, пэўнасцю прамаўляюць аб старажытных уплывах балтаў на мову славянскага насельніцтва Падунаўя.

## ЛІТАРАТУРА

- Барташ Bartoš Fr.: *Dialektický slovník moravský*. Praha, 1906.
- Блезэ Blese E.: *Alcuni rapporti fra il bianco russo e le lingue baltiche – Studi baltici*, t. V 1935–1936.
- БСИ *Балто-славянские исследования*. Москва, 1974 і наст.
- Дурыданаў Duridanov I.: *Thrakisch-dakische Studien. 1. Die thrakisch- und dakisch-baltischen Sprachbeziehungen // Балканско езикознание*, 1969, № 13/2, сс. 87–96.
- Дзіні Дини, Пьетро У.: *Балтыйскія языкі*. Москва, 2002, стр. 241–246.
- Махэк Machek V.: *Etymologický slovník jazyka českého*. Academia, Praha, 1971.
- Прус. яз. Топоров В. Н.: *Прусский язык. Словарь А – Л*. Наука, Москва, 1975–1990.
- Скок Skok P.: *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, knj. I, Zagreb, 1971.
- SSJČ *Slovník spisovného jazyka českého*, I – IV. Praha, 1958–1970.
- Турнвальд Turnwald K.: *Die Balten des vorgeschichtlichen Mitteleuropa // Archeologija un etnografija*. 1968. Vol. 85. S. 135–147.
- Фрэнкель Fraenkel E.: *Litauisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg, 1962–1965.
- Цыхун *Лексічныя балтызмы ў беларускай мове*. Мінск, 1969.
- ČJA *Český jazykový atlas*, I. Academia, Praha, 1993.

## К проблеме балтизмов в чешском языке

В статье рассматривается около 30 чешско-балтийских лексических параллелей, подтверждающих мысль В. Н. Топорова о пребывании в начале I тысячелетия н.э. балтийского племени галиндов на территории, охватывающей юго-запад Польши – Лужицу –

северо-запад Чехии, и, как результат, наличие балтизмов в диалектах указанного ареала.

*Вул. Якуба Коласа 49, кв. 18, 220113 Мінск, Беларусь*

# Zo slovenskej mytologickej lexiky:

## *Hariani*<sup>1</sup>

*Eubor Králik*

V slovníku bratov Kálalovcov (Kálal 1923: 163) nachádzame aj heslo *Hariani* so sémantizáciou ‘obri báječné postavy’ (zo slovníka F. Š. Kotta, tam z P. Dobšinského). Ak predpokladáme, že začiatkové *h-* predstavuje konsonant protetického charakteru<sup>2</sup>, môžeme pôvodnejšiu formu tohto výrazu rekonštruovať ako *\*ariani*. Je veľmi pravdepodobné, že z etymologického hľadiska ide o výraz rovnakého pôvodu ako *arián* ‘prívrženec, vyznávač arianizmu’; tento predpoklad si však vyžaduje podrobnejšiu argumentáciu.

Ako arianizmus sa označuje učenie alexandrijského kňaza Aria (gr. Ἄρειος, lat. Arius; † okolo 336) o Svätej Trojici<sup>3</sup>, odsúdené na nicejskom cirkevnom koncile v r. 325.<sup>4</sup> V 16. stor. sa označenie *ariáni* prenieslo<sup>5</sup> na novodobých, predovšetkým reformačných odporcov dogmy o Božej trojedinosti (tzv. antitrinitári), ktorých stúpenci pôsobili od polovice 16. stor. najmä v Poľsku a Sedmohradsku.<sup>6</sup>

Početné doklady na výraz *arián* z obdobia 17. a 18. stor. uvádza Historický slovník slovenského jazyka (I: 96), kde sa význam tohto výrazu vysvetľuje ako ‘príslušník kresťanskej sekty, kt[orá] vznikla v 4. stor[očí] z Ariovho učenia’; porov. napr. nasledujúci doklad uvedený v HSSJ: *tak dokonano gest in concilio Nicaeno proti arianom* (Thamassy, M.: Prawa katolicka ručny knyžka... Trnava 1691). Nazdávame sa však, že vzhľadom

---

<sup>1</sup> Príspevok vznikol s podporou Vedeckej grantovej agentúry Ministerstva školstva SR a Slovenskej akadémie vied (číslo grantu 2/1055/22).

<sup>2</sup> K protetickému *h-* v cudzích slovách porov. Stanislav (1967: 571; tam aj príklady *hárešt*, *Hana*, *Hanka*, *helement*, *hampulka*, *hárok*).

<sup>3</sup> „Bůh Otec je pro Areia jediný, věčný, nezrozený počátek všeho. Syn jako Logos z něho zrozený představuje mezistupeň mezi Bohem a stvořením...“ (Pavlincová a kol. 1994: 140, s. v. *arianismus*).

<sup>4</sup> Podrobnejší teologický výklad uvádza napr. Ritter (1978).

<sup>5</sup> Prenos názvov starších heréz na nové náboženské smery sa niekedy hodnotí ako „allen Haeresologen gemeinsame Tendenz, neue Häresien ‘in das Knäuel der schon längst widerlegten und überwundenen frühchristlichen Sekten zu verweisen’...“ (Flemming 1976/1977: 39, v nadväznosti na A. Borsta).

<sup>6</sup> „Von den reformatorischen Theologen als neue ‘Arianer’ und ‘Sabellianer’ bekämpft und verdrängt, erlangten sie (Antitrinitarier – L. K.) seit 1562 in Polen und Siebenbürgen Zuflucht und Heimatrecht“ (Benrath 1978: 168). K poľským ariánom porov. Gloger (1958: 68–70, s. v. *Arjanie*), k situácii v uhorskom Sedmohradsku prehľadne Balázs (1990).

na vyššie zmienené historické súvislosti by azda bolo možné explicitne vyčleniť v tomto hesle aj význam typu ‘(za reformácie) antitrinitár a pod.’<sup>7</sup> – tento význam podľa nášho názoru ilustrujú ďalšie doklady citované v HSSJ: *jesuitove, ariani, nowokrsstenci a gini swatohanczy* (Conciones Petri Trnovicensis, rukopis z r. 1631), *kalwinj odwrhuj od stawu swého nowokrs-těncuw anebo aryánuw* (Szentiványi, M.: Padesate pričín a pohnutedlnostj ku poznánj... Trnava 1716), *w zemy tego negwyceg kalwynuw, meneg lutheranuw a arjanuw, negmeneg katolykuw* (Krátke poznamenáni sweta... , rukopis z r. 1760), resp. *bar kalwínsku, bar ariansku wiru* (Rajec 1706).<sup>8</sup>

V obidvoch prípadoch išlo o smery odporujúce učeniu rímskej cirkvi; táto skutočnosť sa odrazila aj v niektorých druhotných významoch, v akých je výraz *arián* doložený v európskych jazykoch (najmä v oblasti strednej a východnej Európy).

Tak napr. talianske *ariano* je známe aj vo význame ‘miscredente, infedele’ (LEI III,1: 1136); tento sémantický komponent sa akiste stal východiskom aj pre prirovnanie typu *bestemmiare come un ariano*, doslova ‘kliat ako arián’<sup>9</sup> (Cortelazzo – Marcato 1998: 41).<sup>10</sup> Význam ‘neveriaci (hitetlen)’ má aj maďarské dial. *ariánus* (ÚMT I: 215). V náboženskej sfére možno azda hľadať aj sémantickú motiváciu poľských prirovnaní *przebiegły jak arianin, uczony jak arianin, zawzięty jak arianin* (Nowa księga... I: 26–27).<sup>11</sup>

Klasifikovať určité fenomény z hľadiska opozície pravá viera – heréza znamená zaujímať k nim aj určité hodnotiace stanovisko<sup>12</sup>, a tak neprekvapuje,

---

<sup>7</sup> Porov. aj nemecké dial. (saské nárečia v Sedmohradsku) *arianisch* ‘unitarisch’ (Schullerus 1924: 181).

<sup>8</sup> Podobne Slovník ukrajinsk’koji movy XVI – peršoji polovyny XVII st. (I: 126) uvádza pre ukrajinské hist. *аріанинъ* význam ‘последовник вчення александрійського священника Арії, який проповідував нерівність Бога-сина стосовно Бога-батька’ doklad *Нькоторые мовятъ, иже волимо до Арияновъ, до новокрещенцовъ удалися, анижли быти подъ властію папезскою* (Vilnius 1595) sa však akiste vzťahuje na antitrinitárov z obdobia reformácie.

<sup>9</sup> K významu porov. slovenské spojenie *kliat (hrešiť, nadávať) ako pohan*.

<sup>10</sup> Podľa LEI (III,1: 1137) sémantika talianskeho *ariano* súvisí s prenasledovaním stúpenčov Ariovho učenia ešte pred obdobím reformácie.

<sup>11</sup> V tejto súvislosti môže byť zaujímavý aj nasledujúci doklad zo sféry východného kresťanstva: rumunské *arian* prevzalo v oblasti Moldavy sémantiku rumunského *armean* ‘Armén’, k čomu okrem formálnej blízkosti obidvoch výrazov zrejme prispel aj ich spoločný sémantický príznak ‘inoverec’ (porov. DLR I/1: 250, s. v. *arian*).

<sup>12</sup> „Von Orthodoxie und Häresie zu reden, bedeutet aber ursprünglich und eigentlich, nicht nur eine Feststellung hinsichtlich Bejahung oder Ablehnung der in Frage stehenden Norm, sondern zugleich auch eine positive oder negative Bewertung dieser Entscheidungsgruppenintern aus der Sicht der sich als orthodox begreifenden Partei zu treffen...“ (Müller 1990: 109).

že výraz *arián* je známy v prenesených významoch negatívneho charakteru. Talianske dial. *ariàn* má aj významy ‘rozzo’, ‘eccessivamente coraggioso’ (Cortelazzo – Marcato 1998: 41), maďarské dial. *ariánus* znamená aj ‘závistlivý, nežičlivý, zlomyseľný’ (ÚMT I: 215). V slovenských stredozitavských nárečiach, resp. v časti stredonitrianskych nárečí sa výraz *arián* používa ako nadávka nespratnému človeku – SSN (I: 71) ilustruje takéto použitie dokladmi *Akurád už len na takéh arijánov čakáme, jako si ti!* (Velká Maňa, Vráble), *Ti ariján jeden!* (Hul, Vráble).

Vráťme sa však k významu ‘obor’. Z hľadiska sémantickej typológie môžu byť názvy obrov motivované ich veľkými rozmermi (porov. ruské *великан*, poľské *wielkolud* a i.), v niektorých prípadoch „восходят к этнонимам древних племен“ (porov. staroslovienske a i. *Obri* od etnického názvu Avarov a i.<sup>13</sup>), resp. k „названиям иноземцев и иноверцев“ (SD I: 301, s. v. *Великан*): do tejto skupiny možno zaradiť východobulharské *жидове*, južnobulharské *латини*, macedónske *елими* či srbské *јудове* (tamže); z románskeho jazykového materiálu možno uviesť aj galícijské *alarbio* ‘Gigant’ (etymologicky ‘Arab’; Müller 1973: 39) či francúzske dial. *sarrasin* ‘Riese’ (pôvodne ‘Saracén’; tamže: 298).<sup>14</sup> V tejto súvislosti môže byť zaujímavé konštatovanie, že obri „обычно характеризуются как язычники“ (SD I: 302); ako pohania však bývajú vnímaní nielen nekresťania, ale aj stúpenci

---

<sup>13</sup> O tom novšie ESJS 10: 567. K problematike porov. aj Falowski (1998).

<sup>14</sup> Porov. aj druhotné významy výrazu *habán*, označujúceho príslušníka niekdajšej sekty novokrstencov na južnej Morave a západnom Slovensku: „... byli to prý i ‘dluzí lidé’. Náš lid se s nimi dlouho snášel dobře, nicméně se rozdíl povahy a víry projevil nakonec ve zlém: byli vypuzeni, jejich domy spáleny; tradice z nich nadělala i strašidla! Proto je h[abán] dosud veliký, dlouhý n[ebo] silný člověk, kolohnát, u Kyjova je *habáň* též maškara, honící na Zelený čtvrtek a Velký pátek děti...“ (Machek 1957: 118, s. v. *habán*). K pejorativizácii porov. aj slovenské dial. *habán* ‘nadávka dieťaťu, ktoré sa rado túľa’ (*Vi habáné, dze sa túláte?!* – Hrušové, Nové Mesto nad Váhom; SSN I: 527, s. v. *habán*<sup>1</sup>).

iných kresťanských smerov<sup>15</sup> – nazdávame sa, že práve tu možno hľadať východisko pre sémantický posun typu ‘inoverec’ > ‘mytologická bytosť, obor’, aký predpokladáme aj v prípade slovenského označenia *Hariani*.<sup>16</sup>

Na záver si možno položiť otázku chronologického zaradenia príslušného výrazu. Bolo by nepochybne lákavé vidieť tu priamy ohlas Ariovho vystúpenia v 4. stor.<sup>17</sup>, vzhľadom na doložený jazykový materiál (porov. vyššie uvedené doklady na význam typu ‘antitrinitár v období reformácie’) je však podľa nášho názoru oveľa pravdepodobnejšie, že tu ide o novšiu reminiscenciu na udalosti obdobia reformácie, resp. následnej protireformácie v strednej Európe.<sup>18</sup>

## LITERATÚRA

Balázs, M., Einleitung. In: *Bibliotheca Dissidentium*. T. 12. Ungarländische Antitrinitarier. Baden-Baden 1990, s. 7–16.

Belova, O. V., Etnokonfessionálne stereotypy v slavianskych narodnych predstavlenijach. *Slavianovedenije*, 1997, č. 1, s. 25–32.

---

<sup>15</sup> Tak napr. K.-L. Müller poukazuje v súvislosti s románskymi označeniami heretikov (z pozície katolíckej cirkvi) na „Subsumierung der Häretiker unter Juden und Heiden“ (Müller 1990: 115), v dôsledku čoho „werden sie (Häretiker – L'. K.) also auch sprachlich oft wie Nichtchristen behandelt“ (tamže: 116). – Aj v niektorých pamiatkach staršej slovenčiny (citujeme ich podľa dokladov z kartotéky HSSJ v JÚL'S SAV) sa ariáni uvádzajú hneď vedľa Židov a Turkov: ... *owssem kradnu w/cyrkwy Pane ... nektery ewangelium a rozhressenj ... nekterj Krista Pana bostwj a moc bosku gako ariani, Zyde a Turci* (Conciones Slavico-Bohemicae; rukopis z 18. stor.); *Mohel/bi sice nekdo se nazdawati, že bi naglepssa wec bila ... kdibi bili wikoreneni bezbozni kaciri, bludari, gako su Turci, Židy, Ariani, Kalwini, Lutherani* (Mokoš, D.: Sermones panegyrico-morales; rukopis z r. 1758).

<sup>16</sup> K možným súvislostiam takéhoto prechodu z konfesionálnej do mytologickej sféry porov. aj konštatovanie ruskej etnolingvistky O. N. Belovovej: „Традиционным является представление, что у иноверцев (инородцев) нет души ... Отсутствие души также связывает иноверцев с демонологическими персонажами“ (Belova 1997: 28–29).

<sup>17</sup> Tak už J. Blaho (1941: 40, poznámka č. 16): „Le slov[aque] popul[aire] *hariani* ‘géants de taille fabuleuse’ tire son origine de la tradition des hérétiques *Ariani*, IV<sup>e</sup> siècle“.

<sup>18</sup> Porov. aj konštatovanie L. Kretzenbachera (1988: 72), vyslovené v súvislosti s analýzou expresívnych výrazov (nadávok) z náboženskej sféry: „Es scheint sicher, daß ein bedeutender Teil der (freilich nur noch z. T. geläufigen) Schimpfwörter mit religiösem Hintergrund seinen Ursprung in religiösen Unruhen des hohen und des späten Mittelalters wie besonders auch noch der von sozial-politischen Fragen aufgeheizten Stimmung der Reformationszeit hat.“



- Benrath, G. A., Antitrinitarier. In: *Theologische Realenzyklopädie*. Bd. III (Anselm von Laon – Aristoteles/Aristotelismus). Berlin – New York 1978, s. 168–174.
- Blaho, J., Substrats préromans en slovaque (*ũ, ganda, manna, arava, dunum*). In: *Linguistica Slovaca*. III. Bratislava 1941, s. 25–40.
- Cortelazzo, M., Marcató, C., *I dialetti italiani. Dizionario etimologico*. Torino 1998.
- DLR *Dicționarul limbii române*. București 1913n.
- ESJS *Etymologický slovník jazyka staroslověnského*. Praha 1989n.
- Fałowski, A., Nazwy olbrzymów w języku dawnych Słowian Wschodnich (przy-czynek do studiów etnolingwistycznych). *Rocznik Slawistyczny*, LI, 1998, s. 87–94.
- Flemming, D., Zur semantischen Abgrenzung von Gruppen nach Glauben, Sprache und Beruf. *Semantische Hefte*, 3, 1976/1977, s. 1–80.
- Gloger, Z., *Encyklopedia staropolska*. I (Tom 1). Warszawa 1958.
- HSSJ *Historický slovník slovenského jazyka*. Bratislava 1991n.
- Kálal, M., *Slovenský slovník z literatury aj nářečí*. Banská Bystrica 1923.
- Kretzenbacher, L., Schimpfwörter aus nationaler und aus religiös-konfessioneller Gegnerschaft. In: *Stereotypvorstellungen im Alltagsleben. Beiträge zum Themenkreis Fremdbilder – Selbstbilder – Identität. Festschrift für Georg Schroubek zum 65. Geburtstag*. (= Münchner Beiträge zur Volkskunde. 8.) München 1988, s. 67–72.
- LEI *Lessico etimologico italiano*. Wiesbaden 1979 n.
- Machek, V., *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*. Praha 1957.
- Müller, K.-L., *Übertragener Gebrauch von Ethnika in der Romania. Eine vergleichende Untersuchung unter Berücksichtigung der englischen und der deutschen Sprache*. Meisenheim am Glan 1973.
- Müller, K.-L., Rechtgläubige und Ketzer. Zur Geschichte der Bezeichnungen für Orthodoxie oder Rechtgläubigkeit im Abendland. In: *Die romanischen Sprachen und die Kirchen*. Romanistisches Kolloquium III. Tübingen 1990, s. 109–122.
- Nowa księga przysłów i wyrażení przysłowiowych polskich*. Warszawa 1969–1978, 4 zv.
- Pavlincová, H. a kol., *Judaismus, křesťanství, islám. Slovník*. Praha 1994.
- Ritter, A. M., Arianismus. In: *Theologische Realenzyklopädie*. Bd. III (Anselm von Laon – Aristoteles/Aristotelismus). Berlin – New York 1978, s. 692–719.
- Schullerus, A., *Siebenbürgisch-sächsisches Wörterbuch*. Erster Band (A–C). Berlin – Leipzig 1924.
- SD *Slavianskije drevnosti. Etnolingvističeskij slovar' pod redakcijej N. I. Tolstogo*. Moskva 1995n.
- SSN *Slovník slovenských nářečí*. I (A–K). Bratislava 1994.

*Slovník ukrajinských mýtv XVI – první polovina XVII st. L'viv 1994n.*

Stanislav, J., *Dejiny slovenského jazyka. I. Úvod a hláskoslovie. 3., doplnené vyd.*  
Bratislava 1967.

ÚMT *Új Magyar Tájszótár.* Budapest 1979n.

### From the Slovak Mythological Lexicon: *Hariani*

In the author's opinion, Slovak *Hariani* (pl.) 'giants (in Slovak fairy-tales)' can be traced back to Slovak *arián* '1. supporter of Arianism, heresy named after the Alexandrian priest Arius († about 336 A. D.); 2. (during the Reformation) anti-Trinitarian'. The semantic shift may be reconstructed as 'Anti-Trinitarian' > 'heretical' > \*'non-Christian, pagan' > 'mythological figure, giant'.

*Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra SAV*  
*Panská 26, 813 64 Bratislava 1, Slovensko*  
lubork@zoznam.sk

# К специфике «культурной этимологии» (на материале русской лексики, означающей отказ при сватовстве)

*Елена Л. Березович*

«Культурная этимология» (термин С. М. Толстой: 1989, 223), обращенная к лексике обрядов и верований, имеет дело с материалом, который может не представлять для исследователя трудностей фонетико-словообразовательного плана, но зато обладает особой смысловой сложностью, обусловленной повышенной степенью «символичности». Как известно, символу нередко присуща своеобразная зашифрованность, проявляющаяся в наличии «многосоходовых» мотивационных комбинаций. На сегодняшний день методика «культурной этимологии» разработана явно недостаточно; более того, сам материал – лексика обрядов и верований – нередко оказывается в «подвешенном состоянии», поскольку находится на пограничье сфер компетенции лингвиста (диалектолога, этимолога) и этнографа, ср.: «для исследователя-этнографа эта терминология, фиксируемая чаще всего случайно и неполно, имеет лишь вспомогательное значение как средство выделения и фиксации функционально релевантных элементов обрядности и верований. В свою очередь, лингвист, изучающий диалектную лексику, в силу недостаточного владения этнографическим материалом также не в состоянии обеспечить полноты и необходимой систематичности воспроизведения культурной терминологии... Ни этнографа, ни лингвиста не интересует характер связи между термином и реалией, между системой (рядом) терминов и системой (рядом) этнографических элементов» (Толстая 1989, 216). Эти языковые факты становятся объектом изучения этнолингвистики, призванной обеспечить комплексный подход к их интерпретации. В настоящей статье предпринимается попытка описать систему мотивационных отношений для языковых единиц такого рода, используя в качестве материала для анализа русскую диалектную лексику и фразеологию, выражающую отказ невесты жениху при сватовстве.

Данная идеограмма обладает высокой степенью устойчивости и реализуется разнообразно и вариативно. Средствами ее реализации могут стать неметафорические глаголы, в семантической

парадигме которых значение ‘отказать при сватовстве’ вполне закономерно и связано со значениями ‘обругать’, ‘препятствовать’ и т.д.; ср., к примеру, глаголы с корнем *-тин-*: *вытинить* ‘отказать сватам’ (СРГК 1, 309), арх. *расхинить* ‘расстроить свадьбу’<sup>1</sup> (СРНГ 34, 292) – при *вытинить* ‘обругать, выбрать’ (АОС 8, 352; КСГРС), *расхинить* ‘помешать осуществлению чего-либо’ (СРНГ 34, 292). Фиксируются также фразеологизмы с прозрачной внутренней формой, которые подают ситуацию отказа «буквально» или с минимальной степенью переосмысления: *на простых (холостых) приехать* (ФСРГС, 151)<sup>2</sup>, *сватам лобана*<sup>3</sup> *спели* (Кузнецова, Логинов 2001, 38), *сделать отбой* (ЯОС 9, 21). Однако самую большую и наиболее важную для анализа группу составляют фразеологизмы (в редких случаях – цельнооформленные лексемы), которые содержат символику, требующую интерпретации. Они и будут рассмотрены в настоящей статье. Идиомы с этой семантикой уже становились объектом изучения (ср., например, интересную работу В.И. Ковалея (Коваль 1998, 91–100)), но появление нового русского диалектного материала и иные подходы к анализу позволяют вновь обратиться к этой теме.

Наиболее явный и поверхностный мотивационный уровень является «ассортиментным», поскольку определяет **сферы отождествления**, служащие источником номинативного материала, своеобразные предметно-тематические языки, на которых говорят о данном явлении, т.е. **коды**. Перечислим основные коды, в рамках которых функционирует изучаемая лексика:

*пицца*: *получить блин* (НОС 8, 99), *дать блин* (КСГРС), *солоника дать (поставить)*, *солоник*<sup>4</sup> *сватить* («Солоника поставит невеста жениху – солоно жениху будет») (КСГРС), *гущи налить (наливать)* (АОС 10, 166; ДКРС, 342), *гущи налить в сапоги* («Невеста скажет: “Не иду”, пойдут жених да сват, скажут: “Гущу налили в

---

<sup>1</sup> Здесь и далее география языковых единиц будет особо отмечаться только в тех случаях, когда указание на территорию не входит в название источника (например, если факт извлечен из сводного Словаря русских народных говоров).

<sup>2</sup> Здесь и далее значения фразеологических единиц не будут приводиться, поскольку они однотипны: ‘получить отказ при сватовстве (о женихе или сватах)’, ‘дать отказ при сватовстве (о невесте)’. В единичных случаях, когда ситуация отказа при сватовстве или какие-то ее компоненты выражены цельнооформленными лексемами, значение языковой единицы будет указано (то же делается в тех ситуациях, когда имеются какие-то смысловые нюансы). Иллюстративные контексты даются выборочно.

<sup>3</sup> *Лобан* ‘песня-дразнилка’ (Кузнецова, Логинов 2001, 38).

<sup>4</sup> *Солоник* ‘пресная лепешка, посыпанная сверху солью’ (КСГРС).

сапоги”») (КСГРС), *гуцу повезти* (ДКРС, 342), *с гущей поехать* (РС, 481), *налить гуцу в голенища* (СРГК 1, 352), *квасной гущи в сани плеснули* (Кузнецова, Логинов 2001, 38), новг. *калитку*<sup>5</sup> *свесть* (СРНГ 12, 360), арх., карел. *с опарой*<sup>6</sup> *воротились, приехали*, карел. *накласть опары*, арх. *обдать опарой*, карел. *за опарой поехали* (говорят сватам, когда знают, что их ждет неудача) (СРНГ 23, 236), *налить (полить) опары в сапоги, прийти с опарой* (СРГК 4, 204), *им опары в сапоги налили* (Кузнецова, Логинов 2001, 38), *ритатуй*<sup>7</sup> *плеснуть* (КСГРС), *рыжиков нажарить* (КСГРС) и т.п. Ср. в других славянских языках: бел. *даць чорнай поліўжы*, польск. *dać czarnej polewki* («редкий суп») (Коваль 1998, 92);

**огородные и садовые культуры:** *дать редчину* (НОС 9, 122; 2, 73), калин. *редька* ‘отказ в сватовстве’ (СРНГ 35, 24); *дать репу* (КСГРС), *гороховину повесить* (КСГРС), ворон. *подкатить гарбуз* (СРФ, 31), *поднести гарбуз* (СРДГ 1, 95), *получить гарбуз* (ПОС 6, 138)<sup>8</sup>. Ср. данные других славянских языков: укр. *печеного гарбуза* («печеная тыква») *піднести* (ФСУМ 1, 136), *дістати гарбуза, покуштувати (взять) гарбуза, гарбуз кому покотився, давати гарбуза, піднести печеного гарбуза* (СРФ 31), *дасть, повисыть гарбуза, гарбуза спыкла, потяг, з’ив, узяв гарбуза* (Кабакова 2001, 162), *піднести кабака* (Гринченко 2, 202), с.-хорв. *dobiti širak* («шиповник»), болг. *давам трънката* («терновник»), *дадоха ми тиква в рџка*, бел. *гарошавы вянок* ‘отказ в любви’, *гарошавы даць вянок, гарошавым поздравіць вянком, атрымаў з гарошвін вянок*, польск. *dać grochowy wianec (wianek)*, чеш. *rojiti s hrachovým věncem* (Коваль 1998, 92–93, 100);

**одежда и обувь:** *лапти вешать (повесить)* ‘отказать парню/девушке при сватовстве или в танце’ (Морозов, Слепцова 1993, 7), *лапти сплести* (КСГРС), *лапти расплести* (КСГРС), *армяк сделать (скроить)* («То ли был не парень, То ли был не парнечок, К одной девушке посватался – Скроила армячок»; «На газете скроют армяк, пуговицы большие нарисуют, невеста его и выносит: “Ходили свататься, да армяк скроили”», скажут») (КСГРС), *не*

<sup>5</sup> Арх., влг., новг., пск. *калитка* ‘род ватрушки, лепешки с начинкой из толченого картофеля, крупы, каши и др.’, арх. ‘лепешка, блин (иногда смазанный сметаной, маслом и т.д.)’ (СРНГ 12, 359–360).

<sup>6</sup> Арх. *опара* ‘густой квас’, олон. *опара* ‘квасная гуща, солодовый осадок’ (СРНГ 23, 235–236).

<sup>7</sup> *Ритатуй* ‘пустой суп, похлебка из картошки и лука на воде’ (КСГРС).

<sup>8</sup> Дон. *гарбуз* ‘арбуз’ (СРДГ 1, 95); пск. *гарбуз* ‘тыква’ (ПОС 6, 138).

*пошить армяк* (КСГРС), *красный кафтан повесить* (КСГРС), *калаушку*<sup>9</sup> *повесить* (*навесить, построить*) (КСГРС), *шапку в лозань* (*вкинуть*) (СПП 81), *светлые пуговицы тебе, светлые пуговицы пришить* (КСГРС);

**посуда и кухонная утварь:** *подвесить* (*прицепить, подвязать*) *чайник* («Пришли пасватались, жыних ни-пандравился, йиму чайник и падвесили») (СРДГ 3, 642; 2, 102), *навязать котелок* (СРДГ 2, 320), *твер. осколка хватить*, *моск. съесть осколок* (*осколки*) (СРНГ 24, 12), *моск. осколочник* ‘жених, получивший отказ невесты’ (Войтенко 1993, 127), *дать мутовку* («Жених едет свататься, а девки уже знают, что подруга-то их откажет, вот они и привяжут мутовку к саням, жених едет, а все уже видят: девка, к которой едет, мутовку сёдня даст») (КСГРС), *влг. мутовку получил* (*дали*), *с мутовкой поехал* (*уехал*) (ДКРС 342; РС 481), *делать* (*дать*) *мутовку* (*мўтолку*<sup>10</sup>) (СРГК 1, 424; 3, 274), – но ср. *поварёнку получить* ‘получать согласие просватанной девушки’ («Если откажет невеста – сваты мутовку получают, а согласится – поварёнку получают») (СРГК 4, 578). Ср. также укр. *потягти ковша* (Коваль 1998, 98);

**орудия, инструменты, приспособления:** *на бороны выехали* (Кузнецова, Логинов 2001, 38), *моск. навязывать венки* (Войтенко 1993, 127), *вилы получить* (КСГРС), *гвоздь сковать* (КСГРС), *с клином приехать* (СРГК 2, 368), *кол привезти* (СРГК 2, 396), *кол поставить* (КСГРС), *строгнул шест, шест привезти* (ТООФРП, 88–89, 91), *шест потащить, с шестом поехать* (ФСРГС 141, 149), *шест получить* (КСГРС), *сшестить, шест привязать, шест привезти* (*притащить*) («Иванко-то четыре шеста привёз. Длиннуший шест Колька-то соседский привёз») (ЭИС 48), *сковывать шило* (ССЛО 42). Ср. также бел. *вілы возьмеш, на вілах паедзеш, прычачіць дзяркач, палучыць вёнік* (*галень*) (Коваль 1998, 93);

**вещества и материалы:** *ленингр. поехать со скипидаром* (СРНГ 28, 287), *арх. приехать с бутом*<sup>11</sup> (СРНГ 3, 309);

**свет и огонь:** *головёшку свесть* (НОС 11, 16), *ехать с головешкой* (ПОС 10, 139), *пск. головешку дать* (Ивашко 1981, 80), *гасить свечку* (СРГК 1, 330), *лампадку гасить* (*тушить*) (СРГК 3, 93), –

<sup>9</sup> *Калаушка* ‘шапка-ушанка’ (КСГРС).

<sup>10</sup> *Мўтолка* ‘мутовка’ (СРГК 3, 274).

<sup>11</sup> Арх. *бут* ‘смесь из песка и глины в виде раствора для скрепления кирпичей при кладке печи’ (АОС 2, 187).

но ср. *свечку засветить* 'выразить согласие на брак при сватовстве' (СПГ 1, 309);

*лес*: *заколodить*<sup>12</sup> («Он сватался, а она заколодила, отказала; значит, как колода, ни с места») (КСГРС), *сухара*<sup>13</sup> 'отказ при сватовстве' (СРГСУ 6, 78), *сухару вывезти (привезти)* (ЭИС 48; КСГРС), *сушину*<sup>14</sup> *притащить* (КСГРС);

*животные*: *телушечка не пошла* (КСГРС), *быка вывезти (привезти, привести)* («Парень быу Ванька Белоус, он сорок быков привёз, на сорок первой жениуся») (КСГРС), *горносталя добыть* (КСГРС), – но ср. *вывезти телушечку, куницу добыть* 'получить согласие невесты при сватовстве' (КСГРС).

Данный кодовый набор (подчеркнем: в него попали не все факты, а только те, которые могут быть объединены в какие-либо предметные блоки) в своих основных чертах соответствует кодовому своеобразию славянской свадьбы в целом (см. Гура (в печати); Байбурин 1993 и др.). В кодовом наборе намечаются две группы, различающиеся по референции, наличию/отсутствию связи с реально разворачивающимся обрядовым действием. Коды первой группы могут быть названы «**фрейм-кодами**»: в сценарии свадьбы реально используется одежда, посуда, пища и т.п., соответствующие коды оказываются вписанными в определенный фрейм, поэтому вполне ожидаемы и предсказуемы. Более того, элементы таких кодов могут быть «материализованы»: к саям неудачливых сватов иногда действительно привязывали огромный шест (ТООФРП 88–89), веник (Войтенко 1993, 127), мутовку (РС 481), ствол дерева с необрубленными сучьями (ДКРС 342), бросали в сани репу (ЭМТЭ), редьку (ТООФРП 87), плескали в них пивной гущей (ЭМТЭ), на масленицу сажали на зубья бороны парня, который не раз сватался, но получал отказ (Агапкина 2002, 231), и т.п. Ко второй группе относятся «**коды-метафоры**»: они не «пересказывают» реальную свадьбу, а иносказательно представляют участников или саму ситуацию сватовства. Если языковые фрейм-коды чаще всего дублируются на акциональном уровне, то единицы кода-метафоры могут раскрываться в фольклорном тексте. К примеру, в свадебной лирике невеста представляется как куница, жених – как

---

<sup>12</sup> Ср. литер. *колода* 'короткое толстое лежащее бревно'.

<sup>13</sup> *Сухара* 'высохшее на корню дерево' (СРГСУ 6, 78; КСГРС).

<sup>14</sup> *Сушина* 'высохшее на корню дерево' (КСГРС).

горностаи; образ горящей свечи может передавать красоту как невесты, так и жениха<sup>15</sup> (Лычева 2002, 17, 30, 34, 53); в присловьях, звучащих в речи сватов, гостей на свадьбе, в диалогах между сватами и родителями невесты жених и невеста регулярно называются быком и телочкой, бараном и ярочкой и т.п. (Трошина 2002, 80–84); ср. фрагмент диалога в доме жениха на второй день после свадьбы: «Телушка моя пропала, телушку свою ищу». – «А телушка твоя у меня в теплом хлеве стоит», – «А где ж теплый ваш хлев?» – «А вот где теплый хлев: у меня дома в спальне ваша телушка» (Русская свадьба 1, 84). Эта образность имеет мифологические корни, базируясь, например, на концептуальной для традиционной славянской культуры семантической связи «женщина – корова» (Власкина 2000)<sup>16</sup>.

Другой мотивационный уровень – **уровень мотивационных параллелей** – позволяет вписать изучаемые языковые единицы в одно мотивационное поле с моделями, которые пользуются тем же или сходным номинативным материалом для выражения иных смыслов. При этом номинативная общность дает возможность установить связи между различными регулярно повторяющимися смыслами и, тем самым, обнаружить определенные акценты в семантике анализируемой группы фактов: по сути дела, семантика «соседних» моделей создает некий смысловой фон, на котором рельефнее очерчивается смысловой потенциал данной модели. Для модели 'отказаться при сватовстве' обнаруживаются следующие «соседи» по мотивационному полю:

*изменять, нарушать верность в любви: затащить борону на крышу* 'изменить, нарушить верность' (НОС 4, 76), *получить блин* 'узнать об измене любимой (ого)' (НОС 8, 99), *лапти сделать (сплести)* 'изменить кому-либо в любви' (СПП 49), *репня* 'измена в любви', *репни*<sup>17</sup> *поест* 'узнать об измене в любви' (НОС 9, 137), *дать редчину* 'нарушать верность в любви; изменить' (НОС 9, 122), *рыжики (рыжики) дать (наделать, наставить, поднести ...)* 'изменить в любви кому-либо' (СПП 68), *тыква* 'измена в любви кому-л.' («Парень взял тыквину и поставил на порог, это про измену девчонке-то») (НОС 11, 74), пск. *на веннике прокатить*,

<sup>15</sup> При этом свеча одновременно может считаться единицей фрейм-кода: ср. использование свечей в обряде венчания.

<sup>16</sup> Ср., кстати, отражение этой связи в системе языка: *телочка* 'о невесте после сватовства' (ССЛО, 135), дон. *коровка* 'невеста' (Власкина 2000, 142).

<sup>17</sup> *Репня* 'репа; похлебка из репы, брюквы; каша из тушеной репы; каша из брюквы' (НОС 9, 136).



пск., новг. *головешку дать, головешку получить, головешки собирать* 'нарушить верность в любви, изменить' (Ивашко 1981, 80);

**бить, колотить:** *получить блин* 'быть побитым кем-л.' (НОС 8, 99), *печь березовые блины* 'бить, хлестать, пороть кого-либо' (ПОС 2, 42), пск. *дать бороновку* 'побить' (Ивашко 1981, 89), *дать буту* 'избить, поколотить кого-либо' (ПОС 2, 222), *преснух*<sup>18</sup> *надавать* 'избить, поколотить кого-либо' (СПП 62), твер., новг. *мутовку прописать* 'побить' (СРНГ 19, 30), *задать мутовку* 'побить' (СРГК 3, 274);

**обманывать:** *лапти сплести* 'обмануть, ввести в заблуждение', *гороховину грести* 'обманывать, врать' (КСГРС), свердл. *мутовить* 'хитрить, лукавить' (СРНГ 19, 30);

**вертлявая женщина, распутница:** *калаушка* 'женщина легко-го поведения' (КСГРС), *мутовка* арх. 'вертлявая, непоседливая женщина', влг. 'мотовка', иркут. 'ловкая, склонная к авантюрам женщина' (СРНГ 19, 30), 'о женщине, поведение которой не отличается постоянством' (СРГК 3, 274);

**отставать в чем-либо от других** (чаще – отставать на покосе, жатве): *заколить* (< кол) 'порицать того, кто отстает на покосе' (КСГРС); *килу волочить (принести)* 'отставать от других при выполнении сельскохозяйственных работ', *кила тебе!* 'слова, которые говорят тому, кто отстает при жатве'; *оставить на килу кому-нибудь* 'обогнать при жатве' (КСГРС). Ср. *килу повесить (привязать)* 'дать отказ при сватовстве' (КСГРС): это выражение не приводилось выше, поскольку тематически оно стоит особняком; очевидно, что возможность «повесить», «привязать» килу вытекает из того, что кила (грыжа), по поверью, может появиться вследствие сглаза, т.е. может быть «наслана» извне. Интересна, кстати, следующая параллель: порицая отстающего при жатве и произнося слова «кила тебе!», архангельские крестьяне ставят в борозду кол с насаженной на него репой или с привязанной к нему варезкой, которая наполнена репой (ЭМ ТЭ)<sup>19</sup> (ср. обычай бросать репу в сани неудачливых сватов).

В ряде случаев для моделей одного поля могут быть установлены отношения производности: допустим, семантика обмана в

<sup>18</sup> *Преснуха* 'пресная лепешка' (СПП 62).

<sup>19</sup> Этот обычай основан на уподоблении грыжи и репы (или других корнеплодов) друг другу по форме; такое уподобление закреплено в языке, ср. смол. *килуша* 'брюква' (СРНГ 13, 209), кемер. *редька* 'болезнь [какая?]' («Внешне на килу похожа») (СРНГ 35, 23).

связи с образом переплетающихся между собой стеблей гороха явно первична по отношению к семантике отказа. Для изучаемых фактов мотивационные параллели могут быть обнаружены и на внеязыковом уровне. К примеру, данный круг смыслов сходен с теми, которые связаны с символикой «нечестной» невесты (лишившейся девственности до свадьбы), ср.: идиома *осколка хватить* ‘получить отказ невесты’ «читается» в контексте символики разбитого, дырявого, сломанного и т. п., характерной для темы нечестной невесты (целый горшок, кувшин мог символизировать девственность, битый, дырявый сосуд или черепок от него – утраченную девственность, см. Толстая 1996, 196–197). При этом характерно, что тема «нечестной» невесты чаще выражается невербальными средствами (возможно, вследствие табуирования соответствующей лексики), в то время как «отказная» тема – вербальными.

Если предыдущие мотивационные уровни оперировали рядами однородных в том или ином отношении фактов, то наиболее интересный для семантической реконструкции уровень – **уровень внутренней мотивации** – предполагает учет всех разнонаправленных импульсов, которые мотивировали данный единичный факт. Здесь могут обнаружиться, во-первых, **символико-культурные мотивы**: например, «отказная» символика мутовки мотивирована тем, что она представляет собой палку с сучьями, повторяя в миниатюре такие символы отказа, как *борона*, *сухара*, *кол* (кстати, важна также функция «мешания», присущая мутовке). Во-вторых, могут сработать **собственно языковые** мотивы – например, ситуации народно-этимологических сближений: к примеру, идиома *дать редчину* мотивирована не только тем, что редька имеет горький вкус и сопоставима (как другие овощи) с шишкой от удара (ср. «овощные» и «фруктовые» номинации удара, битья: влад. *репицу начистить* ‘надавать шлепков, поколотить кого-л.’ (СРНГ, 35, 69), *дать редчину* ‘побить кого-л., дать подзатыльник’ (НОС 9, 122), *дать тыквину* ‘ударить, побить кого-л.’ (НОС 11, 74), влг. *лимонить* ‘колотить, бить’ (СРНГ 17, 48), моск., твер., пск., новг. *залимонить* ‘сильно ударить кого-л., дать оплеуху’ (СРНГ 10, 209), ср. также жарг. *запомидорить* ‘ударить, чтобы образовалась шишка’ и *сделать сливку* ‘ущипнуть с поворотом’), но и тем, что слово *редчина* ‘редька’ притягивается к омонимичному *редчина* – ‘пустое место где-либо’ (НОС 9, 123).

Во многих случаях наблюдается наложение мотивировок «от культуры» и «от языка»: так, для интерпретации идиомы *получить блин* следует учесть как «культурную роль» блинов в свадебном обряде (девушки гадают с блинами о замужестве, молодых нередко кормят блинами или оладьями сразу после первой брачной ночи, устраивают блинный стол, мать невесты присылает блины к выходу молодых из бани, в заключительной части свадьбы зять угощается блинами у тещи; наиболее выразительно прокусывание женихом дыры в блине с целью символического оповещения о нечестности невесты (СД 1, 194-195)), так и эвфемистические возможности самого слова *блин*. Кроме того, и «культурные», и «языковые» мотивы могут разрабатываться в соответствии с **инерционно-системной логикой** (или, иначе говоря, логикой системной индукции) – тем самым образуется особая группа «ослабленных» мотивировок, которые непонятны вне ряда. К примеру, мотив светлого, белого цвета, реализованный в идиоме *светлые (белые) пуговицы тебе*, появляется как антонимическая реакция на символику красного цвета, «патронирующего» свадебный обряд (и особенно явно связанного с темой «честной» невесты, в рамках которой он получает обоснование как символическое обозначение дефлорации (Толстая 1996)), ср. *белая косоплётка* ‘старая дева’ (Ивашко 1981, 85), а также обычай перевязывать бутылки с водкой после первой брачной ночи красной лентой, если невеста честная, и белой – если нечестная (Толстая 1996, 196; Байбурин 1993, 86).

Разумеется, несмотря на единичность, «особенность» мотивационной истории каждого факта, рождающейся на пересечении нескольких мотивационных векторов, могут быть выделены некоторые сквозные линии, так или иначе просматривающиеся в мотивационной парадигме ряда фактов. Например: «острое, колющее» – *гвоздь, шило, вилы*; «соленое, горькое, едкое» – *солоник, редька, скипидар*; «что-либо недоделанное, только готовящееся к использованию или, наоборот, уже использованное, отработанное» – *бут, опара, гуща, головешка*; «имеющее полую сердцевину или не имеющее начинки» – *арбуз, тыква, кабачок, блин, калитка*; «постное» – *репа, редька, ритатуй*; «сухое» – *сахара, сушина*; «ненарядное, некрасивое, не соответствующее ситуации» – *калаушка, армяк*; «являющееся символом угрозы» – *кол, шест*; «нецелое, разбитое» – *осколок*; «неподвижное» – *колода* и др.

Мотивационная специфика изучаемой группы лексических фактов состоит также в том, что здесь вполне допустимо выражение одного смысла антонимичными единицами, ср., к примеру, *лапти*

*сплести // лапти расплести, армяк скроить // не пошить армяк.* Думается, дело тут скорее не в забвении исходного варианта (что, впрочем, тоже возможно), а в характерной для культурной символики своеобразной энантиосемии, возникающей вследствие повышенной «знаковости» символического языка, при которой однажды найденный знак легко мигрирует в разные зоны определенного смыслового поля. При этом для каждого из полюсов энантиосемичной пары может быть найдена своя мотивировка. К примеру, «отказную» семантику идиомы *лапти сплести* следует, очевидно, трактовать как производную от семантики обмана (ср. приведенные выше выражения *лапти сплести* ‘обмануть’, *лапти сделать (сплести)* ‘изменить кому-либо в любви’, а также просторечное *обуть кого-нибудь в чёртовы лапти* ‘ловко обмануть’; вообще, образ плетения, заплетания регулярно используется для выражения идеи обмана, вранья). Что касается фразеологизма *лапти расплести*, то он может быть понят в связи с символикой намерения, целеполагания, которая оказывается связанной с образом лаптей (ср. *лапти наладить* ‘собираться сделать что-л.’ (КСГРС)); образ лаптей здесь репрезентирует идею передвижения, устойчиво соотносимую с семантикой намерения, ср. также жарг. *лыжи навострить* ‘намереваться сделать что-л., пойти куда-л.’. Весьма типична для изучаемой группы ситуация, когда одна языковая единица (или ее дериваты) выражает противоположные смыслы, ср. *сухара* ‘отказ при сватовстве’ // *сухарница* ‘любовница’ (СГРСУ 6, 78), *сухарить, сухариться* ‘дружить (о молодом человеке и девушке), испытывать взаимное чувство любви’, *сухарник* ‘ухажер, возлюбленный’ (СГСЗ, 462) и т.п.; *заколodить* ‘дать отказ при сватовстве’ (ср. также *заколodить* ‘создаться препятствию, помехе в чем-н.’ (ПОС 11, 252–253)) // *заколodить* ‘привязать к себе, влюбить в себя’ (ПОС 11, 252–253)<sup>20</sup>. Здесь мы вновь наблюдаем «кружение» сходных знаков в рамках одного смыслового поля, при котором тоже возможна известная автономность элементов оппозиции друг от друга. Так, образ *сухары* и *сушины* в связи с ситуацией отказа мотивирован представлением о неполноценности, безжизненности, опустошенности сухого (ср. также литер. *всухую* ‘с сухим счётом, не получив ни одного очка (в игре); проиграв’, курск. *насухо* ‘не давая вознаграждения, без подарков и угощения’ (СРНГ 20, 208), *сухарём* ‘порожняком, без груза и пассажиров, без ноши’ (КСГРС),

<sup>20</sup> Ср. близкую пару: *заламывать* ‘святая девушку, получить согласие на брак’ // *заламывать (дорогу)* ‘повалив дерево, преграждать путь (как правило, свадебному поезду)’ (ПОС 11, 284–285).

*отошёл, как отсуха* 'ни с чем или с носом' (СРНГ 24, 330) и т.п.) – здесь задействован «результат» высыхания; в то же время обозначения возлюбленных с помощью слов *сухарник, сухарница* и т.п. мотивированы «процессуально» – высыхая (особенно под действием огня, символически связанного с темой любви), предметы «присыхают» друг к другу (ср. литер. *присушить* 'заставить полюбить кого-либо, привязать к кому-либо').

Учет описанных выше мотивационных отношений позволяет интерпретировать «темные» однословные лексемы со значением 'дать отказ при сватовстве'. Так, для арх. глагола *ка́лежить* (КСГРС), формально соотносимого в системе севернорусских говоров с рядом омонимичных существительных (*калега* 'брюква', 'мокрый снег', 'невод для ловли мелкой рыбы', 'густой лес' (КСГРС)), следует выбрать в качестве производящего *калега* 'брюква'. Брюква «вписывается» в ряд с репой и редькой – и, соответственно, «брюквенная» номинация возникает как развитие «овощной» темы. Такое развитие могло произойти механически, как «холостое» скольжение по ассоциативному ряду, однако для него имеются и смысловые стимулы: брюква, как и другие овощи, является постной пищей; образ брюквы – опять-таки, среди других «овощных» образов – может быть использован для метафорического воплощения идеи удара, а семантика удара, битья, колочения, как было показано выше, связана отношениями выводимости с семантикой отказа.

Слово *конды́рить* (КСГРС), вероятно, производно от *конды́рь* 'козырек', 'шапка с козырьком' (КСГРС); данная лексема реализует ту же модель, что и идиома *калаушку сошить*. Появление в изучаемой лексической группе слов, называющих головные уборы, не случайно: во-первых, «подъязык» головных уборов и венков в символическом языке свадьбы маркирует изменение статуса молодоженов (шапка вообще может стать символической заменой жениха, ср. *сватать за шапку* 'сватать без участия жениха, заочно' (СРСГСП 3, 120), а также приводившееся выше *шапку в лозань (вкинуть)* 'об отказе невесты при сватовстве'); во-вторых, образы головных уборов – так же, как и овощей, – устойчиво связываются с семантикой битья (в данном случае ударов по голове), ср. *татарку* ('зимняя мужская шапка') *сошить* 'побить, избить' (ФСРГС, 186), пск. *в колпак надавать, надавать колпаков* 'ударить по голове' (Ивашко 1981, 91), а также просторечное *дать по шапке*.

Глагол *отшóйдать* (КСГРС), обозначающий не только 'отказаться при сватовстве', но и действие отказа вообще, формально может быть соотнесен с несколькими омонимичными существительными *шóйда* ('поперечная жердь, планка, скрепляющая бревна плота, доски двери и т.п.', 'жердь, которой расправляют рыболовную сеть в воде', 'озерная трава', 'пара веников, связанных для просушки' (КСГРС)), из которых по семантическому критерию следует предпочесть *шóйда* (*ше́йда*) 'пара веников, связанных для просушки', ср. также *ше́йдать* 'ломать ветки для веника', *шóйдать* 'вязать веники' (КСГРС). Тогда *отшóйдать* – буквально «разъединить, отделить друг от друга веники». Этот смысл вполне достаточен как мотивационная база, ср. *ветку заломить* 'отказаться от чего-либо' (АОС 4, 18); но можно принять во внимание также разнообразные культурные функции веника, тесно связанные, в частности, со свадебным обрядом: к примеру, показателен вологодский ритуал собирания невестой в охранительных целях веника, предварительно разобранного по пруту (Виноградова, Толстая 1993, 21), – тогда за разламыванием веника необходимо признать негативный смысл. Вероятно, в данном случае определенную значимость имеет и разрушение парности веников (о важности этого обстоятельства говорит, к примеру, функционирующий в рамках свадебного обряда полесский обычай связывать попарно сваренные после первой брачной ночи вареники, начинка которых символизировала честность / нечестность невесты (Толстая 1996, 200)). Не исключено также, что внутренняя форма глагола *отшóйдать* может быть прочитана как «отхлестать веником» – в этом случае срабатывает описанный выше переход 'бить, колотить' → 'отказывать'.

Итак, «культурная этимология» должна учитывать специфику своего объекта (лексики обрядов и верований), обнаруживающего как системно-языковые связи, так и прочитываемую на невербальном уровне культурную символику.

## ЛИТЕРАТУРА

- АОС                    *Архангельский областной словарь*. М., 1980–. Вып. 1–.  
Байбурин 1993      Байбурин А. К.: *Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов*. СПб., 1993.

- Виноградова, Толстая 1993 Виноградова Л.Н., Толстая С.М.: *Символический язык вещей: венчик (метла) в славянских обрядах и верованиях.* // Символический язык традиционной культуры. Балканские чтения – П. М., 1993. С. 3–34.
- Власкина 2000 Власкина Т. Ю.: *Репродуктивная лексика и культурный контекст.* // *Etnolingwistyka*. Lublin, 2000. № 14. С. 139–154.
- Войтенко 1993 Войтенко А. Ф.: *Что двор, то говор.* М., 1993.
- Гринченко Гринченко Б. Д.: *Словарь украинского языка.* Киев, 1907–1909. Т. 1–4.
- Гура Гура А.В.: *К семантической реконструкции славянской свадьбы: Основные мотивы.* // XIII Междунар. съезд славистов: Докл. рос. делегации (в печати).
- ДКРС Морозов И. А., Слепцова И. С., Островский Е. Б. и др.: *Духовная культура Северного Белозерья: Этнодиал. словарь.* М., 1997.
- Ивашко 1981 Ивашко Л. А.: *Очерки русской диалектной фразеологии.* Л., 1981.
- Кабакова 2001 Кабакова Г. И.: *Антропология женского тела в славянской традиции.* М., 2001.
- Коваль 1998 Коваль В. И.: *Восточнославянская этнофразеология: деривация, семантика, происхождение.* Гомель, 1998.
- КСГРС Картотека *Словаря говоров Русского Севера* (Екатеринбург, Уральский государственный университет, кафедра русского языка и общего языкознания).
- Кузнецова, Логинов 2001 Кузнецова В. П., Логинов К. К.: *Русская свадьба Заонежья (конец XIX – нач. XX в.).* Петрозаводск, 2001.
- Лычева 2002 Лычева Н. Г.: *Символический язык русской свадебной лирики: метафоры невесты, жениха и брака.* Дипл. раб. М. (МГУ), 2002.
- Морозов, Слепцова 1993 Морозов И. А., Слепцова И. С.: *Праздничная культура Вологодского края.* М., 1993.
- НОС *Новгородский областной словарь.* Новгород, 1992–1995. Вып. 1–12.
- ПОС *Псковский областной словарь с историческими данными.* Л., 1967–. Вып. 1–.
- РС *Русский Север: этническая история и народная культура.* XII–XX века. М., 2001.
- Русская свадьба *Русская свадьба.* М., 2000. Т. 1–2.

- СГСЗ *Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья*. Новосибирск, 1999.
- СД *Славянские древности: Этнолингв. словарь*: В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М., 1995–. Т. 1–.
- СПГ *Словарь пермских говоров*. Пермь, 1999–. Вып. 1–.
- СПП *Словарь псковских пословиц и поговорок*. / Сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. Спб., 2001.
- СРГК *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*. СПб., 1994–. Вып. 1–.
- СРГСУ *Словарь русских говоров Среднего Урала*. Свердловск, 1964–1987. Т. 1–7.
- СРДГ *Словарь русских донских говоров*. Ростов-на-Дону, 1975–1976. Т. 1–3.
- СРНГ *Словарь русских народных говоров*. Л., 1966–. Вып. 1–.
- СРСГСП *Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья*. Томск, 1992–1996. Т. 1–3; 1998. Доп.
- СРФ Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.: *Словарь русской фразеологии*. Историко-этимологический справочник. Спб., 1999.
- ССЛО Костромичева М. В.: *Словарь свадебной лексики Орловщины*. Орел, 1998.
- Толстая 1989 Толстая С. М.: *Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры*. // *Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: Источники и методы*. М., 1989. С. 215–229.
- Толстая 1996 Толстая С. М.: *Символика девственности в полесском свадебном обряде*. // *Секс и эротика в русской традиционной культуре*. М., 1996. С. 192–206.
- ТООФРП *Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья*. / Сост. Г. Г. Шаповалова, Л. С. Лаврентьева. Л., 1985.
- Трошина 2002 Трошина Н. А.: *Терминология и символика русского обряда сватовства*. Дипл. раб. М. (МГУ), 2002.
- ФСРГС *Фразеологический словарь русских говоров Сибири*. Новосибирск, 1983.
- ФСУМ *Фразеологичний словник української мови*. Київ, 1993. Кн. 1–2.



- ЭИС Востриков О.В.: *Традиционная культура Урала: Этноидео-графический словарь русских говоров Свердловской области*. Екатеринбург, 2000. Вып. II: Народная свадьба.
- ЭМ ТЭ Этнографические материалы Топонимической экспедиции Уральского государственного университета (Екатеринбург, УрГУ, кафедра русского языка и общего языкознания).
- ЯОС *Ярославский областной словарь*. Ярославль, 1981–1991. Вып. 1–10.

*Уральский государственный университет им. А. М. Горького*  
*пр. Ленина 51, 620 083 Екатеринбург, Россия*  
berez@mail.ur.ru



# К вопросу о номинации головных уборов восточных славян

Галина Миронова

Данное сообщение представляет собой некоторые наблюдения в области семантической мотивированности на материале названий, обозначающих традиционный женский головной убор у восточных славян; в частности, приведены отдельные, наиболее распространенные модели, по которым происходит номинация в пределах указанной тематической группы.

Семантическая мотивированность как совокупность дифференциально-семантических признаков, лежащих в основе обозначения объектов внеязыковой действительности лексическими единицами языка, является своеобразным способом реализации концептуального освоения окружающего мира человеком, его мировидения.

Материал, анализируемый в данном сообщении, собран путем сплошной выборки из диалектных словарей трех восточнославянских языков и позволяет изложить некоторые предварительные соображения о мотивационных признаках, оказавшихся в основе наименования издавна типичного женского головного убора восточных славян (будем считать за таковой реалию, обозначаемую родовыми названиями *плат*, *платок*, *хустка*).

Так, в частности, обнаружено, что в восточнославянских языках существует значительное количество номенов, содержащих в себе условно названную нами «идею защиты», реализованную во многочисленных девербативах-названиях платка (*платок* производное от *платъ* «кусок ткани, полотно», собственно то, что и выполняло функцию первоначальной одежды человека) (об идее защиты см. еще Миронова, 1992). Это, прежде всего, разветвленное гнездо родственных номенов от глаголов *запинатися*, *напинатися*: укр. *запинка* «большой шерстяной платок» (Пуд, 206); *напиначка* «большой шерстяной платок с бахромой, который одевают на плечи для красоты» (Вак, 181; СПГ, 133), *обпінанка*, *о(у)пенка* (уст., редко) «большой зимний платок» (КЗВГ, 245), (ср. еще *запанка* «женский головной убор» – ЕСУМ, II, 234) и бел. *аб(а)піна(л,н)ка*, *аб-пінаха* «большой суконный платок» (Я, 10, 15), *апінянка* «большой платок, которым накрываются в дороге в холодную или мокрую погоду» (Ян, I, 34), *апонка* (ПЗБ, I, 90), *о(б)п(и, і)на(н,ч)ка*,

*о(б)п(и, і)нка, оп(ы, і)н(а, ё)ха* (Брэст, 154; Тур, III, 233), *нап(ы, і)н(ан)-ка* «вовняна хустка», (Брэст, 143; Я, 200), народноэтимологически осмысленное *о(а)пыльнка* «легкий тоненький платочек» (Брэст, 13) и др.

Прозрачная внутренняя форма номенов-девербатов бел. *об'язанка* «большой платок» (Брэст, 150), рус. *обязка* «платок на голову» (СРНГ, XXII, 13), *повязка* «вязаный или пуховый платок; шаль» (Яр, 1987, 17); бел. *абкрывачка* «большой платок, которым покрывают плечи» (Магіл, 7) и *покрыванка* «то же» (Я, 242), *абтулянка, абхітоўка* «большой теплый платок» (Сцяш, 16), *(о,у)хылянка* «то же» (Брэст, 157, 241), укр. и бел. *(за-, об-)матанка* «большой шерстяной платок» (ПУД, 206), укр. закарпатское *затягачка* «платок» (Пол, 146), рус. *накрывалка* «большая шаль, которой накрываются поверх всей одежды» (СРНГ, XIX, 351), *знуздалька* «второй платок, который одевают на шаль» (используется на Дону; Масл, 664), *подвязальник* «то же» (на Алтае; там же) не требует особых комментариев.

К этой группе с учетом этимологических данных следует отнести и демотивированное украинское название *манатка* «платок», (Грінч, II, 403), связанное с латинским *mantum* «плащ» (ЕСУМ, III, 377). Сюда же по мотивационным признакам необходимо приобщить и укр. *завійка* (см. еще соответствия в остальных восточнославянских языках), рус. *окрутник*, белорус. *окручванка*; рус. *наметка, намёточка* «длинный женский головной платок, обычно из тонкого или редкого холста; женское головное покрывало, накидка, вид фаты; вид чепца» (СРНГ, XX, 35), укр. *намітка*, бел. *наметка*, которые яются синонимическими названиями реалии, использующейся для специального (обрядового) назначения или/и указывающей на социальный статус лица, которое/на которое одевает/ют ее.

Обнаружено, что среди указанных названий существует также значительное количество номенов, обусловленных кроме того следующими мотивационными признаками (МП): материал, способ ношения, способ изготовления, качество, цвет, форма, размер, функция и др.

Собранный материал свидетельствует о том, что группа наименований, объединенных вокруг общего мотивационного признака материал, в свою очередь, может рассматриваться как имеющая, с одной стороны, мотивационно прозрачные названия, образованные по моделям:

а) названия ткани  $\Rightarrow$  название исследуемой реалии;

б) название ткани  $\Leftarrow$  название растения/птицы/животного, из которых изготовлена ткань или которая напоминает/похожа на реалию)  $\Rightarrow$  название реалии;

в) название ткани  $\Leftrightarrow$  название города/местности, где впервые начали производить ткань  $\Rightarrow$  название реалии.

С другой стороны, в процессе исследования обнаружены номены с прозрачной внутренней формой, которая включает в себя не только мотивационный признак материал, но и одновременно другие МП, как напр., способ ношения, способ изготовления, функции и т. д.

Итак, к первой из названных групп, т. е. к названиям, образованным только по МП материал, следует отнести следующие номены, зафиксированные в русских говорах:

*атласка* «большой шёлковый платок» (СРНГ, I, 290), производное от *атлас*, букв. «гладенький» – «шелковая или полуселковая ткань с блестящей поверхностью», заимствование которого осуществлено из тюркских языков через возможное польское или немецкое посредничество; предполагается, что тур. *atlas*, *atlaz* происходит от арабского *atlas*, означающего «гладкий, ровный», образованного от *талас* «гладить» (см. подробнее ЕСУМ, I, 96; СИС, 92);

*бурсовка* «шелковая шаль без кистей с рисунком ковра» (СРНГ, III, 298) (можно допустить, что указанный номен является производным от *бурса*. В частности, Фасмером осторожно высказано предположение о том, что этимологически номен *bursa* связывается с тур. *ibrişim* «шелковая нить» и персидским *berisem* «шелк»; анализируемая лексема, возможно, связана также и с удмуртским словом *burtsin* «шелк», которое, в свою очередь, заимствовано из чувашского языка (*porzin* «шелк»), а далее из турецкого (*ibrişim* «шелковая нить», Ф., I, 247); однако возможно еще одно объяснение возникновения анализируемого слова, но тогда оно уже не сможет рассматриваться только как такое, что содержит в себе мотивационный признак материал: с учетом возможного чередования гласного в корневой морфеме (*бурсовка* – *борсовка*) последнее можно увязать с укр. *борсати*, *наборсати* «низати, шнурувати, затягувати; нанизати, наплутати (ниток); обв'язати, обплутати», ср. еще неясное бел. диал. *барсаць* «завязывать» (см. подробнее ЕСУМ, I, 235);

*астаметный платок*, что означает «турецкий кашемировый платок, который носят на праздник в виде чалмы» (СРНГ, I, 287); слово является производным от номена *стамед* (*астамед*) «вид шелковой ткани», заимствованного через немецкое/голландское посредничество или взятого непосредственно из итальянского *stametto* (откуда и ст.-фр. *estamet* «грубая шерстяная ткань»); первоисточником же, как полагает Фасмер, является лат. *stamen* «основа ткани» (Ф., III, 744);

*га/о/лош/т/инка*, *голстинка* «платок, длинный платок или козынка» (СРНГ, УI, 117) – это названия, связанные с русским *холст*, *холстина* «покрывало», украинским *ховст* «глухой звук, шум», польским *chelst* «ткань, которая шелестит, трепещет» (Ф., IУ, 258; см. еще Цыг., 466); однако и здесь можно предположить в определенной степени народноэтимологическое переосмысление, связь со словом немецкого происхождения *галстук*, где оно означает «нашейный платок» или «вещь для шеи» (см. подробнее ЕСУМ, I, 461).

К этой же группе следует причислить прозрачные названия, зафиксированные в белорусском языке: *кисейка* «перкалёвый платок», *батиста(о)ўка* (производное от *батист*, заимствованное из французского *batiste* «сорт шелкового полотна») (Я., 48, 158), а также *пайшарцыянка* «платок» (Я., 258), *шарцыянка* «цветастый платок из шерсти фабричной выделки» (ЗНС, 73), *шарсянка* «вязаный платок» (Брэст, 267). Последних три названия связаны с праславянским \**srstь* «шерсть», что изначально, в исходном значении может трактоваться как «шершавая ткань» (см. еще: Ф., IУ, 431; Цыг., 431).

Можно также предположить, что семантически близким к этим вышеназванным наименованиям является белорусское название *палавінчык* «полушерстяной платок» (Я., 242), (ср. выше *пайшарцыянка*), хотя его, скорее, можно объяснить как название, мотивированное формой реалии, откуда *палавінчык* – это «треугольный платок» (Брэст, 41) в отличие от стандартного четырехугольного, т. е. половинный (ср. еще рус. *полуплаток*).

Значение белорусского номена *кисейка* семантизируется как изделие из грубой хлопчатобумажной ткани, что не совсем отвечает значению слова, от которого образовано название: ведь в русском (по Далю) *кисея* – это «тонкая прозрачная ткань, первоначально из крапивы, затем из хлопка»; источником происхождения названных слов является, возможно, турецкое *kasin* «раскроенная ткань»,

хотя существуют и другие этимологии, предполагающие первоисточником, напр., казахское *каса* «вид ткани» и т. д.) (Ф., II, 239).

Семантически близкими к предыдущему названию являются белорусские *сарпанка* «свадебный головной убор» (Тур., IУ, 15), *сырпанок* «белый платок» (Брэст, 224) (см. также польское *zierpanka* «тонкая ткань, покрывало») и украинское *серпанок* «кисея, покрывало на голову у заміжньої жінки» (Грінч, IУ, 116), «легка прозора тканина, вуаль». С пометой „устаревшее“ слово фиксирует толковый словарь современного украинского языка как «головний убір заміжньої жінки з прозорої тканини, що має вигляд шарфа» (СУМ, IX, 140), иллюстрируя семантику номена примером классической украинской литературы 19 ст.: «Матері своїй, вже й старенькій, теж принесе (Денис) коли платок, плахотку, пояс, чобітки, а коли й *серпанок*» (Квітка-Основ'яненко).

Семантика слова, отражённая в восточнославянских языках, свидетельствует о многофункциональности реалии, название которой мотивационно обусловлено тканью (см. рус. *серпянка*, *серпан* «редкая льняная ткань», заимствованные из персидско-турецкого *särpä-näk* «женский головной убор», где прослеживается связь с персидским *sär* «голова», Ф., III, 610).

Но кроме того, это название можно рассматривать и как такое, что не только даёт нам представление о реалии со специальным обрядовым назначением, но и указывает на её использование определёнными слоями населения, т. е. на социальную лестницу, своеобразный «табель о рангах»: «Не надіну я *серпанка*; Геть кожух і свиту геть! Одягнуся, як міщанка, У кораблик і керсет» (СУМ, IX, 140).

К новообразованиям по этому же мотивационному признаку принадлежат прозрачные по своей форме украинское прикарпатское *газіўка* и фонетически варьирующееся белорусское *газ(і,ы,ў)вка* «нейлоновый платочек» (Брэст, 41).

Образования по модели «название растения/животного ⇔ название реалии» представлены также прозрачными белорусскими *пянькоўка* (МдСл, 104; Сцяш, 393), *к(а,о)ноплянка* (ЗНС, 59, ПЗБ, II, 395; Тур, II, 214, Я, 150) и украинскими названиями *баранка* и *борушненка*.

Рассмотрим эти номены подробнее. Так, в частности, первое из названных *к(а,о)ноплянка*, являющееся производным от \**копорја*, а по мнению Фасмера, заимствованием из народной латыни (ЕСУМ,

II, 553; Ф., II, 312), используется для названия в разных районах Белоруссии «небольшого хлопчатобумажного платка, теплого хлопчатобумажного платка из льняной ткани или льняного платка домашнего производства».

Можно предположить синонимию некоторых украинских названий, если учесть данные других славянских языков. Так, в частности, гуцульское *бору(и)шненки* называет «святкові вовняні хустки з дрібними розкиданими квітами» (Гуц, 198), а бойковское *баранка* означает «велика груба хустка, плед», «вовняна шапка» (О., I, 44), см. еще кроме того номены, называющие различные виды одежды: укр. *баранок* «вид теплого одягу» (ЕСУМ, I, 138); ср. белорусское *баранышка* «зимняя шапка из овчины» (Спяш., 53) и т. д.

Однако возможна также еще одна интерпретация этих слов.

Первое из них *бору(и)шненки* можно рассматривать как производное от украинского *борушки* «шишки» (ЕСУМ, I, 200), что позволяет соотнести его с известным свадебным обрядом, подтверждением чего является указание на специфику использования платка – «праздничный да еще и украшенный цветами».

Второе образование *баранка*, возможно, представляет собой результат народноэтимологического переосмысления (при этом допускается контаминация или метатеза) заимствованного, очевидно из итальянского *barracano* «шерстяная ткань», что, в свою очередь, происходит из арабского *barrakān* «грубый материал (з верблюжої вовни) або плащ з нього» (ЕСУМ, I, 144; ср. Ф., I, 123). Анализируя данное слово, стоит обратиться ещё и к рус. *баркан*, *баракан* «вид ткани», укр. и белорус. *баркан* «т. ж.» или «сорт ситца» (ср. также сербохорватское *баракан* «шерстяное покрывало», словенское *баркан* «бумазея»).

Бойковское *барханя*, означающее «хустина» (О.), а также устаревшее *бархан*, семантизирующееся как «бумазея», *барханка* «одяг з бумазеї», *бархат* «оксамит», заимствованные из западноевропейских языков этимологически связаны с предыдущим словом (ЕСУМ, I, 146).

Интересными представляются зафиксированные в бойковских говорах номены *маринка*, которым называют «шерстяной клетчатый платок», а также *марійка* «невелика клітчаста хустка» (Бук., У, 58; ЕСУМ, III, 395), (ср. еще белорусское *шмарыноўка* «шерстяной клетчатый платок»).

Происхождение названных слов окончательно еще не выяснено, однако в данном случае можно предположить связь с названием



травянистого растения *марена*, из корня которого добывали красную краску.

Белорусское слово может быть связано с глаголами: русским *шмарить* «хлестать, бить» (которое В. Даль фиксирует с пометами „южное, северное, псковское“, и которое, следовательно, регионально отвечает предположению, см. еще далее), *шмариться* «делаться шершавым», т. е. «лохматиться» (ярославское); украинскими *шмарити*, *шмаряти* «бросать» (Ф., ІУ, 458), последние, возможно, указывают на действия, процессы обработки сырья и производства самой реалии (ср. еще польское *stargować* «колотить, бить», которое может быть источником заимствования).

В словаре Б. Гринченко зафиксировано название *гайструк*, которое обозначает «біла хустина; різновид жіночого головного убору з вишивкою по краях» (Грінч., І, 266). Можно предположить, что это название соответствует русскому *сорока*, если обратиться к этимологии родственного украинского слова *гайстер* «чорногуз», которое через польское *haister* «сіра чапля», было заимствовано из нижненемецкого языка (*heistr/heister* «сорока») (ЕСУМ, І, 454).

Название еще одной птицы соотносимо с наименованием исследуемой реалии. Так, в говорах Прикарпатья зафиксировано слово *павунка* (производное от *павун* «павич») (Грінч., ІІІ, 85), которым обозначают «яркий клетчатый платок размером 140 x 140 см, украшенный кистями разного цвета» (Вак., 181-182); номен передает красочность/разноцветность реалии, подобие по этому признаку птицы и платка.

Оттопонимическими можно считать несколько названий тканей, которые лежат в основе номинации анализируемых реалий в восточнославянских языках. Это, в частности, украинское (точнее, гучульское) *кашемірові хустки* «вовняні хустки, переткані срібними нитками червоного та бордового кольорів» (Гуц, 198), белорусское *кашміроўка* «шерстяной платок» (ПЗБ, ІІ, 448), *кашміроўка*, *кашмыр'евка* «шерстяной цветной платок» (Брэст, 92), с метатезой *камашырка* «шерстяной платок с кистями», *кашымірка* «шерстяной платок» (Магіл., 42), (см. украинское *каш(е)мір* «тонка вовняна тканина, терно та його відповідники в інших слов'янських мовах, що пов'язані з французьким *cachemire* «м'яка шерстяна тканина», которое происходит от старого названия княжества *Cachemire* «Кашмир» на севере Индии, где изготавливали эту ткань (см. еще: ЕСУМ, ІІ, 410; Ф., ІІ, 215).

„Индийского“ происхождения можно считать и название *мульти-ниўка* «цветастый платок», зафиксированное в белорусском языке (Сцяш., 262), ибо *Multan* – это наименование местности в одном из индийских штатов – Пенджаб (Ф., III, 8).

Названию города в Месопотамии мы должны быть обязаны, имея в белорусском языке номен *масліноўка* (*маслюнава хустка*) «летний шелковый платок» (Сцяш., 255; Я., 190), ведь заимствованное из французского слово *муслин*, от которого ведут своё начало названные производные, означает «легкая, тонкая и мягкая ткань» (ЕСУМ, III, 540).

От названия города *Arras*, находящегося в северной Франции, происходят протетические наименования исследуемой реалии, существующие в восточнославянских языках: украинское (полесское) *гарусок* «хустка з білої або кольорової вовни» (СПГ, 53) (ср. еще укр. диал. *гарас*, *гарасівка* «стрічка з гарусу; вузька вовняна стрічка», ЕСУМ, I, 478) и белорусские *гаруска*, *гары(у)соўка* «шерстяной платок» (Сцяш., 111; Я., 83) (см. русское диалектное *гарась*, украинское и белорусское *гарус*, заимствованные в 15 в. через польское *haras*, *harus*, чешское *haras* из немецкого *Arras*, *Harras* (Ф., I, 395).

На первый взгляд, русское название *беживка*, распространенное на Урале, обозначающее «женский платок особого рода» (СРНГ, II, 179), передает цвет изделия «светло-коричневый с желтоватым оттенком». Но это слово, производное от *беж*, являющееся недавним заимствованием из французского языка, ведет свое происхождение, очевидно, от латинского *baeticus* «із провінції Беттіка» (у південно-західній Іспанії, де вироблялась славетна вовна) (ЕСУМ, I, 161).

От французского города *Châlons* берет начало номен, называющий тонкую шерстяную диагональную ткань для подкладки *шалон*, являющийся производным для названий платков у белорусов и украинцев. Это, в частности, украинские *шавалоўка* «рід хустки» (Горбач, II, 92), прилагательное *шалінова* «дорога святкова хустка» (Вак., 18), входящее составной частью в описательное название головного убора (см. еще *шальон* «вид одягу», к сожалению, без конкретизации (Грінч., IУ, 483), а также белорусские диалектные *шал(е,і,я)н(е,і,о,ы)ўка*, *шаліньвка*, *шэвяленка*, *шалёнка* «шерстяной цветастый платок» (Брэст, 257; ПЗБ, У, 454; Тур, У, 318).

Две формы из богатого в фонетическом отношении вариативного ряда белорусских номенов могут свидетельствовать о народноэтимологическом осмыслении их: это *шалі́фка*, *шалёўка* «т. ж.», которые, можно предположить, связаны (сближение произошло не только на фонетическом, но и семантическом, ассоциативном уровнях) с русскими *шалёвка*, *шелёвка*, украинским *шалівка*, белорусским *шалёвка* «тесовая обшивка», см. выше «ткань для подкладки, подбивки, подшивки» (о ряде подобных примеров см. еще Миронова, 2001).

Известно, что одежда создается и совершенствуется в процессе взаимодействия разных этнических групп и является одним из ценных источников для решения вопросов, связанных с генезисом народов. Наличие в восточнославянских языках общих мотивационных признаков, лежащих в основе моделей, по которым образованы названия идентичной реалии, свидетельствует о давних связях украинцев, белорусов и русских и определенных общих моментах в их истории и взаимоотношениях с другими народами.

### УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Брэст	<i>Дыялектны слоўнік Брэстчыны</i> . Мінск, 1989.
Бук У.	<i>Матеріали до словника буковинських говірок</i> . Чернівці. 1978. Вип. 5.
Вак	Вакалюк Я. Ю.: <i>Лексико-семантична характеристика назв одягу в говірках Прикарпаття</i> // Проблеми української діалектології на сучасному етапі. Житомир, 1990.
Горбач	Горбач Олекса: <i>Південнолемківська говірка й діалектний словник с. Красний Брід</i> . Мюнхен, 1973. Вип. 2.
Грінч	<i>Словарь української мови</i> : В 4 т. // За ред. Б. Д. Грінченка. Київ, 1958–1959.
Гуц	<i>Гуцульщина</i> . Історико-етнографічне дослідження. Київ, 1987.
ЗНС	<i>З народнага слоўніка</i> . Мінск, 1975.
ЕСУМ	<i>Етимологічний словник української мови</i> : В 7 т. // Під ред. О. С. Мельничука. Київ, 1982. Т. 1; 1989. Т. 3.
КЗВГ	Корзонюк М. М.: <i>Матеріали до словника західноволинських говірок</i> // Українська діалектна лексика. Київ, 1987.

- Магіл *Матэрыялы да абласнога слоўніка Магілёўшчыны.* Мінск, 1981.
- Масл *Маслова Г. С.: Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах.* Москва, 1984.
- МдСл *Матэрыялы для слоўніка народна-дыялектнай мовы.* Мінск, 1960.
- Миронова, 2001 *Миронова Г.: К вопросу о сравнительно-типологическом исследовании славянских языков. // Sb. prací FF brněnské univerzity, A 49, 2001, s. 87 - 105.*
- Миронова, 1992 *Миронова Г.: Терминология восточнославянской народной культуры: функциональный аспект. // Русское языкознание. Київ, 1992, č. 24, s. 8 - 15.*
- О. *Онишкевич М. Й.: Словник бойківських говірок.* В 2 ч. Київ, 1984.
- ПЗБ *Слоўнік беларуськіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яё пагранічча.* У 5 т. Мінск, 1980. Т. 2; 1986. Т. 5.
- Пол *Полянская Э. В.: Украинская народная одежда Закарпатья (этнические взаимосвязи и локальные особенности).* Киев, 1977.
- Пуд *Проблеми української діалектології на сучасному етапі. // Тези доповідей і повідомлень ХУІ Республіканської діалектологічної наради.* Житомир, 1990.
- СІС *Словник іншомовних слів.* За ред. О. С. Мельничука. Вид. 2, виправлене і доповнене. Київ, 1985.
- СПГ *Лисенко П. С.: Словник поліських говорів.* Киев, 1974.
- СРНГ *Словарь русских народных говоров.* Ленинград, 1965. Вып. 1. 1969. Вып. 4. 1970. Вып. 6.
- Сцяш *Сцяшквіч Т. Ф.: Слоўнік Гродзенскай вобласці.* Мінск, 1983.
- Тур *Тураўскі слоўнік.* Мінск, 1982. Т. 2; 1985. Т. 4; 1986. Т. 5.
- Ф. *Фасмер М.: Этимологический словарь русского языка.* В 4 т. Москва, 1986.
- Цыг *Цыганенко Ф. П.: Этимологический словарь русского языка.* 2-е издание. Киев, 1989.
- Я *Янкова Т. С.: Дыялектны слоўнік Лоўшчыны.* Мінск, 1982.

Ян Янкоўскі Ф. М.: *Дыялектны слоўнік*. Мінск, 1959.  
Яр *Ярославский областной словарь*. Ярославль, 1987.

*Filozofická fakulta, Masarykova univerzita*  
*Arna Nováka 1, 602 00 Brno, Česká republika*  
myronova@phil.muni.cz



# Ungeklärte Etymologien im Slavischen und ihre Zuordnung zu Bedeutungsfeldern

*Corinna Lescher*

In diesem experimentiellen Ansatz soll versucht werden, unklare und schwierige Etymologien einzelnen Bedeutungsfeldern zuzuordnen, um sich gegebenenfalls der Herausarbeitung archaischer Schichten im Wortbestand (und somit in menschlichen Lebens- und Vorstellungswelten) in slavischen Sprachen mit den entsprechenden Rückschlüssen anzunähern. Als Korpus werden exemplarisch für das Bulgarische das Etymologische Akademie-wörterbuch herangezogen – und zwar Band 1 vollständig, sowie die Bände 2 bis 5 aus Platzgründen auszugsweise, sowie für das Russische als Vergleichskorpus das Etymologische Wörterbuch von Vasmer in der Bearbeitung von Trubačev, dabei ebenfalls Band 1 vollständig, und die Bände 2 bis 4 auszugsweise.

Über diesen Beitrag hinaus sind erste Ansätze zur Feststellung möglicher Häufungen unklarer Etymologien im geografischen Raume getätigt worden, die es – als nächste Etappe – unter geolinguistischem Gesichtspunkt er-möglichen sollen, archaische Konzentrationsgebiete herauszuarbeiten und Hypothesen über deren Entstehung aufzustellen.

Eine unklare Etymologie eines Wortes heißt ja, dass nicht eindeutig ein Etymon, oder überhaupt keines, und zwar weder in Kontaktsprachen (also in den entsprechenden Super- und Adstraten), oder bekannten oder rekonstruierten Vorstufen von Sprachen bzw. unter bisher bekannten Substrat-elementen gefunden werden kann.

Hier ist bewusst dieser Teil des Wortbestandes ausgeklammert worden, der nach heutigem Ermessen sehr wahrscheinlich onomatopoetisch zu erklären ist, mit dem Ziel, den Ansatz methodologisch eindeutiger zu gestalten.

Es ist möglich, dass für einige der in den genannten Korpora als unklar gekennzeichneten Etymologien in der Zwischenzeit Vorschläge zur Lösung vorgelegt worden sind – diese einzelnen Fälle beeinträchtigen jedoch die Eindeutigkeit des Ergebnisses in Bezug auf die weiter unten aufgeführten Bedeutungsfelder nur geringfügig. Viele der ungeklärten Etymologien können sicher auf bisher ungeklärte Lehneinflüsse bzw. Übernahmeprozesse zurückgeführt werden. Dabei kann versucht werden, eine archaische Schicht im Wortschatz über die – oft heterogenen Bedeutungsfelder – herauszufiltern bzw. zu isolieren. Zugleich soll dies mit Erkenntnissen, die aus anderen

Bereichen im Bezug auf Lehn- oder Übernahmeprozesse vorliegen, verglichen werden.

Sofern es sich bei den Wörtern bisher ungeklärter Herkunft um Übernahmen handelt, so müssten diese dem zugrunde liegenden Lehnprozesse regelhaft und nach bestimmten semantischen Gesetzmäßigkeiten verlaufen sein, nur dass in diesem Falle die entsprechenden Etyma weitgehend unbekannt sind, und nicht bekannt, wie bei einem lexikalischen Lehnvorgang, der sich nachvollziehbar abspielt, da beide Komponenten, der lexikalische Bestandteil in der „Gebersprache“, und das Resultat des Vorgangs in der Sprache, die das neue Element in sich aufnimmt, bekannt sind.

Bei der Nennung der Lexeme ist bewusst auf die Wiederholung der etymologischen Diskussionen verzichtet worden, da diese in den entsprechenden etymologischen Wörterbüchern nachgelesen werden können. Nicht immer sind die Einträge dort mit Betonungszeichen versehen.

In den genannten Korpora konnte eine Anzahl von Lexemen mit unklarer Etymologie ausgemacht werden – im Bulgarischen subjektiv mehr als im Russischen, und sie können verschiedenen Bedeutungsfeldern zugeordnet werden:

**1. Für das Bulgarische** – und dabei vor allem in seinen Dialekten bzw. seinen archaischen und umgangssprachlichen, manchmal sogar geheimsprachlichen Sphären – haben sich klar (zu einem kleinen Teil polysemantische) Bezeichnungen in den folgenden semantischen Feldern abgezeichnet:

**a)** Pflanzen (einschließlich Pilze) und ihre Teile:

z. B. *бàга* „Viola tricolor“, *баджур* „Pilzarten Agaricus campestris, Boletus edulis“ und *гаджур* mit zahlreichen Derivaten „Champignon“, *бамбатѹла*, *бамбатѹра*, *баба тура*, *бамба тура* „Helleborus odorus“, *битòнка* „Wiesenblume, aus der Tee gekocht wird“, *бобой* „Centauria orientalis“, *бобошка* „Lamium maculatum“, *бозлàn* „Turgenia latifolia“, *болики* „Helianthus latifolia“, *брюка*, *брюк* „Juniperus communis“, *бъкълчèц*, *бъклèц* „Scilla bifolia“, *бъмбъклица* „Unkräuterart, ähnlich der Kornrade“, *в̀стег*, *в̀дстег* „Astragalus glycyphyllos, Prunella vulgaris“, *геренѹда* „Waldkraut, das im Frühling roh gegessen wird und der Petersilie ähnelt“, *г̀ластар* (auch *г̀ластурец*) „Rumex acetosa“, *двакѹлè* „grasähnliche Pflanze, Kraut, mit dem Blätterteigtaaschen gefüllt werden oder aus dem Suppe gekocht wird“, *дèки* „Kiefernzapfen“, *дзанкамила* „Malva silvestris“, *дивижèняк* „Unkraut-Art“, *димлюс* und *див димлюс* „Lycopus europaeus, Salvia pratensis, Mentha silvestris“, *д̀д̀йкинче* „Antirrhinum majus“, *донадба* „Globularia vulgaris“, *ѐхче* „blaue Pflaumenart“, *жежовѹца* „harte Kirschenart“,



*жѡаър* „Buchecker“, *зеркѡла* „Plumbago europaea“, *купѡтел* „Waldkraut, mit der die Maul- und Klauenseuche geheilt wird“, *лиждѡв* „kleine Zwiebel“, *пърндарица* „an der Wurzel trockener Baum“;

b) Erscheinungen in der Landschaft und der Natur:

z. B. *ѡлага* „sandige Uferwiese am Flusse“, *бѡйка* „kugelförmiger, glatter Stein“, *бѡгор* „brüchiger Kalkstein“, auch „Flüssigkeit, die aus dem Munde des Toten austritt“, als Derivate (Adj.) *бѡгѡрен*, *бѡгорлив* „sehr salzig“, *бѡгорѡв* und in einer offensichtlich unveränderlichen Form *бѡгор солѡно* „außerordentlich stark salzig“, *бран*, Pl. *брѡнове* „Welle eines Sees oder des Meeres“, *ваджѡя* „Einöde“, dazu die umgangssprachlichen und pejorativen Derivate (Adj.) *ваджѡшки*, *оваджѡшки* „öde, verdammt“, *вѡтѡзѡ* „Abhang“, *гамка* „tiefste Stelle in einem Fluss“, *гнел* „Rasenstück“, *дѡрян* „mit Unkraut bewachsene Stelle“, *ѡлошник* „Wind, der am Ochrid-See weht“, *жѡнгѡр* „kleines Loch in der Erde“, *забагастрѡн* „verlassen(er Weg)“, *замѡлѡвок* „kleiner, nicht zu Ende abgeernteter Teil des Ackers“;

c) Brauchtum, incl. traditionelle Feste und Volkstrachten bzw. volkstümliche Kleidung und Stoffe, volkstümliche Gegenstände, Schmuck, Kinderspielzeug und Kinderspiele: z. B. *беслѡн* „Stück Stoff für Puppen“, *беслѡм пеленѡ* (in Volksliedern) „dünne, schöne Windeln“, *бѡзер* und *бѡзѡр* „Manschette am Ärmel“, *бѡрѡн* „roter Stoff, Baumwollstoff“, *вѡгѡлце*, *вѡдалце* „Häkchen, mit dem der Ohrring ins Ohr eingehängt wird“, *влѡхва* etc., auch „Wahrsager“ (siehe unter Bezeichnungen für Personen), *галгун* „Eisen, die an den Bundschuhen angebracht werden, damit man auf diesen beim Gehen nicht ausrutscht“, *гесѡра* „bestimmte Musterart am traditionellen Trägerrock“, *глушѡ*, *глужѡ* „ärmellooses langes Kleidungsstück“, *глюѡ* „langes Kleidungsstück für Männer, ohne Ärmel“, *горушка* „Verzierung aus Perlen und Münzen, die mit einem Ende ans Ohr gehängt wird und mit dem anderen Ende an den Gürtel“, *гѡч* (selten) „große Trommel“, *гѡргѡл* „gekochter Mais, der am religiösen ‘Festtage der vierzig Märtyrer’ verteilt wird“, *дамлѡ* „Wettreiten im Rahmen der Volksbräuche am Festtage ‘Todorovden’“, *делѡци* „Verzierung an der Volkstracht der Mädchen, geflochten aus Stroh und mit bunten Perlen, roten Fäden usw. geschmückt“, *джѡнкѡс* und *джѡнкѡс-бѡнкѡс* „Jungenspiel: Bockspringen“, *джѡлѡ* „Tanz/Spiel der Frauen auf der Wiese zur Fastenzeit“, *джѡлия* „Übergewand mit kurzen Ärmeln“, *дѡндѡара* „Flaschenkürbis, der zur Verzierung angebracht wird“, *дѡиври* und *зѡври* „Art wollener Unterhosen“, *дубѡн* „Trommelstab“, *дѡманлѡя пѡрстен* „eine Art Ring“, *дѡрѡми* (Pl.) „Kleidung“ (siehe weiter unten), *ѡллига* „Kinderspiel Blind Kuh“, *ентѡк* „Öffnung, Schlitz

am Ärmel“, *еркмѣч* „verzierter Schlitz am Pelz“, *ѣшка* „eine Art Neujahrsbrauch“, dazu *ешкар* „Teilnehmer an diesem Neujahrsbrauch“ und als Adjektiv *ешкарски*, *жавга* und *жавгар* „ein hölzerner Pfeil, der am Tage vor Beginn der Fastenzeit zum Erhalt der Gesundheit geworfen wird“, *жаро* „Vampir, böser Geist, Nachtgeist“, *звич* „eine der Seiten eines Knöchelchens, mit dem gewürfelt wird“, *зівала-квала* „das Wippen von Zweien, von denen jeweils einer auf einem Ende der Wippe sitzt, die in der Mitte aufliegt“, *зърун бон* „Art Spiel auf dem Dudelsack“; evt. auch *гизмодул* „Parfum, Eau de Cologne“, und *калѹз* „Kranz, der sich an der Stelle bildet, an der der Weinstock angepflanzt ist“, *локумица* „Fransenart, fein wie Hanf“, das unklare *летовила*, siehe weiter unten, im Abschnitt zu den Ausdrücken mit unklarer Bedeutung; *ндсвер* „Bezeichnung für die Brauchtums-Figur des Kuker“;

d) Nahrungsmittel, z. B. *гангарица* „großes Stück Puffmais“, *демѹрка* (2) „Mahlzeit, die um fünf Uhr nachmittags eingenommen wird“, *джагъл*, *джагър* „harzige Substanz (Resina opopanax), die dem Kaugummi beigefügt wird“, *дубак* „Maiskolben“, *елимѣ* und *елемѣ* „große schöne Rosinen“, *жлаборѹна* „Fettgriebe“, *морѹга* „etwas sehr salziges“;

e) Handwerk, traditionelle Beschäftigungen und Landwirtschaft: z. B. *вагѹчка* „hellerer oder dunklerer Fleck beim Streichen“, *врукянче*, Pl. *врукянчики*<sup>1</sup> „Bauholz“, *гадница* „Schlacke“, *гирпѹн* „Faserabfälle beim Spinnen und Weben“, *горенѹца* „Bündel Hanf“, *дѣрак* „Wagenleitern am Wagen“, *джѣвгало* „Brett am Pflug, das die gepflügte Erde beiseite schiebt“ und weitere „Teile des Pfluges“, *джѹндѹри* (Pl.) „Maurer eines steinernen Mauerwerks“, *дзердзѣ* „Stock mit Ästen“, *дѹлка* „Deckenstoff“, *дѹлѹка* „Faden, Teil des Spinnrockens mit Wolle, Fädenbündel, kleines Strohбündel, Halme im Bündel“, *дѹпка* „Hacke zum Behacken der Maispflanzen“, *дирѹя*<sup>2</sup> „breite Hacke“, *диршдѹн* „größerer Leisten für (das Fertigen von) Schuhwerk“, *дѹба* „Häufchen Erde, aufgehäuft um die Wurzeln der Maispflanze“, *дудѹя* „Legierung aus Zink und Zinn; Zink“, *ѣзгина* „Gerät des Kürschners zur Bearbeitung der Häute“;

f) Alltagsgegenstände und Geräte bzw. Teile von ihnen: z. B. *варѹд* „Mühlrinne; ausgehöhlter Baumstamm in Form eines Bottichs“, *врѹница*<sup>3</sup> „kleiner Kahn“, das vor allem phonetisch unklare *гѹшка* „eine Art Fischernetz“, weiterhin *гердел* „Eimer, Zuber“, *гѣрка* „Tongefäß, Wasserkanne“, *гилѣме* „Balken an der Dachkonstruktion eines Hauses“, *детало* „Hindernis, das am Boden des Fasses oder Bottichs angenagelt wird, damit sich die Bretter nicht verziehen“, *джидѹж* (2) „Hirtenkübel für die

<sup>1</sup> Siehe auch Ivanov (1986: 248).

<sup>2</sup> Evt. aus dem Türk.

<sup>3</sup> Zu *орѹница*, ebenfalls diskutabil, cf. BER IV 914.

Milch“, *джугà* „Ring um die Achse des Wagens“, *дуда* (1) „tönernes Milchgefäß“, *замилàвка* „kleiner Pflock, auf dem ein anderer Pflock aufgesteckt wird“, *кутломòза* „Zwischenraum zwischen Vordach und Wand eines Gebäudes“, *кутломòзе* „freier Platz zwischen den Balken der Balkenkonstruktion und den Mauern des Hauses“, *лèрец* „Aschlaug zum Waschen“;

g) Tiere (so vor allem Fischarten) und Tierzucht: z. B. *бобой* „Fluss- oder Sumpffischart“, *бърсàк* „Kuh zur Zeit der Befruchtung“, *вàнгал*, gewöhnlich im Pl. *вàнгали* „getrocknete Exkreme am Hinterteil (des Schafes)“, *велевàр*, *велвàр* „Donaufischart *Abramis barba*“, *гилèйка* „Reifen, der beim Anspannen um den Hals des Pferdes gelegt wird“, *грùнец* „Süßwassersee-Fischart“, *гурòл* „Marienkäfer“, *гутер* „Tierart Ziesel, *Mus cytillus*“, *дердèр* „eine Art Feldvogel“, *джùлей*, *джуле-пèй* „Schnecke“, *дзвèрле* „kleiner Hund“, *ди*, *дий* „Ruf zum Antreiben des Viehs“ (davon das Verb *дикам* „‘dij’ rufen“), *диверика* „Fischart *платика*“, *догùличе* „Stieglitz“, *доч* „Ruf, der das Pferd zum Anhalten bewegen soll“, *елим* „Euter“, *жùбра* „Ziege mit kleinen Ohren“, *кацуль* „hinterer, unterer Teil eines Fischernetzes, in dem sich die Fische sammeln“, *липурилàда* „Muschel“;

h) Bezeichnungen für verwandtschaftliche Beziehungen (besonders im Bereich des Hochzeitsritus): *беркùша* „Schwägerin, Schwester des Ehemannes zur Zeit der Hochzeit“, *богазàй* „Vater des Schwiegersohnes oder der Schwiegertochter“, ferner „angeheirateter entfernter Verwandter, Gevater“, auch *погозèй* „Verwandter/Verwandte der Braut, der/die zur Hochzeit eingeladen ist“, *зàго* „Mann der Schwester, Mann der Tante“, *зìвич*<sup>4</sup> „Schwiegersohn“, *èца* „die Schwiegertochter gegenüber der Schwester des Ehemannes“;

i) Bezeichnungen für Personen, häufig anhand besonderer physischer Merkmale oder bezogen auf das Verhalten: z. B. *бòфла* „dicke Frau“, *брàмбало* „kräftiger, dicker Mensch“, *б(ъ)рндзìл* „Mensch mit abstehendem Schnauzbart“, *вèнда* „dumme Frau“, *вèнде* „dummer Mann“, *влèхва*, *влèхъв*, *вèхва*, *вèлфà* „Räuber, Gauner, Dieb, Wahrsager“, *зàвка* „Mädchen, das auf dem Weg mal nach hier, mal nach dort blickt“, *дадгùл* „Waise, Habenicht“, *джòкла* „flinke, magere Frau“, *дзвèрле* „kleingewachsener Mensch“, *дурùзин* „beleidigter und rachsüchtiger Mensch“, *зàмдраба* „ungeschickter Mensch“, *мемелàтин* „verwöhntes launenhaftes Kind“, *музìя* „mäkeliger, appetitloser Mensch“, *оролец* „Bezeichnung für einen Witwer und alten Mann im Rätsel“, *оролца* „Bezeichnung einer alten Frau im Rätsel“;

---

<sup>4</sup> Cf. dazu die Diskussion in Ivanov (1986: 260).

j) Ausdrücke aus dem Bereich des Gefühlslebens: z. B. *зѝрес* „Scham, Schande, Erniedrigung“, *д̀андал* – in etwa „Schreck“, nur in der Wendung *дандалот ми се зе* „ich habe mich erschreckt“;

к) Bezeichnungen für Personen aus einer bestimmten Region: *б̀ърсяци* (masc. *б̀ърсяк*, fem. *б̀ърсячка*) „Bezeichnung der Bauern im Gebiet Kičevsko pole“, *в̀ърцали* (Pl.) „vlachische Roma“;

л) und Erscheinungen am menschlichen Körper, Krankheiten und Körperteile: z. B. *бр̀эмка*, *бр̀умка* „Schwellung durch einen Schlag, Blutung“, *бр̀ндза* „Lippe“, *бр̀юка*, *брюк* „Windpocke“, *б̀унда* „Gesichtsseite, Wange“, als Derivate vgl. dazu *б̀ундя се*, *бунборя се* (über ein Kind) „beginnen zu weinen“, *г̀лъга* „saures Aufstoßen“, *гонт̀ал* „Faust“, *дж̀ингул* und *драуши* „Schleim, Rotz“, *дз̀ембри* „Augentalg“, *диву-д̀олка* „dünnes Bein“, *д̀илкя* „Haarsträhne“, *ж̀ебурка* „Falte im Gesicht, speziell auf der Stirn“, dazu *ж̀ебурлав* (Adj.) „faltig, ältlich“, *зим̀а* (2) „Milz“, *пру̀сиета* „Krankheit in den Leisten“;

м) Verschiedenes: z. B. *гал̀м̀езица*, *г̀ълм̀езица* „dumpfes Gemurmel, Stimmengewirr einer Masse“, *голог̀ан*<sup>5</sup>, *галаг̀ан* „kleine antike Münze“, *г̀ьопка* „etwas, das stört, Hindernis“, *дж̀идж̀ос* „Lauf“, *дж̀идж̀ос* und *дж̀идрос* „blitzschnell verschwinden“, *диримани* (Pl.) „Stücke“, *доку-л̀ен* „unterhaltsamer Scherz“, *ев̀ра* „November“, *лип̀ендик* „Moment“, und viele andere mehr.

н) Ferner Verben, grob klassifiziert nach ihren Bedeutungen: z. B. *втел̀есвам*, *втел̀есам* „in ein Unglück geraten, auf Unglück stoßen“, *балаг̀увам* „undeutlich sprechen, plappern“, *опел̀естим* „muksen, zu sprechen beginnen“, *бал̀дсвам*, *бал̀дсам* „sich mit etwas befassen, sich einer Sache annehmen, sich in eine Arbeit stürzen, jemanden bei der Arbeit stören“, *в̀н̀аг̀рувам се*, *в̀н̀аг̀ря се* „unverschämt auf etwas bestehen, jemanden fassen und nicht loslassen“, *в̀ниг̀арува(м) се* „sich aufdringlich an jemanden wenden“, *ес̀кря* „sich streiten, beleidigen“, *забр̀ендувам* „verstärkt anfangen zu arbeiten; jemanden dazu bringen zu arbeiten“, *б̀арам* „anfassen, mit den Fingern berühren“, *б̀ѝкам*, *б̀ѝквам*, *б̀ѝкна* „stecken, hineinstecken, anfassen, berühren“, *в̀к̀епсвам*, *в̀к̀епсам* „kurz anfassen, ergreifen, erwischen, fassen, packen“, *г̀ра̀фкам* „etwas schnell und unerwartet nehmen“, *д̀обаям* „greifen, berühren“, *дж̀в̀орнем* „schlagen“, *дриф̀уня* „schlagen“, *г̀епя*<sup>6</sup> „stehlen“, *ж̀ел̀чем* „berauben, plündern, ausrauben“, *втал̀б̀асувам*, *втал̀б̀ася* „stecken, hineinbringen, hineinstoßen“ (wie in *втал̀б̀асих го в̀ блатото* „ich trieb ihn in den Sumpf“), *гав̀на*,

<sup>5</sup> Cf. dazu auch rum. *gologan*.

<sup>6</sup> Bzw. *г̀ена* (Vb.) in Ivanov (1986: 259).

*гàвнувам* „etwas ins Wasser werfen oder klatschen“, auch „fallen“, *гìча* „Wasser (von entfernteren Stellen in Holzgefäßen) heranschleppen“, *èцкам* (1) „beladen, reichlich füllen“, und *èцна* „schwer auf die Erde abladen, zu Boden werfen“, *èцнувам се* „unerwartet fallen“, Derivate davon sind *наèцкам*, *наèцнем* „beladen, aufladen, hineinstopfen, vollstopfen“, *забиджàруам* „hinwerfen, fortwerfen, wegwehen, fortwehen“, *втърàм*<sup>7</sup> „hineingehen“, *дрìнжам* „ziellos umherlaufen, sich herumtreiben“, *ждрилì се* (3. Sg.) „weglaufen, loslaufen“, *вкàтрям*, *вкàтря* „etwas fest greifen, binden“, *бърча* „etwas falten oder knittern“, *гìржа* „glätten, bügeln“, *брìдам* „eine Handarbeit/Flechtarbeit auftrennen“, *вòргам* „den Faden in ein Nadelöhr einfädeln“, *гèндре се* (3. Sg.) „sich putzen, sich hübsch machen“, *ерепèтим се* „sich aufplustern“, *зригòсвам се*, *зригòсам се* „nach einer Krankheit genesen; sich physisch stabilisieren“, *ботèя* „wachsen, stürmisch wuchern; wüten, grassieren“, auch „krank werden, abnehmen, verfaulen“, dazu das Partizip *ботèл* „verdorben, verfault“, *бътрим* „berücksichtigen, achten, anerkennen“, *вздурèням се*, *вздурèня се* „(etw.) unverschämt ansehen“, *джàним се* „anstarren“, *дзùлям* „angespannt anstarren“, *запùтъвам се* „den Blick auf einen Punkt heften, den Blick umherschweifen lassen“, *вкìра се* „sich ins Bewusstsein drängen, lästig werden, zuwider werden“, *гирàта* „kitzeln, zum Lachen bringen“ in der Wendung *гиратено дете не спи* – in etwa „ein gekitzeltes Kind schläft nicht“, *вкокèтвам се*, *вкокèтя се* „vor Feuchtigkeit oder vor Kälte erstarren“, *вкоковàдвам се*, *вкоковàдя се* „vor Kälte steif werden“, *вкокордjàсвам*, *вкокордjàсам* „erstarren“, *вкокорàдвам се*, *вкокорàдя се* „vor Kälte erstarren“, *ждрìя* „kräftig wehen, ziehen“ (über Zugluft und Wind, dazu die Derivate *ждриàрник* und *ждриàрнишче* „verfallenes Haus, in dem ständig Zugluft weht“, *ждриенìчка* „Wehen, Zugluft“), *вкрацùням се*, *вкрацùня се* „sich taub, blind oder schlafend stellen“, *вларлùшам се*, *вларлùша се* „sich schlafend stellen“, *зàполта* „Ruhe schaffen“ (dazu die Derivate *зàполтен* „ruhig, sanft“ und *заполтùшено* „wolkiges, finsternes Wetter“), *джвìла*, *джвìля*<sup>8</sup> „(Wasser, Flüssigkeit) trinken, Tabak rauchen“, *дразгинèя* und *дърàзгìня* „wiederkäuen“ *джвъркам се* „sich plötzlich verstecken“;

о) Adjektive: z. B. *багайв* „krüppelig, hinkend“, *вкрòпцан* „an Zugeständen gewöhnt sein, nachgiebig, entgegenkommend“, wahrscheinlich

<sup>7</sup> Ivanov (1986: 249).

<sup>8</sup> Ivanov (1986: 286).

ein Adjektiv ist auch *вѹзъл, вѹзла, вѹзло* „der/die/das sich nicht dem Laster hingibt“, *голднар, гаропъл* „ganz nackt“ (z. B. in *гол голопар*), *гъбържѣн* „mager, schwächlich“, *дѣниѹки* „sehr groß“, *дѣмски* (über Wein) „verzaubernd, betrunken machend“ (vgl. auch *дѣмско тѣркалѣ* „eine Art Herbstblume“, und über alkoholische Getränke: *от Дима дѣмска ракия, дѣмско вино*), *жѣкав* „zäh“ (Der. *жекавя се*), *ойле* „verrückt“;

p) Adverbien: *вѹтума* „plötzlich, unerwartet“, *гомарно* „unangenehm, schwer“, *гумѣзно* „unangenehm“, *дѣмека* „mehr“;

q) anderes (wie Partikeln etc.): *давге* „vielleicht“;

r) Wendungen mit gänzlich unklarer Bedeutung oder unklare Bestandteile semantisch fossilierter Wendungen: z. B. *гаралѣе* in der Wendung *ходи по гаралѣете* (in einer artikulierten Form) „(er/sie) wandert umher, treibt sich herum“; *дамнѣ* – mit unklarer Bedeutung, es kommt nur im Volksliede vor (*Камо ти змиѣ из дамнѣ / да разпориш Мусу Арбанасу*), *дѣнци* mit unklarer Bedeutung, vgl. im Volksliede (*Кѣдите му, мамо, / сѣ от стари хора, / дѣниците му, мамо, / сѣ млади ергени*), *дѣурешки* – mit unklarer Bedeutung, nur in der Wendung *свири дѣурешки, дѣганѣна* mit unklarer Bedeutung und nur in der Wendung *сѣдѣхме лѣзе на дѣганѣна* (evt. zu *дѣгам* „heben, aufheben“), *дѣзма* unklar<sup>9</sup>, nur im Volksliede (*кѹпи ми цвѣке за русѣ кѣса, / кѹпи ми пѣфти за дѣзма снѣга, / кѹпи ми гримни за белѣ рѣце*); das etymologisch unklare *дрѣнкокош* „das Tragen von jemandem durch zwei Personen mit gekreuzten Händen“ (auch in einem Spiel<sup>10</sup>, und in dem Fluch: *да го донесат дрѣн-кокош*); das in jeder Hinsicht unklare *дрѣмел*, das nur in der Wendung (*с*)ѣс *дрѣмел кичат (в)рѣз месѣлето (месѣл* „Tuch, Tisch Tuch“) auftritt; das Verb *дрѣменя*, das nur in seiner negierten Form *не дрѣменя* vorkommt: „ich sitze nicht, ich gebe keine Ruhe, bin nicht still, schweige nicht“, *дѣрма*, meist im Pl. *дѣрми* „Kleidung“ in den Wendungen *взѣмай си дѣрмите* „verschwinde“ und *налѣгай си дѣрмите* „kümmere dich um deine eigenen Sachen, misch dich nicht in fremde Angelegenheiten“, *ешѣши* mit unklarer Bedeutung, evt. „Reiter“, vgl. dazu das dialektale *ѣша* „reiten“, kommt nur im Volksliede vor, cf. BER I 518; *забинѣчване на спѣци* mit unklarer Bedeutung; das Verbpaar *заклосвам се* und *заклосна се* mit unklarer Bedeutung und nur in der Wendung *пѹста се момѣ зѣклосна, па си момата сгодѣхме; качѣр* mit der wahrscheinlichen

<sup>9</sup> Evt. zu türk. *diz* „Knie“ ?

<sup>10</sup> Dies kann ein Reflex einer profanisierten Kulthandlung sein; der Wiederhall heidnischer Vorstellungen findet sich oft zu Aberglauben „unschädlich gemacht“, bzw. in Spielen wieder. Ein weiteres Indiz auf solche Sphären ist das Vorkommen im Fluche.

Bedeutung „erhobener Platz zum Aufstellen des Fässchens“, nur im Volksliede, BER II 289; *кѹтка* in der unklaren Wendung *да те намеря с кѹтка*, BER III 158; *летовила* mit unklarer Bedeutung – nur im Volksliede: *на сърце и самовила*, / *на гърло и летовила*; *пледница* mit unklarer Bedeutung, BER V 330, usw.;

s) einige Wörter lassen sich grob nach ihrer Bedeutung klassifizieren, wie *д̀андал* – in etwa „Schreck“, siehe weiter oben;

t) Wörter, in denen einzelne Bestandteile unklar sind, und zwar in lautlicher und in semantischer Hinsicht: z. B. ist in *дор̀д̀нан* „Stück Brot“ der Bestandteil *дор̀д̀* unklar [-*нан* leitet sich aus rumän. *pîine* „Brot“ her]; *дар̀н̀р* (Vb. *дар̀н̀рам*) – nur in der Wendung *дар̀н̀р дар̀н̀ран ме направиха* „sie haben mich vor Schlägen nahezu zerquetscht“, in dem der erste Bestandteil zu türk. *дар̀п* „Schlagen, Prügel“ gestellt wird, der zweite Bestandteil *-и́р* jedoch unklarer Herkunft ist, usw.

Unter Ausschluss der phonetischen Varianten und der jeweiligen Derivate ergibt dies für die hier untersuchten bulgarischen **Substantive unklarer Herkunft** in subjektiven, am lexikalischen Material orientierten Bedeutungsfeldern einen Anteil von:

36	Lexemen	aus dem Bereich	Brauchtum, traditionelle Kleidung etc.
28	“	“	Pflanzen
19	“	“	Tiere, Tierzucht
16	“	“	Handwerk/Landwirtschaft
16	“	“	Bezeichnungen für Personen
14	“	“	Alltagsgegenstände/Geräte
14	“	“	menschl. Körper/Krankheiten etc.
13	“	“	Erscheinungen in Landschaft und Natur
7	“	“	Nahrungsmittel
6	“	“	Verwandtschaftsbezeichnungen

und weitere.

In morphologischer Hinsicht ist anzumerken, dass die meisten Elemente unklarer Herkunft mit Hilfe üblicher bulgarischer Wortbildungsmittel wie Suffixen für Nomina und Adjektive bzw. Verben etc. in das bulgarische morphologische System eingegliedert wurden, bis auf einige Ausnahmen, cf. *дор̀д̀-* in *дор̀д̀нан* und subjektiv ungewöhnliche Formen (auch in Hinblick auf die Akzentverhältnisse) wie das unklare *зир̀ата* (Vb.) „kitzeln, zum Lachen bringen“, s. o., *д̀аници* „sehr groß“.

Manche stehen nicht in Konkordanz mit dem üblichen Genus, wie das maskuline *бърса̀к* für eine „Kuh zur Zeit der Befruchtung“ (cf. das Femininum *к̀ра̀ва*).

Es ist zugleich möglich, überblicksweise **örtliche Konzentrationen** anzudeuten: frappant ist die Konzentration unklarer Etymologien im südwestlichen Bulgarien im Pirin-Gebirge im Gebiet um Bansko, dabei vor allem im Bereich der Pflanzenbezeichnungen. Insgesamt gesehen sind die Ausdrücke mit unklaren Etymologien jedoch über das gesamte bulgarische Sprachgebiet verteilt.

Noch sehr spekulativ sind die Beobachtungen zu **typischen lautlichen Merkmalen**, die möglicherweise bei den fraglichen Elementen im Bulgarischen gehäuft auftreten, was mit einer größeren Materialfülle verifiziert werden müsste.

**2.** Für das **Russische** kann im Überblick angemerkt werden, dass im Etymologischen Wörterbuch von Vasmer/Trubačev als Vergleichskorpus insgesamt mehr als „unsicher“ bzw. „diskutabel“ gekennzeichnete Etymologien aufgeführt sind, und wesentlich weniger, die als gänzlich „unklar“ oder „dunkel“ bezeichnet werden, und demnach im beschriebenen Zusammenhang als Vergleichsmaterial herangezogen werden können. Eine hohe Anzahl sicherer **und** diskutabler Etymologien finden ihre Erklärung auf der Basis von altaischen Sprachen oder im Finno-Ugrischen, was altbekannt ist.

Bei den eindeutig als „unklar“ gekennzeichneten Etymologien bestätigen sich jedoch für das Russische in groben Zügen die Schwerpunkte in bestimmten Bedeutungsfeldern, und zwar handelt es sich dabei um die folgenden semantischen Felder:

**a)** Pflanzen (und Teile von ihnen): z. B. *басты́льник*, *басты́лина* „Unkraut, das in den Bauernhäusern als Heizmaterial verwendet wird“, *берескв́а* „Lapsana communis“, *берескле́т*, *берескле́д*, *бересбрéк*, *бересдрéнь* etc. „Euonymus“, *бúдра* „Glechoma hederacea“, *буды́ль* „Stängel, Stiel des Pilzes“, *бузла́к* „Crocus reticulatus“, *вахла́к*, *вахля́к* (polysemantisch, s. u.) „Zapfen eines Nadelbaumes“, *ва́ховь* „Hanf, Werg“ (cf. das Derivat *ва́хотить* „kalfaltern, Fugen abdichten“), *во́лданцы*, *во́лганцы* (Pl.) „Pilzsorte Falscher Reizker, *Agaricus torminosus*“, *зúгра* „Hafer“, *зорд* „Baumart *Viburnum lantana*“, *турáх* „Hopfen, (auch Rausch, Schwips)“, *ча́йс* „große rote Weintrauben-Art“;

**b)** Naturerscheinungen/Landschaft: z. B. *баклу́ши* (Pl.) „kleine Seen, die in einer Flussniederung liegen, die während des Hochwassers unter Wasser stehen“, *бачáга* „Lache, Pfütze“ und *бачáг*, *бачáк* „Untiefe, tiefes Loch im Fluss, Bach oder See, Wasserstrudel“, *бузýн* „kristallisiertes Salz (von Salzseen)“, *бырь* und *вырь* „Wasserstrudel“, *пóча* und



*но́ца* „Pfütz, Sumpf, altes Flussbett“, *чинговáтик* „Wald, der auf einer Brandstelle erneut wächst“;

c) Brauchtum etc.: z. B. *бдын(ь)* [cf. auch altruss. *бъдын(ь)*] „heidnisches Grabmal“, *блáнжа* „Volkstanz mit acht Tanzpaaren, eine Art Quadrille“, *вѣреѣ* (II.) „Zauberer, Hexenmeister“;

d) Kleidung: z. B. *бaxи́ла* „Arbeitsschuh des Bauern, Stiefel mit einem an Riemen befestigten Schaft“, *бóрошень* „Kleidung, Habseligkeiten“, *гомѣлькa* „Tuch, das der Bräutigam der Braut vor der Abfahrt zur Trauung schenkt“;

e) Nahrungsmittel: z. B. *бурдомáга* „dünne, trübe Brühe, Gesöff“, *везжá* „Fettschicht auf der kaltgewordenen Kohlsuppe“, dazu *везжá-ница* „Schaum auf der Fleischbrühe“, *турýша* „Art Fischgericht“, *щулéп* „großer Pfefferkuchen“;

f) Landwirtschaft/Tierzucht (incl. Fischfang)/Transport: z. B. *андрéц* „zweirädriger Wagen für den Transport von Garben und Heu“, *андрóн* „zweirädriger Wagen mit Schleppstangen für die Lieferung von Garben und Heu“, *арчá* „Bezahlung für das Reiten auf Hirschen/Rentieren“ (und dazu *арчáк* „Hirsch-, Rentiertreiber“), *барс* „Schlittenhöhle“, *бýкер* „Pflug mit 2 bis 3 Pflugscharen“, *зýса* „Schuppen für die Aufbewahrung des Winterfutters für das Vieh“, *дрóтик* „Wurfspeer“, *рýmпал* „Art Fischernetz für den Fischfang in Seen“, *шуршéлка* „Haustierkrankheit“, *я́бурь* „Schlitten für den Transport von Fellen“, *ярóм* „Rentierhirte“;

g) Tiere, Fischarten: z. B. *аргáш* „Forellenart“, *бéльгýн* „Sumpfeule, gelber Kauz, Strix brachyotus“, *бишáк* „großer Hering“, *вáндыш* „Fischart Stint, Osmerus eperlanus“, *васѣль* „kleiner Barsch“, *вѣреѣ* (III.) „Lerche“, *вѣхухоль* „Bisamratte, Moschusratte, Mygale moschata“, *гжѣголка* „Bachstelze, Motacilla“, *коксýн* „Entenart Anas clypeata“, *сардóнка* „Hecht“, *тýржа* „junger Lachs“;

h) Alltagsleben: z. B. *алáжь*, *алáшь* „Kochherd, Herdstelle am Bug des Bootes“, *андрóн* „Schöpfkelle“ (polysemantisch, siehe auch im Bereich „Landwirtschaft“), *аря́цина* und *оря́цина* „lange Gerte oder Rute“, *баклýша* „Holzblock, der zur Herstellung von Holzgeschirr und -besteck (Löffel, Schüsseln etc.) rundherum abgehauen wurde“ (auch: „Musikinstrument: Becken“), *бечевá*, *бичёвка* „Schlepptau, Zugseil“, *бéбexи* (Pl.) „Därme, Schläuche“, *варовина* „Strick, Leine, Seil“, *дрям* „Reisig, trockenes Brennholz“, *коморз* „Tongefäß, Krug“, *потимáлка* „Bastwisch zum Geschirrabwaschen“;

i) Schiffereiwesen: z. B. *ведига*, *ведѣло* „Floß mit Geländer für das Flößen von Harz, Teer usw.“, *вѣнзель* (III.) „Bootsanlegestelle, Bootsteg“;

j) Körperteile, Krankheiten etc.: z. B. *будылка*, *будышка* „Schienbein“, *вахляк*, *вахляк* „Beule, Schwellung, Geschwulst“, *волдырь* „Wasserblase, Brandblase, Hitzebläschen“, ferner das allerdings auf slavischer Ebene verbreiteter bekannte *воркоч* „Zopf“, dann *вóхлы* „zerzauste Haare“, *вья* „Hals“, *дутри* (Pl.) „Nasenschleim“, *скет* „Bauch“, *турік* „Brustkorb“;

к) Bezeichnungen für Menschen: z. B. *бударáга* „unruhiger Mensch“, *варна́к* „Zuchthäusler, Arrestant“, *вахля́к*, *вахля́к* „Dummkopf, Tölpel, ungeschliffener, grober Mensch“, *де́ка* „kräftiger junger Mann“, *дюндик* „kleingewachsener Mensch“, *турза́ль* „unansehnlicher, unschöner Mensch“;

л) Verschiedenes: z. B. *балендрясы* (Pl.) „Scherze“, *белиберда́*, *билиберда́*, *келиберда́*, *кулиберда́* „Unsinn, Blödsinn“, *бартé* „bitte, ich bitte dich“, *вьяха* „Schlag, Faustschlag“, *зогона́* „unanständiges Lied, Wortspiel“, *урьсь* „dumme Angewohnheit, schlechter Charakter“;

м) Adjektive: z. B. *бизо́й* „blind“; *бу́сый* „dunkelgrau, aschfarben“;

н) Adverbien: z. B. *вдо́вень* „gänzlich, völlig, endgültig“;

о) Verben: z. B. *будора́жить*, *бу́тарáжить* „beunruhigen, stören“ (dazu *бударáга* „Aufregung, Erregung, Aufwiegelung“), *буздану́ть*, *бу́знуть* „mit Kraft schlagen“, *вату́лить* „sich anstößig ausdrücken“, (zu *вьяха* „Schlag, Faustschlag“:) *вьяши́ть* „schlagen“, *гу́зандать* „langsam gehen“, *гунде́рить* (I.) „Diebesgut essen“, *дигани́ться* „sich hochmütig benehmen“, *рыго́зить* und *урыго́зить* „weglaufen“,

und viele andere mehr.

Unter Ausschluss der phonetischen Varianten und der jeweiligen Derivate ergibt dies für die hier untersuchten russischen **Substantive unklarer Etymologie** in subjektiven, am lexikalischen Material orientierten Bedeutungsfeldern einen Anteil von:

13	Lexemen	aus dem Bereich	Pflanzen
11	“	“	Tiere
11	“	“	Tierzucht, Landwirtschaft, Transport
10	“	“	Alltagsleben
9	“	“	menschl. Körper/Krankheiten
7	“	“	Erscheinungen in Landschaft und Natur
6	“	“	Bezeichnungen für Personen
4	“	“	Nahrungsmittel

3	Lexemen	aus dem Bereich	Brauchtum
3	“	“	Kleidung
2	“	“	Schifferei

und weitere.

Zu den Mechanismen von lexikalischen Übernahmeprozessen im Allgemeinen sind einige Untersuchungen getätigt worden, die sich speziell den *semantischen Feldern*, denen diese aus ihnen resultierenden Übernahmen zuzuordnen sind, gewidmet haben. Dabei konnten semantische Gesetzmäßigkeiten dahingehend ermittelt<sup>11</sup> werden, dass in Hinblick auf die hierbei involvierten Bedeutungsfelder häufig nach bestimmten Kriterien übernommen wird, bzw. dass vor allem die Bewahrung von Reliktwortgut (also Reflexen einer Substratsprache) an diesen Kriterien orientiert ist.

Im Bereich westslavischer Relikte in deutschen Mundarten – also demnach Reliktwörtern aus einem aus der Perspektive des Deutschen bekannten, nämlich slavischen Substrat – konnte eine Dominanz folgender Bedeutungsfelder herausgearbeitet werden<sup>12</sup>: I. *Nahrungsmittel*, II. *Landwirtschaft, Viehzucht, Haus und Haushalt, Handwerk*, III. *Pflanzen und Nahrungspflanzen (incl. Pilzen und Früchten), sowie Bezeichnungen für Tiere*. Aus einem polabisch/pomoranischen Vergleichskorpus sind in deutschen Varietäten überwiegend Reliktwörter aus den Bereichen I. *Fischerei (Fischnamen, Fischernetze etc.)* und II. *Bienenzucht* erhalten<sup>13</sup>. Sehr alte Übernahmen aus dem Slavischen im österreichischen Deutschen als Vergleichskorpus<sup>14</sup> sind vor allem in den folgenden Bedeutungsfeldern zu lokalisieren: I. *Nahrungsmittel, Haushalt und Landwirtschaft*, II. *Baufällige Hütten und verwahrloste Häuser, Fischerei, Bäume*, III. *Scheltwörter, Schimpfwörter*.

Die Dominanz der Bedeutungsfelder *Nahrungsmittel/Pflanzen, Haushalt, Landwirtschaft, Tiere* ist beim insgesamt untersuchten westslavischen Reliktwortgut evident und liefert Hinweise auf einen (sprachlichen) Konservatismus der bäuerlichen Lebenswelt für den Bereich *Landwirtschaft*, bzw. der weiblich-bäuerlichen Lebenswelt für den Bereich der *Nahrungsmittel* und der *Hauswirtschaft*. Die Beobachtung von Haugen (1950: 215), die er auf der Grundlage zahlreicher Beispiele in Einzelsprachen bei der Untersuchung der Grammatik von lexikalischen Übernahmen machte, nämlich die Tendenz, überwiegend in die Formklassen

<sup>11</sup> Winter (1992: 213).

<sup>12</sup> Leschber (2002: 120–141).

<sup>13</sup> ibd.

<sup>14</sup> Speziell im Wienerischen wurde überwiegend in folgenden Bedeutungsfelder Wortgut erhalten bzw. übernommen: I. *Tiere (Vögel etc.), Pflanzen und Speisen bzw. Nahrungsmittel*, II. *ferner Musikinstrumente, Tänze, Grenzverkehr, Fuhrwesen, Staatsverwaltung, etc.*

der Substantive und der Verben zu übernehmen, konnte in dem vorliegenden Versuch besonders anhand des bulgarischen Materials bestätigt werden, das sich demnach auch in dieser Hinsicht regelhaft verhält. Die oben aufgeführten Verben gehören allesamt in die Sphäre einer alltäglichen und emotiven Lebenswelt. Winter (1992: 213) stellte später fest, dass es für einen Lehntransfer generell ungewöhnlich sei, nur isolierte lexikalische Einheiten zu betreffen; vielmehr zeichne es sich ab, dass ganze Gruppen von Lexemen, die zu bestimmten semantischen Feldern gehören, übernommen werden. Im Falle des vorgenannten westslavisch-deutschen Sprachkontaktes scheinen ganze lexikalische Reliktgruppen persistiert und den Sprachwechsel überdauert zu haben. Bielfeldt (1963: 19) nimmt bei ähnlichen Lehnvorgängen schon früher eine Art 'Mikrolexik' wahr, die den Bereichen *Landwirtschaft, Fischerei, Geländebezeichnungen, Tierbezeichnungen und Viehzucht, Nahrungsmittel, Haus und Haushalt, Pflanzen und Nahrungspflanzen sowie Glauben und Brauchtum* zuzuordnen ist. Die Fortexistenz lexikalischer Relikte des Westslavischen in deutschen Mundarten in den oben genannten Bereichen (*Nahrungsmittel, Landwirtschaft, Tierbezeichnungen, Viehzucht, Haushalt, Pflanzen, Früchte, ferner Fischereiwesen und Bienenzucht*) spricht für die Tatsache, dass die ursprüngliche Bevölkerung an traditionellen Tätigkeiten und ihrer gewohnten (agrarischen) Lebenswelt auch mit gewohnten sprachlichen Mitteln festgehalten hat.

Im Bulgarischen ist archaisches Reliktwortgut besonders zahlreich und deutlich erhalten, und auf seinem Sprachgebiet, das flächendeckend Relikte lexikalischer Art aufweist, lassen sich zudem Reliktgutinseln mit höherer Dichte feststellen, unter denen das Gebiet um Bansko beim jetzigen Stand der Untersuchungen klar hervortritt. Beeindruckend ist die Zahl archaischer, unklarer Bezeichnungen im Bereich der bulgarischen Pflanzennamen, was für eine hochentwickelte Pflanzenkunde und demnach aller Wahrscheinlichkeit nach für eine kenntnisreiche Pflanzenheilkunde, diese vermutlich hohen Alters, spricht. Besonders auch die Konzentration unklarer Etymologien im Bereich des bulgarischen Brauchtums zeugt von der Persistenz archaischer Vorstellungen bei der Bevölkerung, für ihr Festhalten an Elementen der alten, traditionellen Volkskultur.

Falls es sich bei einigen der lexikalischen Elemente um Reflexe von Substratwörtern handeln sollte, spräche dies für eine Symbiose zwischen Slaven und einer im diskutierten Gebiete länger ansässigen Bevölkerung, wobei so viel Altertümliches bewahrt werden konnte, dass dann in diesen Fällen fast von einer kulturellen Dominanz substratischer Prägung gesprochen werden könnte.

- BER: *Bălgarski etimologičen rečnik* (1971-1996); Bălgarska Akademija na Naukite, Institut za bălgarski ezik; 1-5, A-puskam, BAN, Sofia.
- Bielfeldt, H. H. (1963): *Die historische Gliederung des Bestandes slawischer Wörter im Deutschen*. Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Nr. 4.
- Haugen, E. (1950): The Analysis of Linguistic Borrowing. *Language* 26, 211-231.
- Ivanov, J. (1986): *Bălgarskite tajni zanajatčijski govori*. Unveröffentlichtes Manuskript. Sofia.
- Leschber, C. (2002): Mechanismen lexikalischer Übernahmen am Beispiel von Sorabismen im Deutschen. In: Jordanova, L., C. Leschber (Hg.) (2002): *Deutsche und Bulgaren im Gespräch*. Germancite i bălgarite v dialog. No. 1. Bulgarische Lesevereinigung/Bălgarska Asociacija po četene. Sofia 120–141.
- Vasmer, M. (Fasmer, Maks) (1986-1987): *Étimologičeskij slovar' russkogo jazyka*. (Perevod s nemeckogo i dopoln.: O.N. Trubačev). 1-4, Moskva.
- Winter, W. (1992): Borrowing and non-borrowing in Walapai, in: *Language-Contact*. Theoretical and Empirical Studies. Trends in Linguistics. Studies and Monographs 60. Jahr, E.-H. (Hg.), de Gruyter, Berlin/New York, 213-228.

*Küstetter Str. 26, 14167 Berlin, Deutschland*  
 corinna@leschber.com



# Названията на растението *Helianthus annuus* в българския език

Лиляна Димитрова-Годорова

Най-разпространените културни растения в България се отличават с голямо разнообразие от названия. Отделни земеделски култури, като картофите и царевичата, са получили в диалектите много на брой названия, различни по произход и с различна семантична мотивация. Например само за растението картофи се употребяват имена, като *картофи*, *барабдѝ*, *кѝмпири*, *патати*, *кѝмбарри*, *гулѝи*, *влѝшки боб*, *грѝдки* и пр., както и повече от 50 техни фонетични и морфологични разновидности (Стойков 1957: 133). За широко разпространеното културно растение *Helianthus annuus*, известно в българския книжовен език под името *слънчоглѝд*, също са създадени голям брой названия. Всички те обаче (за разлика от названията на гореспоменатите и на други културни растения) имат домашен произход и всички са във връзка с думата *слѝнце*. Това се дължи на два факта: а) много типичните едри и яркожълти цветове на растението наподобяват формата и цвета на слънцето и б) многобройните, едри като пити съцветия всяка сутрин се обръщат на изток към изгряващото слънце и следят неговия дневен кръговрат. Затова различните европейски народи са го нарекли „слънчев цвят“ или „цвете на слънцето“, срв. научното му латинско название *Helianthus*, което е образувано по стгр. *ἥλιος* ‘слънце’ и *ἄθος* ‘цвете; цвят’. Могат да се посочат и други чужди имена на растението със същата семантична мотивация, едни от които са калки от латинското название, а други са възникнали по самостоятелен път в съответните езици, например рус. *солнцецвѝт*, нем. *Sonnenblume*, англ. *sunflower*, рум. *flăurea soarelui*, алб. *luledielli* и т. н. Единствено в турски и чешки език се среща название, което е във връзка с думата *луна*. В турски език наред с другите названия на растението *Helianthus*, които включват в състава си компонент *gün* ‘слънце’ (*gündöndü*, *günbakan*), се среща и названието *ayçiçeđi*, което буквално означава ‘цвете на луната’, а в чешките диалекти се употребява и названието *měsíč* ‘луна’. В славянските езици, с изключение на руското *солнцецвѝт*, не са засвидетелствувани други имена на слънчогледа с вътрешна форма ‘цвете на слънцето’. В тях названията на слънчогледа могат да бъдат едносъставни

(възникнали от съществително със значение 'слънце' или от негова основа, обикновено с различни префикси или суфикси) или двусъставни (сложни думи и съчетания), например срхр. *сѹнцоглѣд* и *сѹнцокрѣт*, хърв. *sunce*, *sunčanik*, *sunčanica*, словен. *solnovrát*, рус. *солнечник*, *солнух*, *подсолнух*, *подсолнечник*, укр. *соняшник*, белорус. *сoнячник*, *сланéчник*, чеш. *slunečnice*, *slunečný květ indiánský veliký*, диал. *sluno*, *slunečník*, *slnečník*, словаш. *slnečnica*, пол. *stonecznik*, *stonecznik peruwjański*, *stońce indyjskie*, горлуж. *slónična róža*, доллуж. *stynica*, *stynicka*, *styncka*, *stunica*, *stunicka*, *stunica*, старополаб. *sáunáica*.

Родината на слънчогледа е Ново Мексико и Перу. През XVI в., наскоро след откриването на Америка, испанците пренесли „цветето на слънцето“ в Мадридската ботаническа градина като декоративно растение, откъдето било разпространено в цяла Европа и в продължение на две столетия било едно от най-любимите декоративни растения на европейските народи. В Русия то попаднало едва през XVIII в., когато по нареждане на Петър Велики били внесени семена от Холандия. Но и там повече от 120 години слънчогледът си остава растение само за украса. Едва през 1841 г. в Саратовска губерния селянинът Бокарьов за пръв път в света чрез саморъчно направена преса добил масло от семената на слънчогледа. Така за първи път в Русия слънчогледът от декоративно растение се превърнал в полезна за човека хранителна култура, като по-късно станал главната маслодайна култура за страната.

У нас слънчогледът бил донесен през XIX в. от Русия от български градинари, които започнали да го отглеждат като градинско цвете. Едва след Първата световна война от слънчогледовото семе започнали да получават масло и сега слънчогледът е широко разпространена маслодайна култура в България.

В българската езикова територия растението *Helianthus annuus* е представено с определен брой основни названия и с многобройните им фонетични, акцентни и словообразователни варианти. Повечето от тези народни названия са с прозрачна етимология. Те са образувани от съществителното *слънце* или от неговата основа *слн-*. Съществуват обаче известен брой диалектни имена на растението, които са претърпели големи деформации в звуковия си облик, в резултат на което са видоизменени до неузнаваемост.

В структурно отношение имената на слънчогледа могат да бъдат обособени в няколко основни групи: едносъставни, двусъставни



(сложни думи), устойчиви съчетания, субстантивирани прилагателни и имена от типа глагол в императивна форма и съществително име.

В групата на едносъставните названия се откроява названието *слѣнци* (Дер – БДПМ V: 238), което е твърдествено с името на небесното светило. Това название би могло да бъде калка на нгр. *ꙗꙗꙗ* ‘слънце’, развило и преносно значение ‘слънчоглед’. Срв. и фр. *soleil* с основно значение ‘слънце’ и с преносно значение ‘слънчоглед’, както и хърв. *sunce*, чеш. диал. *sluno*.

Едносъставните названия на растението са образувани от *слѣнце* или от неговата основа *слѣн-* с различни суфикси, най-често разширени. Такива са *слѣнка* (Нев – ИА), *слѣнушка* (Жер – ИА) (от \**слѣновка*), *слѣнѣшка* (ДСт – ДА) (от \**слѣновка*), *слѣнѣвѣк* (Теш – ДА), *слѣнѣвѣк* (Гоц – ИА) (от *слѣнѣвѣк* с изпадане на -л-), *слѣнѣвѣц* (Круш, Св – ИА), *слѣнѣвина* (Тр, Ел – ДА), *слѣнѣвица* (ДМ 1869: 110), *слѣнѣвѣца* (Кир – БДПМ X: 84), *слѣнѣвич* (Ср – ИА), *слѣнѣвка* (Копр, Гар – ДА), *слѣнѣвка* (Вър, Сил, Шум – ДА), *слѣнѣвка* (Бб, Гос, ГТ, Кал, Кот, Кръш, Пис, Пл, Пол, Славян, Смол, Ст, Стев, Тем – ДА, ИА), *слѣнѣоука* (Стр – ИА), *слѣнѣошка* (Суш – ИА), *слѣнѣаука* (Чер – ДА, ИА), *слѣнѣука* (Ал, Бебр, Бер, ДвМ, Крас, Рак, Стърм, Сух, Пър – ДА, ИА), *слѣнѣуука* (ГИ, Др, Кост, Шр – ИА), *слѣнѣушка* (Кчв, Мерд, Пев – ДА), *слѣнѣвка* (Гор – ДА), *слѣнѣвка* (Берк, Дроп, Дун, Мом, Попов, ПТр, Рад, Спас, Среб, Черк, Шил – ДА, ИА, БДПМ VII: 182, 194), *слѣнѣвка* (Алф, Рях, Сув – ИА), *слѣнѣшка* (Мед – ДА), *слѣнѣшка* (Айд, Алв, Арб, Батиш, Брак, Вд, Грѣв, Деб, Конст, Кр, Лет, Лил, Мед, Нк, Пч, Сн, Топ, Тр, Чак, Чв – ДА), *слѣнѣшка* (Дд, Вед, Пат – ИА), *слѣнѣшка* (Ляск, Мин – ИА), *слѣнѣвка* (Габ – ИА), *слѣнѣвница* (Кирют – БДПМ X: 84; НГ 5: 197), *слѣнѣвѣца* (Кирют – БДПМ X: 84), *слѣнѣк* (Град, Кл, Сек – ДА, ИА), *слѣнѣк* (Нс – ТБД 6: 276), *слѣнѣвѣца* (Шип – ИА), *слѣнѣвница* (Кирс – БДПМ X: 84) и *слѣнѣвница* (Кирс – БДПМ X: 84). Всички тези фитоними са образувани със суфиксите: -ка, -авка (диал. -ау-ка), -ев-ка, -ов-ка, -ев-ица, -ов-ица, -ов-н-ица, -ов-ец, -ов-ина, -ов-як, -ок (суфикси, които участвуват при образуването на фитоними в българските говори). По-голямата част от тези названия са с един общ ареал – Североизточна България. Представените едносъставни названия са с ясна етимология и образуване. Изключение правят само диалектното *слѣнѣвница* и вариантът му

*слъждомница* от Кирсова, Молдавия, където живеят български преселници от XIX век, както и *сврѣнчѡг*. Формата *слъждомница* би могла да бъде с метатеза и фонетично опростяване -лнк- > -лк- от \**слънкѡвница* от по-ранно \**слънкѡвница*, произв. от \**слѣнко*, у нас засвидетелствувано като лично име *Слѣнко* (срв. доллуж. *slunsko* ‘слънчице’); с промяна -вн- > -мн-, както в *грѣмна* от *грѣвна*, *рѣмно* от *рѣвно*. За образуването на \**слънкѡвница* срв. по-горе формата *слънчовница*. От *слъждомница* с метатеза -ѡл- > -лѡ- е *слъждомница*. Формата *сврѣнчѡг* би могла да бъде изведена от \**сврѣнчѡг*, получено от *слънчѡк* със замяна -л- > -р- и с -в- под влияние на глаголите *вртѣя*, *свѣртам*, срв. по-долу *сврѣнчѡгледѡ*, *сврѣнчѡгледѡло*, *вртѡслѣнце* и *вртѣ-слѣнце*.

Към групата на едносъставните названия може да бъде присъединен и фитонимът *гледка* (Кор – ИА), който по всяка вероятност е получен чрез декомпозиция от първоначална сложна дума \**слънчогледка*, произв. от *слънчоглед*.

Най-многобройната група названия за растението *Helianthus annuus* е групата на сложните думи. Тук влиза и основната форма *слънчоглед*, приета като официална книжовна форма, която е възникнала като сложна дума (тип *търнокѡп*) по съществителното *слѣнчо* и глагола *гледѡм*. *Слѣнчо* е форма, която много често се среща като олицетворен образ на слънцето в народните песни и приказки. Точни структурни и семантични паралели на *слънчоглед* от славянските езици са сърбохърватските диалектни названия на същото растение *сунчѡглед*, *сунчѡглад*, *сунцеглѣд*, *сунцѡглед* и тур. *günebakan*, образувано от диал. *güne(y)* ‘слънце’ и причастната форма *bakan* на глагола *baktak* ‘гледам, виждам’. Еднакви по образуване са и следните названия на същото растение: срхр. *сѣнцокрѣт*, нгр. *ήλιοτρόπιον*, словен. *solnovrát*, тур. *gündöndü* ‘слънчоврат’, нем. *Sonnenwende*, фр. *tournesol*, итал. *girasole* и др.

Думата *слънчоглед* е развила голям брой диалектни облици, предимно в родопските говори, които могат да бъдат разпределени в няколко подгрупи:

1) Сложни думи с първи компонент *слѣнчо* или негов вариант и с втори компонент -*глед* и вариантите му -*гледѣ*, -*гльед*, -*гльѣд*, -*гльяд*, -*гльид*, -*гльѡд* и -*гльѣдалѡ*. Имената от тази подгрупа са най-много на брой. Това са *слънчоглѣдѣ* (Чав – ДА), *слънчѡглед* (Алек – ДА), *слънчугльѣд* (Коз, Мулд, Нар, Сит, Слав, Чеп – ДА), *слънчыгльѣд* (Покр – ИА), *слънчоглѣд* (Банс, Баб, Бел, БМ, Брен, Врн, Год, Град, Доб, ДР, Драг, ЕлП, Ихт, Кос, Круп, Крум, Лоп, Мал,

Нов, Пан, Ран, Тръст, Църв, Шиш, Ярл – ИА), *сѣнчоглед* (Бб, Вел, ГД, Годл, Дойр, ДР, Ихт, Тикв — БотР 1939: 178, ИА), *сѣнчогльѣд* (Лъд, Любч, Фил – ИА), *сѣнчолѣд* (Тръст – БДПМ VI: 222; ИА), *сѣнчѣд* (Вел, Дойр, Тикв – ИА), *слѣнчоглед* (Вита, Бот, Бпр, Стак, Турок – ИА), *слѣнчогльѣд* (Бат, Бач, Драгл, Плет, Скр, Сред, Хас – ДА), *слѣнчугльѣд* (Бост, Пис – ИА), *слѣнчугльѣд* (Зм – ДА), *слѣнчѣд* (Сред – ДА), *санчоглед* (ДБ, Ркц, Тр, Чеп – ИА), *слѣнчѣд* (ГА, ДА – ИА), *сѣунчоглед* (Рес – БотР 1939: 178), *сунчоглед* (Добр, Зан, Нх, Хайр – ИА; БДПМ II: 107), *сунчугльѣд* (Мар – ИА), *сѣнчогльѣд* (Турок – ИА), *слѣнчѣд* (Съч – ИА), *слѣнчугльѣд* (Гбр, Дос – ИА), *слѣнчугльѣд* (Гбр, Огн, Скреб – ИА; БДПМ II: 269), *слѣнчугльѣд* (ГЮ – ИА), *слѣнчугльѣд* (Сел – ИА), *сѣнчоглед* (Гран – ИА), *синчоглед* (Ихт – БДПМ III: 164), *срѣнчоглед* (Сед – ИА), *срѣнчогльѣд* (Як – ИА), *срѣнчогльѣд* (Ихт – БДПМ III: 164), *сврѣнчогльѣдо* (Нс – ТБД 6: 276), *сврѣнчогльѣдало* (Нс – ТБД 6: 276), *слѣнчугльѣд* (Мал, Раков – ИА), *слѣнчогльѣд* (Лещн, Лил, Осик), *слѣнчогльѣд* (Кож – ИА), *слѣнчѣд* (Буй, Ждр – ИА), *слѣнчугльѣд* (ГДр – ИА), *слѣнчугльѣд* (Дос, Лещн – ИА), *слѣнчугльѣд* (МА – ИА) и *слѣнчогльѣд* (Зл, Пет – ИА). Формите *сѣнчоглед*, *сѣнчоглед*, *санчоглед*, *сѣнчолѣд*, *сѣнчѣд*, *сунчоглед*, *сунчугльѣд*, *сѣнчоглед* и *синчоглед* са с изпадане на -л- от по-ранни \**сѣлнчогльѣд*, \**сѣлнчоглед*, \**салнчогльѣд*, \**сѣлнчолѣд* и т. н.; *сѣунчоглед* е от по-ранно \**сѣлнчоглед* с диалектна промяна л (твърдо) > в у. Формата *сѣнчоглед* е от *слѣнчоглед* с асимилация л – н > н – н. Формите *срѣнчогльѣд*, *срѣнчогльѣд* и *срѣнчогльѣд* са от *слѣнчогльѣд* и \**слѣнчогльѣд* с дисимилация л – л > р – л. За фонетичните промени в първия компонент на сложните думи *сврѣнчогльѣдо* и *сврѣнчогльѣдало* срв. по-горе *сврѣнчѣд*.

Силно деформирани звукови облици на някои от тези названия са диалектните *чѣнчугльѣд* (Крив – ИА), *чончугльѣд* (Замф – ИА), *чунчогльѣд* (Стуб – ИА), *чунчугльѣд* (Добр, Ком, Лиля, Лом, Мр, Стуб, Хайр – ИА; БДПМ III: 112), *чѣнчугльѣд* (Ковач – ИА), *ченчюгльѣд* (Гър – БДПМ II: 299), които са произлезли съответно от *сѣнчугльѣд*, *сончугльѣд*, *сунчогльѣд*, *сунчугльѣд*, *сѣнчугльѣд* и *сенчюгльѣд* чрез далечна асимилация с – ч > ч – ч и чрез изпадане на -л-. Аналогично са образувани и сръбските форми от Радимъа, Банат, *чинчѣд* и *чинчѣд* от *сунчѣд* и *сунчѣд* (Томић 1989: 146). От \**чунчугльѣдец* (произв. от *чунчугльѣд*) с африкатизация ч- > дж- е получена формата *джунджугльѣдец* (Костур – БДПМ VIII: 232).

Заслужава да се отбележи и родопското название *слънглод* (Кос – ДА), в което първият компонент е от основата *слън-* в *слънце*.

2) Сложни думи с първи компонент *слънчо* или негов фонетичен вариант и с втори компонент *-глец*, *-гълец*, *-гълец*, *-галец* и *-гелец*. Това са: *слънчоглѐц* (Вв – ИА), *слънчуглѐц* (Кам – ИА), *синчòглец* (Вит, ДРуд, Елхов, Чепин – ДА), *слънчòгълец* (Алекс – ИА), *слънчòгълец* (Пд – ИА), *слънчòгълец* (Вв – ИА), *сенчòгелец* (Плов – ИА) и *синчòгалец* (См – ДА). Всички тези форми са също от родопските говори, с изключение на *слънчòгълец*, което е от Ловешко. Те по всяка вероятност са възникнали по *\*слънчоглѐдци*, форма за мн. ч. от *\*слънчоглѐдец* (срв. *пàлци* от *пàлец*), с фонетично опростяване *дц > ц*. За втория компонент *-глѐдец* срв. по-горе диалектното название за слънчоглед *джунджуглѐдец*. Във формите *слънчòгълец* и *сенчогелец* се наблюдава епентеза на *ѝ* и епентеза на *е*. Към този тип названия спадат и формите от същия ареал *ченчòглес* (Мог, Мом, См, Тур – БДПМ II : 299), *чьѐнчòгалец* (Рай – ИА), *чьенчòгълец* (Лещак – ИА) и *чьенчòгълец* (Мъг – ИА). Формите *чьѐнчòгалец*, *чьенчòгълец* и *чьенчòгълец* са от *\*сенчòгелец* с далечна асимилация *с – ч > ч – ч*, а *\*сенчòгелец* е от първоначално *\*сенчòглец* с епентетично *е*. От *\*сенчòглец* е и формата *ченчòглес* със същата асимилация и с преоформяне *ц > с*, тъй като названието може би е схванато като прилагателно на *-ест* с изпаднало краесловно *-т* (редовно фонетично явление в българския език).

3) Сложни думи с първи компонент *слънчо* или негов фонетичен вариант и с втори компонент *-гер* и варианти *-герь*, *-гьер*, *гюрь* и *-гъръец*. И тези названия са засвидетелствувани само в родопските говори. Това са: *слънчòгер* (Коч, Тепл – ИА), *слънчòгьер* (Вак – ИА), *слънчòдгер* (Бог, Тух, Црън – ИА), *сланчòгер* (Ос), *сланчèгерь* (Вълк – ИА), *сланчòнгерь* (Год – ИА), *слънчòгюрь* (Бар) и *слънчòгъръец* (Кут – ИА). Тези форми вероятно са произлезли от една първоначална форма *\*слънчòгрей*, вариант на *слънчогрѐйник*, със завършек, повлиян от съществителни на *-гер* като *бабùгер*, *лесùгер*, *лалùгер*, *цънцùгер*. За образуването може да се сравни и *слънцогрѐв*. Би могло обаче да се предположи, че тези думи са получени с дисимилация *л – л > л – р* от *\*слънчòгел* или *\*слънчòгъл*, които пък са съответно от първоначални *\*слънчòгелец* или *\*слънчòгълец*. За механизма на образуване срв. *самсòгъл*, което ще бъде разгледано по-нататък. Срв. и *ченчòдгерец* (Лъкав – ИА), фонетичен вариант на *чьенчòгълец*, вж. по-горе.

4) Сложни думи с първи компонент *слънце* или фонетичен вариант и с втори компонент *-глед*, *-гълед* и *-гльòд*, които са регистрирани в родопските и в югозападните български говори. Тези названия са образувани по аналогичен начин на *слънчоглèд*. Това са: *слънциглед*, *слънцоглèд* (Бол, Гев, Гум – ИА), *слънцуглèд* (Елеш, Люб, Узун – ИА), *слънцугльèд* (Ахр – ИА), *слънцоглед* (Вод – ИА), *слънцòглед* (Вод – ИА) и *сòнцоглед* (Прил – БотР 1939: 178). И в тази група се откриват силно деформирани фонетични облици, като *цлънцоглèд* (Гп – ИА), *цънцоглèд* (Добрин, Разл – ИА), *цънцуглèд* (Кир – ИА) и *цънцогльòд* (Костан – БДПМ V: 216), които са с далечна асимилация  $s - \zeta > \zeta - \zeta$  от първоначални форми *слънцоглèд*, *\*свнцоглèд* и *\*свнцогльòд*.

5) Деформирани звукови облици на сложни думи с първи компонент фонетичен вариант на *слънце* и с втори компонент *-глец*, *-гле*, *-галец*, *-гълец* и техните варианти *-клец* и *-лец*. Това са думите *сансòглец* (Бор – ДА), *сансòгле* (Дев – ДА), *сансòглец* (Сив – ДА), *сансòгальец* (Бук, Мог – ДА), *сансòгълец* (Бук, Мог – ДА) и *самсòгъл* (Стриж – ДА) – всички от Родопите. В тях се е извършила далечна асимилация  $s - \zeta > s - s$  от първоначална форма *\*санцòглец* (от *\*сланцòгледец*, срв. по-горе *\*слънцòгледец*), като в някои от тях се наблюдава и епентеза на *-а-* или *-в-*. От *сансòгълец* чрез декомпозиция на краесловието *-ец*, което е схванато като суфикс, и чрез преход  $n > m$  се е получила формата *самсòгъл* (БЕР VI: 471). Към тази група принадлежат и следните деформирани фонетични форми, които не са от Родопите: *цлънцоглèц* (Гп – ИА) (от *\*слънцоглèц* с асимилация  $s - \zeta > \zeta - \zeta$ ), *цънцоглèц* (МТ – ИА) (от *\*свнцоглèц* с асимилация  $s - \zeta > \zeta - \zeta$ ), *цанцуклèц* (Сув – БДПМ VII: 97) ‘стъбло на слънчоглед’ (от *\*санцуглèц* с промяна  $-g > -k$ ), и *цунцулèц* (Пол – ИА) (от *\*сунцуглèц* с опростяване  $-gl > -l$ ).

6) Сложни думи с първи компонент *слънце* или негов фонетичен вариант и с втори компонент *-гер*, *-герь*, *-гар*, *-гарац*, отново всички от Родопите. Това са названията: *слънцогер* (Боляр – ИА), *слънцòгер* (ДД, Кам, Орш – ИА), *слънцòгерь* (Скреб – ИА), *слънцòгер* (Осик – ИА), *сланцòгерь* (Аб, Скреб – ИА), *санцòгарац* (Загр – ИА) (от *\*сланцòгерец*, произв. от *сланцòгерь*, с изпадане на *-л-*, и асимилация  $a - e - e > a - a - a$ , изведено в БЕР VI: 485, от *сансòгальец* с асимилация  $s - s - \zeta > s - \zeta - \zeta$  и замяна  $l > r$ ). Чрез асимилация  $s - \zeta > \zeta - \zeta$  са получени фонетичните варианти *цънцòгер* (Гър – ИА), *цанцòгер* (Гър – ИА), *цанцòгар* (Ков – ИА) и *цанцòнгар* (Орл – ИА) (срв. *сланцòнгер*). Названията от цялата

тази подгрупа са образувани по същия начин, както и названията от подгрупата, образувана от *слънчо* и *-гер*, представена по-горе.

7) Сложни думи с първи компонент *слънчо* или *слънце* и втори компонент от основа в глагола *грѣя*: *слънцогрев* (Двд, Сяр – Сб. Берк. 1932 : 561), *слънцегрѣецо* (Гега – ИА), *слънцогрѣйка* (Бог – ИА), *слънцогрѣйник* (Ляс — ДА) и *слънцогрѣец* (Доб – ИА).

8) Сложни думи с втори компонент *слънце*. Към тази подгрупа спадат названията *слъндосънце* (Чука, Жг – ИА) (с първи компонент по глагола *слъндам*, който е със запазен назализъм в говора от малка носовка и от *сълнце*, метатезирана форма на *слънце*) и *вѣртослънце* (Буг – ИА) (с първи компонент по глагола *вѣртѣ* и *слънце*).

Със семантика, която се съдържа в названието *слънцоглѣд*, са и названията *слънцегледѣч* от югозападните български говори и *слънчопълю* (Бачк – ДА) (в което *-пълю* < *-пъльо* е по диалектния глагол *пъля се* ‘гледам’).

9) Сложни думи от типа *стѣрчѣ-опѣшка*. Тук спада диалектният фитоним *вѣртѣ-слънце* (БотР 1939: 349; ИА) с варианти *вѣрти-сълнце* (Бел – ИА) и *вратисълнце* (Бач – ИА), чиято семантика отразява движението на слънчогледовия цвят съобразно дневния кръговрат на слънцето. Тази семантика е отразена и в сложната дума *вѣртослънце* (вж. по-горе) и в някои чужди названия на растението, като споменатите по-горе срхр. *сѣнцокрѣт*, словен. *solnourát*, тур. *gündöndü*, гр. *ἡλιοτρόπιον*, фр. *tournesol*, итал. *girasole*, нем. *Sonnenwende* и пр.

Сред основните групи названия за слънчогледа особено ярко се откроява групата на устойчивите съчетания. Народът е създал изключително поетични названия за това растение. Те изразяват отношението на хората към това красиво цвете, което съпътства слънцето в хубавите дни, което не го изпуска от погледа си, както майка детето си, както влюбена жена любимия си, както сестра обичния си брат. Всичко това е изразено чрез метафоричните названия *слънцева майкя* (Бан – ТБД 4: 218) и вариант *слънца майкя* (Бан – ТБД 4: 218), където *слънца* е алегроформа от *слънцева*, *слънцова майкя* (Ор – ИА), *слънчева майка* (Бебр, Вен, Вър, Гр, Добруд, Кайн, Пев, Пр, Рус, Тем, Трън – ДА; ИА; НГ 5: 197) и варианти *слънцова майка* (БотР 1939: 513), *слънчува майка* (ВТ, Ляск, Тр – ИА), *слънчуа майка* (Кюл, Марк – ИА); *слънчева любовница* (Бер, Дъл, Кал – ИА, НГ 5: 197) и варианти *слънцова любовница* (Бер, БО, Габр, Патр – ИА), *слънчов любовница* (Тр – БДПМ

IV: 224), *слѣнчува любѣвница* (Лов, Стр – ИА), *слѣнчѣва любѣвница* (Ел, Тр – ДА); *слѣнчева сестра* (БотР 1939: 512) с вариант *слѣнчова сестра* (НГ 5: 197). Към тази група спада и метафоричното название *слѣнчево око* (БотР 1939: 512) с варианти *слѣнчово око* (НГ 5: 197), *слѣнчово око* (Боб, Заг — ИА) и *слѣнчиву оку* (Сухо – ИА). Към групата на устойчивите съчетания спада и неметафоричното название *слѣнчиву бѣли* (Вис – ИА).

Две названия от български говори извън границите на България са субстантивирани прилагателни, които са от първоначални съчетания с елипса на втория компонент. Това са фитонимите *сленчива* от Олшанка в Украйна с *ѐ* вместо стб. *ѡ* в говора, *слѣнчува* (Твар – СМБД 2: 95) и *слѣнчуѣа* (Твар – БДПМ 10: 84) (от *слѣнчува*, а то от \**слѣнчова*).

Многобройните названия на растението *Helianthus annuus* свидетелствуват за голямата роля, която то играе в бита на българското население. В тях са отразени всички разнообразни фонетични особености, присъщи на говорите, в които са възникнали. Много от промените във фонетичния облик на диалектните форми вероятно са станали поради избледняване на етимологичната връзка с думата *слѣнце*, което създава благоприятни условия за преосмисляне и звуково сближаване с други думи. С оглед на словообразуването биха могли да бъдат направени много ценни изводи за лингвистичната география, а именно, че в Североизточна България са предпочитани едноосновните суфиксални названия и устойчивите съчетания, докато в Родопите преобладават названията от сложни думи. Най-голяма вариативност се наблюдава в Родопите, което е признак за късното проникване на думата в съответните местоговори.

## БИБЛИОГРАФИЯ

- БДПМ            *Българска диалектология*. Проучвания и материали, С., 1962–.
- БЕР             *Български етимологичен речник*, С., 1971–.
- БотР            *Материали за български ботаничен речник* (под редакцията на Б. Ахтаров), С., 1939.
- Вульф, Е. В.: *Главнейшие культурные растения, их описание и происхождение*, М., 1940.

- ДА *Диалектен архив при Института за български език.*
- ИА Идеографски архив при Софийския университет „Св. Климент Охридски“.
- Комаров, В. А.: *Происхождение культурных растений*, М., 1938.
- Мутев Мутев, Д.: *Естествена история*, С., 1869.
- НГ Геров, Н.: *Речник на българския език с тълкуване речите на български и на руски*, С., 1895-1904.
- Сб. Верк. Lavrov, P. A., Polívka, J.: *Lidové povídky jihozápadní Moravy. Z rukopisů St. Verkevičových*, Praha, 1932.
- СМБД *Статьи и материалы по болгарской диалектологии*, М., 1949-1962.
- Стойков Стойков, Ст.: *званията на картофите в български език*. – Сб. Езиковедски изследвания в чест на акад. Ст. Младенов, С., 1957.
- ТБД *Трудове по българска диалектология*, С., 1965 –.
- Томић – Томић, М.: *Речник радимског говора*. – В: Српски дијалектолошки зборник, XXXV. Расправе и грађа, Београд, 1989.

### СЪКРАЩЕНИЯ НА СЕЛИЩНИТЕ ИМЕНА

Аб – Абланица, Благоевградско	Бачк – Бачково, Асеновградско
Айд – Айдемир, Силистренско	Бб – Бабук, Силистренско
Ал – Александрия, Добричко	Бебр – Беброво, Еленско
Алв – Алваново, Търговищко	Бел – Белица, Разложко
Алек – Александрово, Казанлъшко	Бер – Бериево, Севлиево
Алекс – Александрово, Ловешко	Берк – Берковци, Еленско
Алф – Алфатар, Силистренско	БМ – Бели мел, Монтанско
Арб – Арбанаси, Великотърновско	БО – Бели Осъм, Троянско
Ах – Ахряне, Смолянско	Боб – Бобища, Костурско
Баб – Бабяк, Разложко	Бог – Боголин, Гоцеделчевско
Бан – Банат	Богд – Богдан, Карловско
Банс – Банско	Бол – Болярово, Елховско
Бар – Барутин, Доспацко	Боляр – Болярци, Варненско
Бат – Батанци, Маданско	Бор – Бориново, Смолянско
Батиш – Батишница, Беленско	Бост – Бостина, Смолянско
Бач – Бачево, Разложко	Бот – Ботевград



Бпр – Бучин проход, Софийско  
Брак – Бракница, Поповско  
Брен – Бреница, Белослатинско  
Буг – Бугариево, Гюмюрджинско  
Буй – Буйново, Смолянско  
Бук – Буково, Смолянско  
Вак – Ваклиново, Гоцеделчевско  
Вв – Виево, Смолянско  
Вд – Вълчи дол  
Вед – Ведрина, Добричко  
Вел – Велес  
Вен – Венелин, Варненско  
Вит – Витина, Маданско  
Витан – Витановци, Пернишко  
Вод – Воден, Елховско  
Врн – Враня, Санданско  
ВТ – Велико Търново  
Вълк – Вълкосел, Гоцеделчевско  
Вър – Върбица, Преславско  
ГА – Горна Арда, Смолянско  
Габ – Габровци, Великотърновско  
Габр – Габрово; Габровско  
Гар – Гарван, Силистренско  
Гбр – Габрово, Ксантийско  
ГД – Горно Драглище, Разложко  
ГДр – Горно Дряново, Гоцеделчевско  
Гев – Гевгели  
Гега – Гега, Петричко  
ГИ – Голям Извор, Разградско  
Год – Годечко  
Годеш – Годешево, Благоевградско  
Годл – Годлево, Разложко  
Горич – Горичане, Балчишко  
Гос – Гостилица, Дряновско  
Гоц – Гоцеделчевско  
Гп – Горска поляна, Елховско  
Гр – Градище, Севлиевско  
Град – Градоман, Софийско  
Гран – Гранитово, Белоградчишко  
Грцв – Гороцвет, Разградско  
ГТ – Генерал Тошево

Гум – Гумендже  
Гър – Гърмен, Гоцеделчевско  
ГЮ – Горни Юруци, Крумовградско  
ДА – Долна Арда, Смолянско  
ДБ – Долна Баня  
Двд – Долновардарско  
ДвМ – Две могили, Беленско  
Дд – Добри дял, Великотърновско  
ДД – Долно Дряново, Гоцеделчевско  
Деб – Дебелец, Великотърновско  
Дев – Девесилица, Крумовградско  
Дер – Дервент, Дедеагачко  
Доб – Добърско, Разложко  
Добр – Доброславци, Софийско  
Добрин – Добринище, Разложко  
Доброт – Добротино, Гоцеделчевско  
Добрт – Добротица, Дуловско  
Добруд – Добруджанка, Силистренско  
Дойр – Дойран  
Дос – Доспат  
ДР – Долна Рикса, Монтанско  
Драг – Драганово, Горнооряховско  
Драгл – Драглище, Разложко  
Дроп – Дропла, Балчишко  
ДРуд – Долни Рудозем  
Дрян – Дряновец, Разградско  
ДСт – Долна Студена, Беленско  
Дун – Дунавци, Старозагорско  
Дъл – Дълбок, Троянско  
Ел – Елена; Еленско  
Елеш – Елешница, Разложко  
ЕлП – Елин Пелин  
Елхов – Елховец, Смолянско  
Жг – Желегоже, Костурско  
Ждр – Ждребово, Смолянско  
Жер – Жеравна, Котленско  
Заг – Загоричане, Костурско  
Загр – Загражден, Смолянско  
Замф – Замфирово, Монтанско  
Зан – Заножене, Монтанско  
Зл – Златоград, Ардинско

Зм – Змеица, Девинско  
Ихт – Ихтиманско  
Кайн – Кайнарджа, Силистренско  
Кал – Калояново, Сливенско  
Калип – Калипетрово, Силистренско  
Кам – Каменеца, Момчилградско  
Кир – Кирова, Грудовско  
Кирс – Кирсова в Молдавия  
Кирют – Кирютна в Молдавия  
Кл – Климентово, Варненско  
Ков – Ковачевица, Гоцеделчевско  
Ковач – Ковачевица, Ломско  
Кож – Кожаре, Смолянско  
Коз – Козаново, Асеновградско  
Ком – Комозица, Ломско  
Конст – Константин, Еленско  
Копр – Копривец, Беленско  
Кор – Кортен, Новоагорско  
Кос – Костинброд, Софийско  
Кост – Костанденец, Разградско  
Костан – Костандово, Велинградско  
Костур – Костурско  
Кот – Котел  
Коч – Кочан, Гоцеделчевско  
Крас – Красен, Балчишко  
Крив – Кривня, Варненско  
Крив – Криводол, Врачанско  
Крум – Крумово, Дупнишко  
Круп – Крушник, Благоевградско  
Круш – Крушево, Бургаско  
Кръш – Кръшно, Поповско  
Ксв – Косово, Асеновградско  
Кук – Кукуш  
Кут – Кутела, Смолянско  
Кчв – Кочово, Преславско  
Кюл – Кюлевча, Шуменско  
Лет – Летница, Ловешко  
Лещ – Лещак, Маданско  
Лещн – Лещен, Гоцеделчевско  
Лил – Лиляк, Търговишко  
Лилк – Лилково, Пловдивско

Лиля – Лиляче, Врачанско  
Лов – Ловешко  
Лом – Лом  
Лоп – Лопушна, Гоцеделчевско  
Лъд – Лъджа, Смолянско  
Лък – Лъкавица, Асеновградско  
Люб – Любимец, Свиленградско  
Любч – Любча, Смолянско  
Ляс – Лясково, Смолянско  
Ляск – Лясковец  
МА – Малка Арда, Смолянско  
Мал – Малорад, Оряховско  
Малч – Малчика, Свищовско  
Мар – Марково, Пловдивско  
Марк – Марковча, Шуменско  
Мед – Медово, Добричко  
Медов – Медовина, Поповско  
Мерд – Мерданя, Великотърновско  
Мин – Миндя, Великотърновско  
Мог – Могилица, Смолянско  
Мом – Момино, Варненско  
Момар – Момарско, Смолянско  
Мр – Мрамор, Софийско  
МТ – Малко Търново  
Мулд – Мулдава, Асеновградско  
Мъг – Мъглища, Маданско  
Нар – Наречен  
Нев – Невестино, Карнобатско  
Нк – Нова камена, Тервелско  
Нов – Новачене, Ботевградско  
Нс – Ново село, Видинско  
Нх – Нови хан, Софийско  
Огн – Огняново, Гоцеделчевско  
Ор – Ореш, Свищовско  
Орл – Орлица, Момчилградско  
Орш – Ореше, Гоцеделчевско  
Ос – Осина, Гоцеделчевско  
Осик – Осиково, Гоцеделчевско  
Осик – Осиково, Смолянско  
Пан – Панагюрище  
Пат – Патреш, Великотърновско

Патр – Патрешко, Троянско  
Пд – Петров дол, Маданско  
Пев – Певец, Търговищко  
Пет – Петково, Ардинско  
Пис – Писаница, Смолянско  
Писар – Писарево, Горнооряховско  
Пкр – Поликраище, Горнооряховско  
Пл – Пленимир, Варненско  
Плет – Плетена, Гоцеделчевско  
Плов – Пловдивци, Маданско  
Покр – Покрован, Ивайловградско  
Пол – Поляна, Силистренско  
Поп – Попина, Силистренско  
Попов – Поповско  
Пр – Преслав  
Прил – Прилеп  
ПТр – Полски Тръмбеш  
Пч – Пчеларово, Добричко  
Рад – Раданово, Великотърновско  
Раз – Разградско  
Разл – Разлог  
Рай – Райково, Смолянско  
Рак – Раково, Сливенско  
Раков – Раковски, Пловдивско  
Ран – Раненци, Кюстендилско  
Рес – Ресен  
Ркц – Раковица, Кулско  
Рус – Русаля, Великотърновско  
Рях – Ряхово, Русенско  
Св – Светлен, Поповско  
Сед – Седелец, Санданско  
Сек – Секирово, Пловдивско  
Сел – Селча, Смолянско  
Сив – Сивина, Смолянско  
Сил – Силистренско  
Сит – Ситово, Пловдивско  
Скр – Скравена, Ботевградско  
Скреб – Скребатно, Гоцеделчевско  
Слав – Славейно, Смолянско  
Славян – Славяново, Поповско  
См – Смолян

Смил – Смилян, Смолянско  
Смол – Смолница, Добричко  
Сн – Сноп, Добричко  
Спас – Спасово, Добричко  
Ср – Средище, Хасковско  
Среб – Сребърна, Силистренско  
Сред – Средногорци, Маданско  
Ст – Стожер, Варненско  
Стак – Стакевци, Белоградчишко  
Стев – Стеврек, Търговищко  
Стр – Стралджа, Ямболско  
Страж – Стражица  
Стриж – Стрижба, Крумовградско  
Стуб – Стубел, Монтанско  
Стърм – Стърмен, Беленско  
Сув – Суворово в Украйна  
Сувор – Суворово, Варненско  
Сух – Сухиндол  
Сухо – Сухо, Солунско  
Суш – Сушица, Горнооряховско  
Съч – Съчанли, Гюмюрджинско  
Сяр – Сярко  
Твар – Твардица в Молдавия  
Тем – Темниско, Горнооряховско  
Тепл – Теплен, Гоцеделчевско  
Теш – Тешово, Гоцеделчевско  
Тикв – Тиквеш  
Топ – Тополите, Варненско  
Тр – Троян, Троянско  
Трън – Трънчовица, Никополско  
Тръст – Тръстеник, Плевенско  
Тур – Туриян, Смолянско  
Турок – Туроковци, Трънско  
Тух – Туховица, Гоцеделчевско  
Узун – Узунджово, Хасковско  
Фил – Филипово, Разложко  
Хайр – Хайредин, Врачанско  
Хас – Хасовица, Смолянско  
Црън – Црънча, Гоцеделчевско  
Цър – Църква, Търговищко  
Църв – Цървище, Дупнишко

Чав – Чавдарци, Девинско  
Чак – Чакали, Еленско  
Чв – Червена вода, Русенско  
Чеп – Чепино, Велинградско  
Чепел – Чепеларе  
Чепин – Чепинци, Смолянско  
Чер – Черковна, Провадийско  
Черк – Черково, Бургаско  
Чука – Чука, Костурско

Шар – Шаренка, Маданско  
Шил – Шилковци, Еленско  
Шиш – Шишенци, Кулско  
Шум – Шумен  
Шип – Шипско, Варненско  
Щр – Щръклево, Русенско  
Як – Яково, Петричко  
Ярл – Ярловци, Трънско

## Названия растения *Helianthus annuus* в болгарском языке

В настоящем исследовании на основе обширного диалектного материала болгарского языка анализируются названия растения *Helianthus annuus* и их многочисленные фонетические, морфологические и словообразовательные варианты с точки зрения их этимологии, семантической мотивации (все названия находятся во внутренней связи со словом *слънце* ‘солнце’), фонетических и словообразовательных процессов.

По своей структуре названия составляют несколько основных групп:

1. Односоставные названия.
2. Двусоставные названия. В круг двусоставных названий входят названия-словосочетания и названия-сложные слова.
3. Субстантивированные прилагательные.

Среди сложных слов различаются десять подгрупп названий сообразно с первым или вторым компонентом в их составе.

Zkoumáme-li utvářenost motivované lexikální jednotky v rámci národního jazyka, podrobujeme ji onomaziologicko-sémaziologické analýze a sledujeme její zakotvenost v pojmenovávacím systému. To platí jak pro lexikální jednotky motivované slovtvorně, tzn. utvořené na základě vztahu slovtvorné motivace a fundace, tak pro lexikální jednotky vzniklé sémantickým tvořením, tj. přenesením významu (rozšířením počtu významů slova již existujícího).

Areálová lingvistika nám navíc umožňuje sledovat utvářenost lexikálních jednotek v pohledu zeměpisném. Odkrývá tak souvislosti jiné, mimojazykové, které se do utvářenosti mohly promítat, a přináší mnohdy informace, jež nám mohou pomoci porozumět činitelům, které se na vzniku a vývoji určité jednotky a jejího fungování v běžné komunikaci podílely.

Pro zkoumání těchto procesů v české jazykové situaci je základním východiskem pětisvazkový Český jazykový atlas (dále: ČJA, srov. Balhar aj., 1992-2002), přinášející cenné svědectví o vývoji nářečí českého národního jazyka. První tři svazky jsou věnovány nářeční lexikální zásobě a umožňují nám mj. sledovat difference ve vývoji slovní zásoby ve spojitosti s jednotlivými věcněvýznamovými okruhy názvů<sup>1</sup>.

Ve svém příspěvku se zabývám dvěma možnostmi, jak přistupovat k výkladu utvářenosti lexikální jednotky vzniklé přenesením významu. První přístup spočívá v analýze z hlediska motivačních zdrojů, jež poskytuje národní jazyk jako inventář pro výběr přenesených pojmenování, druhý přístup zahrnuje i aspekt areálový. Tento aspekt lze uplatňovat jednak v rámci

---

<sup>1</sup> Český jazykový atlas nám poskytuje jedinečný materiál ke zkoumání situace na českém jazykovém území. Svými třemi lexikálními svazky s bezmála 700 mapami, se svým čtvrtým, morfologickým svazkem o 431 mapách a pátým, neméně rozsáhlým svazkem obsahujícím popis jevů hláskoslovných, vybraných jevů syntaktických a samostatnou kapitolu věnovanou tvoření adverbí, pro něž se počítá s cca 450 mapami, s doprovodnými komentáři zasazujícími zkoumané jevy do souvislostí vnitřně- i mimojazykových v rámci nejen českém, ale i západoslovanském, celoslovanském a evropském představuje ČJA bohatou a spolehlivou materiálovou základnu pro další studia. Jak víme, ČJA se nadto nespokojuje s analýzou nejstaršího zjistitelného stavu, ale předkládá vývoj jazykového jevu v pohledu (minimálně) třígeneračním. Tento záběr nám umožňuje sledovat i vliv, jakým se projevuje v tradičním nářečí (nivelizující) působení vyšších stratifikačních variet (interdialektu nebo standardu) na existenci a vývoj určitého jazykového jevu, na jeho zanikání nebo naopak uchování (srov. též Balhar, 1982).

národního jazyka, tj. na území jednoho jazykového společenství, jednak při pohledu přesahujícím jeho hranice.<sup>2</sup>

Pro ilustraci jsem si zvolila položku „bubák, uschlý zbytek květu na spodu jablka“ z druhého svazku ČJA (2-9, 64-66).

Již na první pohled je zřejmé, že ačkoliv jde o denotát svým významem pro komunikaci vcelku podružný, dal uschlý zbytek květu na spodu jablka svým nápadným zjevem vzniknout celé řadě pojmenování, jimž je společný jeden rys: vznikla metaforickým přenesením (jde o tzv. metafory pojmenovací, srov. Hladká, 2000, 19-23). Jen na okraj připomeňme, že pro opačný konec jablka (hrušky), totiž stopku, přenesená pojmenování v nářečích scházejí. Jak se uvádí v komentáři k mapě, materiál pochází z výzkumu ve venkovských lokalitách. Stav ve městech nebyl zjišťován. Jak však dosvědčují naše pozorování, současná mladá generace toto označení mnohdy už ani nezná.

### Zeměpisná distribuce nářečních názvů

Mapa ukazuje, že nářeční výrazy tvoří vcelku ostře vymezené a kompaktní areály (srov. s. 376): *pípa* zaujímá západočeský okraj, *bubák* pak ostatní území Čech, *šušěň* m. (včetně západomoravské varianty *šušňa* f.) je příznačný pro celou oblast nářečí na Moravě s výjimkou její jihozápadní části – kde dominuje *pupík*. Odděleně, a to z jižních Čech, je doložena ještě varianta *šišně* f. (popř. *šišňák*, *šušňák*). Slezské dialekty se odlišují názvem *muška*. Do inventáře nářečních pojmenování patří i další dialektismy; užívá se jich však na menších územích a na mapě jsou zakresleny značkami. Registrujeme je vždy na okraji „izoglosových“ areálů, srov. např.

---

<sup>2</sup> První hledisko, tj. zkoumání utvářenosti přenesených pojmenování z pohledu pojmenovacích vztahů a zdrojů národního jazyka, uplatňuje ve své studii, prvním souborném pojednání o metaforických názvech na základě nářečního materiálu pro ČJA, a to v okruhu zemědělské terminologie, J. Balhar (1995). První knižní publikací věnovanou přeneseným pojmenováním v českých nářečích je práce Z. Hladké, 2000. Autorka zkoumá zákonitosti spojené se sémantickým tvořením nářečních názvů rostlin: sleduje činitele, které ovlivňují četnost výskytu, preferenci určitých druhů přenášení, výběr motivačních okruhů a pojmenovacích modelů. Všimá si i formální výstavby přenesených pojmenování. Okrajově věnuje pozornost též problematice srovnatelných motivací, a to nejen uvnitř daného jazyka, ale i mezi více jazyky navzájem (kapitola Mezinářeční a mezijazykové paralely, 87-89). Její přístup je tu však „ryze“ strukturní, tj. nepřihlíží ke (ko)areálové determinaci. Je však zřejmé, že tato možnost rozboru je podmíněna existencí dostatečného množství nářečního materiálu a zejména detailními poznatky o jeho zeměpisné distribuci. Názornou ukázkou využití areálového aspektu při zkoumání motivačních zdrojů (ať už pro pojmenování přenesená, nebo nepřenesená) jsou mapy Evropského jazykového atlasu (Atlas linguarum Europae, 1983n, srov. též Jančák-Petr, 1986).

*komíník / komíníček / komínek* v severních Čechách při státní hranici, na Svitavsku a dále v západních Čechách na pomezí areálů *pípa* a *bubák*, *očko* v sousedství kontaktu areálů *šuseň* (resp. *dud* s totožnou motivací). Jihočeská oblast se vyznačuje sice vyšším počtem odlišných lexémů, ale i ty vytvářejí mikroareály: *šešulka* na Prachaticku, *očko* na Novohradsku, *topka* severovýchodně od Českých Budějovic.

Jihočeský regionalismus *šišně* na Prachaticku a Tábořsku (popř. ojedinělé varianty *šišňák / šušňák*, vzniklé patrně zkřížením s *bubák*) nám snad dovoluje vyslovit domněnku, že nářeční výrazy fundované adjektivem *suchý* mohly mít v minulosti výraznější areálové rozšíření a zasahovaly dál na západ. Pestrost nářečních ekvivalentů v tomto jihočeském areálu je totiž ve srovnání se stavem na ostatním území neobvyklá a může odrážet reakci jazykového systému, jenž za ustupující pojmenování od základu *suchý* (*šuš-*, *šiš-*, ... ) vytvořil názvy nové, „náhradní“.

Motivace zaznamenaných nářečních pojmenování

a) Zkoumáme-li metaforická pojmenování z hlediska využití motivačních zdrojů v dialektech českého národního jazyka, zjišťujeme, že největšího územního rozšíření dosahují názvy, které mají paralelu v označení suchého nosního hleny (české *bubák*, moravské *šuseň*, popř. slezské nářeční *dud(a)*). Lze předpokládat, že na Moravě a ve slezských nářečích vzniklo pojmenování uschlého zbytku květu právě přenesením názvů pro suchý hlen (tak ČJA 2, 66). Pro úplnost se zmiňme rovněž o shodném sousedním nářečním ekvivalentu západoslovenském – i zde se užívá výrazu *šuseň*, popř. varianty *šušňa*<sup>3</sup>. U regionálního českého názvu *bubák* je motivační zdroj poněkud méně jednoznačný, neboť lexém *bubák* má navíc ještě význam další, třetí: Vedle suchého hleny a uschlého zbytku květu se jím totiž označuje také postava, kterou se straší děti. Zdá se, že právě význam ‘strašidlo’ je pro výraz *bubák* primární: základ je tu onomatopoický (srov. Machek, 1997, 74).

Ostatní přenesená označení pokrývají menší oblasti. U každého z nich je znak, na jehož základě k přenesení došlo (*tertium comparationis*), zřejmý, srov. např. *pípa* (‘kohoutek u sudu’), *špunt*, *pupík*, *očko*, *šňupák*, *šešulka*, *korunka*, *muška*, *komíník / komíníček / komínek*, *mour* (u všech patrně podle vnějšího tvaru, barvy) atd.

---

<sup>3</sup> Za poskytnutí informací o stavu ve slovenských nářečích vděčím A. Ferencíkové z Jazykovedného ústavu L'udovíta Štúra Slovenskej akadémie vied. Podle jejího sdělení existují ve slovenských nářečích i další metaforické názvy pro sledovaný význam, a to *sušenka*, *chrobák* a *dz'uk* (– dialektismus východoslovenský). Doložen je i název *bubák* a *bobák*, který má v části středoslovenských nářečí význam ‘chrobák’.

Taková se jeví motivace zjištěných přenesených názvů, vycházíme-li z inventáře národního jazyka, tj. ze zdrojů, které nám poskytuje česká slovní zásoba.

b) Areálové rozšíření jednotlivých výrazů však odkrývá další pozoruhodné souvislosti.

Původ západočeské *pípy* například není tak český, jak by se mohlo na první pohled zdát.<sup>4</sup> Tento výraz se vyskytuje v oblasti bezprostředního územního kontaktu s němčinou. Zdánlivě české *pípa* navazuje na německý dialektismus *Pöpel*, jak uvádí už Machek (1997, 74): za působení lidové etymologie a formálním příklonem k *pípa* 'kohoutek u sudu' vzniklo z německého, pro českého mluvčího neprůhledného výrazu pojmenování *pípa* s významy 'suchý hlen', ale též 'uschlý zbytek květu'.<sup>5</sup> Dialektismus *pípa* tak přejal některé významy německého *Pöpel*. Výchozí německé slovo žije ostatně v přejatém názvu *pepl* v českých nářečích, jež byla v minulosti v úzkém územním kontaktu s nářečími německými, totiž na Plzeňsku, Manětínsku, ale též i na Litovelsku a Novojičínsku (zde *pepl*).<sup>6</sup>

Rovněž motivace jihozápadomoravského dialektismu *pupík* může mít v těchto souvislostech víceznačný výklad: ČJA jej považuje za označení vzniklé přenesením z *pupík* 'pupek'. V našem významu, tj. uschlý zbytek květu, zachycuje *pupík* pouze Jungmann (3, 1989, 759, s.v. *pup*: „pupek, pupček, pupíček na ovoci, t. konec květu, místo, kde květ byl. Der Butz, Rotz am Obste“). Mohli bychom tedy *pupík* 'uschlý zbytek květu' považovat za lexikální archaismus a jihozápadomoravský areál za dnes již okrajovou enklávu nářečního výrazu, který byl v minulosti rozšířen na větším území. Dialektismus *pupík* se však objevuje v kompaktním areálu j e n na jihozápadní Moravě a právě tato lokalizace nabízí i další možné vysvětlení.

Za povšimnutí totiž stojí, že podoba *pupík* – jak je pravopisně signalizována na mapě – je podoba lemmatizovaná, jež v sobě skrývá nářeční realizaci *popik* (varianta *pupek*, na mapě nezakreslená, avšak uvedená v komentáři, je doložena jen dvakrát: z česko-moravského pomezí na Novoměstsku a z jihozápadního okraje Čech pod Strakonice „ve stínu“ západočeského

---

<sup>4</sup> V primárním, motivujícím významu 'pípa u sudu' jde ovšem o slovo románské, srov. Machek 1997, 540.

<sup>5</sup> O typologii analogických změn v nářečích (na materiálu ČJA) pojednává Fic, 1995. Rozeznává analogii morfologického a slovtvorného typu a analogické změny na základě zvukové podobnosti (zde jednak změny na základě zvukové podobnosti, která je podepřena významovými souvislostmi, jednak změny pouze podle zvukové podobnosti).

<sup>6</sup> Tyto přejímky nám potvrzují výchozí podobu německého základu. V německých nářečích existují sice i přímější paralely, jako např. *Pippel*, *Piappel* (srov. Schmeller, 1/1, 1985, 400), ty však předlohou „české“ *pípě* být nemohly a změna *é* > *í*, jež se odráží v adideovaném výrazu *pípa*, je až domácí, tj. české provenience.



areálu *pípa*). Západomoravská oblast výrazu *popik* je co do motivace izolována, jakoby zasazena do areálu moravismu *šušeň*. Srovnáním základového  $p - p$  v názvech *popik* a *pípa* (*pípa* rovněž z  $p - p$ , srov. *Pöpel*, to přehláskou z *Popel*, srov. tuto heslovou podobu v německých etymologických a normativních slovnících) vyvstává otázka: Nemají oba regionalismy, tj. západočeský a jihozápadohoravský, společné východisko? V sousedních německých/rakouských nářečích je tento základ pro označení uschlého zbytku květu doložen hojně, srov. *Poppel* (*Pö-*, *-b-*), Kranzmayer 3, 1970n., 611 („Blütenrest b. Kernobst“), a *Popel*, Kluge, 1989, 555.<sup>7</sup> Lze však předpokládat takové paralely „na dálku“, jak je tomu u západočeského *pípa* a jihozápadohoravského *popik*? ČJA dosvědčuje, že shoda západočesko-západohoravsko-bavorská<sup>8</sup> není ojedinělá. Dokládá ji také u jiných názvů: např. při označení čejky (ČJA 2, 121) navazují názvy *kábícl* na západočeském okraji a *kivis*, *kiviska*, *piviska* v jihozápadohoravské oblasti na společný německý nářeční základ, jenž je zastoupen variantami *Keibitzel* a *Kiwis*<sup>9</sup>; podobně též v označení pro krecht (ČJA 3, 287) má západočeský regionalismus *prizna* a jihozápadohoravský výraz *prizma* společné, tzn. sousední německé východisko, srov. Kloferová, 2002a, atd.

V areálových souvislostech stojí za povšimnutí také regionálně české pojmenování *bubák*. Jak už bylo uvedeno, toto slovo má v současné češtině tři významy: strašidlo, suchý nosní hlen, uschlý zbytek květu (doklady z úzu, dále Archiv lidového jazyka, srov. i Machek, 1997, 74; Slovník spisovného jazyka českého význam ‘suchý hlen’ nezaznamenává!). V Jungmannově slovníku však registrujeme z těchto tří významů jen významy dva, a to „strašidlo smyšlené, o němž bájí, že děti žere“ (1, 1835, 195) a ‘suchý hlen’ (5, 1839, 881); ve významu ‘uschlý zbytek květu’ (vedle ‘strašidlo’) zaznamenává slovo *bubák* až Kott (5, 1887, 1082: „dole na ovoci je stopka, nahoře bubák“).

Jak je tomu v sousední němčině? Tam má uvedené tři významy jednak již zmíněný dialektismus *Popel*, *Pö-* (s variantami), jednak výraz *Butz(e/n)* (srov. WBÖ 3, 1983n., 611, Engels 2, 1988n, 520-522).<sup>10</sup>

<sup>7</sup> Nedokládá jej však Schmeller, 1/1, 1985, 400. V jeho slovníku je doložen dialektismus *Pöpel* (a varianty) pouze ve významu ‘suchý hlen’. Kromě nářečního slovníku rakouského (Kranzmayer, 1970n.) však i západočeské dialekty svým *pépl* potvrzují, že tento význam musel existovat také v sousedních nářečích německých. Srov. též pozn. 10.

<sup>8</sup> Bavorský ve smyslu jazykovém, tj. bairisch (nářečí v Dolním a Horním Rakousku a v německém Bavorsku), nikoliv správním (bayerisch).

<sup>9</sup> Výrazy *kivis* atd. považuje ČJA za názvy domácí, a to onomatopoické provenience, svůj původ však mají s největší pravděpodobností v sousedních rakouských nářečích bavorských, srov. Kloferová, 2002b.

<sup>10</sup> U významu ‘strašidlo’ též jako kompozita se zadní částí *-mann*: *Butzenmann*, *Pöpelmann* atd. Schmeller 1/1, 1985, dokládá u výrazu *Pöpel* významy ‘suchý hlen v nose, der

Je pozoruhodné, že areál českého *bubáka* je čistý, vcelku kompaktní, navíc nikde v něm nenalezneme doklad na Jungmannův *pupek*, *pupček*, *pupíček* (o jediné výjimce už byla řeč). Znamená to snad, že *bubák* 'uschlý zbytek květu' je název novější (viz i neexistenci tohoto významu v Jungmannově slovníku), který se mohl rozšířit paralelně podle významu slova německého? Podobné případy máme v ČJA doloženy: Tak např. z doby národního obrození patrně pochází provázanost českého slova *brousek* (u chleba) a německého *Schliefe* (Machek, 1997, 68). Jak ukazuje mapa v ČJA, hranice mezi regionálně českým *brousek* a moravským *zákalec* (se základem slovanským) je téměř totožná s diferencí *bubák* x *šušeň/pupík*: od severu probíhá podél bývalé zemské hranice česko-moravské, na Novoměstsku se od ní odklání, stáčí se směrem k Moravskému Krumlovu a dále pokračuje ke Znojmu (ČJA 1-134 *brousek* (u chleba), 264-266).

V areálových souvislostech, zejména těch „strašidelných“, se objevuje i další zajímavá paralela: týká se názvu *komíník* (popř. *komíníček*, *komíněk*). Tento lexém dokládá ČJA z příhraničních okrajů areálu výrazu *bubák*; v jižních Čechách pak zasahuje *komíník* (aj.) ještě hlouběji do vnitrozemí. Že jde o pojmenování metaforická, je nasnadě. Společným znakem, na jehož základě mohlo přenesené pojmenování vzniknout, je patrně vnější tvar, ale hlavně shodná barva obou denotátů (též motiv ušpinění?). Skutečnost, že jde o přenesená pojmenování s totožnou motivací, ještě neznamená, že příslušné shodné ekvivalenty vyskytující se dnes na oddělených územích musejí mít společné územní jádro. Mohou vzniknout i nezávisle na sobě, aniž bychom museli předpokládat dřívější kontakt mluvčích z daných území

---

verhärtete Nasenschleim' a 'strašidlo' („Pöpel, Hullepöpel ( . . . ); Popanz, der die Kinder schreckt“, 400, zatímco význam 'uschlý zbytek květu' má u Schmellera jen výraz *Butz(en)* („der Butzen (an einem Apfel, an einer Birne), das unessbare Überbleibsel des Blumenkelches; das ganze Kerngehäuse“). Slovo *Butzen* (též *Butz*, *Butze*) však může označovat i strašidlo: „Butze, Popanz“, 316. Etymologické pozadí je u všech zmíněných lexémů nejednoznačné. U *Popel* se uvádí, že má původ nejasný (Kluge, 1989, 555; nesouvisí snad s *Popanz* 'strašidlo', u něhož je původ slovanský/český?), výrazy *Butz(e/n)* 'strašidlo, Popanz' a *Butz(e/n)* 'uschlé okvěti, Blütenrest' mají dokonce dvě odlišná etymologická východiska, společná je však už jejich středohornoněmecká podoba: *butz(e)*. U *Butz(e/n)* 'strašidlo' se předpokládá onomatopoický základ, u *Butz(e/n)* 'uschlé okvěti' základ s významem 'Knospe, poupě' (Kluge, 1989, 117). Schmeller uvažuje v druhém případě o souvislosti s českým základem. V rámci hesla *Butz(en)* (na jablku) uvádí i české *pupček* (*pup*, *pupěk*, Nabel; *pupen*, Knospe) „Butz am Obst, der Teil, wo die Blüte gewesen“, 317. Jako samostatné heslo figuruje u Schmellera ještě výraz *Poppen* (dem. *Pöppelein*) pro označení uzlíku/Knoten, jádra/Körnchen, puchýřku, vypoukliny/Bläschen. Schmeller jej klade také do souvislosti s češtinou, a to s *pup* 'Nabel'; *pupen*, *poupě* 'Knospe, Blase auf der Haut', 399. U českých dokladů mu byl pramenem nepochybně Jungmann, 3, 759. Engels (2, 1983n, 522) však uvádí Schmellerovo deminutivum *Pöppelein* jako *Pöpelein*, a přiřazuje je tak k základu *Popel*.

(srov. Balhar, 1995, 108, též Hladká, 2000, 87). V případě slova *kominík* by bylo velmi spekulativní, kdybychom uvažovali o existenci dřívějšího celočeského makroareálu, z něhož se uchovaly jen jeho okrajové části.

Územní distribuce uvedeného lexému nám ale odkrývá další možné souvislosti. Je pozoruhodné, že *kominík* je doložen z oblastí, jež byly v minulosti v těsném kontaktu s německy mluvícím obyvatelstvem; jazykovým důkazem je řada nářečních, zejména lexikálních jevů na obou stranách jazykové hranice. Sousední německá nářečí, ať už na jihu, nebo v minulosti v českých pohraničních oblastech, dokládají pozoruhodnou paralelu: ve slovníku bývalých německých nářečí ve Slezsku (Mitzka 3, 1965, 1244) nalézáme informaci, že *kominík* (heslo: *Schornsteinfeger*) je současně obecně rozšířeným metaforickým označením pro postavu, již se straší děti („Kinderschreckgestalt' überall“). Neméně zajímavý je fakt, že nářeční výrazy pro označení kominíka se v německém materiálu ze Slezska vyznačují bohatou synonymií.<sup>11</sup> Nelze vyloučit, že ona hojnost ekvivalentů mohla být podepřena i sekundárním významem 'strašidelná postava': české názvy pro kominíka, jak dokládá ČJA, se omezují jen na jeden odvozovací základ.<sup>12</sup> Poměrně přesvědčivě vyznívají i nářeční doklady u našich jižních německy mluvících sousedů. Rovněž tam je kominík v přeneseném významu jako postava, kterou se straší děti, průkazně zaznamenán („der Kaminfeger als Kinderschreck“, „mit dem Rauchfangkehrer droht man den Kindern“), a to v Horním a Dolním Rakousku, v německých nářečích jižních Čech v povodí Vltavy, v okolí Jihlavy aj., srov. Hauptkatalog zum Wörterbuch der bairischen Mundarten in Österreich.<sup>13</sup> Uvést lze i nářeční doklady, kdy se hrozí dětem dloubajícím se v nose, a motivace postavou kominíka pak dostává další znaky („ich hol' dir einen Rauchkehrer“, „ich lass' dir einen Rauchkehrer kommen“ atd.). Představa černé postavy jako něčeho, čím se straší děti, je patrně zastoupena v německém jazykovém prostředí výrazněji než u nás. I v dnešním povědomí je obecně rozšířeno pojmenování strašidelného černého muže (*Schwarzer Mann*, *Schwarzer*, srov. Beitzl, 1973, 717), na rozdíl od tradice naší, kde *černý muž* zaznamenán není.<sup>14</sup> Můžeme s určitostí vyloučit, že v německém jazykovém prostředí obecně rozšířený *černý*

<sup>11</sup> Jako další heteronyma se uvádějí *Essenkehr(er)*, *Feueresskehrer*, *Kaminkehrer*, *Kaminkenkehrer*, *Rahmenkehr(er)*, *Rahmann*, *Rahmbrellein*, *-fink*, *-kater*, *-auskehrer*, *-mannskehrer*, *-fangkehrer*, *Rauchfangke*, *Rauchfangkehr*, *Raufmannskehrer*, *Roomkehrer*, *Russfeger*, *-kehrer*, *Schorschkenkehrer*, *Schwarzer*. Na jiném místě též *Rußbuttenmann* (Mitzka 2, 1964, 1152).

<sup>12</sup> ČJA 1-178 kominík, 340-341: *kominík* (*komeník*), *kominář* (-ň-), *komínek*.

<sup>13</sup> Mé poděkování patří I. Geyer z Institutu für Österreichische Dialekt- und Namenlexika der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

<sup>14</sup> Za informace vděčím J. Pospíšilové z Etnologického ústavu Akademie věd České republiky v Brně.

*muž* a bavorský a sudetoněmecký *kominík* (srov. zdejší označení pro komínika *Schwarzer* v pozn. 11) mají společné motivační východisko? Sama od sebe se nabízí další otázka: může vůbec v českém prostředí vystupovat komíník jako strašidelná postava? A odpověď je překvapivá: V oblastech, kde se uschlý zbytek květu označuje jako *kominík*, tj. v severních a jižních Čechách, *kominík* místy jako postava, již se straší malé děti, skutečně figuruje (*sebere tě kominík*).<sup>15</sup>

Srovnání situace u nás a v německých nářečích, s nimiž byla čeština po mnoho staletí v živém kontaktu, nám dovoluje vyslovit domněnku, že by český dialektismus *kominík* ve významech ‘strašidelná postava’ a ‘uschlý zbytek květu na spodu jablka’ mohl být přímou paralelou k německému *kominíku/černému muži*. Víme, že úvahy hledající odpověď na otázky typu, který jazyk byl dávající a který přejímající, nemají zpravidla jednoznačné řešení. Zde však – vzhledem k areálové distribuci výrazů a k dokladům z lidové slovesné tradice – bychom přisoudili inspirující roli spíše straně německé. *Kominík* (popř. deminutivní *kominíček* a z něho metonymicky utvořený název *komínek*) mohl vzniknout jako tzv. sémantický kalk: český význam pojmenování *kominík* (‘profese’) se rozšířil na základě významů slova na opačné, německé straně hranice o další význam – ‘strašidelná postava’ a snad – pod tlakem většinového názvu *bubák* – i ‘uschlý zbytek květu’. Ostatně na pozadí sudetoněmeckého označení uschlého zbytku květu *Putzker* (Engels 2, 1983n, 522) by snad bylo lze i tyto souvislosti očekávat.<sup>16</sup>

Obdobný vývoj předpokládáme u označení *mour*, doloženého pouze v jedné lokalitě na bývalém jazykovém pomezí při severním okraji česko-moravské hranice (na mapě bod 137). *Mour* patrně navazuje buď na první část německého kompozita *Ruß-* (*-feger, -kehrer, -bittenmann*) označujícího komínika (*Ruß* ‘mour’), nebo na německé dialektické *Rotz/Rutz* ‘uschlý hlen’ (Mitzka 2, 1964, 1142), jež bylo mylně vnímáno jako *Ruß* ‘mour’.

O výsledek jazykového kontaktu česko-německého jde však nepochybně u výrazu *pucek*, který dokládá Jungmannův slovník a jež výzkum pro ČJA již nezachytil (‘u ovoce, kde byl květ, pupček, der Butz am Obste, der

---

<sup>15</sup> Za tuto informaci patří mé poděkování Z. Hladké (Strakonicko) a E. Rusinové (Jičínsko).

<sup>16</sup> Jako heteronyma zde ještě figurují *Popel, Bauzen; Blühbutzen, -stand; Butz(en), Fliege, Grotzen, Jude* (existuje tu územní paralela s českým dialektismem *žid* zaznamenaným v jediné, a to příhraniční (!) obci na jihozápadní Moravě, srov. mapu, bod 520?), *Knorpel, Krone* (srov. motivačně shodný dialektismus *korunka* doložený na hranici s bývalým německým osídlením v severních Čechách a v slezské nářeční oblasti), *Obststöpfel, Pöpelmann, Schnurpel, Tod*.

Kriebs [=jádřinec], der Popel, das Kerngehäuse [=jádřinec]“, srov. Jungmann 4, 1838, 749). Výchozí německé *Butz(e)*, českým mluvčím vnímané s náslovným *pu-*, bylo formálně adaptováno k českému *pucek* ‘buclaté dítě, malý buclatý člověk vůbec, popř. něco malého, kulatého vůbec’ (srov. např. Jungmann 4, 1838, 749, nebo Slovník spisovného jazyka českého 4, 1989, 693).

Zbývá ještě zmínit se o názvu *muška*, nacházejícím se v českých slezských nářečích. Jím se tyto dialekty motivačně odlišují od ostatních českých nářečí. Vytvářejí však společný motivační areál s polským *muszka* (ústní sdělení rodilého mluvčího, v literatuře jsme tento výraz nenalezli) na přílehlém území polském a se sudetoněmeckým *Fliege* (Engels 2, 1983n., 522). Tato motivace je rozšířena i dále na západě v německých nářečích na území dnešního Německa (srov. Helm 1, 1998, 650: „Fliege: ( . . . ) ‘vertrockneter Blütenrest an einem Apfel oder Birne’“). Poznamenáváme, že název *Fliege* do německého standardu nepatří (neuvádějí jej Dudenův ani Wahrigův slovník). V Klugeho německém etymologickém slovníku však vystupuje tento dialektismus dokonce jako metajazykové vyjádření, a prozrazuje tak patrně nářeční původ autora: „Butzen ( . . . ) ‘Fliege am Apfel’“ (srov. Kluge, 1989, 117).

Je zřejmé, že uschlý zbytek květu na spodu jablka není tak nezajímavý objekt, jak by se mohlo na první pohled zdát. Českým jazykovým územím prochází ostré rozhraní tří motivačních zdrojů pro jeho pojmenování. Motivační a areálové souvislosti, které se promítají do nářečních výrazů, naznačují, k jakým kontaktům docházelo uvnitř i vně českého jazykového společenství a jak intenzivní ony kontakty byly.

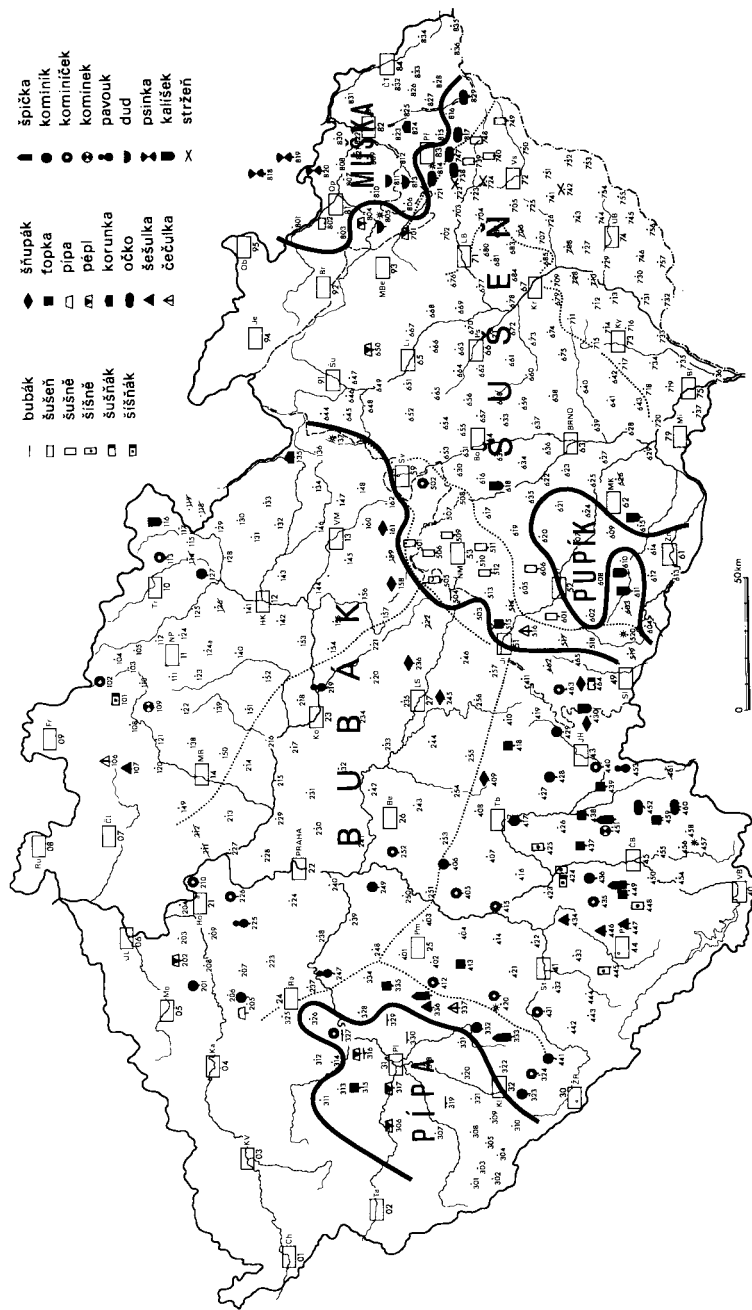
## LITERATURA

- Atlas linguarum Europae 1.1 - 1.4, Van Gorcum, Assen/Maastricht 1983, 1986, 1988, 1990, 1.5, Roma 1997.
- Balhar, J., *Zanikající složky nářeční slovní zásoby*. In: Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity, A 30, 1982, 154–160.
- Balhar, J., *Zemědělská terminologie založená na přenášení významu*. In: Pocta Dušanu Šlosarovi. Sborník k 65. narozeninám, Boskovice, Albert 1995, 103–110.
- Balhar, J. aj., *Český jazykový atlas 1-4*. Praha, Academia 1992, 1997, 1999, 2002.
- Beitl, K., *Wörterbuch der deutschen Volkskunde*. Stuttgart, Alfred Kröner Verlag 1974.

- Engels, H., Ehrisman, O. (eds.), *Sudetendeutsches Wörterbuch. Wörterbuch der deutschen Mundarten in Böhmen und Mähren-Schlesien*. München, Collegium Carolinum, 1988n.
- Fic, K., *Psychologické změny v nářečním výrazivu*. In: Pocta Dušanu Šlosarovi. Sborník k 65. narozeninám, Boskovice, Albert 1995, 111–116.
- Hauptkatalog zum Wörterbuch der bairischen Mundarten in Österreich. Institut für Österreichische Dialekt- und Namenlexika der ÖAW, 1010 Wien, Postgasse 7.
- Helm, D. aj., *Wörterbuch der obersächsischen Mundarten 1-4*. Berlin, Akademie Verlag 1998.
- Hladká, Z., *Přenesená pojmenování rostlin v českých dialektech*. Masarykova univerzita, Brno 2000.
- Jančák, P., Petr, J., *Nářeční názvy pro 'rampouch' v Evropském jazykovém atlase (Nad naší první mapou v souboru ALE)*. In: Slovo a slovesnost 47, 1986, 264–283.
- Jungmann, J., *Slovník česko-německý 1-5*. Fotoreprint 1. vyd. Praha, Academia 1989–1990.
- Kloferová, S., *Sprachatlanten im Kontakt*. München 2002a (v tisku).
- Kloferová, S., *Sprachareale und ihr Charakter bei der Erforschung von Sprachkontakterscheinungen (anhand des „Tschechischen Sprachatlas“)*. Regensburg 2002b (v tisku).
- Kluge, F., *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. 22. Auflage, bearbeitet von Elmar Seebold, Berlin-New York, Walter de Gruyter 1989.
- Kott, Š. F., *Česko-německý slovník, zvláště grammatiko-frazeologický 1-7*. Praha, František Šimáček 1878–1893.
- Kranzmayer, E., do 3. svazku Kommission für Mundartkunde und Namenforschung, od 4. svazku Institut für Österreichische Dialekt- und Namenlexika der ÖAW (eds.), *Wörterbuch der bairischen Mundarten in Österreich. Bayerisch-Österreichisches Wörterbuch I. Österreich*. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1970n.
- Machek, V., *Etymologický slovník jazyka českého*. Fotoreprint 3. vyd. Praha, Lidové noviny 1997.
- Mitzka, W., *Schlesisches Wörterbuch 1-3*. Berlin, Walter de Gruyter 1963–1965.
- Schmeller, J. A., *Bayerisches Wörterbuch 1, 2*. Nachdruck der von K. Fromann bearb. 2. Ausg. München 1872–1877, München, R. Ouldenbourgh, 1985.
- Slovník spisovného jazyka českého 1-8*. Fotoreprint 1. vyd. Praha, Academia 1989.

Im Beitrag wird die Problematik der motivischen Quellen bei den dialektalen Ausdrücken behandelt, die durch Übertragung entstanden sind. Anhand der Bezeichnungen für den Butz ‘vertrockneter Blütenrest am Apfel’ (publiziert im Tschechischen Sprachatlas) wurden die Dialektismen festgestellt, deren Ursprung einerseits in der (metaphorischen) Übertragung, andererseits in der Volksetymologie zu suchen ist. Die Analyse erfolgt a) im Rahmen der Nationalsprache (heimische motivische Quellen), b) über die Sprachgrenze hinaus (semantische Parallelen in den angrenzenden Arealen), wie z. B. tsch. *bubák*/dt. *Popel*, *Butz* ‘Kindergespenst; verhärteter Nasenschleim; Blütenrest’, tsch. *muška*, poln. *muszka*, dt. *Fliege* – alle ‘Blütenrest’, tsch. und slowak. *šušeň* ‘vehärteter Nasenschleim; Blütenrest’, aber auch dt. *Schornsteinfeger*, *Schwarzer* u.v.m. ‘Schornsteinfeger/Rauchfangkehrer; Kinderschreckgestalt’ → tsch. *kominík* ‘dass.’ → ‘Butz am Apfel’ etc.

*Dialektologické oddělení, Ústav pro jazyk český AV ČR  
Veveří 97, 602 00 Brno, Česká republika  
kloferova@iach.cz*



Mapa nářečních názvů pro bubák (uschlý zbytek květu na spodu jablka)  
 Český jazykový atlas 2, 65.



# Прилог проучавању с.-х. *којасити се*

Марта Бјелетић

Пре више од једног века Маценауер је кратко забележио: „*Kojasiti se, -sim se* vb. dur. srb. 1. apparere, conscipi, jeviti se, objeviti se, 2. praeteriens saluto, *kojasnuti se, -nem se* vb. pf. id., *pre-kojasiti se epilepsiā corripī* (de infantibus), *pri-kojasiti se accidere*. Slova temného původu, složená z *ko* i *jasiti, -jasnuti*, tak že by *jas* byl kořen?“ (Matzenauer 1881:186).

Следећи помен овога глагола у литератури налазимо тек у Скоковом речнику: „Postoji još *jas* m, f (18. v.) s čistom osnovom bez sufiksa. Zbog toga postoji mogućnost da se ovamo stavi i impf. *kòjasiti se* (Vuk) „sresti se, javiti se, pozdraviti se kod sretanja“ s rijetkim prefiksom *ko-*“ (Skok I 758-759 s.v. *jäsän*).

Глагол *којасити се* (тј. облик *којаснути се*) последњи пут је но-тиран у московском прасловенском речнику, где се доводи у везу са чеш. дијал. *kojácnúť* „срушити се“, и тумачи на следећи начин: „Предположительно можно охарактеризовать как достаточно старое (ср. наличие в сербохорв. и чеш.) сложение префикса *ko-* и глагола, построенного на базе прилагательного \**ěsknъ*, что говорило бы о вторичности несовершенных форм без *-n-*. Значение сербохорв. слова „показаться, появиться“ в общем вполне соответствует предполагаемой деривации“ (ЭССЯ 10:112 s.v. \**kojasnǫti (se)?*).

Цитирана тумачења своде се на следеће: у питању је облик у чијем се саставу издваја префикс *ко-* и основа *јас-*, која би могла бити у етимолошкој вези са придевом *јасан*. Скок је вероватно од Маценауера преузео идеју о префиксу *ко-* (будући да је имао на располагању његов рад) и са своје стране довео глагол *којасити се* у везу са *јасан*. Ова веза, као уосталом и структурна подела облика, прихваћена је и у ЭССЯ (уз упућивање на Скоково тумачење), где се, уз резерву, реконструише и псл. предложак разматране лексеме. Из свега реченог очигледно је да се ни после сто година од Маценауерове лапидарне опаске није далеко одмакло у етимологисању овог загонетног глагола. Стога ни прилог који следи нема претензије да дâ његову крајњу етимологију, већ да презентирањем целокупног релевантног материјала, његовом анализом, као и елаборирањем постојећих тумачења — шире и темељније постави проблем и укаже на могуће правце истраживања у изналажењу коначног решења.

Глагол *којасити се* и његове изведенице посведочени су у Србији, Војводини, Црној Гори, Хрватској, Далмацији. Потврде ових речи налазимо у народним говорима, народној поезији, језику писаца, речницима. Основни облик *којасити се* има истовремено свршено и несвршено значење. Додавањем префикаса *до-*, *за-*, *о-*, *пре-*, *при-*, *с-* на глаголску основу реализује се перфективност, а забележени су и облици *којаснути се* и *којасати се*. Овој лексичкој породици припада и неколико именица.

У постојећој литератури о глаголу *којасити се* поменута су само нека од његових значења. Наше истраживање показало је, међутим, да је његов семантички дијапазон далеко шири него што је досад било познато. Како је семантика један од кључних елемената при утврђивању етимологије речи, изложићемо овде целокупан прикупљени материјал, концентришући се пре свега на његову семантичку анализу.

У РСА су значења глагола *којасити се* (im)pf. дата следећим редоследом: 1) „појавити / појављивати се; доћи / долазити; навратити / навраћати“: Пред вечер сваког дана којасио се испод њених прозора (Е. Мулабдић), Хоћеш ли се којасити ујутру, брато? (М. Глишић), Којасићу се ја теби (Дворска код Лознице)<sup>1</sup>; 2) „(при)пазити на нешто“; 3) „поздравити / поздрављати при сусрету, у пролазу, јавити / јављати се“: Прођосмо мимо кућу, испред које стајаше његова домаћица, љута на нас ... што нити свраћамо, нити се којасимо као што је ред (Г. Божовић), Јутрос ни се Турци којасили (Вук); 4) pf. „десити се, догодити се“: Кад Омеру гласи допадоше, | До три му се јада којасише (НП Вук), Зло ти се којасило — Што ти се којасило? (Цетиње, Катунска Нахија)<sup>2</sup>; 5) „привидети / привиђати се“<sup>3</sup>; 6) pf. а) „дотаћи се, додирнути“: Каже да сам га тукао, а нисам га се ни

<sup>1</sup> Овамо још и примери из РЈА: Ви ова слишајући једа ишто ови страх у ваше срце ступи? једа ишто у вашу памет којаси се? (Ј. Филиповић), Од образа пали цевердара, на зло му се мјесто којасило, дернуше га двије синцирлије — Турцима се срећа којасила (НП Вук), Бог убио гору Романију, те се у њој којасили вуци! (НП Херман). Уп. и *којасити се* pf. „појавити се“ (Прошћење, Вујичић), *којасит се* „id.“ (ЦГ, Пешикан 1965:247), такође и *окојасити се* pf. „id.“: Та се сила јур окајасила уз Крајину — А трећа се [војска] окајаси пака код Билећа (РЈА, где се напомиње да би прво *а-* могло бити асимилација према другоме).

<sup>2</sup> Овамо и *прикојасити се* pf. „id.“: Приповједи све, што му се прикојасило (НПр Вук, РЈА), *скојасит се* „id.“: Нема га ис планине, мора да му се нешто скојасило (Љуботињ код Ријеке Црнојевића, грађа РСА).

<sup>3</sup> Овамо и *прикојасит се* pf. „id.“ (Љуботињ код Ријеке Црнојевића, грађа РСА); *прикојаса* f. „привиђење, авет, утвара; предсказање“: У сну ми дошла нека прикојаса да се у неђељу не смију радити велики послови, „несрећа, проклетство“: Сваке су ме прикојасе ватале и пуштале (Ускоци, Станић), „врста

којасио (Војводина); б) „доспети, допрети (до неког места, краја)“: Којасим [се] чак Маљена, и одонуда издерем на село Прањане (М. Ђ. Милићевић)<sup>4</sup>; 7) „користити се“ (ЦГ)<sup>5</sup>.

Посведочени су и облици *којаснути се* рф. „срести се, јавити се, десити се, поздравити се код сретања“ (Вук), *којасати се* имрф. „појављивати се, долазити; сретати се, налазити се“: У гајевима и крај потока којасају се лагане и игровољне нимфе (Змај, РСА).

РЈА доноси облике са префиксима *пре-*, *при-* и *за-*, у којима су реализована потпуно нова значења: „epilepsia cogripa“, „carbunculus, anthrax“, „повод, узрок, кривица“, „завући се у дуљину“, ун. *прекојасити се* рф. „кад дијете ухвати мали фрас, кажу *прекојасило се*“ (Земун, Вук)<sup>6</sup>, одатле *прѣкојас*, *прѣкојаса* м. „болест која се зове и фрас“ (Срем); *прѣкојас*, *прѣкојаса* м. „злић, поганац, црни пришт“; *прѣкојас*, *прѣкојаси* f. „повод, узрок, кривица“: Да ме је данас . . . стид, а без икакве моје кривице оли прикојаси (Врчевић), *прѣкојаса* f. „id.“: Ако Шћепан без наше прикојасе дигне из Махина — То је трн у очи Млечићу и без Мијатове прикојасе (Љубиша), Прикојаса, повод, узрок (говори се у јужним крајевима) (Словинац), *Прѣкојаса*, узрок: има ту и његове прикојасе (Ријечка нахија)<sup>7</sup>; *закојасити се* рф. „завући се у дуљину“: Закојасила се киша, закојасило се зло време (Сињска крајина), *закојасити се* „id.“: Закојасило се липо време (Макарска крајина).

Потврде из дијалекатских речника проширују семантички дијапазон глагола следећим значењима: *окојасит се/окојасит се* „доћи себи, схватити, остветити се“: Ни дан-данас се не могу окојасит како

---

привиђења“ (Златибор, Миловановић 1983). „На Златибору је необично развијено веровање у вукодлаке, вампире, разне утваре и духове који се појављују око воденица и на раскрсницама путева. Нека су места посебно назначена као места где се појављују духови или како Златиборци кажу *прикојасе* [ . . . ] Прикојасе се јављају у виду човека или неке животиње, најчешће јарца“ (Ђенић 1938:149).

<sup>4</sup> Овамо и *докојасити се* „доћи, довући се“: Не може он трпити, а да се на свадбу не докојаси, макар мртав ако не жив (М. Јанковић, Речи којих нема у Вукову Рјечнику, 1855, РСА).

<sup>5</sup> Овамо и *окојасит се* „окористити се“: Бије жицу око Госпаве не би ли се окојасила (Љуботињ код Ријеке Прнојевића, грађа РСА).

<sup>6</sup> У Мостару се говори *прекојасити се (коме)*, а значење је „озлотрбити се“, нпр. *да ти се не прекојаси* „да ти не науди храна, не заболи трбух“ (РЈА).

<sup>7</sup> Овамо и *прикоса* f. „id.“: Да пустиш добра дила, прикоса је моја била (Марулић); *прикојасан* adj. „крив, тј. онај који узрокује какво зло“: Да сам ја прикојасан смрти његова оца (Правдоноша), Нико није тому прикојасан — Ко је овому кутњем раздору прикојасан (Врчевић), *прикојашљив* adj. „опак, зао, тј. онај који узрокује, делује, чини зло“ (Бандулавић).

ми они врлопци јесенас украдоше такулин, то би у трен, „поправити се, ојачати“: Окојасиће се он чим дође прољеће, кад се мало дани прољепшау (Загарац, Ђупић 1997); *окојасит се* „наметнути се, наврнути се на некога и досађивати му“: Окојасила се на мене ка да сам јој оца убио (ibid.)<sup>8</sup>; *прикојасити (се)* „натурити (се), наметнути (се)“: Прикојасила ми се нека штета, често нешто штетујем (Прошћење, Вујичић).

Добили смо и усмену потврду придева *којасан* „крепак, чио“ (Љештанско, усмено М. Тешић).

На основу изложеног материјала могло би се закључити да је етимолошко значење глагола *којасити се* — „манифестовати се (визуелно или акустички)“. Из овог основног значења, непосредно или посредно, проистиче и већина осталих. Семантички помаци типа „(по)јавити се“ > „доћи, навратити“, „(по)јавити се“ > „јавити се, поздравити при сусрету“, „(по)јавити се“ > „десити се, догодити се“, „(по)јавити се“ > „наметнути се“, „(по)јавити се“ > „привидети се“ сасвим су регуларни и очекивани. Својом основном семантиком глагол *којасити се* врло је близак глаголу *јавити се* (помоћу којег се најчешће и дефинише) који, поред осталих, има и следећа значења: „огласити се; поздравити се с ким; појавити се, настати, десити се, манифестовати се; причинити се (у сну и сл.)“ (РСА).

Значење именице *прикојаса* „привиђење, приказа“ развија се из „приказати се, привидети се“, али је у директној вези са основним значењем „појавити се, огласити се“, будући да садржи и визуелну и акустичку компоненту<sup>9</sup>. Овде би као семантичка паралела могла послужити именица *ävēt* f. „привиђење, приказа, сабласт, утвара“, ако је од \*(j)aviti se (v. Skok I 77–78 s.v. *ävēt*), уп. и *jáva* f. „појава; привиђење“ (РСА), буг. дијал. *јавина* „ноћна бића

---

<sup>8</sup>С обзиром на ареал, вероватно се ради о истом значењу у примеру: Момак хитар, а лукав, кад се облијекори и окојаси младој и невјештој цури, ова јадна попусти мало данас, мало сутра, док му робињом постане (Љубиша, RJA), иако су аутори речника ово значење окарактерисали као нејасно.

<sup>9</sup> „И у таковском крају прикојаса је свакако привиђење или привид, тј. оптичка или акустичка [овде и даље проред М.Б.] халуцинација, нарочито ноћу. Ти су привиди у ствари оно што су ђаволи у другим крајевима [ . . . ] И вампир је такође прикојаса“ (Филиповић 1972:209). „Прикојаса је ноћна и дневна варка, привиђење, по предању има девојачку главу, козје ноге а тело као у змије; замишља се и с девојачком главом и телом као у гуске или лабуда, живи у планинским језерима, а по месечини залази и у шуму“ (Кулишић 1998:246).

која се преобраћају у животиње и скрећу људе с пута“ (Узенева 2001:149).

Значења „дотаћи се, додирнути“ > „доспети, допрети“ можда су се развила укрштањем са семантички блиским и сазвучним *кò-сннути* (се) „додирнути, дотаћи (се); доћи, допрети до неког места“<sup>10</sup> (РСА), уп. и ЭССЯ 11:147-148 s.v. \**kosnǫti* (se).

Значење „(о)користити се“, потврђено у Црној Гори, уз велику резерву би се могло довести у везу са следећим облицима из истог ареала: *зајазит* „донети, учинити корист“, *зџаза* „корист, добит“ (Бјелопавлићи, Ћупић 1977), „добит, зарада“ (ЦГ, РСА), под условом да ту имамо прелаз *с > з* као у *пџџџ* „појас“ (Конавље, Вук).

За значење именице *прџкојџ* „пришт“<sup>11</sup> релевантан би могао бити глагол *јџскати* / *јџскати*<sup>12</sup> „гнојити се; севати, штрепати (о рани, оболелом месту и сл.)“: Тај чир ми одамно јаска (Лесковац), Јаска ми рана (Врање), Сва болесна места јаскају, тј. осећа се бол на махове због удара крви (Лесковац), „бити, ударати, купати (о билу)“ (Врање, све РСА). Овај глагол, без обзира на одступање у значењу, у етимолошкој литератури обично се сврстава уз облике који имају несумњиво ономатопејско порекло (в. Bezlaј I 221 s.v. *јџскати*, SEK II 334 s.v. *јџскас*<sup>13</sup>). Будући да је на истом терену за

<sup>10</sup> За ово последње значење уп. и исту рекцију у примерима: Којасим [се] чак Маљена — Све што земљомъ или водомъ иде, морасе Бџлграда коснути (РСА).

<sup>11</sup> Оно се можда могло развити директно из значења „појавити се“ > „оно што се појавило“, уп. *кџјасџти* „појавити се“: Нешто ми се којасило на руку, неки чир (Прошћење, Вујичић). Не треба одбацити ни могући утицај синонимног и фонетски блиског германизма *јасла* f. „поганац, гнојница, апостема; смрад који из ње тече“ (РЈА), о којем в. Skok I 759 s.v. *јасла*.

<sup>12</sup> С обзиром на ареал у којем се јавља, у питању је облик без инфинитива, уп. *јџскам* „севам, штрепам“: Ништо ми јаска бубрег (Лесковац, Митровић), *јџска* „боли пулсирајуће (зубобоља)“ (Лужница, Манић), *јџска* „пулсира“ (Бабушница, грађа РСА), *јџскам* „id.“ (Власотинце, грађа РСА); уп. и буг. *јџскам* „id.“: Зубџт ме јаска (Геров).

<sup>13</sup> Реконструише се псл. дијал. \**јџскати*, \**јџскајџ*: \**јџсџџ* „викати пискаво, танким гласом, пиштати“ са творбеном варијантом \**јџсати*; узима се да су то ономатопејски глаголи са суф. *-sk-* : *-s-*, а њихова крајња основа је ономатопејски узвик *ја!* који се среће у разним словенским језицима, тако и Slawski I 532. Слично Machek 217–218 s.v. *јџсати*. Наше истраживање је показало да је и у с.-х. језику ова лексичка породица врло развијена, иако с.-х. примери нису нотирани ни у једној од поменутих одредница, уп. *јџсати* „викати, галамити“ (Врховине у Лици, РСА), *јџсннути се* „огласити се, гласнути се“ (Љештанско, усмено М. Тешић), *јџсннути се* „id.; почети викати, галамити, свађати се“, *јџсна* „жена зла, опака језика; скитара, похотљивица“, *јџснача* „id.“ (Ускоци, Станић), овамо и *јџслача*

облик *ја̀скам* посведочено и значење „светлуцам, сјајим“: А кад ми дође јадујем на њега, — очи му јаскав, зуби му траскав (Лесковац, Митровић), могло би се помишљати да овај глагол стоји у вези са породицом придева *јасан*, тј. \**јасати* „светлукати, сјајити“ > *јаскати* „id.“, уп. *изја̀сат се* „изведрити се“ (Дуга Реса и Карловац, Регушић 1986), слч. *jasat' se* „свитати“, чеш. *zajásati* „заблистати“<sup>14</sup>.

За семантички помак „светлукати, сјајити“ > „севати, штречати“ уп. из истог ареала *свѝткам* „севам“ (Враће, Златановић), *свѝтка* „светлуца, час-час па засветли“ (Тимок, Динић 1990) према *свѝтка* „жигати (о болу)“: свитка ми у главу, свитка ми у колено (усмено М. Б.), као и опште *сѣвати* „сијати, светлети“ > „пробадати, жигати (о болу)“ (РМС). Не може се занемарити ни утицај облика типа с.-х. *jàzva* „рана“, буг. *žzva* „рана, чир“ (о њима в. ЭССЯ 6:56-57 s.v. \**žzva* / \**žzvo* / \**žzvs*).

Значења облика *преко̀јасити се* „добити фрас“ и „озлотрбити се“ у изразима *преко̀јасило се* (дете) и *да ти се не преко̀јаси* нису јасна. За прво значење уп. *пренемо̀ћи се* „изнемо̀ћи, клонути, малаксати, онесвестити се“ (РЈА)<sup>15</sup>, а за друго *преко̀сити* „добити оштре болове у стомаку, пресећи“: Нешто ме прекоси у стомаку, не знам шта е, ако није нешто од оне покварене ране (Ускоци, Станић), док је реакција као у *прѣсести* (коме) „лоше, рђаво проћи, зло се свршити, присести“ (РМС).

Значење именице *прѣко̀јаса* (*прѣко̀јас*, *прикоса*) „повод, узрок, кривица“ посредно би се могло извести из значења „привиђење, утвара“, будући да се у народној свести смрт, болест или било каква друга невоља сматра последицом деловања нечисте силе<sup>16</sup>. Семантички развој у том случају изгледао би овако: „привиђење, утвара“ > „чинити зло“ > „узрок, кривица“, уп. значење придева

---

погрд. „брбљива женска особа“ (Љештанско, Тешић 1977), *ја̀слага*, *ја̀слара* погрд. „лена, нерадна женска особа“ (Дучаловић, Бања Лука, Ужице, РСА); *ја̀скати* „викати, галамити, свађати се; псовати, грдити“, *за̀јаскати* „почети псовати, викати на некога; заинатити се“, *изја̀скати се* „извикати се један на другог“, *ја̀скача* „причљива жена, женска особа склона свађи“ (Ускоци, Станић).

<sup>14</sup> За значење „(из)ведрити се“ уп. бројне словенске паралеле (SP 6:145–146 s.v. *ěsněti*, *ěsniti*). Што се тиче самог облика, Махек тумачи слч. и чеш. потврде као секундарне творевине од *jasný*, будући да се свуда јавља глагол на *-iti* (Mašek 218 s.v. *jasný*).

<sup>15</sup> Уп. још и *прекинути се*, *прегу̀лити се*, *прѣтргнути се*, *прѣдријети се* „окилавити“ (РЈА).

<sup>16</sup> „Прико̀јаса може бити у човеку: кад је човеку нешто учињено, па не може да напредује или да се опорави, болест му се продужава, то је такође прико̀јаса“ (Горњи Бањани, Филиповић l.c.).

*прикојасан* „крив, тј. онај који узрокује какво зло“<sup>17</sup>. О иманентној повезаности значења „узрок“ и „привиђење“ сведочи с.-х. глагол *причинити* „произвести, узроковати“ : *причинити се* „учинити се“ > *причина* f. „привиђење“<sup>18</sup> (RJA) према рус. *причина*, чеш. *příčina*, пољ. *przyczyna* „узрок“<sup>19</sup>. Значење облика *окојасит се* „доћи себи, схватити, оствестити се; поправити се, ојачати“ могло се развити под утицајем формално блиског (префикси *о-ко-*) и семантички идентичног глагола (такође са црногорског терена) *оковијестити се* pf. „доћи к свести, оствестити се; порастати; поправити се у здравственом погледу; опоравити се имовински“ (Ускоци, Станић).

Значења глагола *којасити се* „(при)пазити на нешто“<sup>20</sup>, *закојасити се* „завући се у дуљину“<sup>21</sup>, као и придева *којасан* „кепак, чио“<sup>22</sup> за сада остају нејасна.

Иако широко распрострањен, семантички и творбено развијен и врло добро посведочен у српско-хрватском језичком ареалу, глагол *којасити се* као да нема словенских паралела<sup>23</sup>. Његова усамљеност на словенском терену утолико је чуднија што изгледа да се ради о аутохтоној речи (позајмљеница или реч супстратног порекла не би могла имати тако широк ареал ни тако разуђену семантику).

---

<sup>17</sup> Уп. и следеће примере: У то време умре рођак тога човика ... он одма посумња, да је укодлакова (sic!) прикоса (Пољица); Има област на изагнање нечистих и прикојасљивих духов (Бандулавић, све RJA). Узроковање зла својствено је не само нечистој сили, већ и људским бићима, али се и за људе користи исти израз: „Жене које умеју да врачају (за зло) су чинилице. Али [ ... ] то неће да се каже него је лепше рећи ‘прикојаса’“ (Горњи Бањани, Филиповић l.c.).

<sup>18</sup> Само у примеру из Милићевића: Пришавши ближе уверим се, да оно није причина, него нека жива душа, која се миче (аутори речника сматрају да је ову реч сам писац направио према глаголу *причинити се*, а акценат би био *причина*) (RJA).

<sup>19</sup> С.-х. заст. *причина* f. „узрок, повод“ (RJA) аутори речника сматрају русизмом.

<sup>20</sup> У РСА се само напомиње да је потврда из Жунџићеве збирке (што значи да немамо њену прецизну убикацију), без примера употребе у контексту.

<sup>21</sup> Дефиниција значења је нејасна, можда пре „усталити се (о времену)“?

<sup>22</sup> Уп. ипак семантички и формално (због префикса *ко-*) близак придев (иако из другог ареала) *кдпијеран* „живахан, крепак“ (Ускоци, Станић).

<sup>23</sup> Чеш. дијал. *kojásnit* „срушити се“ које се наводи у ЭССЯ l.c. ни из формалних, ни из семантичких разлога не може се сматрати еквивалентом с.-х. *којасити се*.

Под претпоставком да се разматрају с.-х. глагол заиста разлаже на префикс *ко-* и корен *јас-*<sup>24</sup>, можемо покушати да му пронађемо одговарајуће словенско окружење апстрахујући префикс и концентришући се на корен. Које би то лексеме са кореном *јас-*, на који је помишљао још Маденауер, могле бити сродне глаголу *којасити се*?

У границама српско-хрватског језичког простора посведочено је неколико на први поглед сродних облика: *јасати* песн. „стајати гордо, поносито“: Над Морем где к’о млади јаблан јасам, | поносно ја те поздрављам и гласам! (Королија)<sup>25</sup>, *јасати* „поступати самовољно; разметати се“: Она јаса, ни море јој није до кољена (ШГ)<sup>26</sup>, *јасати* „викати, галамити“: Што ту јасаш као да ти се грло провалило?! (Врховине у Лици)<sup>27</sup>, *јасати* „газити, скакати, вршљати“: Јучер су деца ваздан по слами јасала (газила) и тиме сламу кварила (Зеница, све РСА), *јасат(и)* „скитати, беспосличити“ (Г. Цапарде, Ђукановић 1983)<sup>28</sup>. Ниједан од наведених облика, међутим, не може се узети као непрефигирани еквивалент глагола *којасити се* из разлога акценатског, морфолошког и семантичког неподударења са њим. Релевантне сродне облике нисмо пронашли ни на ширем, словенском, ни на дубљем, прасловенском плану<sup>29</sup>.

Скок и ЭССЯ, као што је на почетку речено, доводе глагол *којасити се* у везу са придевом *јасан*. Скок то чини узгред, без икаквог коментара, док се у ЭССЯ предложена етимологија кратко објасни. То образложење, међутим, изазива извесне недоумице. Прво, није јасно зашто је прасловенска реконструкција заснована на облику *којаснати се*, који је посведочен само код Вука, а не

<sup>24</sup> Евантуално би се могло претпоставити да је глагол *којасити* настао као последица погрешне декомпозиције *прѣко-јасити* > (*пре-*)*којасити*, уп. слична образовања *прекобацити се*, кајк. *прекопихнути се* „спотакнути се падајући“ (Skok II 117 s.v. *kobàcati* овде ипак издваја префикс *ко-*).

<sup>25</sup> Дефиниција значења није поуздана. Глагол у овом значењу (тј. како су га дефинисали аутори РСА), потврђен је само код Королије, а с обзиром да је из исте збирке песама као и именица *јас* „светлост, зрак“, могуће је да му је и значење блиско значењу именице.

<sup>26</sup> Овај облик могао би бити у вези са заменицом *ја*, али и са турцизмом *јасити се* „силити се, прсити се, правити се важан“ (РСА).

<sup>27</sup> Ономастопеја, в. напомену 13.

<sup>28</sup> Последња два облика су можда у вези са *\*јасати*/*\*јасати* (в. ЭССЯ 8:169–170), за промену *x* > *c* уп. *јасати* : *јасати*.

<sup>29</sup> Псл. *\*јасати*, реконструисано на основу чеш. дијал. *јасат* „драть, рвать одежду“: *Už si ty gatě pravda rozjasát?*, за које се као примарно претпоставља значење „рвать полосой“, „обвязывать полосой (= опоясывать)“ (в. ЭССЯ 8:181-182) — у семантичком погледу нема никаквих додирних тачака са глаголом *којасити се*.



на далеко распрострањенијем *којасити се*. Друго, изузетно добра посведоченост облика *којасити се* (за разлику од *којаснџити се*) доводи у питање тврдњу да су облици без *-н-* секундарни. Треће, ако су пак облици без *-н-* примарни (на шта указује презентирани материјал), онда повезивање глагола *којасити се* са \**ěsknǝ(jǝ)* (како се овај придев реконструираше у ЭССЯ 6:51-52) губи своју формалну потпору. Остављајући по страни чињеницу да псл. \**ěsknǝ* нема ни јединствену псл. реконструкцију, ни општеприхваћену етимологију<sup>30</sup>, сматрамо да се повезивање глагола *којасити се* са овим придевом сусреће и са препрекама семантичке природе. Наиме, ниједан од ие. коренова од којих се, сходно разним тумачењима, изводи поменути придев (ие. \**aisk-* „јасан, светао“, ие. \**aidh-* „горети, светлети, пламтети“, ие. \**ōs-t-n-* поред пие. \**ǎs-* „палити, жарити се“, ие. \**ās-* < \**h<sub>2</sub>ah<sub>1</sub>s-* < пие. \**h<sub>2</sub>eh<sub>1</sub>s-* „пламтети, горети, сјајити се“ итд.)<sup>31</sup> својом семантиком не кореспондира са значењима глагола *којасити се*.

Међутим, на дубљем, индоевропском плану посведочена је једна потпуна семантичка и могућа формална паралела нашег глагола. Реч је о стинд. (ведском) *pra-yakṣ-* „појавити се“, *yakṣa-* „појава“ > „приказа, сабласт“ (KEWA III 1-2, EWAi II 391). Глагол је индоирански, потврђен је у новоиранском језику јагноби: *yaxš-* „видети се, бити видљив“, а по Bailey-у (251) ту би могао спадати и хотански придев *pyaṣta-* „visible“. Даље индоевропске везе нису познате. Мајерхофер сматра да би од тог глагола могла бити и именица *yakṣma-* т. „болест, сушица / туберкулоза“, изворно „појава, предзнак“ (KEWA III 2, EWAi II 392).

Псл. \**jas-* према стинд. *yakṣ-* претпостављало би пие. \**iĕks-*, али иран. \**yaxš-* (а не \**yaš-*) указује на веларно \**k* (\**iĕks-*). Веза словенског са индоиранским обликом била би могућа под претпоставком варијантности корена (\**iĕks-*/\**iĕks-*) или секундарности јужносл. *jas-* од псл. \**jex-*, са итеративним дужењем и другом палатализацијом као у \**daxnǝti* > \**dysati*. У том случају овде разматрани облици имали би у основи (*ko*)*jasati*, одатле поствербал (*pri-ko*)*jas(a)*, од њега деноминал (*ko*)*jasiti*.

<sup>30</sup>За детаљан преглед и коментар досад предложених етимологија уп. ESJS 5:272-273 s.v. *jasnǝ*, од нових тумачења в. Smoczyński 2002:191-192.

<sup>31</sup>Цитирано према изворима наведеним у претходној напомени.

Целокупно досадашње разматрање заснива се на претпоставци да је облик *којасити* образован од корена *jas-*. Међутим, горепоменути паралелизам облика и значења између *којасити* и *чинити* (*при-којаса* : *при-чина* „привиђење; узрок“) отвара могућност и другачијег тумачења нашег глагола. Будући да псл. \**činiti* (< \**čīnā*) потиче од ие. корена \**k<sup>h</sup>ei-* (SP 2:199-200; ЭССЯ 4:112-113), од којег се изводе и укр. *кóити* „чинити (углавном нешто лоше)“, пољ. *koić się* „успевати, полазити за руком“ (Рокорну 637-638), облик *којасити* могао би се објаснити као проширење глагола \**kojiti*<sup>32</sup> суфиксом *-as-*. Треба ипак напоменути да ни глагол \**kojiti* нема општеприхваћено тумачење. Једни претпостављају два хомонимна глагола: *kojiti*<sup>1</sup> < ие. \**k<sup>h</sup>ei-* „слагати“: укр. *кóити*, пољ. *koić się* итд. и *kojiti*<sup>2</sup> < ие. \**k<sup>h</sup>eiā-* „мировати“: *pokojiti, uspokojiti* итд. (Рокорну 637-638, Verneker 538-539, ЕСУМ 2:501-502). Други сматрају да је, без обзира на семантичка одступања укр. и пољ. потврда, у питању јединствен глагол \**kojiti*, каузатив од \**čiti* „почивати“ < ие. \**k<sup>h</sup>eiā-* (Sławski II 329, ЭССЯ 10:113, SP 2:218 s.v. *čiti*, Skok II 120, Machek 267).

О могућој вези *којасити* са \**kojiti* сведочила би пре свега семантика укр. глагола: *кóитися* „дешавати се, догађати се (углавном о нечем лошем)“, *скóитися* „догодити се; настати, појавити се“ (в. ЕСУМ I.c.) према с.-х. *кòјасити се, скојàсит се* „десити се, догодити се“. Иако глаголски суфикс *-as-* није продуктиван, за предложено творбено рашчлањавање уп. псл. \**dr-as-ati* : \**drati* (SP 4:209-210), с.-х. *клав-ас-ати се* : *клавати* (РСА). У овом контексту, као пандан глагола *којасити се* иступа пољ. глагол *kojarzyć* „спајати; погодовати; смишљати; полазити за руком“ (такође изолован и ограничен искључиво на пољски језик), у којем Славски види дериват од истог глагола \**kojiti* (пољ. *koić*), али са другим суфиксом, *-ar-* (Sławski II 329-330)<sup>33</sup>.

<sup>32</sup> Псл. \**kojiti* реконструире се на основу с.-х. *кòјити* impf. „гојити, подизати“, pf. „савити коноп (од мреже) у колут“, слн. *kojiti* „васпитавати, гајити“, чеш. *kojiti* „хранити (мајчиним млеком); умиривати“, слч. *kojiť* „id.“, глуж. *kojić* „умиривати“, пољ. *koić się* „умиривати се, ублажавати се“, укр. *кóити* „чинити нешто лоше“, *кóитися* „дешавати се, догађати се (углавном о нечем лошем)“ итд. (ЭССЯ 10:113).

<sup>33</sup> Према другом тумачењу, глагол *kojarzyć* доводи се у везу са с.-х. *којáрити се* „увећавати се, напредовати, развијати се“ и разлаже на префикс \**ko-* и корен \*(*j*)*ar-*, у вези са \**arъto* (ЭССЯ 10:111-112 s.v. \**kojariti*). Семантика стоји на путу повезивању с.-х. и пољ. глагола, чега су свесни и сами аутори ЭССЯ, напомињући да је \**jariti* у с.-х. примеру другачије од оног које подразумева етимологија \**arъto*.

У закључку овога прилога морамо констатовати да још увек не постоје довољни и чврсти аргументи који би поткрепили било које од предложених тумачења, тако да сва разматрања о глаголу *којасити се* и даље остају у сфери хипотеза. Индикативна је, међутим, и чињеница да ниједан од облика са којима би наш глагол евентуално могао бити у вези (псл. \**ěsknъ*, \**kojiti*, \**kojariti*, стинд. *pra-yaks-*) такође нема јединствену, општеприхваћену етимологију. То нас опомиње да многе речи, упркос замашној литератури која о њима постоји, у суштини још увек чекају своје коначно решење.

## ЛИТЕРАТУРА

- Вујичић М. Вујичић, *Рјечник говора Прошћења (код Мојковца)*, Подгорица 1995.
- Вук В. Стефановић–Карацић, *Српски рјечник*, Београд 1898<sup>3</sup>.
- Геров Н. Геров, *Речник на българския език I–V; Дополнение*, Пловдив 1895–1908, репринт София 1975–1978.
- Динић 1990 Ј. Динић, *Додатак речнику тимочког говора*, СДЗб XXXVI, 381–422.
- Ђенић 1938 Љ. Ђенић, „Прикојасе“ (*Gespenster*), Гласник Етнографског музеја у Београду XIII, Београд, 149.
- Ђукановић 1983 П. Ђукановић, *Говор села Горње Цапарде (код Зворника)*, СДЗб XXIX, 271–285.
- ЕСУМ *Етимологічний словник української мови*, Київ 1982-.
- Златановић М. Златановић, *Речник говора јужне Србије*, Врање 1998.
- Кулишић 1998 Ж. Кулишић, П. Ж. Петровић, Н. Пантелић, *Српски митолошки речник*, Београд.
- Манић Д. Манић Форски, *Лужички речник*, Бабушница 1997.
- Миловановић 1983 Е. Миловановић, *Прилог познавању лексику Златибора*, Прилози проучавању језика 19, Нови Сад, 13–70.
- Митровић Б. Митровић, *Речник лесковачког говора*, Лесковац 1984.
- Пешикан 1965 М. Пешикан, *Староцрногорски средњокатунски и љешански говори*, СДЗб XV.
- РМС *Речник српскохрватскога књижевног језика*, Нови Сад — Загреб 1967–1976.

- РСА *Речник српскохрватског књижевног и народног језика*, Београд 1959-.
- СДЗБ *Српски дијалектолошки зборник*, Београд.
- Станић М. Станић, *Ускочки речник* 1–2, Београд 1990.
- Тешић 1977 М. Тешић, *Говор Љештанског*, СДЗБ XXII, 159–328.
- Ђупић 1977 Д. Ђупић, *Говор Бјелопавлића*, СДЗБ XXIII.
- Ђупић 1997 Д. Ђупић и Ж. Ђупић, *Речник говора Загараца*, СДЗБ XLIV.
- Филиповић 1972 М. С. Филиповић, *Таковци. Етнолошка посматрања*, Српски етнографски зборник LXXXIV, Београд.
- Узенева 2001 Е. С. Узенева, *Етнолингвистическе материјале из југозападне Бугарине (с. Гега, Петричска општина, Софијска област)*, Истраживања по славјанској дијалектологији 7, Москва, 127–151.
- ЭССЯ *Этимологический словарь славянских языков*, Москва 1974-.
- 
- Bailey Н. W. Bailey, *Dictionary of Khotan-Saka*, Cambridge 1979.
- Berneker Е. Berneker, *Slavisches etymologisches Wörterbuch, A – morz*, Heidelberg 1908–1913.
- Bezljaj F. Bezljaj, *Etimološki slovar slovenskega jezika*, Ljubljana 1977-.
- ESJS *Etymologický slovník jazyka staroslověnského*, Praha 1989-.
- EWAI М. Mayrhofer, *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen I–II*, Heidelberg 1986–1996.
- KEWA М. Mayrhofer, *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen I–IV*, Wiesbaden 1956–1980.
- Machek V. Machek, *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha 1968<sup>2</sup>.
- Matzenauer 1881 А. Matzenauer, *Příspěvky ke slovanskému jazykozpytu*, Listy filologické a paedagogické VIII, Praha, 161–190.
- Perušić 1986 М. Perušić, *Rječnik čakavskog narječja općine Duga Resa i Karlovac*, Čakavska rič 1986/2, Split, 35–73.
- Pokorny J. Pokorny, *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch I–II*, Bern 1959–1969.
- RJA *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika I–XXIII*, Zagreb 1880–1976.
- SEK W. Boryś, H. Popowska-Taborska, *Słownik etymologiczny kaszubszczyzny*, Warszawa 1994-.
- Skok P. Skok, *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika I–IV*, Zagreb 1971–1974.

- Sławski F. Sławski, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków 1952-.
- Smoczyński 2002 W. Smoczyński, *Uwagi laryngalistyczne do niektórych wyrazów słowiańskich i litewskich*, Dzieje Słowian w świetle leksyki, Kraków, 191–198.
- SP *Słownik prasłowiański*, Wrocław etc. 1974-.

A contribution to the study of S.-Cr. *kojasiti se*

The paper deals with the S.-Cr. verb *kòjasiti se* (im)pf. ‘appear; say ‘hello’; happen; appear as a vision, etc.’ from the standpoints of semantics, word-formation and etymology. The author has no ambition at providing the final etymology of the verb, but to present the entire relevant material, along with its analysis, and to elaborate the three existent interpretations (Matzenauer, Skok, ESSJa). In conclusion, two possible etymologies are proposed (either < PSl. *\*kojiti* or related to skt. (ved.) *pra-yakṣ*), thus contributing to studies that could lead to final solution.

*Етимолошки одсек, Институт за српски језик САНУ*  
*Кнез-Михаилова 35/1, 11000 Београд, Југославија*  
etym@bib.sanu.ac.yu



# Семантична мотивация и средства за номинация при славянските названия на птиците

Христина Дейкова

От особено значение при синхронно-диахронното описание на славянските названия на птиците (и в частност при комплексния историко-типологически подход на изследване на чешките и българските названия на птици)<sup>1</sup> е материалът да се изучава не изолирано, а в рамките на лексикалната подсистема от орнитологични названия. От не по-малко значение е и аспектът на изследване. Ономасиологичният аспект позволява да се изучават не само материалните сходства и различия между лексикалните микроструктури на отделните езици, но и структурните особености на съпоставяните названия. Във формално-номинативен план се изясняват основните средства за номинация, свързани със словообразователните начини и словообразователните типове, характерни за конкретната тематична група. Съпоставянето на структурата на наименованията минава през изясняване на мотивационните модели, което води до разкриване на мотивиращия семантичен признак и следователно до разкриване на вътрешната форма на названията в тяхното конкретно номинативно съотнасяне с предметната действителност. Това, както отбелязва и Мареш, е добра основа за изучаване на тази номенклатура като цяло, защото създава възможности не само за ревизия на стари етимологии, но е и плодородно поле за нови етимологични решения.<sup>2</sup> Резултатите от мотивационния и словообразователния анализ, извлечени на системно равнище, се обединяват с цел да се проследят съществуващи закономерни зависимости между определените ономасиологични модели (ОМ)<sup>3</sup> и очерталите се формално-структурни модели. Съпоставителното разглеждане на названията подпомага по-обективния поглед върху възникването и динамиката на характерните за тази номинативна група словообразователни модели от праславянско

---

<sup>1</sup> По-подробно за прилагането на този подход на изследване в разработваната от мен дисертация на тема „Ономасиологични и словообразователни сходства и различия между българските и чешките названия на птици“ вж. Дейкова 2002.

<sup>2</sup> Вж. Mareš 1967, 372.

<sup>3</sup> Под ОМ се разбира тип номинация по определен признак, един от множеството признаци, присъщи на назовавания предмет, вж. Дейкова 2000.

време до днес, както и върху съотносителността на използваните словообразователни средства в отделните родствени езици. Следователно съпоставяните названия се разглеждат в динамичен аспект с цел установяването на произхода, развойните тенденции и продуктивността на очерталите се езикови структури, използвани за обозначаване на отделните ОМ. Установените системни закономерности (в семантичен и формално-номинативен план) допринасят за разкриването на неясни от етимологична гледна точка названия, принадлежащи към праславянската орнитологична система или нововъзникнали в отделните езици. Разкриването на особеностите на организацията на синхронната система на езика, които в „заснет вид“ могат да отразяват процесите на развитие на езиковите единици, се смята за актуална задача на синхронно-диахронното описание на езика. Важно значение има възможността за наличие на изоморфизъм между синхронните връзки и диахронните преобразувания. Обяснителното синхронно-диахронно описание позволява да се съпоставят синхронно и диахронно обяснение на свойствата и особеностите на функциониране на единиците на езика, а също и да се използва диахронно обяснение за разкриване на синхронните свойства на единиците на езика.<sup>4</sup> Като се има предвид това, при разкриването на семантичната мотивация и формалната структура на древни названия би трябвало да се отчита възможността за съществуване на паралелизъм в системните връзки и отношения в орнитологичните системи на синхронно и диахронно ниво. Привеждането на мотивационни паралели от другите славянски и неславянски езици, както и измежду прозрачните по своята вътрешна форма новообразувания при етимологичното изследване е много важно, но трябва да се има предвид и разнообразието от ОМ, което се наблюдава при синхронното съпоставяне на орнитологичните подсистеми в двата езика.<sup>5</sup> В народната орнитологична номенклатура отделните названия функционират или като хипоними (видови или родови имена), или като хипероними (имена, използани за обозначаване на всички видове от един род, или на всички родове от едно семейство). Известни са трудностите при точното определяне на отделните орнитологични видове поради тяхното голямо разнообразие и различна степен на познаване. Често пъти има пренасяне на названията от един род/вид птици на друг въз

---

<sup>4</sup> Вж. Улуканов 1992, 2, 5, 18.

<sup>5</sup> Вж. Дейкова 2002.



основа на някакво сходство между тях.<sup>6</sup> Наблюдава се и мотивационна конвергенция между названията на отделните родове, основаваща се на общност в избрания признак.<sup>7</sup> Всичко това налага извода, че е целесъобразно семантичните паралели да се търсят не в тесните рамки на названията на един вид/род, а в по-широките рамки на птиците от цялото семейство или въобще в класа от птици. С други думи, съществуването на определен ОМ, разкрит чрез привеждане на чуждоезикови паралели или на по-късни новообразувания, може да бъде с голяма доза вероятност основа за отвеждане на неясното название към този ОМ, но само при условие, че са взети предвид всички други ОМ, които се разкриват при ономаσιологичния аспект на изследване на названията на съответната птица или на близките ѝ видове като се отчитат на всички техни характерни особености.

Тук ще разгледаме като пример названието на птицата *Carduelis carduelis* – чеш. *stehlík*, диал. *styhel'* (Loriš), бълг. *щ̀г̀лец*, диал. *ст̀г̀глиц* (Геров). Общността на названието в двата славянски езика подсказва неговия праславянски произход, което се потвърждава и от другите славянски съответствия – срхр. *staglic*, *staglic̑*, *staglin*, *stagljica*, *stagljic̑*, *stiglić*, *štaglic̑*, *štiglec*, *štiglic*, *štiglić*, *štigljac*, *štigljic̑*, *štigljic̑* (Fink 17) и др. вар., словен. *ščēgljec*, *štigljec*, рус. *щегóль*, укр. *щ̀г̀голь*, *щ̀г̀голь*, белорус. *щ̀г̀гел*, *шч̀г̀глік*, словаш. *stehlík*, пол. *szczygieł*, горлуж. *šćihlica*, доллуж. *šćigelec*. Птицата *Carduelis carduelis* е от семейството на чинковите птици (Fringillidae), което се отнася към разряда на Вrabчоподобните или пойни птици (Passeriformes). В семейството на чинковите птици се включват още чинките (род *Fringilla*), червенушката (*Pyrrhula pyrrhula*), черешарката (*Coccothraustes coccothraustes*), птиците от род *Carduelis*, един вид от които е и щиглецът, и други птици, като много близък до семейството на чинките е и род *Passer* – vrabчовите птици. Щиглецът има неповторимо разноцветно оперение в бяло, черно и жълто, а лицето му е червено. Тази особеност го отличава доста добре от всички други видове и родове от семейството и съвсем естествено заляга в основата на един от ОМ – срв. бълг. нар. *кад̀нка* (с диалектни варианти)<sup>8</sup>, диал. *кадкад̀нка*<sup>9</sup>, нар. *калинчица* (Фауна на Б-я 136), срхр. нар. *ljepotica*, *šarelica*, *šarica*, *šargizda*, *gospojica* (Fink 17), нем. диал. *Rotko<sup>e</sup> gelken* (= *Rotköppchen*), англ. диал. *redcap*

<sup>6</sup> Вж. Дейкова, пак там.

<sup>7</sup> Вж. Дейкова 2000, 237.

<sup>8</sup> Вж. БЕР 2, 133, под *кад̀на*.

<sup>9</sup> Вж. БЕР 2, 131.

(Suolahti 117) и др. Любимата храна на щиглеца са семената на магарешкия трън и репея, но се храни и със семената на жлъчката, глухарчето и други растения, които събира направо от узрелите плодове на растенията. Този признак е залегнал в основата на друг ОМ от названия, като: итал. *cardello*, *cardellino*, исп. *cardelina*, *cardalina*, катал. *carderola*, фр. *chardonneret* – от лат. *carduēlis*, извеждано от *carduus* ‘магарешки трън’<sup>10</sup>, нем. *Distelfink* (Suolahti 117) – с първа съставна част *Distel-* ‘магарешки трън’, бълг. диал. *бодиланче*, срхр. нар. *sjemenar* и др. От този тип семантична мотивация изхожда Махек при етимологичното обяснение на чеш. *stehlík* [< праслав. \**stegslō* (?)], като привежда като паралели лит. *dagilis* ‘щиглец’ и латв. *dadzītis*, *dadzis* също, които според него са производни от *dagŷs* ‘магарешки трън’ (?).<sup>11</sup>

Трябва да се отчита обаче и друга характерна особеност на птицата, която я сближава с близките видове и родове от семейството на чинките, а също и с близкия род *Passer* на врабците. Щиглецът е пъргава и подвижна птичка, която непрекъснато търси нещо ... Ловко пълзи по стеблата на трънливите бодили, репея и жлъчката, като понякога увисва на тях и с главата надолу. В клоните скача малко, по-скоро крачи или прелита. Пее дори и при полет, като въобще не седи спокойно на едно място. Непрекъснато се върти, кланя се според мелодията, пристъпва от място на място.<sup>12</sup> Основание за отделянето на следващ ОМ, основаващ се на този характерен признак, дават названия, като: рус. диал. *вьюрóк*, с което се назовава близкият на щиглеца род на чинките, укр. *юрок*, *вьюрок* ‘птичка’, които Преображенский с основание свързва с *юрок*, *юркий* ‘който се върти, жив, пъргав’ и съответно с глаголите *юркнѹтъ*, *юркати* ‘скрия се; подскоча’ и сравнява с диал. *юра́*, *юрила́* ‘който не седи и не се задържа на едно място’, укр. *юрливий* ‘жив, пъргав’.<sup>13</sup> Срв. и рус. диал. (полесск.) *юрчик* ‘полско врабче, *Passer montanus*’ (по Журавлев 1980, 54). Същата семантична мотивация се разкрива и при праслав. \**gylb* (чеш. *hýl*, словаш. *hýl*, пол. *gyl*, рус. диал. *гиль*, белор. диал. *гиль* – названия на червенушката, *Pyrghula pyrghula*, от същото семейство на чинковите птици), което в ЭССЯ се свързва с гл. \**gyliti*, в отгласни отношения с \**guliti*, \**gul’jati* (>

<sup>10</sup> Вж. Walde-Hofmann 173-174, Meyer-Lübke 160: 1686, 1687.

<sup>11</sup> Вж. Machek 576. Лит. *dagilis* обаче би могло да бъде отглаголно производно от лит. *dėgti* ‘горя, паля’ (Fraenkel, LEW 85-86), като семантичната мотивация би могла да се свърже с яркото оперение на птицата.

<sup>12</sup> Вж. Užitečné ptactvo 15-17.

<sup>13</sup> Вж. Преображенский 1, 106; 2, посл. вып., 1949, 129 – 130.

рус. *гулять* и под.) и се сравнява със срвиснем. *gümpel*, извеждано от Kluge–Mitzka 258, от *gumpen* ‘скачам’.<sup>14</sup> Към същия ОМ могат да се отнесат и названията на врабеца в славянските езици, ако се приеме предложената от Журавлев етимология от *\*vorb-/\*verb-* ‘въртя се’.<sup>15</sup> В този контекст подкрепа заслужава и мнението на Hinze, който следвайки Vūga извежда стпрус. *\*spurglis* от незасвидетелствана глаголна основа *\*sperg-* ‘скачам’, предполагагана на основата на лит. *sprógti* ‘скачам’.<sup>16</sup> Стпрус. *\*spurglis* съответства формално на латв. *spurguls* ‘малко живо, пъргаво дете’.<sup>17</sup> За това, че в народното съзнание представите за тези видове птици могат да се припокриват, говори и народното тълкуване на бълг. диал. *кадѝнка* – ‘пъстра пойна птичка, която зимува тук и прилича на врабче’ (КартБДиалР).

Изхождайки от характерните особености на щиглеца и на близките му видове и родове от семейството на чинковите птици, които са едни от най-разпространените певци, съвсем естествено се очертава и четвърти ОМ, включващ названия от звукоподражателен произход. Към него се отнасят названия, като: бълг. нар. *сѝнка*, *чѝнка*, срхр. диал. *činka* (със словообразователни варианти), *čivkalica*, *fink*, *finka* и др. (Fink 21), словен. *ščinkavec*, чеш. *penkava*, *řenkava*, диал. *pinkava*, словаш. *pinka*, *pinkava*, *penkava*, все названия на чинката; срв. и лат. *fringilla*, итал. *pinzione*, фр. *pinson*, нем. *Fink* (стгорнем. *fincho*), англ. *finch* (*Chaffinch*)<sup>18</sup>, и много други названия на чинката; чеш. *číž*, *čížek*, словаш. *číž*, *čížik*, пол. *czyż*, *czyżuk*, горлуж. *čižik*, доллуж. *cyž*, укр. *чиж*, белор. *чыж*, срхр. *čizak*, словен. *čížek*, всички със значение ‘елшова скатия (*Fringilla spinus*)’ – птица от същото семейство на чинковите птици, рус. *чиж* ‘неголяма пойна птица от семейството на чинковите птици’, укр. диал. *чыж*, *чыжык* ‘елшова скатия (*Carduelis spinus*)’ и ‘щиглец (*Carduelis carduelis*)’ (последните от праслав. *\*čizь*, *\*čizьkъ*, *\*čizьkъ*<sup>19</sup>).

Наблюдението върху системата от названия на птици в българския и чешкия води до установяване на системна закономерност, изразяваща се в съответствие между ОМ, свързани с поведението

<sup>14</sup> Вж. ЭССЯ 7, 221–222.

<sup>15</sup> Авторът стига до това обяснение, като прилага съвсем различен, семасиологичен подход на изследване, вж. Журавлев 1980.

<sup>16</sup> Вж. Hinze 1996–1997, 161.

<sup>17</sup> Вж. Blažek 1998, 18.

<sup>18</sup> Вж. отново Mareš 1967, 345–350.

<sup>19</sup> Вж. ЭССЯ 4, 125.

на птиците, и отглаголни словообразователни структури с характерни суфиксални средства при пряката номинация. Към тези ОМ трябва да се разглеждат и звукоподражателните по произход названия, образувани от основа на звукоподражателен глагол или от чисто звукоподражание, защото издаването на определен звук е белег, характеризиращ поведението на птицата.<sup>20</sup>

В рамките на орнитологичната система от названия тези ОМ се характеризират с голяма степен на устойчивост във времето. При една част от названията те съответстват на определен формално-структурен модел, използван за тяхното езиково обозначаване. В съвременните орнитологични системи на славянските езици съществуват образувания със суфикс с консонантен елемент *-l-* и с различни вокални разширения (особено продуктивен в западославянския ареал<sup>21</sup>), отправящи обикновено към глаголна и звукоподражателна произвеждаща основа – срв. напр. бълг. *бѹхал* ‘Bubo bubo’ (от *бѹхъл*, у Геров) и *чѹхал* ‘Otus scops’ (от *чѹхъл*, у Геров), както и *чигла* ‘имелов дрозд, Turdus viscivorus’ (СбНУ 7), *цигла* ‘малка белочела гъска, Anser erythropus’ (СбНУ 2) – звукоподражателни по произход, нар. *гѹрлю* ‘земеродно рибарче, Alcedo ispida; воден скорец, Cinclus aquaticus’<sup>22</sup>, диал. *чужало* ‘кълвач’, *сипкало* също<sup>23</sup> и др. Тези форми следват праславянска словообразователна тенденция и са съотносими от структурно гледище с други древни праславянски образувания,<sup>24</sup> към които с голяма степен на вероятност могат да се причислят и разглежданите названия на щиглеца в славянските езици. Точните словообразователни паралели в балтийските езици при част от названията, като: лит. *arêlis*, латв. *êrglis* : праслав. \**arьlь*, лит. *žvirblis*, латв. *zvirbulis* : праслав. \**varьl’ь*/\**verьl’ь* (с варианти) свидетелстват за дославянски древен модел, унаследен в праславянски и запазен, макар и с различна степен на продуктивност, в отделните славянски езици. Засвидетелстваните в древните български родопски диалекти форми, като: *вѣрбѣл*, *варбѣл*, *вѣрбел*, *вѣрбалѣц* (ИдеогрРеч) са също пример за това и правят твърдението на Журавлев за съществуването на балтийско-лехитско-лужишка изоглоса конкретно при тези названия несигурно.<sup>25</sup>

---

<sup>20</sup> Вж. Дейкова 2000 и Дейкова 2002.

<sup>21</sup> Вж. Дейкова 2000, 240.

<sup>22</sup> Вж. БЕР 1, 296.

<sup>23</sup> Вж. Дейкова 2002, под печат.

<sup>24</sup> Вж. Дейкова 2000, 240-241.

<sup>25</sup> Вж. Журавлев 1980, 57.

Засвидетелстваните славянски съответствия на названието на щиглеца позволяват да се възстановят праслав. *\*ščigǫlσ/\*ščigǫl'ь/\*ščьgǫlσ/\*ščьgǫl'ь*<sup>26</sup> // *\*stigǫlσ/\*stigǫl'ь/\*stьgǫlσ/\*stьgǫl'ь*, образувани от древни ономатопои *\*(s)kig-*, *\*(s)kīg-*, *\*stig-*, *\*stīg-*<sup>27</sup>, чиято вариантност обяснява и различния фонетичен облик на славянските продължителни. Срв. праслав. *\*čičьv*, *\*čičьkσ*, *\*čičьkσ*<sup>28</sup>, които според Брюкнер са от варианта *\*(s)kig-* (? , по-точно *\*(s)kīg-*) на същия звукоподражателен корен<sup>29</sup>. Доказателство за тези огласовки на корена в праславянското название може да се открие в засвидетелстваните в немски от 12 и 13 век форми, като: *stygelicz*, *stiglitz*, *stiglicz*, *stigelicz*, *steg(e)litze*, за които Суолати с основание допуска славянски произход<sup>30</sup>. Системно-словообразователният подход на изследване опровергава етимологичната версия на Махек и потвърждава по-разпространеното обяснение за звукоподражателен произход на разглежданите названия в славянските езици<sup>31</sup>. Потвърждава се и един от общите изводи, до които достига Мареш, че ономатопоичните наименования се подлагат на нормален фонетичен развой, който в последствие може да наруши или да отслаби техния звукоподражателен характер<sup>32</sup>.

Като се имат предвид славянските форми, като: чеш. *stehlík*, диал. *styhel'*, бълг. диал. *стѹглицѹ*, срхр. *staglic*, *staglic', staglin*, *stagljica*, *stagljic', stiglic',* словаш. *stehlík* (< праслав. *\*stigǫlσ/\*stigǫl'ь/\*stьgǫlσ/\*stьgǫl'ь*) би могло да се помисли за връзка с праслав. гл. *\*stigiti*, *\*stiga* и съответно *\*stignati*, *\*stigna* и *stigāti*, *stigāja* (от ие. *\*steigh-* 'стъпвам, крача' със съответствия в лит. *steigtis*, *steigiúos* 'бързам', латв. *steigt*, *steidzu* 'бързам, ускорявам работата си', гр. *στέλω* 'стъпвам, крача', гот. *steigan*, нем. *steigen* 'качвам се', ирл. *tíagu*

<sup>26</sup> Schuster-Šewc 19, 1420, възстановява само тези праславянски форми.

<sup>27</sup> Вж. Skok 3, 414.

<sup>28</sup> Вж. ЭССЯ 4, 125.

<sup>29</sup> Вж. Brückner 83, 545.

<sup>30</sup> Вж. Suolahti 117. Много е вероятно обаче някои от славянските названия, като: бълг. *щѹглец* (от официалната номенклатура), словен. *štigljec* срхр. *štiglec*, *štiglic* и др. да са по-късни обратни заемки от немски.

<sup>31</sup> Вж. Miklosich 342, Vasmer 3, 444 (без да възстановява праслав. форми), Skok 3, 414, Brückner 545, Schuster-Šewc 19, 1420.

<sup>32</sup> Вж. Mareš 1967, 369.

‘крача’)<sup>33</sup>, със запазена редуцирана степен на корена \**stig-* в праслав. \**stygā* ‘пътека’, латв. *stiga* също<sup>34</sup>. Въпреки, че подобно допускане намира подкрепа в един от очерталите се ОМ, свързан с поведението на птицата (вж. по-горе), то е малко вероятно, защото в този случай славянските форми, като: бълг. *щиглец*, срхр. *štaglíc*, *štiglec*, *štiglic*, *štiglíc*, *štigljac*, *štigljic*, *štigljíc*, словен. *ščêgljec*, *štigljec*, рус. *щегóль*, укр. *щíголь*, *щóголь*, белорус. *щыгел*, *шчыглік*, пол. *szczygieł*, горлуж. *šćihlica*, доллуж. *šćigelec* (< праслав. \**ščigalσ*/\**ščigal’ь*/\**ščьgǫlσ*/\**ščьgǫl’ь*) трудно могат да бъдат обяснени.

В светлината на установените при ономаσιологичния аспект на изследване системни закономерности между семантичната мотивация и средствата за номинация от разглеждания тип на пре-разглеждане вероятно подлежи структурата на древни названия, като: праслав. \**dętblσ* (с варианти)<sup>35</sup>, \**čārpjā* (?)<sup>36</sup>, *gordlicā* (?)<sup>37</sup>, а семантичната мотивация и словообразователната структура на новообразувания като бълг. диал. *гушлѧн* ‘чапла’<sup>38</sup> се нуждаят от специално диахронно обяснение.

## ЛИТЕРАТУРА

- БЕР *Български етимологичен речник*, т. 1-, София 1971-.
- Геров Геров, Н.: *Речник на българския език*, част 1-5, София 1975-1978 (фототипно издание).
- Дейкова 2000 Дейкова, Хр.: *Към славянските названия на птиците – Sitta europaea (ономаσιологично-етимологичен етюд)*. *Studia etymologica Brunensia* 1, Praha 2000, 235–245.
- Дейкова 2002 Дейкова, Хр.: *Прилагане на комплексен историко-типологически подход при ономаσιологичния аспект на изследване*

<sup>33</sup> Вж. БЕР 7, под печат, и Machek 577.

<sup>34</sup> Срв. Журавлев 1980, който като изхожда от славянските продължители на названието на врабеца реконструира двата варианта на основата \**vorb-/verb-* ‘въртя се’.

<sup>35</sup> Вж. Дейкова 2002.

<sup>36</sup> Срв. ЭССЯ 4, 19-20.

<sup>37</sup> Срв. ЭССЯ 7, 203-204, Mareš 1967.

<sup>38</sup> Срв. БЕР 1, 297.

на българските и чешките названия на птици. Сборник с доклади от VI Национални славистични четения, Славистиката в началото на XXI век. Традиции и очаквания, София, 26 – 27.04.2002 г. (под печат).

Журавлев 1980 Журавлев, А. Ф.: *К этимологии слав. \*vorb-* ‘птица *Ras-ser*, *воробей*’. *Этимология* 1978, Москва 1980, 52–58.

ИдеогрРеч Картотека на „Идеографски речник на българския език“ към СУ „Св. Кл. Охридски“.

КартБДиалР Картотека на „Български диалектен речник“ към Института за български език към Българската академия на науките.

Преображенский Преображенский, А. Г.: *Этимологический словарь русского языка*, том 1-2, Москва 1959.

СБНУ 2 *Сборник за народни умотворения, наука и книжнина*, книга 2, София 1890.

СБНУ 7 *Сборник за народни умотворения, наука и книжнина*, книга 7, София 1892.

Улуханов 1992 Улуханов, И. С.: *Мотивация и производность (о возможности синхронно-диахронического описания языка)*. Вопросы языкознания, 1992, 2, 5–20.

Фауна на Б-я Пешев, Ц., Боев, Н.: *Фауна на България*, София 1962.

ЭССЯ *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*, под ред. члена-корр. АН СССР О.Н. Трубачева, вып. 1–, Москва 1974–.

Blažek 1998 Blažek, V.: *Old Prussian bird names. Colloquium Pruthenicum secundum*, Ed. by Wojciech Smoczyński, Kraków 1998, 7–23.

Brückner Brückner, A.: *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Warszawa 1957.

Fink Fink, N.: *Imenik znanstvenih naziva životinja obrađenih u „Rječniku narodnih zoologičkih naziva“ (Vodozemci–Gmazovi–Ptice–Ribe)* Prof. dra M. Hirtza, u Zagrebu 1956.

Fraenkel, LEW Fraenkel, E.: *Litauisches etymologisches Wörterbuch*, Heidelberg – Göttingen, 1962–1965.

Hinze 1996–1997 Hinze, Fr.: *Die altpreussischen Bezeichnungen der Wild-Avi-fauna und des Hausgeflügels*. *Linguistica Baltica* 5–6 (1996-1997), 145–181.

Kluge–Mitzka Kluge, Fr.: *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*, 20. Auflage bearbeitet von W. Mitzka, Berlin 1967.

- Loriš           Loriš, J.: *Rozbor podřečí hornoostravského ve Slezsku*, Praha 1899.
- Machek         Machek, V.: *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha 1968.
- Mareš 1967     Mareš, V.: *K metodice etymologického bádání: Etymologie některých slovanských pojmenování ptáků onomatopoického původu*. Slavia 36, 1967, 345–371.
- Meyer-Lübke    Meyer-Lübke, W.: *Romanisches etymologisches Wörterbuch*<sup>3</sup>, Heidelberg 1935.
- Schuster-Šewc  Schuster-Šewc, H.: *Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache*, 1–24, Bautzen, 1978–1989.
- Skok 3         Skok, P.: *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, knj. 3., Zagreb 1973.
- Suolahti 1909  Suolahti, H.: *Die deutschen Vogelnamen*, Strassburg 1909.
- Užitečné ptactvo  Janda, J.: *Užitečné ptactvo našeho domova*, v Praze 1898.
- Vasmer 3        Vasmer, M.: *Russisches etymologisches Wörterbuch*, Bd. 3, Heidelberg, 1955.
- Walde–Hofmann  Walde, A.: *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*, 3. Aufl. von J. B. Hofmann, Heidelberg 1938–1954.

### Semantische Motivation und Nominationsmittel bei slawischen Vogelnamen

Beim onomasiologischen Untersuchungsansatz, der es erlaubt, die strukturellen Besonderheiten der verglichenen slawischen ornitologischen Bezeichnungen einer Betrachtung zu unterziehen, können regelhafte systemische Wechselbeziehungen festgestellt werden, und zwar zwischen der semantischen Motiviertheit und den Nominationsmitteln.

Solche regelhaften Entsprechungen können zum Beispiel zwischen den onomasiologischen Modellen, die mit dem Verhalten der Vögel und der von ihnen ausgestoßenen Laute in Zusammenhang stehen, und bestimmten Wortbildungsstrukturen, aufgedeckt werden.

Solche Wortbildungsstrukturen, die das urslawische archaische Modell fortsetzen, werden durch Verben bzw. onomatopoetische Wurzeln und Suffixe mit dem konsonantischen Element *-l-* und verschiedene vokalische Erweiterungen ausgedrückt.

Unter dieser Voraussetzung wird eine Ansicht geäußert, die die onomatopoetische Herkunft der slawischen Bezeichnungen für den Vogel *Carduelis carduelis* (aus dem urslaw. *\*ščigǫlσ/\*ščigǫl'v/\*ščvǫlσ/\*ščvǫl'v //*



*\*stǐgǎlʲ/\*stǐgǎl'ʲ/\*stǐgǎlʲ/\*stǐgǎl'ʲ*) gegen die Ansicht von Machek (siehe Literaturverzeichnis) bestätigt.

*Институт за български език – БАН*  
*ул. Шипченски проход 52, бл. 17, 1113 София, България*  
*etyim@ibl.bas.bg*



# Motywacja semantyczna przymiotników określających kondycję fizyczną (silny : słaby; gruby : chudy) w językach słowiańskich

*Mariola Jakubowicz*

Przedmiotem artykułu są przymiotniki, które nazywają cechy określające kondycję fizyczną człowieka. Jego celem jest zarysowanie kierunków zmian zachodzących w tych polach semantycznych, a także zbadanie, które z tych cech są nazywane wyrazami odziedziczonymi, a które wykazują tendencje do odnawiania swych nazw. Przedstawiony materiał jest ograniczony do określeń notowanych przez słowniki języka ogólnego poszczególnych języków i nie uwzględnia słownictwa zawartego w słownikach dialektycznych. Interesujące mnie przymiotniki tworzą opozycyjne względem siebie pola, z których jedno jest związane z obecnością siły, drugie z jej brakiem.

## SILNY

Obecność siły fizycznej oddawana była w języku prasłowiańskim kilkoma różnymi przymiotnikami. Podstawowe w tym znaczeniu były dwa ogólnosłowiańskie derywaty orzeczownikowe *\*silnъ* od *\*sila* i *\*mocъnъ* od *\*mocъ* < *\*mogъ*. Mniejszy zasięg miał przymiotnik *\*dužь*, ograniczony do języków północnosłowiańskich. Dla ogólnosłowiańskich przymiotników *\*krepъkъ* i *\*tggъ* rekonstruuje się dwa znaczenia 'silny' i 'twardy'. Pozostałe przymiotniki, o których będzie mowa w artykule uzyskały interesujące nas znaczenie w trakcie rozwoju poszczególnych języków słowiańskich.

Pśl. *\*mocъ* < *\*mogъ*, mające najbliższe odpowiedniki w językach germańskich (goc. *machts*, ags. *might*, stwniem. *maht* 'ts. '), jest kontynuantem pie. *\*magh-ti* 'moc, siła', derywowanego od *magh-*: *māgh-* 'móc, mieć moc, być zdolnym' (Pokorny 1959, 695). Wyraz prasłowiański jest więc odziedziczony z języka praindoeuropejskiego w znaczeniu identycznym z dzisiejszym, co uniemożliwia wyciągnięcie wniosków dotyczących jego motywacji semantycznej.

Pśl. *\*sila* ma odpowiedniki w stprus. *seilin* 'wysiłek, staranie; siła' i lit. *síela* 'dusza' i jest wywodzone z pie. *\*sēi-lā-* : *\*sēi-li-*, pochodnego od pierwiastka *sē(i)-* : *se(i)-* 'napinać, naciągać' (Vasmer II 624; Snoj 1997, 566-7). Pierwotne znaczenie rekonstruowane jest na podstawie danych z języków celtyckich i pñ. germańskich (Pokorny 1959, 890). Prowadzi to do wniosku, że

znaczenia w języku prasłowiańskim oraz staropruskim powstały w oparciu o pojęcia: napięcie mięśni, natężanie ciała, wysiłek fizyczny.

Kolejna seria kontynuantów o interesującym nas znaczeniu występuje w językach północnosłowiańskich (pol. dawne *duży* ‘mocny, silny’). Zarówno w grupie zachodniosłowiańskiej jak i wschodniosłowiańskiej wyraźnie poświadczono są znaczenia ‘mocny, silny; tęgi, krzepki’. Problemy stwarza rekonstrukcja formy prasłowiańskiej. Ze względu na postać kontynuantu polskiego należy przyjąć dla psł. samogłoskę *-u-*, a więc *\*dužь*. Tak czyni zarówno *Słownik prasłowiański*, który uważa *\*dužь* za derywat z sufiksem *-jь-* od nie zaświadczonego w językach słowiańskich *\*\*dugσ* (SP V 119), jak i ESSJ który formę *\*dugσ* rekonstruuje (V 150). Psł. *\*dužь* jest wywodzone od pie. *\*dthough-o-* od *\*dheugh-* ‘dotykać, stykać się’, ‘ściskać, wyciskać; doić’, ‘obficie udzielać’ (Pokorny 1959, 271). Najbliższymi odpowiednikami tak zrekonstruowanego wyrazu są przysłowki występujące w językach bałtyckich: lit. *daũg* ‘dużo’, łot. *daudz* ‘ts.’ W tym układzie psł. *\*dužь* byłoby dopiero wtórnie skojarzone z psł. *\*doggσ* ‘siła, moc; zdrowie’, które jest związane z pie. rdzeniem *\*dhengh-* ‘osiągnąć; uchwycić’, ‘mocny, krzepki; szybki’ (Pokorny 1959, 250). Połączenie znaczeń pie. *\*dheugh-* ze znaczeniem ‘silny’ jest trudne. Mało przekonujący wydaje mi się rozwój od ‘dotykać, ściskać’ do zaświadczonego w językach germańskich ‘robić zdatnym, użytecznym’, co z kolei miałyby być punktem wyjściowym zmiany od ‘użyteczny, zdatny do czegoś’ do ‘mocny, silny’.

Pociągająca ze względów znaczeniowych hipoteza została podana ostatnio w słowniku Bańkowskiego (2000; I 312), według której pol. *duży* (zaświadczone od XVI w.) jest uważane za rutenizm, a pozostałe wyrazy słowiańskie są wyprowadzane od psł. *\*dužь* opartego na *\*doggσ*. Przeciw tej hipotezie przemawia przede wszystkim fakt istnienia kontynuantów pie. *\*dhaugh-o-* o zbliżonym znaczeniu w językach bałtyckich. Za hipotezą poza względami semantycznymi przemawiają trudności związane z wywiedzeniem przymiotnika *\*dužь* od niezawidzonej (w ujęciu *Słownika prasłowiańskiego*) formy prasłowiańskiej.

Dla przymiotnika *\*krěpσkσ*, derywatu z formantem *-σkσ* od psł. *\*krěpσ*, rekonstruuje się dwa znaczenia ‘silny’ i ‘twardy’. Nawiązania indoeuropejskie tego wyrazu nie są pewne. Prawdopodobne jest pokrewieństwo ze stisl. *hræfa* ‘wytrzymywać, znosić’ (Pokorny 1959, 620; Berneker 1908-13, 614). Kwestionowanie pokrewieństwa tych wyrazów z przyczyn semantycznych przez Sławskiego (1966-69 (III), 223) nie przekonuje, bo konkretne znaczenie ‘być twardym, silnym’ znakomicie odpowiada przenośnemu ‘wytrzymywać, znosić’. Można je wręcz uznać za typowy przykład przejścia znaczenia

ze stanu fizycznego na psychiczny.<sup>1</sup> Ciekawy jest rozwój semantyczny kontynuantów psł. \**krěpъkъ* w niektórych językach słowiańskich. Czeski przymiotnik *křepký*, który w stczes. znaczył ‘silny, mocny; zręczny, zwinny’ dziś znaczy ‘rześki, raźny, żwawy’. Podobny rozwój zaszedł w języku słowackim. Ze względu na tę różnicę znaczeń Machek przyjął, że w wyrazie psł. mogły spłynąć się dwa różne etymony<sup>2</sup>. Takie objaśnianie różnicy znaczeń wydaje się zbędne. Przejście od znaczeń staroczeskich do czeskich można wytłumaczyć ewolucją semantyczną i tak czyni w najnowszym słowniku etymologicznym Rejzek (2001, 317), podając jako paralełę wyraz *čerstvý*.

Psł. \**togъ* ‘twardy, napięty; mocny’ jest oparte na temacie \**tog-*, alternującym z \**tęg-* < pie. \**tengh-* ‘ciągnąć, napinać’ (Pokorny 1959, 1067). Należy przyjąć, że, podobnie jak w wypadku omówionego wyżej psł. \**sila*, podstawą znaczenia ‘mocny’ jest ‘natężony, napięty’.

Przymiotnik \**snažъnъ* jest derywowany od psł. \**snaga*. Ze względu na duży rozrzut znaczeń tego wyrazu trudno jest zrekonstruować jego pierwotne znaczenie. (Por. scs. *snaga* ‘staranie, wysiłek’, czes., śl. *snaha* ‘ts.’, serb., chorw. *snága* ‘siła’, *snažan* ‘silny’, dial. ‘czysty, ładny’, ukr. *snáha* ‘siła’, bułg., mac. *snaga* ‘ciało ludzkie’, *snažan* ‘dobrze zbudowany, postawny’, pol. *snażny* ‘czysty; porządný’, ‘łatwy; wygodny, stosowny’, *snażyć się* ‘starać się, silić’, ‘ślı. ‘porządek, czystość’). Porównanie kontynuantów ujawnia, że zarówno interesujące nas znaczenie ‘siła’ jak i ‘porządek, czystość’ występują w językach nie mających ze sobą bezpośredniego kontaktu, co wskazuje na ich prasłowiańskość. Może należy zgodzić się ze Snojem (1997, 587), że znaczenie wyjściowym jest ‘staranie się; pilność’. Nawiązania pozasłowiańskie nie są zbyt pewne (por. Snoj l.c.).

Płd.-słow. *jak* ‘mocny’ jest z pochodzenia zaimkiem względny (por. pol. *jaki*, czes. *jak* ‘ts.’) (Bezłaj 1976, 218). Rozwój znaczenia można porównać z rozwojem rum. *tare* ‘silny’, które jest kontynuantem łac. acc. *talem* od *talis* ‘taki’.

Jak wynika z powyższego zestawienia, znaczna część słowiańskich przymiotników to przymiotniki odziedziczone, które już w języku prasłowiańskim miały znaczenie ‘silny’. Najlepiej zaświadczona motywacja semantyczna to ‘napinanie, naciąganie’ występująca w dwóch wyrazach prasłowiańskich \**silъnъ* i \**togъ*. Pozostaje sprawą naszej interpretacji, czy za motywujący uznamy imiesłów czynny ‘napięty, naciągnięty’ (zapewne w odniesieniu do

<sup>1</sup> Trudniej uzasadnić cytowany za Brücknerem w tymże artykule hasłowym związek z lit. *kreipti* ‘zwracać, kierować na stronę, krzywić’.

<sup>2</sup> Zdá se, že v psł. *krěpъkъ* splynula dvě slova; jedno bylo příbuzno asi s kymr. *craff* ‘silný’, druhé s ř. *κραίπιος* ‘křepký, hbitý, čerstvý, obratný’ (Machek 1957, 241; = 1968, 300).

mięśni) czy ‘napinający, naciągający’ (o człowieku, posiadającym siłę fizyczną pozwalającą na naciągnięcie czegoś). Od odpowiedzi na to pytanie zależy ustalenie kolejności chronologicznej znaczeń psł. *\*toggσ* ‘twardy’ i ‘mocny’, a więc także motywacji między tymi dwoma znaczeniami. W wypadku kolejnego przymiotnika psł. *\*krěpσkσ*, dla którego również są rekonstruowane dwa powyższe znaczenia, można opowiedzieć się za pierwotnością znaczenia ‘twardy’. Wskazują na to dobrze ugruntowane znaczenia derywowanego od *\*krěpσ* czasownika *krěpnōti* ‘stawać się twardym’ wtórnie w różnych językach: ‘krzepnąć, tężeć, gęstnieć’; ‘drętwieć’, ‘zasiedzieć się na jednym miejscu’ (ESSJ 12 (1985), 133). Motywacja semantyczna pozostałych określeń nie jest zbyt pewna.

## SLĄBY

We wszystkich językach podstawowym określeniem są kontynuanty psł. *\*slabσ*. Współcześnie w dwóch z nich znaczenie to wyrażają pierwotne deminutiva: słń. *slabōten* i ukr. *slabkyj*<sup>3</sup>. Najbliższe psł. *\*slabσ* jest łot. *slābs* ‘słaby; niewyraźny, mdły’ i lit. *slōbti* ‘osłabnąć, omdleć’. Odpowiedniki występują też w językach germańskich, np. stwniem. *slaf*, niem. *schlaff* ‘słaby, obwisły’, ‘niemrawy, zaspany’, a także goc. *slēpan* ‘spać’, stwniem. *slāf (f)an* ‘ts.’, a także łac. *labi* ‘osuwać się, opadać’. Jako praznaczenie dla rdzenia pie. *\*(s)lēb-* *\*(s)leb-* : *\*(s)lōb-* *\*(s)lob-* : *\*(s)lāb-* *\*(s)lab-* rekonstruuje się ‘być wiotkim, słabym, obwisłym’ (Pokorny 1959, 655; 959; Snoj 1997, 577). Przymiotnik psł. znaczył pierwotnie zapewne ‘nie mogący utrzymać się w postawie wyprostowanej’.

Znaczenie ‘słaby’ miało też psł. *\*mσdblσ* ‘słaby’, ‘niewyraźny, nieokreślony; mdły, bez smaku’, którego kontynuanty są dziś ograniczone do języków zachodnio- i południowosłowiańskich. W grupie wschodniosłowiańskiej interesujący nas przymiotnik jest zaświadczony przez derywaty, np. ros. *mēdlit* ‘być powolnym’ < psł. *\*mσdliti* ‘osłabiać’. Według ESSJ 20, 1994, 210-11 *\*mσdblσ* jest derywatem od rdzenia zawartego w psł. *\*mσdēti*, którego rekonstrukcja jest oparta na obszernym materiale wschodniosłowiańskim o znaczeniach: ‘psuć się, gnić, tleć’, ‘wiednąć, wysychać; słabnąć’, ‘robić coś powoli’ (ESSJ 20, 1994, 205-6). Wyraz nie ma pewnej etymologii. Jako najbliższe odpowiedniki indoeuropejskie przytaczane są czasowniki oparte na zredukowanym i pełnym stopniu samogłoski rdzennej pie. przymiotnika *\*mau-ro-* : *\*m(a)u-d-* (Pokorny 1959, 701) ‘niejasny, niewyraźny’: łot. *mudēt* ‘pleśnieć’, grec. *mydáein* ‘butwieć, gnić’ oraz lit. *maūsti maudžiù* z wokalizmem na stopniu pełnym ‘tępo boleć, ćmić’, ‘tęsknić’ (ESSJ 20, 1994,

<sup>3</sup> Bezpośrednie kontynuanty psł. *\*slabσ* zmieniły znaczenie: słń. *slab* ‘zły’; ukr. *slabýj* ‘chory’, a kilku językach słowiańskich kontynuanty psł. *\*slabσ* wtórnie przyjęły znaczenia ‘chudy, szczupły’.

205-6; Bezłaj II, 1982, 175). Inną koncepcję przyjmuje Snoj (1997, 330), który opiera psł. \**mǫdǫlǫ* na pie. \**mau-* ‘przewracać się’, zaświadczonym np. w het. *maušzi* ‘ts.’ Już w przedstawionym tu materiale znajdujemy trzy możliwości rekonstrukcji znaczenia poprzednika praindoeuropejskiego: ‘zepsuty, zetlały, zgniły’, ‘niejasny, niewyraźny’, ‘chwiejny, niestabilny’. Wobec tak dużych rozbieżności w odtwarzaniu pierwotnego (przedsłowiańskiego) znaczenia wydaje się niecelowe rozważanie motywacji semantycznej omawianego przymiotnika.

Psl. \**ǫtlǫ* ‘wąły’ w językach północnosłowiańskich może się odnosić zarówno do siły fizycznej jak i do postury człowieka. Zupełnie inny krąg znaczeń spotyka się w językach południowosłowiańskich, gdzie kontynuanty psł. \**ǫtlǫ* znaczą ‘pusty, próżny’, ‘nieszczelny, dziurawy’. Trudno powiedzieć, która z tych dwóch grup znaczeń była pierwotna. Niewiele dają próby nawiązania do innych języków indoeuropejskich. Według jednego z objaśnień \**ǫtlǫ* jest interpretowane jako \**ǫ-tlǫ*, gdzie \**ǫ-* jest partykułą prywatywną, a rdzenna część wyrazu ma być związana z \**tlǫ* ‘tło, dno; podłoże, ziemia’ (Vasmer 1958 (III) 193). Cały wyraz miałby znaczyć ‘dziurawy, bez dna’. Według innego objaśnienia, \**ǫ-* jest uważane za przedrostek o znaczeniu ‘wewnątrz’ dodany do derywatu od czasownika \**tlǫti* ‘zmieniać się w ziemię, proch; psuć się, rozpadać’, a cały wyraz znaczyłby ‘psujący się od środka’ (Machek 1957, 551; Machek 1968, 672). Żadna z tych etymologii nie ma na tyle silnych podstaw, aby mogła zostać wciągnięta do badań nad motywacją semantyczną.

Psl. \**chabǫ* najlepiej zachowane w grupie czesko-słowackiej nie ma pewnej etymologii. Być może jest związane z lit. *skóbas* : *skobús* ‘kwaśny’, *skóbtī* ‘kisnąć’ (Machek, *Slavia* XVI, 208-9, Sławski, SE I 58-9). W odniesieniu do osób przymiotnik ten i jego derywaty używany jest w grupie zachodniej (czes. *chabý* ‘słaby; lichy, zły’, śl. *chabý* ‘słaby’, dial. ‘tchórzliwy’, dłuż. *chamny* (< \**chabny*) ‘chory; słaby, nędzny’. W grupie południowej odnosi się go do rzeczy.

Poza przymiotnikami, które omawiane bądź zbliżone znaczenie miały już w języku prasłowiańskim istnieją określenia tej cechy powstałe na gruncie poszczególnych języków.

W obu językach łżyckich w znaczeniu ‘słaby’ może występować przymiotnik *snadny*, kontynuant psł. dial. zach. \**snadǫnǫ* ‘łatwy’. Obok znaczenia wyjściowego w obu językach łżyckich, dobrze widoczne są znaczenia: ‘mało istotny, nieważny, mierny’ > ‘małych rozmiarów; szczupły, drobny’, prowadzące do interesującego nas ‘słaby’ (Schuster-Šewc (17) 1986, 1326).

Słh. *šibek* ‘słaby’ nie występuje w tym znaczeniu w żadnym innym języku, a opiera się na psł. \**šibati* ‘uderzać; miotać; wymachiwać, wywijać’, od którego wywodzi się także pol. *szybki*. Snoj (1997, 633) uważa przymiotnik

słoweński za derywat od sł. *šiba* ‘witka, gałązka’ (por. inny derywat od tegoż rzeczownika: *šibiti se* ‘uginać się’). Nie wchodząc w kolejność derywacji formalnej sędzę, że na powstanie znaczenia ‘słaby’, przez stadium ‘giętki, łatwy do zgięcia’ wpłynął wspomniany czasownik.

Ros. *chilyj* ‘cherlawy, słabowity, wątły’ jest derywatem od *chilit’* ‘chylić, pochylać’ (Vasmer 1958 (III), 241).

W interesujących nas znaczeniach występują też kontynuanty psł. *\*lagodsn̄* ‘łagodny, delikatny’: głuź. *lahodn(iw)y* ‘słabowity, wątły, delikatny’ i słowacki wyraz *lahodný* o dwóch dość odległych od siebie znaczeniach: ‘przyjemny’ i ‘słaby’. Etymologia psł. *\*lagodsn̄* jest niejasna. Berneker (1908-13, 684-5) przyjął za pierwotne znaczenie psł. *lagodsn̄* ‘słaby, uległy’ i łączył wyraz słowiański z pie. pierwiastkiem *\*(s)leg-* ‘być słabym, mdłym’, porównując z nim np. łac. *laxus* ‘wolno zwisający, rozluźniony’. Taka rekonstrukcja znaczenia jest jednak spowodowana chęcią nawiązania do obranej etymologii i nie znajduje oparcia w faktach językowych. Wziąwszy pod uwagę inne znaczenia występujące w językach słowiańskich należy przyjąć, że znaczeniem pierwotnym i motywacją znaczeń ‘słaby; słabowity’ w języku słowackim i łużyckim jest ‘delikatny, łagodny; nie oddziałujący z dużą siłą’.

Psl. *\*krechsk̄* : *kr̄schsk̄* ma kontynuanty w pojedynczych językach wszystkich trzech grup. Wiąże się z psł. *\*kruch̄* ‘kruchy’ i ma to samo znaczenie. Współcześnie w niektórych językach słowiańskich (np. czeskim, słowackim) występuje też w znaczeniu pochodnym ‘delikatny’. Znaczenie ‘słaby’ (< ‘kruchy, łamliwy’) odnosi się przede wszystkim do rzeczy, ale przenieśnionie może być zastosowane także do człowieka. Podstawą psł. *\*kruch̄* jest równobrzmiący rzeczownik o znaczeniu ‘odłamek, okruch’. Na płaszczyźnie indoeuropejskiej *kruch̄* jest związany np. z lit. *kriaušyti* ‘bić, rozbijać’ (Pokorny 1959, 622-3).

Podobny rozwój można zaobserwować przy sł. *ráhel* ‘luźny; sypki’, ‘delikatny, słaby’. Snój (1997, 520) uważa ten przymiotnik za kontynuant imiesłowu psł. czasownika *\*rast̄i raš̄o* ‘grzebać, dźgać; spulchniać’. Semantyka czasownika wskazuje na pierwotne znaczenie ‘rozgrzebany; spulchniony; sypki’. W znaczeniu ‘słaby’ może odnosić się też do człowieka, np. *ráhel* otrok ‘wątłe, słabe dziecko’.

Do języków łużyckich jest ograniczone znaczenie ‘słaby’ kontynuantów psł. *\*kypr̄s* derywatu od *\*kyp̄čti* ‘kipieć’. Zarówno w łużyckich jak i innych językach (czeski, słowacki, ukraiński) podstawowym znaczeniem kontynuantów jest ‘luźny’. O ile rozwój od ‘luźny, niespójny, słabo związany’ do ‘słaby’ jest zrozumiały i nie całkiem odosobniony (por. sł. *rahel*), o tyle utworzenie od czasownika o znaczeniu ‘kipieć’ przymiotnika znaczącego ‘luźny’ jest trudniejsze do wytłumaczenia. Być może chodzi o stawianie się luźnym, czy



raczej rzadkim, wskutek kipienia, jak to objaśnia Schuster-Šewc (1980, (7), 526).

Najlepiej poświadczone motywacje znaczenia ‘słaby’ to: ‘wiotki, obwisły’, ‘uginający się’, ‘nie mogący utrzymać się w postawie wyprostowanej’, a więc znaczenia odnoszące się do widocznych skutków i objawów słabości fizycznej. Poza psł. \**slabσ* reprezentują ją słń. *šibek* i ros. *chilyj*. Kolejna motywacja; bycie luźnym, nie zwartym, rozproszonym jako przyczyna słabości przypomina nam starą prawdę: „w jedności siła“. Tak motywowane przymiotniki odnoszą się przede wszystkim do przedmiotów, jednak wtórnie mogą określać także osoby. Należy tu słń. *ráhel*, głuź., dłuż. *kipyj*, a w jakiś sposób także kontynuanty psł. \**krechσkσ* : *krσchσkσ*. Często słowniki etymologiczne podają jako domniemane znaczenie pierwotne ‘zepsuty’, np. ‘spróchniały’, ‘skwaśniały’, ‘zgniły’. W przejrzanym materiale nie znalazłam pewnego przykładu takiej motywacji. Odosobniona jest motywacja luźnego *snadny*, pierwotnie ‘mało istotny’ – wyraźnie wartościująca. Również odosobniony jest rozwój semantyczny od ‘delikatny, łagodny’ do ‘słaby’. Częściej mamy do czynienia z kierunkiem przeciwnym, gdy znaczenie ‘słaby’ staje się motywacją dla znaczenia ‘delikatny’. Jak zwykle w wypadku wyrazów oznaczających cechę o słabym natężeniu powstają określenia będące negacją przymiotnika o antonimicznym znaczeniu, np. serb. *iznèmogao*, *nèmoćan*, bułg. *nèmošten*, ukr. *nedúžyj* ‘chory’, dawniej ‘słaby’ i ukr. *bez-sýlyj*.

## GRUBY

Najszerzej rozpowszechnione psł. \**tolstσ* wytworzyło interesujące nas znaczenie pewnie dopiero w języku prasłowiańskim. Jest zestawiane z pie. \**tel-g'(h)*-. Najbliższe odpowiedniki to lit. *tulžti* ‘namakać; pęcznieć’ i łot. *tulzt* ‘pęcznieć’ (Vasmer 1958 (III) 117). Pierwsze ze znaczeń w języku litewskim stanowi pomost między znaczeniem bałto-słowiańskim ‘pęcznieć’, a praindoeuropejskim ‘umożliwić płynięcie, cieknięcie; oddawać mocz’.

W prawie wszystkich językach słowiańskich w znaczeniu ‘otyły’ są wtórnie używane kontynuanty psł. \**pblnσ* ‘pełen’. Podobnie jak w wypadku psł. \**tolstσ* podstawą motywacji jest podobieństwo zewnętrzne.

W językach Słowiańszczyzny południowej dominują kontynuanty psł. \**debelσ* znane też z dawnych źródeł wschodniosłowiańskich. Psł. \**debelσ* jest wyprowadzane z przymiotnika pie. \**dheb-* ‘gruby, krępy; silny’ (SP III 30). Podstawą rekonstrukcji znaczenia ‘gruby’ są języki słowiańskie. Kontynuanty w innych językach indoeuropejskich: stpr. *debikan* ‘silny’, srwniem. *tapfer* : *dapfer* ‘ciężki, mocny, silny, krępy’, wskazują na drugie z rekonstruowanych znaczeń.

Przechodząc do kolejnego przymiotnika psł. *\*krupσ* ‘gruby’ (Sławski 1966-9, (III) 176-7), nie sposób zapomnieć o psł. *\*kropσ* ‘niski, ale grubawy, dobrze zbudowany’. Sławski w swej pracy *Oboczność o i u w językach słowiańskich* (SO (XVIII) 1947, 251-2) traktuje *\*kropσ* i *\*krupσ* jako wyrazy niespokrewnione. Głównym wymienionym przez niego argumentem jest odległość znaczeń, co budzi bardzo poważne zastrzeżenia, gdyż znaczenia kontynuantów obu przymiotników koncentrują się wokół jądra semantycznego ‘coś, czego wymiar poprzeczny jest bliski podłużnemu’, z czego mogły powstać dwa dominujące znaczenia ‘krępy, przysadzisty’ typowe dla kontynuantów *\*kropσ* (pol. *krępy*, bułg. dial. *krσp* : *krop*) i ‘okrągły’ dla kontynuantów *\*krup-* (pol. *krupa* ‘ziarno grado, ziarno kaszy’, ‘coś zbitego w grudkę’, bułg. dial. *krupa* ‘bryła soli’, bułg. dial. *krup* ‘gruby’).

Najbliższym odpowiednikiem psł. *\*krupσ* jest lit. *kraupūs* ‘nierówny, szorstki’ (Vasmer 1953 (I) 671; Sławski l.c.). Jeśli oprzeć się na tym porównaniu, to doszłoby tu do analogicznej zmiany znaczenia, jak w wypadku dobrze poświadczanego rozwoju semantycznego pol. *gruby*, por. niżej. Inne znaczenia w językach bałtyckich to lot. *krupt* ‘marszczyć się; pękać’ (por. śrwniem. *schrumpfen* ‘marszczyć się; kurczyć się’ podawane jako odpowiednik psł. *\*kropσ*; Sławski 1966-9, (III) 107). Wziąwszy pod uwagę trudności związane z różnym traktowaniem omawianych leksemów przez etymologów (por. też literaturę cytowaną przez Sławskiego) tylko warunkowo można przyjąć proponowany tu przeze mnie rozwój semantyczny ‘pomarszczony’ > ‘nierówny, szorstki’ > ‘nieforemny, gruby’.

W polskim podstawowym określeniu jest dziś przymiotnik pochodzenia prasłowiańskiego, kontynuujący psł. *\*grubσ* ‘szorstki, chropowaty, gruboziarnisty; nierówny’, ‘surowy, nieobrobiony, niezgrabny’, czego rozwinięciem jest, przeniesione na człowieka, ‘nieokrzesany, wulgarny’.<sup>4</sup> Psł. *\*grubσ* (oboczna postać *\*grōbσ*) kontynuuje zapewne pie. *\*ghreu-bh-*. Najbliższe pewne odpowiedniki to lit. *grūbti grumbū* ‘tężeć, drętwieć; chropowacieć’, lot. *grumbt* ‘marszczyć się’. (SP 2002 (VIII), 239-41). Uderza bliskość semantyczna indoeuropejskich, zwłaszcza bałtyckich, odpowiedników psł. *\*grōbσ* : *\*grubσ* i *\*kropσ* : *\*krupσ*. Za pokrewieństwem tych rodzin wyrazowych opowiada się Brücker (1927, 272), czemu sprzeciwia się m. in. Sławski (1966-9, (III) 176-7; SO l.c.).

Znaczenia odziedziczone, np. ‘niekształtny, nieobrobiony’, ‘prostacki, głupi; niedelikatny’, ‘niedrobny; krępy, mocnej budowy’ dominują jeszcze w

---

<sup>4</sup> Jako określenie postury człowieka wyraz ten występuje jeszcze tylko w języku ukraińskim i białoruskim oraz w gwarach morawskich, gdzie może być zapożyczony z polskiego. Poświadczenia znaczenia ‘gruby, otyły’ w innych językach trafiają się sporadycznie (por. RJAZ (III) 1887-91, 473).

polszczyźnie XV i XVI w. Te ostatnie stały się podstawą dzisiejszego znaczenia ‘mający duży obwód, duży przekrój poprzeczny’.

Innowacją współczesnego języka polskiego jest nadanie znaczenia ‘gruby’ przymiotnikowi *tęgi*. W języku czeskim i słowackim w tym samym znaczeniu jest używany wyraz *silný*. W odróżnieniu od tych ostatnich języków, gdzie *silný* odnosi się także do przedmiotów, w polskim użycie przymiotnika *tęgi* jest ograniczone do ludzi, co pozwala przypuszczać, że nowe znaczenie ma motywację eufemistyczną.

Rosyjski przymiotnik *púchlyj* jest derywatem od czasownika *púchnut’* ‘puchnąć’<sup>5</sup>. Podstawą motywacji jest podobieństwo zewnętrzne (por. psł. \**talstā*). W języku polskim w XVII w. (Buttler 1978, 37) doszło do przekształcenia wcześniejszego *puchlny* w *pulchny*. Ta zmiana formy spowodowała utratę czytelności związku motywacyjnego, co umożliwiło funkcjonowanie wyrazu *pulchny* w roli eufemizmu.

Zwartą grupę motywacyjną stanowią dawne imiesłowy czasowników oznaczających żywienie, a zwłaszcza pasienie, tuczenie. Są to np. ros. *túčnyj* od kontynuantów psł. \**tučiti*, związane z nim etymologicznie pol. i czes. *otylý* od kontynuantów \**o-tyti* (por. np. Rejzek 682), sch. *ugojen, gojazan* od *gojiti ugojiti* ‘tuczyć’ (z psł. \**gojiti*, causativum do \**žiti* ‘żyć’), pol. *zażywny* od *żyć* < psł. \**živiti*, pol. *spasły, spasiony* od *paść* < psł. \**pasti*, słh. *rejen* od *rediti* ‘żyć’ (Snoj 1997, 529). Większość tych wyrazów pierwotnie odnosiła się do zwierząt hodowlanych, stąd często mają zabarwienie pejoratywne.

W powyższej grupie dominują przymiotniki, które interesujące nas znaczenie utworzyły bądź to w dobie rozwoju języka prasłowiańskiego bądź na gruncie poszczególnych języków słowiańskich. Jedyne przymiotnik odziedziczony z praindoeuropejskiego, psł. \**debelā*, podkreśla cechę tężyzny fizycznej – związek grubości z siłą. Ta sama motywacja jest widoczna w neosemantyzmach *tęgi* w języku polskim i *silný* w czeskim i słowackim. Inna motywacja oparta jest na zewnętrznym podobieństwie do obiektu napęczniałego, napełnionego albo spuchniętego, jak np. psł. \**talstā*.<sup>6</sup> Na cechach odnoszących się do wyglądu zewnętrznego jest też oparty rozwój semantyczny: ‘nierówny, szorstki’ > ‘nieforemny, o nieregularnych kształtach’ > ‘niezgrabny’ > ‘gruby’. Kolejną grupą to motywacje związane z przyczyną

<sup>5</sup> Inny aspekt został uwypuklony w wypadku tożsamego strukturalnie słh. *púhel* ‘pusty’, gdzie wykorzystany został fakt ‘bycia pustym w środku’. Jest to jakby spojrzenie od zewnątrz i od wewnątrz na ten sam obiekt.

<sup>6</sup> Dla polskiego można wspomnieć jeszcze przymiotnik *puszysty*, który dziś ma jeszcze zabarwienie wyraźnie żartobliwe, ale jest często spotykany jako eufemistyczne określenie grubej kobiety (odzież dla pań „puszystych“). Nie jestem w stanie stwierdzić, czy to określenie, nawiązujące do wyglądu zewnętrznego napuszonego ptaka, powstało w języku polskim czy też jest kalką semantyczną z innego języka.

otyłości i grubości – odżywianiem, tuczeniem. Cecha otyłości jest dziś wartościowana ujemnie, co powoduje z jednej strony wprowadzanie eufemizmów, a z drugiej rozpowszechnianie się wyrazów z niższego rejestru o pejoratywnym wydźwięku.

## CHUDY

Materiał leksykalny nie dostarcza informacji, jaki przymiotnik oznaczał w języku prasłowiańskim człowieka chudego. Współcześnie w językach słowiańskich funkcjonują w tym znaczeniu kontynuanty różnych wyrazów prasłowiańskich, niektóre o znacznym zasięgu, jednak porównania wykazują, że ‘chudy’ nie było pierwotnym znaczeniem tych wyrazów.

Bardzo niewiele mamy śladów psł. *libъjъ* rekonstruowanego przez ESSJ (XV, 1988, 74-5) na podstawie stpol. *luby* jednokrotnie poświadczonego znaczeniu ‘gracilis’, kasz. *lěbi* ‘nadmiernie wysoki, słabowity’ i stczes. *libí* (?), zapewne równego *libový* ‘chudy, bez tłuszczu’. ESSJ wiąże wymienione wyrazy z lit. *liebas* ‘słaby, chorowitej budowy ciała; ‘szczupły, chudy’, ‘smukły, zgrabny’. Por. też Rejzek 2001, 341; Boryś, Popowska-Taborska (III) 1999, 162-3.

Kontynuanty kilku leksemów prasłowiańskich są wtórnie używane w znaczeniach ‘chudy’ i ‘szczupły’. Wtórnie dla oznaczenia ‘chudego’ używane są także kontynuanty psł. *\*suchъ* ‘suchy’. Znaczenie to w niektórych językach jest zleksykalizowane (np. w łużyckich, w południowosłowiańskich) w innych, np. polskim, może być użyte kontekstowo. Kontynuanty omówionego wcześniej psł. *\*slabъ* ‘słaby’ w pewnych językach, głównie południowosłowiańskich, wytworzyły obok znaczenia podstawowego również znaczenia ‘chudy; szczupły’. W takich samych znaczeniach w większości języków słowiańskich bywają używane kontynuanty psł. *tnъskъ* ‘cienki’.

Pierwotnym znaczeniem psł. *\*chudъ*, wyrazu nie mającego pewnego objaśnienia etymologicznego (ich przegląd podaje ESSJ VIII, 1981, 112-3), było zapewne ‘zły, lichy, marny’, z czego w językach północnych powstało ‘biedny, ubogi’, a w niektórych z nich, w dalszym rozwoju, ‘chudy’. W językach południowosłowiańskich rozwój poszedł w dwu różnych kierunkach, część języków prezentuje rozwój: od ‘zły’ do ‘biedny’, część od ‘zły, lichy, marny’ do ‘zły, niedobry, nieprzyjemny’.

Południowosłowiańskie określenia ‘szczupłego’ (np. słń. *vitek*, sch. *vitak*, mac. *vitok*) są derywatami od psł. czasownika *\*viti* ‘wić’ i znaczący pierwotnie ‘gietki, dający się zginać’ (Snoj 1997, 721). Motywację tę można porównać z motywacją omawianego wcześniej słń. *šibek* ‘słaby’.

Południowosłowiańskie *\*mvršavσ* ‘chudy’ jest derywatem od *\*mvrša* < *\*mvrch-ja* ‘trup’, związanego z *\*mvrσ mertī* ‘umierać’ (Snoj 1997, 361). Motywacja oparta na porównaniu: chudy jak trup. W czeskim i górnołużyckim podstawowy wyraz dla ‘chudy’ to *hubeny* od *hubić* ‘niszczyć’. Zbliżoną motywację ma bułg. *izpīt* ‘wychudły’, derywat od *izpīja* ‘wypić’. We wszystkich wymienionych przypadkach określenia są z pochodzenia obrazowymi porównaniami. Można sądzić, że taka sama jest motywacja ros. *tóščij* związanego z pol. *czczy* ‘pusty’.

Niejasne jest pochodzenie kilku spokrewnionych ze sobą wyrazów północnosłowiańskich (pol. *szczupły*, śl. *št’uplŷ* ‘ts.’, ros. *ščuplyj* ‘wąty, mizerny’, brus. *ščuply* ‘ts.’, ukr. *ščuplij* ‘ts.’). Jak dowodzą języki wschodniosłowiańskie oraz wcześniejsze poświadczenia z języka polskiego, wyraz ten miał dawniej znaczenie pejoratywne i oznaczał ‘chudy, mizerny; ograniczony, skromny’. Do tej samej rodziny niektórzy zaliczają czeskie *štíhlŷ* ‘szczupły’, łącząc je z dawnym *štíplŷ* o tym samym znaczeniu (Machek 1968, 625). Słowniki etymologiczne nie odpowiadają zdecydowanie na pytanie o pochodzenie tych wyrazów. Być może są związane ze *szczypać* : *szczupać*. Prawdopodobnie z tą rodziną wyrazową związane jest też dawne polskie *szczury* ‘chudy’, mające odpowiedniki też w innych językach słowiańskich. Brücker (1927, 545) łączy ten wyraz ze *skubać*, co byłoby paralełą wobec *szczupać* : *szczupły*.

Istotne jest, że do omawianego pola semantycznego należą przymiotniki o zróżnicowanym zabarwieniu emocjonalnym. W języku polskim mamy tu właściwie dwa pola semantyczne ‘szczupły’ i ‘chudy’, jednak niekiedy pojęcie ‘szczupły’, pełni tylko rolę eufemizmu dla pojęcia ‘chudy’. W innych językach bywa podobnie. Granice pola semantycznego „szczupły + chudy“ są nieostre i można by doń włączać kolejne bliskoznaczne leksemy, które łączą się z innymi fizycznymi cechami człowieka, np. ‘drobny’, które jest jednak bliższe polu semantycznemu ‘mały’.

Charakterystyczne są motywacje związane z utratą witalności, siły, wilgotności: kontynuanty *\*suchσ*, bułg. *izpīt*, ros. *tóščij*, motywacje wskazujące wprost na bliski koniec życia: czes. *hubenŷ*, pld. słow. *\*mvršavσ*. Zwykle tak motywowane przymiotniki zachowują znaczenie ‘chudy, wychudły’. Znaczenie ‘szczupły’ bywa związane ze słabością, z giętkością.

Z przeanalizowanego materiału widać, że bardziej „wewnętrzne“ cechy kondycji fizycznej ‘siła’ i ‘słabość’ o wiele dłużej utrzymują swoje nazwy niż cechy zewnętrzne, podległe ocenie estetycznej. Jest to zapewne związane z faktem, że cechy te decydują o konkretnych, ważnych życiowo,

możliwościach, w związku z czym ich wartościowanie i nacechowanie emocjonalne jest mniej więcej stałe. Potwierdza to teorię, że nacechowanie emocjonalne wiąże się z częstą wymianą słownictwa. Jest to spowodowane zmiennymi kryteriami oceny estetycznej, a także tendencją do stosowania eufemizmów dla cech nisko wartościowanych. Mniejszą rolę w leksyce języków literackich odgrywają nazwy typu przezwiskowego, popularne w języku potocznym, jednak również ich przenikanie do języka oficjalnie usankcjonowanego nie jest wykluczone.

#### SKRÓTY:

ESSJ	Ětimologičeskij slovar' slavjanskich jazykov
RJAZ	Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika
SO	Slavia Occidentalis
SP	Słownik prasłowiański

ags.	anglosaski
bułg.	bułgarski
czes.	czeski
chorw.	chorwacki
dłuż.	dolnołużycki
głuż.	górnolużycki
goc.	gocki
grec.	grecki
lit.	litewski
łac.	łaciński
łot.	łotewski
mac.	macedoński
niem.	niemiecki
pie.	praindoeuropejski
pol.	polski
psł.	prasłowiański
ros.	rosyjski
rum.	rumuński
scs.	starocerkiewnosłowiański

serb.	serbski
słc.	słowacki
ślń.	słoweński
stczes.	staroczeski
stisl.	staroislandzki
stpol.	staropolski
stwniem.	starowysokoniemiecki
śrwniem.	średniowysokoniemiecki
ukr.	ukraiński

## BIBLIOGRAFIA

- Bańkowski, Andrzej: *Etymologiczny słownik języka polskiego*, t. I-II, Warszawa 2000.
- Berneker, Erich: *Slavisches etymologisches Wörterbuch*, t. I, A-M, Heidelberg 1908-13.
- Bezljaj, France: *Etimološki slovar slovenskega jezika*, t. I, II, Ljubljana 1976, 1982.
- Boryś, Wiesław, Popowska-Taborska, Hanna: *Słownik etymologiczny kaszubszczyzny*, t. III, Warszawa 1999.
- Brückner, Aleksander: *Słownik etymologiczny j języka polskiego*, Kraków 1927 (przedruk: Warszawa 1970).
- Buttler, Danuta: *Rozwój semantyczny wyrazów polskich*, Warszawa 1978.
- Ėtimologičeskij slovar' slavjanskich jazykov*, pod red. O.N. Trubačeva, Moskva 1974 i n.
- Machek, Václav: *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*, Praha 1957.
- Machek, Václav: *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha 1968.
- Pokorny, Julius: *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*, Bern 1959.
- Rejzek, Jiří: *Český etymologický slovník*, Český Těšín, 2001.
- Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, t. III, wyd. Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti, Zagreb 1887-91.
- Slavia Occidentalis*, t. XVIII (1939-47), Poznań.
- Sławski, Franciszek: *Słownik etymologiczny języka polskiego*, t. I-V, A-L, Kraków 1952 i n.
- Słownik prastłowiański*, pod red. Franciszka Sławskiego, t. I-VIII, Wrocław..., 1974 i n.
- Snoj, Marko: *Slovenski etimološki slovar*, Ljubljana 1997.
- Schuster-Šewc, Heinz: *Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache*, Heft 7, Bautzen 1980; Heft 17, Leipzig 1986.
- Vasmer, Max: *Russisches etymologisches Wörterbuch*, Heidelberg I-III, 1953-1958.

Semantische Motivierung der Adjektive des Bedeutungsbereichs  
der körperlichen Kondition (stark : schwach)  
in den slawischen Sprachen

Ziel des Artikels ist die Bestimmung der (als ‘semantische Motivierung’ bezeichneten) ursprünglichen Bedeutungen der slawischen Adjektive ‘stark’ und ‘schwach’. Die am besten belegte Motivierung der Bedeutung ‘stark’ ist ‘spannen, straffen’. Die Motivierung ‘hart’ ist ebenfalls gut belegt. Die am besten bezeugten ursprünglichen Bedeutungen für ‘schwach’ sind ‘schlaff, herabhängend, sich beugend’, ‘sich nicht aufrecht halten können’. Eine andere in Erscheinung tretende Motivierung ist ‘locker, nicht geschlossen, zerstreut’. Die etymologischen Wörterbücher führen als mutmaßliche Bedeutung oft auch ‘verdorben’ an. Im geprüften Material habe ich jedoch kein sicheres Beispiel für eine solche Motivierung gefunden. Daneben bestehen einige Derivate, die durch formale Negation des Adjektivs mit antonymischer Bedeutung entstanden sind. Sie sind typisch für Wörter, die eine schwache Ausprägung einer Eigenschaft bezeichnen.

Bei der Motivierung der Adjektive mit den Bedeutungen ‘dünn’ und ‘dick’ fällt eine Tendenz zur Erneuerung der Bezeichnungen auf. Sie ist sicherlich mit dem wertenden Charakter dieser Wörter in Verbindung zu bringen. Typische Motivierungen der Bedeutung ‘dick’ sind ‘stark’, ‘rau, unbehauen’, ‘anschwellen, aufquellen, voll werden’, ‘gut ernährt sein’. Typische Motivierungen der Bedeutung ‘dünn’ sind ‘schwach’, ‘schlecht’, ‘tot’, ‘trocken’, ‘dürr’, ‘biegsam’.

*Pracownia Języka Prasłowiańskiego, Instytut Sławistyki PAN*  
*Al. Mickiewicza 31, 31-120 Kraków, Polska*  
mjakub7@interia.pl



# Wo jednym delnjoserbskim słowotwornym archaizmje<sup>1</sup>

Bohumil Vykypěl

We Wolfenbüttelskim delnjoserbskim psaltru z 2. połojcy 16. lětstotka namaka so slědowaca konstrukcija:

IIIX, 2: *Kněsshō, nasch kněhssitz*, IIIX, 10: *Kněhsshō, nasch kněhsshitz*; i.e. *kněžo, naš kněžyc*, wokatiw singulara (hl. Trautmann 1928, 7; Schuster-Šewc 1967, 306 sl.). W Lutherowym němskim originalu steji *Herr, unser Herrscher*.

Muka (1926, 641) zwjaza wuraz *kněžyc* ze staročěskim *kněžic* ‘syn wjercha’; Schuster-Šewc (1978-89, 567 sl.) přida hišće dalše słowjanske wurazy: staropólske *księżyc* ‘principis filius’ (1x Kazania świętokrzyskie, 2. połojca 14. lětstotka), ‘měsačk’, ‘měsac’ (hl. Urbańczyk 1960-62, 431), pólske *księżyc* ‘měsačk’, staroruske *княжичь* ‘syn князя’ (ruske a ukrajske *княжич*, běloruske *княжич* jako archaizmy a historizmy), staroserbiske *Влькъ кнежић* wo druhim synje *kneza* Lazara (1x 1501, hl. Budmani 1898-1903, 115; serbiske *кнежић* jako archaizm).<sup>2</sup> Na zakładze tutech wurazow móže so rekonstruować prasłowjanske dialektowe *\*kɔnɛʒitʲ*, kiž bu wočiwidnje ze sufiksom *\*-itʲ* wot *\*kɔnɛdzʲ* (> staročěske *kněz*, staropólske *ksiądz* ‘wjerch, wójwoda’, staroruske *князь* ‘knježićel’, staroserbiske *кнезь*) wotwodžene. Zakładna funkcija sufiksa *\*-itʲ* resp. jeho kontinuantow je wuprajenje pochada a přislušnošće, tworja so z nim potajkim wosebje patronymika, pomjenowanja wobydlerjow wěsteho městna a pomjenowanja potomnikow (hl. Slawski 1974, 2, 55-60; Vaillant 1974, 332-336).

Zda so pak, zo zwjazanje delnjoserbskeho *kněžyc* z mjenowanymi słowjanskimi wurazami a tuž ani jeho wotwodženje z prasłowjanskeho *\*kɔnɛʒitʲ* njeje prawe. Bychmy mjenujcy z tym ličić dyrbjeli, zo je tu semantiski posuw ‘syn knježićela’ → ‘knježićel’ nastupił. Tajki posuw by pak w tutech padže na delnjoserbsčinu wobmjezowany był: žadyn z kontinuantow prasłowjanskeho *\*kɔnɛʒitʲ* w druhich słowjanskich rěčach njepokazuje ničo podobne.

Wyše toho měješe wuraz *kněz* najpozdzíšo wot 12. lětstotka hižo džensniši woznam ‘dominus, Herr’, kaž serbske glosy w Magdeburgskim rukopisu

<sup>1</sup> Nastawk bu napisany z podpěru grantu GAČR č. 405/01/0109.

<sup>2</sup> Dalše wurazy, kiž mjenuje, su njewěste: slowakske *kňazíc* a slowjenske *knežic* stej neologizmaj 19. lětstotka (hl. Kálal 1923, 246; Pleteršnik 1894, 414); cyrkwinosłowjanske *knęzištvo* ma Miklosich (1862-65, 293) bjez dokładow.

dopokazují (hl. Schuster-Šewc 1967, 291). Pravděpodobně by bylo potaj-  
kým skerje wo semantiskim posuwje ‘syn knjeza’ → ‘knježičel’ rozważować.

Jenož Łoś (1921, 151) mysleše, zo w semantice pólskeho *księżyc* prjedy  
tež woznam ‘princeps’ bě a implicite potajkim předpokładowaše, zo je pola  
njeho semantiski posuw ‘principis filius’ → ‘princeps’ nastupił. Jeho nahlad  
zložuje so na dwaj předpokładaj:

a) W jednej staropólskej marijanskej pěśni z połojcy 15. lětstotka w  
pjatej strofje, kiž klinči *Na dwor Bog wysadził / świeckiego ksiąźcia, /  
matkę swą posadził, / gdzież boża prawica / ...*, wułożuje wuraz *ksiąź-  
cia* jako porjedženje staršeho *księżycyca*. Jeho argumenty njesu pak sylne  
doś: rym njedyrbješe być dospołny (přir. Brückner 1897, 209, 214) a forma  
*ksiąźcia* njeje genitiw, ale akuzatiw, a wotpowěduje tak formje *principem*,  
kiž w lačonskim originalu bě.

b) Woznam ‘měšačk’ wujasnjuje z woznama ‘princeps’: *měšačk* jako *prin-  
ceps noctis*.<sup>3</sup> Tutón woznam móžemy pak kaž Moszyński (1934, 458) tež tak  
wułożować, zo je so wuraz *księżyc* spočatnje za młody měšačk wužiwał. De-  
minutiwnu formu móžemy wězo tež jako lišćiwé mjeno („Schmeichelname“) a  
srědk captationis benevolentiae wuswětlować (přir. Havers 1946, 84 sl.;  
Vasmer 1950, 454)<sup>4</sup>.

Předpokładowany semantiski posuw by w delnjoserbsčinje tež bjezpřiči-  
nowy (njemotiwowany) był. Tohodla njeje móžno ze staročěskim *knieżě* a  
staropólskim *ksiąźe* ‘wjerch’ argumentować, tworjenymaj ze sufiksom \*-*ę-*,  
z kotrymž so pomjenowanja njedorosćenych potomnikow wotwodźuja (hl.  
Sławski 1974, 3, 11-19): pola staročěskeho a staropólskeho wuraza bě přičina  
za semantiski posuw ta wobstejnosć, zo w jeju semantice poněčim woznam  
‘přislušnik klerusa, měšnik’ přewažowaše. Samsne by tež wo pólskim *księżyc*  
płaćilo, jeli bychmy Łośowe měnjenje akceptowali: tež tutón posuw by we  
wobłuku pólskeho leksikalneho systema – na rozdźěl wot delnjoserbskeho –  
motiwowany był.

Myslimy, zo delnjoserbske *kněžyc* je móžno lěpje a **jednorišo** wułożować  
jako nomen agentis wot słowjesa *kněžys* ‘knježić’. Tomu by derje woznam  
delnjoserbskeho wuraza wotpowědował. W sufiksu -*c* je móžno wotpowěd-  
nik produktiwneho čěskeho sufiksa nominow agentis a nominow instru-  
menti -*č* a kontinuant prasłowjanskeho -*čь* z wšědnej delnjoserbskej změnu

---

<sup>3</sup> Polobske *Momeneutschenang, Momeneutschennag* ‘Neumond’, i.e. *momě noi tęgъ*  
(< \**knę dzv*) ‘mamy młody měšačk’, kiž by móhło w tutym zwisku mjenowane być, njeje  
cyle jasne: je jenož we Wendischer Aberglaube (t.mj. Kopenhagenski rukopis) a pola J. G.  
Domeiera (hl. Olesch 1983, 605), ale runje tam je tež *Leina* ‘Mond’. Druhdze je *mon(d),  
launã/lainã* (přir. Olesch 1983, 496, 605).

<sup>4</sup> Přir. tež litawske dialektowe *dievãtis*, štož tež ‘měšačk’ woznamjenja, a štož je  
deminutiw wot *diẽvas* ‘Bóh’ (hl. Senn 1949, 3).

č > c vidieť. Tutón sufiks pristupowaše k infinitiwneju zdónkej na -a abo -i; z resegmentaciju potom nastatej jeho wariácie -ačb a -ičb, kotrejž stej z rozdźelnym wašnjom w jednotliwych słowjanskich rěčach zastupjenej (hl. Sławski 1974, 1, 102; Vaillant 1974, 538 sl.; Šlosar 1986, 257-263). Šewc (1968, 88) hódnoći hornjoserbski sufiks -č jako njeproduktiwny a mjenuje jenož dvě słowje, kotrejž stej z nim tworjenej: *drač* a *pohonč*.<sup>5</sup> Stachowski (1968, 181) namaka pola A. Frencla (De originibus linguae Sorabicae) tři nomina agentis z formansom -č: *pohoncz*, *hinkacz*, *źracz*. Dale je móžno mjenować *rhacz* (G. Matthaeus), *picz* (G. Ludovicus; hl. Schuster-Šewc 1978-89, 339, 1061); ekspresiwne *njechač*, *šćowkač*, *wukač*, zoonyma *hwizdač*, *mikač*, *snowač* (hl. Meškank 2001, 44). Su tež nomina instrumenti tworjene ze samsnym sufiksom: *barbič*, *bič*, *klepač*, *klumpač*, *luskač*, *ryč*, *smykač*, *storkač*, *šćipač*, *tolkač*, *tykač*, *čahač* (hl. Meškank 2001, 44), dialektowe *šwihač* (přir. Pfuhl 1866, 733). Pódlu tutoho sufiksa eksistuja hišće nomina agentis tworjene z jeho deminutiwnej wariantu -čk, kiž Šewc (1968, 88) runje tak jako njeproduktiwnu hódnoći, ale wjace přikładow mjenuje: *hračk*, *žračk*, *pičk*, *bičk*, *jědžk*; dalše słowa z tutym formansom mjenuje Meškank (2001, 78).<sup>6</sup> K někotrym z mjenowanych wurazow eksistuja delnjoserbske wotpowědniki ze samsnym woznamom: *drěc*; *grac*, *grack*; *žrac*, *žrack*; *pick*; *bic*, *bick*; *smykack*; *šćipac*; *šwigac*; *šwikac*, *šwikack*; *tykac*. Nimo nich je móžno delnjoserbskej nominje agentis tworjenej ze sufiksom -c mjenować (hl. Šwela 1952, 80), kotrejž nimatej swój wotpowědnik w hornjoserbsčinje a njeje tohodla pola njeju móžno rozsudzić, hač -c prasłowjanskemu -čb abo -bcb wotpowěduje: *gojc* 'lěkar', *raže* 'radzićel'. Pódlu toho eksistuja tež dewerbatiwny na -ac (hl. Šwela 1952, 81; Schuster-Šewc 1978-89, 362, 1150): *hupac* 'hupak', *praskac* 'rjemjeń', 'přaska', *psěgac* 'wotežka'.

Kaž smy widźeli, je móžno tak za hornjoserbsčinu kaž tež za delnjoserbsčinu eksistencu kontinuantow prasłowjanskeho sufiksa nominow agentis -čb derje dokładować. Na kóždy pad je móžno delnjoserbske *kněžyc* 'Herrscher' za zajimawy słowotworny archaizm a dalši slěd prasłowjanskeho -čb w delnjoserbsčinje měć. Zhubjenje produktiwnosće (resp. jeje njerowice?) a wutłóčenje tutoho sufiksa w serbsčinje je zrozumliwe: w hornjoserbsčinje po asibilacije dentalow sta so homofony z infinitiwom na -č, w

<sup>5</sup> Šewc praji wo *pohonč* drje, zo „prěnjotny formans bě pak tu -ič“, ale to je njedokładne, dokelž wo formansu -ič je móžno jenož pola dewerbatiwow wotwodženych wot słowjesa z druhim infinitiwym zdónkom hač -i- rěčeć.

<sup>6</sup> *Jědžk* < \**jědž-čk*? *Ryč* móže pak tež z druhich słowjanskich rěčow přewzate być, dokelž w dialektach tute słowo docyła njewustupuje (přir. Faßke-Jentsch-Michalk 1976, 54). Šewc mjenuje hišće wurazej *skóčk* a *mlóčk*, ale tu je sufiks -bks (z kotrymž so tež nomina agentis tworjachu, hl. Sławski 1974, 1, 93). Sufiks -č móže so tež w džělu wurazow z produktiwym sufiksom -čer chować, w kotrymž je móžno rozšěrjenje sufiksa -č ze sufiksom -er widzieć. Stachowski (1968, 161) wułožuje -čer jako kontaminaciju -čel a -ar.

delnjoserbšćinje po změnje  $\check{c} > c$  homofony ze sufiksom *-c* jako sufiksom nošerjow kajkosće.

## LITERATURA

- Brückner, A., 1897, Drobne zabytki języka polskiego XV wieku. In: *Rozprawy Akademii umiejętności, wydział filologiczny* 25, 206–291.
- Budmani, P., 1898-1903, *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. V. Zagreb.
- Faßke, H. – Jentsch, H. – Michalk, S., 1976, *Sorbischer Sprachatlas 5*. Bautzen.
- Havers, W., 1946, *Neuere Literatur zum Sprachtabu*. Wien.
- Kálal, M., 1923, *Slovenský slovník z literatury aj nářečí*. Banská Bystrica.
- Loś, J., 1921, Książdz i jego krewnici. In: *Język polski* 6, 146–153.
- Meškank, T., 2001, *Retrogradny słownik hornjoserbskeje řeče*. Berlin.
- Miklosich, F., 1862-65, *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum*. Vindobonae.
- Moszyński, K., 1934, *Kultura ludowa Słowian*. II,1. Kraków.
- Muka, E., 1926, *Slovník dolnoserbškeje řečy a jeje narěčow*. I. Praha.
- Olesch, R., 1983, *Thesaurus linguae Dravaenopolabicae*. I. Köln – Wien.
- Pfuhl, K.B., 1866, *Lužiski serbski slovník*. Budyšin.
- Pleteršnik, M., 1894, *Slovensko-nemški slovar*. I. Ljubljana.
- Schuster-Šewc, H., 1967, *Sorbische Sprachdenkmäler. 16.-18. Jahrhundert*. Bautzen.
- Schuster-Šewc, H., 1978-89, *Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache*. Bautzen.
- Senn, A., 1949, Zu litauisch *diēvas* ‘Gott’ und finnisch *taiwas* ‘Himmel’. In: *Die Sprache* 1, 1–10.
- Sławski, F. (ed.), 1974 sl., *Słownik prasłowiański*. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk.
- Stachowski, S., 1968, Słowotwórstwo rzeczowników w języku górnołużyckim XVII wieku. In: Faßke, H. – Löttsch, R. (ed.): *Přinoški k serbskemu řečespytej*. Budyšin, 180–191.
- Šewc, H., 1968, *Gramatika hornjoserbskeje řeče*. I. Budyšin.
- Šwela, B., 1952, *Grammatik der niedersorbischen Sprache*. Bautzen.
- Šlosar, D., 1986, Słowotvorba. In: Lamprecht, A. – Šlosar, D. – Bauer, J.: *Historická mluvnice češtiny*. Praha, 251–340.
- Trautmann, R. (ed.), 1928, *Der Wolfenbütteler niedersorbische Psalter*. Leipzig.

Urbańczyk, S. (ed.), 1960-62, *Słownik staropolski*. III. Wrocław – Kraków – Warszawa.

Vaillant, A., 1974, *Grammaire comparée des langues slaves*. IV. Paris.

Vasmer, M., 1950, Recensija Haversa 1946. In: *Zeitschrift für slavische Philologie* 20, 451–457.

## Über einen niedersorbischen Wortbildungsarchaismus

Im vorliegenden Aufsatz wird niedersorbisch *kněžyc* ‘Herrscher’, das im Wolfenbüttler Psalter belegt ist, als Ableitung von *kněžys* ‘herrschen’ erklärt.

*Etymologické oddělení, Ústav pro jazyk český AV ČR*  
*Veveří 97, 602 00 Brno, Česká republika*  
vykypel@iach.cz



# Etymologia a konotacja semantyczna słowa w polszczyźnie literackiej (na wybranych przykładach)

*Małgorzata Brzozowska*

We współczesnym językoznawstwie można zaobserwować trojaki podejście badaczy do etymologii (Brzozowska, 1999):

Po pierwsze, podejście strukturalistyczne, zgodne z XIX - wieczną, młodogramatyczną tradycją, zakładające docieranie do najstarszego, w miarę możliwości pierwotnego, dającego się zrekonstruować kształtu słowa. Umożliwia to porównywanie ze sobą języków i analizę ich pokrewieństwa (Polański, 1999; Malkiel, 1993).

Po drugie, jest to strukturalistyczno-semantyczne podejście szkoły moskiewskiej, łączącej formalne i semantyczne aspekty co do pierwotnej postaci słowa. Uwzględnienie semantyki pozwala na porównywanie ze sobą języków, wykazywanie stopnia ich bliskości kulturowej; wraca się nawet do próby rekonstruowania prajęzyka ludzkości z zamierzeniem odtworzenia językowego obrazu świata naszych przodków (Gamkrelidze, Ivanov, 1984; Ivanov, Toporov, 1965; Ivanov, Toporov, 1974).

Ujęcie trzecie, kognitywne, wprowadza etymologię w krąg synchronii. Polega na tym, że patrzy się na dzieje języka jako na nieprzerwany proces, continuum, w którym najważniejsza jest warstwa semantyczna, podlegająca nieustannej metaforyzacji: jest ona analizowana i zrozumiała poprzez pryzmat przeszłości. (Sweetser, 1990; Wojtyła-Świerzowska, 1998). Podczas gdy dwa pierwsze sposoby podejścia do badań etymologicznych lokalizują etymologię w kręgu – można by rzec – archeologii językowej, podejście kognitywne w centrum zainteresowania stawia teraźniejszość języka. W ten sposób etymologia staje się ponownie narzędziem poznania języka i kultury.

Pojawia się pytanie o istnienie związku między znaczeniem etymologicznym wyrazu a funkcją, którą denotowany przez ten wyraz przedmiot lub pojęcie pełni w kulturze oraz o to, czy i jak znaczenie etymologiczne jest obecne w znaczeniu realnym, rozumianym szeroko, a więc nie tylko w części jądrowej, ale i w sferze peryferyjnej, ujmowanych tu jako konotacja semantyczna. Jest to zarazem pytanie o to, w jaki sposób można te relacje badać?

Konotację semantyczną rozumiem tu szeroko, w sensie nawiązującym do J. S. Milla (Mill, 1911) oraz do ujęć kognitywistycznych (Lakoff, 1987; Lakoff, Johnson, 1988; Bartmiński, 1988; Krzeszowski, 1994), a więc jako „synonim treści znaczeniowej, intensję, w przeciwstawieniu do denotacji, zakresu, ekstensji“ i włączając w jej zakres tak cechy kryterialne, jak i charakterystyczne (tzw. stereotypowe) (Bartmiński, 1988, 181). Tak szerokie rozumienie znaczenia słowa (konotacji) leży u podstaw opracowywanego zbiorowo w Lublinie *Słownika stereotypów i symboli ludowych* (SSiSL 1996-). Słownik ten ma charakter etnolingwistyczny i opiera się na kognitywnej teorii znaczenia (jej zasady były wyłożone w artykule o definicji kognitywnej [Bartmiński 1988]).

Próby zestawiania ze sobą etymologii i konotacji semantycznej muszą być poprzedzone ustaleniami dotyczącymi rozumienia znaczenia słowa. Procedura ustalania konotacji słowa referowana min. przez R. Grzegorzyczkową (Grzegorzyczkowa 2001, 51-54), opiera się nie tylko na „wewnętrznej formie słowa“ – tzn. na znaczeniu strukturalno-etymologicznym, lecz przede wszystkim na przyjętym znaczeniu aktualnym (ujęty w postaci definicji leksykograficznej). Stabilizacja cechy przedmiotu wyraża się w kliszowanych połączeniach słów: frazeologizmach, przysłowia, powiedzeniach oraz w dłuższych tekstach, np. zagadkach. Można je także odnaleźć w podstawach metafor, metonimii oraz porównań i opozycji. Szczególną grupę leksemów, w których przejawiają się konotacje semantyczne słowa stanowią jego hiponimy, a także derywaty (w tym semantyczne). Wyznacznikami stabilizacji cechy są też sposób jej funkcjonowania w zdaniu, tzn. występowanie w funkcji orzecznika w sądach gatunkowych uogólnionych oraz występowanie jej w presupozycji. Tu spośród zasad ustalania konotacji wyłączam sięganie do etymologii.

Próby zestawiania ze sobą etymologii i konotacji semantycznej były dotychczas podejmowane kilkakrotnie na gruncie polskiego językoznawstwa (Mazurkiewicz, 1988; Puzynina, 1997; Brzozowska, 2000; Jakubowicz, 2000).

W dwóch pierwszych publikacjach pokazywano dużą zbieżność etymologii i konotacji pojedynczych słów takich jak *praca* i *roboty* (Mazurkiewicz 1988) oraz *prawda* (Puzynina 1997).

Okazało się, że słowo *roboty*, wyprowadzane od rdzenia ie. \*-orbho, oznaczającego kogoś ‘unieszczęśliwionego i pozbawionego własności’, a potem ewoluującego w kierunku znaczenia ‘niewolnik’ do dziś konotuje w polszczyźnie ‘najczęściej prostą czynność fizyczną wykonywaną z konieczności (przymusu), połączoną z dużym wysiłkiem, zwykle traktowaną zarobkowo i bez sympatii’. Natomiast słowo *praca* wywodzone od psł. \*port- rozumianego jako ‘zapropionować lub nakazać komuś iść lub jechać gdzieś w



jakimś celu', ewoluujące potem w kierunku znaczenia 'praca, dzieło', konotuje współcześnie w polszczyźnie 'działanie częściej umysłowe, niż fizyczne, niepozbawione wysiłku fizycznego, ale wykonywane świadomie w sposób oczywisty i naturalny, często z przyjemnością' (Mazurkiewicz 1988).

*Prawda* z kolei (Puzynina 1997), wywodzona od psł. \**pravъ* oznaczającego 'sprawiedliwy, prawdziwy, prawy, prosty', była w historii polszczyzny i języków słowiańskich, związana z *prawem* i *sprawiedliwością* i do dziś konotuje te wartości.

Mariola Jakubowicz (2000) w wystąpieniu na konferencji „Język w kręgu wartości“ zatytułowanym „Wpływ motywacji etymologicznej na konotacje nazw wybranych wartości“ stwierdziła, że także w innych licznych nazwach wartości i antywartości już u ich źródeł można dopatrzeć się konotacji zgodnej z dzisiejszą. Jest to według niej związane z faktem, że badane nazwy opierają się na pojęciach wpisanych w dwubiegunową siatkę wartościowań. Pozwoliło to na postawienie hipotezy o trwałości pewnych schematów, które z jednej strony mają swoje źródła w przedpojęciowych schematach wyobrażeń, a z drugiej we wzorcach kulturowych.

Pojawia się wobec tego pytanie, czy taka zbieżność istnieje tylko w przypadku niektórych nazw (lub ich grup takich jak np. nazwy wartości), czy też ma charakter ogólniejszy i można ją obserwować w odniesieniu do innych grup słownictwa? oraz – jakie cechy semantyczne trwają w konotacji wyrazu?

Obserwacji poddałam polskie nazwy kamieni, zarówno zwykłych, spotykanych codziennie na polach, łąkach i drogach, jak i tzw. drogich kamieni.

Pierwsze wyniki analizy relacji między etymologią a konotacją semantyczną nazw zwykłych kamieni, takich, jak *kamień*, *glaz* i *skała* okazały się mało zachęcające (Brzozowska 2000).

Nazwa *kamień*, pochodząca od ie. \**kamen-* (psł. \**kamy*) i jest związana ze stind. *aśman-* 'skała, kamienna broń, kamień gromowładcy, niebo', awest. *asman* 'kamień, niebo' (GamIvInd 667), ze stniem. *hamar* 'młot' i grec. *akman* 'kuźnia' oraz z lit. *ašmuõ* 'coś ostrego' (VSE 2/173-174). Forma prasłowiańska różni się od odpowiedników bałtyckich metatezą i wzdłużeniem samogłoski rdzennej. Podstawą tych wszystkich wyrazów jest ie. rdzeń \**ak-*, \**ok-* 'ostry' (SSE 1952, 2/37-38). J. Holub i S. Lyer (1978, 229) wskazują na bezpośredni związek *kamienia* z niem. *Hammer*, a Preobrażen-ski (1958, 288-289) przywołuje ponadto sanskr. *açmarás* 'kamienny, żelazny'. Spośród 6 cech wyodrębnionych w toku analizy etymologicznej (trwałość i wieczność; życie i witalność; ostrość; twardość [jak żelazo]; ciężar

[kowałdo i młot]; bezpośredni związek z niebem) we współczesnej polszczyźnie literackiej udało się potwierdzić dwie cechy konotowane bardzo silnie: twardość, np. fraz. *twardy jak kamień, serce z kamienia* ‘być nieczułym, niewzruszonym’ (SF 1/315), i ciężar, np. *plywa jak kamień, kamień leży na sercu/piersi* (SF 1/315-316). Cecha trwałości i wieczności *kamienia* jest również utrwalona, choć rzadziej przywoływana, np. w wyrażeniu *uwiecznić coś w kamieniu* (IPIPAN/OSU). Ostrość *kamienia* jest konotowana chyba tylko w powszechnie znanym tekście polskiej pieśni kościelnej, śpiewanej ku czci Boga Ojca, zaczynającej się od słów *Kto się w opiekę odda Panu swemu ...*<sup>1</sup> *kamieniowi* przypisuje się cechę ‘ostrości’: *Aniołom Swoim każe cię pilnować, Gdziekolwiek stąpisz, będą cię piastować, Na rękę nosić, abys idąc drogą, Na **ostrzy kamień** nie ugodził nogę ...*

Jeszcze bardziej marginalny charakter ma związek *kamienia* z niebem. W polszczyźnie literackiej i przekładach biblijnych *kamienie* mogą spadać z nieba, co zazwyczaj jest traktowane jako kara Boża: *I wymierzę im karę przez zarazę i krew, i ulewę, i grad jakby kamieni* (Ks. Ezech. 38:22), a u Mickiewicza: *nowina, niby kamień z nieba, spadła na Litwę* (Mickiewicz, *Pan Tadeusz*, ks. I). W publicystyce znane są też *kamiennie meteoryty* (IPIPAN/OSU).

Jeśli chodzi o cechę życia kamieni, to we współczesnej polszczyźnie literackiej jest ona nieobecna, jakkolwiek znajduje jeszcze swoje potwierdzenie w polszczyźnie ludowej w twierdzeniu, że *kamienie rosną* (SSiSL 1996, 354).

Nazwa *skala* przez M. Vasmera jest wiązana przede wszystkim z lit. *skeli’u, skélti* ‘rozszczepiać’, *skala* ‘szczapa, łuczywo’, łot. *skala, skals* ‘ts.’; tu też inne oraz stgniem. *scala* ‘skorupa, łupina’ i *scála* ‘czasza’ (VSE 3/630). J. Pokorny (1959, 1/922-927) wiąże te słowa z ie. rdzeniem (*s*)*kek-*, *skeg-* oznaczającym ‘skakać, przeskakiwać; ożywiony ruch’ skąd potem został derywowany rdzeń (*s*)*kel-* ‘ciąć, bić, kłuć’, *kolā* ‘częstka’, *skēlā* ‘coś odciętego’, *skolīā* ‘coś odłupanego, odszczepionego’, *skolmā* ‘miecz’, (*s*)*kōlo-* ‘oszczep, dzida, włócznia’. Spośród 3 cech semantycznych wyodrębnionych w analizie etymologicznej (oddzielanie, łupanie; oddzielona część czegoś;

---

<sup>1</sup> Pieśń ta (zaczerpnięta ze współczesnej książeczki do nabożeństwa) jest parafrazą Psalmu 91 w przekładzie Jana Kochanowskiego. Jej tekst jest jednak miejscami zmieniony w stosunku do tego przekładu. Zmiana dotyczy także cytowanego fragmentu, który w tłumaczeniu Kochanowskiego brzmi: *Aniołom swoim każe cię pilnować, Gdziekolwiek stąpisz, którzy cię piastować Na rękę będą, abys idąc drogą, Na **ostrzy krzemień** nie ugodził nogę* (tekst według wydania Kochanowski 1972: 461). W *Biblii Tysiąclecia* ten fragment psalmu nie zawiera epitetu *ostrzy*, mowa w nim za to o *kamieniu*: *Niedola nie przytępi do ciebie, a cios nie spotka twego namiotu, bo swoim aniołom dał rozkaz o tobie, aby cię strzegli na wszystkich twych drogach. Na rękach będą cię nosili, abys nie uraził swej stopy o **kamień***. (Ps. 91 [90], w. 10-12).

podobieństwo do kamienia) w konotacji *skaty* we współczesnej polszczyźnie ogólnej odnalazłam jedynie jedną: podobieństwo do kamienia, wyrażającą się w synonimii między tymi wyrazami. Ostrość, oddzielanie i łupanie czegoś za pomocą *skaty* to cecha konotowana jedynie w polszczyźnie ludowej.

Sławski (SSE 1952, 1/288-289) nazwę *głaz* zestawia ze stczes. *hlazec* ‘roteris’ (definiowana przez badacza jako rodzaj kamienia [prawdopodobnie okrągłego, łac. *roto*, *-are* ‘obracać, kręcić się, toczyć się’ – M.B.]), z ros. *glaz* ‘oko’, *glazok* ‘oczko, pączek, drogi kamień (np. w pierścieniu)’, ukr. *hłazkij* lmn. ‘ołowiane ciężarki w niewodzie’, a Vasmer (VSE 1986, 1/409-410) z pol. *głażny* ‘gładki, rażny’ i *niegłażny* ‘nierażny, wyboisty’. Spośród 3 cech semantycznych wyodrębnionych w analizie etymologicznej (kulistość, gładkość, podobieństwo do kamienia) we współczesnej polszczyźnie ogólnej udało się odnaleźć jedynie jedną: podobieństwo do kamienia, wyrażającą się w synonimii między tymi wyrazami oraz w posiadaniu przez *głaz* takich cech kamienia, jak: twardość, np. fraz. *twardy jak głaz* ‘taki, którego nic nie wzruszy’ (SF 1/238-239) i ciężar, np. fraz. *ciężki jak głaz* (SF 1/238-239). Kulistość była konotowana jedynie w polszczyźnie ludowej, gładkość współcześnie i tu zaginęła.

Inne rezultaty przyniosło porównanie etymologii i konotacji nazw drogich kamieni, takich jak: *brylant*, *diament*, *rubin*. Są to kamienie powszechnie uznawane za szlachetne.

Nazwa *brylant* została do polszczyzny zapożyczona przez język niemiecki – *Brillant* – z francuskiego *brillant* co znaczy ‘błyszczący’ (VSE 1/214). We współczesnej polszczyźnie ogólnej słowo *brylant* oznacza ‘oszlifowany diament’. Konotuje ‘dużą wartość’, np. *obraz Rubensa był prawdziwym brylantem w tej kolekcji*; ‘blask brylantu’, np. *brylantowy blask księżycy*, *brylantyna* ‘dawny kosmetyk do włosów usztywniający je i nadający im połysk’, a także ‘bycie częścią klejnotu, np. *pierścionek z brylantem* (ISJP). Cecha wyodrębniona w analizie etymologicznej – ‘błyszczzenie, blask’ – w pełni znalazła swoje odzwierciedlenie w konotacji słowa.

Nazwa *diament* została do polszczyzny przejęta poprzez łacinę (*diamantum*) z grec. *adamas* ‘niezwalczony, nierysujący się’ (BSE 89), przy czym od czasów Hezjoda w języku greckim ta nazwa była używana na oznaczenie najtwardszego metalu i najtwardszego drogiego kamienia (DeVries 1976, 135). We współczesnej polszczyźnie ogólnej słowo to znaczy ‘kamień szlachetny, zwykle bezbarwny, przezroczysty, o silnym połysku’ i konotuje przede wszystkim takie cechy, jak ‘blask, świecenie’, np. *oczy świeciły się jak diamenty*, *brokatowa suknia o brokatowym połysku*, a także ‘bycie częścią klejnotu, np. *diamentowa kolia* (ISJP). *Diament* to również ‘przyrząd do

cięcia szkła' (pot.). Cecha wyodrębniona w etymologii – 'twardość' – jest więc współcześnie konotowana.

Nazwa *rubin* pochodzi od łac. *ruber* 'czerwony' (BSE 466, też VSE 3/511). Współcześnie w polszczyźnie ogólnej słowo *rubin* znaczy 'kamień szlachetny barwy ciemnoczerwonej' oraz (znaczenie derywowane) 'kolor tego kamienia', np. *rubin jej paznokci*, podobnie przymiotnik, np. *rubinowa nalewka z wiśni* (ISJP). Konotacja czerwonego koloru jest bardzo wyraźna.

Różnica w kontynuacji cech obserwowanych w etymologii nazw „zwykłych“ kamieni i kamieni szlachetnych w ich konotacjach semantycznych jest wyraźna i nieprzypadkowa. Z jednej strony są kontynuowane przede wszystkim cechy związane z twardością i ciężarem kamieni, z drugiej – wygląd, tu głównie kolor.

Podsumowując: Cechy etymologiczne odzwierciedlane w konotacji nazw kamieni to, jak się zdaje, stabilne cechy denotatu nazwy, łatwo spostrzegane zmysłowo, przede wszystkim wzrokiem (takie jak kolor, czasem kształt), rzadziej percypowane dotykem (cechy takie jak twardość lub miękkość). Cechy zmienne, takie jak zachowania wobec kamienia, czyniony z niego użytek, nie są kontynuowane w konotacji słowa. Do zmiennych (a co za tym idzie konotowanych marginalnie) wypada zaliczyć tu także związane z kamieniami przekonania, jak np. związek kamienia z niebem czy też jego wieczność.

W innych grupach słownictwa konotacja będzie odzwierciedlać inne zespoły cech wyodrębnianych w ich etymologii. Będą to te cechy wyodrębniane w etymologii, które są trwałe i które najłatwiej spostrzec zmysłowo w nazwanym przedmiocie (wskazują na to np. wstępne analizy polskich nazw grzybów i motyli, Brzozowska 2000b). Stwierdzenie tego wymaga jednak dalszych, szeroko zakrojonych, badań.

Kamienie. Charakterystyka jakościowa cech wyodrębnionych w etymologii  
i kontynuowanych w konotacji słowa

Nazwa kamienia	Cechy wyodrębnione w etymologii słowa	Charakterystyka jakościowa wyodrębnionych cech	Potwierdzenie w konotacji (bez etymologii) cech wyodrębnionych w etymologii słowa
KAMIEN	1. trwałość i wieczność 2. życie i witalność  3. ostrość 4. twardość 5. ciężar  6. bezpośredni związek z niebem	1. cecha dot. przekonań – nietrwała 2. cecha dot. przekonań – nietrwała 3. cecha percyp. zmysłem dotyku – nietrwała, przypadkowa 4. cecha percyp. zmysłem dotyku – trwała, nieprzypadkowa 5. cecha percyp. zmysłem dotyku – trwała, nieprzypadkowa 6. cecha dot. przekonań – nietrwała	1. słaba konotacja 2. tylko w polszcz. ludowej 3. słaba konotacja 4. silna konotacja – twardość 5. silna konotacja – ciężar 6. słaba konotacja
SKAŁA	1. oddzielanie i łupanie za pomocą skały 2. oddzielona część czegoś 3. podobieństwo do kamienia	1. cecha dot. użytku – nietrwała, przypadkowa 2. cecha percyp. zmysłem wzroku – nietrwała, przypadkowa 3. cecha percyp. wieloma zmysłami – trwała, nieprzypadkowa	1. tylko w polszcz. ludowej 2. tylko w polszcz. ludowej 3. silna konotacja <input type="checkbox"/> synonimia
GLAZ	1. kulistość 2. gładkość  3. podobieństwo do kamienia	1. cecha percyp. zmysłem dotyku – nietrwała, przypadkowa 2. cecha percyp. zmysłem dotyku – nietrwała, przypadkowa 3. cecha percyp. wieloma zmysłami – trwała, nieprzypadkowa	1. tylko w polszcz. ludowej 2. tylko w polszcz. ludowej 3. silna konotacja <input type="checkbox"/> synonimia <input type="checkbox"/> twardość <input type="checkbox"/> ciężar
BRYLANT	1. blask, błyszczenie	1. cecha percyp. zmysłem wzroku – trwała, nieprzypadkowa	1. silna konotacja blask, błyszczenie
DIAMENT	1. twardość	1. cecha percyp. zmysłem dotyku – trwała, nieprzypadkowa	1. silna konotacja twardość
RUBIN	1. czerwony kolor	1. cecha percyp. zmysłem wzroku – trwała, nieprzypadkowa	1. silna konotacja czerwony kolor

- Bartmiński, Jerzy (1988), *Definicja kognitywna jako narzędzie opisu konotacji słowa*. W: *Konotacja*. (red.). Bartmiński Jerzy. Lublin, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 169–183.
- Brückner, Aleksander (1989), *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa, Wiedza Powszechna.
- Brzozowska, Małgorzata (1999), *Etymologia w językoznawstwie*. W: *W zwierciadle języka i kultury*. Red. Jan Adamowski, Stanisława Niebrzegowska. Lublin, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 356–363.
- Brzozowska, Małgorzata (2000a), *Etymologia a konotacja wybranych nazw kamieni*. „*Etnolingwistyka*“ 12, 265–278.
- Brzozowska, Małgorzata (2000b), *Derywaty onomazjologiczne (asocjacyjne) w językowym obrazie świata*. „*Język a Kultura*“ 13, 143–152.
- De Vries, Ad (1976), *Dictionary of Symbols and Imagery*. Amsterdam - London.
- GamIvInd = Gamkrelidze, Tamaz V., Ivanov, Vjačeslav Vsevolodovič (1984), *Indoeuropejskij jazyk i indoeuropejcy. Rekonstrukcija i istoriko-tipologičeskij analiz protojazyka i protokultury*. Tbilisi.
- Grochowski, Maciej (1993), *Konwencje semantyczne a definiowanie wyrazów językowych*. Warszawa, Zakład Semiotyki Logicznej Uniwersytetu Warszawskiego.
- Grzegorzczkova, Renata (2001), *Wprowadzenie do semantyki językoznawczej*. Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Holub, Josef, Lyer, Stanislav (1978), *Stručný etymologický slovník jazyka českého se zvláštním zřetelom k slovům kulturním a cizím*. Praha, Státní pedagogické nakladatelství.
- IPIPAN/OSU Korpus Redakcji Słowników Języka Polskiego PWN (dostępny w Internecie).
- ISJP = Bańko, Mirosław (red.) (2000), *Inny słownik języka polskiego PWN*. Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Ivanov, Vjačeslav Vsevolodovič, Toporov, Vladimir Nikolaevič (1965), *Slavjanskie jazykovye modelirujuščie semiotičeskie sistemy*. Moskva, Izdatelstvo Nauka.
- Ivanov, Vjačeslav Vsevolodovič, Toporov, Vladimir Nikolaevič (1974), *Issledovanija v oblasti slavjanskich drevnostej. Leksičeskie i frazeologičeskie voprosy rekonstrukcii tekstov*. Moskva, Izdatelstvo Nauka.
- Jakubowicz, Mariola (2000), *Wpływ motywacji etymologicznej na konotacje nazw wybranych wartości*. [Wystąpienie na konferencji Język w kręgu wartości, Lublin 2000]. Lublin.

- Krzeszowski, P. Tomasz (1994), *Konotacja i denotacja*. W: *Podstawy gramatyki kognitywnej*. Red. Henryk Kardela. Warszawa, Zakład Semiotyki Logicznej, Znak, Język, Rzeczywistość, Polskie Towarzystwo Semiotyczne, 85–96.
- Lakoff, George (1987), *Women, fire and dangerous things. What categories reveal about the mind*. Chicago, University of Chicago Press.
- Lakoff, George, Johnson, Mark (1988), *Metafory w naszym życiu*. Warszawa, Państwowy Instytut Wydawniczy.
- Malkiel, Yakov (1993), *Etymology*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Mazurkiewicz, Małgorzata (1988), *Etymologia a konotacja semantyczna*. W: *Konotacja*. Red. Jerzy Bartmiński. Lublin, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 99–112.
- Mill, John Stuart (1911), *A System of Logic Ratiocinative and Inductive: Beeing a Connected View of the Principles of Evidence and the Methods of Scientific Investigation*.
- Pokorny, Jules (1959), *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern.
- Polański, Kazimierz, (red.) (1999), *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego*. Wrocław – Warszawa – Kraków, Zakład Narodowy im. Ossolińskich Wydawnictwo.
- Preobrażenskij, A. G. (1958), *Etimologičeskij slovar' russkogo jazyka*. Moskwa, Gosudarstvennoe Izdatelst'vo inostrannykh i nacionalnykh slovar'ej.
- Puzynina, Jadwiga (1997), *Prawda W: Słowo – wartość – kultura*. Lublin, Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 301–317.
- SF = Skorupka, Stanisław (1967-1968), *Słownik frazeologiczny języka polskiego*. Warszawa, Wiedza Powszechna.
- SSE = Sławski, Franciszek (1952-), *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków.
- Sweetser, Eve (1990), *From etymology to pragmatics. Metaphorical and cultural aspects of semantic structure*. Cambridge, Cambridge University Press.
- SSiSL (1996- ) *Słownik stereotypów i symboli ludowych* T. 1. *Kosmos* cz. 1. *Niebo, światła niebieskie, ogień, kamienie* (1996), cz. 2. *Ziemia, woda, podziemie* (1999). Koncepcja całości i redakcja Jerzy Bartmiński. Lublin, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.
- VES = Vasmer, Max (1986-1987), *Etimologičeskij slovar' russkogo jazyka*. Moskwa.
- Wojtyła – Świerżowska, Maria (1998), *Kognitywizm w etymologii*. „Rocznik Sławistyczny“ 51, 17–30.

Etymology and connotation of the word  
(based on the selected examples from the contemporary Polish)

The comparison of semantic traits established on the basis of the etymological meaning words with the traits connoted by these words in contemporary Polish indicates that their relationship is not accidental. The etymological traits reflected in the connotations of the names of stones are, as it seems, permanent traits of the names' denotation, easily perceptible through senses, especially sight (colour, sometimes shape), less frequently touch (traits such as hardness or softness). The changeable traits, such as behaviour towards a stone or its use, are not sustained in the word's connotation. The changeable (and thus marginally connoted traits) include also beliefs associated with stones, such as the stone's relationship with sky (and heaven) or its eternal nature.

Translated by Zbigniew Mazur

*Uniwersytet Marii Curie – Skłodowskiej*  
*pl. Marii Curie-Skłodowskiej 4, 20-031 Lublin, Polska*  
*mbrzozow@brutus.zana13.lublin.pl*



# Some Archaic Place-Names in Czech and Slovak

*Sorin Paliga*

## Introduction

I shall try to resume an almost forgotten topic: the possible quantity, quality and typology of the archaic, i.e. Pre-Slavic, place-names in Czech and Slovak, occasionally in the neighbouring area: Hungary, Ukraine, Poland, Romania. Our attempt comes after years of investigating the archaic heritage of south-east Europe in the field of both vocabulary and place-names. Thus, we have attempted to reconstruct a comprehensive, but not exhaustive though, list of archaic elements in South Slavic and Romanian. The results of our investigation have been gradually published in various journals, now gathered together in the volume *Thracian and Pre-Thracian Studies*, while a second volume *Romanian, Slavic and Thracian Studies* is being prepared for print. The complex, but challenging, problem of the archaic (Pre-Slavic, mainly Thracian and Illyrian) heritage in South Slavic is also the subject of our volume *Romance and Pre-Romance Influences in South Slavic* (in Romanian, the original title *Influențe romane și preromane în limbile slave de sud*). Last but not least, some years ago I tried to suggest the Pre-Slavic, even the “Urbian” (Pre-Indo-European) origin of the place-name *Praha* (Paliga 1992). Before enlarging our research it is perhaps useful to briefly review the terminology, and to suggest a hopefully clearer approach to the archaic heritage of Central Europe.

## Terminology and Preliminaries

Given the limited purpose of this paper, a comprehensive analysis of this complex problem is not possible, but I shall dare suggest a possible way of further research. To my knowledge the best, reference study dedicated to the archaic heritage in the Slavic place-names belongs to Petar Skok (1950, also some of his previous studies, 1917, 1920). Skok makes a remarkable classification of the Pre-Slavic heritage in the Adriatic Islands and its relations with the Pre-Slavic heritage in the continental area, and also draws the contours of comparative research in the field of archaic place-names. Thus, he assumes that the oldest analysable layer is represented by the Pre-Indo-European (“Mediterranean”) stratum, followed by the Indo-European Illyrian and/or Celtic heritage, then Romance (Venetian, Dalmatian, Romanian), and finally Slavic (Croatian).

The problem of the archaic, Pre-Indo-European and Indo-European, heritage of Europe is not a new topic, and place-names have always been a precious source of information and analysis. So did Skok in his remarkable study, and so did many other linguists. The extensive linguistic and archaeological research after WW 2 has enlarged our horizon, has clarified many aspects related to chronology and interdisciplinary analysis, but has also put various other problems to which answers are still expected. I shall only mention some basic questions:

1. “Mediterranean” and “Pre-Indo-European” are mutually replaceable terms, or must we look for a better terminology?
2. What is the relation between the Neolithic and Chalcolithic cultures of south-east Europe and their Central- and West-European counterparts?
3. What language(s) was/were spoken in Neolithic and Chalcolithic Europe? Was it/were they related/not related to other analysable languages?
4. Could we assign an equivalence of the type

archaeological culture = language

and, if such an equivalence may be eventually possible, could be analyse such a relation? And how?

5. Was Indo-Europeanisation a fatal, exclusively aggressive phenomenon (Marija Gimbutas’s theory), or must we look for a much longer, and more complex, ethnic and linguistic movements in either sense (Colin Renfrew, among others)?
6. What is the relation between Proto-Indo-European (PIE), Proto-Uralic (PU) and Proto-Altaic (PA)? Is N. D. Andreev’s “Proto-Boreal” theory an acceptable starting point for further research, or shall we consider it just another theory without the required consensus of the linguistic world? And what about Gamkrelidze-Ivanov’s theory?
7. Is Gimbutas’s “Kurgan theory” the focus around which we may expand further theories, or must we replace it by a better explanation of prehistoric facts?

The questions may of course continue. I have just tried to suggest potential ways of approaching a difficult topic, and to present the results of our research during the last 20 years or so.

The extended research regarding the Pre-Indo-European (sometimes labelled “Mediterranean”) heritage of Europe started, we may say, in Italy in the 1920’s, with a series of outstanding studies in the *Studi Etruschi*. It then gradually expanded to France, former Yugoslavia, especially Slovenia, to a less extent in other countries. To my knowledge there are indeed few

studies on this topic in Central-European or South-east European countries, with some exceptions (e.g. Bojan Čop, France Bezlaj in Slovenia, Petar Skok in Croatia, Gh. Muşu and the present author in Romania, etc). At that time the accepted chronology of European prehistory was 'short', i.e. European Neolithic was placed after Sumer, while the present accepted chronology is the calibrated radiocarbon chronology, which places the European Neolithic some three millennia earlier, beginning around 7,000 B.C. in Greece, and rapidly expanding to south-east and central-east Europe. Even so, it became clear that linguists must accept the existence of an old, Pre-Indo-European stratum as reflected in numerous place-names, but also in vocabulary. Only some 40% of the Greek vocabulary may be explained as an Indo-European heritage, some other terms reflect Oriental borrowings, but some 50% of the ancient Greek vocabulary must be Pre-Indo-European, or – in a long-used term – Mediterranean.

For sure, Pre-Indo-European and/or Mediterranean are vague terms, but they reflect our ignoring the ethnic and linguistic realities of those times. And the questions cannot be easily answered. Indeed, a term like *Mediterranean* may infer the idea that there was a Circum-Mediterranean linguistic stratum in Mesolithic and Neolithic times. As bizarre as may seem, there are indeed similar or identical, presumably Pre-Indo-European/Mediterranean, forms spread over a large area, from Iberia to Greece and further east to Sumer. Even a short list of such forms is not comfortable as it leads to difficult questions regarding the possible expansion of those Mesolithic-Neolithic speakers over a huge area. It should be remembered that horse had not been domesticated, and people simply walked over thousands of kilometers. On the other hand, the so-called Neolithic revolution, which started in Anatolia, and rapidly spread towards south-east Europe and the Middle East, may lead to the basic idea that the people of those remote times effectively inter-related, exchanged ideas and presumably a certain ethnic group imposed its language, culture and habits. This is a general truth known from various subsequent, and better known, developments.

In the light of the available data we may assume, at least as a fairly reasonable possibility, that Neolithic and Chalcolithic Europe, with its advancing Neolithic revolution, knew something we may label *cultural and linguistic unification*, otherwise it is impossible to explain convergent forms spread over such a large area. As a mere example, we may compare forms like Greek *oros* 'mountain', Thracian *ora*, *oros*, *oron* 'township, fortress' (attested in place-names, hence – beyond any reasonable doubt – Romanian *oraş* 'township', despite the insistent, but totally inconsistent, hypothesis that it is borrowed from Hungarian *város* 'town', in its turn of unknown

origin), Latin *urbs*, *urbis* and *orbis*, Helvetic canton *Uri*, and – more or less strange – Sumerian UR ‘township’, NL *Uruk*.

Starting from this observation I suggested the term *Urbian* (coined on the the Latin *urbs*) referring to that Pre-Indo-European stratum which is responsible of such well attested forms over a large area. I find this term preferable against the vague term *Pre-Indo-European* and/or *Mediterranean*. So *Urbian* is opposed to Gimbutas’s *Kurgan*, as the latter refers to the Indo-European tradition, disregarding the details in which we may see and analyse it: a gradual adaptation of the North Pontic food gatherers to the Neolithic revolution or a violent expansion in recurrent waves as presented by Gimbutas. She speaks of three basic waves: the first is dated around 4,400–4,200 B.C., without a major impact on the indigenous cultures; the other two around 3,400–3,200 and 3,000–2,800 respectively, with major consequences to the later development of the world, from the Atlantic to India. There would have been a fourth, Central-European wave, dated around or soon after 1,500 B.C., responsible for the distructions in Greece and ‘centumisation’ of other parts of Europe.

If so, there are other steps towards a more coherent view of Mesolithic, Neolithic and Chalcolithic Europe with all its implications. One question refers to the possibility/plausibility to consider West European Neolithic and its Megalithic builders as a related/non-related ethno-linguistic group to the Urbian group. It is possible to assume that the Neolithic revolution, which had started in Anatolia, spread to Greece and south-east Europe, continued to Central and Western Europe along the Danube. It is also reasonable to assume that the south-east European builders of a genuine Neolithic civilisation continued their way west, and stimulated the Neolithic revolution there. On the other hand it is indeed impossible now to determine whether Neolithic Europe was linguistically uniform. Such a contemporary idea, based on the recent concepts of the European unification, cannot be applied to those times. We need further research until we find an answer.

Further east, and following N. D. Andreev’s hypothesis, a Proto-Boreal Mesolithic group began to adapt to the new climatic and economic realities. They must be the proto-builders of the Indo-European, Uralic and Altaic groups as known later in historical times. It is indeed interesting that Andreev’s linguistic theory remarkably fits Gimbutas’s archaeologically-based *Kurgan v*. Old European theory, though the two authors never quote each other. They seemingly got to similar conclusions following linguistic and archaeological evidence respectively.

We may attempt a reconstruction of those ethnic and linguistic realities on the basis of both linguistic and archaeological evidence. A consensus is still lacking in this field, so I dare suggest some possible interpretations:

- i. The Neolithic revolution, which started in Anatolia and rapidly spread to south-east Europe and the Middle East, must have implied a certain linguistic and cultural convergence over an impressive area. I labelled this ethno-linguistic group *URBIAN*.
- ii. The Proto-Boreal group, responsible for the later Indo-European, Uralic and Altaic branches, developed in the North Pontic area. It is not clear whether elements/components of this group might have reached the Danubian and/or Central-European regions BEFORE the accepted Indo-European expansion, i.e. the end of the fifth millennium B.C. as the earliest accepted possibility, but – for sure – they were already consolidated at the beginning of the third millennium B.C. all over Europe. Elements/components of this ethno-linguistic group might have inhabited the Danubian region even earlier, but were pushed north and east by the southern Neolithic groups.
- iii. There seems to have been a third, possibly Urbian-related, ethno-linguistic group in Central and Western Europe. They must have been the Mega-builders, i.e. the builders of Megalithic tombs in Western Europe.
- iv. It is not clear to which group we may assign the Etruscans and the Basques. Obviously they are archaic people, but it is not easy to assume that the Etruscans are the direct descendants of either the Urbian or the Mega-builders, or that they are related to the Basques, or vice-versa. Future research is imperious.

### **Central-European Place-Names: Czech Republic and Slovakia**

To my knowledge there is no comprehensive analysis of the archaic (Pre-Indo-European) heritage in Central Europe. For Western Europe, Ch. Rostaing's analysis of the Provençal toponymy remains unsurpassed. The topic is complicated by the still oscillating views regarding the relation/non-relation of these forms with south-east European forms, much better analysed, and even classified to a certain extent. It is not my purpose to review the few studies dedicated to the exciting topic of the archaic heritage in Central Europe, but to bring forth some relevant data, which may eventually stimulate debates and further research. I shall just refer to a comprehensive dictionary of place-names (Kiss 1980). Being a work of synthetic character, it rather reflects the level of etymological analysis in various countries rather than suggesting new ways of analysis. Even a furtive glance shows that the references to the archaic Pre-Indo-European heritage are abundant to areas like Italy, France or Greece, because most studies concentrated on this areas, whereas there are indeed very few place-names mentioned as

such in the areas of Central-East and South-east Europe; and the dictionary insistently, even obsessively, underlines that many archaic place-names in Transylvania are of Hungarian origin, or preserved via a Hungarian intermediary. In most cases, such interpretations are neither sustainable, nor possible.

The following list is limited to the available data, therefore it cannot be comprehensive. Its purpose is to be an incentive to further investigations, and tries to put together data from Central and South-east Europe, especially South Slavic archaic, mainly Thracian and Illyrian, heritage. It continues the lexicon presented at the 8th Congress of Thracology in Sofia-Jambol, September 2000, and is therefore a step forward to a larger lexicon of archaic place-names in Central and South-east Europe.

The abbreviations in the following lexicon are those I have constantly used since 1987, namely:

- ND *nomen dei*: god-name;
- NFl *nomen fluminis*: river-name or name of a flowing water in general;
- NI *nomen insulae*: island-name;
- NL *nomen loci*: place- or locality-name *stricto sensu*;
- NM *nomen montis*: mountain-, hill- or peak-name;
- NP *nomen personae*: personal name;
- NPp *nomen populi*: name of an ethnic group;
- NR *nomen regionis*: name of a region or land;
- NSt *nomen stagni*: lake- or pond-name.

It is not intended to replace Šmilauer's sophisticated classification, nor is it intended to be a polemical alternative. It just seems to me a simple, practical and clear classification system, covering the basic situations.

The references to Pre-Indo-European (abbriged Preie.) place-names follow the minimal lexicon in Paliga 1998, republished, with minor corrections and additions, in Paliga 1999 (*Thracian and Pre-Thracian Studies*). The problems connected to the Pre-Indo-European heritage are too complex and vast to be presented here. It is assumed that the reader is at least familiar with the basic problems presented in Skok 1950 and Rostaing 1950. See a brief reconsideration of the archaic place-names in Croatia in Holzer 1999.

## A tentative lexicon of the Archaic (Pre-Slavic) Place-names in the Czech and Slovak Areas

**Beskydy** Unknown origin. The relationship with Albanian *bjeshkë* ‘mountain pasture’ (as Šafařík suggested), therefore a Thracian place-name, seems to have a major impediment: there is no similar place-name in the neighbouring area (Skok’s basic principle of repeatability), so it is at least doubtful whether we may explain a Czech-Slovak place-name via an Albanian-related form. • The place-name, together with its related forms (Ukrainian *Beščady*, Polish *Bieszczad*) is seemingly Pre-Slavic, without a clear etymon. The proto-form would be *\*Beskēdā*. A solution may be offered by further comparing Czech *Beskydy* to the Romanian form *pisc* ‘a (mountain) peak’, also frequent in place-names in mountainous locations. The root may *\*pesk-*, *\*besk-* ‘a peak’. On the attested alternance *p/b* in Thracian, see Paliga 1987. Šafařík’s comparison seems correct, and may be accepted with the additional data offered by the Romanian toponymy.

**Brno** Unknown origin, sometimes connected to *brnēt* ‘to tingle’; (about wind) ‘to whistle, to whizz’, which is – as often in the case of archaic place-names – a fortuitous similarity (many similar examples are analysed by Skok 1950 and Bezlaj in the case of South Slavic toponymy). • Presumably reflects Preie. *\*B-R-*, *\*P-R-* ‘stone; cliff’; adapted to the Czech spirit in accordance with *zrno* etc. • There are numerous Pre-Indo-European place-names derived from this root; other examples in Paliga 2000.

**Čech** Blažek and Klain (2002) have recently reviewed all the hypothesis regarding this place- and ethnic name, otherwise difficult to explain. I should add that identical or similar place-names are in Transylvania and East Carpathians. NL *Cehu Silvaniei* ‘the Czech of Silvania’ (Romanian *ceh*, *cehu* is pronounced as in Czech proper); NM *Ceahlău* in the East Carpathians, also not satisfactorily explained so far. If the archaic alternance *h/f* is accepted, and it indeed documented in some cases of Romanian words of Thracian origin, than the relation might be to Rom. *ceafă* ‘(back side of the) neck’, Albanian *qafë*, same meaning as in Romanian. The primitive meaning seemingly was ‘neck’, hence ‘hill, elevated location = mountain’. The ultimate origin is uncertain, possibly Pre-Indo-European. If so, it may lead to the conclusion that the modern Czech lands reflected to archaic Neolithic and Chalcolithic influence from the south, at least in some cases. There are numerous place-names of this type in Romania, especially in the mountainous Transylvanian Carpathians, and they have reflection in the current vocabulary, so the principle of repeatability seems assured. • The alternance *f/h* in Romanian witnesses the existence of a former laryngeal in Thracian; its result in Romanian in *zero*, *f* or *h*. • There are therefore

several place-names with the root *čech-*, spread also – beside the Czech area and Romanian – in Ukrainian, Polish, Slovene and northern Greece. This stresses the main idea presented here: *čech-* is not an isolated root, but a well and largely represented root, presumably of Thraco-Illyrian origin, with the basic meaning ‘neck’, hence ‘hill neck, hill in general’.

**Dyje** A river at the Czech-Austrian border; German *Thaya*. Pre-Slavic, perhaps from IE \**dhū-* ‘rapid, quick move, flow’. Possibly related to British NFl *Tyne*.

**Hron** A tributary of the Danube in Slovakia. Pre-Slavic, ultimately of Preie. origin, root \**G-R-*, \**K-R-* ‘a stone, a cliff’, presumably via Thracian, Celtic or Germanic, less probably via Illyrian as formerly held by some linguists. But the idea that the Illyrians came from more northern regions is still considered occasionally. • Earliest attested form is *Gran* (1075, 1124, 1217); closest related form must be Slovenian *Kranj*.

**Chanava** A region in Slovakia between the Slaná and the Rimavská Sobota. Obscure. The Hungarian form in *Hanva*, obscure as well. Kiss 1980: 263 assumes that the Slovak form would be borrowed from Hungarian, but this detail – doubtful or debatable – does not clarify the topic.

**Ida** NFl Slovakia; NL **Velká, Malá Ida**. Must be one of the numerous Pre-Slavic, probably Pre-Indo-European river-names, cf. Greek *Ida*, a location on the island of Crete, Greek spelling *Idē*, Gr. *idē*, Dorian *idā* ‘forest, forested land’. Chantraine, I, 455 considers it a Pre-Hellenic term. • May be akin, also as an archaic Preie. heritage, to NFl *Ada*, a river at the Hungarian-Serbian border (so in Paliga 2000). The reconstructable Preie. root \**AD-*, \**ID-* is identifiable in some other Preie. place-names.

**Ipeľ** (Slovak), Hungarian **Ipoly**, German **Eipel** A river at the Slovak-Hungarian border. Attested in the early Middle Ages as *Ipul*. Kiss (1980: 291) considers the form related to Bulgarian *Ibăr*, Serbian *Ibar*; we may also add Romanian *Ibru*; the assumed IE root would be \**eybhros*. • The form is undoubtedly Pre-Slavic and Pre-Hungarian, but the best connection may be Rom. NL *Ip*, definite article *Ipu*, *Ipul*, as the earliest Medieval form show for the river as well. The ultimate origin may be Pre-Indo-European.

**Krkonoše** A major mountainous chain at the Czech-Polish border. Named in German *Riesengebirge* and *Oriás-hegység* lit. ‘huge mountains’ in Hungarian. The approach to Czech *krk* must be a folk-etymology. The genuine relationship should be the numerous forms, all of Pre-Slavic, presumably Pre-Indo-European origin in South Slavic: Slovenian NFl *Krka* (< *Corcoras*, *Korkoras*), then *Kranj*, *Koroška*, Serbo-Croatian *Krajna* etc. Cf. ancient *Carsium*, today *Hîrșova*, in Romania, on the low Danube. The change *c(k) > h* has not been satisfactorily explained; it may be due to a laryngeal in Thracian, impossible to note in Greek or Latin. • The form



seems closely related to NL *Krknjaš* (*Veli i Mali*) in the island of Čiovo, Central Dalmatian Group of the Adriatic Islands; Skok 1950: 160 ff. assumes that the origin may be Lat. *circinus* 'round, circular' + suffix *-aceus*. Just like *Krkonoše*, the etymological family seems the large group derived from Preie. \**K-R-*; I assume Skok would agree with this hypothesis, as he himself postulates it for many other examples. Other discussions in Paliga 2000.

**Labe**, German **Elbe** Beyond any doubt, an old river-name, currently explained from IE \**albho-s* 'white'. In Medieval Latin, *Polabi* got the meaning 'the Slavs along the Elba'. Polish *Leba* seems also related, also NL *Labin*, south of Istria, Croatia, ancient *Albona*. • A Pre-Indo-European origin is also possible, root \**AL-b-* or \**L-B-/L-P-* 'stone, cliff', also in river-names flowing in/originating from mountainous regions. • Other examples in Paliga 2000.

**Laborec** A major river of Slovakia. Sometimes assumed as Pre-Slavic, maybe form Celtic \**labaros* 'turbulent, furious' as Kiss 1980: 369 assumes. The form seem closely related to South Slavic NL *Labin*, south of Istria in Croatia < Ancient Illyrian *Albona* and/or to Slovenian *Labuta*, *Labota*, *Labotnica*, a tributary of Drava. Here the similarity to *labod*, *lavud* 'a swan' is due to folk etymology. • May be also related to Polish NL, NFl *Leba*, German *Leba*.

**Mátra** A mountainous chain in northern Hungary between the Zagyva and Tarna rivers. A difficult form. On the one hand, the closest approach would be to Romanian NFl *Motru*, perhaps incorrectly derived from Latin *mater* 'mother', though such an origin may not be excluded. On the other hand, both north Hungarian and Romanian forms might be akin to Romanian *mutră* 'a figure, face' (pejorative meaning, against *față* 'face', from Latin), archaic heritage, perhaps related to Basque *mutur* 'muzzle'. Finally, Rom. *mutră* – Basque *mutur*, seemingly closely related [sic!] may be analysed independently from the pair *Mátra-Motru*, although the similarity is striking indeed. • The origin must be archaic, but further analysis should clarify if the origin of many similar forms in European toponymy is the same in all cases, or we must accept multiple origins for similar or identical forms.

**Morava** A major river, the traditional border between Moravia and Slovakia. Must be closely related to Serbian NFl *Morava*, ancient *Margus*, *Margos*; another *Morava* is in the Vardar basin, also a mountain-name in Macedonia etc. Usually they are held for Pre-Slavic, IE \**mor-* 'a moor, a marsh, wet land'.

**Nitra** NL, NFl Slovakia. Sometimes considered of Germanic origin, \**Nitrahwa* < IE \**neid-*, \**nid-* 'to flow'. • The Germanic intermediary is

not necessary, though of course possible. Hungarian *Nyitra* is adapted after Slovak.

**Ohře** A tributary of Labe/Elba. German *Eger*. Usually considered of Celtic origin, perhaps related to Old Indian *ajirah* ‘rapid, quick’.  
• As often with European place-names, the ultimate origin may be Preie., root \*AG-/\*AK-, \*OK/\*OG- ‘a prominent place, a peak, a hill’, also in river-names. The archaic parallels in Romanian seem to be *Agăș*, *Agnita*, *Agaua*, *Agris* (Paliga 2000). There are also parallels in Provence, once analysed by Rostaing 1950.

**Olomouc** Unexplained so far. Must be related to the forms derived from Preie. \*OL-, \*OR-, also \*UL-, \*UR-, closely related to \*OR-, \*UR- ‘big, huge; giant’, cf. Greek *Olynthos* etc. • Another possibility would be to compare *Olomouc* with NFL, NL *Lom* < Thracian *Almus*, *Almos* < IE \*olmo-s ‘an elm’ (the tree *Ulmus*) ; cf. Romanian *Olt*, ancient *Alutus*, with a change *a* > *o* maybe due to Slavic influence, but this is not certain as the ancient spelling is approximated. The place-names in *al-*, *ol-*, *ul-/or-*, *ur-* are frequently of Preie. origin. *Olomouc* (old *Olomúc*) may be another example.

**Opava** River and town in northern Moravia. The town is attested in 1195 as *Oppauia*, 1201 *Oppaua*; the earliest attested form for the river is *Vpa* in 1031 and *Opa* in 1062. Closely related to *Opave* (Serbia, Deževó region), *Opila* (Macedonia, Kratovo region), *Opajska reka* (\**Opaja*), the Vardar basin, a tributary of Pčinja. A Thracian form \**Apaja* or \**Opaja* is reconstructed for the south Slavic forms, ultimately from IE \**ap-* ‘water’. For the Moravian form, we must assume a Celtic or (north) Thracian origin.

**Orava** A tributary of Váh. Pre-Slavic, usually considered derived from IE \**er-*, \**or-* ‘to spring, to come out’. The form may be rather included in those derived from Preie. \*OR-, \*UR- ‘big, huge; a prominence, a hill/a river’. The form **Oravská Magura** has the second element derived from Romanian *măgură* ‘an isolated hill cut by waters’; archaic indigenous (Thracian) term probably of Preie. origin, root \*M-G-, \*M-K- ‘a prominence’; also related to *mugur(e)* ‘a blossom’.

**Plzeň** Unknown origin; attempts quoted in Lutterer, Kropáček and Huňáček. The origin must be archaic, Pre-Slavic, ultimately of Pre-Indo-European origin, root \*P-L-, \*P-R- as in *Praha*. The Pre-Czech form must have been \**Pal-s-*, \**Pul-s-* as in NL *Pula*, formerly *Pulj*, Italian *Pola*, of Illyrian origin.

**Praha** The approach to *práh* must a folk-etymology, just like the approach to *pražiti*. This essential place-name is seemingly related to the numerous Pre-Indo-European place-names derived from the root \*P-R-, \*B-R- ‘a stone, a cliff, a mountain’, and is ultimately related (Urverwandt)

to *Brno*. The Pre-Slavic form must have been *\*Paraga*, cf. NM *Parnassos*, NM *Parîng* (Romania, Southern Carpathians) etc. There are extremely numerous place-names probably or possibly derived from this Pre-Indo-European root, among these possibly Hungarian *Pereg*, *Pereked* and Romanian NM *Pereg*, *Parîng*. • Slavic *pragŕ* ‘a threshold’ may be ultimately of Pre-Indo-European origin, same root quoted above; in this case the similarity *Praha-pragŕ* is not fortuitous, though probably a result of hasard, not a post-Classical derivation *pragŕ* > *Praha*, via *\*Paraga* > *\*Paraγa* > *\*Praγa*. • The form may be eventually explained as an Indo-European origin, related to Old Irish *airne* ‘stone’ and Anatolian *pēr-*, *\*parr<sup>o</sup>* ‘house’ as in Blažek, *Celtic-Anatolian Isoglosses*.

**Rimava** A river in Slovakia. Akin to Hung. NFl *Rima*, a tributary of Sajó. Must be related to NFl *Rama*, a tributary of Neretva in Bosnia. The ultimate origin may be IE *\*rem-* ‘to stay’ or rather, as I am inclined to consider, Preie. *\*R-M-*, *\*R-B-* ‘to curve, to bend’, i.e. ‘meandering water flow’. The alternance *b/m* is attested in some archaic forms, so *Rima/Rimava/Rama* would be related to *Raba*; further discussions and examples in Paliga 2000. • Hence also *Rimavská Sobota*.

**Tatry** Unexplained so far. Must be derived from Preie. *\*T-T-* ‘bright, to shine’ (from the high peaks), cf. Greek *Titanos* ‘the bright one’, hence ‘the powerful one, the Titan’. A Thracian origin is suggested by Kiss 1980: 394, with further references, also noting the Mediaeval form *Turtur: per montes turtur*. This would suggest an approach to Romanian *țurtur* ‘an icicle’ (Rom. *ț = ts*), an archaic word of presumably Pre-Indo-European origin (other examples in Paliga 1999 and our paper for the 8th Congress of Thracology, Sofia-Jambol 2000). Nevertheless the modern form cannot be explained from an older form *\*turtur*, which seems a parallel form to *Tatry* or we may admit complex phonetic changes without a clear, analysable parallel.

**Torysa** NFl Slovakia; Hungarian **Tarca**. Must represent the large group of place- and river-names derived from Preie. *\*T-R-*, also *\*T-L-* ‘stone, cliff; hill; a river flowing through/originating in a mountainous region’. There are numerous parallel examples, e.g. *Tarus* > Italian *Taro*, a tributary of Padus/Po. • Also related must be Hung. *Tarac* = Ukrainian *Teresva* and Hung. *Tarcal*. • At a larger scale, cf. Rom. NL, NFl *Tarcea* [pron. /tarča/], *Tarcău* (probably erroneously explained from Hung. *tarkó*; also Rom. NL *Turda* (cf. ancient Thracian *Turodiza*), NL *Turdaș* (hence the eponymous Neolithic culture, the Transylvanian parallel of Vinča) etc.

**Turiec** A river in Slovakia. Traditionally considered derived from *\*Tur̥cs̥* in its turn from *tur̥*. There are numerous place- and river-names derived from an archaic, Preie. root *\*T-R-*, *\*T-L-*, like NFl *Tur* in Hungary,

the numerous river-names in Romania e.g. NFl *Tura*, *Turia*, *Tur* and the town of *Turda* on the Tur, *Turulung* ('long Tur'), NL *Turdaş* etc. An ancient attestation is only for *Turda*: ancient *Touródiza*, *Tourous*, then *Thorda* in 1197. • Beyond any doubt, in Slavic areas these archaic forms interfered with those derived from *tur̥z*, and is sometimes impossible to determine the accurate origin. On the other hand, we must assume an archaic origin if the form has clear archaic parallels in the area. More in Paliga 2000.

**Vlára**, hence **Vlársky priesmyk** NFl, NM Slovakia. Unexplained. Must be archaic Pre-Slavic, ultimately of Preie. origin, root *\*OL-*, *\*UL-*, *\*UL-ar-a*, *\*OL-ar-a* > *Vlara*. Cf. *Vrbas* < *Urbanus*, *Urpanus*, which interferes with Sl. *vrba*. Further discussions in Paliga 2000.

**Vltava** An important river flowing in the Czech Republic; Prague is on the Vltava. Pre-Slavic, sometimes considered from Germanic *\*Wilpahwō* 'wild, savage water' (thus at least in Kiss 1980: 430). Nevertheless the Germanic origin is improbable; we may accept, at the most, a Germanic intermediary from an older, Pre-Indo-European form derived from *\*UL-*, also *\*AL-*, *\*OL-* 'big, huge, high', development *\*UL-t-a* > Old Czech *\*Vlta-* and ending adapted after the largely spread river-names in *-ava*, *-ova*, e.g. *Morava*, *Opava* etc. The evolution *\*ol-t-* > *\*vl-t-* as in South Slavic *Vrbas* < *Urbanus*, *Urpanus*, *Vir* < *Ura* etc. (many other examples in Paliga 2000).  
• If our interpretation is correct, both *Praha* and *Vltava* are of archaic, Pre-Indo-European origin, via Celtic or Germanic.

## Discussion

The analysis of the archaic, Pre-Slavic place-names in the Central European, Czech and Slovak, area cannot be different from the basic approach of Petar Skok regarding the Pre-Slavic place-names in the Croatian/Adriatic area. There is just an additional problem: the Pre-Slavic place-names in the South Slavic area may be easier to analyse given the more frequent documents, which record the evolution of a given place-name from the antiquity through the Middle Ages to the modern and contemporary times; in change as we move north, such an analysis is more and more difficult, consequently it is often difficult or impossible to determine the ultimate origin of a given word.

It is therefore easy to determine that apparently typically Slavic forms like *Vrbas* (cf. *vrba*) or *Ljubljana*, *Ljubljani* (cf. *ljubiti*) are in fact Pre-Slavic, and just adapted to the Slavic linguistic peculiarities because we may follow the attested forms from the antiquity. It is more difficult or impossible to follow the century-long evolution in the case of probably archaic terms like *Praha*, *Vltava* or *Brno*, even though they probably are archaic, Pre-Slavic forms.

Otherwise, there are largely spread forms, reflecting what we may label *archaic Pre-Indo-European typology* or *archaic Indo-European typology*, disregarding the modern linguistic configuration of the area. Such forms are persistent over millennia, in Greece, Thrace, Illyria, the Carpathian basin, Pannonia or western Europe.

It is easier to assume the archaic, Preie. or IE, origin of some forms if we consider the basic *principle of repeatability* so convincingly presented by Skok: *Čech(y), Dyje, Hron, Ida, Ipel', Mátra, Morava, Opava, Orava, Tatry, Vlára* clearly have parallels in the neighbouring area; it is more difficult with other forms without an immediate and obvious parallel, but which may be considered archaic too, on the basis of careful comparative analysis: *Brno, Krkonoše, Olomouc, Plzeň, Praha, Turiec*. It is not probably hazard that this latter category includes archaic, Pre-Indo-European forms.

Future research may confirm or reject our solutions presented here. A more convincing analysis should put together as many examples as possible. The author has completed so far a quite large *corpus* of forms in South Slavic, Romania and Central-Europe, mainly Czech and Slovak. A larger *corpus*, to include Albanian, Hungarian, Polish and Ukrainian forms would be more convincing. This is a task of the future. The future should also clarify the extent of north Thracian (Dacian) influence in the Czech area, as the present day research has clarified this influence for the Slovak area only. Forms like *Beskydy* or *Čechy* would indicate that, at least occasionally, the north Thracian influence in the Czech area may be identifiable or that a satem group, more or less related to Thracian, is responsible for some archaic, Pre-Slavic place-names not only in Slovakia, but also in the Czech area too.

## REFERENCES

- Alessio, Giovanni 1935–1936. Le base preindo-europee *KAR(R)A/GAR(R)A* ‘pietra’, *Studi Etruschi* IX: 133–152 and X: 165–189.
- Alessio, G. 1955. Le lingue indoeuropee nell’ambiente mediterraneo, Bari: Adriatica, 1955.
- Battisti, Carlo 1927. Per lo studio dell’elemento etrusco nella toponomastica italiana, *Studi Etruschi* 1: 327–349.
- Battisti, C. 1934. L’etrusco e le altre lingue preindoeuropee d’Italia, *Studi Etruschi* 8: 179–196.

- Battisti, C. 1941. Alfredo Trombetti ed il problema dell'origine mediterranea della lingua etrusca, *Studi Etruschi* 15: 165–170.
- Battisti, C. 1956. I Balcani e l'Italia nella preistoria, *Studi Etruschi* 24: 271–299.
- Bertoldi, Vittorio 1931. Essai de la méthodologie dans le domaine préhistorique de la toponymie et du vocabulaire, *Bulletin de la Société Linguistique de Paris*, 32: 93–184.
- Bertoldi, V. 1933. Preellenico βᾶτος, μαντία ‘cespuglio, rovo’ e preromanzo *matta*, *mantia* ‘cespuglio, rovo’. *Glotta* 22: 258–267.
- Bezljaj, France 1956–1961. Slovenska vodna imena, 2 vols. Ljubljana: Slovenska Akademija znanosti in umetnosti.
- Bezljaj, F. 1961. Die voroslavischen Schichten im slovenischen Namen- und Wortschatz, VI. *Internationaler Kongress für Namenforschung*, München 24.–28. August 1958, hgg. von Karl Puchner, vol. 2: 148–153.
- Bezljaj, F. 1969. Das vorlawische Substrat im Slowenischen, *Alpes Orientales* 5. *Acta Quinti Conventus de Ethnographia Alpium Orientalium Tractantis Graecii Slovenorum* 29. III – 1.IV. 1967. Redegit Niko Kuret. Ljubljana.
- Bláhová, Marie 1986. *Evropská sídliště v latinských pramenech období raného feudalismu*, Praha, Univerzita Karlova.
- Blažek, Václav [2002?]. Celtic-Anatolian Isoglosses, *Zeitschrift für celtische Philologie*, Band 52: 125–128.
- Blažek, Václav, Klain, Václav [2002]. Etnonym *Čech* v kontextu slovanských a indoevropských etnonym, [In print when this paper is being prepared; an electronic copy was available to me].
- Dauzat, Albert 1947. *Les noms de lieux*, 2<sup>nd</sup> ed. Paris: Delagrave.
- Dauzat, A. 1960. *La toponymie française*, Paris, Payot.
- Dimitrov, Petăr 1994. *Paleobalkanskijat vokalizăm*. Sofia: Universitetsko izdatelstvo “Sv. Kliment Ohridski”.
- Holzer, Georg 1999. Zur Auswertung von Toponymen antiken Ursprungs für die kroatische Lautgeschichte, *Folia onomastica Croatica* 8: 81–96.
- Kiss, Lajos 1980. *A földrajzi nevek etimológiai szótára*, Budapest, Akadémiai Kiadó.
- Lutterer, Iv., Kropáček, L., Huňáček, V. 1976. *Původ zeměpisných jmen*, Praha, Mladá fronta.
- Matzenauer, A. 1870. *Cizí slova ve slovanských řečech*, Brno.
- Muşu, Gheorghe 1981. *Lumini din depărtări, Civilizații prehellice și microasiatice*, București, Editura științifică și Enciclopedică.
- Muşu, Gr. 1995. *Voci din depărtări*, București, Editura științifică.

- Oppermann, Manfred 1984. *Thraker zwischen Karpatenbogen und Ägäis*, Leipzig-Jena-Berlin: Urania.
- Paliga, Sorin 1987. Thracian terms for 'township' and 'fortress', and related place-names, *World Archaeology* 19, 1: 23–29.
- Paliga, S. 1989. Old European, Pre-Indo-European, Proto-Indo-European. Archaeological Evidence and Linguistic Investigation, *The Journal of Indo-European Studies* 17, 3–4: 309–334..
- Paliga, S. 1992. Ali obstajo 'urbske' prvine v slovanskih jezikih? (in Slovene with an English abstract : Are there 'Urbian' elements in Slavic?), *Slavistična revija* 40, 3: 309–313.
- Paliga, S. 1993. Slovani, Romunci in Albanci v 1. tisočletju, *Slavistična revija* 41, 2: 237–243.
- Paliga, S. 1997. *Influente romane și preromane în limbile slave de sud*, Doctoral thesis. București, Lucretius Publishers.
- Paliga, S. 1998. A Pre-Indo-European Lexicon, *The Thracian World at the Crossroads of Civilizations* ed. by Petre Roman, Saviana Diamandi and Marius Alexianu, București, Romanian Institute of Thracology.
- Paliga, S. 1999. *Thracian and Pre-Thracian Studies*, București, Lucretius Publishers.
- Paliga, S. 2000. Pre-Slavic and Pre-Romance Place-Names in Southeast Europe (South Slavic and Romania), Paper for the *Eighth International Congress of Thracology, Thrace and the Aegean*, Sofia-Jambol, 25–29 September 2000.
- Paliga, S. 2001. Ten Theses on Thracian Etymology, *Thraco-Dacica* 22, 1-2: 33–45.
- Pauliny, Ján 1999. *Arabské správy o Slovanoch*, Bratislava, Veda.
- Ribezzo, Francesco 1927. Le origini etrusche nella toponomastica: fatti, fonti e metodi, *Studi Etruschi* 1: 313–326.
- Ribezzo, F. 1950. Di quattro nuove voci mediterranee già credute celtiche: *ébhura* 'tasso', *leme* 'olmo', *támara* 'uva di sepe', *sámara* 'fosso d'acqua', *Revue internationale d'onomastique* 2, 1: 13–25.
- Rostaing, Charles 1950. *Essai sur la toponymie de la Provence*, Paris, éd. d'Artrey.
- Rostaing, Ch. 1969. *Les noms de lieux*, 7<sup>th</sup> ed. Paris.
- Skok, Petar 1917. Studije iz ilirske toponomastike, *Glasnika zemeljskog muzeja u Bosni i Hercegovini*, (Sarajevo), 29: 117–144.
- Skok, P. 1917. *Prilozi k ispitivanju srpsko-hrvatskih imena mjesta*, Primljeno u sjednici razreda historičko-filologičkoga od 16. junija.

Skok, P. 1920. *Slavenstvo i romanstvo na jadranskim otocima. Toponomastička ispitivanja*, Zagreb, Jadranski institut Jugoslavenske akademije znanosti i umetnosti.

Šmilauer, Vladimír 1970. *Handbuch der slavischen Toponomastik*, Praga, Academia.

*Universitatea din București, Facultatea de Limbi și Literaturi Străine*  
*Str. Pitar Moș 7-13, 70151 București, România*  
paliga@zappmobile.ro  
sorin\_paliga@mac.com



# Hängen altpreußisch *singslo* und litauisch *dýžin* mit lat. *fingō* zusammen?

Wojciech Smoczyński

In diesem Beitrag wird versucht, für das heikle apr. Hapax *singslo* aus dem Elbinger Vokabular (EV 337 s.v. *Teyg*), eine Verknüpfung mit der Sippe von lat. *fingō* ‘streiche über etwas hin; knete, bilde, forme, gestalte’ zu etablieren.

Aufgrund des apr. Belegs *swāigstan*, lies [sváikstən] (*sen ainesmu swāigstan* Enchir. 35<sub>13</sub> ‘mit Schein’), der ein mit <g> geschriebenen *k*-Einschub enthält (vgl. lit. *švaistýti* ‘be-, erleuchten, bescheinen’), darf man vermuten, daß auch *singslo* einen solchen eingeschobenen Velar in sich birgt. Durch diese Annahme gewinnt man eine Lautform [zinkslo]. Sie ginge über *\*zinsla* < *\*zins-slā*- < *\*zint-slā*- auf urbalt. *\*žind-* + *-slā*<sup>1</sup> zurück und stellte dann in morphologischer Hinsicht eine urspr. Abstraktableitung von einem infigierten Präsensstamm *\*ži-n-da-* zur balt.-slav. Wz. *\*žid-/žeid-* ‘(Ton) kneten u. damit bestreichen oder mauern; Teig kneten’ dar. Der Bedeutungsansatz: ‘das Kneten’, dann konkret ‘knetbare Masse’ > ‘knetbare Masse zum Backen von Brot, Teig’, wozu sich got. *daigs* ‘Teig’ :: *digan* ‘kneten’ vergleicht. Mit dem hochstufigen Grundverb lassen sich drei historischen Fortsetzungen vergleichen:

— lit. *žiedžiù*, *-iaù*, *žičėsti* ‘aus Ton formen; Töpfe aus Lehm bilden’<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Zur Stammbildung vgl. einerseits das als *\*savinsl-* < *\*san-yinz-sl-* interpretierbare apr. *saninsle* EV 485 ‘Gürtel’, andererseits lit. *\*žįsla* (Denom. *žįsłoti* ‘lange (an) etwas kauen, lutschen’) von *žindu*, *žįsti* ‘an der Mutterbrust, am Euter saugen’, *džiūslà* ‘vertrocknete, hutzelige, hagere Person’ von *džiūvù*, *džiūvau*, *džiūti* ‘trocken, dürr werden’, *mėšlas* ‘Dung, Dünger’ < *\*mėž-slas* von *mėžiù*, *mėžti* ‘(aus)misten’.

<sup>2</sup> Dazu mit *o*-Stufe *žaid-*: *žaidas* m. ‘Ofen’ (alit. *žaidis*), eigl. ‘Tonofen’ (im Unterschied zu *krósnis* ‘Steinofen’). Daran schließt sich *žaištis*, *-čio* m. ma. ‘Stelle im Vorherd, an der die glühenden Kohle zusammengeschart werden’ an, das in der Eigenschaft als Postverbale zu einem *stī*-Intensivum *\*žaištýti* < *\*žais-styti* < *\*žaid-styti* ‘aus Ton formen, mit Lehm verstreichen’ Zeugnis ablegt (vgl. unten lett. ma. *zaistēt* als Variante zu *zaidīt*). Seine Bildung ist mit der von alit. *skaistas*, lit. *skaistūs* ‘glänzend, hell, hehr, hübsch, klar, fröhlich, sauber, durchsichtig’ usw.  $\Leftarrow$  *skaist-ýti* ‘glänzen, strahlen’ < *\*skais-styti* < *\*skaid-styti* (daneben *skaidrūs* ‘klar, durchsichtig, hell’, *skindù*, *skisti* ‘sich absondern, sich trennen’ usw.) oder *maistas* m. ‘Nahrung, Lebensmittel’  $\Leftarrow$  *\*mais-týti* < *\*mais-styti* < *\*mait-styti* (zu *mintù*, *misti* ‘sich (er)nähren, von etwas leben’) vergleichbar. – Darüberhinaus ist in diesem Kontext noch auf lit. *žaiždras* ma. ‘Esse in der Schmiede, (Feuer)herd, Feuerstelle’ kurz einzugehen. Es ist wegen eines unerweisbaren *dr*-Suffixes nicht angängig, es mit Būga RR I 292 aus *\*žaid-dra-* herzuleiten. Bedenkt man nun erstens, daß im Lit. von einer *so*-Ableitung des Typs lett. *gàiss* m. ‘Luft’ < *\*gaid-sa-*

— lett. *ziezu*, *ziežu*, *ziest* ‘schmieren; etwas Dickflüssiges aufstreichen; mit etwas Fettem glätten (z.B. das Haar); einen Ofen mit Lehm verschmieren’ (ME IV 744), *saziest* ‘einschmieren, einsalben, beschmieren, besudeln’ (ME III 797)<sup>3</sup>

— aksl. *ziždq* ‘ktídzō, oikodoméo’, aruss. *zižu* ‘baue’, russ. *sozízdu* (⇒ *sozdajú*) ‘errichte, erbaue’, alles aus balt.-slav. *\*žeid-je-*.

Für die hier einschlägige Wz.-Stufe *\*žid-* liegt die folgende Evidenz vor:

— Slavisch verbal: aksl. *zīdati* ‘bauen, schaffen’, mit *zīdanije* n. ‘Gebäude, Haus; Schöpfung’, *zīdŭ* m. ‘Mauer, Dach’<sup>4</sup> (skr. *zād*, *zāda* m. ‘Mauer’, čech. *zed’*, *zdi* f. dss.), ksl. *zīdění* f. ‘Lehm’, poln. *zdun* m. ‘Töpfer’ usw. als postvb. Nomina

— Baltisch nur nominal: lit. *židinys* m. ‘(Feuer)herd, Feuerstelle, offener Kamin’, *židinė* f. ‘Aschenloch (im Ofen)’, *priežidà* (daraus *prieždà*) f. ‘der Vorherd vor der Mündung des russischen Ofens; Ofenbank’.

Zieht man nun in Betracht, daß die spezifisch balt.-slav. Wurzelform *\*žid-/\*žeid-* aus einer ‘Metathese’ – besser gesagt: einem Konsonantenum sprung – in urspr. *\*diž-/\*deḷž-* < uridg. *\*d<sup>h</sup>ig<sup>h</sup>-/\*d<sup>h</sup>eḷg<sup>h</sup>-* ‘bestreichen, kneten’ resultiert, so ist auch der zugehörige nasalinfigierende Präsensstamm *\*žinda-* aus *\*dinža-* < *\*d<sup>h</sup>ing<sup>h</sup>-e-* herzuleiten und mit den idg. Reflexen lat. *fungō*, arm. *dizanem* und air. *con:u-tainc*, *dingid* in Verbindung zu bringen (zu diesen s. LIV 122). In den balt.-slav. Sprachen gibt es zumindest vier Formen, die von der obigem Konsonantenum sprung *d...ž* > *ž...d* nicht betroffen sind.

Im Slav. ist es *\*děža* f. ‘Backtrog’ (russ. *dežá*, ukr. *dižá*, ačech. *dieže*, poln. *dzieża*) < *\*daiž-ia*, dessen *o*-Stufe an got. *daigs* ‘Teig’ erinnert (s.o.).

Im Balt. sind es:

— lett. *dīžāt* oder *dīžuôt* ‘mit den Füßen stampfen, tänzeln, trippeln; unruhig, ungeduldig sein’, intr. u.a. ‘sich schwer bewegen, schwanken’ (ME I 487)

---

(vgl. lit. *giēdras* oder *gaidrūs* ‘hell, heiter (vom Wetter)’, lett. *dziēdrs* ‘azurblau’ :: gr. *phaīdrós* ‘klar, heiter’ usw.) ein Sb. *gaiš-ras* m. ‘Lichtschein, Röte am Himmel’ deriviert wurde, zweitens, daß es nachträglich in den ost- u. südlit. Mundarten einer Umgestaltung zunächst durch *t*-Einschub, *gaištras*, dann noch durch eine durch *i* bedingte Sonorisation in *gaiždras* unterlag, so wird die beschriebene Lautentwicklung als Argument zugunsten der Herleitung von *žaiždras* aus *\*žaištras* hinreichend sein. Es bleibt nur noch zu bemerken, daß *\*žaištras* im Unterschied zu denominalem *gaiždras* (← *\*gaiš-ra-*) eine deverbale, auf dem Intens. *\*žaišt-yti* (dies durch Metanalyse aus *\*žais-styti*) beruhende Bildung darstellt und somit als *\*žaišt-ra-* anzusetzen ist.

<sup>3</sup> Hierher noch *zaidīt*, *zaidēt*, *zaistēt* (ME IV 680f.) als ablautendes Intensivum zu *ziest* < *\*žaid-ī-*. Das Fehlen einer *\*žid-* Stufe innerhalb der lit.-lett. Konjugation (s.u. aksl. *zīdati*) widerspricht, das Iter. *\*žaid-ī-* auf eine solche Stufe zu beziehen; *\*žaid-* muß also auf einer Vollstufe *\*žeid-je-* beruhen. Zu den lit. Reflexen von *\*žaid-* (s.o.).

<sup>4</sup> S. Sadnik-Aizetmüller 1955, 166, 337.

— lit. *dýžiū*, *dýžti* ‘abhäuten; auspeitschen, prügeln, stäupen’<sup>5</sup>, intr. ‘eilen’ (LKŽ II 598, Fraenkel 98<sup>6</sup>)

— lett. *diezēt* ‘(eine Ware) anbieten, aufschwätzen’, für das ME I 487 unter Vergleich mit slav. *děža* eine *o*-Stufe suggeriert: *\*daiž-ē*<sup>7</sup>.

Während das lett. *dīžāt* den Eindruck eines üblichen Intensivums mit gedehnter Schwundstufe *\*diž-* macht, gibt der wurzelhafte Langvokal vom lit. Vb. *dýžti* zu denken, denn in Hinblick auf sowohl die primäre Beschaffenheit dieses Verbs als auch den auffälligen Stoßton ist hierbei eine morphologische Dehnung aus *\*diž-* schwerlich akzeptabel. Einen gangbaren Ausweg bietet hier die Beobachtung, daß *dýžti* zu der Gruppe derjenigen Verben zu gehören scheint, die ihr langes *i* vor einem Spiranten (*S*) einer am Anfang des 18. Jh. erfolgten Denasalisierung  $iS < *iS < inS$  verdanken<sup>8</sup> (mit einer darauffolgenden Neuschreibung ⟨yž⟩ für ⟨iž⟩). Als geeignetes Beispiel bietet sich hier das von Būga RR II 653f. als auf *\*vinžti* (Wz. *\*uŋġ<sup>h</sup>-*) zurückführbar erkannte *výžti* (Präs. *výžu/výžtu*, Prt. *výžau*) ‘flechten, Bastschuhe flechten’ an<sup>9</sup>. Diese Rückführung läßt sich übrigens auch innerlitauisch stützen, u.zw. mit dem Hinweis auf Präs. *výžtu* intr. ‘Bastschuhe, -sohlen flechten, Bastschuhe tragen’, tr. ‘flechten’, s. WLS V 359, LKŽ XIX 872. Dies geht auf *\*vinž-stu* zurück, d.i. eine Bildung, die mit den durch *sta*-Suffigierung geneuerten nasalinfigierenden Präsentien (vgl. *grīžtū* ‘kehre um, kehre heim’  $< *grinž-stū \Leftarrow *grinžū$ , Wz. *\*grīž-*, vgl. *graižyti* ‘winden, ringen’, lett. *grēizs* ‘schief’) in Parallele steht.

Um nun auch den Stoßton von *výžtu* zu motivieren, sei auf die urspr. infigierten Präsentien *atskýstu* (*skýdau*, *skýsti*) ‘sich trennen, sich lösen, auseinandergehen’ = lett. *šķīstu* ( $< *skind-stu \Leftarrow skindū$ , Wz. *skid-*) und

---

<sup>5</sup> Daß diese Bedeutungen mit ‘schmieren, aufstreichen’ von lett. *ziest* (s.o.) zwanglos vereinbar sind, erhellt aus dem Vergleich von aksl. *tepo*, *teti* ‘schlagen, peitschen’ mit lit. *tepù*, *tèpti* ‘bestreichen, schmieren, salben’, *móliu tèpti* ‘(Löcher, Risse) mit Lehm verstreichen’. Übrigens ist auch litauisch die Bed.-Entwicklung ‘bestreichen’ > ‘schlagen’ greifbar, vgl. *tèpti ė žándą* ‘einen Backenstreich versetzen’, *tèptelėti* ‘einen leichten tätschelnden Schlag versetzen’ (WLS IV 641f.). Weitere Parallelen dieser Art bei Fraenkel 98.

<sup>6</sup> Mit einer Sekundärvariante *diežti* gleicher Bedeutung. Man beachte, daß ein von Vasmer I 336 s.v. *dežá* als litauisch zitiertes Verb *dīžu*, *dīžti* (mit kurzem *i*) tatsächlich ein *ghost word* ist.

<sup>7</sup> Wenn ich nicht irre, wurde keine der genannten Formen im Trautmannschen Balt.-Slav. Wörterbuch (1923) berücksichtigt, s. S. 367.

<sup>8</sup> S. Buch-Topolińska 1998, 22ff., Buch 1998, 28ff.

<sup>9</sup> Akzeptiert von Fraenkel 1270 s.v. *vyžà* und Mažiulis 1997, 61 s.v. *saninsle*. Verwandtes: aksl. *vezati* ‘binden’, poln. *wiązać*, russ. *vjazátb* dss., wruss. *vjázy* m.pl. ‘Nacken’, čech. *vaz* dss., apr. *winsus* EV 102 ‘Hals’ (s.d.), dazu mit *k*-Einschub noch lit. *vinšna* = lett. *vīksna* f. ‘Rüsterbaum, Ulme’ (aus *\*vinšna < \*uŋž-snā-*) :: urslav. *\*vezū* dss., poln. *wiąz*, russ. *vjaz*, skr. *vêz*.

*atrjžta* (*rjžo, rjžti*) '(vom Mond) eben beginnen abzunehmen (< \**rinž-stu* ← \**rinžù*, Wz. \**riž-*, aksl. *rižoti*) hingewiesen, deren Akut sich statt eines häufiger in diesem Typus anzutreffenden Zirkumflexes<sup>10</sup> durch die morphologische Tendenz erklärt, ein sekundäres *sta*-Derivat gegenüber der Ableitungsbasis durch eine merkmahlhafte Intonation zusätzlich zu charakterisieren<sup>11</sup>. Wenn dem so ist, dann ist der Weg für die Annahme geebnet, daß auch *y(ž) = \*i(ž)* von *djžti* auf \**in(ž)* zurückgeht, nur daß es ursprünglich nicht der Infinitivbildung, sondern dem Präs. \**djžtu* zuzuordnen ist. Wie *skjstu, skjđau, skjsti* auf einem ursprünglichen Paradigma \**ski-n-dù, \*skidaũ, \*skisti* aufbaut, so setzt auch \**djžtu* ein urspr. \**di-n-žù* (\**dižau, \*dižti*) voraus. Das in Rede stehende *sta*-Intransitivum hat die Grundlage für die Transitivableitung auf *-ia-* abgegeben (daher *djžiu*), ist aber später selbst verloren gegangen. Auf diesem Weg kommt man mithin zu dem Schluß, daß das lit. *dyž-* als indirekter Zeuge einer nasalinfigierenden Bildung vom Typ lat. *fiŋō* angesehen werden kann<sup>12</sup>.

## LITERATUR

- Buch, Tamara 1998. *Opuscula Lithuanica* (hg. von W. Smoczyński), Warszawa: Uniwersytet Warszawski. (Baltica Varsoviensia, 1.)
- Buch, Tamara & Topolińska, Zuzanna 1998. *O rozwoju połączeń z tautosylabiczną spółgłoską nosową w języku litewskim*, in: Buch 1998, 15–26.
- Būga RR = Būga, Kazimieras. *Rinkiniai raštai*. Bd. I (1958), II (1959), III (1961). Hg. von Zigmās Zinkevičius, Vilnius.
- Fraenkel = Fraenkel, Ernst. *Litauisches etymologisches Wörterbuch*. Zwei Bde. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht und Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1962-1965.
- Klingenschmitt, Gert 1982. *Das altarmenische Verb*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag.
- Kuryłowicz, Jerzy 1968. *Indogermanische Grammatik*. Bd. II: *Akzent, Ablaut*, Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.

<sup>10</sup> Vgl. etwa *gjžta, gjžo, gjžti* '(von der Milch) wird sauer' < \**ginž-sta*, Wz. *giž-* (mit Verallgemeinerung der Länge aus dem Prs.; daneben *gjžta, gižo, gižti* dss.).

<sup>11</sup> S. Kuryłowicz 1968, §243, Klingenschmitt 1982, 186, Anm. 29.

<sup>12</sup> Eine andere etymologische Analyse erwägt für *singslo* Mažiulis 1997, 111f.: \**zing-slā-* als Ableitung eines dem lit. *žengiù, žėngti* 'aus-, dahin-, einherschreiten, einen Schritt tun' (*žiņgnis, -io* m. 'Schritt') entsprechenden apr. Verbs (Wz. \**g<sup>h</sup>eng<sup>h</sup>-*). Zur semantischen Begründung zieht der Autor die lit. ma. Redensart *tešlā jau váikšto* 'der Teig geht schon auf', mit übertragenem Gebrauch von *váikštyti* '(auf den Füßen) gehen', heran.

- LIV = *Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen*. Unter Leitung von H. Rix, unter der Mitarbeit vieler anderer bearbeitet von M. Kümmel, Th. Zehnder, R. Lipp, B. Schirmer. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1998.
- LKŽ= *Lietuvių kalbos žodynas*, Bde. I-XX, Vilnius 1941-2002.
- Mažiulis, Vytautas. *Prūsų kalbos etimologijos žodynas*, Bd. 4. Vilnius, 1997.
- ME = Mühlenbachs, Karl. *Latviešu valodas vārdnīca / Lettisch-deutsches Wörterbuch*, redigiert, ergänzt und fortgesetzt von J[ānis] Endzelīns, Bde. I-IV. Rīgā: Kultūras fonda izdevums, 1923-1932.
- Sadnik, Linda & Aitzetmüller, Rudolf. *Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten*. 's-Gravenhage u. Heidelberg: Mouton in Verbindung mit Carl Winter Universitätsverlag, 1955. (Slavistische Drukken en Herdrukken, 6.)
- Trautmann, Reinhold 1923. *Baltisch-Slavisches Wörterbuch*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Vasmer, Max. *Russisches etymologisches Wörterbuch*, drei Bde., Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1953-1958.
- WLS = *Wörterbuch der litauischen Schriftsprache. Litauisch-Deutsch*, 5 Bde. Bearbeitet von M. Niedermann (Bde. 1-2), A. Senn (Bde. 1-5), Fr. Brender (Bd. 1) und A. Salys (Bde. 2-5). Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1932-1968.

*Zakład Językoznawstwa Indoeuropejskiego, Uniwersytet Jagielloński w Krakowie  
al. Mickiewicza 9/11, 31-120 Kraków, Polska  
wsmocz@vela.filg.uj.edu.pl*





Účastníci konference „Etymologické symposion“ Brno 2002





ETYMOLOGICKÝ SLOVNÍK  
JAZYKA STAROSLOVĚNSKÉHO

ETYMOLOGICAL DICTIONARY OF THE  
OLD CHURCH SLAVONIC LANGUAGE

*Edited by: Eva Havlová and Adolf Erhart*

The first etymological dictionary of the Old Church Slavonic follows the tradition of the monumental *Lexicon linguae Palaeoslovenicae* in size, layout and the extent of the vocabulary. It will be published in fascicles, one fascicle every 1–2 years; the expected number of fascicles is 18.

With the comprehensive bibliography, and the completeness of the explanations involved, the dictionary can be used as a dictionary of Proto-Slavonic, or other Slavonic languages. The dictionary is relevant for the study of prehistory, ethnography, and history of the Slavonic culture and civilization.

**Published:**

- Fasc. 1: Úvod. Bibliografický aparát. *A – blagŕ*. Praha, Academia (Publishing House of the Academy of Sciences of the Czech Republic) 1989, 64pp.  
Fasc. 2: *blagŕ* – dělo. Praha, Academia 1990, 64 pp.  
Fasc. 3: *dělo – gospodŕ*. Praha, Academia 1992, 64 pp.  
Fasc. 4: Doplnky k bibliografickému aparátu I. *gostŕ – istonŕti*. Praha, Academia 1994, 64 pp.  
Fasc. 5: *istopiti se – kleti*. Praha, Academia 1995, 64 pp.  
Fasc. 6: *kleti – kuditi*. Praha, Academia 1996, 64 pp.  
Fasc. 7: *kuditi – luna*. Praha, Academia 1997, 64 pp.  
Fasc. 8: Doplnky k bibliografickému aparátu II. *luna – mrŕcati*. Praha, Academia 1998, 64 pp.  
Fasc. 9: *mrŕcati – obrŕsti*. Praha, Academia 1999, 64 pp.  
Fasc. 10: *obrŕsti – patěna*. Praha, Academia 2000, 64 pp.  
Fasc. 11: *patrachŕ – -pŕditi*. Praha, Academia 2002, 64 pp.

Etymologické oddělení  
Ústav pro jazyk český  
Akademie věd České republiky  
Veveří 97  
602 00 Brno  
Česká republika

Tel. and Fax: +420-532290163  
E-mail: etim@iach.cz

STUDIA ETYMOLOGICA BRUNENSIA

2

Sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference

*Etymologické symposion Brno 2002,*

pořádané etymologickým oddělením Ústavu pro jazyk český AV ČR

v Brně ve dnech 10. - 12. září 2002

Editorky: Ilona Janyšková a Helena Karlíková

Sázeno systémem L<sup>A</sup>T<sub>E</sub>X v etymologickém oddělení Ústavu pro jazyk český AV ČR v Brně

Za finanční podpory Grantové agentury České republiky vydalo  
etymologické oddělení Ústavu pro jazyk český Akademie věd České republiky  
v NLN, s.r.o. – Nakladatelství Lidové noviny, Jana Masaryka 56, Praha 2

ISBN 80-7106-654-0

Vydání první

stran 460

Praha 2003